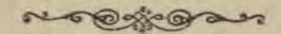

ВОПРОСЫ ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

М. Г. МОРГУЛИСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау, Площадь Большого Театра, 2.
1889.

Посвящается сыну моему

Студенту ЭММАНУИЛУ МОРГУЛИСУ.

ВОПРОСЫ ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ АВТОРА.

Изслѣдованіе еврейскаго вопроса является не дѣломъ *предвзятаго направленія*, а дѣломъ *правды*. *Первое*, при всей *всеобщности* изслѣдуемой задачи, не можетъ отрѣшиться отъ *односторонности*; *вторая*, при всей *специальности* изслѣдуемаго предмета, не можетъ не носить на себѣ *отпечатка всесторонности*. Нерѣдко самая серьезная печать, отличающаяся даже радикальностью воззрѣній, впадаетъ въ совершенно ложный тонъ при обсужденіи еврейскаго вопроса. Напротивъ, совершенно спеціальный изслѣдователь еврейскаго вопроса не расходится нерѣдко съ общими началами правды и справедливости. Рѣшающее значеніе всегда даетъ точка отправленія, методъ изслѣдованія. Примѣненіе однихъ и тѣхъ-же пріемовъ при изслѣдованіи *общей* и *спеціальной* правды (да извинятъ насъ за такое различіе, не нами созданное) избавляетъ отъ ошибокъ и заблужденій. Одинаковые вѣсы, одинаковыя мѣры для всѣхъ—самое спасительное правило при изслѣдованіи истины. Спеціальный изслѣдователь еврейскаго вопроса, серьезно относящійся къ своему предмету, не можетъ грѣшить противъ общечеловѣческихъ воззрѣній на соціально-гражданскій бытъ, потому что во имя ихъ онъ ратуетъ за обособленную отъ цѣлаго часть. Его основная точка зрѣнія—*общность* и *единеніе*, не противорѣчащія истинѣ. Изслѣдователь-же общихъ вопросовъ, не отличающійся высокимъ безпристрастіемъ, выдѣляетъ изъ общаго строя жизнь отдѣльной части, оправдывая обособленность какою-то роковою необходимостью. Во имя

розни онъ отстаиваетъ status quo общихъ условій, не замѣчая, что ими-же эта рознь питается и живетъ и что въ общемъ ходѣ изслѣдованія вопросовъ внутренней жизни онъ самъ-же противъ нихъ возстаетъ. Основная точка зрѣнія его—*разобщенность*, противорѣчащая истинѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при общей неумѣлости изслѣдовать спеціальный вопросъ въ связи съ общими, вѣтвь которыхъ онъ составляетъ, бывали и есть выдающіеся умы, которые понимали основныя стороны этихъ вопросовъ и отыскивали общій ихъ корень. Но ихъ такъ мало, воззрѣнія ихъ такъ изолированы въ общемъ хорѣ будничной печати, что голосъ ихъ заглушается крикомъ *непрошенныхъ воителей во имя народныхъ интересовъ*. Такіе скромные и солидные ученые, какъ Н. И. Пироговъ и В. Соловьевъ, вполнѣ основательно взглянули на еврейскій вопросъ: одинъ съ точки зрѣнія *государственной пользы*, наиболѣе доступной въ практическомъ смыслѣ, а другой—съ точки зрѣнія *общечеловѣческой морали и государственной политики*. Какъ представители настоящей, философской истины, они не останавливаются на частныхъ фактахъ, которые одинаково поддаются обобщенію въ томъ или другомъ смыслѣ, дружелюбномъ или враждебномъ, а на основныхъ началахъ, освѣщеніе которыхъ разумомъ истины указываетъ на общность условій, присущихъ и каждой отдѣльной сферѣ и создающихъ въ каждой изъ нихъ и добродѣтели и пороки. Трудъ великаго ума, вызванный глубокою любовію къ истинѣ, отличается всѣми ея достоинствами. Онъ составляетъ плодъ глубокой мысли, плодъ безпристрастнаго анализа, который, при изученіи сущности предмета, не уклоняется въ сторону и не теряетъ изъ вида путеводной звѣзды—*правды*. Не то бываетъ съ людьми, погрязающими въ низменностяхъ вопроса: выдавая частный фактъ за общее начало, они по-

вторяются съ тѣмъ-же постоянствомъ, съ какимъ разнообразіе жизни создаетъ ихъ, и въ увлеченіи самообмана вводятъ въ заблужденіе другихъ. Еврейскій вопросъ превращается въ торжище фактами, сужденье о которыхъ ничего общаго съ изслѣдованіемъ истины не имѣетъ, а приложеніе того-же метода къ болѣе общимъ условіямъ жизни могло-бы, напротивъ, привести тѣхъ-же изслѣдователей въ простое изумленіе и вполнѣ убѣдить ихъ въ совершенной несостоятельности самыхъ пріемовъ изслѣдованія.

Кто возьметъ на себя трудъ ознакомиться съ содержаніемъ этой книги, отрѣшившись отъ предвзятыхъ взглядовъ, тотъ убѣдится въ томъ, что мною руководило желаніе съ одной стороны указать *способы улучшенія матеріальнаго и нравственнаго быта евреевъ по ихъ собственной иниціативѣ*, а съ другой обратитъ вниманіе на *отсутствіе цѣлесообразности въ стѣснительныхъ мѣрахъ не только въ интересахъ евреевъ*, но *въ интересахъ кореннаго населенія*. Кто прослѣдитъ отдѣльные вопросы, затрогиваемые нами, тотъ вмѣстѣ съ нами убѣдится въ томъ, что явленіе народной жизни, соціально-экономическое, или бытовое, возникаетъ, слагается и развивается по однимъ и тѣмъ-же законамъ и что самое отступленіе отъ общихъ законовъ, вызываемое особыми условіями, составляетъ, въ свою очередь, выраженіе общаго закона, по которому видоизмѣненіе причинъ влечетъ за собою видоизмѣненіе и послѣдствій. *Разница заключается не въ самыхъ явленіяхъ жизни и не въ законахъ, руководящихъ ими*, а *въ отношеніяхъ людей къ нимъ:* одни приводятъ частныя явленія къ болѣе общимъ основаніямъ, отыскивая въ послѣднихъ объясненіе и объединеніе первыхъ; другіе же видятъ въ частныхъ явленіяхъ особенности, присущія исключительно данной средѣ и ведущія къ розни. Различіе во взглядахъ заключается въ

томъ, что послѣдняя категорія пренебрегаетъ общеизвѣстными пріемами изслѣдованія истины: она отлично ихъ знаетъ и понимаетъ, но не желаетъ ихъ знать и понимать; она драпируется въ тогу народныхъ интересовъ, но этою же тогою закрываютъ глаза отъ истины. Мы не думаемъ нисколько дѣйствовать убѣжденіемъ на эту категорію людей: она лучше насъ знаетъ свои вожделѣнія, тѣ цѣли, которыя она себѣ поставила, и тотъ путь, который къ нимъ ведетъ. Мы имѣемъ въ виду читателя, который, съ одной стороны не закоренѣлъ въ предразсудкахъ, а съ другой—желаетъ добиться истины въ вопросахъ еврейской жизни. Насъ не обманываетъ увѣренность въ томъ, что такихъ людей не мало еще находится въ Россіи, и въ этой увѣренности считаемъ не безцѣльнымъ изданіе собранія статей, въ которыхъ различныя стороны еврейскаго вопроса освѣщаются съ точки зрѣнія историческихъ и современныхъ условій. Правда, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не смотря на все желаніе быть вполнѣ объективнымъ, проскальзываетъ рѣзкость тона и субъективность настроенія. Но это объясняется именно временемъ, въ которое эти статьи писались и отношеніемъ русской печати къ событіямъ 1871 и 1881 гг., когда причину *разгрома исключительно бѣдныхъ классовъ еврейскаго населенія* отыскивали въ *эксплоатаціи* кореннаго населенія. Мы никогда не относились, и въ эту пору, съ предубѣжденіемъ къ русскому народу, никогда его не винили и винить не могли въ томъ, что непосредственно, но не интеллектуально имъ сдѣлано. Напротивъ, всѣ наши симпатіи на сторонѣ русскаго народа, который хорошо понимаетъ свои отношенія къ евреямъ и не евреямъ; но теперь считаемъ неумѣстнымъ говорить объ этомъ. Когда-нибудь исторія дастъ правдивую оцѣнку печальнымъ событіямъ того времени, и окажется, что въ нихъ далеко не виноватъ народъ, хотя онъ

былъ фактическимъ дѣятелемъ погромовъ. Мы не могли освободиться отъ сильныхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ находились всѣ евреи, чтобы не упрекнуть интеллигентной русской печати (въ лицѣ одного, впрочемъ, органа) въ двусмысленной игрѣ съ народными чувствами. (Еврейскій вопросъ въ его основаніяхъ и частностяхъ 1871 г. и Николай Ивановичъ Пироговъ 1881 г.). Но за то съ другой стороны мы отнеслись съ тою-же рѣзкостью къ нашимъ собственнымъ погромщикамъ („Самоотреченіе и самоосвобожденіе"), о которыхъ нѣкоторые услужливо прокричали по всей Россіи, но направленіе которыхъ намъ, ближе къ нимъ стоящимъ, было хорошо извѣстно и въ настоящее время такъ правдиво разоблачается представителями христіанской церкви. За исключеніемъ этихъ статей, надѣемся, читатель не найдетъ никакихъ другихъ, въ которыхъ было бы нарушено объективное отношеніе къ дѣлу. Мы оставили всѣ статьи безъ переработки, желая сохранить ихъ въ томъ-же видѣ, въ какомъ онѣ появлялись въ печати въ свое время. Это дастъ болѣе наглядное представленіе объ отношеніяхъ автора къ своему дѣлу, сохраняя также и историческое развитіе его міровоззрѣнія на вопросъ, который онъ подвергаетъ своему изслѣдованію. Намъ казалось менѣе важнымъ удержаніе въ статьяхъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ недостатковъ, чѣмъ подвергать ихъ исправленіямъ и сглаживаніямъ, которыя могли-бы вліять на измѣненіе ихъ характера и современности взгляда автора на вопросъ.

М. Моргулисъ.

быть фанатическимъ дѣятелемъ погромовъ. Мы не могли освободиться отъ сильныхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ находились всѣ евреи, чтобы не упрекнуть интеллигентной русской печати (въ лицѣ одного, впрочемъ, органа) въ двусмысленной игрѣ съ народными чувствами. („Еврейскій вопросъ въ его основаніяхъ и частностяхъ 1871 г. и Николай Ивановичъ Пироговъ 1881 г.“). Но за то съ другой стороны мы отнеслись съ тою же рѣзкостью къ нашимъ собственнымъ погромщикамъ („Самоотреченіе и самоосвобожденіе“), о которыхъ нѣкоторые усердно прокричали по всей Россіи, но направленіе которыхъ намъ, близко къ нимъ стоящимъ, было хорошо извѣстно и въ настоящее время такъ прямо разоблачается представителями христіанской церкви. За исключеніемъ этихъ статей, надѣемся, читатель не найдетъ никакихъ другихъ, въ которыхъ было бы нарушено объективное отношеніе къ дѣлу. Мы оставили всѣ статьи безъ переработки, желая сохранить ихъ въ томъ-же видѣ, въ какомъ онѣ появлялись въ печати въ свое время. Это даетъ болѣе наглядное представленіе объ отношеніяхъ автора къ своему дѣлу, сохраняя также и историческое развитіе его міросозерцанія на вопросъ, который онъ подвергаетъ своему изслѣдованію. Намъ казалось менѣе важнымъ удержаніе въ статьяхъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ недостатковъ, чѣмъ подвергать ихъ исправленіямъ и сглаживаніямъ, которыя могли-бы вліять на измѣненіе ихъ характера и современности взгляда автора на вопросъ.

М. Моргулисъ.

КЪ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Періодъ I.

Начало образованія русскихъ евреевъ относится къ сороковымъ годамъ настоящаго столѣтія, т. е. къ тому времени, когда правительство взяло на себя иниціативу по устройству правильныхъ учебныхъ заведеній для евреевъ. Этимъ рѣшительнымъ шагомъ правительство произвело сильный переворотъ въ жизни русскихъ евреевъ, который нѣсколько напоминаетъ собою освобожденіе крестьянъ нашего отечества: все городское населеніе западнаго края, преимущественно состоявшее изъ евреевъ, пришло въ какое-то броженіе, почуявъ, что предпринимается свыше для преобразованія его умственнаго и нравственнаго быта; всѣ евреи какъ-то смутно понимали ту свободу, которой ревнители реформы ожидали съ такимъ томительнымъ чувствомъ и которую они встрѣтили съ рѣдкимъ воодушевленіемъ. Ставъ ближе къ матеріалу, относящемуся къ предмету первоначальнаго преобразованія евреевъ, мы, признаться, сами невольно поддались всеобщему увлеченію, экзальтированному настроенію умовъ того времени, которыя были вызваны серьезною и настойчивою дѣятельностью министра народнаго просвѣщенія Уварова, человѣка гуманнаго и энергичнаго, не ограничивавшагося притомъ одними только словами, а умѣвшаго заинтересовать въ этомъ великомъ дѣлѣ другихъ министровъ и самого Государя. Конечно, современные намъ результаты об-

разованія евреевъ въ русскомъ духѣ, которые составляютъ слѣдствіе уклоненій отъ первоначальнаго плана, выработаннаго Уваровымъ, но не исполненнаго по недостатку силъ и энергіи его преемниками, нѣсколько охлаждаютъ въ насъ теплое чувство, возбужденное живыми впечатлѣніями эпохи возрожденія русскихъ евреевъ. Мы можемъ, поэтому, хладнокровнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣе оцѣнить все то, что совершалось въ то время съ цѣлью поднять умственный и нравственный уровень русскихъ евреевъ.

Для болѣе полнаго уясненія тогдашняго движенія въ еврейской жизни, вызваннаго стремленіями къ реформѣ, мы должны бросить взглядъ на положеніе евреевъ Россіи въ сороковыхъ годахъ. Надобно знать, что еще до вмѣшательства правительства въ дѣло образованія евреевъ уже были такіе уголки въ нашемъ отечествѣ, въ которыхъ, благодаря иностранному вліянію, существовали правильно устроенныя учебныя заведенія, учрежденныя по иниціативѣ самихъ евреевъ. Въ центрѣ Новороссійскаго края—въ Одессѣ, которая, по коммерческому своему значенію, привлекла къ себѣ многихъ иностранныхъ евреевъ, очень рано образовались правильныя школы, возникшія по иниціативѣ самихъ евреевъ и содержавшіяся на ихъ собственныя средства. Еще до сороковыхъ годовъ еврейскія училища Одессы процвѣтали подъ управленіемъ извѣстнаго своею ученостью и всестороннимъ образованіемъ директора Штерна. Подъ вліяніемъ и по образцу одесскихъ училищъ образовалось также училище въ Кишиневѣ, подъ управленіемъ директора почтеннаго и всѣми уважаемаго доктора Гольденталя *, а затѣмъ, если не ошибаемся, подъ управленіемъ бывшаго инспектора житомірскаго раввинскаго училища, покойнаго Эйхенбаума. Но еще замѣчательнѣе училище, возникшее въ Ригѣ въ 1838 году по ходатайству шлокской еврейской общины и процвѣтавшее подъ

* См. Neuere Geschichte der Israeliten von 1815 bis 1845 von D-r I. M. Iost. Berlin. 1846.

управленіемъ доктора Ліліенталя, человѣка, пріобрѣвшаго себѣ громкую извѣстность между русскими евреями своей дѣятельностью по учрежденію еврейскихъ школъ въ Россіи, которой мы ниже удѣлимъ особое мѣсто. Прошеніе, поданное шлокскимъ еврейскимъ кагаломъ, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, по которымъ легко удостовѣриться, насколько кагалъ, даже въ періодъ признанія его закономъ и полнаго процвѣтанія, составлялъ *подпольную* корпорацію съ *талмудически-республиканскими* стремленіями. Въ прошеніи между предметами преподаванія указываются: чтеніе и чистописаніе русское, русская грамматика и въ особенности отечественная исторія. Далѣе говорится въ немъ, что главный учитель долженъ быть иностранецъ еврейскаго исповѣданія, который былъ бы «образованъ въ духѣ чистаго просвѣщенія», и, кромѣ того, долженъ быть «одинъ *русскій* учитель, имѣющій училищный аттестатъ въ основательномъ знаніи русскаго языка». Относительно учебныхъ книгъ, кагалъ постановляетъ, что онѣ должны быть такія-же, какія употребляются «во всѣхъ христіанскихъ школахъ», а порядокъ преподаванія предметовъ долженъ, по предположенію кагала, соотвѣтствовать «общимъ постановленіямъ, сдѣланнымъ для училищъ въ государствѣ»; экзаменъ же долженъ пройзводиться «подобно какъ въ христіанскихъ школахъ». Школа эта возникла по инидіативѣ самаго кагала, но обращеніе къ содѣйствію правительства объясняется тѣмъ, что шлокскій кагалъ хотѣлъ установить для содержанія школы особый сборъ, утвержденіе котораго встрѣчало затрудненія въ министерствѣ финансовъ, въ виду того, что въ немъ выработывались тогда общія правила объ устройствѣ коробочныхъ сборовъ для евреевъ, и нельзя было, такимъ образомъ, допустить устройство особаго сбора съ отступленіемъ отъ общихъ правилъ. Но какъ бы то ни было, по представленію министра Уварова, Государь Императоръ, признавъ прошеніе шлокскаго кагала «заслуживающимъ вниманія», повелѣлъ министру народнаго просвѣщенія войти по этому предмету въ сношеніе съ министрами

внутреннихъ дѣлъ и финансовъ *. Изъ этого видно, что еще до правительственнаго вмѣшательства школы учреждались уже самими еврейскими обществами и кагалами. Результаты, достигнутые рижской школой были не менѣе блистательны, чѣмъ одесскихъ и кишиневской. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Уварова, въ которомъ излагаются главныя основанія образованія евреевъ, говорится, что приглашенный изъ Германіи докторъ Лиліенталь, изъ евреевъ, по засвидѣтельствованію начальства, оказалъ «превосходныя способности и пламенное усердіе при учрежденіи рижскаго училища», причемъ приводится донесеніе ординарнаго профессора дерптскаго университета Розберга отъ 18 іюля 1840 года слѣдующаго содержанія: «Еврейская школа въ Ригѣ, такъ недавно возникшая подъ управленіемъ опытнаго, благонамѣреннаго и основательнаго ученаго директора Лиліенталя, уже успѣла развиться и находится въ цвѣтущемъ состояніи. Удовольствіемъ считаю свидѣтельствовать объ изумительныхъ тамъ успѣхахъ въ географіи, исторіи, грамматикѣ нѣмецкой, ариѳметикѣ и даже русскомъ языкѣ. Настоящее положеніе этого свѣжаго разсадника просвѣщенія, превосходящее самыя смѣлыя ожиданія, обѣщаетъ оному радостную, блестящую будущность» **.

За этими немногими исключеніями, которыя должно считать неминуемымъ слѣдствіемъ иностраннаго вліянія, обнаруживавшагося съ особою силою на южной и сѣверо-западной окраинахъ Россіи, все прочее русское еврейство было чуждо европейскаго образованія. Евреи западныхъ губерній, въ которыхъ главнымъ образомъ скучилось еврейское населеніе, привлеченное туда разными льготами и привиллегіями польскихъ

* Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ второй, 1825—1855. С.-Петербургъ, 1864 г., стр. 1173—1179.

** См. всеподданнѣйшій докладъ Уварова въ дополненіи къ сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1808—1864 г. С.-Петербургъ, 1867 г.

королей для заселенія края и оживленія его въ промышленномъ отношеніи, вели борьбу за существованіе не только между собою, но и съ окружавшимъ ихъ населеніемъ,—борьбу, напоминавшую доброе старое время, когда польскіе короли должны были, въ огражденіе евреевъ отъ раззоренія ихъ другими народностями, подтверждать каждый разъ ихъ права новыми привиллегіями. Еще при Екатеринѣ и позднѣе, въ началѣ XIX ст., евреи ходатайствовали предъ правительствомъ объ огражденіи ихъ правъ, и сами по себѣ общія мѣры, вызванныя законами того времени, носили характеръ огражденія правъ евреевъ отъ окружающаго ихъ населенія. Въ западномъ краѣ еще въ началѣ XIX столѣтія не могла утихнуть борьба населявшихъ его народностей, которыя не въ состояніи были забыть свое корпоративное устройство на началахъ магдебургскаго права. Совершенно естественно, что и евреи этого края должны были вполнѣ сохранить остатки своего древняго быта—свой самосудъ, свои общественныя формы, свое національное право. Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи, сохранился старый патримоніальный взглядъ, подъ вліяніемъ котораго евреи разсматривались лишь какъ доходная государственная статья; поэтому-то мало заботились объ улучшеніи ихъ быта, а предоставляли ихъ самимъ себѣ, оставивъ въ силѣ кагалъ, какъ административно-хозяйственный органъ евреевъ, на которомъ лежала одна изъ труднѣйшихъ обязанностей—отвѣчать предъ правительствомъ въ точномъ отправленіи евреями податей и повинностей. Эта строгая отвѣтственность кагала предъ правительствомъ и круговая порука еврейскихъ обществъ предъ кагаломъ—сплотили еврейскія общины въ такія замкнутыя корпораціи, въ которыхъ трудно было отличить, кто съ кѣмъ ведетъ борьбу—кагалъ-ли съ народомъ, или народъ съ правительствомъ. Но надобно отдать справедливость мнѣнію одного изъ лучшихъ авторитетовъ по этому вопросу г. Франкеля, утверждающаго, что въ борьбѣ съ

другими корпораціями кагальное устройство евреевъ оказало спасительное вліяніе на послѣднихъ. Дѣйствительно, если безпристрастно обсудить дѣйствія кагала, то нельзя не сознаться, что мѣры его относительно охраненія матеріальныхъ интересовъ евреевъ, были-ли онѣ ошибочны или нѣтъ, во всякомъ случаѣ доказываютъ заботливость кагала о дѣйствительныхъ нуждахъ евреевъ. Въ еврейскомъ кодексѣ встрѣчаются нѣкоторыя относящіяся къ тому времени мѣры, которыя могутъ свидѣтельствовать, что еврейскія общины прилагали строгость кагальныхъ постановленій къ самимъ евреямъ. Это видно, напримѣръ, изъ постановленій, касающихся поселенія лицъ въ новой общинѣ, въ которыхъ высказываются мотивы, заслуживающіе вниманія: въ виду недостатка въ средствахъ къ существованію и тяжелыхъ государственныхъ повинностей, лежащихъ на общинахъ, поселеніе новыхъ членовъ изъ евреевъ допускается въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Такимъ образомъ, кагальное устройство—первоначальное созданіе магдебургскаго права и затѣмъ признанное русскимъ правительствомъ въ видахъ обезпеченія фискальныхъ своихъ интересовъ—сохранилось до начала сорокввыхъ годовъ, времени, къ которому относятся и первоначальныя мѣры правительства для образованія евреевъ. Кагальное устройство сохранило вмѣстѣ съ тѣмъ приверженность къ старинѣ, устарѣлыя понятія о вѣрѣ и народности, а къ этому присоединялись еще народная бѣдность и предразсудки извнѣ. Разумѣется, что необходимы были сильныя, энергическія мѣры для того, чтобы вызвать къ жизни прозябавшую массу евреевъ. Но вмѣсто этого, правительство рѣшилось привлечь евреевъ къ общему образованію, предполагая, что одного открытія доступа евреямъ въ общія заведенія уже достаточно для того, чтобы вырвать ихъ изъ удушливой атмосферы, въ которой они задыхались. Изъ положенія о евреяхъ 1804 года видно, что правительство само не придавало серьезнаго значенія сказанной мѣрѣ, и смотрѣло на нее какъ на опытъ, который, въ случаѣ неудачи, долженъ повести къ необходимости «установить

на счетъ ихъ (евреевъ) *особенныя* школы, опредѣливъ на сіе по усмотрѣнію правительства нужную подать» *. Мало знакомое съ бытомъ евреевъ, правительство шло въ этомъ дѣлѣ ощупью и дѣйствовало наугадъ. Тѣмъ не менѣе однако, еслибы правительство строго и послѣдовательно провело свои мѣры относительно общаго образованія евреевъ, оно, по крайней мѣрѣ, могло бы привлечь въ общія учебныя заведенія то незначительное меньшинство, которое уже стояло тогда выше общаго уровня, а это меньшинство могло бы мало-по-малу благотворно дѣйствовать на всю массу своихъ единовѣрцевъ. Но, къ сожалѣнію, когда это меньшинство рѣшилось въ самомъ дѣлѣ воспользоваться предоставленными ему правами, оно очень скоро убѣдилось въ томъ, что законы оставались для нихъ одною только мертвою буквою. Какъ извѣстно, положеніе 1804 года открываетъ евреямъ совершенно свободный доступъ въ общія заведенія русской имперіи. Правила объ образованіи евреевъ, выраженныя въ этомъ положеніи, проникнуты духомъ гуманности и высокой вѣротерпимости. Въ этихъ правилахъ говорится, что «никто изъ дѣтей еврейскихъ, бывъ въ училищѣ во время его воспитанія, не долженъ быть ни подъ *какимъ видомъ* отвлекаемъ отъ своей религіи», и что «тѣ изъ евреевъ, кои способностями своими достигнутъ въ университетахъ извѣстныхъ степеней отличія въ медицинѣ, хирургіи, физикѣ, математикѣ *и другихъ знаніяхъ*, будутъ въ оныхъ признаваемы и производимы въ университетскія степени наравнѣ съ прочими россійскими подданными» **. Указомъ же 10 иоября 1811 года студентамъ предоставлено было право исключенія изъ подушнаго оклада по окончаніи полнаго курса наукъ въ одномъ изъ университетовъ. Къ чести евреевъ надобно сказать, что, не смотря на то, что въ то время едва-ли можно было разсчитывать на осуществленіе закона на практикѣ, они, дѣйствитольно, стали посѣ-

* Дополн. къ Сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1864. С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 29.

** Тамъ же, стр. 28.

щать общія заведенія. Въ 1819 году правленіемъ виленскаго университета сдѣлано было представленіе объ исключеніи изъ подушнаго оклада оканчивающихъ въ немъ курсъ наукъ студентовъ-евреевъ, и въ предложеніи на имя этого правленія, въ которомъ признается за евреями право на исключеніе изъ оклада только по окончаніи полнаго курса наукъ, насъ поражаетъ, между прочимъ, одно мѣсто, прямо противорѣчащее началу вѣротерпимости, высказанному въ положеніи 1804 года. Предложеніе начинается слѣдующимъ образомъ: «На представленіе университетскаго правленія, касательно обучающихся въ виленскомъ университетѣ студентовъ изъ евреевъ, состоящихъ въ подушномъ окладѣ, отвѣтствую, что желающимъ изъ нихъ *нынѣ же принять христіанство* ничто не препятствуетъ привести въ дѣйство таковое благое и душеспасительное намѣреніе ихъ» *. Эти слова приводятъ насъ къ одному изъ двухъ заключеній: или что студенты-евреи для того, чтобы можно было имъ безъ затрудненій воспользоваться указомъ 10 ноября 1811 года, сами предложили принять христіанство, о чемъ умалчиваетъ, однако, извлеченіе изъ дѣла департамента народнаго просвѣщенія за № 7879; или же что этимъ студентамъ предложено было принять христіанство на тотъ случай, если они желаютъ воспользоваться правомъ исключенія изъ оклада. Въ обоихъ случаяхъ ясно сказывается то, что правительство далеко было отъ мысли уравнять евреевъ, получившихъ университетское образованіе, съ другими подданными, по крайней мѣрѣ, по отношенію исключенія изъ оклада. Какимъ же образомъ возможно было думать о томъ, чтобы евреи пріохотились къ общему образованію, когда, по окончаніи полнаго курса наукъ въ университетѣ съ ученою степенью, они должны были отправлять всѣ повинности наравнѣ съ евреями, не получившими никакого образованія, и могли достигать предоставленнато другимъ студентамъ права только по принятіи христіанства? Едва-ли

* Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщ., томъ первый, 1802—1834. С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 396.

подбныя мѣры можно считать поощреніемъ къ образованію евреевъ. Но еще раньше этого, въ 1816 году, студентъ изъ евреевъ, Симонъ Левинъ Вульфъ, окончивъ въ дерптскомъ университетѣ полный курсъ ученія, просилъ о допущеніи его къ испытанію на степень доктора юриспруденціи. Юридическій факультетъ далъ мнѣніе, по которому «еврей, доколѣ остается при своемъ исповѣданіи, не можетъ быть допущенъ къ полученію степеней университетскихъ по части юриспруденціи». Совѣтъ университета испрашивалъ на это разрѣшенія министерства, которое, «признавая съ своей стороны основательными причины, изложенныя по сему предмету въ донесеніи юридическаго факультета», испрашивало на это разрѣшеніе комитета гг. министровъ. Комитетъ министровъ, «по выслушаніи прилагаемой при семъ записки министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы евреи не были допускаемы къ полученію университетскихъ степеней по части юриспруденціи, признавъ основательнымъ разсужденіе юридическаго факультета университета дерптскаго, положилъ: оное утвердить»*. Насколько подобное утвержденіе согласно съ приведеннымъ выше мѣстомъ изъ положенія 1804 года, по которому евреи наравнѣ съ другими поданными имперіи допускаются къ испытанію на ученыя степени по физикѣ, математикѣ, хирургіи и *другихъ знаній*,—предоставляемъ судить читателю. Во всякомъ случаѣ видно, что соображенія юридическаго факультета, которыя могли быть основательными съ извѣстной точки зрѣнія, не только не коренились въ законѣ объ образованіи евреевъ, имѣвшемъ въ виду улучшеніе ихъ быта, но прямо ему противорѣчили. Въ 1836 году опять вольнопрактикующій лекарь изъ евреевъ, Іосифъ Бертензонъ, обратитился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбою объ опредѣленіи его на службу по медицинской части. На основаніи § 3 Высочайше утвержденнаго 14 ап-

* Сборникъ постановленій по М. Н. П., т. I, 1802—1825. С.-Петербургъ, 1864, стр. 802—803.

рѣля 1835 г. положенія о евреяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ о семъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, и на положеніе комитета о порядкѣ пріема на службу евреевъ, получившихъ ученыя степени по части медицинской, послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: «*не иначе, какъ въ однѣхъ западныхъ губерніяхъ*»*. Даже въ 1740 году, когда существовалъ уже положительный законъ о выдачѣ евреямъ, по удостоеніи ихъ ученыхъ степеней, дипломовъ и представленія ихъ, если принадлежатъ къ податному состоянію, къ исключенію изъ подушнаго оклада (статьи 191 и 182 V т. св. закон. уст. о подат., 79, 80 и 85 пункты приложенія къ 833 ст. IX т. св. зак. о состояніяхъ людей въ государствѣ), чрезъ министра народнаго просвѣщенія восходилъ до правительствующаго сената на разсмотрѣніе возбужденный правленіемъ дерптскаго университета вопросъ—«слѣдуетъ-ли евреямъ, по удостоеніи ихъ ученыхъ степеней, выдавать имъ въ томъ дипломы и могутъ-ли евреи податного состоянія быть представляемы въ такомъ случаѣ къ исключенію изъ подушнаго оклада», а исправляющій должность новороссійскаго генералъ-губернатора представлялъ объ исключеніи изъ купеческаго званія доктора медицины и акушера изъ евреевъ Артюра Рафаловича **. Собственно говоря, вопросъ, возбужденный правленіемъ дерптскаго университета, въ виду явнаго закона, равносиленъ другому: слѣдуетъ-ли примѣнять къ евреямъ существующіе о нихъ законы? Прибавимъ, однако, что правительствующій сенатъ указалъ на положительный законъ, разрѣшающій сомнѣніе дерптскаго университета. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ читателю возможно будетъ составить ясное понятіе о томъ, съ какими трудностями соединено было для евреевъ полученіе общаго образованія и какіе оно дало имъ результаты на практикѣ, когда, съ одной стороны, еврейская

* Сбор. постан., т. II, 1825—1855. Отд. пер. 1825—1849. С.-Петербургъ, 1864 г., стр. 935—936.

** Тамъ же. Отд. второй 1840—1855. С.-Петербургъ, 1864 г.

среда относилась съ предубѣжденіемъ къ образованнымъ своимъ единовѣрцамъ, а въ высшемъ слоѣ христіанскаго общества—въ факультетахъ, правленіяхъ и совѣтахъ университетовъ—они встрѣчались съ грубыми предразсудками, благодаря которымъ сомнѣвались даже въ возможности примѣненія къ евреямъ существующихъ для нихъ же законовъ, если эти послѣдніе проникнуты были духомъ терпимости,

Охарактеризовавъ въ существенныхъ чертахъ положеніе евреевъ до начала сороковыхъ годовъ и неудачныя попытки правительства къ улучшенію ихъ быта, мы перейдемъ къ періоду учрежденія въ Россіи еврейскихъ училищъ, которыя сразу подняли умственный уровень евреевъ. Но этому періоду мы, для большей ясности и полноты, считаемъ необходимымъ предпослать краткій очеркъ умственнаго состоянія евреевъ того времени въ Россіи,

Евреи чувствуютъ потребность въ умственной пищѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Тѣснимые сверху, преслѣдуемые снизу, въ особенности со стороны польскаго чиновничества, евреи западныхъ губерній находили единственное утѣшеніе въ изученіи источниковъ своей вѣры. При этомъ евреи сѣверо-западныхъ губерній приняли въ этомъ отношеніи направленіе совершенно противоположное тому, какое приняли евреи юго-западной Россіи. Первые сдѣлались строгими послѣдователями буквы талмуда, оберегателями религіозной догмы и правовѣрнаго іудейства, а вторые начали въ концѣ XVIII вѣка развивать новое ученіе, направленное противъ строгой обрядности. И тѣ, и другіе, разобщенные съ остальнымъ міромъ, видѣли въ своихъ стремленіяхъ необходимость въ удовлетвореніи своимъ духовнымъ потребностямъ тѣмъ или другимъ путемъ. Между этими двумя партіями, которыя стремились къ обновленію своей духовной жизни на почвѣ національной, стояла еще третья, самая малочисленная, жаждавшая европейскаго образованія. Разумѣется, что въ пору, когда евреи составляли замкнутую,

предоставленную самой себѣ корпорацію, образованіе считалось запретнымъ плодомъ, который надо было вкушать осторожно и тайно. Тѣ евреи, къ которымъ случайно проникалъ лучъ свободы и просвѣщенія, открывавшій имъ путь къ новой жизни, вынуждены были изучать языки и всѣ предметы европейскаго образованія на чердакахъ, въ погребахъ, въ мѣстахъ, гдѣ они болѣе или менѣе считали себя безопасными: эти люди составляя своего рода массонство, были истинными мучениками, о которыхъ не знали ни евреи, ни остальное человѣчество; они сходились какъ заговорщики, постоянно мечтавшіе о томъ, какъ бы найти гдѣ-нибудь опору своимъ стремленіямъ, какъ бы найти средства къ тому, чтобы можно было открыть глаза своимъ единовѣрцамъ и указать имъ на новый источникъ жизни, къ которому они случайно подошли и изъ котораго тайно черпали свѣжія силы, они сочувствовали всему новому; были между ними и такіе, которые знали объ умственномъ возрожденіи заграничныхъ евреевъ и о движеніи времени—и все это должно было прятаться въ закоулки и глохнуть. Люди этой партіи должны были играть двусмысленную роль, притворяться, потворствовать своимъ невѣжественнымъ единовѣрцамъ, лишь бы имѣть возможность вербовать новыхъ людей, увеличивать свой кругъ и купно дѣйствовать противъ невѣжества. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались такъ называемые «друзья новаго просвѣщенія»—цѣлыя общества новыхъ людей, имѣвшія своихъ членовъ въ разныхъ городахъ, которые дѣйствовали до того осмотрительно, до того были преданы своему дѣлу, что ихъ собственные единовѣрцы, въ средѣ коихъ они образовали особое государство, не открывали ихъ, а тѣ члены этого общества, которые попадались въ руки своимъ родителямъ, случайно нашедшимъ у нихъ книжку не стараго покроя, отставали, не выдавая, однако, своихъ друзей. Такихъ господъ родители обыкновенно женили и накладывали на нихъ ярмо семейной жизни, изъ-подъ котораго не такъ легко было

высвободиться. Но эти отпавшіе члены, которымъ общество соболѣзновало, честно хранили тайну: они очень хорошо знали, что съ открытіемъ ея все должно будетъ погибнуть, между тѣмъ какъ въ этихъ обществахъ молодыхъ людей лежалъ зародышъ будущаго возрожденія русскихъ евреевъ. Во главѣ одного изъ такихъ обществъ, развѣтвлявшагося во многихъ городахъ юго-западнаго края, стоялъ одинъ иностранный еврей, докторъ Роттенберъ, который настойчиво и энергично преслѣдовалъ свою цѣль, создавъ цѣлый кружокъ молодыхъ людей, изъ среды которыхъ вышли впослѣдствіи люди, призванные правительствомъ въ учители еврейскихъ школъ. Этотъ же Роттенбергъ, еще и теперь не перестающій работать на поприщѣ русскаго образованія, въ это далекое время мрака и невѣжества безвозмездно преподавалъ молодымъ людямъ разные предметы, поощрялъ многихъ къ образованію и давалъ имъ возможность сдѣлаться полезными своему народу. Этому же полезному труженику на поприщѣ образованія русскихъ евреевъ мы главнымъ образомъ обязаны тѣмъ, что докторъ Лиліенталь, охладѣвшій сначала къ дѣлу преобразованія русскихъ евреевъ, взялся снова за осуществленіе своего плана, указавъ министерству на сдѣлавшееся ему извѣстнымъ движеніе, происходящее внутри евреевъ и согласное съ духомъ и неправленіемъ самого правительства. Но объ этомъ послѣ; мы только хотѣли указать, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя для евреевъ условія того времени, среди всеобщей ненависти и герметическаго закрытія всѣхъ дверей къ выходу, между евреями находились люди съ возвышенными стремленіями, которые дѣлали свое дѣло втихомолку, надѣясь на успѣхъ, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ. Русское общество, которое еще теперь мало интересуется внутреннею жизнью евреевъ, конечно, ничего не знало о томъ, что происходило тогда между евреями, и относилось къ нимъ враждебно, чѣмъ и объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что лучшіе русскіе евреи тогдашняго времени воспитались въ

нѣмецкомъ духѣ, знакомились съ нѣмецкою литературою и нѣмецкою наукою; все же русское было имъ какъ будто чуждо: въ практической жизни они имѣли постоянно дѣло съ поляками; къ правительству они не стояли въ непосредственныхъ отношеніяхъ; въ отправленіи податей и повинностей ихъ заступалъ кагалъ. Русская литература глумилась надъ евреями, русское общество было такъ далеко отъ нихъ, а потому неудивительно, что евреи должны были пристраститься къ нѣмецкому просвѣщенію. Такимъ образомъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ большая часть евреевъ жила исключительною народною жизнью, а незначительное меньшинство рвалось всею мощью на новый путь свободы и просвѣщенія, и въ такомъ положеніи застали русскихъ евреевъ первыя серьезныя мѣры къ улучшенію ихъ быта, предпринятыя подъ вліяніемъ русскаго человѣка, о которомъ евреи всегда сохранятъ доброе воспоминаніе, какъ о честномъ дѣятелѣ, посмотрѣвшемъ на дѣло практически-вѣрно и искренне стремившемся сдѣлать евреевъ полезными гражданами. Гуманность и серьезный взглядъ на дѣло образованія русскихъ евреевъ министра Уварова заграничные евреи давно уже оцѣнили, и мы постараемся познакомить читателей съ этою свѣтлою личностью, изъ дѣятельности которой возможно будетъ убѣдиться въ томъ, что создавать гораздо труднѣе, чѣмъ разрушать, и что для достиженія положительныхъ цѣлей недостаточно одного только созданія законовъ, но необходимо еще энергически настаивать, чтобы ихъ исполняли.

Мы не знаемъ, будемъ ли мы имѣть полную возможность воспроизвести многознаменательную эпоху умственнаго возрожденія русскихъ евреевъ, къ которой относятся первоначальныя мѣры правительства по дѣлу объ учрежденіи еврейскихъ школъ: для этого намъ не достаетъ еще нѣкоторыхъ оффиціальныхъ матеріаловъ. При всемъ томъ мы надѣемся, однако, передать по возможности вполнѣ тѣ данныя, касающіяся этого періода, которыя находятся въ нашихъ рукахъ и собираніе которыхъ

намъ стоило неимовѣрныхъ усилій. Сверхъ обнародованныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ отчасти въ «сборникѣ постановленій и распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія», отчасти же въ заграничныхъ органахъ печати, живо интересовавшихся учрежденіемъ школъ для евреевъ, мы пользовались также записками и письмами доктора Лиліенталя, отчасти напечатанными уже въ нѣкоторыхъ иностранныхъ изданіяхъ, отчасти-же неизданными, а доставленными намъ въ подлинникахъ друзьями Лиліенталя, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ по интересующему насъ предмету. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы преимущественно обязаны доктору Роттенбергу, къ которому обратились какъ къ человѣку, доставлявшему Лиліенталю всѣ необходимыя статистическія свѣдѣнія, вошедшія цѣликомъ въ отчеты послѣдняго министру народнаго просвѣщенія. Доставленіемъ другихъ матеріаловъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и помѣщенныхъ въ иностранныхъ изданіяхъ, мы обязаны смотрителю одесскихъ еврейскихъ училищъ г. Гуровичу, который открылъ намъ свою училищную, богатую хорошими и рѣдкими произведеніями библіотеку. Кромѣ того многое позаимствовано нами у лицъ, близко знавшихъ Лиліенталя и переписывавшихся съ нимъ по предмету образованія русскихъ евреевъ, каковы напр., гг. Левенсонъ (медикъ въ Одессѣ) и Ратгаузъ (А. М.), о которомъ Лиліенталь часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ г. Роттенбергу. По всѣмъ этимъ матеріаламъ и свѣдѣніямъ постараемся воспроизвести планъ дѣйствій правительства относительно образованія евреевъ и отношеніе къ этому дѣлу образованныхъ и необразованныхъ евреевъ.

По мнѣнію доктора Лиліенталя, стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ министру Уварову и ежедневно работавшаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, мысль объ улучшеніи быта евреевъ посредствомъ образованія въ новомъ духѣ принадлежитъ самому Государю, а добросовѣстное, энергичное и разумное исполненіе—министру Уварову. Какъ видно,

само правительство пришло къ убѣжденію, что способъ образованія евреевъ, указанный въ положеніи 1804 г., оказался безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, что необходимо, поэтому, обратиться къ другой, указанной тамъ же системѣ образованія евреевъ въ особо учрежденныхъ для нихъ школахъ. Государь поручилъ подлежащимъ министерствамъ ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ евреевъ и, по зрѣломъ обсужденіи, представить ему свои предположенія о мѣрахъ къ улучшенію быта евреевъ. Первою мѣрою министерствъ было учрежденіе особыхъ комитетовъ при каждомъ генералъ-губернаторствѣ тѣхъ губерній, въ которыхъ евреямъ жить дозволялось. Такихъ комитетовъ учреждено было 6—въ Остзейскомъ краѣ, въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, въ Новороссійскомъ краѣ, въ Малороссіи и Бѣлорусіи. Составъ комитетовъ комплектовался изъ чиновниковъ и нѣкоторыхъ прикомандированныхъ къ нимъ евреевъ. Цѣль ихъ главнымъ образомъ состояла въ изысканіи мѣръ къ учрежденію должностныхъ губернскихъ раввиновъ, но при этомъ имъ поручено было также высказать свое мнѣніе о современномъ положеніи евреевъ и представить свои соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ къ его улучшенію. Комитеты должны были окончить къ январю 1841 г. свои работы, которыя послужили основаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій правительства по тому же предмету. Вслѣдъ за полученіемъ всѣхъ работъ мѣстныхъ комитетовъ, былъ приглашенъ въ министерство народнаго просвѣщенія директоръ рижскаго училища докторъ Лиліенталь, который имѣлъ совѣщаніе съ министромъ Уваровымъ. Лиліенталь говоритъ, что министръ съ искреннимъ прискорбіемъ рисовалъ ему бѣдственное и унизительное положеніе русскихъ евреевъ и въ каждой мысли обнаруживалъ глубокое знаніе и изученіе характера этой націи; что министръ въ увлекательной рѣчи отдавалъ честь великой мысли своего Монарха и съ свойственнымъ ему жаромъ говорилъ о благотворныхъ послѣдствіяхъ ея осуществленія, что искреннею радостію сверкало лицо его, когда онъ раскрывалъ

предъ нимъ планъ преобразованія быта евреевъ посредствомъ учрежденія еврейскихъ школъ. На Лиліенталя возложено было порученіе вступить въ переписку съ знаменитѣйшими германскими учеными евреями съ цѣлію опредѣлить, сколько иностранныхъ евреевъ можно будетъ привлечь въ качествѣ учителей имѣющихъ учредиться школъ, и кромѣ того приступить къ предварительнымъ трудамъ по выработкѣ проектовъ, плановъ и предположеній подъ личнымъ руководствомъ министра *. Германскіе евреи съ энтузіазмомъ встрѣтили мѣру русскаго правительства объ учрежденіи школъ: многія еврейскія общины присылали на имя русскаго Государя восторженные адресы, въ которыхъ они съ благоговѣніемъ выражали свое сочувствіе великой его мысли; извѣстные еврейскіе ученые и литераторы, каковы: Іостъ, Гейгеръ, Филиппсонъ, Леви, Мангеймеръ, Ауербахъ и другіе, спѣшили выразить министру Уварову свою глубокую признательность за его высокія стремленія къ устроенію быта евреевъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра говорится по этому поводу слѣдующее: «Вообще едва можно себѣ представить восторгъ иностранныхъ ученыхъ евреевъ и впечатлѣніе, произведенное на нихъ величественною мыслію преобразованія въ Россіи евреевъ путемъ просвѣщенія. Позвольте, Всемилостивый Государь, помѣстить здѣсь нѣкоторыя выписки изъ сообщенныхъ мнѣ по сему предмету писемъ». Затѣмъ приводятся выписки изъ писемъ доктора Ауэрбаха (берлинскаго проповѣдника), доктора Филиппсона (редактора «Zeit. des Iudenthums») и баварскаго ученаго доктора Леви. «Воля Великаго Государя,—пишетъ Ауэрбахъ,—преобразовать нашихъ единовѣрцевъ мѣрами столь рѣшительными и несомнѣнными является намъ всѣмъ какъ посланіе Божіе неожиданное, благодѣтельное. Исполненіе сего высокаго намѣренія положитъ начало новой эрѣ исторіи Израиля, и самая надежда на пожалованіе впослѣдствіи правъ гражданскихъ нашимъ одноплеменникамъ ничего

* См. „Zeitung des Judenthums“ 1842 г. № 41.

не значитъ въ сравненіи съ нравственнымъ благодѣяніемъ, которое изливаетъ на нихъ учрежденіе училищъ. Какія бы ни были причины бѣдственнаго состоянія евреевъ въ Россіи, самое величайшее для нихъ несчастіе состоитъ въ грубомъ невѣжествѣ, въ отчужденіи отъ европейскаго образованія. И такъ, не есть-ли мысль выспренняя, божественная, достойная Великаго Монарха, совершить, такъ сказать, однимъ ударомъ нравственное преобразованіе народа, погрязавшаго многія столѣтія въ самомъ унизительномъ состояніи, и замѣнить въ радость и надежду глубокое бѣдствіе милліона людей. Въ совершеніи воли Великаго Государя я вижу исполненіе мессіяническихъ обѣщаній: познанія покроютъ земли, какъ вода морскія бездны. Училища произведутъ лучшія дѣйствія, нежели всякія другія распоряженія, упрочивъ духовное перерожденіе на началахъ нравственности, безъ которыхъ въ самомъ свободномъ гражданскомъ быту не можетъ созрѣвать просвѣщенный образъ мыслей». Филиппсонъ писалъ: «Какая царская мысль, какая величественная мѣра, единственная и въ преданіяхъ нашей вѣры и въ исторіи народовъ! Она, конечно, встрѣтитъ нѣкоторыя затрудненія, но за то доставитъ Великому Монарху милліонъ вѣрныхъ и разсудительныхъ подданныхъ. Исторія германскихъ евреевъ показываетъ, сколь быстры бываютъ ихъ успѣхи, если они взойдутъ одинъ разъ на поприще образованія; чего же не ожидать отъ нихъ, если путь къ тому будетъ указанъ десницею Царя и безпримѣрнымъ его снисхожденіемъ!» Докторъ Леви писалъ: «Да благословитъ Богъ предпріятіе, которое прославитъ, если возможно, еще болѣе имя могущественнаго Монарха въ исторіи человѣчества и сдѣлаетъ его предметомъ благодарнаго уваженія всего Израиля. Взоры всѣхъ просвѣщенныхъ евреевъ издавна обращены къ сѣверу, и мы принимаемъ съ удивленіемъ и благоговѣніемъ все, что съ нѣкотораго времени дѣлается въ Россіи къ спасенію Израиля» *. Это всеобщее воодушевленіе

*) Дополненіе къ Сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1864 г. С.-Петербургъ, 1867 г. О преобразованіи евреевъ и о

иностранныхъ евреевъ доказываетъ, что они поняли высокую задачу еврейскихъ училищъ. Русское правительство, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада Уварова, думало сначала пригласить въ учители новыхъ школъ иностранцевъ, которые были уже отрекомендованы частнымъ образомъ въ числѣ 200 человѣкъ и о благонадежности которыхъ правительтство наше даже собирало оффиціальныя свѣдѣнія. Но почему правительство послѣ отказалось отъ этой мысли—потому-ли, что оно впослѣдствіи убѣдилось, что и въ средѣ русскихъ евреевъ есть люди съ достаточнымъ образованіемъ для занятія учительскихъ должностей, потому-ли, что оно считало онѣмеченіе евреевъ противнымъ образованію ихъ въ русскомъ духѣ, потому-ли, наконецъ, что Лиліенталь впослѣдствіи оставилъ Россію—мы до сихъ поръ не знаемъ. Вѣроятнѣе намъ кажется первая причина—потому, что правительство, при первоначальныхъ своихъ намѣреніяхъ, такъ же мало знало евреевъ, какъ и русское общество, и вовсе не подозрѣвало о существованіи между евреями цѣлой партіи людей, познакомившихся съ общечеловѣческимъ образованіемъ, и лишь впослѣдствіи, поручивъ Лиліенталю, во время его поѣздки, освѣдомиться о евреяхъ, отличающихся знаніемъ въ наукахъ, и получивъ его сообщенія объ этомъ, оно, вѣроятно, убѣдилось, что незачѣмъ тратить особыя деньги (отъ 15,000 до 20,000 р.) * *на путевыя издержки и пособія заграничнымъ учителямъ*. Первая попытка къ учрежденію еврейскаго училища, еще до приведенія въ дѣйствіе общихъ мѣръ, начинается съ ходатайства почетнаго гражданина Ниссена Розенталя, вслѣдствіе котораго Лиліенталю было поручено отправиться для этой цѣли вмѣстѣ съ Розенталемъ въ Вильну для основанія тамъ еврейскаго училища. Вмѣстѣ съ этимъ возложено было на Лиліенталя изучить направленіе и образъ мыслей виленскаго еврейскаго общества и сообразно съ этимъ обсудить—въ какомъ

мнѣніи по сему предмету за границею, изъ дѣла департ. народн. просв. за № 80057 а, стр. 698, 699, 670.

* Тамъ-же, стр. 698.

духѣ и на какія средства слѣдуетъ учреждать еврейскія училища, можно-ли будетъ послѣ того оставить въ томъ же видѣ выработанныя по этому предмету предположенія, или же нужно будетъ ихъ подвергать измѣненіямъ, принаравливаясь къ даннымъ потребностямъ еврейскихъ обществъ. Получивъ предписаніе директора департамента народнаго просвѣщенія Ширинскаго-Шахматова, Лиліенталь отправился въ Вильну. Здѣсь онъ впервые встрѣтился съ людьми, о которыхъ онъ зналъ только по наслышкѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ, воспитанныхъ въ духѣ мендельсоновской школы и прозванныхъ потому «берлинцами», всѣ прочіе евреи своимъ внѣшнимъ видомъ и образомъ мыслей поразили Лиліенталя. Тутъ-то онъ убѣдился, что ему придется не мало бороться съ этою массою, пока ему удастся убѣдить ее въ благонамѣренныхъ видахъ правительства. Лиліенталь отзывается о виленскихъ евреяхъ того времени въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Большіе знатоки талмуда и раввинской литературы, они все-таки вполнѣ невѣжественны во всѣхъ прочихъ наукахъ и свѣтскихъ предметахъ знанія, исполнены предразсудковъ и суевѣрія и погружены въ пучину дикаго, непонятнаго и почти невѣроятнаго хассидизма». Сто выборныхъ еврейскаго общества собралось вмѣстѣ, чтобы выслушать предположенія правительства о новыхъ преобразованіяхъ. Когда Лиліенталь вошелъ въ залъ засѣданія, онъ почувствовалъ себя одинокимъ среди всѣхъ этихъ странныхъ фигуръ; онъ былъ, говоря его собственнымъ языкомъ, единственный «Deitschel» * между исключительно польскими евреями. Предсѣдатель собранія, богатый человѣкъ, но весьма неблаговидной наружности, великій талмудистъ, но безъ всякаго образованія, имѣвшій огромное вліяніе на массу, какъ своимъ богатствомъ, такъ и своимъ ортодоксальнымъ направленіемъ, привѣтствовалъ Лиліенталя именемъ всего общества. Лиліенталь передалъ собранію въ краткихъ словахъ намѣреніе правительства къ улуч-

* Нѣмчикъ.

шенію быта евреевъ путемъ образованія. «Министръ Уваровъ, другъ евреевъ, — сказалъ Лиліенталь, — поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы не выпустили изъ рукъ настоящаго случая, какъ во время покойнаго государя Александра, когда призванные въ столицу еврейскіе депутаты отпущены были съ величайшею немилостью. Желаніе министра, чтобы евреи учреждали училища сообразно съ духомъ и потребностями времени, прежде чѣмъ правительство вынуждено будетъ заставить ихъ это сдѣлать». При этомъ Лиліенталь высказалъ надежду, что виленское общество, оказывающее такое громадное вліяніе на всѣ еврейскія общества Россіи, покажетъ имъ первый примѣръ и такимъ образомъ сдѣлается благодѣтелемъ своего племени. Молодое поколѣніе, проникнутое прогрессивнымъ направленіемъ, хорошо знавшее еврейскій, русскій, польскій, нѣмецкій и даже французскій языки, втихомолку торжествовало при открытомъ и смѣломъ заявленіи Лиліенталя. Старики же сидѣли погруженные въ глубокую думу: опершись на свои палки съ серебряными набалдашниками, поглаживая свои длинныя бороды, они видимо поражены были новымъ извѣстіемъ и не знали, какъ отнестись къ дѣлу, пока, наконецъ, предсѣдатель поставилъ слѣдующій вопросъ: «Докторъ, знакомы-ли вы съ побужденіями нашего правительства? Обхожденіе со всѣми христіанами, за исключеніемъ греческихъ, явно показываетъ, что правительство имѣетъ въ виду установить одну только церковь въ государствѣ, одно только свое могущество, но не наше будущее благосостояніе; къ сожалѣнію, мы должны признать, что мы мало питаемъ довѣрія къ новымъ мѣропріятіямъ министра и съ какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ заглядываемъ въ будущее». Лиліенталь говорилъ собранію, что теперь не время сопротивляться правительству, что дѣло объ основаніи школъ находится въ рукахъ такого человѣка, который непремѣнно дастъ ему ходъ, и что всякое сопротивленіе можетъ только на-

* Лиліенталь: Meine Reisen in Russland. «Jüdisches Volksblatt» 1856, № 36.

влечь на евреевъ негодованіе правительства. Послѣ этого одинъ изъ членовъ собранія потребовалъ отъ Лиліенталя гарантіи въ томъ, что правительство не будетъ посягать на религію евреевъ. На это Лиліенталь отвѣтилъ слѣдующими словами: «Родившись въ Россіи, вы, конечно, лучше меня знаете, что мнѣ невозможно представить вамъ въ чемъ либо гарантію отъ правительства. Воля Государя неограничена и стоитъ выше всего; онъ можетъ сегодня взять назадъ то, что вчера обѣщалъ; онъ каждый разъ мѣняетъ чиновниковъ и ихъ системы,—какъ же мнѣ, бѣдному чужестранцу, быть въ состояніи дать вамъ какую либо гарантію. Я на это не уполномоченъ. Все, что я, какъ единовѣрецъ вашъ, могу вамъ обѣщать, это то, что я не сдѣлаю шага къ осуществленію правительственнаго плана до тѣхъ поръ, пока не буду имѣть полнѣйшее ручательство въ томъ, что ничего не будетъ предпринимаемо противъ нашей священной религіи, и пока мнѣ не дозволено будетъ оставить свою службу во всякое время, какъ только убѣждусь въ противномъ, и что я не буду отказываться ни отъ какихъ оскорбленій со стороны моихъ собратьевъ въ томъ случаѣ, если я нарушу обѣтъ, данный мною въ эту священную минуту» *. Но этимъ дѣло еще не кончилось: одинъ изъ членовъ собранія возбудилъ еще другой вопросъ. Если правительство даже вполнѣ будетъ гарантировать намъ неприкосновенность религіи нашей, то гдѣ же ручательство въ томъ, что она не будетъ подорвана новыми идеями просвѣщенія, какъ это было за границей? Но и это недоразумѣніе разъяснено было Лиліенталемъ въ томъ смыслѣ, что требованія религіи могутъ быть приводимы въ согласіе съ требованіями образованія. Лиліенталю пришлось еще, кромѣ того, выдержать сильную борьбу съ упорною оппозиціею, появившейся совсѣмъ съ другой стороны, именно со стороны меламедовъ, которые смотрѣли на новыя мѣры, какъ на посягательство на ихъ матеріальное благосостояніе, на отнятіе у нихъ всякихъ

* Тамъ-же стр. 142.

средствъ къ существованію. Но не смотря на все это, Лиліенталь все-таки успѣлъ, при содѣйствіи лучшихъ представителей общества—раввина Гордона, магида Вольфа, Розенталя, Каценелленбогена и Боруха Рындзунскаго, побудить виленское общество согласиться на образованіе ежегоднаго фонда въ 5,100 р. для учрежденія училища. Рѣшеніе общества пошло на утвержденіе виленскаго генералъ-губернатора Мирковича, такъ какъ въ немъ указано было на суммы коробочнаго сбора, какъ на одинъ изъ источниковъ для основанія учебнаго заведенія. Но вслѣдствіе необходимости въ разъясненіи дѣла, утвержденіе генералъ-губернатора не могло такъ скоро послѣдовать, а между тѣмъ Лиліенталь былъ приглашенъ въ Минскъ еврейскими раввинами и кагаломъ для переговоровъ о томъ же предметѣ. По свидѣтельству Лиліенталя, въ этомъ приглашеніи сказывается здравый смыслъ тѣхъ евреевъ, которые были убѣждены въ томъ, что правильное образованіе будетъ въ состояніи уничтожить вмѣстѣ съ позоромъ и презрѣніемъ, тяготѣвшими надъ евреями, и ихъ матеріальныя бѣдствія. Но въ Минскѣ Лиліенталь наткнулся на оппозиціонную партію, которую ничѣмъ нельзя было убѣдить. На всѣ убѣжденія, приведенныя Лиліенталемъ и незначительнымъ меньшинствомъ, воодушевлявшимся мыслію о просвѣщеніи въ новомъ духѣ, партія эта давала одинъ отвѣтъ. Она говорила: «До тѣхъ поръ, пока государство не предоставитъ евреямъ гражданскихъ правъ, образованіе будетъ для нихъ однимъ только несчастіемъ. Будучи необразованъ и невѣжественъ, еврей не пренебрегаетъ унизительнымъ хлѣбомъ фактора и ростовщика и, находя свое утѣшеніе и радость въ религіи, онъ и безчисленное семейство его, довѣряясь божественному Промыслу, довольствуются скуднымъ своимъ достаткомъ; но будучи, при образованіи и просвѣщеніи въ новомъ духѣ, исключеннымъ отъ всякаго участія въ гражданско-политическихъ правахъ государства, еврей неминуемо, подъ вліяніемъ горькаго чувства неудовольствія долженъ оставлять свою вѣру,—а между тѣмъ честный еврейскій отецъ ни въ какомъ

случаѣ не можетъ согласиться на приготовленіе своего сына къ такому поприщу» *. Три недѣли проведены были Лиліенталемъ въ Минскѣ въ самомъ мучительномъ положеніи; онъ сдѣлался предметомъ печальныхъ интригъ, тяжелыхъ оскорбленій и гнусной клеветы,—однимъ словомъ, всѣ средства пущены были въ ходъ, лишь бы унизить въ лицѣ Лиліенталя само дѣло, интересы котораго онъ пріѣхалъ защищать. Мало того, возвратившись въ Вильну, Лиліенталь увидѣлъ, что виленская оппозиціонная партія была наэлектризована мужественнымъ отпоромъ минскихъ его противниковъ. Все перевернулось вверхъ дномъ: общество отказалось отъ своего обѣщанія и употребляло всѣ средства для того, чтобы препятствовать осуществленію начертаннаго Лиліенталемъ плана. Прогрессивное меньшинство впало въ уныніе, видя, что всѣ благородныя усилія, которыя имѣли право разсчитывать на успѣхъ, должны погибнуть и, кажется, безвозвратно. Для того, чтобы показать, до какой степени противоположны были чувства и убѣжденія этого меньшинства со взглядами и опасеніями стариковъ, мы должны привести прокламацію виленскихъ и брестскихъ (Гродн. губ.) евреевъ, которою они хотѣли подготовить и воодушевить прочихъ своихъ единовѣрцевъ къ дѣлу образованія. Эта прокламація съ другой стороны указываетъ и на то, что между русскими евреями уже въ то время существовала довольно сильная и смѣлая партія, которая ждала только поощренія свыше, чтобы взяться за трудное дѣло. Читателямъ уже извѣстно, что по вопросу о преобразованіи быта евреевъ предварительно учреждались комитеты при генералъ-губернаторахъ, въ которые приглашались еврейскіе депутаты. Виленскіе «друзья новаго просвѣщенія» разослали поэтому, на древне-еврейскомъ языкѣ, ко всѣмъ еврейскимъ общинамъ циркуляры слѣдующаго содержанія: «Любезные собратья! Заботливый духъ, обнаруживаемый нашимъ правительствомъ въ учрежденіи комитетовъ съ цѣлью улучшенія нашего матеріальнаго

* „Zeitung des Judenthums" 1842 г., № 41.

и духовнаго благосостоянія, пробудилъ въ насъ и въ сердцахъ всѣхъ разумныхъ людей ревность быть дѣятельными на благо нашихъ единовѣрцевъ, а желаніе содѣйствовать ихъ нравственному возрожденію воодушевляетъ также каждаго благомыслящаго человѣка, горячо любящаго своихъ единовѣрцевъ, благодарить за то Всевышняго и отъ души благословлять нашего высокаго Монарха, который обратилъ сои отеческіе взоры, милостиво взирающіе на каждаго изъ сго подданныхъ, и на бѣдственное положеніе евреевъ, и желаетъ споспѣшествовать ихъ благу учрежденіемъ школъ, долженствующихъ вести ихъ по пути мудрости и благоденствія. И такъ, наступило, наконецъ, время врачеванія тяжелыхъ и кровавыхъ ранъ, раздался, наконецъ, голосъ мира, который взываетъ и къ намъ, повелѣвая стряхнуть съ себя всякаго рода фанатизмъ и антирелигіозныя мечты и стремиться къ ученію и усовершенствованію. Кто можетъ не восхищаться этимъ? Кто можетъ не согрѣваться лучами восходящаго солнца? Кто, занимавшійся до сихъ поръ втайнѣ наукою, можетъ не выступить открыто и, опираясь на милость нашего Монарха, не стараться отстаивать ея достоинство и права? Кто, умѣющій только вести перомъ и *прямо стоять въ храмѣ мудрости*, кто, всей душою своею преданный своему Богу, своему царю и своему народу, кому святъ законъ и дорого благо его единовѣрцевъ, — кто изъ этихъ людей, спрашиваемъ мы, въ состояніи будетъ молча взирать на совершающееся дѣло, не принимая въ немъ дѣятельнаго участія? Эти священныя чуства, возбуждающія каждое сердце къ дѣятельности, оживили и насъ, членовъ виленскаго общества, и какъ только обнародована была инструкція, мысль о томъ, что это единственный путь, по которому русскіе евреи должны достигнуть высшаго развитія, вызвала въ насъ глубочайшую радость. Сознавая всю важность настоящей минуты, мы собираемся для совѣщаній и, возсылая мольбы наши къ Богу за благо нашего царя Николая I, его министра и всего нашего отечества, заклинаясь любовью къ нашей вѣрѣ и священнымъ именемъ Бога

никогда не отступать отъ стремленій нашихъ къ возвышенію чести евреевъ и устраненію всѣхъ ихъ недостатковъ, мы соединяемъ наши общія усилія для изслѣдованія источниковъ зла и для изысканія средствъ, которыя соотвѣтствовали бы нашему желанію, духу времени и нашего правительства и были бы въ состояніи водворить и въ нашей средѣ просвѣщеніе и науку, прогоняя мракъ невѣжества». Затѣмъ друзья просвѣщенія указываютъ на самые источники зла. *Первый* источникъ, по ихъ мнѣнію, отсутствіе достойныхъ народныхъ представителей. На мѣсто древнихъ законоучителей, которые, отличаясь глубокою, всестороннею ученостью, были вмѣстѣ съ тѣмъ достойными заступниками евреевъ предъ правительствами и народами, нынѣшніе раввины, не обладая никакими свѣтскими познаніями, преданные только одной религіозной обрядности и казуистикѣ, весьма мало заботятся о всѣхъ другихъ интересахъ своего народа. Для устраненія этого зла, друзья просвѣщенія предлагаютъ учрежденіе, по образцу падуанской раввинской коллегіи или голландскихъ и германскихъ семинарій, еврейско-богословскаго факультета для образованія новаго сословія народныхъ представителей, которые, изучая, кромѣ богословскихъ, и свѣтскія науки, болѣе соотвѣтствовали бы требованіямъ времени. До того же они совѣтуютъ, въ видѣ временной мѣры, пригласить иностранныхъ раввиновъ, которые должны образовать консисторію, имѣющую своею задачею правильное веденіе религіозныхъ и общинныхъ интересовъ русскихъ евреевъ. *Второй* источникъ зла заключается въ дурной системѣ воспитанія еврейской молодежи, которое вручается невѣжественнымъ учителямъ, ограничивающимся однимъ преподаваніемъ Талмуда на испорченномъ жаргонѣ, не знающимъ даже Библіи и распространяющимъ мракъ, вмѣсто свѣта. Для устраненія этого зла, друзья просвѣщенія предлагаютъ немедленное учреждніе правильно устроенныхъ школъ въ каждомъ уѣздѣ, по образцу одесской и рижской, и ввести въ нихъ болѣе усовершенствованный методъ обученія. Эти школы должны служить переходными за-

веденіями—или для раввинскихъ училищъ, или для *промышленныхъ* школъ, въ которыхъ обучали бы разнаго рода ремесламъ. *Третій* источникъ зла составляетъ хассидизмъ, оказывающій вредное вліяніе на еврейскую массу поддержаніемъ въ ней суевѣрія и преданіемъ анаѳемѣ всего, что только можетъ содѣйствовать нравственному преуспѣянію евреевъ. Для уничтоженія этого зла, они совѣтуютъ рѣшительное противодѣйствіе хассидизму, которое должно состоять въ совершенномъ неподчиненіи его консисторіи и преслѣдованіи его ученія. Эти мѣры «друзьями новаго просвѣщенія» признаны наиболѣе цѣлесообразными не только въ ихъ собраніи (45 человѣкъ), но и докторомъ Лиліенталемъ и цензоромъ Тугендгольдомъ въ Вильнѣ. Изложивъ такимъ образомъ свои мысли относительно преобразованія внутренняго быта евреевъ, «друзья новаго просвѣщенія» взываютъ ко всѣмъ своимъ образованнымъ единовѣрцамъ, чтобы они поддерживали ихъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ. Они оканчиваютъ прокламацію слѣдующими словами: «Не медлите! соберите образованныхъ людей вашего города, пусть они выступятъ изъ замкнутыхъ кружковъ своихъ и да не отстанутъ они изъ пустой боязни, а, напротивъ, пусть они смѣло заявятъ свое желаніе духовной эманципаціи евреевъ». Брестское общество представило свои мѣры, состоящія въ слѣдующемъ: распространить на евреевъ обязанность носить европейскій костюмъ, препятствовать заключенію раннихъ браковъ до представленія гарантіи въ средствахъ къ существованію съ семействомъ, обученіе юношества по учебникамъ одобреннымъ консисторіею, запрещеніе обученія талмуду въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ раввинскихъ училищъ и, наконецъ, подорваніе въ корнѣ хассидизма уничтоженіемъ «печей» въ бетъ-мидрашахъ, которыя привлекаютъ въ длинныя зимнія ночи ватаги хассидовъ, вербующихъ тамъ приверженцевъ своей партіи и распространяющихъ оттуда, какъ изъ удобнаго центра, всѣ свои лжеученія.

Мы представили, такимъ образомъ, вкратцѣ мысли и чув-

ства, волновавшія объ партіи тогдашняго еврейства. Мы видѣли, что старовѣры боялись одного посягательства на ихъ религію, даже вопросъ о равноправности евреевъ оии поставили въ тѣсную связь съ своею религіей, въ томъ именно смыслѣ, что образованіе безъ равноправности ведетъ къ ренегатству. Нельзя не сознаться, что есть значительная доля правды въ этихъ опасеніяхъ старой партіи. Она не могла видѣть въ стремленіи къ образованію дѣйствительное желаніе улучшить ихъ матеріальное благосостояніе, потому что образованіе само по себѣ едва-ли было бы въ состояніи дѣйствовать въ этомъ духѣ на массу евреевъ, пока всѣ ограничительные законы, бывшіе главною причиною матеріальнаго бѣдствія евреевъ, оставались въ полной силѣ. Какъ народъ практичный, евреи сразу поняли, что народная масса, нуждаясь въ средствахъ къ существованію, не будетъ имѣть возможности отсылать въ школы свои рабочія силы, необходимыя для обезпеченія ближайшаго настоящаго, которымъ нельзя было пожертвовать въ пользу далекаго и безвѣстнаго будущаго. Въ пользу ихъ опасеній говорило и то, что права, предоставленныя евреямъ по образованію, не такъ легко осуществлялись и прежде, не смотря на то, что они довольно ясно опредѣлялись въ положительномъ законодатетельствѣ. Въ то самое время, когда правительство принимало такія энергичныя мѣры къ устроенію быта евреевъ путемъ образованія, оно, по ходатайству министра финансовъ графа Канкрина, думало-было устроить земледѣльческія колоніи евреевъ въ Сибири и уже изданъ былъ объ этомъ указъ; но когда поступило слишкомъ много заявленій со стороны евреевъ, желавшихъ воспользоваться этимъ правомъ и приготовившихся уже къ переселенію, имъ было всѣмъ отказано—неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, и только когда одной бѣдной еврейкѣ, принадлежавшей къ долженствовавшимъ переселиться въ Сибирь еврейскимъ семействамъ, удалось лично подать государю просьбу о бѣдственномъ положеніи ея семейства, раззореннаго надеждами и приготовленіями къ

переселенію, послѣдовало распоряженіе о переселеніи всѣхъ этихъ семействъ въ Херсонскую губернію*. Въ то же время, когда открывались разные комитеты и коммиссіи, когда правительство только-что, какъ увидимъ послѣ, послало Лиліенталя по городамъ, лежащимъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, для успокоенія умовъ и убѣжденія евреевъ въ томъ, что правительство серьезно имѣетъ въ виду улучшеніе ихъ быта, въ то же время издается законъ 1845 года объ удаленіи евреевъ изъ 50-верстной пограничной полосы, который повергъ въ бѣдственное положеніе многочисленное еврейское населеніе. Это распоряженіе совпадаетъ именно съ тѣмъ временемъ, когда заграничныя еврейскія общины, для выраженія признательности русскому государю за его заботливость объ улучшеніи быта евреевъ посредствомъ образованія, приготовлялись поднести ему большую историческую картину, заказанную у профессора Оппенгейма въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ и представлявшую возсіяніе новаго дня для русскихъ евреевъ. Одинъ еврейскій историкъ вотъ какъ говоритъ объ этомъ противорѣчіи въ направленіи дѣятельности правительства къ улучшенію быта евреевъ: «Но всѣ эти свѣтлыя надежды и блистательные виды (относительно учрежденія еврейскихъ школъ) помрачились вдругъ, когда указъ, изданный въ маѣ 1843 года, излилъ безконечное горе на жителей западной границы и опять показалъ русскимъ евреямъ, что они не могутъ еще разсчитывать на человѣческія права. Взоры всѣхъ обращались со слезами сожалѣнія туда, гдѣ сотни тысячъ людей оставляли свои жилища и могилы своихъ предковъ, чтобы перейти въ другія русскія степи, гдѣ нельзя будетъ обезпечить себѣ скудное существованіе. Еврейскіе пограничные жители выказали больше энергіи, чѣмъ можно было ожидать отъ нихъ: они объявили, что не оставятъ своего мѣстожительства, пока не будутъ принуждены къ тому силою. Вся Европа въ

* См. Лиліенталя Meine Reisen in Russland. „Jüdisches Volksblatt“ 1856 г. № 32 „Zeitung“ 1842 г., № 18.

одинъ голосъ вооружилась противъ этого, многія общины Германіи, даже нѣкоторые монархи заступились за несчастныхъ, и англійская аристократія сдѣлала объ этомъ государю, во время его пребыванія тамъ, свои представленія» *. При такихъ условіяхъ евреи, конечно, имѣли основаніе не довѣрять всѣмъ обѣщаніямъ Лиліенталя, тѣмъ болѣе, что въ то же время сложилось за границей убѣжденіе, которое не могло быть неизвѣстно и русскимъ евреямъ, всегда полагавшимъ, что за далекими горами гораздо лучше знаютъ о происходящемъ въ Россіи, чѣмъ въ ней самой,—убѣжденіе въ томъ, что учрежденіе училищъ имѣло цѣлью обратить евреевъ въ христіанство. Разумѣется, что послѣдствія указали на всю ложность этого убѣжденія, но до учрежденія училищъ евреи, напуганные новыми мѣрами, естественно склонны были видѣть въ этомъ убѣжденіи заграничныхъ евреевъ подтвержденіе своихъ собственныхъ опасеній. Этимъ объясняется и то, что вездѣ у евреевъ мысль объ обращеніи ихъ въ христіанство путемъ просвѣщенія была преобладающею, и министръ Уваровъ долженъ былъ всегда разувѣрять ихъ въ этомъ. Во время своего пребыванія въ Варшавѣ въ 1843 году, министръ старался ободрять евреевъ, увѣряя ихъ въ томъ, что намѣренія государя исключительно направлены на сообщеніе имъ соотвѣтственнаго ихъ религіи развитія, но нисколько не имѣютъ въ виду прозелитизма **. Но заграничные евреи и послѣ этого, однако, убѣждены были въ томъ, что Уваровъ высказываетъ свои собственные взгляды, и, говоря о періодѣ учрежденія школъ въ Россіи, западные историки прямо указываютъ, что эти послѣдніе имѣли цѣлію обращеніе русскихъ евреевъ въ христіанство. Если же заграничные евреи такъ твердо были убѣждены въ этомъ, то очень простительно было думать такъ и старой партіи евреевъ, которые, вслѣдствіе новыхъ мѣръ, встрепенулись какъ бы отъ летаргическаго сна и впервые, можетъ быть, подумали о своемъ

* Neuere Geschichte der Israeliten von Dr. J. M. Jost. Berlin, 1847 г., стр. 511.

** Тамъ-же, стр. 312.

будущемъ. Впрочемъ, можетъ быть, евреи имѣли еще одно основаніе для своихъ опасеній, если имъ былъ извѣстенъ приведенный ниже докладъ Уварова, который они истолковали въ приведенномъ выше смыслѣ.

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что и друзья новаго просвѣщенія дѣйствовали слишкомъ рѣзко. Правда, что послѣ долгой, затаенной внутренней борьбы необходимо было этой партіи высказаться открыто и заявить предъ правительствомъ о своемъ существованіи, и это было необходимо въ виду того, что правительство интересовалось знать, есть-ли хоть какая нибудь потребность у евреевъ въ образованіи. Но надобно признаться также, что, предлагая открыто уничтоженіе всего того, что такъ дорого было евреямъ, выступивъ явно противъ своихъ единовѣрцевъ и громогласно заявивъ. что они, подъ правительственной эгидой, надѣются разрушить все то, съ чѣмъ нельзя было распроститься прочимъ евреямъ, они этимъ самымъ оттолкнули отъ себя и отъ своихъ убѣжденій всю массу, полагавшую, что эти тайные заговорщики хотятъ выдать ихъ цѣликомъ правительству. Открытыя заявленія друзей новаго просвѣщенія объясняются совершенно вѣрно съ психологической точки зрѣнія: они долго должны были прятаться въ закоулки со своимъ просвѣщеніемъ, они не смѣли даже заявлять о своемъ существованіи, а потому теперь, когда можно было разсчитывать на поддержку, имъ захотѣлось выпрямиться и показать, что въ с.-западномъ краѣ и они что нибудь значатъ, что они тоже составляютъ силу. Все это такъ. Но гораздо благоразумнѣе поступили «друзья новаго просвѣщенія» въ юго западномъ краѣ: зная, что правительство желаетъ имѣть свѣдѣнія о томъ, есть ли между евреями люди, которые сочувствуютъ его намѣреніямъ, они соединились воедино и заявили объ этомъ Лиліенталю; къ старой же партіи, напротивъ, они стали ближе, и, пользуясь своимъ положеніемъ, успѣли распространить въ ней благопріятные слухи о Лиліенталѣ и намѣреніяхъ правительства. Можно сказать, что юго-западные «друзья новаго просвѣщенія» разумно не взбудора-

жили массы и тѣмъ самымъ скорѣе приблизили дѣло къ концу. Они стремились прямо къ цѣли: то, что сѣверо-западные друзья ихъ заявили еврейскимъ общинамъ, они заявили чрезъ Лиліенталя правительству: мы имѣли случай читать весьма дѣльныя записки объ улучшеніи быта русскихъ евреевъ, которыя писались юго-западными друзьями новаго просвѣщенія, и надобно отдать имъ справедливость, что они избрали лучшій путь къ достиженію цѣли и дѣлали свое дѣло тихо и безъ шуму. Это, впрочемъ, объясняется и особенностями въ характерѣ «волынцевъ» и «литовцевъ»: послѣдніе всегда способны болѣе сосредоточиваться, но за то, когда дѣлаютъ шагъ въ противоположномъ направленіи, то уже не иначе, какъ переходя въ совершенную крайность, тогда какъ волынцы ровнѣе и умѣреннѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Можетъ быть, впрочемъ, что сѣверо-западные друзья новаго просвѣщенія имѣли дѣло со своими же собратьями литовцами, которыхъ можно подчинить своему вліянію только болѣе рѣзкими мѣрами, и избрали поэтому болѣе пригодныя средства. Если это такъ, то можно дѣйствительно нѣкоторымъ образомъ оправдать ихъ образъ дѣйствія, хотя нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было устрашить кого либо преслѣдованіемъ того ученія, которому онъ преданъ тѣломъ и душою, какъ это дѣлали виленскіе «друзья новаго просвѣщенія».

Но какъ бы то ни было, Лиліенталь долженъ былъ оставить Вильну съ тѣмъ же горестнымъ чувствомъ, съ которымъ онъ выѣхалъ изъ Минска. Оставленный и презрѣнный всѣми, какъ человѣкъ, желавшій будто провести народъ свой *, Лиліенталь отправился въ Петербургъ, и скрѣпя сердце рѣшился просить у правительства поддержки «друзей новаго просвѣщенія», которые, какъ значительные уже числомъ, нуждались въ правильно устроенныхъ заведеніяхъ. Лиліенталь, на первой

* Сеферъ Михтеве Ивримъ (книга еврейскихъ писемъ). Вѣна. Магидъ Іешуа (предвозвѣстникъ спасенія) посланіе Лиліенталя къ виленскимъ евреямъ, на древне-еврейскомъ языкѣ, стр. 154.

аудіенціи у министра Уварова, въ присутствіи попечителя петербургскаго учебнаго округа князя Дондукова-Корсакова, передавалъ всѣ свои впечатлѣнія и взгляды разныхъ партій евреевъ на правительственное дѣло, причемъ онъ указалъ на то, что евреи, вѣроятно, не питаютъ довѣрія къ нему, какъ къ чужестранцу, тѣмъ болѣе, что со стороны правительства не сдѣлано ни одного оффиціальнаго шага *; не скрывалъ также о недовѣріи старой партіи евреевъ къ правительству и съ воодушевленіемъ заявилъ объ энтузіазмѣ «друзей новаго просвѣщенія». По выслушаніи разсказа Лиліенталя, князь Дондуковъ-Корсаковъ вскричалъ: «il faut soutenir les bienveillans», а министръ обѣщалъ Лиліенталю составить въ духѣ его отчета докладъ государю.

Но прежде, чѣмъ приведемъ докладъ Уварова, вызвавшій болѣе рѣшительныя мѣры со стороны правительства, мы должны познакомить читателей съ другимъ докладомъ его же, излагающимъ, правда, одни только основныя начала для устройства образованія евреевъ, но обнаруживающимъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно глубокій и гуманный взглядъ на дѣло, которое онъ изучилъ, хотя не совсѣмъ точно, но во всякомъ случаѣ серьезно и съ полною преданностью.

Первая и главная мысль, которою проникнутъ весь докладъ и которая упускается обыкновенно изъ виду многими государственными дѣятелями, сама по себѣ уже характеризуетъ глубокій умъ Уварова, постигшій близкую связь между вопросомъ объ образованіи евреевъ «съ большимъ вопросомъ о евреяхъ вообще». Уваровъ говоритъ въ своемъ докладѣ, что въ теченіе многихъ столѣтій европейскія правительства старались разрѣшать еврейскій вопросъ «гоненіемъ и насильствами всякаго рода». Но этотъ путь ими уже оставленъ, и они обратились къ мѣрамъ кротости и ко «внушеніямъ здравой логики». Затѣмъ министръ продолжаетъ: «Кажется, этотъ послѣд-

* Тамъ же, стр. 155.

ній періодъ настал и для насъ; народы не истребляются, особенно тотъ народъ, коего новѣйшая исторія начинается у подошвы Голгоѳы, но народы могутъ быть доведены до самой послѣдней степени моральнаго униженія, и на этой степени настигаютъ нынѣ евреевъ мѣры, благодѣтельнымъ правительствомъ принимаемыя». Здѣсь министръ задаетъ себѣ вопросъ— возможно ли будетъ достигнуть облагороженія евреевъ посредствомъ ихъ самихъ, и такимъ образомъ уменьшить, по крайней мѣрѣ, пропасть, отдѣляющую ихъ отъ всего міра. Отвѣчая утвердительно, министръ полагаетъ, что могущественнымъ орудіемъ для достиженія цѣли правительства можетъ служить общественное воспитаніе новаго поколѣнія евреевъ, а отсюда онъ выводитъ необходимость учрежденія еврейскихъ школъ. Далѣе, министръ указываетъ на то, что, не смотря на упадокъ евреевъ, между ними замѣчается «большое рвеніе къ собственному преобразованію», но что рвеніе это *чисто-религіознаго* характера, такъ какъ умственный и религіозный элементы евреевъ тѣсно слиты между собою. «Лучшіе изъ евреевъ—говоритъ министръ — чувствуютъ, что одна изъ главныхъ причинъ ихъ униженія лежитъ въ превратномъ толковании ихъ религіозныхъ преданій, они знаютъ, что, въ совокупности съ многими другими источниками зла, *талмудъ* развращалъ и развращаетъ ихъ соотечественниковъ, но нигдѣ вліяніе талмуда не столь сильно, сколько у насъ и въ Царствѣ Польскомъ, ибо нигдѣ не господствуетъ въ евреяхъ такое невѣжество. Это вліяніе можно единственно устранить просвѣщеніемъ, и *правительству остается дѣйствовать тутъ въ духѣ горсти лучшихъ между евреями, давши имъ своими мѣрами покровительства надлежащій перевѣсъ*. Слѣдовательно, преобразованіе учебной части между евреями въ то же время составляетъ и очищеніе ихъ религіозныхъ понятій, и наоборотъ». Изъ этой мысли о взаимномъ вліяніи образованія и религіи министръ опять выводитъ необходимость соглашенія дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія съ дѣйствіями министер-

ства внутреннихъ дѣлъ по части духовно-административнаго управленія евреевъ и установленія правилъ для совокупнаго руководства и взаимныхъ отношеній. И не только въ этомъ одномъ отношеніи министръ предусматривалъ связь, но и во многихъ другихъ: онъ не забываетъ въ докладѣ объ отношеніи къ новымъ преобразованіямъ устава 1835 г. и останавливается также на вопросѣ — должно-ли предварительное опредѣленіе на образованіе евреевъ финансовыхъ средствъ, министерству предоставляемыхъ, и *соглашеніе прочихъ частей, какъ религіознаго быта, такъ и гражданскихъ улучшеній*, предшествовать учрежденію школъ, или, развиваясь въ одно время, «содѣйствовать одному». Кромѣ того, министръ предвидѣлъ также послѣдствія неудовлетворительнаго исполненія начертанныхъ имъ правилъ, какъ видно изъ осторожнаго его добавленія: «если только мѣстныя губернскія начальства, постигнувъ совершенную волю Августѣйшаго Монарха, окажутъ въ семъ затруднительномъ дѣлѣ прямое и дѣятельное содѣйствіе». Еще болѣе положительно и болѣе ясно высказывается министръ въ другомъ мѣстѣ доклада: «Можно утвердительно сказать, что объемъ дѣла и вѣрность заключеній возрастутъ по мѣрѣ того, какъ участвующіе въ сихъ трудахъ будутъ углубляться во *всѣ эти вопросы имѣющіе, впрочемъ, неразрывную связь съ остальными распоряженіями правительства*»*. Однимъ словомъ, во всемъ докладѣ проглядываетъ заботливость о необходимости соглашенія дѣйствій по образованію евреевъ со всѣми остальными дѣйствіями правительства по отношенію къ евреямъ, а такая заботливость возможна только тогда, когда дѣло, созданное нами, является плодомъ глубоко обдуманныхъ мыслей, долгаго опыта и наблюденій, когда мы, слѣдовательно, убѣждены въ прочности воздвигнутаго нами зданія и опасаемся только одного, чтобы оно не поколебалось вслѣдствіе постороннихъ, внѣшнихъ влія-

* Дополненіе къ Сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1816 г. С.-Петербургъ, 1867 г. Докладъ, стр. 700, 701, 702 и 711.

ній. Такимъ творцомъ былъ Уваровъ, который потратилъ много усилій на долговременную переписку съ заграничными учеными и на личное собираніе свѣдѣній, касающихся внутренней жизни евреевъ, который углублялся во всѣ вопросы, возникавшіе при обсужденіи такого многотруднаго дѣла, какъ преобразованіе внутренняго быта милліоннаго народа, — а поэтому весьма естественно, что онъ хотѣлъ упрочить свои труды и оградить свое твореніе отъ разрушительныхъ вліяній.

Первое зло, на которое наткнулся Уваровъ при близкомъ изученіи еврейскаго вопроса — это раввины, которые, по его мнѣнію, въ нашемъ отечествѣ, изъ корыстолюбія, изъ желанія удержать въ своихъ рукахъ доходы, получаемые ими за совершеніе требъ и толкованіе закона, поддерживаютъ въ народѣ мысль о необходимости изученія одного Талмуда и «сопротивляются всѣми силами введенію просвѣщенія». Сообразно съ этимъ, онъ предлагаетъ пригласить иностранныхъ евреевъ для занятія мѣста губернскихъ раввиновъ, совершенно въ томъ духѣ, какъ это было высказано виленскими «друзьями новаго просвѣщенія», и совѣтуетъ устраненіе Талмуда, какъ предмета преподаванія, во всѣхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ только тѣхъ, въ которыхъ молодые евреи будутъ посвящать себя раввинскому званію. Училища, по плану Уварова, раздѣляются на высшія и низшія. Высшія учреждаются во всѣхъ губернскихъ городахъ и состоятъ изъ 4—5 классовъ, которые, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ предметахъ преподаванія, равняются 4—5 классамъ гимназій. По мѣрѣ надобности, училища эти подвергаются преобразованіямъ, такъ, чтобы они могли служить переходными заведеніями въ среднія и высшія учебныя заведенія имперіи. Начальныя училища открываются постепенно въ уѣздныхъ городахъ, судя по степени довѣрія евреевъ къ намѣреніямъ правительства и денежнымъ средствамъ министерства. Училища эти должны современемъ замѣнить частныя еврейскія школы. Въ преподаватели предполагается пригласить или заграничныхъ раввиновъ, или русскихъ евреевъ,

извѣстныхъ своимъ образованіемъ. Въ докладѣ обращается также вниманіе на необходимость образованія и женскаго пола, которое, однако, откладывается до поры до времени.

Но главное вниманіе обращаютъ на себя тѣ мѣста въ докладѣ, въ которыхъ указывается на мѣры противодѣйствія Талмуду и надежды, возлагаемыя на училища относительно пріобщенія евреевъ къ *общему началу* гражданственности. Для пораженія Талмуда министръ предлагаетъ введеніе въ кругъ предметовъ преподаванія древнееврейскаго языка по слѣдующимъ соображеніямъ. Талмудъ, по мнѣнію министра, есть собраніе изустныхъ преданій, искажающихъ смыслъ Ветхаго Завѣта, и имѣя самъ основаніе въ этомъ послѣднемъ и утверждаясь ссылками на него, Талмудъ указываетъ очень часто на небывалыя совсѣмъ въ Библіи мѣста. Вслѣдствіи этого, изученіе Библіи, помощью древнееврейскаго языка, чрезвычайно важно для повѣрки суевѣрія Талмуда. Основная мысль министра заключается въ томъ, что Талмудъ, удалившись отъ почвы Ветхаго Завѣта, вводитъ въ заблужденіе евреевъ, подтверждая свои суевѣрія ссылками на такія мѣста въ Библіи, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ. Но изъ этого заключенія мы видимъ, что министръ не понялъ того, что ему передано было «друзьями новаго просвѣщенія». Не Талмудъ источникъ разныхъ суевѣрій, а установившійся взглядъ на него, какъ на законченный кодексъ, заключающій въ себѣ вѣчныя истины, неподлежащія перемѣнѣ, сдѣлалъ его необходимымъ предметомъ изученія для евреевъ, а все безъ разбора содержаніе его—руководящимъ правиломъ жизни. Необходимо, поэтому, дѣйствовать на искорененіе такого пагубнаго взгляда на Талмудъ раціональными средствами, однимъ изъ которыхъ «друзья новаго просвѣщенія» считаютъ древнееврейскій языкъ, открывающій путь къ чтенію тѣхъ философскихъ сочиненій на древнееврейскомъ языкѣ, которыя «именно» устанавливаютъ правильный взглядъ на Талмудъ, какъ на религіозно-юридически-бытовой кодексъ, не всѣ постановленія котораго обязательны, а обязательныя не вѣчны.

Подтвержденіе же этого взгляда находится во многихъ мѣстахъ Библіи, близкое изученіе которой уясняетъ мысль о постепенномъ развитіи законовъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни. Эта мысль не усвоена вполнѣ министромъ и передана въ другомъ смыслѣ, хотя изъ другихъ мѣстъ доклада видно, что онъ отчасти уловилъ ея сущность: такъ, министръ, какъ показано выше, говоритъ, что причина моральнаго униженія евреевъ лежитъ въ *превратномъ толкованіи ихъ религіозныхъ преданій*; это совершенно вѣрно, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что самыя эти изустные преданія, выраженіемъ которыхъ является Талмудъ, составляютъ источникъ суевѣрія. Равнымъ образомъ нельзя согласиться съ тѣмъ; что Талмудъ ссылается на небывалыя мѣста въ Библіи: правильнѣе то, что Талмудъ отрицаетъ дѣйствительность фактовъ, явно упоминаемыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, но это дѣлается съ прогрессивною цѣлью—устранить изъ жизни жестокіе и противные духу новаго времени законы. Однимъ словомъ, неправильность взгляда Уварова на Талмудъ объясняется неточнымъ усвоеніемъ мысли о дѣйствительномъ отношеніи Талмуда къ Ветхому Завѣту. Въ связи съ мнѣніемъ Уварова о Талмудѣ стоитъ еще и другой вопросъ, который онъ хотѣлъ разрѣшить себѣ, именно тотъ, слѣдуетъ-ли, направляя вліяніе училищъ противъ вліянія Талмуда, гласно объ этомъ заявить. Отвѣчая отрицательно на этотъ вопросъ и приводя свои къ тому основанія, Уваровъ говоритъ слѣдующее: «Слѣдуя этой мысли, въ училищахъ Одесскомъ, Кишиневскомъ, Рижскомъ, оставлено *для виду* преподаваніе нѣкоторой части Талмуда, тогда какъ поистинѣ ученье вовсе удалено отъ духа талмудистовъ, такъ что старѣйшіе евреи говорятъ: «эти училища прекрасны, духъ въ нихъ чисто еврейскій, а ученье ведетъ «къ христіанству»; въ смыслѣ закоренѣлыхъ приверженцевъ еврейскихъ предразсудковъ и суевѣрія, эти слова значатъ: «ученье во вновь учреждаемыхъ училищахъ должно мало по малу уничтожить въ евреяхъ *фанатизмъ разъединенія* (курсивъ въ подлинникѣ) и прі-

общить ихъ къ *общему началу* (курсивъ въ подлинникѣ) гражданственности». Въ этомъ отношеніи,—продолжаетъ министръ,—они не ошибаются *ибо религія Креста не есть-ли чистѣйшій символъ гражданственности всемірной?»* Государь утвердилъ докладъ, подписавъ на подлинномъ: «основанія справедливы»*. Такимъ образомъ, общая основная мысль доклада доказываетъ, что Уваровъ глубоко преданъ былъ дѣлу улучшенія быта евреевъ посредствомъ устройства на иныхъ началахъ ихъ общественнаго воспитанія, что онъ, вполнѣ искренне и всесторонне изучивъ предметъ, взялся вывести евреевъ изъ того моральнаго униженія, въ которое ихъ поставили историческія событія; но въ частностяхъ, нельзя не признать, онъ не вполнѣ могъ стать выше предразсудковъ своего времени, считая причиною моральнаго униженія евреевъ суевѣріе Талмуда и полагая, что просвѣщеніе должно вести евреевъ къ религіи Креста, или, другими словами, что начала іудаизма и даже, какъ говоритъ министръ, «новоюдейской школы» противорѣчатъ основаніямъ всемірной гражданственности. Мы, впрочемъ, скорѣе склонны думать, что выраженною въ докладѣ мыслію о приведеніи евреевъ путемъ образованія къ общему символу гражданственности, Уваровъ хотѣлъ сдѣлать уступку своему времени, но самъ онъ въ нее не вѣрилъ. Во всякомъ случаѣ однако, зная о докладѣ и о выраженныхъ въ немъ надеждахъ, евреи-старовѣры имѣли основаніе требовать гарантіи въ томъ, что правительство не имѣетъ намѣренія обратить ихъ въ христіанство, иностранные историки имѣли право составить себѣ о томъ же предметѣ такое же убѣжденіе, какъ русскіе евреи. Послѣдствія учрежденія училищъ, конечно, уаказали на всю несбыточность подобныхъ надеждъ, точно такъ же, какъ и исторической опытъ иностранныхъ евреевъ. Но русскіе евреи-старовѣры не могли знать объ этихъ послѣдствіяхъ до учрежденія

* Дополненіе къ Сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1864. С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 703 и слѣд.

училищъ, а съ историческимъ опытомъ они весьма мало были знакомы.

Этотъ докладъ получилъ утвержденіе еще до отъѣзда Лиліенталя въ Вильну, послѣ того, какъ иностранные ученые евреи сообщили министру свои мнѣнія о новомъ планѣ правительства. Это было первое основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій. Но послѣ пріѣзда Лиліенталя и заявленія его о томъ, что необходимо приступить къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, министръ представилъ докладъ, существенное содержаніе котораго заключается въ слѣдующемъ. Министръ прежде всего указываетъ на необходимость распространенія на всѣ еврейскія учебныя заведенія общихъ правилъ надзора, установленныхъ Высочайшимъ рескриптомъ 19 августа 1827 г. Затѣмъ, для ближайшаго содѣйствія видамъ правительства, министръ предлагаетъ учредить раввинскую коммисію изъ раввиновъ и ученыхъ евреевъ, по назначенію отъ правительства и соглашенію съ мѣстными генералъ-губернаторами, которая должна именоваться «коммиссіею, Высочайше утвержденною для образованія евреевъ въ Россіи». Она имѣетъ цѣлью положить главныя основы дѣйствіямъ по устройству образованія евреевъ и начертать правила для ихъ домашняго обученія. Въ заключеніе доклада, министръ говоритъ: «Смѣю надѣяться, что это несомнѣнное доказательство великодушнаго попеченія Вашего Императорскаго Величества объ умственномъ образованіи евреевъ, въ Имперіи обитающихъ, послужитъ къ усугубленію *того рвенія къ исполненію Высочайшей воли, которое начинаетъ уже проявляться въ благонамѣреннѣйшихъ изъ нихъ, и которое уповательно въ сердцахъ многихъ ожидало только гласнаго изреченія священной воли Вашего Императорскаго Величества*». На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобъ коммисія состояла не болѣе какъ изъ 4-хъ раввиновъ, т. е. по одному изъ каждаго генералъ-губернаторства, въ которыхъ проживаютъ евреи»*.

* Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ

Изъ этого доклада видно, что министръ хотѣлъ вселить евреямъ довѣріе къ новому дѣлу, призвавъ къ участію въ немъ депутатовъ изъ ихъ собственной среды, а съ другой—поощрить друзей новаго просвѣщенія, которые ожидали рѣшительнаго шага со стороны правительства. Но этимъ дѣйствія министра не ограничились: онъ хотѣлъ еще имѣть точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи евреевъ въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости и объ ихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и потребностяхъ, а потому онъ представилъ государю о необходимости еще разъ разрѣшить Лиліенталю поѣздку для ознакомленія съ бытомъ евреевъ и ихъ успокоенія относительно предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ. На ускореніе этого дѣла имѣло еще вліяніе слѣдующее обстоятельство. Вслѣдствіе затруднительности сообщеній того времени и положительной невозможности получать свѣдѣнія о событіяхъ внутренней жизни евреевъ разныхъ частей Россіи, юго-западные евреи вовсе не знали о томъ, что происходило на Литвѣ, не знали того, что Лиліенталь разъѣзжалъ съ порученіями отъ правительства и что онъ такъ злополучно окончилъ свою первую поѣздку. Но случайно прибылъ въ Бердичевъ бѣлостокскій купецъ Мееръ Коганъ, который, заболѣвъ тамъ, имѣлъ довольно досужаго времени чтобы передать гг. Ротенбергу и Ратгаузу обо всемъ случившемся. Бердичевскіе «друзья новаго просвѣщенія» пришли въ экстазъ и начали бомбардировать письмами Лиліенталя, чтобы онъ предпринялъ вторую поѣздку, обѣщая ему хорошій пріемъ и подготовленіе массы для поддержанія его авторитета. Они устроили манифестацію отцу Лиліенталя, получившему адресъ отъ представителей Бердичева, въ которомъ они заявили старику о сочувствіи къ дѣятельности его сына на пользу русскихъ евреевъ. Переводъ краснорѣчиваго еврейскаго адреса переданъ въ Мюнхенской * корреспонденціи «Zeitung des Judenthums» за

второй, 1825—1855, отдѣленіе 2-е, 1840—1855. С-Петербургъ, 1864 г., стр. 242—244.

* Отецъ Лиліенталя жилъ въ Мюнхенѣ.

1842 г. № 49. Цѣль этой манифестаціи, какъ передано намъ «друзьями новаго просвѣщенія», состояла именно въ томъ чтобы доказать отцу Лиліенталя, на котораго дурной пріемъ сына въ Литвѣ оказалъ непріятное впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся отъ распостранившихся слуховъ, что русскіе евреи называютъ его сына народопродавцемъ,—чтобъ доказать, говоримъ мы, что русскіе евреи, напротивъ, умѣютъ цѣнить заслуги молодого человѣка, посвящающаго свои силы нравственному усовершенствованію своихъ единовѣрцевъ. Серьезное отношеніе къ дѣлу со стороны юго-западныхъ друзей новаго просвѣщенія нѣсколько ободрило упавшаго было духомъ Лиліенталя. Изъ письма Лиліенталя къ г. Ротенбергу, отъ 5 января 1843 года, видно, что одно изъ писемъ этого послѣдняго передано на разсмотрѣніе министру. Однимъ словомъ, можно положительно сказать, что бердичевскіе «друзья новаго просвѣщенія» вызвали вторую поѣздку Лиліенталя, или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовали ея ускоренію. Между тѣмъ эта вторая поѣздка была довольно благотворна для дѣла образованія русскихъ евреевъ и еще до сихъ поръ она окружена какимъ-то ореоломъ величія и сохранена въ памяти многихъ и многихъ людей, которые не могутъ не говорить объ этой эпохѣ безъ особаго увлеченія...

Получивъ разрѣшеніе государя на поѣздку Лиліенталя, Уваровъ разослалъ инструкціи всѣмъ генералъ-губернаторамъ, въ которыхъ, основываясь на сообщенномъ ему къ исполненію указѣ правительствующаго сената, онъ указываетъ на признанную правительствомъ необходимость подчинить общему надзору министерства народнаго просвѣщенія всѣ еврейскія учебныя заведенія и избрать еврейскихъ депутатовъ для раввинской коммисіи. Объ условіяхъ, которыя эти кандидаты должны соединять въ себѣ для того, чтобы они могли вполнѣ удовлетворять своему назначенію, министръ говоритъ, что, кромѣ всеобщаго уваженія у евреевъ, они должны еще отличаться такими качествами, которыя бы соотвѣтствовали духу правительства. Въ заключаніе министръ ставитъ въ извѣстность

генералъ-губернаторовъ, что, находя нужнымъ, еще до открытія коммисіи, изучить настроеніе умовъ у евреевъ и успокоить ихъ относительно намѣреній правительства, онъ откомандировываетъ лично извѣстнаго ему съ лучшей стороны директора рижскихъ еврейскихъ училищъ, раввина и доктора Лиліенталя, въ обитаемыя евреями губерніи, для объѣзда ихъ съ указанною выше цѣлью и доставленія ему подробнаго отчета о результатахъ своей поѣздки. При этомъ министръ проситъ генералъ-губернаторовъ оказывать Лиліенталю всякаго рода покровительство и внушить подчиненному имъ начальству не препятствовать Лиліенталю имѣть совѣщанія съ еврейскими обществами, и оканчиваетъ инструкцію тѣмъ, что онъ о командировкѣ Лиліенталя въ то же время довелъ до свѣдѣнія государя *.

Другая инструкція дана была Лиліенталю. Она до того замѣчательна и до того характеризуетъ серьезное отношеніе къ дѣлу Уварова, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать ее цѣликомъ.

«Министерство народнаго просвѣщенія. Департаментъ. Отдѣленіе III. Столъ I. 22 Іюля 1842 г. № 7206. Старшему учителю еврейскихъ училищъ въ Ригѣ, раввину доктору Лиліенталю. При объѣздѣ вашемъ, по порученію министерства, обитаемыхъ евреями губерній, прошу Васъ обратить вниманіе на слѣдующее: 1) ваша дорога идетъ чрезъ Ригу, Митаву, Ковно, Вильно, Минскъ, Гродно, Бѣлостокъ, Житоміръ, Бердичевъ, Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ, Одессу, Херсонъ, а оттуда— въ Кіевскую губернію—чрезъ Умань въ Кіевъ, а затѣмъ чрезъ Черниговъ, Могилевъ и Витебскъ въ Петербургъ. Здѣсь, впрочемъ, указываются только главные пункты, чрезъ которые вы должны проѣзжать, и вамъ предоставляется, если найдете нужнымъ, останавливаться и въ другихъ городахъ, но не отступая, однако, отъ означеннаго выше направленія. 2) Вы получаете подорожную и 600 рублей на дорожныя издержки. 3) Вы не

* „Zeitung des Judenthums“ 1842 г. 608, 609.

замедлите въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ будете имѣть пребыванiе, немедленно являться къ гражданскому и учебному начальству, которымъ уже дано знать о вашей поѣздкѣ, равно и тотчасъ завязывать сношенiя съ живущими тамъ евреями и вступать въ переговоры съ еврейскими обществами. 4) Вы объясните евреямъ, что цѣль Высочайшей воли, въ силу которой еврейскiя учебныя и ученыя заведенiя поставлены подъ надзоръ министерстви народнаго просвѣщенiя и предпринимается учрежденiе на счетъ правительства еврейскихъ школъ, состоитъ въ томъ, чтобы приблизить ихъ, безъ всякаго посягательства на ихъ религiю, къ истинно гражданской и нравственной жизни, которая можетъ быть достигнута только путемъ общечеловѣческаго образованiя. Въ этихъ видахъ вы поговорите съ раввинами и еврейскими обществами и укрѣпите ихъ проповѣдями и чтенiями въ готовности исполнить волю Его Величества. 5) Вы возьмете на себя трудъ изслѣдовать настроенiе умовъ касательно предстоящихъ нововведенiй, равно и узнать, въ какихъ мѣстностяхъ и на кого правительство можетъ разсчитывать на поддержку, и гдѣ гнѣздится духъ противодѣйствiя. Между раввинами и почетнѣйшими евреями замѣчайте себѣ тѣхъ, которые въ особенности заслуживаютъ довѣрiя правительства и представите мнѣ о нихъ списокъ. 6) Вы не преминете посѣщать тѣхъ евреевъ, которые пользуются особымъ почетомъ въ своихъ обществахъ, и объясните имъ обстоятельно, какое влiянiе можетъ имѣть на благо ихъ единовѣрцевъ исполненiе гуманныхъ намѣренiй Его Величества. 7) Вы возьмете на себя трудъ обозрѣвать, на сколько возможно будетъ, важнѣйшiя учебныя и ученыя заведенiя евреевъ, въ нравственномъ и педагогическомъ отношенiяхъ, равно и будете собирать свѣдѣнiя о числѣ посѣщающихъ ихъ учениковъ, о числѣ и способностяхъ учителей, о внутреннемъ устройствѣ школъ и о средствахъ ихъ существованiя *. 8) Вы потрудитесь вникнуть но возможности въ до-

* Въ этомъ отношенiи Лилiенталю весьма дружно содѣйствовали гг. Роттен-

машнее воспитаніе евреевъ, освѣдомитесь о числѣ, образѣ мыслей, способностяхъ и современномъ положеніи меламедовъ и замѣтите себѣ тѣхъ изъ нихъ, которые особенно выдаются своими познаніями и нравственными качествами. 9) Обратите особое вниманіе на тѣхъ молодыхъ людей, которые похвальнымъ своимъ трудолюбіемъ пріобрѣли уже себѣ нѣкоторыя познанія въ наукахъ и могутъ, своимъ благороднымъ рвеніемъ въ пользу блага своихъ единовѣрцевъ, содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, или назначеніемъ ихъ на должность учителей, или же приготовленіемъ ихъ къ педагогическому поприщу въ общихъ заведеніяхъ имперіи *. 10) Обо всѣхъ вышеприведенныхъ предметахъ вы мнѣ доставите, по возвращеніи въ Петербургъ, надлежащій отчетъ. Впрочемъ, не оставьте также и въ продолженіе вашего путешествія время отъ времени извѣщать департаментъ народнаго просвѣщенія о ходѣ вашего порученія. 11) Разнообразіе вашего порученія не допускаетъ опредѣлить въ точности продолжительность вашего путешествія, но я надѣюсь, что вы постараетесь возвратиться

бергъ, Ратгаузъ и Шперлингъ, какъ видно изъ письма Лиліенталя къ Роттенбергу, въ которомъ онъ пишетъ, что онъ въ своемъ отчетѣ всесторонне пользовался «волынскою статистикою».

* Въ этомъ отношеніи волынскіе друзья новаго просвѣщенія указывали Лиліенталю на многихъ людей, которые впослѣдствіи сдѣлались учителями въ казенныхъ училищахъ. Изъ ряда этихъ учителей выдвигается въ особенности г. Поличинецкій (впослѣдствіи учитель житомірскаго раввинскаго училища), который жилъ въ Бердичевѣ и въ то время уже былъ извѣстенъ своею солидною ученостью. Въ своемъ письмѣ къ намъ Роттенбергъ пишетъ, что въ то время, когда онъ прибылъ въ Бердичевъ, въ 1843 г., никто не осмѣливался говорить даже объ образованіи, и одно только единственное лицо, г. Поличинецкій, молчаливо бродилъ здѣсь, какъ мрачная тѣнь, и все указывало на него пальцами, какъ только онъ показывался на улицѣ. Когда я вступилъ въ бердичевское казенное училище, только что открывшееся, гдѣ г. Поличинецкій назначенъ былъ учителемъ, я съ нѣкоторымъ страхомъ взиралъ на него въ первое время, но потомъ я и другія дѣти убѣдились, что это былъ лучшій учитель, магически дѣйствовавшій на насъ своимъ благороднымъ словомъ и ревностъю къ дѣлу. Если же мы въ 1852 г. еще боялись г. Поличинецкаго, то что могло быть въ 1843 г. и прежде въ такомъ ортодоксальномъ городѣ, какъ Бердичевъ.

сюда, по крайней мѣрѣ, къ 15 октября сего года. 12) При исполненіи возложеннаго на васъ порученія, вы, безъ сомнѣнія, не упустите изъ виду его важность и постараетесь оправдать довѣріе министерства, какъ осторожною и обдуманною своею дѣятельностью, такъ и основательностью вашихъ отчетовъ». Подписано: Уваровъ и директоръ департамента, товарищъ министра князь Ширинскій-Шихматовъ *. Изъ этой инструкціи видно, что министръ горячо преданъ былъ своему дѣлу, что онъ съ отеческою заботливостью помнилъ обо всемъ, начиная отъ ученыхъ заведеній до домашняго обученія, отъ гнѣзда противниковъ просвѣщенія до молодыхъ людей, преданныхъ мысли правительства, отъ почетнѣйшихъ евреевъ и до меламедовъ, и что онъ, какъ видно, имѣлъ намѣреніе открыть педагогическіе институты при общихъ заведеніяхъ, для подготовленія въ нихъ педагоговъ для еврейскихъ школъ. Это доказываетъ самое строгое пониманіе обязанностей, которыя Уваровъ исполнялъ съ особою любовью къ дѣлу, а не ради одной только формальности исполненія. Вотъ почему имя Уварова такъ свято чтимо всѣми «друзьями новаго просвѣщенія», которые не напрасно утверждаютъ, что вопросъ объ образованіи евреевъ не подвергался бы столькимъ колебаніямъ, если бы преемники Уварова только строго и послѣдовательно проводили его первоначальныя предначертанія.

Вторая поѣздка Лиліенталя увѣнчалась уже полнымъ успѣхомъ. Въ остзейскомъ краѣ ему не предстояло никакихъ особенныхъ трудностей, такъ какъ тамъ и прежде уже встрѣчались училища съ новымъ направленіемъ.

Главная забота его была о западныхъ губерніяхъ, изъ которыхъ онъ въ особенности боялся сѣверо-западнаго края. Поэтому онъ рѣшился написать посланіе къ виленскому еврейскому обществу, подъ названіемъ «Магидъ іешуа» (предвозвѣстникъ спасенія). Это посланіе, писанное на древне-еврейскомъ

* „Zeitung des Judenthums“ 1842 г., стр. 609–610.

языкѣ, считается еще теперь образцовымъ въ изящной еврейской литературѣ и помѣщено въ сборникѣ «еврейскихъ писемъ», изданномъ въ Вѣнѣ Леттерисомъ. Въ посланіи этомъ Лиліенталь говоритъ евреямъ, что мысль объ улучшеніи быта евреевъ путемъ образованія принадлежитъ самому Государю, что не министры ему, а онъ имъ предложилъ изыскать надлежащія къ тому мѣры. Затѣмъ онъ съ горечью передаетъ тѣ грустныя воспоминанія, которыя остались въ немъ послѣ перваго посѣщенія Минска и Вильны, гдѣ единовѣрцы прокричали его «народопродавцемъ». Указывая евреямъ на происходившую тогда въ немъ борьбу между личными чувствами его, какъ человѣка, всѣми оставленнаго и опозореннаго, и исполненіемъ возложенной на него миссіи, Лиліенталь говоритъ, что онъ старался смягчить предъ гг. министрами упорство своихъ единовѣрцевъ тѣмъ, что они не повинуются не волѣ монарха, отъ котораго къ нимъ не дошло по этому предмету никакого указа, а его собственной волѣ, какъ иностранца, и что евреи, воспитанные въ духѣ религіозномъ, пугаются всякаго нововведенія, которое, при ограниченіи въ правахъ, можетъ, по ихъ мнѣнію, отвратить евреевъ отъ вѣры ихъ праотцевъ. Далѣе, Лиліенталь представляетъ евреямъ, что, во вниманіе къ сдѣланному имъ заявленію, правительство пришло къ мысли о необходимости учредить коммисію изъ еврейскихъ выборныхъ для обстоятельнаго разрѣшенія вопроса объ образованіи евреевъ и что министръ Уваровъ высказался ему по этому поводу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Теперь, я надѣюсь, народъ вашъ пойметъ изливаемую на него милость и то, что надобно воспользоваться удобною минутою для своего же собственнаго блага, ибо если онъ и теперь не вразумится, то уже не такъ легко возвратится время благоволенія, и недоброжелатели евреевъ будутъ совершенно правы, если станутъ приписывать бѣдственное ихъ положеніе ихъ суевѣрію и невѣжеству». И, въ самомъ дѣлѣ, за евреевъ въ то время были Уваровъ и министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ; другіе же думали совер-

шенно иными способами на нихъ дѣйствовать. Въ то время распространены были между евреями слухи, что въ министерствахъ существуютъ два мнѣнія относительно евреевъ—Уварова и Киселева о необходимости дѣйствовать на евреевъ не мѣрами «всякаго рода насильства», какъ говоритъ первый въ своемъ докладѣ о просвѣщеніи; въ противоположность этому мнѣнію существовало другое—объ образованіи изъ евреевъ казенныхъ колоній для заселенія русскихъ степей или сибирскихъ отдаленныхъ земель. Это мнѣніе, вѣроятно, имѣлъ въ виду Уваровъ въ словахъ своихъ къ Лиліенталю, который въ особенности ударялъ на нихъ въ своемъ посланіи, чтобы убѣдительнѣе дѣйствовать на своихъ единовѣрцевъ. Въ заключеніе Лиліенталь раскрываетъ грустную картину печальнаго положенія тогдашнихъ евреевъ, которымъ не достаетъ достойныхъ защитниковъ народныхъ интересовъ предъ правительствомъ, и высказываясь въ духѣ Уварова, что содѣйствовать улучшенію ихъ быта возможно только путемъ просвѣщенія, Лиліенталь краснорѣчиво увѣщеваетъ евреевъ, чтобы они болѣе не упорствовали, а пошли бы на встрѣчу желаніямъ правительства, избирая депутатовъ и заявляя миниотерству о своемъ твердомъ намѣреніи выйти изъ закоснѣлаго своего положенія. Посланіе это оказало свое вліяніе, и евреи сѣверо-западнаго края, въ которомъ оно циркулировало отъ общества къ обществу, должны были уступить силѣ убѣжденія и согласиться на мѣры правительства. Впрочемъ, въ Вильнѣ еще прежде, въ 1841 г., торжественно открыто было Гинцбургомъ и Залькиндомъ двухклассное училище, которое поручено было надзору Клячко и гдѣ учителемъ русскаго языка былъ Л. Леванда. Предметы преподаванія были: Библія съ нѣмецкимъ переводомъ, Законъ Божій, Талмудъ, русскій языкъ, нѣмецкій языкъ и чистописаніе *. Виленскіе евреи, такимъ образомъ, имѣли уже предъ глазами одно училище въ новомъ духѣ, и могли,

* «Der Orient» 1841 г. № 41, стр. 266.

сколько возможно, убѣдиться въ томъ, что оно не стремится къ подорванію народной вѣры, и очень можетъ быть, что это обстоятельство тоже имѣло вліяніе на уступки, сдѣланныя тѣми же самыми, которые въ первый разъ рѣшились на-отрѣзъ отказать Лиліенталю во всѣхъ требованіяхъ.

Но въ то время, какъ Лиліенталь съ нѣкоторымъ страхомъ дѣйствовалъ въ сѣверо-западномъ краѣ посланіями, въ юго-западномъ почва уже была подготовлена: въ центрѣ еврейства этого края—въ Бердичевѣ, откуда слѣдовало бы ожидать сильнаго отпора, все населеніе ожидало его съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. «И когда онъ пріѣдетъ, наконецъ? почему онъ такъ медлитъ, гдѣ онъ теперь?»—вотъ вопросы, которые раздавались въ Бердичевѣ въ то время, когда Лиліенталь объѣзжалъ сѣверо-западныя губерніи. 2-го октября, въ четвергъ, докторъ Роттенбергъ получилъ извѣстіе о предстоящемъ скоромъ прибытіи Лиліенталя; ненастная погода благопріятствовала тому, чтобы Лиліенталь въѣхалъ ночью въ городъ и до двухъ часовъ имѣлъ личное совѣщаніе съ «друзьями новаго просвѣщенія», которыхъ онъ зналъ по одной перепискѣ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ корреспонденціи доктора Роттенберга въ «Zeitung des Judenthums» (за 1842 г. № 48), въ которой вѣрно отражается духъ и настроеніе умовъ евреевъ того времени: «На слѣдующій день, въ пятницу, 3-го октября,—пишетъ докторъ Роттенбергъ,—съ быстротою молніи еще съ разсвѣтомъ распространилась молва о прибытіи Лиліенталя, и глухимъ гуломъ, точно предъ изверженіемъ вулкана, исполнился весь городъ: какъ предъ грозною бурею черныя тучи, нерасположеніе и тоска проглядывали на лицахъ многихъ изъ здѣшнихъ жителей. Въ 10 часовъ почетнѣйшіе евреи собрались и грустно и медленно отправились привѣтствовать доктора Лиліенталя. Послѣ часовой бесѣды всѣ возвращались веселые и успокоенные, и весь городъ ликовалъ, ибо всѣ партіи увидѣли въ немъ своего спасителя отъ долгихъ страданій, всѣ смотрѣли на его миссію

какъ на радостное пророчество лучшихъ дней. Цѣлое послѣобѣда не переставали посѣщать Лиліенталя наиболѣе почетные бердичевскіе евреи». На слѣдующій день, въ субботу, Лиліенталь отпрьвился въ синагогу, гдѣ имѣлъ намѣреніе въ проповѣди изложить евреямъ цѣли и виды правительства относительно преобразованія ихъ быта; но, не смотря на громкій голосъ Лиліенталя, проповѣдь его заглушалась шумомъ, который ежеминутно производился движеніями массы въ 5,000 человѣкъ. Поэтому Лиліенталь рѣшился лучше объяснить задачу правительства 300 выборнымъ изъ евреевъ, предъ которыми онъ въ воскресенье произнесъ рѣчь. Онъ указывалъ евреямъ на ихъ долголѣтнія бѣдствія, на источники ихъ и на средства къ улучшенію ихъ быта, которыя предлагаются имъ монархомъ, министрами народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ. Въ концѣ рѣчи Лиліенталь замолчалъ, ожидая возраженій или просьбы о разъясненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній; «но, — пишетъ докторъ Роттенбергъ, —и собраніе оставалось въ глубокомъ молчаніи; многіе были тронуты до слезъ; у самыхъ упорныхъ ортодоксовъ, у отъявленнѣйшихъ фанатиковъ, какъ будто спала повязка съ глазъ. А чтобы описать то, что происходило на душѣ у болѣе благонамѣренныхъ, мое перо слишкомъ слабо: съ глазами, наполненными слезъ, радостно и въ тихомъ благоговѣніи сидѣли они, и, окрыляя быстрый полетъ времени, они заглядывали въ будущее, воодушевленные мыслію о томъ, какъ царское слово можетъ поднять двухъ-милліонное населеніе на болѣе высокую ступень гражданственности». Торжественная тишина была прервана, наконецъ, вопросомъ Лиліенталя: «не имѣете-ли вы, любезные мои единовѣрцы, какихъ нибудь вопросовъ, сомнѣній, возвраженій? Выскажитесь теперь же, я на все буду отвѣчать вамъ». Все собраніе въ одинъ голосъ откликнулось словами: «Мы исполнимъ и будемъ послушны, мы постараемся быть достойными сынами нашего великаго и возвышеннаго царя, мы выразимъ наши чувства въ благодарственныхъ адресахъ нашему государю и министру, мы изберемъ между со-

бою раввиновъ, которыхъ пошлемъ въ Петербургъ, согласно волѣ нашего монарха, мы обратимся съ просьбою къ г. Монтефьоре, чтобы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для защиты нашего дѣла» *. Въ Бердичевѣ Лиліенталь произвелъ сильное впечатлѣніе на массу: благочестивые евреи приглашали его къ себѣ на обѣды, на которыхъ присутствовало всегда по нѣскольку почетныхъ лицъ, продолжавшихъ все бесѣдовать о предстоящемъ преобразованіи; многіе приходили къ нему на домъ, какъ къ цадику, изливать предъ нимъ свое горе и выслушивать слово утѣшенія; сосѣдніе колонисты-евреи приглашали его лично убѣдиться въ ихъ ревности къ земледѣльческимъ занятіямъ; при выѣздѣ изъ города ему оказывали чуть-ли не царскія почести: съ громкими благословеніями провожала его масса въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, общество подарило ему въ память большой позолоченный кубокъ, однимъ—словомъ, всѣ ждали отъ него разрѣшенія великаго вопроса о своей будущности. Подобнымъ же образомъ встрѣчали Лиліенталя во всѣхъ прочихъ городахъ юго-западнаго края, изъ главныхъ пунктовъ котораго посылались благодарственные адресы государю и двумъ министрамъ—Уварову и Киселеву. Въ этомъ краѣ Лиліенталь встрѣчалъ сильную поддержку въ обществѣ «друзей новаго просвѣщенія», съ которыми онъ продолжалъ переписываться уже послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ и которыхъ онъ хотѣлъ употребить для перевода на древне-еврейскій языкъ исторіи евреевъ, приготовлявшейся имъ тогда во время отдохновенія отъ работъ по министерству, гдѣ онъ занимался ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ часовъ.

Если энтузіазмъ евреевъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній можно было отчасти приписать и оффиціальному положенію Лиліенталя, то этого никакъ нельзя сказать о евре-

* Мы должны прибавить, что, по порученію Уварова, Лиліенталь письмено пригласилъ для засѣданія въ имѣвшей открыться раввинской коммисіи гг. Монтефьоре и Кремье, какъ людей, которые пользовались высокимъ уваженіемъ у русскихъ евреевъ.

яхъ Новороссійскаго края, которые уже въ то время стояли на извѣстной степени образованности и имѣли уже училища, процвѣтавшія, подъ управленіемъ ученаго директора Штерна, еще до возникновенія мысли объ улучшеніи быта евреевъ посредствомъ ихъ образованія. Еврейское населеніе Одессы, главнаго центра Новороссійскаго края, встрѣтило Лиліенталя еще съ большимъ восторгомъ, чѣмъ бердичевскіе евреи. Но въ Одессѣ Лиліенталь шелъ обратнымъ путемъ въ исполненіи возложеннаго на него порученія: въ то время, какъ въ главномъ центрѣ сѣверо-запада Россіи, въ Вильнѣ, онъ опасался даже явиться, не предпославъ прежде своего циркуляра, въ которомъ онъ кратко увѣщевалъ литовскихъ евреевъ идти по новому, указанному имъ пути; въ то время, какъ первымъ дѣломъ его въ другомъ еврейскомъ центрѣ юго-запада—Бердичевѣ—было обратиться съ рѣчью къ своимъ единовѣрцамъ для возбужденія ихъ сочувствія къ новому дѣлу—въ то же самое время, говоримъ мы, Лиліенталь въ Одессѣ прежде всего старался ознакомиться съ религіозными, общественными и учебными учрежденіями, а потомъ уже высказался относительно главной своей задачи. Въ особенности онъ посвятилъ много времени для изученія духа учебныхъ заведеній. Въ теченіе трехъ дней Лиліенталь производилъ въ нихъ испытанія, результаты которыхъ его изумили. Въ это далекое время всеобщаго мрака и невѣжества между евреями, въ Одессѣ довольно значительное число евреевъ обоего пола обучалось уже языкамъ: русскому, нѣмецкому и французскому, географіи, исторіи всеобщей и русской, ариѳметикѣ, бухгалтеріи, риторикѣ и исторіи литературы. Въ памятной книгѣ этихъ училищъ Лиліенталь записалъ слѣдующее: «Объѣзжая по порученію министра народнаго просвѣщенія губерніи, обитаемыя евреями, для подготовленія умовъ къ учрежденію современныхъ еврейскихъ училищъ, я стремился къ осуществившемуся уже идеалу надеждъ нашихъ будущихъ поколѣній и думалъ найти его въ Одессѣ; но существующія здѣсь учебныя заведенія для мальчиковъ и дѣвочекъ превзошли всѣ

мои ожиданія. Подъ руководствомъ такого человѣка, какъ директоръ Штернъ, подъ вліяніемъ преподаванія такихъ дѣльныхъ учителей, какъ Финкель, Горовицъ и Пинскеръ, подъ неутомимымъ надзоромъ воодушевленной для блага своихъ единовѣрцевъ училищной коммисіи, процвѣтаютъ здѣсь заведенія, которыя могутъ служить образцомъ для будущихъ училищъ. Всѣ преподаваемые здѣсь предметы ясны для воспитанниковъ: они отвѣчаютъ опредѣленно на всѣ вопросы, а это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ нихъ возбуждена мысль и все, что говорится ими, нисколько не зазубрено. Это придаетъ мнѣ бодрость съ большимъ воодушевленіемъ и охотою продолжать мою трудную миссію, ибо я вижу, какіе дѣльные люди, какіе прекрасныя матери выйдутъ изъ еврейскихъ училищъ, и если непоколебимая твердость поведетъ насъ къ достиженію трудной задачи нашей, то тѣмъ, которыя здѣсь такъ прекрасно дѣйствуютъ общими усиліями, будетъ принадлежать значительное участіе въ успѣхѣ, ибо ихъ заслуги внушаютъ мнѣ бодрую настойчивость въ достиженіи цѣли». Очевидно, такимъ образомъ, что Лиліенталю не предстояло особыхъ трудностей къ подготовленію умовъ одесскихъ евреевъ къ будущей дѣятельности правительства. Объ этомъ онъ высказался собранію въ 400 человѣкъ общинныхъ представителей, которымъ онъ указалъ на гуманную дѣятельность въ пользу евреевъ Уварова и Киселева, на необходимость выразить имъ благодарность въ особыхъ адресахъ и просить Монтефьоре и Кремье пріѣхать, согласно предложенію, сдѣланному имъ министромъ, въ Петербургъ, для участія въ раввинской коммисіи. Въ одесской корреспонденціи «Zeitung des Judenthums» (1843 г. № 1) говорится, что къ Лиліенталю, во его время пребыванія въ Одессѣ, ходили цѣлыя толпы людей, «чтобы видѣть и слушать чудодѣя», всѣхъ очаровывавшаго своею рѣчью. «Съ рѣдкимъ знаніемъ человѣческой природы, онъ постигалъ характеръ и степень образованія окружавшей его толпы, принаравливаясь къ каждому сообразно степени его пониманія». Изъ всеобщихъ отзывовъ видно, что Ли-

ліенталь оказывалъ вездѣ какое-то магическое дѣйствіе: онъ былъ первый, который огласилъ одесскую синагогу проповѣдью въ европейскомъ духѣ, съ которой примирились всѣ партіи, даже крайне-ортодоксальная, такъ что въ Одессѣ рѣшили пригласить его къ себѣ въ качествѣ раввина и проповѣдника. Отъѣздъ Лиліенталя,—пишетъ тотъ-же корреспондентъ,—производилъ на всѣхъ поражающее впечатлѣніе и «носилъ на себѣ отпечатокъ какого-то религіознаго торжества». Вся одесская аристократія, въ сопровожденіи безчисленнаго множества людей, окружала его квартиру, гдѣ ему поднесенъ былъ адресъ отъ одесскаго еврейскаго общества, которое выразило ему свое теплое сочувствіе и просило еще разъ остановиться въ Одессѣ на возвратномъ пути изъ Крыма.

Говоря о пребываніи Лиліенталя въ Одессѣ, мы не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя имѣютъ особый интересъ не только въ дѣлѣ образованія русскихъ евреевъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Читателямъ уже извѣстно, что директора Штерна не было въ Одессѣ въ то время, когда Лиліенталь тамъ стяжалъ лавры. Хотя Штернъ испросилъ себѣ отпускъ въ Крымъ для изученія древнихъ памятниковъ, но можно полагать, что отпускъ этотъ не былъ случайный, потому что изъ собранныхъ нами свѣдѣній видно, что отношенія между ними были неровныя и что между ними и послѣ, во время засѣданія въ раввинской коммисіи, происходили столкновенія, принимавшія подчасъ личный характеръ. Желая безпристрастно уяснить себѣ взаимныя отношенія обоихъ дѣятелей на поприщѣ образованія евреевъ, мы долго оставались въ недоумѣніи относительно этого предмета, между тѣмъ какъ разъясненіе его было бы очень важно для раскрытія истиннаго значенія этой вражды: имѣла ли она характеръ личный, или, напротивъ, болѣе внутренній смыслъ. Мнѣнія относительно этого предмета различны. Одни полагаютъ, что директоръ Штернъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, подъ вліяніемъ того именно, что правительство, въ ве-

ликомъ починѣ преобразованія русскихъ евреевъ, отдало предпочтеніе Лиліенталю, тогда какъ онъ пользовался болѣе громкою славою, какъ педагогъ и въ особенно—стиученый. Это мнѣніе объясняетъ тѣмъ-же путемъ то обстоятельство, что Лиліенталь, во время отсутствія Штерна, былъ, безъ всякой почти оппозиціи, избранъ раввиномъ и проповѣдникомъ города Одессы, а потомъ этъ дѣло замялось, не смотря на весь энтузіазмъ, который вызванъ былъ Лиліенталемъ въ одесскомъ обществѣ *. Но мы не рѣшаемся дать вѣры этому мнѣнію, и скорѣе склонны согласиться съ другимъ, болѣе серьезнымъ мнѣніемъ. Другіе именно утверждаютъ, что въ этой борьбѣ между Штерномъ и Лиліенталемъ шла рѣчь объ убѣжденіяхъ, о принципѣ. Штернъ возставалъ противъ всякихъ цивилизаторскихъ стремленій въ насильственномъ духѣ, онъ былъ убѣжденъ, что польза училищъ и ихъ процвѣтаніе обусловливаются вызванною въ нихъ потребностью, а потому онъ полагалъ, что учрежденіе училищъ правительствомъ, а не по иниціативѣ самихъ еврейскихъ обществъ, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Онъ смотрѣлъ, слѣдовательно, на все предпріятіе Лиліенталя, на весь возбужденный имъ повсюду энтузіазмъ, какъ на идеальную мечту, не имѣющую подъ собою никакой почвы, какъ на утопію, которая не можетъ осуществиться. Лиліенталь, напротивъ, былъ убѣжденъ въ томъ, что пока правительство не расшевелитъ русскихъ евреевъ, эти послѣдніе еще долго будутъ прозябать во макѣ, и что есть моменты въ народной жизни, когда на помощь ей должна спѣшить какая нибудь внѣшняя сила съ авторитетомъ власти. Нельзя не усмотрѣть, что у обоихъ дѣятелей различныя убѣжденія выработались подъ влія-

* По поводу этихъ отношеній Штерна и Лиліенталя распространенъ анекдотъ такого рода: разсказываютъ, что, при обсужденіи въ петербургской раввинской коммисіи одного вопроса, Штернъ сказалъ Лиліенталю: „Вы ничего не знаете“, на что Лиліенталь хладнокровно и съ спокойствіемъ духа отвѣтилъ: „Одно только я знаю лучше васъ, г. директоръ“.—„А, что такое?“ вскричалъ Штернъ.—„Молчать“, былъ тихій отвѣтъ Лиліенталя.

ніемъ различныхъ обстоятельствъ. Директоръ Штернъ зналъ одних евреевъ Новороссійскаго края, — евреевъ, которые, подъ вліяніемъ иностранныхъ элементовъ, ранѣе евреевъ другихъ окраинъ нашего отечества почувствовали въ общей массѣ потребность въ образованіи, которая притомъ не задерживалась никакими другими внѣшними или внутренними препятствіями. Училища, возникшія въ этомъ краѣ по инициативѣ самихъ обществъ, содержались на ихъ же счетъ и процвѣтали подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ. Съ этой точки зрѣнія, взглядъ Штерна былъ совершенно вѣренъ. Но Лиліенталь познакомился близко съ бытомъ евреевъ совсѣмъ другихъ мѣстностей, въ которыхъ возникавшая потребность въ образованіи заглушалась, съ одной стороны, внѣшнимъ гнетомъ шляхетства и бюрократіи, враждебно относившихся къ образованію евреевъ и видѣвшихъ въ немъ подготовленіе грозы своимъ собственнымъ интересамъ, а съ другой—внутренними врагами, какими должно считать невѣжество хассидизма и консерватизмъ ортодоксальной партіи. Кромѣ того, Лиліенталь успѣлъ убѣдиться въ томъ, что борьба съ этими внѣшними и внутренними препятствіями образовала цѣлую партію людей, такъ называемыхъ «друзей новаго просвѣщенія», которые тайно вкушали запретный плодъ науки и громко вопіяли объ уничтоженіи преградъ, лежавшихъ на пути къ усовершенствованію. Лиліенталь, поэтому, имѣлъ право и основаніе думать, что рѣшительный шагъ въ этомъ отношеніи можетъ и должно сдѣлать одно правительство, что оно одно можетъ подать руку помощи прогрессивной партіи евреевъ и вызвать ее къ новой жизни. Съ этой точки зрѣнія, и взглядъ Лиліенталя оправдывается силою вещей. Вообще объ этомъ періодѣ преобразованія русскихъ евреевъ можно сказать то же самое, что говорятъ о преобразованіи Россіи въ Петровскій періодъ: или то, что рѣзкій переломъ необходимъ былъ въ интересахъ возобновленія духа русской жизни, или же что этотъ переломъ не могъ бы совершиться даже геніемъ Петра, если бы не было уже подготовлено почвы для реформы и

если бы эта последняя не находила въ самой жизни элементовъ для своего развитія. Такъ или иначе, Лиліенталь нисколько не ошибся въ томъ, что стремился осуществить благородныя намѣренія Уварова относительно улучшенія быта евреевъ путемъ образованія.

Не менѣе важно и другое обстоятельство, тѣсно связанное съ пребываніемъ Лиліенталя въ Одессѣ. Положеніе одесскихъ евреевъ и подроставшая въ ней образованная молодежь навели Лиліенталя на совершенно вѣрную мысль, что одно образованіе, безъ возможности практическаго его приложенія, должно неминуемо вызвать справедливый ропотъ на просвѣтителей, которыхъ можно было упрекнуть въ томъ, что они своими благородными стремленіями обнаруживаютъ только «благія *намѣренія*», но упускаютъ изъ виду «благія *дѣла*». Сознавая практическое значеніе своей мысли, Лиліенталь убѣдилъ одесское общество составить записку на имя генералъ-губернатора князя Воронцова, въ которой указывалось бы на необходимость привести въ болѣе правильное соотвѣтствіе гражданско-политическое положеніе евреевъ съ ихъ нравственнымъ усовершенствованіемъ путемъ образованія. Записка эта была передана Лиліенталемъ генералъ-губернатору, который написалъ одесскому еврейскому обществу письмо слѣдующаго содержанія: «Г. докторъ Лиліенталь передалъ мнѣ вмѣстѣ съ бумагою министра народнаго просвѣщенія записку весьма почтеннаго одесскаго еврейскаго общества, которую я прочелъ съ большимъ вниманіемъ. Большое удовольствіе доставило мнѣ знакомство съ господиномъ докторомъ Лиліенталемъ, который былъ мнѣ рекомендованъ съ хорошей стороны дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Уваровымъ и о которомъ я со всѣхъ сторонъ слышалъ весьма много лестныхъ отзывовъ. При двадцатилѣтнемъ почти знакомствѣ со мною, одесское еврейское общество, вѣроятно, уже успѣло убѣдиться въ томъ, что я всегда былъ готовъ и въ будущемъ готовъ буду содѣйствовать евреямъ здѣшнихъ губерній во всемъ, что только отъ меня зависитъ, и что я въ особенности счи-

таю своимъ пріятнымъ долгомъ содѣйствовать всѣми зависящими отъ меня средствами процвѣтанію уже существующихъ въ Одессѣ и Кишиневѣ еврейскихъ училищъ и распространять кругъ дѣятельности этихъ полезныхъ заведеній и на другія мѣстности Новороссійскаго края и Бессарабской области. Г. Лиліенталь можетъ засвидѣтельствовать своимъ одесскимъ единовѣрцамъ, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе просителей относительно тѣхъ препятствій, которыя, подъ вліяніемъ господствующихъ обстоятельствъ, заграждаютъ образованной еврейской молодежи путь къ полезному приложенію въ жизни пріобрѣтенныхъ ею въ школѣ познаній, и что я также того убѣжденія, что еврейскія заведенія тогда только могли бы сдѣлаться на самомъ дѣлѣ полезными, если бы оканчивающимъ въ нихъ курсъ наукъ открыто было болѣе широкое поприще. Наше правительство, которое такъ дѣятельно заботится объ улучшеніи положенія русскихъ евреевъ, прибѣгнетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ такимъ мѣрамъ, которыя были бы въ состояніи поощрять еврейскую молодежь къ изученію полезныхъ наукъ, сообразно съ которыми она могла бы ожидать больше пользы отъ своихъ успѣховъ. Мѣстныя учрежденія, къ которымъ министръ народнаго просвѣщенія обратился по этому дѣлу, имѣютъ право и обязанность сообщить правительству и свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Вслѣдствіе этого я въ скоромъ времени позаймусь этимъ дѣломъ и съ возвращеніемъ моимъ въ Одессу (Лиліенталь передалъ Воронцову записку одесскихъ евреевъ въ Крыму) буду имѣть совѣщаніе съ тамошнимъ еврейскимъ обществомъ, чтобы согласиться въ томъ, о чемъ должно быть сдѣлано представленіе въ Петербургъ» *.

Изъ этого можно убѣдиться въ томъ, что Лиліенталь считалъ несовмѣстнымъ возвышеніе умственнаго уровня евреевъ съ ограниченіемъ ихъ въ гражданско-политическихъ правахъ. То же самое видно изъ того, что Лиліенталь ходатайствовалъ чрезъ

* «Zeitung des Judenthums» 1843 г., стр. 101.

Уварова объ уничтоженіи черты постоянной осѣдлости евреевъ, по крайней мѣрѣ, для болѣе образованныхъ изъ нихъ и для иностранныхъ евреевъ-медиковъ, которые по дипломамъ своимъ имѣли право практиковать въ Россіи, но ходатайство это встрѣтило тогда оппозицію, не смотря даже на то, что Уваровъ принялъ на себя защиту этого дѣла предъ комитетомъ министровъ (письмо Лиліенталя къ Роттенбергу отъ 20 октября 1843 г.); но мы къ этому предмету еще возвратимся въ концѣ этой статьи.

Читателямъ уже извѣстно, что Лиліенталь и Уваровъ желали, чтобы Кремье и Монтефьоре присутствовали при открытіи раввинской коммисіи въ Петербургѣ, такъ какъ эти двѣ личности пользовались громаднѣйшимъ авторитетемъ у русскихъ евреевъ. Но Кремье, какъ видно изъ письма его къ Лиліенталю, желалъ имѣть приглашеніе на пріѣздъ отъ самого государя, чтобы этимъ, какъ говоритъ онъ, гарантировать себѣ оффиціальную достовѣрность желанія его пріѣзда въ Россію. По всѣмъ вѣроятностямъ, трудно было тогда выполнить такое щекотливое требованіе французскаго депутата, а потому Лиліенталь предложилъ одесскому еврейскому обществу послать Кремье особый адресъ и просить его о пріѣздѣ. На этотъ адресъ Кремье отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ: «Изъ палаты депутатовъ. Парижъ, 10 февраля 1843 года. Милостивые государи и дорогіе мои единовѣрцы! Мнѣ было бы очень трудно выразить вамъ все то волненіе, которое я чувствовалъ при чтеніи вашего адреса. Надежда, которую евреи всего земного шара возлагаютъ на мое содѣйствіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся возвышенія ихъ соціальнаго положенія, составляетъ самую лестную награду за постоянныя усилія мои въ пользу улучшенія ихъ судьбы, ихъ гражданской и политической эмансипаціи... Я отъ всей души привѣтствую великую идею русскаго государя и готовъ всѣми силами содѣйствовать этому прекрасному дѣлу, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ можетъ повести къ весьма важнымъ результатамъ... Я получилъ, прав-

да, письмо отъ г. Лиліенталя, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ подробности проекта учрежденія училищъ, я узналъ также изъ этого письма, что министръ Уваровъ, имя котораго въ будущемъ будетъ тѣсно связано съ будущностью дѣтей вашихъ, желаетъ моего присутствія и что государь съ удовольствіемъ узнаетъ о моемъ пріѣздѣ въ Россію» *. Затѣмъ, онъ опять повторяетъ то, что онъ писалъ уже Лиліенталю. Но для насъ важно не то, что Кремье настаивалъ на полученіи приглашенія отъ самого государя, а то, что онъ во взглядѣ своемъ на дѣло образованія русскихъ евреевъ сошелся съ другими иностранными евреями и понялъ всю важность его, хотя нельзя считать вѣрнымъ мнѣніе его о томъ, что эмансипація евреевъ главнымъ образомъ обусловливается ихъ воспитаніемъ. Мы не можемъ положительно сказать, были-ли Кремье и Монтефьоре въ Петербургѣ или нѣтъ: о Монтефьоре, по крайней мѣрѣ, сообщалось въ «Zeitung des Judenthums», что ожидаютъ его прибытія въ Петербургъ.

Въ другихъ городахъ Новороссійскаго края Лиліенталя встрѣчали съ тѣмъ же восторгомъ, въ особенности въ Херсонѣ, гдѣ ему отдавали особый почетъ. Встрѣченный городскою депутаціею и раввиномъ, Лиліенталь, въ самый день пріѣзда, читалъ рѣчь многочисленному собранію, которому объяснялъ цѣль своего путешествія, и подготовлялъ его къ исполненію намѣреній правительства. Затѣмъ, лучшіе представители общества провожали его на особо нанятомъ пароходѣ въ Алешки. Проводы эти отличались многими особенностями, которыя мы оставляемъ въ сторонѣ, объясняя себѣ только неимовѣрный восторгъ херсонцевъ тѣмъ, что въ числѣ ихъ было много колонистовъ, которые, при содѣйствіи Лиліенталя, получили возможность переселиться въ Новороссійскій край и встрѣтили его, поэтому, какъ добраго знакомаго и стараго благодѣтеля. Въ главномъ городѣ Бессарабской области, въ Кишиневѣ, Лиліенталь тоже выполнилъ какъ

* Тамъ же, стр. 190.

слѣдуетъ свою миссію. Кишиневскій корреспондентъ «Zeitung des Judenthums» * говоритъ, что набожная масса встрѣчаетъ предстоящую реформу въ дѣлѣ воспитанія и культа съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, тогда какъ она обыкновенно возстаетъ противъ всякихъ нововведеній, предпринимаемыхъ извнѣ, и старается подавлять ихъ въ самомъ зародышѣ. Успѣхъ выполненія Лиліенталемъ возложенной на него обязанности приписывается въ этой корреспонденціи его необыкновенному и увлекательному дару слова, его умѣнью обращаться съ народною массою. Такимъ образомъ Лиліенталь завершилъ трудное дѣло приготовленія народа и убѣжденія его въ благотворныхъ результатахъ образованія. Возвратившись въ Петербургъ, Лиліенталь засѣдалъ въ раввинской коммисіи, какъ депутатъ отъ правительства. Раввинская коммисія состояла изъ предсѣдателя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Врончeнки, докладчика—Дукшта-Дукшинскаго, депутата отъ правительства—Лиліенталя, секретаря—Кузнецова и членовъ; воложинскаго раввина Ицхака Ицхаки, любавичскаго раввина Менделя Шнеергона, директора одесскаго еврейскаго училища Бецалеля Штерна и бердичевскаго банкира Израиля Гальперина **. Нѣкоторые отнеслись подозрительно къ консервативному составу этой коммисіи въ большинствѣ ея членовъ и высказали серьезныя опасенія на счетъ благопріятнаго исхода ея работъ ***; но работы эти разсматривались, по окончаніи ихъ, въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и о иихъ мы будемъ говорить во второмъ періодѣ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Теперь же мы должны высказать наши общія замѣчанія относительно законченнаго нами перваго періода.

Изъ представленнаго нами очерка перваго періода образованія русскихъ евреевъ читатель можетъ извлечь нѣкоторые

* Тамъ же, стр. 22.

** Тамъ же, стр. 310.

*** Тамъ же, стр. 476.

выводы, весьма важные, какъ для установленія правильнаго взгляда на любопытныя стороны національнаго характера евреевъ, такъ и для опредѣленія тѣхъ средствъ и цѣлей, которыя слѣдуетъ избирать и ставить при серьезномъ желаніи преобразовать ихъ внутренній бытъ. Прежде всего нельзя не указать на то отрадное явленіе, что въ первой четверти настоящаго вѣка и нѣсколько спустя, когда русскіе евреи, подвергаясь разнаго рода ограниченіямъ въ правахъ, испытывали еще сверхъ того тяжелое чувство униженія подъ вліяніемъ болѣе чѣмъ грубаго отношенія къ нему населенія западныхъ губерній, въ средѣ ихъ нашлась цѣлая партія людей, слѣдившая за литературнымъ и научнымъ движеніемъ иностранныхъ своихъ единовѣрцевъ и ознакомившаяся даже съ состояніемъ ихъ учебныхъ заведеній. Мало того, эта партія отдавала себѣ ясный отчетъ въ причинахъ, задерживающихъ нравственное усовершенствованіе народа, и не разъ задумывалась надъ средствами къ уничтоженію всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ преградъ. Прибавьте къ тому, что эта партія дѣйствовала осторожно и тайно, но солидарно, и притомъ въ такихъ захолустьяхъ, какъ Бердичевъ, Дубно и другіе города того времени, и вы получите наглядное представленіе о силѣ характера этого племени, о его настойчивости и живучести, о его стремленіяхъ вырваться изъ обособленности и присоединиться къ живому потоку общечеловѣческой жизни, которая слишкомъ долго рисовалась ему въ очаровательной дали вѣчно-недостижимымъ идеаломъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ не сочувствовать «друзьямъ новаго просвѣщенія», которые, не ожидая никакой рѣшительной выгоды отъ изученія разныхъ отраслей знанія, призираемые извнѣ и преслѣдуемые внутри, все-таки остаются вѣрны своему знамени, которое они продолжаютъ носить, какъ тяжелый крестъ своей жизни? Кто можетъ имъ не сочувствовать въ то время, когда они вдругъ узнаютъ о движеніи въ правительственной сферѣ, направленномъ къ осуществленію столь долго лелѣянной ими мечты, когда они на самомъ дѣлѣ видятъ предъ

собою посланнаго къ нимъ Лиліенталя, на живомъ языкѣ заговорившаго съ ними совершенно открыто о томъ, что такъ долго должно было глохнуть у нихъ въ душѣ? Какъ ни будетъ это идиллически, но мы не можемъ удержаться отъ сравненія положенія этихъ «друзей новаго просвѣщенія» съ положеніемъ мореплавателей, которые, впервые пустившись для открытій въ широкое море и долго и безнадежно продолжая плыть на кораблѣ съ ломающимися мачтами и рвущимися снастями, вдругъ съ замираніемъ сердца замѣчаютъ летающихъ птицъ, предвозвѣстниковъ недалекаго берега. Вотъ то положеніе, въ которомъ, быть можетъ, еще и теперь находятся очень многіе изъ евреевъ, чутко прислушивающихся ко всему, что предпринимается на ихъ счетъ тѣми, отъ которыхъ зависитъ—или открыть широкое поприще молодымъ силамъ, ищущимъ соотвѣтственныхъ ихъ воспитанію и образованію занятій, или же оттиснуть ихъ въ такую сферу дѣятельности, къ которой они не чувствуютъ никакого призванія. Но вѣрно ли, или нѣтъ, обрисованное нами положеніе, приведенные выше факты, заимствованные нами изъ перваго періода образованія русскихъ евреевъ, сами по себѣ замѣчательны и совершенно опровергаютъ нелѣпое мнѣніе, что между евреями не обнаруживается искренняго желанія уничтожить замкнутость и изолированность своего положенія.

Чрезвычайно важно также уяснить себѣ то странное явленіе, почему евреи въ первый разъ давали такой сильный отпоръ Лиліенталю, а во второй—повсюду встрѣчали его съ такимъ восторгомъ. Кромѣ тѣхъ разбросанныхъ въ нашемъ очеркѣ данныхъ, которыя отрывочно объясняютъ это явленіе, главная причина его заключается въ слѣдующемъ. Въ началѣ думали, что возможно будетъ вести это новое и важное дѣло келейнымъ образомъ, и весь ходъ его покрывался мракомъ канцелярской тайны: евреи знали только, что правительство заготовляетъ имъ что-то новое, невѣдомое. Это невѣдѣніе того, что касалось самыхъ священныхъ интересовъ еврейства, воспламеняло и безъ

того разгоряченное воображеніе евреевъ и подорвало въ нихъ довѣріе къ правительству. Этимъ объясняется тотъ страхъ, который евреи обнаружили въ первый разъ предъ Лиліенталемъ, косвенно высказывая ту мысль, что ему самому неизвѣстны намѣренія правительства. Мы уже прежде сказали, что евреи могли узнать о тѣхъ выраженіяхъ въ докладахъ Уварова, которыя онъ употреблялъ какъ необходимую уступку своему времени, но въ которыхъ очень ясно содержался намекъ на возможность путемъ образованія повліять на измѣненіе религіозныхъ убѣжденій евреевъ, и потому секретность въ первоначальномъ веденіи дѣла могла только укрѣпить евреевъ въ ихъ догадкахъ и заставить ихъ рѣзко выступить противъ намѣреній правительства. Но надобно благодарить Уварова, который былъ настолько прозорливъ, что предвидѣлъ всю невозможность дальнѣйшаго веденія дѣла въ томъ же порядкѣ и тотчасъ же далъ ему надлежащее направленіе искреннимъ оглашеніемъ всего, что касалось предпріятія правительства, и привлеченіемъ къ обсужденію вопроса о преобразованіи быта евреевъ выборныхъ съ ихъ стороны. Только послѣ этого правительство имѣло возможность правильно и скоро разрѣшить сложное дѣло, при содѣйствіи самихъ евреевъ, которые платили откровенностью за откровенность. Этимъ опытомъ не слѣдовало бы пренебрегать каждый разъ, когда рѣчь заходитъ о преобразованіи существующихъ учебныхъ заведеній; слѣдовало бы, для успѣха самаго дѣла, выслушивать съ полною откровенностью разнообразныя сужденія объ этомъ предметѣ людей, близко знающихъ состояніе существующихъ учебныхъ заведеній, ихъ дѣйствительные недостатки, причины, препятствующія ихъ процвѣтанію, и средства, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгнуть для возобновленія ихъ духа и устройства ихъ на началахъ, болѣе раціональныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ условіямъ общественной жизни евреевъ, характеру и цѣли самыхъ заведеній. Но, къ сожалѣнію, не смотря на всѣ заявленія, часто дѣлаемыя въ литературѣ по этому предмету, учрежде-

нія, занимающіяся обсужденіемъ вопроса о преобразованіи еврейскихъ училищъ, обыкновенно не считаютъ нужнымъ выйти изъ предѣловъ односторонняго обсужденія одной изъ важнѣйшихъ частей еврейскаго вопроса и берутъ, такимъ образомъ, на себя всю отвѣтственность за возможное неудовлетворительное исполненіе возложенной на нихъ обязанности.

Но самое главное, на что слѣдуетъ обратить особое вниманіе, это—необходимость въ установленіи строгой системы для приведенія разъ принятыхъ въ руководство началъ. Мы видѣли, что министръ Уваровъ старался привести разныя правила, касающіяся образованія евреевъ, не только въ связь между собою, но и съ другими частями законодательства, съ которыми они приходятъ въ тѣсное соприкосновеніе. Онъ зналъ, что благоденствіе вызваннаго къ жизни учрежденія во многомъ зависитъ отъ поддержанія въ немъ органической связи съ цѣлымъ тѣломъ, среди котораго оно призвано дѣйствовать и часть котораго оно составляетъ, и что всякій перерывъ въ этомъ отношеніи есть посягательство на самую жизнь учрежденія. Въ строгомъ проведеніи этой системы Уварова, просвѣчивающейся во многихъ мѣстахъ его доклада и въ выработанныхъ за тѣмъ правилахъ, заключался залогъ процвѣтанія въ будущемъ еврейскихъ учебныхъ заведеній. Совершенно вѣрно построивъ основное начало своей системы, которую мы назовемъ системою органической связи частей съ цѣлымъ, Уваровъ считалъ даже излишнимъ предрѣшать въ самомъ началѣ всѣ отдѣльные случаи, а полагалъ возможнымъ осуществлять свой принципъ не по установившимся разъ навсегда нормамъ, а принаравливаясь постоянно къ измѣняющимся условіямъ жизни. Но для того, чтобы довести до конца начертанный Уваровымъ планъ и уловить всѣ тѣ перемѣны, которыя произошли въ общественномъ строѣ русской и внутренней жизни самихъ евреевъ послѣ учрежденія училищъ, необходимо было прежде всего *усвоить* себѣ основной взглядъ Уварова на это дѣло,—а между тѣмъ преемники его не только не руководствовались этимъ планомъ въ дальнѣй-

шихъ своихъ дѣйствіяхъ, но дозволяли себѣ явныя отступленія отъ него, изъ которыхъ многія находились въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнью, что появились въ свѣтъ мертворожденными. Еще болѣе замѣчательно то, что все не хорошее, не цѣлесообразное въ основныхъ правилахъ объ учрежденіи училищъ удерживается, напротивъ, съ рѣдкою систематичностью еще понынѣ, въ теченіе 30 лѣтъ, между тѣмъ, какъ при жизни Уварова оно могло бы подвергаться измѣненіямъ, въ силу его основного взгляда о необходимости идти въ уровень съ требованіями общества и времени.

Въ связи съ основнымъ взглядомъ Уварова находится также и мысль о необходимости расширенія правъ евреевъ, по мѣрѣ обнаруженія въ нихъ влеченія къ образованію. Въ этихъ видахъ Уваровъ еще вначалѣ считалъ необходимымъ даровать воспитанникамъ еврейскихъ заведеній особыя права и не преграждать имъ, а, напротивъ, поощрять переходъ въ общія заведенія имперіи, для котораго еврейскія служили, по мысли Уварова, только посредствующимъ звеномъ, только подмостками, но которымъ еврею возможно было взбираться на лучшій путь. Между тѣмъ, послѣ Уварова, начали идти въ этомъ отношеніи черепашьимъ шагомъ и даже по совершенно противоположному направленію: права воспитанниковъ все болѣе и болѣе ограничивались; уравненіе раввинскихъ училищъ съ общими средними заведеніями имперіи, съ которыми они давно уже были сравнены самимъ закономъ, и распространеніе на ихъ воспитанниковъ правъ воспитанниковъ общихъ заведеній, нуждалось, по истеченіи 20 лѣтъ, въ подтвержденіи новымъ указомъ; казеннокоштнымъ воспитанникамъ, и надобно прибавить, наиболѣе даровитымъ, оффиціально воспрещенъ переходъ въ университеты,—однимъ словомъ, основныя правила, до сихъ поръ ничѣмъ не отмѣненныя, какъ будто не существуютъ, и еврейскія заведенія, остановившись въ недоконченномъ видѣ, совершенно не въ томъ, какой они должны были принять по плану Уварова, каждый разъ все болѣе и болѣе

разобщаются съ тѣми дѣйствительными интересами, которымъ они призваны были служить *. Кромѣ того, повышеніе евреевъ, получившихъ высшее образованіе, всегда было стремленіемъ нашего правительства съ начала XIX столѣтія и особенно поддерживалось Уваровымъ,—и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣланъ былъ въ этомъ отношеніи весьма важный шагъ, который могъ бы привлечь множество евреевъ къ полезной дѣятельности и этимъ самымъ совершенно слить ихъ интересы съ интересами общаго ихъ отечества, съ интересами общечеловѣческой, а не спеціально-еврейской жизни. Мы говоримъ о законѣ, открывшемъ всѣмъ евреямъ, окончившимъ высшее заведеніе съ ученою степенью, доступъ къ профессурѣ. На этотъ законъ многіе евреи дѣйствительно разсчитывали, на него разсчитывало даже само правительство, отправлявшее ученыхъ юристовъ изъ евреевъ за границу для подготовленія ихъ къ занятію каѳедры по юридическимъ наукамъ,—а между тѣмъ, не смотря на это обоюдное и согласное стремленіе къ одной и той же цѣли, законъ этотъ, по отношенію къ политическимъ и нравственнымъ наукамъ, потерялъ всякую практическую силу. Нельзя сказать, чтобъ наши университеты не нуждались въ профессорахъ по этимъ наукамъ: напротивъ, многія каѳедры свободны и ищутъ конкуррентовъ; нельзя сказать, чтобъ не было между евреями способныхъ къ занятію такихъ каѳедръ; нельзя сказать также, чтобы евреи не желали ихъ занять. Что-же могло остановить силу этого единственно важнаго для евреевъ закона, который указываетъ на несомнѣнное желаніе правительства воспользоваться молодыми силами евреевъ и не дѣлать различія между евреемъ и не-евреемъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о наукѣ, ея распространеніи и развитіи? Неужели какое нибудь административное распоряженіе? Но это было бы несогласно съ законами и противно ихъ сущности и духу. Но какъ-бы то ни было, фактъ существуетъ, и это весьма важное недоразумѣніе

* Писано еще въ періодъ существованія раввинскихъ училищъ.

Авторъ.

можетъ неблагопріятно подѣйствовать на желаніе евреевъ образоваться и достигнуть какого нибудь достойнаго человѣка положенія въ жизни. Минскіе евреи, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, высказали Лиліенталю весьма вѣрную мысль, что образованіе безъ соотвѣтственныхъ ему правъ можетъ убить въ еврeѣ чувство національнаго достоинства и морально унизить его какъ человѣка. Что же должны сказать нынѣшніе евреи, на самомъ дѣлѣ испытывающіе на себѣ зловѣщее пророчество минскихъ евреевъ?

Заканчивая первый періодъ образованія русскихъ евреевъ, въ которомъ игралъ такую дѣятельную роль д-ръ Лиліенталь, мы не можемъ не остановиться на вопросѣ,—почему онъ, такъ усердно занимавшійся осуществленіемъ въ высшей степени важнаго дѣла, оставляетъ его какъ разъ въ то время, когда оно благополучно разрѣшилось и когда именно необходимо было оставить при вновь учрежденныхъ училищахъ хоть одного человѣка, который близко знакомъ былъ съ основаніемъ и цѣлью ихъ учрежденія и могъ-бы, слѣдовательно, больше другихъ радѣть объ интересахъ этихъ заведеній, имъ самимъ вызванныхъ въ жизни? Сколько мы ни старались узнавать объ этомъ загадочномъ событіи, мы все-таки ни отъ кого не получили не только удовлетворительнаго, но хотя сколько нибудь сноснаго отвѣта. Г. Ротенбергу Лиліенталь объясняетъ причину своего отъѣзда въ Америку слѣдующими словами: «Я оставляю своихъ бѣдныхъ, угнетаемыхъ единовѣрцевъ Европы, которымъ помочь я не въ состояніи, чтобъ поселиться въ свободной странѣ, среди свободныхъ собратій». Дѣйствительно, Лиліенталь еще и теперь, въ то время, какъ пишется эта статья, находится въ Америкѣ и принадлежитъ къ крайнереформатской партіи раввиновъ. Онъ именно и есть тотъ самый американскій раввинъ, о которомъ мы въ одномъ изъ нашихъ иностранныхъ обозрѣній въ газетѣ «День» сказали, что онъ одинаково увлекаетъ своею человѣчною проповѣдью и христіанъ въ церкви, и евреевъ въ синагогѣ. Но въ словахъ его Ротенбергу скрывается замѣтная

грусть и какое-то чувство сожалѣнія, какъ о Европѣ, такъ и о своихъ единовѣрцахъ. Извѣстно также, что Лиліенталь вдругъ оставилъ Россію и при самыхъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ: у него было всего около 300 р. и серебрянный кубокъ бердичевцевъ, которымъ онъ, впрочемъ, гордился при отъѣздѣ. Однимъ словомъ, отъѣздъ его сопровождается какою-то непроницаемою тайною, о которой онъ не хотѣлъ сообщить даже г. Ротенбергу, между тѣмъ, какъ онъ состоялъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ и довѣрялъ ему очень многое, съ обыкновенною добавкою — держать въ тайнѣ между друзьями. Гадательно мы можемъ себѣ объяснить этотъ внезапный выѣздъ одною изъ слѣдующихъ причинъ. Лиліенталь могъ остаться недовольнымъ тѣмъ именно, что, съ выработкою правилъ объ учреждении училищъ, правительство отказалось отъ первоначальной мысли пригласить изъ-за границы учителей, тогда какъ онъ, по порученію Уварова, вступилъ о томъ въ переписку съ заграничными учеными, а Уваровъ въ докладѣ государю даже указалъ на цифру расходовъ, которые окажутся необходимыми для снабженія училищъ учителями изъ иностранныхъ евреевъ. Лиліенталь взбудоражилъ всю Германію, гдѣ болѣе 200 человѣкъ ждали уже разрѣшенія въ Россіи вопроса о еврейскихъ училищахъ, ждали до того, что иностранные органы каждый разъ дѣлали Лиліенталю упреки за медлительность въ приглашеніи, на которые онъ отвѣчалъ торжественнымъ обѣщаніемъ и увѣрялъ, что къ этому будетъ приступлено немедленно съ учрежденіемъ училищъ; онъ даже оправдывалъ Россію, указывая на ея обширную пространственность, которая препятствуетъ быстрому сношенію съ мѣстными властями объ этомъ предметѣ и скорому поступленію отвѣтовъ отъ мѣстныхъ комитетовъ; но, представьте себѣ положеніе Лиліенталя, поддерживавшаго надежду иностранцевъ въ теченіи двухъ лѣтъ, имѣя къ тому полное основаніе и дѣйствуя отъ имени правительства, —представьте себѣ его положеніе, когда правительство вдругъ отказывается отъ прежней своей мысли

и замѣщаетъ всѣ мѣста русскими евреями? Иностранные евреи имѣли достаточное основаніе думать, что Лиліенталь вводилъ ихъ только въ заблужденіе и хотѣлъ воспользоваться ихъ мнѣніями о пользѣ еврейскихъ училищъ, чтобы поставить себя выше въ глазахъ русскаго правительства. Мы бы тоже такъ думали, если-бъ не имѣли подъ руками обнародованнаго доклада Уварова, изъ котораго видно, что Лиліенталь дѣйствовалъ искренне, что онъ приглашалъ иностранныхъ евреевъ именемъ правительства, а мнѣнія ихъ передавались Уварову отъ имени ихъ составителей. Но иностранные евреи оффиціально въ этомъ не могли убѣдиться; докладъ Уварова имъ былъ неизвѣстенъ: онъ появился недавно и въ спеціальномъ изданіи министерства,—а потому Лиліенталь не могъ имѣть предъ ними никакого оправданія, и они имѣли полное право заподозрить его въ недобросовѣстности, и Лиліенталь очень хорошо понималъ неловкость своего положенія. Какъ человѣкъ тогда еще молодой, пылкій и впечатлительный, онъ не могъ перенести этого чувства и долженъ былъ доказать наглядно, что онъ не хочетъ пользоваться своимъ положеніемъ въ Россіи. Другая догадка та, что Лиліенталь самъ тоже разочаровался. Какъ видно, и онъ не получилъ никакого мѣста, потому что былъ иностранецъ; инспекторскія мѣста раввинскихъ училищъ замѣщены были другими—русскими евреями, а въ Ригѣ, гдѣ онъ занималъ прежде должность раввина и проповѣдника, которую онъ добровольно оставилъ, при глубокомъ сожалѣніи о томъ рижскаго общества, вслѣдствіе занятій по вопросу о еврейскихъ училищахъ, требовавшихъ постояннаго его присутствія при министерствѣ. избрали, между тѣмъ, по его же совѣту, впослѣдствіи петербургскаго, раввина г. Неймана,—и онъ остался безъ всякаго мѣста. Одесситы-же, которые встрѣчали его съ такимъ энтузіазмомъ и подали ему благодарственный адресъ, выразивъ въ немъ горячее желаніе имѣть его своимъ раввиномъ-проповѣдникомъ, тоже какъ-то притихли, по указаннымъ нами выше причинамъ. Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, мы должны вспом-

нить еще одно очень важное обстоятельство, которое можетъ пролить свѣтъ на загадочный выѣздъ Лиліенталя. Читатели знаютъ, что Лиліенталь далъ торжественную клятву евреямъ, что онъ оставитъ свое дѣло, если онъ хоть сколько нибудь убѣдится въ справедливости ихъ опасеній. Можетъ быть—и эта причина имѣла мѣсто. Но какъ бы то ни было, чрезвычайно странно то, что человѣкъ, надѣлавшій столько шуму въ Россіи, усердно работавшій по такому важному дѣлу, какъ улучшеніе быта евреевъ путемъ образованія, человѣкъ, проведшій до конца мысль Уварова,—долженъ былъ не только безъ шуму, но, какъ говорятъ, украдкою оставить Россію. Не смотря на всѣ наши соображенія, загадка остается загадкою.

Періодъ II.

Въ первомъ періодѣ образованія русскихъ евреевъ, который можно назвать *лиліентальскимъ* мы охарактеризовали внутреннее броженіе въ средѣ лучшей части еврейскихъ общинъ Россіи до сороковыхъ годовъ; мы указали на стремленія «друзей новаго просвѣщенія», долго не находившихъ для себя почвы ни въ одной изъ сферъ общественной жизни; мы представили въ общихъ чертахъ попытки, сдѣланныя правительствомъ на пути привлеченія евреевъ къ общему образованію, и трудности, которыя приходилось преодолѣвать получившимъ высшее образованіе евреямъ для того, чтобъ на самомъ дѣлѣ воспользоваться матеріальными выгодами науки; мы обращали также вниманіе на отношеніе правительства къ евреямъ и на принятыя имъ мѣры къ улучшенію быта ихъ путемъ образованія; мы видѣли, какъ евреи относились сначала съ недовѣріемъ къ дѣйствіямъ правительства въ этомъ направленіи, когда они покрывались мракомъ канцелярской тайны, и какой энтузіазмъ, напротивъ, вызванъ былъ въ еврейскихъ обществахъ, когда правительство открыто заявило черезъ Лиліенталя свои взгляды

на дѣло образованія евреевъ; мы успѣли также убѣдиться въ томъ именно, что только благодаря второму способу дѣйствій со стороны правительства, ему удалось провести въ жизнь одну изъ завѣтнѣйшихъ своихъ мыслей — вывести евреевъ изъ того незавиднаго положенія, въ которомъ они тогда находились; мы видѣли, наконецъ, что результатомъ дѣятельности правительства было — открытіе особыхъ еврейскихъ училищъ. Съ открытіемъ этихъ послѣднихъ начинается второй періодъ образованія русскихъ евреевъ, періодъ, въ которомъ рѣчь шла о средствахъ, какія слѣдуетъ избрать для осуществленія такъ называемыхъ, главныхъ основаній для образованія евреевъ. Если въ первомъ періодѣ вся заботливость правительства сосредоточивалась на томъ, какой *путь* наиболѣе пригоденъ для осуществленія поставленной задачи, и послѣ долгихъ колебаній правительство перешло отъ системы поощренія евреевъ къ *общему* образованію, къ системѣ преобразованія быта евреевъ въ спеціально для нихъ устроенныхъ *еврейскихъ* школахъ, — то, ставъ на эту послѣднюю точку зрѣнія, правительство не менѣе должно было тратить силъ на то, чтобы какъ можно легче и незамѣтно для самихъ евреевъ пройти этотъ, разъ на всегда избранный путь, или, другими словами, изыскать способъ къ тому, чтобы принятыя правительствомъ основанія въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ не стали въ противорѣчіе съ ихъ духовно-религіознымъ развитіемъ и этимъ самымъ не отторгли бы евреевъ отъ системы правительства. Возставая въ своемъ докладѣ государю противъ ученія талмуда и «оставляя преподаваніе его только для виду» *, Уваровъ не разъ останавливается надъ тѣмъ, слѣдуетъ ли, направляя дѣйствія училищъ противъ дѣйствія талмуда, «заявить гласно эту мысль» **, и приходитъ къ тому заключенію, что «не должно и даже не нужно» ***. При такомъ направленіи, разумѣется, необходимо

* Дополненіе къ Сборнику постановленій по Мин. Нар. Просв. 1863—1864. С.-Петербургъ.

** Тамъ-же.

*** Тамъ-же.

стало обратиться къ средствамъ, которыя, не обнаруживая ни въ чемъ предъ евреями тайныхъ намѣреній правительства, все-таки дѣйствовали бы рѣшительно въ смыслѣ искорененія у евреевъ талмудическихъ преданій. Эта система, вытекавшая, какъ мы видѣли въ первомъ очеркѣ нашемъ, изъ ложнаго понятія Уварова о талмудѣ, вызвала, по учрежденіи училищъ, борьбу въ средѣ евреевъ, которая хотя и велась тихо, взволновала, однако, всѣ умы и прошла чрезъ весь второй періодъ образованія русскихъ евреевъ. Точно также, какъ первый періодъ тѣсно связанъ съ именемъ *Лиліенталя*, взявшаго на себя склонить евреевъ къ образованію ихъ дѣтей—въ открываемыхъ отъ правительства училищахъ, такъ второй періодъ тѣсно связанъ съ именемъ *Мандельштама*, принявшаго на себя осуществленіе системы правительства въ отношеніи замѣна оставляемаго для виду талмуда другими произведеніями въ духѣ правительства. Осуществленію этой системы въ жизни мы обязаны возникновеніемъ дѣла, извѣстнаго подъ названіемъ дѣла мандельштамскаго, которое въ свое время надѣлало много шума, привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе не только еврейскихъ обществъ, но и многихъ высшихъ правительственныхъ сферъ, которыя тщательно занимались его изслѣдованіемъ. Дѣло это, послѣ долгихъ протестовъ со стороны еврейскихъ обществъ и послѣ долгихъ пререканій правительственныхъ мѣстъ и лицъ, окончилось, разумѣется, ничѣмъ; но оно уже успѣло подорвать довѣріе къ правительственному авторитету и къ начатому подъ его вліяніемъ и покровительствомъ преобразованію евреевъ.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ способамъ осуществленія правительственной системы, мы должны охарактеризовать ее въ основныхъ чертахъ, чтобы читатель могъ составить себѣ ясное о ней понятіе и судить вмѣстѣ съ нами о томъ, насколько избранныя для осуществленія средства соотвѣтствовали цѣли. Система эта заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, такъ какъ она въ цѣломъ выработана подъ вліяніемъ изученія быта и дѣйствительныхъ потребностей евреевъ и могла

бы на самомъ дѣлѣ повести къ желаннымъ результатамъ, если бы не обнаружилась безтактность въ осуществленіи самой щекотливой стороны ея и если бы обращено было вниманіе на первый пунктъ этихъ главныхъ основаній, въ которомъ говорится: «здѣсь излагаются средства къ достиженію этой цѣли, съ опредѣленіемъ *необходимой послѣдовательности* въ распоряженіяхъ министерства народнаго просвѣщенія» *.

Правительство наше постоянно стремилось «къ постепенному сближенію евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ и къ искорененію суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда» **. Достигнуть этой цѣли правительство думало путемъ распространенія между евреями «гражданскаго образованія» и доставленія имъ чрезъ то «надежнѣйшихъ способовъ пользоваться присвоенными ихъ состоянію выгодами» ***, равно и развитія въ нихъ, путемъ образованія, «убѣжденія въ пользѣ производительнаго труда †, которое должно было содѣйствовать улучшенію ихъ быта». Правительство пришло къ убѣжденію, что привлеченіе евреевъ въ общія учебныя заведенія не можетъ имѣть желаемаго успѣха †*. Этотъ печальный результатъ приписывается исключительно недостаткамъ, коренящимся, будто бы, въ національности евреевъ. Но мы видѣли изъ перваго нашего очерка, въ какой мѣрѣ евреи, откликнувшіеся на зовъ правительства, на самомъ дѣлѣ могли воспользоваться выгодами, предоставленными имъ положеніями 1804 и 1835 годовъ †**, и насколько положительный законъ въ состояніи былъ гарантировать права евреевъ, получившихъ высшее общее образованіе въ новѣйшее время *†.

* Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв. Томъ II, 1840—1855 гг. С.-Петербургъ, 1864 г., стр. 340.

** Тамъ-же.

*** Тамъ-же, стр. 387.

† Тамъ-же.

†* Тамъ-же.

†** Евр. библіотека Т. I, стр. 140—143.

*† Тамъ-же, 186, 187.

Эти-то неоправдываемыя на опытѣ обѣщанія скорѣе и должно считать причиною того, что у евреевъ отбивается охота къ полученію общаго образованія; наконецъ, отсутствіе, будто, въ евреяхъ стремленія къ общечеловѣческому образованію вполнѣ опровергается изложенными въ нашемъ первомъ очеркѣ данными, изъ которыхъ видно, что между евреями находились цѣлыя партіи людей, которые занимались образованіемъ для образованія, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, и подвергаясь, напротивъ, преслѣдованіямъ извнѣ и извнутри. Эти факты не выдуманы нами, а подтверждаются многими мѣстами изъ доклада Уварова *; сверхъ того извѣстно также, что евреи, еще до учрежденія училищъ, по собственной иниціативѣ открывали учебныя заведенія, имѣвшія цѣлью развитіе въ средѣ евреевъ началъ общей гражданственности. Поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ, по которому евреямъ препятствовали къ посѣщенію общихъ учебныхъ заведеній ихъ національныя преданія, потому что неоспоримо и то, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ посѣщенію евреями общихъ заведеній есть и предразсудки христіанской среды, преслѣдующіе еврея, какъ въ самомъ заведеніи, такъ и по окончаніи его. Еще и теперь во многихъ гимназіяхъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, еврейскіе ученики преслѣдуются не только своими товарищами-христіанами, но и самими учителями, изъ которыхъ нѣкоторые называютъ евреевъ разными оскорбительными для нихъ прозвищами. Даже въ университетахъ студенты относятся съ предубѣжденіемъ къ своимъ товарищамъ-евреямъ, которые во всякомъ случаѣ уже распростились со всѣми своими національными преданіями, основанными на талмудѣ. И это очень послѣдовательно: если, — разсуждаютъ студенты-христіане, — ихъ

* Уваровъ говоритъ, что „допущеніе евреевъ въ наши гражданскія училища не имѣло доселѣ никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій; напротивъ того, доставило намъ *учениковъ и студентовъ прилежныхъ и способныхъ, добровольно оставившихъ* всѣ наружные признаки своего племени“ Дополн. къ Сборнику постан. по Мин. Нар. Просв. 1803—1864, стр. 703, 704.

товарищей-евреевъ, даже по окончаніи университета съ ученою степенью, не допускаютъ къ занятію должностей, соединенныхъ съ умственно-воспитательнымъ вліяніемъ на христіанъ, единственно потому, чтобы они не проводили въ науку талмудическихъ принциповъ,—то весьма естественно, что студенты-евреи, будучи еще въ университетѣ, не совсѣмъ свободны отъ національныхъ недостатковъ. И такъ, нельзя положительно давать отвѣтъ на вопросъ: «что служило препятствіемъ евреямъ къ посѣщенію общихъ заведеній — религіозныя-ли преданія евреевъ, или унаслѣдованные отъ добраго стараго времени предразсудки христіанъ?» Мы думаемъ, что слова Петра Великаго: «хорошъ и мой народъ» *, сказанныя имъ при сужденіи о томъ, слѣдуетъ-ли, согласно ходатайству представителя амстердамскихъ евреевъ, разрѣшить евреямъ доступъ въ Россію, еще не потеряли совсѣмъ своего значенія для еврейскаго вопроса и въ настоящее время. Однимъ словомъ, мы желаемъ констатировать тотъ фактъ, неоспоримо вѣрный, что причина исключительности не лежитъ въ однихъ только евреяхъ и необходимость открытія и существованія отдѣльныхъ еврейскихъ училищъ оправдывается, говоря весьма умѣренно, взаимнымъ недовѣріемъ, разсматриваемымъ какъ фактъ существующій, безъ разъясненія историческаго его значенія. Вопросъ о томъ — быть или не быть еврейскимъ училищамъ — имѣетъ цѣлую литературу, въ которой указаны подробныя данныя, доказывающія необходимость ихъ существованія; но мы не желаемъ останавливаться въ этомъ вопросѣ на частностяхъ, а сочли долгомъ коснуться самой его сути единственно для того, чтобы опровергнуть неправильность взгляда, будто правительство опытомъ убѣдилось въ томъ, что евреи, по своей исключительности, не воспользова-

* Не имѣя подъ рукою источника, изъ котораго заимствованъ нами этотъ фактъ, мы можемъ указать только, что встрѣтили его въ одномъ изъ историческихъ изслѣдованій г. Семевскаго.

лись предоставленнымъ имъ доступомъ въ общія учебныя заведенія.

Какъ бы то ни было, но правительство нашло необходимымъ перейти отъ системы общаго образованія евреевъ къ системѣ спеціально-еврейскаго образованія въ новомъ духѣ, а потому, указавъ на цѣль, какую поставило себѣ правительство въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ, мы должны въ существенныхъ чертахъ изложить принятыя правительствомъ главныя основанія, относящіяся: 1) къ опредѣленію характера вновь открываемыхъ училищъ, 2) къ опредѣленію правительствомъ своихъ отношеній къ существовавшимъ уже въ то время системамъ образованія евреевъ, а равно и къ частному и домашнему ихъ обученію, и 3) къ направленію, принятому правительствомъ въ обученіи евреевъ закону ихъ вѣры въ открываемыхъ еврейскихъ училищахъ.

Прежде всего мы должны отдать справедливость весьма вѣрному взгляду правительства на то, что слѣдуетъ избѣгать въ преобразованіи евреевъ всякихъ рѣзкихъ переходовъ. Слѣдуя этой мысли и сохранивъ все-таки убѣжденіе, что евреи обнаруживаютъ стремленія къ общему образованію, правительство, съ открытіемъ еврейскихъ училищъ, не преграждаетъ имъ пути въ общія заведенія имперіи и оставляетъ въ силѣ §§ 104, 105, 110 и 111 уст. 1835 г. Затѣмъ правительство смотритъ на самыя еврейскія училища, какъ на переходную только ступень, какъ на звено, которое въ состояніи связать евреевъ съ общечеловѣческою жизнію. Чрезъ посредство еврейскихъ училищъ Уваровъ думаетъ «направить молодыхъ евреевъ въ среднія и высшія учебныя заведенія» * и тамъ, гдѣ будетъ замѣчено особое стремленіе еврейскаго юношества къ высшему образованію, предполагаетъ доставить ему для этой цѣли средства расширеніемъ круга учебныхъ предме-

* Допол. къ Сбор. постан. по Мин. Нар. Просв., стр. 700.

товъ *. Далѣе, въ предупрежденіе противодѣйствія, скрывающагося «безвѣдомо въ тайнѣ домашней жизни и въ мракѣ вѣкового угнетенія», предполагается оставить въ силѣ фактъ существующій, т. е. всѣ найденныя до открытія училищъ частныя школы, которыя должны быть постепенно закрываемы, по мѣрѣ учрежденія новыхъ училищъ **. Эта разумность и осторожность въ дѣйствіяхъ правительства, основанныя на дѣйствительномъ изученіи умственнаго и моральнаго состоянія евреевъ того времени, вполнѣ объясняютъ мирное расположеніе послѣднихъ къ открытымъ отъ правительства училищамъ: съ одной стороны, не встрѣчали противодѣйствія со стороны правительства тѣ евреи, которые еще не дошли до сознанія потребности въ правильномъ образованіи, а съ другой—не стѣсняемы были, какъ впослѣдствіи, тѣ изъ евреевъ, которые чувствовали въ себѣ призваніе къ общему образованію. То же самое серьезное отношеніе къ дѣлу видно изъ того характера, которое правительство желало сообщить низшимъ еврейскимъ училищамъ, примѣняясь къ потребностямъ евреевъ; по отношенію же къ высшимъ еврейскимъ училищамъ слѣдуетъ сказать, что правительство, удалившись впослѣдствіи отъ первоначальнаго плана, вообще поставило ихъ въ противорѣчіе съ ихъ назначеніемъ. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ рѣчь въ отдѣльномъ очеркѣ: въ настоящее же время мы желаемъ только познакомить читателей съ догматическою частью предмета для того, чтобы они могли послѣ, вмѣстѣ съ нами, сравнить то, что̀ должно было быть, съ тѣмъ, что̀ мы имѣемъ на самомъ дѣлѣ.

И такъ, прежде всего мы поговоримъ о предположенныхъ къ открытію казенныхъ еврейскихъ училищахъ.

По главнымъ основаніямъ образованія евреевъ 13 ноября 1844 г. открываются училища низшія и высшія. Первыя

* Тамъ же, стр. 704.

** Тамъ-же.

суть двоякаго рода: *перворазрядныя*, соотвѣтствующія приходскимъ, и *второразрядныя*, соотвѣтствующія уѣзднымъ училищамъ. Высшихъ же училищъ открывается только два, подъ названіемъ *раввинскихъ*, соотвѣтствующія, по кругу общихъ предметовъ, среднимъ учебнымъ заведеніямъ *. Цѣль перворазрядныхъ училищъ состоитъ въ распространеніи первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому еврею нужныхъ свѣдѣній; второразрядныя училища имѣютъ своей *особенною* цѣлію приспособленіе юношества къ торговому и промышленнымъ состояніямъ; цѣль же раввинскихъ училищъ двоякая: а) приготовленіе учителей для еврейскихъ училищъ 1-го и 2-го разрядовъ и б) образованіе раввиновъ **. Казенныя еврейскія училища подчиняются надзору общаго учебнаго начальства, а гдѣ это, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, окажется неудобнымъ—особымъ училищнымъ чиновникамъ подъ названіемъ уѣздныхъ и губернскихъ инспекторовъ еврейскихъ училищъ. Содержаніе этихъ училищъ относится на счетъ особыхъ, предназначенныхъ для того источниковъ ***. Источники эти состоятъ изъ свѣчного съ евреевъ сбора и денежныхъ взносовъ съ еврейскихъ типографій въ пользу еврейскихъ учебныхъ заведеній за исключительное право печатать еврейскія книги. Такъ какъ одинъ изъ этихъ источниковъ играетъ не маловажную роль въ дѣлѣ Мандельштамма, то мы считаемъ себя обязанными изложить вкратцѣ основныя черты правилъ свѣчного сбора и откупного содержанія еврейскихъ типографій.

Въ положеніи о коробочномъ сборѣ сказано: «Для устройства еврейскихъ училищъ, составляющаго отдѣльный предметъ расхода, постановляется, согласно собственному желанію евреевъ, сборъ съ шабашныхъ свѣчей и предоставляется въ вѣдѣніе

* Сборникъ постановленій по М. Н. Пр. 1825—1855 г. Полож. 13 нояб. 1844 г., §§ 4, 8, стр. 391, 392.

** Тамъ-же, полож. о каз. евр. уч., §§ 7 и 42, стр. 408, 414; полож. о рав. учил., § 1, стр. 419.

*** Тамъ-же, полож. о каз. евр. уч., § 37 и 42, стр. 408, 414; полож. о учил., § 1, стр. 419.

министерства народнаго просвѣщенія. Касательно же образа взиманія сего сбора, то оный имѣетъ быть отдаваемъ въ откупное содержаніе по опредѣленной таксѣ, съ раздѣленіемъ оной на четыре класса, особою статьею, по распоряженіямъ, какія будутъ сдѣланы о семъ предметѣ по взаимному соглашенію министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ». Согласно положеннымъ здѣсь основаніямъ, по соглашенію министра Народнаго Просвѣщенія съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, составлены «правила взиманія съ евреевъ свѣчного сбора въ пользу еврейскихъ училищъ», которыя «допущены къ дѣйствію въ видѣ опыта на 3 года», въ предположеніи составить затѣмъ положительныя правила, по собраніи надлежащихъ свѣдѣній о способахъ къ уравненію сбора и къ отвращенію могущихъ быть при этомъ злоупотребленій. По этимъ правиламъ 1-го сентября 1845 г., свѣчной сборъ составляетъ плату, налагаемую на свѣчи, которыя зажигаются евреями въ шабашные и праздничные дни. Свѣчной сборъ взимается по званіямъ и состоянію евреевъ, раздѣляемыхъ по разрядамъ: купечество, мѣщанство, подлежащее сбору, и мѣщанство, отъ него освобожденное. Второй разрядъ въ свою очередь раздѣляется на три класса: мѣщане зажиточные, средняго состоянія и низшаго. Количество свѣчного сбора по этимъ правиламъ опредѣляется «по соображеніи состоянія евреевъ и можетъ быть измѣняемо по прошествіи каждаго откупного срока». Свѣчной сборъ отдается въ откупное содержаніе съ торговъ каждый разъ на четыре года. Предметомъ торга по свѣчному сбору можетъ быть только болѣе или менѣе значительная уступка процентовъ, нормально предназначенныхъ на расходы по взиманію сбора, причемъ процентъ, предоставляемый откупщикамъ за управленіе сборомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть свыше 20 коп. съ рубля, съ исчисленной по каждому обществу суммы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, примѣняясь къ положенію о коробочномъ сборѣ, представляется необходимость перейти къ хозяйственному содержанію свѣчно-

го сбора, послѣднее, по представленію попечителей учебныхъ округовъ и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, можетъ быть ввѣряемо и посторонним благонадежнымъ евреямъ на правѣ коммисіонеровъ, со взятіемъ отъ нихъ узаконенныхъ залоговъ. Для контролированія откупщиковъ по взиманію сбора установляются квитанціонныя книги *.

Другой источникъ, какъ мы сказали, состоитъ изъ доходовъ, извлекаемыхъ отъ предоставленія монопольнаго права на печатаніе еврейскихъ книгъ двумъ только типографіямъ—житомірской и виленской, которыя отдаются съ торговъ благонадежнымъ евреямъ не иначе какъ на 12 лѣтъ. Въ обезпеченіе дохода съ еврейскихъ типографій и для усиленія средствъ къ содержанію еврейскихъ училищъ, привозимыя изъ заграницы еврейскія книги подвергаются денежной таксѣ, въ размѣрѣ не свыше $1^1/_2$ коп. съ печатнаго листа. Въ пользу учебныхъ заведеній постановлено правиломъ, чтобы учебники и вообще книги, печатанныя для употребленія въ нихъ, были продаваемы по возможно умѣренной цѣнѣ **.

Указавъ на источники содержанія еврейскихъ учебныхъ заведеній, мы перейдемъ къ тому, какъ, по первоначальному намѣренію правительства, имѣлось въ виду достигнуть выставленной выше цѣли низшихъ еврейскихъ училищъ средствами, дѣйствительно соотвѣтствовавшими потребностямъ евреевъ. Въ училища 1-го разряда предполагалось принимать дѣтей съ 8-ми лѣтняго возраста, которыя уже нѣсколько умѣли читать и понимали древне-еврей-

* Собраніе зак., т. XX отд. 2, № 19304; Сборникъ постановленій по мин. нар. просвѣщ. 1825—1855 г. стр., 512—520. О свѣчномъ сборѣ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ мин. в. дѣлъ за 1859 г. говорится, что онъ (до 23,000), „составляя прямой личный сборъ съ евреевъ, поступалъ, какъ и въ прежнее время, весьма неисправно". „Причина этого заключается, по мнѣнію министра, въ *бѣдности еврейскихъ обществъ и въ обремененіи ихъ значительными, сравнительно съ прочими податными сословіями, сборами*". Ж. Мин. В. дѣлъ, Іюль 1867.

** Сборн. пост. М. Н. Пр. 1825—1855. Положеніе о евр. типографіяхъ, стр. 538—544.

скій языкъ. Предметы ученія въ этихъ училищахъ составляли еврейскій законъ, чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ съ началами грамматики, чтеніе и письмо на древне-еврейскомъ языкѣ съ началами грамматики, четыре первыя правила ариѳметики съ понятіемъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ, употребляемыхъ въ Россіи, и чистописаніе. Въ особенности-же обращаетъ на себя вниманіе 16-й параграфъ Положенія о казенныхъ еврейскихъ училищахъ, въ которомъ сказано: «Въ мѣстахъ, гдѣ еврейское населеніе состоитъ преимущественно изъ земледѣльцевъ, въ училищахъ 1-го разряда будутъ учреждены дополнительные курсы, для обученія началамъ сельскаго хозяйства и садоводства, также черченію простыхъ геометрическихъ фигуръ и машинъ, употребительныхъ въ земледѣліи, съ примѣненіемъ, по возможности, теоріи къ практикѣ. По городамъ и мѣстечкамъ, населеннымъ болѣе ремесленниками, въ дополнительные курсы могутъ входить и употребительнѣйшія изъ ремеслъ. Предметы сіи не всѣ вдругъ вводятся въ дополнительные курсы, а по мѣрѣ надобности, средствъ и удобности». Кромѣ того предполагалось еще ввести въ дополнительныхъ курсахъ преподаваніе нѣмецкаго языка и началъ русской исторіи и географіи. Въ училища 2-го разряда принимаются ученики, окончившіе курсъ перворазрядныхъ училищъ, или знающіе преподаваемые въ нихъ предметы. Учители опредѣляются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ раввинскихъ училищахъ или изъ кандидатовъ, одобренныхъ испытательнымъ комитетомъ тѣхъ училищъ. Предметы, преподаваемые въ училищахъ 2-го разряда, суть слѣдующіе: еврейскій законъ, еврейскій языкъ, русскій языкъ со включеніемъ и высшей части грамматики, ариѳметика, всеобщая и въ особенности русская географія, черченіе и чистописаніе. Затѣмъ предполагалось также открыть въ нихъ дополнительные курсы, въ которыхъ должны были преподаваться изъ реальныхъ наукъ: бухгалтерія, геометрія и механика, примѣненная къ промышленности, свѣдѣнія изъ естественной исторіи, физики, химіи, въ соединеніи

съ технологіею, рисованіе и общія понятія объ отечественныхъ законахъ, порядкѣ и формахъ судопроизводства, особенно по дѣламъ, относящимся къ торговлѣ *.

Вотъ тотъ характеръ, который правительство желало сообщить низшимъ еврейскимъ училищамъ для того, чтобы пріурочить ихъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ еврейской жизни. Очевидно, что, по первоначальному плану правительства, низшія еврейскія училища должны были стать на совершенно самостоятельную почву приготовленіемъ еврейскаго юношества къ тому, чтобы оно было въ состояніи честно служить потребностямъ той жизни, въ которой оно вращалось, словомъ, чтобы оно могло, по окончаніи курса, перейти къ производительному труду и пріобрѣсти болѣе или менѣе положительныя средства къ существованію. Это было бы вполнѣ согласно съ задачею еврейскихъ училищъ—улучшить бытъ евреевъ посредствомъ образованія и развить въ нихъ убѣжденіе въ пользѣ производительнаго труда. Между тѣмъ, это именно пріобрѣтеніе нужныхъ всякому еврею свѣдѣній и приспособленіе еврейскаго юношества къ торговому и промышленному состояніемъ, которое составляло особую цѣль низшихъ еврейскихъ училищъ, не могло на дѣлѣ осуществиться, вслѣдствіе невведенія дополнительныхъ курсовъ, не смотря на сдѣланные, какъ намъ извѣстно, представленія о необходимости ихъ открытія на основаніи Положенія о казенныхъ училищахъ. Разумѣется, что безъ дополнительныхъ курсовъ низшія еврейскія училища не удовлетворяли своему назначенію, и ученики, оканчивавшіе въ нихъ курсъ, обладали ничтожными образовательными средствами, которыя не могли имъ давать никакого независимаго положенія въ жизни. Поставленные въ ложное положеніе, воспитанники эти не только сами были недовольны тѣмъ, что образованіе ничего имъ не прибавило, а, напротивъ, напрасно ихъ вызвало изъ прежней сферы, съ которою они, при отсутствіи обра-

* Тамъ же; Полож. о казен. евр. учил. стр. 407 и 415.

зованія, могли еще мириться, но и невольно вызывали въ другихъ мысль о вредномъ вліяніи образованія на матеріальное и нравственное положеніе еврея. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ болѣе или менѣе образованный уже тяготился прежними національными преданіями и привычками, а избрать себѣ новый родъ жизни онъ также не былъ въ состояніи по недостатку необходимыхъ для того свѣдѣній, а потому онъ долженъ былъ поневолѣ сдѣлаться ничѣмъ, хотя и не могъ равнодушно взирать на то, что во многихъ купеческихъ конторахъ занимаютъ должности бухгалтеровъ и корреспондентовъ иностранные евреи, явившіеся къ намъ на то именно поприще, на которомъ у насъ не было собственныхъ дѣятелей и къ которому правительство хотѣло приготовлять людей въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ. Впрочемъ, мы еще возвратимся къ этому предмету въ другомъ очеркѣ, когда будемъ подробно разбирать достоинства и недостатки еврейскихъ училищъ и укажемъ на средства къ ихъ преобразованію. Мы не могли удержаться отъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ по поводу неосуществленія впослѣдствіи прекрасной задачи, предначертанной правительствомъ въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ и въ положеніи о казенныхъ еврейскихъ училищахъ, потому только, что, въ виду уклоненія отъ принятыхъ правительствомъ основныхъ началъ въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ, многіе, даже въ правительственныхъ сферахъ, а не въ одной только литературѣ—приписываютъ неуспѣхъ еврейскихъ училищъ исключительно нежеланію евреевъ идти въ уровень съ тѣми средствами, которыя правительство избрало для направленія ихъ къ производительному труду. Близкое ознакомленіе съ историческимъ матеріаломъ по интересующему насъ предмету одно только можетъ раскрыть истинную причину такого неуспѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать, что, вмѣсто обращенія къ новымъ мѣрамъ, признаваемымъ наиболѣе пригодными для достиженія цѣли правительства, слѣдовало бы лучше подумать о томъ, не правильнѣе-ли будетъ остановиться на позабытыхъ

нами средствахъ и, пополнивъ только пробѣлъ, оказавшійся въ этомъ дѣлѣ по нашей собственной винѣ, исправить радикальнымъ образомъ нашу ошибку?

Высшія еврейскія училища состояли, какъ мы сказали, изъ двухъ раввинскихъ училищъ, въ которыя принимались евреи всѣхъ состояній не моложе 10-ти лѣтъ, представлявшіе, сверхъ документовъ о происхожденіи и лѣтахъ, еще свидѣтельство врача о состояніи здоровья и о томъ, что не имѣютъ никакого природнаго недостатка, препятствующаго быть учителемъ или раввиномъ. Воспитанники раввинскихъ училищъ раздѣлялись на вольноприходящихъ и стипендіатовъ, при выборѣ которыхъ отдавалось преимущество сиротамъ, дѣтямъ бѣднѣйшихъ родителей и учителей. Обучавшіеся въ раввинскихъ училищахъ съ пособіемъ отъ казны должны были, по окончаніи курса, прослужить въ званіи учителя еврейскихъ училищъ, по назначенію учебнаго начальства, стипендіаты—10 лѣтъ, а полустипендіаты—6 лѣтъ. Исключенія въ этомъ отношеніи допускались только для назначенныхъ правительствомъ въ должность раввина, въ случаѣ неизлечимой болѣзни, или по другимъ особенно важнымъ причинамъ. Вольноприходящіе, окончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ, допускались, преимущественно предъ неучащимися въ раввинскихъ училищахъ, къ занятію учительскихъ должностей. Высшія еврейскія училища состояли изъ трехъ курсовъ: 1) общаго для всѣхъ воспитанниковъ, какъ учителей, такъ и раввиновъ, 2) педагогическаго—для однихъ первыхъ и 3) спеціально-раввинскаго. Кромѣ того въ раввинскихъ училищахъ бывали еще приготовительные классы, соотвѣтствовавшіе курсу трехъ низшихъ классовъ гимназій, въ которыхъ еврейскіе предметы преподавались въ объемѣ второразрядныхъ еврейскихъ училищъ. Общіе предметы, предполагавшіеся къ преподаванію въ раввинскихъ училищахъ, слѣдующіе: 1) русская словесность и логика, 2) языки нѣмецкій и французскій, 3) математика до коническихъ сѣченій, 4) географія и статистика, 5) исторія всеобщая и русская, 6) фи-

зика, 7) чистописаніе, черченіе и рисованіе. Кругъ еврейскихъ предметовъ уставомъ не опредѣляется положительно, а говорится только, что въ педагогическомъ отдѣленіи преподаваніе еврейскихъ предметовъ ограничивается потребностью будущаго призванія воспитанниковъ, а въ спеціально-раввинскомъ курсѣ, который продолжается два года и имѣетъ цѣлью доставить воспитанникамъ подробное и основательное знаніе предметовъ, необходимыхъ для раввина, воспитанники обучаются еврейскимъ предметамъ, сообразно программѣ, составленной коммисіею, Высочайше учрежденною для образованія евреевъ въ Россіи. При этомъ обращается вниманіе на изученіе и практическое упражненіе въ слогѣ древне-еврейскаго языка и сродныхъ съ нимъ нарѣчій. Вообще же, ближайшее опредѣленіе, какъ общихъ, такъ и еврейскихъ предметовъ и объема преподаванія возложено было на обязанность министерства народнаго просвѣщенія, которому предоставлялось также, въ случаѣ надобности, введеніе въ раввинскихъ училищахъ и новыхъ учебныхъ предметовъ. Педагогическій курсъ раввинскихъ училищъ долженъ былъ продолжаться одинъ годъ и имѣть цѣлью практическое обученіе воспитанниковъ правиламъ и способамъ преподаванія. Для этой цѣли они, въ присутствіи своихъ товарищей и подъ надзоромъ учителей и инспектора, должны были давать уроки по разнымъ учебнымъ предметамъ, а также посылались по очереди, для преподаванія еврейскихъ предметовъ, въ еврейскія учебныя заведенія, состоявшія въ одномъ городѣ съ раввинскимъ училищемъ. При испытаніи воспитанниковъ послѣдняго необходимымъ условіемъ перевода изъ класса въ классъ считалось знаніе общихъ предметовъ, преимущественно же русскаго языка и русской исторіи. Воспитанники спеціально-раввинскаго курса, по уставу, называются раввинскими кандидатами, которые, прежде полученія званія раввиновъ, обязаны пріобрѣсти необходимыя практическія свѣдѣнія, для чего въ теченіе года состоятъ при раввинахъ въ видѣ ихъ помощниковъ. По истеченіи же годичнаго срока и по засвидѣтельство-

ваніи раввиновъ о достаточномъ приготовленіи кандидатовъ, они подвергаются окончательному испытанію въ совѣтѣ раввинскаго училища и получаютъ аттестаты на званіе раввина. Кандидаты, не выдержавшіе испытанія, выпускаются съ званіемъ подъ-раввиновъ. Не занимая должности раввиновъ, воспитанники, окончившіе съ званіемъ раввина или подъ-раввина, могутъ быть опредѣляемы въ преподаватели еврейскихъ предметовъ въ раввинскихъ училищахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для умственнаго и нравственнаго развитія воспитанниковъ раввинскія училища имѣли собраніе учебныхъ пособій и библіотеку, въ которой, кромѣ необходимыхъ религіозныхъ книгъ на еврейскомъ языкѣ, должно было находиться достаточное число нравственныхъ и другихъ полезныхъ сочиненій на еврейскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ближайшее наблюденіе за ходомъ и методомъ преподаванія еврейскихъ предметовъ возлагалось на инспектора изъ евреевъ, который снабжалъ также еврейскихъ учителей необходимыми по части преподаванія наставленіями. Ближайшее же начальство надъ училищами въ административномъ и благоустройственномъ отношеніяхъ возложено было на директора изъ христіанъ, на правахъ и обязанностяхъ директора гимназій *. Вотъ тотъ характеръ, который высшія еврейскія училища должны были получить по приведенному нами положенію. Воздерживаясь теперь отъ всякихъ соображеній по вопросу о раввинскихъ училищахъ и о дальнѣйшей ихъ судьбѣ, мы перейдемъ къ опредѣленію того, въ какое отношеніе стало правительство къ существовавшимъ до открытія училищъ учебнымъ заведеніямъ по частной инціативѣ еврейскихъ обществъ.

До открытія казенныхъ еврейскихъ училищъ существовали уже въ Россіи правильно-устроенныя школы, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, въ Одессѣ, Кишиневѣ

---

* Сбор. постан. 1826—1855 г. Положеніе о раввинскихъ училищахъ, стр. 449—431.

и Ригѣ, о которыхъ министръ Уваровъ отзывается съ большою похвалою въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ *. Кромѣ того существовали: 1) талмудъ-торы, или училища для бѣдныхъ и сиротъ, содержимыя изъ добровольныхъ подаяній; 2) хадаримы, или училища открываемыя меламдами для вольноприходящихъ, и 3) ешиботы, имѣющіе высшее талмудическое образованіе **. Въ запискѣ своей о преобразованіи евреевъ, Уваровъ говоритъ объ этихъ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдующее: «по свѣдѣніямъ оказывается, что въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Минской и Бѣлостокской области существуютъ до 2,500 домашнихъ школъ, въ коихъ обучаются дѣти евреевъ, и это огромное число семейныхъ, неизвѣстныхъ разсадниковъ первоначальнаго воспитанія, не подчиненныхъ доселѣ надзору учебнаго начальства, подтверждается тѣмъ разительнымъ выводомъ, что, не смотря на всѣ бѣдствія еврейскаго племени, каждый еврей, безъ исключенія, обученъ чтенію и письму. Если удастся намъ привести всѣ сіи раздробленныя силы къ одному знаменателю, то дѣло пойдетъ съ успѣхомъ ***. Въ отношеніи къ правильно-организованнымъ училищамъ, правительство рѣшило, что они, во внутреннемъ устройствѣ и порядкѣ подчиненности, остаются на прежнемъ основаніи, впредь до пересмотра временныхъ правилъ о подчиненіи еврейскихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній надзору министерства народнаго просвѣщенія и соображенія ихъ съ общими постановленіями, касающимися образованія евреевъ. Относительно же заведеній, существующихъ безъ разрѣшенія министерства, правительство постановило общимъ правиломъ, чтобы, прежде поступленія въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія источниковъ, предназначенныхъ на учрежденіе и содержаніе отъ казны еврейскихъ училищъ, привести въ извѣстность существовавшія до того еврейскія ученыя и

* Дополн. къ Сбор. постан. по М. Н. П. 1803—1804 г., стр. 697, 678 и 707.
** Сборн. постан. по М. Н. Пр. 1825—1855, стр. 398.
*** Дополн. къ Сбор. постан. по М. Н. Пр., стр. 705, 706.

учебныя заведенія и подчинить ихъ ближайшему надзору мѣстнаго училищнаго начальства. Для этой цѣли предположено было учрежденіе въ мѣстахъ жительства евреевъ временныхъ губернскихъ и уѣздныхъ коммисій, подъ предсѣдательствомъ училищныхъ чиновниковъ, съ назначеніемъ въ каждую по два члена изъ купеческаго и раввинскаго званій. Эти коммисіи должны были впослѣдствіи закрываться, по мѣрѣ открытія казенныхъ училищъ. Дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія, по отношенію къ ученымъ и учебнымъ заведеніямъ евреевъ, на первый случай ограничиваются введеніемъ нѣкотораго порядка, какъ общемъ устройствѣ этихъ заведеній, такъ и въ самомъ преподаваніи. Этимъ путемъ правительство стремилось къ тому, чтобы приготовить евреевъ и облегчить имъ переходъ къ новой системѣ образованія, точно также, какъ правительство старалось, чрезъ еврейскія заведенія вообще, проложить имъ дорогу къ общему образованію *. Согласно съ этими общими положеніями, изложенными въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ, правительство относительно *талмудъ-торъ* постановило, чтобы во всемъ, что касается призрѣнія сиротъ и дѣтей бѣднаго состоянія, онѣ оставались по прежнему подъ завѣдываніемъ избираемыхъ отъ общества старшинъ, которые пекутся о способахъ содержанія дѣтей и доставленія имъ учителей; по части же обученія — подчинялись общему учебному начальству. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи талмудъ-торы должны быть снабжены достаточнымъ числомъ учителей, такъ, чтобы на каждые 25 учениковъ приходился по крайней мѣрѣ одинъ учитель. Притомъ на старшаго учителя, выбираемаго старшинами и утверждаемаго ближайшимъ учебнымъ начальствомъ, возлагается обязанность имѣть надзоръ надъ училищемъ и учителями. Онъ обязанъ также отдавать отчетъ учебному начальству о состояніи ввѣреннаго ему заведенія и ходѣ предподаванія и успѣ-

* Сборн. постан. по М. Н. П. 1825—1855, стр. 390, 391.

хахъ учениковъ. Кромѣ того, обращается вниманіе на то, чтобы въ талмудъ-торахъ дѣти выше 8 лѣтняго возраста обучались *русскому языку*. Другой разрядъ учебныхъ заведеній, существовавшій до открытія казенныхъ училищъ, были такъ называемые *хадаримы* или училища, открываемыя меламдами. Относительно этихъ училищъ правительство ограничилось на первыхъ порахъ однимъ только подчиненіемъ ихъ своему контролю установленіемъ особаго порядка возобновленія старыхъ хадаримовъ и учрежденія новыхъ. Важный шагъ со стороны правительства состоялъ въ томъ именно, что всѣ желавшіе вновь открыть хадаримы обязаны были уже подвергаться особому испытанію въ присутствіи временныхъ коммисій и на основаніи правилъ, которыя должны были издаваться на этотъ счетъ министерствомъ народнаго просвѣщенія *. Исключеніе сдѣлано было для тѣхъ содержателей хадаримовъ, которые въ продолженіе годичнаго управленія своимъ заведеніемъ, по свидѣтельству временныхъ коммисій, окажутся благонадежными, свѣдущими и усердными въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей: такіе меламды могутъ, по указаннымъ выше временнымъ правиламъ, быть вовсе освобождаемы отъ испытаній и допускаемы даже къ занятію должности учителей въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ **. Для высшихъ или второстепенныхъ хадаримовъ дѣлается, какъ въ талмудъ-торахъ, обязательнымъ введеніе *русскаго языка* по возобновленіи меламдомъ своего дозволительнаго вида. Но, относясь такъ снисходительно къ представителямъ доморощенной системы воспитанія — меламдамъ, правительство не перестаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на необходимое зло, которое слѣдуетъ щадить только до поры до времени. Для уменьшенія вліянія домашнихъ учителей или меламдовъ на домашнее воспитаніе еврейскаго юношества, правительство считаетъ нуж-

* Тамъ же, стр. 400, §§ 18—21.

** Тамъ же, § 26.

нымъ имѣть въ виду на будущее время слѣдующія мѣры: затрудненіе выдачи дозволительныхъ свидѣтельствъ тѣмъ евреямъ, кои еще не занимались обученіемъ, подвергая ихъ строгому испытанію не только въ предметахъ еврейскаго закона, но и въ общихъ наукахъ; затѣмъ—прекращеніе вовсе выдачи дозволительныхъ свидѣтельствъ на обученіе закону вѣры тѣмъ домашнимъ учителямъ, кои не обучались въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, когда въ достаточномъ числѣ будутъ приготовлены уже учители въ раввинскихъ училищахъ, и, наконецъ,—объявленіе обученія евреевъ въ казенныхъ училищахъ обязательнымъ и опредѣленіе принудительныхъ мѣръ къ исполненію этого предположенія въ томъ случаѣ, когда уже будетъ учреждено достаточное число казенныхъ училищъ по всѣмъ мѣстамъ жительства евреевъ. Кромѣ того, что-бы прекратить всякое вліяніе на учениковъ казенныхъ училищъ и на еврейскія общества старой системы воспитанія и обученія, равно и стараго порядка вообще, правительство предположило, по открытіи обоихъ раввинскихъ училищъ, объявить во всеобщее свѣдѣніе, что, по истеченіи 20 лѣтъ, никто не можетъ быть опредѣленъ въ учителя еврейскихъ предметовъ, или избранъ въ раввины, если не обучался въ такомъ училищѣ и не получилъ въ томъ узаконеннаго свидѣтельства *.

Менѣе всѣхъ другихъ заведеній правительство подчинило своему контролю такъ называемые «ешиботы». По временнымъ правиламъ о подчиненіи еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній надзору министерства народнаго просвѣщенія, ешиботы суть высшія учебныя заведенія для молодыхъ людей, которые, по окончаніи ученія въ талмудъ-торахъ, второстепенныхъ хадаримахъ и у домашнихъ учителей, желаютъ пріобрѣсти подробнѣйшія свѣдѣнія въ талмудѣ и источникахъ еврейскихъ религіозныхъ законовъ, или приготовиться къ раввин-

* Сбор. постан. по М. Н. Пр. Главныя основанія образованія евреевъ, стр. 331—435, §§ 1—25.

скому званію. Непосредственное руководство ешиботами передается ученому еврею подъ названіемъ «Рошъ-Ешива», который имѣетъ главный надзоръ надъ нравственностью воспитанниковъ и благочиніемъ и внутреннимъ устройствомъ заведенія. Рошъ-Ешива не подвергается никакому испытанію и пользуется, сранительно съ представителями низшихъ учебныхъ заведеній старой системы, большею свободою въ управленіи, какъ административною, такъ и учебною частію заведенія; относительно послѣдней онъ только обязывается безотлагательно исполнять всѣ требованія начальства. Ешиботамъ даже не вмѣняется въ обязанность обученіе русскому языку, на которое обращается особое вниманіе въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ *.

Для заключенія этого отдѣла, остается еще сказать о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнихъ учителяхъ. Кромѣ учрежденныхъ правительствомъ учебныхъ заведеній, евреямъ, по положенію 13 ноября 1844 г. о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, дозволяется еще открывать для воспитанія и обученія дѣтей частныя училища. Съ тою же цѣлію и въ намѣреніи обезпечить родителямъ выборъ благонадежныхъ для дѣтей ихъ руководителей, утверждается званіе еврейскихъ домашнихъ учителей. Цѣль еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеній состоитъ въ доставленіи дѣтямъ необходимыхъ познаній въ еврейскомъ законѣ и въ облегченіи имъ перехода въ общія училища. Обученіе въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ производится по руководствамъ, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Заведенія эти могутъ быть и воспитательными, въ коихъ содержатся пансіонеры, и училищами для вольноприходящихъ; но въ нихъ запрещается совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола, которое признается противнымъ обычаямъ евреевъ. Частныя учебныя заведенія раздѣляются на первоначальныя и второстепенныя: въ первыхъ обученіе

* Тамъ же. Врем. правила о подчиненіи и т. д., стр. 402, 403, §§ 28—36.

обнимаетъ кругъ предметовъ, требуемыхъ отъ учениковъ, поступающихъ въ учрежденныя отъ правительства еврейскія училища 1-го разряда; во второстепенныхъ же, кромѣ еврейскихъ предметовъ, должно обучать чтенію и письму на русскомъ языкѣ и четыремъ первымъ правиламъ ариѳметики. Содержатели частныхъ учебныхъ заведеній должны удовлетворять извѣстнымъ условіямъ относительно образованія и поведенія въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ и должны обращать постоянное вниманіе на ученіе и нравственное воспитаніе ввѣренныхъ имъ дѣтей, принимая на себя отвѣтственность за сдѣланныя учителями вредныя внушенія воспитанникамъ *. По отношенію же къ домашнему воспитанію постановлено, что никто изъ евреевъ не можетъ заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, не получивъ узаконеннаго на то дозволенія отъ надлежащаго учебнаго начальства. Домашніе учителя подчиняются строгому контролю мѣстнаго учебнаго начальства и подвергаются за нарушеніе правилъ домашняго обученія евреевъ въ первый разъ— денежному штрафу, а во второй — преданію суду, какъ за подлогъ **.

И такъ, съ открытіемъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, существовали три системы обученія: система правительственная и система старая, какъ противоположныя другъ другу по внутреннему своему содержанію, и средняя между ними— система частнаго обученія. На этихъ трехъ системахъ построена основная мысль правительства о постепенномъ переходѣ евреевъ изъ спеціально-еврейскихъ учебныхъ заведеній въ общія, или, другими словами, постепенное сліяніе евреевъ съ общечеловѣческою жизнью. Съ этою цѣлью старая система подчинена была нѣкоторому порядку, чтобы обучавшимся по ней облегченъ былъ переходъ къ системѣ частнаго обученія, въ

* Тамъ же. Положеніе о евр. частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнихъ учителяхъ стр. 434—435 §§ 1—25.

** Тамъ же, стр. 436, 437, §§ 35—38.

которую временными правилами внесенъ уже большій порядокъ, болѣе или менѣе приближающій ее къ системѣ правительственной. И эта послѣдняя, наконецъ, тоже имѣла главною цѣлью доставить евреямъ доступъ къ общечеловѣческой системѣ воспитанія и обученія. Вотъ то тройное звено, помощью котораго правительство желало связать интересы еврейскаго племени съ интересами коренного населенія. Разумѣется, что самая трудная задача состояла въ томъ, чтобы умѣть на будущее время поддерживать и видоизмѣнять, сообразно съ обстоятельствами, переходное отношеніе, существовавшее между сказанными тремя системами. Въ этомъ смыслѣ получаетъ весьма важное значеніе предвидѣнная министерствомъ Уварова необходимость *послѣдовательности* въ дѣйствіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Но бѣда въ томъ, что у насъ привыкли весьма мало уважать прошлую жизнь народа; что у насъ, по выраженію одного публициста, очень долго идутъ ощупью, но когда начинаютъ реформу, то уже пускаются взапуски, пока не ударятся объ стѣну и не отшатнутся назадъ. Эта общая черта нашей жизни отмѣтилась также и въ направленіи дѣла образованія евреевъ. А между тѣмъ сколько потрачено было усилій на то, чтобы изучить еврейскій бытъ и пріурочить къ нему вновь открываемыя училища; сколько переработалось мнѣній и проектовъ, пока Уваровъ убѣдилъ правительство стать въ этомъ дѣлѣ на твердую почву, которую надобно было только разрыхлять и удобрять по избранной системѣ! Но прошло немного времени, въ теченіе котораго память наша имѣла бы возможность сохранить еще свою свѣжесть, какъ мы уже забыли о всѣхъ прежнихъ работахъ по этому дѣлу и начали прибѣгать къ измѣненіямъ, уклоненіямъ отъ выработанной системы, да впереди видится перспектива чуть-ли не полной ея ломки, которая отчасти уже началась. Мы имѣли крѣпкій матеріалъ для сооруженія могучаго зданія, матеріалъ, на который, какъ мы увидимъ послѣ, былъ спросъ у евреевъ; но мы выбросили его за бортъ и очутились при

развалинахъ, которыя кажутся намъ совершенно негодными и которыя слѣдуетъ окончательно разрушить, и вдобавокъ, добавляютъ, евреи сами превратили зданіе правительства въ развалины. Историческое изученіе предмета убѣждаетъ, однако, насъ совершенно въ противномъ.

Перейдемъ къ третьему и самому главному отдѣлу настоящей нашей статьи — къ дѣлу Мандельштама. Но прежде мы должны указать на источникъ его происхожденія. Съ перваго раза покажется страннымъ, если скажемъ, что оно возникло вслѣдствіе ложнаго отношенія министра Уварова къ талмуду, какъ источнику вѣры евреевъ, на которое мы указали въ первой статьѣ нашей. А потому, для полнаго убѣжденія въ этомъ, мы должны представить въ сжатомъ очеркѣ то отношеніе, въ которое правительство, по взгляду Уварова, стало къ обученію евреевъ закону ихъ вѣры. Уваровъ приписывалъ невѣжество русскихъ евреевъ господству талмуда, который, по его мнѣнію, «развращалъ ихъ и развращаетъ». При такомъ убѣжденіи, онъ считалъ необходимымъ противодѣйствовать ученію талмуда всецѣлымъ устраненіемъ его въ однихъ и ограниченіемъ круга его преподаванія въ другихъ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, онъ считалъ еще сильнымъ орудіемъ противъ талмуда изученіе древне-еврейскаго языка. Если послѣдній взглядъ, который мы ниже приведемъ подробнѣе, дѣйствительно вѣренъ, то убѣжденіе въ необходимости устраненія талмуда, вслѣдствіе его вредности, крайне ошибочно, потому что мнимую вредность его можно было бы уничтожить критическимъ изученіемъ талмуда не какъ источника вѣрованія, а какъ предмета историческаго. Держась этого послѣдняго взгляда, можно было бы оставить въ училищахъ талмудъ не только *для виду* и не скрывать предъ евреями тайныя объ этомъ мысли правительства, чтобы не возбуждать въ нихъ подозрѣнія къ новой системѣ обученія закону вѣры. Но Уваровъ, какъ дѣятель честный и дѣйствующій по разъ сложившемуся убѣжденію, провелъ высказанный

имъ въ докладѣ государю взглядъ и въ главныя основанія образованія евреевъ. Въ 10 и 11 параграфѣ этихъ главныхъ основаній (нынѣ только обнародованныхъ, а прежде считавшихся секретными) говорится о законѣ еврейской вѣры слѣдующее: «законъ еврейскій и обряды вѣры преподавать въ училищахъ 1 и 2 разрядовъ въ объемѣ, приличномъ возрасту и понятіямъ учениковъ, наблюдая, чтобы *высшее* или *раввинское* познаніе сихъ предметовъ *вовсе* не *входило* въ кругъ ученія. Между тѣмъ стараться по возможности *нынѣшній образъ ученія еврейской вѣры* замѣнить *катехизисомъ*, въ родѣ употребляемыхъ въ Германіи, а число учебныхъ для того часовъ, по мѣрѣ укорененія новой системы образованія, приводить постепенно въ соразмѣрность съ *дѣйствительною потребностію*. Въ раввинскихъ училищахъ еврейскимъ предметамъ обучать въ учительскомъ отдѣленіи въ такой степени, чтобы воспитанники онаго могли преподавать сіи предметы въ училищахъ 1 и 2 разрядовъ, а въ раввинскомъ—сколько необходимо для образованія раввина, отклоняя, если не при самомъ *началѣ*, то по крайней мѣрѣ при *первой представляющейся возможности*, всѣ излишнія *философскія умозрѣнія комментаторовъ талмуда*» *. Затѣмъ, считая раввиновъ стараго покроя, или «книжниковъ», по выраженію доклада, главными противниками новаго просвѣщенія, которые внушаютъ своимъ одноплеменникамъ уваженіе къ талмуду, Уваровъ предполагаетъ учредить званіе губернскихъ раввиновъ, зависящихъ отъ правительства, при помощи которыхъ упорство евреевъ лишится важнѣйшаго своего оплота, потому что «губернскій раввинъ, а въ важныхъ случаяхъ *соборъ раввиновъ* разрѣшитъ мѣры, ведущія постепенно къ *религіозному* и гражданскому *преобразованію* евреевъ» **. Въ этихъ видахъ предполагалось также наблюденіе за

* Допол. къ Сбор. постан. по М. Н. П. 1863—1864 г., стр. 701; Сборн. постан. по М. Н. П. 1825—1855 г., стр. 392—394.

** Дополн. къ Сборн. постан. по М. Н. П. 1863—1864 г., стр. 697.

преподаванiемъ еврейскаго закона въ еврейскихъ училищахъ отнести къ обязанности назначаемыхъ отъ правительства раввиновъ *. Этотъ ложный путь религiознаго преобразованiя евреевъ, посредствомъ изгнанiя талмуда и замѣны его катехизисомъ, не выдерживаетъ никакой критики въ сравненiи съ другою мѣрою—посредствомъ изученiя древне-еврейскаго языка дойти до установленiя болѣе правильнаго взгляда на талмудъ и разъясненiя его путемъ повѣрки. Въ этомъ отношенiи весьма любопытно то мѣсто изъ доклада Уварова, въ которомъ онъ говоритъ о преподаванiи древне-еврейскаго языка въ казенныхъ училищахъ. Приводимъ это интересное мѣсто цѣликомъ: «Въ запискѣ, внесенной въ комитетъ объ устройствѣ евреевъ, я изъяснилъ, что лучшее средство противъ дѣйствiя талмудистовъ состоитъ въ распространенiи древняго еврейскаго языка, языка библейскаго и св. пророковъ. Эту мысль слѣдовало бы развить далѣе, дабы показать основательность оной. Талмудъ содержитъ собранiе *изустныхъ* (курсивъ въ подлинникѣ) преданiй еврейской духовной исторiи и законодательства. Мусульмане имѣютъ подобное собранiе, и не безъизвѣстно также, что къ первымъ временамъ христiанской церкви принадлежитъ полный рядъ такъ называемыхъ *сокровенныхъ Евангелiй* (курсивъ въ подлинникѣ), неизвѣстно кѣмъ написанныхъ или изданныхъ, и потому не принятыхъ въ число священныхъ писанiй. Такого рода собранiя не могутъ не имѣть сильнаго влiянiя на умы народовъ и не занимать важное мѣсто посреди ихъ вѣрованiй. Естественно, что, по отношенiю евреевъ къ христiанскимъ правительствамъ въ теченiи 17 столѣтiй, это собранiе изустныхъ, такъ сказать, тайныхъ преданiй служило богатымъ рудникомъ для фанатизма, и въ теченiи времени преумножилось подъ перомъ вдохновенныхъ, будто-бы, комментаторовъ. Такимъ образомъ *талмудъ* (курсивъ въ подлинникѣ) принялъ въ глазахъ евреевъ важность, которой

* Сборн. постан. по М. Н. Пр. 1825—1855 г., стр. 313, § 15.

не имѣли ни собранія мусульманскихъ преданій, ни сокровенныя книги первобытной христіанской церкви. Это предпочтеніе *талмуда библіи* дошло до такой степени, что первое мѣсто въ понятіяхъ большинства евреевъ принадлежитъ талмуду; но талмудъ имѣетъ самъ свое основаніе въ ветхомъ завѣтѣ и утверждается посылками на оный; большая часть сихъ посылокъ искажаетъ смыслъ пятикнижія, другая прямо приводитъ мѣста не бывалыя въ ономъ; но эту повѣрку не могутъ производить теперь евреи, незнакомые съ языкомъ библіи: потому весьма вѣроятно, что, обративъ ихъ вниманіе на сей предметъ и доставивъ имъ возможность *сличать* (курсивъ въ подлинникѣ) талмудъ съ подлинникомъ пятикнижія, евреи *безпринужденно* убѣдились бы въ нелѣпомъ толкованіи раввиновъ и въ ложности посылокъ. Несомнѣнно, что это сличеніе, самими евреями совершаемое, будетъ сильнѣйшій ударъ, нанесенный талмуду и его послѣдователямъ, отклонившимъ довольно удачно вниманіе соотчичей отъ *пятикнижія* (курсивъ въ подлинникѣ) и едва-ли не замѣнивъ оное для большинства мечтательными выводами *раввиновъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Мысль, что, съ возобновленіемъ языка св. писанія между евреями, должна поколебаться слѣпая вѣра въ талмудъ, часто уже являлась тѣмъ, кои занимались преимущественно этимъ предметомъ. *Во всякомъ случаѣ*, это врачеваніе и *легче. и удобнѣе* прочихъ, легче и удобнѣе даже перевода талмуда на какой нибудь живой языкъ. Это послѣднее, несбыточное сверхъ того средство, могло бы подѣйствовать на умы христіанъ, но не тронуло бы евреевъ, всегда подозрительныхъ къ всякому вмѣшательству христіанъ въ предметы ихъ вѣрованія, и отъ коихъ можно ожидать перемѣны въ мнѣніяхъ религіозныхъ тогда только, когда *сами собою они постигнутъ свои заблужденія и собственными розысканіями дойдутъ до нелѣпости своихъ народныхъ преданій»* *. Мы уже выше высказали

* Допол. къ Сборн. постан. по М. Н. Пр. 1863—1864 г., стр. 711—712.

наше мнѣніе противъ нѣкоторыхъ частностей приведеннаго здѣсь взгляда Уварова на отношеніе талмуда къ пятикнижію; но съ общею, основною идеею этого взгляда, что успѣшнѣе дѣйствовать на евреевъ такъ, чтобы они путемъ собственнаго розысканія дошли до отрицанія вѣковыхъ заблужденій, нельзя не согласиться, хотя мы опять не раздѣляемъ того убѣжденія Уварова, что еврейскій языкъ единственное орудіе для пораженія толмуда. Вся ошибка этого послѣдняго взгляда собственно состоитъ въ томъ, что Уваровъ счелъ нужнымъ направить противодѣйствіе противъ самого талмуда, а не противъ установившагося на него, вслѣдствіе невѣжества, неправильнаго взгляда. Уваровъ направляетъ всѣ свои стрѣлы противъ самого талмуда, собственно потому, что онъ считаетъ талмудъ источникомъ невѣжества евреевъ и не могъ возвыситься до мысли, что невѣжество именно и есть источникъ неправильнаго взгляда евреевъ на талмудъ,—взгляда, который самъ собою искореняется подъ вліяніемъ общаго образованія. Если бы знаніе древнееврейскаго языка само по себѣ было достаточно для такого подвига, который хотѣлъ совершить посредствомъ него Уваровъ, то евреи сѣверо-западныхъ губерній, между которыми знаніе этого языка распространено издавна, должны были бы отличаться, во время учрежденія училищъ, меньшимъ фанатизмомъ, сравнительно съ евреями юго-западныхъ губерній, а между тѣмъ изъ первой нашей статьи читатели могутъ убѣдиться въ противномъ. И въ самомъ дѣлѣ, опираясь на опытъ, мы можемъ положительно сказать, что на воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, измѣнившихъ свой прадѣдовскій взглядъ на талмудъ какъ на законченный кодексъ откровенія, болѣе вліяло полученное ими общее образованіе, чѣмъ изученіе древнееврейскаго языка. Это весьма естественно, потому что для правильнаго понятія о талмудѣ не важно одно только внѣшнее сличеніе его съ пятикнижіемъ, которое можетъ повести въ крайне противоположную сторону, на которой стоятъ ярые противники талмуда, но еще сверхъ того изученіе внутренней существующей

между ними связи, которая можетъ сдѣлаться понятною лишь послѣ сравнительнаго изученія исторіи другихъ народовъ и ихъ законодательствъ. Но какъ бы то ни было, мысль, лежавшая въ основаніи выбора Уваровымъ древне-еврейскаго языка, какъ орудія противъ талмуда, довольно вѣрна, и такія средства, при которыхъ евреи «сами собою безпринужденно постигнутъ свои заблужденія и собственными розысканіями дойдутъ до нелѣпости своихъ народныхъ преданій», говоря языкомъ министра, слѣдуетъ признавать болѣе *легкими и удобными*, чѣмъ всѣ прочія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, надобно сказать, что засада, устроенная Уваровымъ противъ талмуда, и тѣ средства, къ которымъ слѣдующее затѣмъ министерство прибѣгло для достиженія ея цѣли, при неудовлетвореніи евреевъ во всѣхъ прочихъ, и надо полагать, главныхъ обѣщаніяхъ, можетъ быть оправдываема одною только искренностью Уварова и убѣжденіемъ его въ истинности привитаго ему взгляда на отношеніе между талмудомъ и пятикнижіемъ. Необходимость создать, незамѣтно для самихъ евреевъ, вычищенный на новый ладъ талмудъ въ образѣ катехизиса, послужила основаніемъ къ изданію для евреевъ разныхъ книгъ и учебниковъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, на которыя потрачены громадныя средства. Между тѣмъ, эти учебники, которые должны были произвести цѣлый переворотъ въ религіозной жизни евреевъ, не оказали на нее никакого вліянія, а наиблистательнѣйшимъ образомъ доказали всю несостоятельность мысли о замѣнѣ талмуда какимъ либо произведеніемъ въ новомъ духѣ или о раскрытіи его нелѣпостей посредствомъ распространенія пятикнижія и грамматикъ еврейскаго языка въ переводѣ на нѣмецкій или русскій языкъ. Результатомъ всей этой системы было одно только наводненіе всѣхъ училищныхъ библіотекъ самыми разнообразными оффиціальными изданіями, которыя насильственно распространялись между меламдами и впослѣдствіи раздавались даромъ учителямъ и воспитанникамъ казенныхъ училищъ—и до сихъ поръ преспокойно обременяютъ

полки многихъ казенныхъ библіотекъ, не принося никому никакой пользы. Кромѣ нецѣлесообразности вообще изданія всѣхъ этихъ сочиненій, они могли бы имѣть еще какое нибудь значеніе, если бы они издавались въ переводѣ на русскій языкъ; но они, къ сожалѣнію, издавались въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, который въ то время уже потерялъ прелесть новизны, а въ настоящее время и подавно не можетъ привлечь къ себѣ вниманіе еврейской молодежи, такъ какъ теперь уже есть такія изданія въ переводѣ на русскій языкъ. Невольно задаешь себѣ вопросъ: для чего и кому нужны были всѣ эти библіи, маймониды, грамматики и «кводъ-мелехи», которые поглотили десятки тысячъ рублей, ни на волосъ не помогая дѣлу образованія евреевъ. Недаромъ всѣ эти изданія вызвали цѣлую бурю и разные «вопли еврейскаго народа», которые справедливо указывали правительству на безполезную трату средствъ, расточавшихся на личную пользу издателей, но падавшихъ тяжелымъ бременемъ на бѣдный классъ евреевъ, такъ какъ расходы на изданія правительства покрывались на счетъ суммъ свѣчного сбора. Евреи справедливо спрашивали у правительства, на что имъ всѣ эти книги, весь этотъ хламъ, вновь издаваемый г. Мандельштамомъ, и гдѣ тѣ ремесленныя заведенія, или, какъ выражались евреи, тѣ *фабрики*, которыя правительство обѣщало открывать для нихъ? Не лучше-ли было бы,—спрашивали евреи,—всѣ суммы, растраченныя на изданія Мандельштама, употреблять на учрежденіе ремесленныхъ школъ, т. е. на открытіе тѣхъ дополнительныхъ курсовъ, которые, по основной идеѣ правительства, должны были составить сущность еврейскихъ училищъ? На всѣ эти вопросы отвѣта не было дано, а система изданій одержала верхъ подъ покровительствомъ министерства, не смотря на протесты многихъ еврейскихъ обществъ, которыя, вслѣдствіе этого, должны были отшатнуться отъ еврейскихъ училищъ. Желая быть совершенно безпристрастнымъ, мы постараемся передать подробно всѣ обвиненія со стороны еврейскихъ обществъ противъ изда-

ній г. Мандельштама и всѣ оправданія, которыя выставлялись защитниками правительственной системы, ожидая, разумѣется, разъясненія этого важнаго вопроса со стороны самого г. Мандельштама, на которомъ до сихъ поръ лежитъ нравственная отвѣтственность предъ еврейскимъ народомъ. Не желая произнести приговора, мы надѣемся, что въ рукахъ его найдутся, быть можетъ, достовѣрныя данныя для оправданія той роли, которую онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ. Дай Богъ, чтобы наши ожиданія сбылись! *

Обвиненія противъ г. Мандельштама относятся къ двумъ предметамъ: 1) къ свѣчному сбору и 2) къ изданію еврейскихъ религіозныхъ книгъ. А потому мы должны о каждомъ изъ нихъ говорить отдѣльно.

Всеобщее нерасположеніе, съ какимъ евреи встрѣтили свѣчной сборъ, правительственныя сферы приписывали тому, что онъ предназначенъ на учрежденіе училищъ отъ правительства. Между тѣмъ основанія этого нерасположенія были совсѣмъ другія. Какъ извѣстно уже, свѣчной сборъ долженъ былъ войти въ дѣйствіе съ начала 1846 г., но коммисіонеры, принявшіе на себя взиманіе свѣчного сбора, вслѣдствіе того, что откупное содержаніе его не имѣло успѣха, почти ничего не сдѣлали до второй половины 1847 г. Причиною этихъ неблагопріятныхъ результатовъ были довольно серьезныя обстоятельства, а именно то, что возникновеніе свѣчного сбора и начало его взиманія совпали съ годами пожаровъ, неурожая и холеры, которые довели евреевъ западныхъ губерній до такой бѣдности, что министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, признало справедливымъ, вслѣдствіе представленія о томъ главныхъ мѣстныхъ начальствъ, сложить съ евреевъ недоимку свѣчного сбо-

* Насколько намъ послѣ стало извѣстно, въ рукахъ г. Мендельштама дѣйствительно имѣлись ясныя данныя, выгораживающія его лично, хотя и не опровергающія самые факты безполезной траты громадныхъ суммъ, выжатыхъ изъ бѣднѣйшаго класса евреевъ.

ра за 1846 г. всю, а за 1847 и 1848 годы 50%. Всѣ эти облегченія не привели, однако, къ желанной цѣли, а потому государственный совѣтъ положилъ: войти министру внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ министромъ народнаго просвѣщенія и министромъ финансовъ, въ ближайшее соображеніе, не удобнѣе-ли будетъ большую часть свѣчного сбора взимать съ купцовъ соразмѣрно гильдейскимъ капиталамъ, а остальную часть распредѣлить между еврейскими обществами по числу ревизскихъ душъ, въ видѣ добавки къ подушной подати. Но до разрѣшенія этого предложенія, одно изъ министерствъ нашло необходимымъ сдѣлать распоряженія о собраніи о разныхъ еврейскихъ обществахъ статистическихъ данныхъ, которыя могли бы указать на дѣйствительное соотношеніе между населеніемъ и средствами общества, дабы сдѣлалось возможнымъ устранять неуравнительность налоговъ по числу душъ и принять, при обложеніи свѣчнымъ сборомъ, во вниманіе также и стапень благосостоянія обществъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что весьма серьезныя причины служили препятствіемъ къ правильному взиманію свѣчного сбора по правиламъ 1845 г.,— причины, которыя побудили правительство каждый разъ прибѣгать къ изысканіямъ новыхъ способовъ взиманія этого сбора и къ средствамъ, которыя сдѣлали бы его менѣе тягостнымъ для евреевъ. Затѣмъ, рядомъ съ этими внѣшними причинами, дѣйствовали еще и другія въ томъ же направленіи: какъ извѣстно, свѣчной сборъ первоначально отданъ былъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, а потому губернскія начальства обращали преимущественное вниманіе на взысканіе съ евреевъ государственныхъ податей, для взысканія которыхъ употреблялись строгія мѣры, такъ какъ оно лежало на ближайшей ихъ отвѣтственности. При такихъ обстоятельствахъ евреи узнали, что свѣчной сборъ, который взимался съ нихъ коммисіонерами, дѣйствовавшими въ этомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ произвольно, и былъ предназначенъ на учрежденіе для нихъ училищъ съ дополнительными реальными курсами,—что этотъ

свѣчной сборъ, который уплачивался ими пòтомъ и кровію, не смотря на господство неурожаевъ, пожаровъ и холеры, употребляется на изданіе религіозныхъ книгъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Нельзя, поэтому, удивляться тому, что евреи со всѣхъ сторонъ возставали на эту правительственную мѣру и съ такою настойчивостью преслѣдовали свою цѣль. Если въ тонѣ ихъ жалобъ видно нѣкотораго рода озлобленіе, то это нельзя приписывать фанатизму, который стремился, будто, подорвать въ корнѣ придуманную правительствомъ систему преобразованія евреевъ; напротивъ, евреи, возставая противъ изданія книгъ Мандельштама, требуютъ осуществленія главныхъ основаній образованія евреевъ во всемъ ихъ объемѣ, т. е. именно того, что предначертано было правительствомъ и что признано было раввинскою коммисіею 1842 г. Они только вопіютъ о безполезности и даже вредности потраты громадныхъ средствъ на изданіе никому не нужныхъ книгъ.

Обвиненія, касающіяся злоупотребленій свѣчныхъ сборомъ, состояли, на сколько намъ достовѣрно извѣстно, въ слѣдующемъ:

Евреи говорили, что большая часть свѣчного сбора поглощается изданіями г. Мандельштама и что сборъ этотъ отдавался безъ торговъ коммисіонерамъ, будто самимъ Мандельштамомъ подставленнымъ. Злоупотребленія коммисіонеровъ, по мнѣнію евреевъ, состояли въ томъ, что, не довольствуясь уступкою въ ихъ пользу извѣстнаго процента со всего сбора и на убыль евреевъ (вслѣдствіе холеры), показанныхъ по разряднымъ спискамъ, они дѣлаютъ переборы, а въ казну не вносятъ и $^1/_4$ части собранной ими суммы. Кромѣ того коммисіонеры одни пользуются льготами, дарованными евреямъ въ отношеніи свѣчного сбора въ 1847 и послѣдующихъ годахъ, сами взимаютъ полный сборъ и въ казну представляютъ деньги за исключеніемъ льготныхъ. Затѣмъ евреи говорили также, что въ 1849 г. взносъ свѣчного сбора разрѣшенъ былъ самимъ обществомъ подъ круговое ихъ поручительство, между тѣмъ какъ комми-

сіонеры продолжали пользоваться 14°/о со всего сбора. Независимо отъ всего этого, недоимки по свѣчному сбору, по мнѣнію евреевъ, недостаточно обезпечены были коммисіонерами и всѣ жалобы на дайствія ихъ оставались безъ послѣдствій.

Защитники г. Мандельштама выставляли противъ этихъ обвиненій слѣдующія оправданія:

Во первыхъ, они отрицаютъ участіе г. Мандельштама въ составленіи правилъ свѣчного сбора, на томъ основаніи, что правила эти составлены были въ 1845 г., а г. Мандельштамъ опредѣленъ былъ при министерствѣ гораздо позже. Свѣчной сборъ отдавался безъ торговъ коммисіонерамъ потому, что откупное содержаніе не имѣло успѣха, а хозяйственное управленіе свѣчнымъ сборомъ тоже не представляло достаточной гарантіи. Затѣмъ, въ 1849 г. постановлено было продолжать сборъ по прежнему и, не объявляя торговъ, оставить его въ рукахъ прежнихъ коммисіонеровъ, если они оказались исправными и изъявятъ на то согласіе. Вслѣдствіе этого указа сената, отъ 14 января 1849 года, откупщики отказались отъ сбора, и контракты заключены были съ коммисіонерами. Относительно уступки въ пользу коммисіонеровъ извѣстнаго процента всего сбора, защитники г. Мандельштама говорили, что эта уступка весьма выгодна для правительства, сравнительно съ вознагражденіемъ, назначеннымъ за трудъ откупщикамъ; извѣстный же процентъ на убыль положенъ по случаю холеры и перехода евреевъ изъ одного мѣста въ другое. Пользованіе со стороны коммисіонеровъ льготами, предоставленными еврейскимъ обществамъ, защитники г. Мандельштама оправдывали тѣмъ, что о льготахъ этихъ въ свое время публиковалось въ вѣдомостяхъ, а потому тѣ общества, которыя приняли на себя круговое поручительство, сами могли представлять въ управленія учебныхъ округовъ деньги за исключеніемъ льготныхъ. Затѣмъ, они полагаютъ, что недоимки по свѣчному сбору произошли отъ несвоевременнаго и неправильнаго составленія думами разрядныхъ списковъ и отъ холеры, и что предоставленіе

коммисіонерамъ извѣстнаго процента со сбора и въ 1849 г. объясняется ихъ опытностью въ дѣлѣ и принятою ими на себя отвѣтственностью за недоимки. Злоупотребленія же коммисіонеровъ, вѣроятно, откроются по квитанціоннымъ книгамъ, а по нѣкоторымъ жалобамъ на ихъ дѣйствія производятся изслѣдованія по принадлежности.

На эти возраженія евреи представляли дальнѣйшія обвиненія.

Они утверждали, что г. Мандельштамъ во всякомъ случаѣ уже состоялъ при министерствѣ въ то время, когда свѣчной сборъ отдавался коммисіонерамъ; отсюда они выводятъ, что онъ будто принималъ участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Неуспѣшность торговъ евреи приписываютъ несвоевременному изготовленію разрядныхъ списковъ. Притомъ, —говорятъ они,— даже при несостоявшихся торгахъ слѣдовало бы учредить временное хозяйственное управленіе и объявить, между тѣмъ, новые торги, какъ предписывается правилами свѣчного сбора. Затѣмъ, по представленію одного только попечителя учебнаго округа о передачѣ свѣчного сбора коммисіонерамъ, предписано было о томъ же всѣмъ прочимъ попечителямъ. Кромѣ того, евреи утверждаютъ, что коммисіонеры предложены были попечителямъ свыше и избраны были не изъ благонадежныхъ евреевъ, а изъ бѣдныхъ приказчиковъ, которые служили только фирмою, а настоящими коммисіонерами были совсѣмъ другія лица. Далѣе, по окончаніи перваго трехлѣтія, —говорятъ евреи,— когда всѣ убѣдились въ томъ, что коммисіонеры нажили состояніе, и разрядные списки уже были изготовлены, новые торги были бы успѣшны и откупщики довольствовались бы меньшими, противъ коммисіонеровъ, процентами; между тѣмъ сборъ былъ отданъ прежнимъ содержателямъ, не смотря на то, что во время ихъ управленія свѣчнымъ сборомъ допущены были огромныя недоимки, въ особенности въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ почти ничего не было взыскано. Десятипроцентная льгота на убыль изъ числа евреевъ по раз-

ряднымъ спискамъ доходила въ иныхъ обществахъ до шестидесяти процентовъ всего сбора даже въ 1847 г., когда холеры не было. Переходъ же евреевъ не могъ влiять на недоимку потому, что паспорты не выдавались имъ иначе, какъ по уплатѣ свѣчныхъ денегъ. Льгота на убыль выдавалась только коммисiонерамъ бѣлорусскаго учебнаго округа, гдѣ, по мнѣнiю евреевъ, распространялось влiянiе г. Мандельштама. Затѣмъ, открытiе злоупотребленiй коммисiонеровъ по квитанцiоннымъ книгамъ оказалось невозможнымъ потому, что, вопреки правиламъ свѣчного сбора, не производилось ежегодной ихъ повѣрки. Что же касается недоимокъ, то происхожденiе ихъ приписывается несвоевременному изготовленiю разрядныхъ списковъ коммисiонерами, на обязанности которыхъ это лежало по контракту: между тѣмъ какъ коммисiонеры, объяснивъ происхожденiе недоимокъ холерою, сами, а не общества, воспользовались дарованными по этому случаю льготами. При этомъ евреи считаютъ совершенно излишнимъ назначенiе коммисiонерамъ 14% на 1849 г. потому, что предоставленныя имъ громадныя выгоды далеко превышали ничтожность возложенныхъ на нихъ обязанностей и степень отвѣтственности за оказавшуюся недоимку: вся обязанность коммисiонеровъ состояла только въ томъ, чтобы донести учебному округу о случаяхъ несодѣйствiя полицiи ко взысканiю сборовъ; имущественная же отвѣтственность наступала для коммисiонеровъ только тогда, когда имущество общества оказывалось недостаточнымъ на пополненiе недоимокъ; между тѣмъ, какъ, отвѣчая только за половину всей суммы сбора, коммисiонеры пользовались 14% съ валового дохода, даже въ томъ случаѣ, когда общества сами вносили полную сумму сбора въ управленiе учебнаго округа. Относительно же дѣйствительности злоупотребленiй коммисiонеровъ, евреи ссылаются на донесенiя начальниковъ губернiй.

На всѣ эти опроверженiя отъ защитниковъ г. Мандельштама не послѣдовало серьезныхъ отвѣтовъ. Они говорили,

что утвержденіе будто г. Мандельштамъ состоялъ при министерствѣ въ то время, когда свѣчной сборъ отдавался коммисіонерамъ, не имѣетъ никакого основанія. По нѣкоторымъ пунктамъ новыхъ обвиненій они повторяли выписанныя выше возраженія противъ первоначальныхъ обвиненій; нѣкоторыя, однако, обвиненія ими признавались. Единственно серьезный отвѣтъ, заслуживающій уваженія, касается того обстоятельства, почему свѣчной сборъ не отдавался съ торговъ въ 1849 г., когда разрядные списки были уже готовы. Защитники указали въ этомъ отношеніи на указъ правительствующаго сената 14 января 1849 г., а также и на то, что откупщики отказались оставить за собою продолженіе сбора. Кромѣ того, они утверждали еще и то, что производство торговъ во время холеры, или тотчасъ послѣ нея, не могло бы имѣть никакихъ выгодныхъ послѣдствій. Если мы прибавимъ ко всему этому и то опроверженіе, что отвѣтственность коммисіонеровъ за половину суммы свѣчного сбора относится только до послѣдняго 1849 г. и до тѣхъ обществъ, которыя не приняли на себя круговыхъ поручительствъ, то мы сдѣлаемъ все, что только могли сдѣлать для добросовѣстнаго изложенія существенныхъ оправданій.

Слѣдуетъ, однако, признать и то, что всѣ обвиненія эти, основательно указывая на злоупотребленія свѣчнымъ сборомъ, очень мало доказываютъ участіе г. Мандельштама въ этомъ дѣлѣ. Если говорятъ, что его вліяніе было сильно въ бѣлорусскомъ округѣ, гдѣ болѣе всего было злоупотребленій по свѣчному сбору, и что родственники г. Мандельштама, какъ коммисіонеры свѣчного сбора, скрывались подъ фирмою другихъ лицъ, то это не подтверждается доказательствами. Вѣрнѣе же всего слѣдуетъ полагать, что евреи, считая г. Мандельштама, какъ издателя религіозныхъ книгъ на счетъ св чного сбора, главнымъ виновникомъ всѣхъ притѣсненій въ отношеніи взиманія налога, приписывали ему и всѣ злоупотребленія. Но что злоупотребленія были—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Доказательствомъ тому служатъ правила 31 декабря 1851 г. о

мѣрахъ къ устройству свѣчного сбора съ евреевъ, вызванныя злоупотребленіями откупной системы и коммисіонеровъ. Комитетъ объ устройствѣ евреевъ 1851 г., находя, что отдѣленіе свѣчного сбора въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія соединено со многими неудобствами, вслѣдствіе того, что операція свѣчного сбора лишена содѣйствія и надзора губернскаго начальства, обратилъ на это дѣло особое вниманіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, куда обращено было разсмотрѣніе предположенія о присоединеніи сбора съ шабашныхъ свѣчей къ общимъ коробочнымъ доходамъ. Затѣмъ, представленіе управляющихъ министерствами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ, мнѣніе котораго получило Высочайшее утвержденіе 31 декабря 1851 г. Въ правилахъ, изложенныхъ въ этомъ мнѣніи государственнаго совѣта, постановлено: назначеніе *коммисіонеровъ, агентовъ* или *откупщиковъ* для взиманія свѣчного сбора *отмѣнить* и производившійся имъ донынѣ *отпускъ процентовъ* съ *валового дохода* отъ сего сбора *прекратить*. Вмѣстѣ съ тѣмъ установляется новая система взиманія свѣчного сбора; общій итогъ свѣчного съ евреевъ сбора полагается въ 230.000 р. и установляется съ 1853 г. въ видѣ опыта на три года. Сумма общаго сбора распредѣляется ежегодно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ между еврейскими обществами, *по возможности сообразно съ ихъ состояніемъ* и соотвѣтственно съ количествомъ коробочныхъ отпускныхъ доходовъ. Каждое общество составляетъ внутреннюю раскладку причитающейся съ него суммы. примѣняясь къ правиламъ, постановленнымъ для государственныхъ податей, и по наставленіямъ, какія будутъ преподаны министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Недоимочный взносъ сбора, слѣдующаго съ каждаго общества, лежитъ на полной его отвѣтственности, причемъ общество съ своей стороны понуждаетъ неисправныхъ плательщиковъ мѣрами, предписанными для взиманія государственныхъ податей. Наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ

суммъ свѣчного сбора возлагается на городскія учрежденія подъ руководствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, до истеченія назначеннаго для дѣйствія этихъ правилъ трехлѣтняго срока, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется войти въ соображеніе и представить, куда слѣдуетъ, заключеніе свое о возможности взиманія этого сбора въ видѣ косвеннаго налога по числу зажигаемыхъ евреями свѣчей *. Такимъ образомъ евреи избавлены были отъ угнетателей-коммисіонеровъ, которые, сверхъ слѣдовавшаго въ казну сбора и собственнаго заработка, должны были еще тратить громадныя средства на обширную администрацію, на содержаніе конторъ и повѣренныхъ, на сношенія съ полиціей, на понужденіе обществъ ко взносу свѣчныхъ денегъ, на разъѣзды, на полученіе и пересылку денегъ, на собраніе свѣдѣній о способѣ уплаты сбора обществами для соображеній при составленіи новыхъ правилъ, на веденіе отчетности и т. п. А потому, въ виду тѣхъ притѣсненій, которымъ неминуемо должны были подвергаться евреи при существованіи откупной и коммисіонерской системы, признанной вредною самимъ правительствомъ, нельзя согласиться съ господствовавшимъ въ высшихъ административныхъ сферахъ мнѣніемъ, будто евреи изъ религіознаго фанатизма дѣйствовали противъ свѣчного сбора. Изъ представленныхъ выше данныхъ читатели, мы думаемъ, могли убѣдиться въ томъ, что евреи возставали не противъ самаго свѣчного сбора, а противъ способа взиманія его и укоренившихся при немъ злоупотребленій. Если же показались за евреями недоимки по этому сбору, то онѣ оправдываются чрезвычайными обстоятельствами, каковы: неурожай, пожары и холера, которыя приняты были самимъ правительствомъ въ основаніе сложенія съ евреевъ недоимокъ за цѣлые годы и облегченія имъ взиманія этого сбора на будущее время. При знаніи этихъ обстоятельствъ, становится

* Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв. 1825—1855 г., стр. 1124—1126.

довольно непонятнымъ, какимъ образомъ могло утвердиться такое ложное убѣжденіе относительно евреевъ *.

Теперь перейдемъ къ другимъ и самымъ главнымъ обвиненіямъ по изданію религіозныхъ книгъ.

Мы уже сказали выше, что изданія г. Мандельштама имѣютъ свое начало въ ложномъ представленіи Уварова о талмудѣ, которое привело къ мысли о необходимости замѣны его катехизисомъ. Изъ приведенныхъ главныхъ основаній образованія евреевъ и изъ многихъ мѣстъ доклада Уварова читатели могли видѣть, что отчужденіе евреевъ отъ коренного населенія считалось послѣдствіемъ религіознаго фанатическаго ученія, основаннаго на талмудѣ. Но какъ народной религіи нельзя было уничтожить ни равнодушіемъ, ни гоненіемъ, или, какъ говоритъ Уваровъ, «народы не истребляются» **, то, въ видахъ религіозно-нравственнаго преобразованія еврейскаго народа, признано полезнымъ употребить религію орудіемъ для цѣлей правительства и учредить особыя еврейскія училища, въ которыхъ, для убѣжденія евреевъ въ неприкосновенности ихъ религіи, ученіе ихъ вѣры должно было преподаваться по еврейскому закону. Сообразно съ этимъ, комитетъ объ устройствѣ евреевъ 1841 г. постановилъ: не закрывая евреямъ доступа въ общія заведенія Имперіи, учредить

* Вся эта исторія свѣчного сбора невольно приводитъ намъ на память характерный анекдотъ одного изъ бывшихъ учителей раввинскаго училища, относившагося иронически ко всѣмъ явленіямъ жизни вообще. Когда онъ говорилъ о свѣчномъ сборѣ, онъ никогда не забывалъ о слѣдующемъ анекдотѣ: становой приставъ принимаетъ относительно одного еврея, живущаго въ мѣстечкѣ, понудительныя мѣры къ уплатѣ свѣчного сбора, причемъ указываетъ ему на всю пользу просвѣщенія его единовѣрцевъ. «Сдѣлайте что угодно, ваше благородіе, а у меня никакихъ средствъ нѣтъ, кромѣ вонъ этой козы, кормилицы всего моего семейства; возьмите ее, коли хотите, и я убѣждусь въ томъ, что просвѣщеніе хорошо, но что худо остаться безъ хлѣба». Приставъ угомонился и остановилъ свои мѣры, но не замедлилъ написать въ рапортѣ своемъ, что невѣжественные евреи уклоняются отъ исполненія благодѣтельныхъ мѣръ правительства относительно ихъ образованія.

** Допол. къ Сбор. постан. по М. Н. Пр. 1803—1864 г., стр. 700.

особыя еврейскія училища, въ которыхъ образованіе учредить болѣе нравственное, чѣмъ ученое, и, не уничтожая на первый разъ талмуда, предоставить раввинамъ составленіе краткаго катехизиса. Для ослабленія же вреднаго вліянія талмуда постановлено ввести преподаваніе древне-еврейскаго языка; прочіе же предметы преподавать по русски, но вслѣдствіе недостатка учителей, знающихъ русскій языкъ, дозволить временно преподавать и на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ, въ 1842 году утвержденъ былъ докладъ комитета объ устройствѣ евреевъ, объ учрежденіи при министерствѣ временной раввинской коммисіи для обсужденія способовъ къ устройству образованія евреевъ и ограниченія меламдовъ. Въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ, Высочайше утверждены были главныя основанія образованія евреевъ, которыя прежде считались секретными, а нынѣ обнародованы и приведены нами выше въ общихъ чертахъ изъ сборника постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Изъ нѣкоторыхъ статей сказанныхъ главныхъ основаній можно видѣть, въ чемъ выразилось стремленіе правительства къ уничтоженію талмуда. Между тѣмъ раввинская коммисія 1842 г. нашла, что введеніе катехизиса вмѣсто талмуда было бы противно религіознымъ убѣжденіямъ евреевъ, такъ какъ но религіознымъ ихъ постановленіямъ законъ вѣры долженъ быть изучаемъ подробно, а не въ извлеченіи, и по подлиннымъ источникамъ. Даже болѣе просвѣщенные члены раввинской коммисіи признали введеніе катехизиса мѣрою преждевременною, а потому правительство, не желая возбудить противъ себя евреевъ рѣшительными дѣйствіями, согласилось съ мнѣніемъ раввинской коммисіи; но, съ другой стороны, имѣя въ виду Высочайшую волю, выраженную въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ, объ ограниченіи талмудическаго ученія, министерство народнаго просвѣщенія не могло остановиться на мысли о преподаваніи еврейскаго закона вѣры по религіознымъ ихъ источникамъ, такъ какъ съ признаніемъ этой необходимости пришлось бы совершенно от-

казаться, по мнѣнію министерства, отъ осуществленія плана правительства по отношенію къ ослабленію талмудическаго ученія и возвратиться къ старой системѣ обученія евреевъ. Министерство народнаго просвѣщенія не обратило вниманія на то, что безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ можно было бы достигнуть искорененія предразсудковъ, основанныхъ на ложномъ понятіи о талмудѣ, что прадѣдовскіе взгляды на религіозные источники исчезали бы незамѣтно для самихъ евреевъ подъ вліяніемъ общаго образованія, предполагавшагося по главнымъ основаніямъ въ еврейскихъ училищахъ, какъ это дѣйствительно и было впослѣдствіи. Но, къ сожалѣнію, правительство не могло сразу отрѣшиться отъ принятой системы, и, убоясь талмуда, какъ главнаго развратителя евреевъ, рѣшилось во что бы то ни стало принять противъ него мѣры, если не изданіемъ катехизиса, то по крайней мѣрѣ другими средствами. Въ этихъ видахъ министерство народнаго просвѣщенія остановилось на необходимости изданія по крайней мѣрѣ необходимѣйшихъ религіозныхъ книгъ евреевъ, съ исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ опасныхъ мѣстъ, проникнутыхъ вреднымъ талмудическимъ ученіемъ, дабы, съ одной стороны, успокоить евреевъ на счетъ неприкосновенности ихъ вѣры, а съ другой—положить начало очищенію преподаванія отъ заблужденій талмуда. Согласно съ этимъ, правительство признало необходимымъ издать: извлеченіе изъ Маймонида, Мишну, Библію, молитвенникъ и азбуку съ грамматическими упражненіями. И какъ только обнародовано было оффиціальное объявленіе о печатаніи этихъ книгъ на счетъ свѣчного сбора, разныя еврейскія общества начали протестовать противъ этихъ мѣръ правительства.

Протесты эти состояли въ слѣдующемъ:

Г. Мандельштамъ заключилъ контрактъ съ министерствомъ на сочиненіе 5 религіозныхъ книгъ для еврейскихъ училищъ, съ вознагражденіемъ отъ 25 до 100 руб. съ листа, какъ за текстъ и чужіе комментаріи, такъ и за переводъ, а именно:

1) Маймонида, свода религіозныхъ законовъ съ комментаріями, въ объемѣ болѣе 200 печатныхъ листовъ, по 100 р. за листъ. 2) Библіи съ комментаріями — до 600 листовъ, по 50 р. за листъ; 3) Мишны — до 300 листовъ, по 25 р. за листъ; 4) молитвенника—до 50 лист., по 25 р. за листъ и 5) азбуки еврейской съ грамматическими упражненіями—до 70 листовъ, по 100 р. за листъ. За сочиненіе этихъ книгъ г. Мандельштамъ получаетъ до 70 тысячъ рублей изъ свѣчного сбора, откуда будетъ израсходовано столько же на бумагу и печать.

Книги эти, какъ давно употребительныя между евреями, вовсе не сочинены и не переведены г. Мандельштамомъ, который не сдѣлалъ въ нихъ никакихъ измѣненій, а только списалъ ихъ при помощи другихъ лицъ и представилъ эти списки въ качествѣ манускриптовъ.

Содержаніе изданныхъ г. Мандельштамомъ книгъ противно духовнымъ и государственнымъ законамъ и не приспособлено къ дѣтскимъ понятіямъ. Книги эти содержатъ въ себѣ трактаты, недоступные дѣтскому пониманію, а также совершенно безполезныя статьи объ астрономіи и химіи и много вредныхъ статей, возбуждающихъ ненависть къ иновѣрцамъ.

Не собрано никакихъ свѣдѣній у евреевъ, существуютъ ли у нихъ такія книги, а нѣмецкій переводъ совершенно излишенъ, такъ какъ еврейскій текстъ печатается съ разрѣшенія цензуры, а потому онъ не можетъ заключать въ себѣ ничего противозаконнаго.

Кромѣ налога свѣчного сбора, на сумму котораго печатаются эти книги, изданія министерства составляютъ новый тягостный налогъ на евреевъ, такъ какъ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, особымъ печатнымъ объявленіемъ, далъ знать еврейскимъ обществамъ, что книги, изданныя министерствомъ, въ числѣ 10,000 экземпляровъ каждая, обязательны для еврейскихъ училищъ.

Въ печатномъ объявленіи министерства говорится, что книги эти разсмотрѣны и одобрены 12 раввинами и учеными; но во

первыхъ, раввины эти избраны самимъ г. Мандельштамомъ, и во вторыхъ, они не давали никакихъ одобренiй, а только отзывы о томъ, что книги эти могутъ быть преподаваемы въ училищахъ.

Въ объявленiи этомъ, напечатанномъ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ, въ русскомъ текстѣ сказано, что упомянутыя книги разсмотрѣны и одобрены были первѣйшими раввинами изъ евреевъ, а въ еврейскомъ переводѣ объявленiя, сдѣланномъ самимъ г. Мандельштамомъ, сказано, что текстъ этихъ книгъ былъ извѣстенъ и показанъ знатнѣйшимъ раввинамъ.

Убѣдившись въ маломъ сбытѣ книгъ своихъ, г. Мандельштамъ началъ притѣснять меламдовъ, сдѣлавъ для нихъ обязательнымъ полученiе, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ на право обученiя дѣтей, и двухъ частей Маймонида за 3 руб. 30 коп.

Не лучше ли было эти книги, въ переводѣ на нѣмецкiй языкъ, дозволить къ ввозу изъ-за границы, а суммы свѣчного сбора, поглощаемыя Мандельштамомъ, употребить на заведенiе фабрикъ и обученiе еврейскихъ мальчиковъ ремесламъ и на учрежденiе впослѣдствiи полезныхъ училищъ?

Въ этомъ заключается сущность протестовъ еврейскихъ обществъ.

Защитники г. Мандельштама ссылались въ своихъ возраженiяхъ на соображенiя, изложенныя выше въ краткомъ очеркѣ историческаго происхожденiя мысли о необходимости изданiя на первыхъ порахъ самыхъ употребительныхъ между евреями книгъ, причемъ указывали на 13 п. Высочайше утвержденныхъ 13 ноября 1844 г. главныхъ основанiй образованiя евреевъ, по которому съуживается кругъ преподаванiя еврейскихъ предметовъ и имѣется въ виду, если не при самомъ началѣ, то по крайней мѣрѣ при первой представлявшейся возможности, отклонить всѣ излишнiя философскiя умозрѣнiя комментаторовъ талмуда. Затѣмъ защитники утверждаютъ, что хотя книги, издаваемыя министерствомъ, существовали съ давнихъ временъ, но онѣ стоили очень дорого и не были приспособлены къ цѣли

правительства и къ употребленію въ училищахъ. Такъ, Маймонидъ безъ перевода стоилъ 20 руб., а теперь съ переводомъ будетъ стоить около 6 р.; библія съ нѣмецкимъ (но еврейскимъ шрифтомъ печатаннымъ) переводомъ стоила до 35 р., а теперь съ нѣмецкимъ переводомъ и нѣмецкимъ шрифтомъ —до 18 руб. Кромѣ того, представляется еще та выгода, что при *второмъ* изданіи цѣны эти еще уменьшены будутъ на половину, такъ какъ тогда будетъ исключена та сумма, которая теперь дается Мандельштаму за право литературной собственности. Составленіе религіозныхъ учебниковъ для училищъ поручено было Мандельштаму, какъ лицу извѣстному министерству. Цѣна за трудъ Мандельштама назначена выше обыкновенной потому, что для такого громаднаго труда необходимо было ему пригласить еще другихъ образованныхъ сотрудниковъ.

Первоначально предполагалась плата только за 1,000 листовъ въ 50,000 р., но потомъ, когда признано было нужнымъ увеличить число статей Маймонида, то плата увеличилась до 60,000 р. Кромѣ того, при заключеніи контракта съ Мандельштамомъ, не имѣлось даже въ виду платить Мандельштаму денегъ, такъ какъ одинъ изъ виленскихъ купцовъ, по особому контракту, обязался возвратить министерству всю употребленную этимъ послѣднимъ на пріобрѣтеніе отъ разныхъ авторовъ рукописей сумму соотвѣтствующимъ числомъ экземпляровъ отпечатанной имъ книги; но вслѣдствіе того, что этотъ подрядчикъ оказался неисправнымъ и контрактъ съ нимъ былъ уничтоженъ, министерство должно было уже принять этотъ расходъ на свой счетъ. Но за то защитники надѣялись, что всѣ издержки, заимствованныя изъ свѣчного сбора на изданіе учебниковъ, будутъ возвращены продажею этихъ книгъ, а если бы и не всѣ издержки были возвращены, то потеря эта перевѣшивалась бы тою выгодою, какая извлечена будетъ въ нравственномъ отношеніи отъ изданія благонадежныхъ учебниковъ.

Что касается *Маймонида*, то защитники Мандельштама утверждаютъ, что трудъ по изданію его состоялъ въ извлеченіи

изъ 4 частей in folio необходимѣйшихъ статей о религіозныхъ обрядахъ и законоположеніяхъ евреевъ и въ составленіи совершенно новаго перевода этихъ статей на нѣмецкій языкъ. Притомъ нужно было еще пересмотрѣть и сократить комментаріи къ Маймониду и прибавить къ нимъ филологическія замѣчанія. Особенно же важно, по мнѣнію защитниковъ, изданіе Маймонида потому, что книга эта составляетъ полнѣйшій сводъ еврейскихъ религіозныхъ узаконеній, по которому впослѣдствіи можно будетъ составить катехизисъ, долженствующій замѣнить талмудъ.

Относительно недоступности Маймонида для дѣтскаго возраста защитники Мандельштама приводятъ то, что Маймонидъ назначаетъ свое сочиненіе не только для взрослыхъ, но и для дѣтей, что изъ 19 главъ астрономическаго содержанія оставлена только одна, единственно для поддержанія связи между предыдущимъ и слѣдующимъ. Что же касается возбужденія ненависти къ иновѣрцамъ, то защитники Мандельштама говорятъ, что отдѣлъ Маймонида, на который ссылаются евреи, относится не къ иновѣрцамъ вообще, а къ язычникамъ, и что правительство заинтересовано въ томъ, чтобы не поддерживать господствующаго между евреями-фанатиками смѣшенія понятій: иновѣрецъ и язычникъ, а, напротивъ, необходимо разъяснить евреямъ изъ самыхъ книгъ закона, что язычество, на которое возставалъ Моисей и пророки, не имѣетъ ничего общаго съ христіанствомъ.

О необходимости изданія *библіи* защитники приводятъ то именно, что до министерскаго изданія существовали изданія библіи со множествомъ комментаріевъ, изъ которыхъ нужно было оставить только два классическихъ, и то въ сокращеніи, и прибавить филологическія, по новѣйшимъ критикамъ, замѣчанія, которыя обнаружили бы неправильное толкованіе талмудистовъ. Кромѣ того, трудъ по изданію библіи долженъ былъ еще состоять и въ томъ, что печатавшійся до того еврейскими буквами нѣмецкій переводъ слѣдовало переписать нѣмецкими

буквами и исправить его по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Затѣмъ защитники Мандельштама указываютъ еще на то, что въ полезномъ направленіи, которое получило изданіе библіи, можно убѣдиться изъ напечатаннаго уже введенія.

По изданію *молитвенника* трудъ г. Мандельштама состоялъ въ исключеніи предосудительныхъ мѣстъ, питающихъ вражду къ иновѣрцамъ, въ сличеніи между собою различныхъ молитвенниковъ и въ исправленіи устарѣвшаго перевода.

О надобности этихъ книгъ не слѣдовало, по мнѣнію защитниковъ г. Мандельштама, спрашивать еврейскія общества, такъ какъ при изданіи ихъ руководствовались правилами 13 ноября 1844 г.

Обязательность изданиыхъ министерствомъ руководствъ для частныхъ учебныхъ заведеній вытекаетъ изъ правилъ 13 ноября 1844 г., въ коихъ сказано: «правила о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнихъ учителяхъ основать на общихъ началахъ, существующихъ по сей части въ Имперіи» *. На этомъ именно основаніи необходимо ввести въ частныхъ училищахъ тѣ же учебники, что въ казенныхъ училищахъ, тѣмъ болѣе, что въ первыхъ книги съ переводомъ никогда не употреблялись, и безъ нихъ нельзя было бы вывести изъ этихъ заведеній ученія талмуда. По этимъ соображеніямъ министерскія книги печатались въ 10 тысячахъ экземпляровъ, для снабженія каждаго содержателя первоклассннаго училища однимъ, а второклассннаго--двумя экземплярами.

Относительно обращенія г. Мандельштама къ раввинамъ за одобреніемъ министерскаго изданія защитники его говорятъ, что правительству необходимо было оградить свои изданія авторитетомъ раввиновъ, дабы это изданіе не возбудило противъ себя евреевъ; въ сущности же рѣчь шла о разрѣшеніи нѣкоторыхъ мелочей, которыя, однако, имѣютъ у евреевъ большую важность. Защитники Мандельштама утверждаютъ далѣе, что

* Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв. 1825—1855 стр., 396. п. 31.

книги министерства дѣйствительно разсмотрѣны и одобрены раввинами и учеными, но если бы ихъ одобренія даже и не было, то и въ этомъ случаѣ не слѣдовало бы этимъ стѣсняться, имѣя въ виду правила 13 ноября 1844 г., направленныя къ устраненію талмудическаго ученія.

Обязательность для меламдовъ казенныхъ изданій установлена министерствомъ на основаніи приведеннаго выше 31 пункта правилъ 13 ноября 1844 г., а потому Мандельштамъ не могъ имѣть въ этомъ никакого участія.

Что же касается требованія евреевъ объ учрежденіи, на основаніи тѣхъ же правилъ 13 ноября, фабрикъ и ремесленныхъ курсовъ, защитники Мандельштама приводятъ то, что хотя число еврейскихъ училищъ въ числѣ 32 слѣдовало бы удвоить на основаніи тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, къ которымъ они привели, но къ этому нельзя еще приступить по недостатку учителей. Дополнительные же курсы сельскаго хозяйства, употребительнѣйшихъ ремеслъ, садоводства, а равно и техническихъ и торговыхъ наукъ, съ примѣненіемъ теоріи къ практикѣ, которые установлены правилами 13 ноября, не введены еще по слѣдующимъ причинамъ: въ перворазрядныхъ училищахъ потому, что они не соотвѣтствовали бы ни возрасту учениковъ, ни ограниченности пріобрѣтаемыхъ ими въ этихъ заведеніяхъ свѣдѣній; о введеніи же дополнительныхъ курсовъ въ второразрядныхъ училищахъ заведена переписка, вслѣдствіе мнѣнія попечителя кіевскаго учебнаго округа о пріостановленіи устройства реальныхъ и ремесленныхъ еврейскихъ училищъ до тѣхъ поръ, пока опытъ и успѣхъ учрежденныхъ отъ правительства училищъ не дадутъ вѣрныхъ указаній—гдѣ и на какихъ основаніяхъ такія заведенія могутъ быть открываемы съ пользою. По мнѣнію попечителя, слѣдуетъ прежде пріучить евреевъ къ казеннымъ училищамъ, чтобы они сдѣлались для нихъ необходимыми, а затѣмъ уже приступить къ постепенному осуществленію спеціальныхъ цѣлей правительства относительно реальныхъ училищъ. Прежде-

временное же открытіе реальныхъ курсовъ могло бы только поддерживать въ евреяхъ довольно сильныя въ нихъ предубѣжденія противъ мѣръ правительства. По мнѣнію защитниковъ г. Мандельштама, этотъ взглядъ нельзя было не признать основательнымъ; между тѣмъ и другіе представители учебной администраціи также встрѣчали препятствія къ открытію дополнительныхъ курсовъ. По этимъ основаніямъ, а равно и по неимѣнію учителей и неоканчанію переписки по сему предмету, не могли быть открыты дополнительные курсы.

Евреи, не довольствуясь этими оправданіями, стали выставлять болѣе серьезныя обвиненія.

Прежде всего они указываютъ на употребительныя между ними книги по разнымъ каталогамъ, въ сравненіи съ цѣнами книгъ г. Мандельштама. Они говорятъ, что не можетъ быть никакихъ опасеній относительно введенія катехизиса, потому что онъ употребляется не только между евреями Германіи съ 1812 г., но и введенъ въ Царствѣ Польскомъ и въ еврейскихъ училищахъ Одессы и Умани. Нѣтъ надобности даже въ сочиненіи новаго катехизиса, потому что существуетъ такое огромное множество превосходныхъ его изданій, что трудно отдать преимущество одному изъ нихъ. Цѣна же ихъ колеблется между 12 и 36 копѣйками.

О Маймонидѣ они говорятъ, что въ прежнихъ изданіяхъ онъ занималъ не болѣе 627 листовъ in-folio и продавался отъ 6 до 7 р. за экземпляръ. Въ послѣднія же 30 лѣтъ онъ вовсе не издавался, потому что мало употребляется между евреями. Что же касается библіи, то она съ нѣмецкимъ переводомъ, печатаннымъ еврейскими или нѣмецкими буквами, продавалась различными лицами цѣною отъ 90 к. до 5 р. 40 к., а напечатанная въ Вильнѣ съ нѣмецкимъ переводомъ стоитъ 16 р. 50 к. Кромѣ того, лондонское библейское общество охотно раздаетъ библію даромъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Точно также утверждаютъ евреи, что азбукъ и мо-

литвенниковъ существуетъ множество изданій по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ изданія г. Мандельштама.

Затѣмъ указывается на то, что книги г. Мандельштама перепечатаны изъ давно уже существовавшихъ между евреями книгъ и что переводы заимствованы изъ новѣйшихъ переводовъ, которые найдены г. Мандельштамомъ устарѣвшими. Такъ, напримѣръ, говорится, что до изданія г. Мандельштама существовалъ уже переводъ 46 главъ Маймонида ученаго еврея Соловейчика, которымъ воспользовался оффиціальный переводчикъ. Переводовъ же библіи было 16, о которыхъ германскіе ученые отзываются съ похвалою, и самъ г. Мандельштамъ въ предисловіи къ своей библіи говоритъ, что онъ оставилъ нѣмецкій переводъ Мендельсона безъ всякаго измѣненія. Азбука же и молитвенникъ г. Мандельштама перепечатаны слово въ слово изъ существовавшихъ до того другихъ изданій.

Указывая, такимъ образомъ, на излишность изданія давно уже существовавшихъ книгъ и переводовъ, евреи находятъ также несоразмѣрною плату, опредѣленную г. Мандельштаму за его мнимое право литературной собственности, и сверхъ того показываютъ, что изъ 111,000 руб., полученныхъ г. Мандельштамомъ за 1,846 листовъ, онъ получилъ лишнихъ денегъ 75,625 руб. за чужіе тексты и комментаріи на 1,325 листовъ, перепечатанныхъ изъ другихъ изданій слово въ слово. Если трудъ г. Мандельштама состоялъ только въ переводѣ, то онъ, такимъ образомъ, получаетъ по 325 р. за листъ, такъ какъ текстъ не его; если же онъ получилъ плату за исключеніе мѣстъ, то за исключеніе 2—3 мѣстъ изъ одного листа онъ получилъ по 100 руб. Кромѣ того увеличеніемъ шрифта изданіе г. Мандельштама растянуто на 1,120 лишнихъ листовъ, или на 67,392 руб.

Независимо отъ всего этого, обязательная покупка евреями каждой книги изданій г. Мандельштама въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ увеличиваетъ полученную имъ сумму

въ 111,000 р. на сумму до 400,000 р., что составляетъ для евреевъ тягостный налогъ. Притомъ въ приведенную сумму не входитъ еще оффиціально объявленное изданіе Мишны съ исправленнымъ переводомъ Іоста на сумму въ 150,000 р. Затѣмъ впереди идетъ цѣлая перспектива изданій въ образѣ нѣмецко-еврейскихъ словарей, которые обойдутся въ 60,000 р. и проектъ изданія при министерствѣ еврейской газеты, которая составляла бы ежегодный налогъ на евреевъ въ суммѣ 30,000 р. Евреи съ ужасомъ спрашиваютъ, неужели нищая масса должна послѣднюю трудовую свою копѣйку отдать на совершенно безплодныя изданія, въ видѣ тяжкаго налога, который тѣмъ болѣе имъ ненавистенъ, что падаетъ на предметъ религіозный, на самыхъ бѣдныхъ, многодѣтныхъ отцовъ семействъ и что ему не предвидится конца въ будущемъ.

Послѣ этого, евреи переходятъ къ тому, что изданія Мандельштама не только хуже, но и вреднѣе существовавшихъ до того изданій и не приспособлены къ преподаванію въ училищахъ. Маймонидъ, —говорятъ евреи, —есть сокращеніе талмуда и по авторитету своему занимаетъ послѣ него второе мѣсто. Въ составъ его вошли всѣ безъ исключенія религіозныя постановленія талмуда и всѣхъ законоучителей до XII вѣка. Такимъ образомъ, говорятъ евреи, желая вытѣснить изъ еврейскихъ училищъ талмудъ, этимъ изданіемъ вводятъ въ нихъ тотъ же талмудъ, но съ прибавленіемъ заблужденій позднѣйшихъ учителей и, кромѣ того, вмѣсто прежнихъ фоліантовъ, большею частію никому недоступныхъ, подносится малолѣтнимъ дѣтямъ тотъ же талмудъ на болѣе очищенномъ и удобопонятномъ языкѣ. Маймонидъ, и еще приведенный въ систему, это, по мнѣнію евреевъ, есть ничто иное какъ дистилированный ядъ. Не ограничиваясь этимъ, евреи указываютъ на еще болѣе странное обстоятельство, именно на то, что, сокращая Маймонида, издатель долженъ былъ бы исключить всѣ вредныя мѣста, между тѣмъ онъ, напротивъ, внесъ въ свое изданіе мѣста, наиболѣе вредныя и опасныя, какъ въ политическомъ,

такъ и въ нравственномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, евреи указываютъ на то, что въ новомъ изданіи посвящено ученію объ иновѣрцахъ цѣлыхъ 208 страницъ, изъ которыхъ многія дышатъ ненавистью къ иновѣрцамъ вообще *. Точно также считается евреями вреднымъ въ политическомъ отношеніи трактатъ о царяхъ, въ которомъ, по убѣжденію евреевъ, извращаются понятія объ отношеніяхъ еврейскихъ подданныхъ къ царствующимъ лицамъ. Многія мѣста самимъ г. Мандельштамомъ признаны вредными и не переведены на нѣмецкій языкъ, но оставлены, однако, въ еврейскомъ текстѣ. Для убѣжденія во вредности Маймонида въ отношеніи нравственномъ, евреи ссылаются на многія мѣста, которыя дѣйствительно неприличны въ печати вообще и тѣмъ болѣе не могутъ быть предметомъ преподаванія для дѣтей первыхъ двухъ классовъ, для которыхъ руководство Маймонида собственно предназначалось. Въ своихъ медицинскихъ наставленіяхъ, Маймонидъ во многихъ мѣстахъ патріархаленъ и, какъ медикъ, онъ могъ имѣть въ виду предохраненіе взрослыхъ евреевъ отъ веденія неправильной жизни; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы медицинскія правила о совокупленіи сдѣлались предметомъ преподаванія для дѣтей. Въ педагогическомъ отношеніи г. Мандельштамомъ, по мнѣнію евреевъ, ничего не сдѣлано при изданіи Майнонида; онъ не далъ себѣ труда расположить его по другой системѣ, въ которой бы обращалось вниманіе на переходъ отъ легчайшихъ статей къ труднѣйшимъ, примѣнительно къ постепенному развитію воспитанниковъ.

Относительно библіи евреи замѣчаютъ слѣдующее. Предпринятіе оффиціальнаго изданія имѣетъ цѣлью устраненіе множества комментаріевъ, признанныхъ вредными; но, по указаніямъ евреевъ, существуетъ множество изданій библіи безъ

* Самъ г. Мандельштамъ переводитъ, по указанію евреевъ, слово акумъ (язычникъ) во многихъ мѣстахъ словомъ не-еврей, разумѣется—тамъ, гдѣ такой переводъ представляется болѣе удобнымъ. При всѣхъ указаніяхъ евреи приводятъ томъ и страницы.

всякихъ комментаріевъ. Между тѣмъ г. Мандельштамъ въ своемъ изданіи оставилъ комментатора Раши, толкованія котораго, относящіеся къ ветхому завѣту, насквозь пропитаны духомъ и ученіемъ талмуда. Предполагаемый же комментарій г. Мандельштама можетъ быть еще болѣе вреденъ, если судить по отпечатанному имъ предисловію къ библіи, которое возбуждаетъ противъ себя всеобщій ропотъ евреевъ тѣмъ, что отвергаетъ божественность откровенія и дѣйствительность чудесъ и пророчествъ. Въ молитвенникѣ же Мандельштама сохранились еще мѣста крайне вредныя, исключенныя изъ прежнихъ русскихъ изданій и изъ варшавскаго изданія 1846 г.

Далѣе, евреи говорятъ, что для сбыта своихъ изданій г. Мандельштамъ исходатайствовалъ освобожденіе всѣхъ частныхъ учителей отъ экзамена, который замѣняется для нихъ покупкою одного или двухъ полныхъ экземпляровъ его книгъ. Между тѣмъ испытаніе было единственною гарантіею удовлетворенія требованіямъ воспитанія еврейскаго юношества.

Относительно одобренія оффиціальныхъ изданій 12 раввинами, означенными на заглавныхъ листахъ, евреи замѣчаютъ, что представленные г. Мандельштамомъ отзывы выданы ему въ то время, когда онъ на счетъ коробочнаго сбора объѣзжалъ обитаемыя евреями губерніи для вынужденія отъ раввиновъ мнѣнія о его изданіяхъ. Никто не соглашался выдать ему отзывы, но угроза его, что въ случаѣ отказа правительство коснется религіи евреевъ, подѣйствовала только на 12 человѣкъ, изъ которыхъ только три раввина, а остальные—лавочники и купцы, но не ученые. Но содержаніе и этихъ отзывовъ не заключаетъ въ себѣ никакого одобренія плана г. Мандельштама.

Евреи выражаютъ также неудовольствіе на то, что книги переведены на нѣмецкій языкъ, а не на отечественный; они удивляются тому, что г. Мандельштаму нужно было исправлять слогъ и мысли германскихъ ученыхъ евреевъ, какъ будто дѣтямъ русскихъ извощиковъ, сапожниковъ, ветошниковъ

и факторовъ западныхъ губерній нуженъ лучшій переводъ, нежели какой сдѣланъ для ихъ германскихъ единовѣрцевъ. Правительство могло бы имѣть, по мнѣнію евреевъ, гораздо большій интересъ направить двухъ-милліонное населеніе своихъ подданныхъ евреевъ къ изученію, чрезъ русскій переводъ библіи, русской словесности, нежели чрезъ нѣмецкій переводъ—къ изученію раціоналистическихъ сочиненій тогдашней Германіи. При томъ евреи, даже взрослые, читали бы эти книги въ переводѣ на русскій языкъ, такъ какъ они гораздо лучше знаютъ русскій языкъ, чѣмъ книжный и даже разговорный нѣмецкій языкъ; очень многіе могли бы, по мнѣнію евреевъ, научиться при помощи русскаго перевода библіи русскому языку. Опасеніе же, чтобы чрезъ посредство русскаго перевода Маймонида православные не ознакомились съ заблужденіями талмуда, не могли бы имѣть мѣста, если бы приняли въ соображеніе то, что они могли бы достаточно ясно понять истинное значеніе ученій Маймонида. Если же правительство въ переводѣ на нѣмецкій языкъ желало имѣть вѣрную гарантію въ благонадежности учебниковъ въ цензурномъ и педагогическомъ отношеніяхъ, то оно изъ содержанія многихъ мѣстъ Маймонида и другихъ книгъ могло убѣдиться въ томъ, что оно на этотъ счетъ введено было въ заблужденіе.

Мы не останавливаемся на многихъ частностяхъ въ этой борьбѣ евреевъ съ изданіями г. Мандельштама на счетъ свѣчного сбора, потому что приведенныя нами существенныя обвиненія имѣютъ въ настоящее время только значеніе болѣе точнаго разъясненія и охарактеризованія этой борьбы, знаменующей второй періодъ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Почему въ настоящее время эти обвиненія имѣютъ только указанное нами значеніе, мы постараемся указать ниже, когда мы закончимъ догматическую часть статьи.

Противъ этихъ послѣднихъ обвиненій защитники изданій г. Мандельштама выставляютъ слѣдующее:

Они признаютъ, что введеніе катехизиса дѣло очень легкое,

но надобно ввести такой катехизисъ, который бы замѣнилъ талмудъ, а эта задача уже въ высшей степени трудна и она не выполнена ни одесскимъ, ни уманскимъ, ни варшавскимъ катехизисомъ. Затѣмъ они указываютъ на то, что въ Царствѣ Польскомъ катехизисъ преподается въ одной только Варшавѣ, а масса смотритъ на это нововведеніе какъ на ересь. Относительно болѣе дешевыхъ цѣнъ употребительныхъ между евреями изданій, защитники говорятъ, что они въ этомъ сомнѣваются и что вообще они не имѣютъ свѣдѣній о существованіи подобныхъ изданій.

Въ опроверженіе того, что текстъ и переводъ изданныхъ г. Мандельштамомъ книгъ не составляютъ его собственности, потому что существовали еще прежде, защитники его приводятъ то именно, что Соловейчикомъ переведена одна только глава изъ 46 параграфовъ, тогда какъ Мандельштамомъ изданы уже 3 части въ 2,000 страницъ, которыя составляютъ совершенно новое руководство. О библіи они говорятъ, что имъ извѣстно изданіе Лютера и новѣйшее—Цунца, но евреи уважаютъ авторитетъ Мендельсона. Затѣмъ они указываютъ на то, что въ изданіи общихъ сочиненій послѣдняго находится переводъ только пятикнижія и псалтыря, но на одномъ нѣмецкомъ языкѣ и безъ еврейскаго текста, и что Мандельштамъ сдѣлалъ разныя исправленія въ текстѣ перевода Мендельсона.

Взглядъ евреевъ на увеличеніе налога посредствомъ обязательной продажи казенныхъ изданій защитники считаютъ неправильнымъ, потому что вырученныя отъ продажи деньги пойдутъ только на пополненіе издержекъ, т. е. будутъ поступать въ капиталъ свѣчного сбора, на счетъ котораго производится печатаніе. Относительно высокой платы, назначенной за трудъ г. Мандельштама, защитники указываютъ на то, что печатный листъ самаго дорогого изданія — Маймонида—обходится въ $2^1/_4$ копѣйки, тогда какъ печатный листъ общихъ учебниковъ и даже хрестоматій, при составленіи которыхъ

весь трудъ состоитъ лишь въ выборѣ статей, обходится министерству въ 3 копѣйки.

Вредность многихъ мѣстъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ защитники изданій Мандельштама отчасти признаютъ, но говорятъ, что такъ какъ пересмотръ изданія министерства порученъ свѣдущимъ и благонадежнымъ лицамъ, то всѣ эти вредныя мѣста будутъ ими исключены и что нѣкоторыя изъ нихъ уже предназначены къ исключенію. О мѣстахъ, дышащихъ враждою къ иновѣрцамъ, они опять утверждаютъ, что мѣста эти относятся къ язычникамъ, а не къ христіанамъ. Мѣста же, въ которыхъ излагаются ошибочныя понятія объ астрономіи и химіи, по мнѣнію защитниковъ, оставлены въ учебникѣ потому, что мѣста эти заключаютъ въ себѣ, по убѣжденію евреевъ, важныя объясненія мірозданія, которыя не могли быть выпущены, а измѣненіе этихъ мѣстъ невозможно было на томъ основаніи, что религіозныя понятія евреевъ, освященныя авторитетомъ Маймонида, не подлежатъ исправленію. Относительно педагогическихъ недостатковъ Маймонида, на которые указали обвинители, защитники замѣчаютъ, что Маймонидъ не есть учебникъ, а, какъ переходъ отъ талмуда къ катехизису, онъ есть ничто иное какъ сборникъ законоположеній и обрядовъ, изъ котораго нѣкоторые отдѣлы будутъ предназначены къ преподаванію въ училищахъ. Расположеніе же Маймонида по системѣ оказывается, по мнѣнію защитниковъ, невозможнымъ, потому что и легкія, и трудныя мѣста помѣщаются у Маймонида рядомъ, а раввины изъявили желаніе, чтобы отдѣлы составлялись по возможности полно.

О библіи говорится только то, что предисловіе къ ней не выпущено и подвергается предварительному разсмотрѣнію, но оно не предназначалось для учениковъ. Въ молитвенникѣ же многія вредныя мѣста исключены самимъ г. Мандельштамомъ, а одно оставлено.

Обязательность руководствъ, по убѣжденію защитниковъ,

относится только къ училищамъ и частнымъ учителямъ, но не къ евреямъ вообще, и установлена въ видахъ лучшаго направленія воспитанія еврейскаго юношества. Объявивъ обязательными министерскія изданія для частныхъ учителей, правительство не освободило ихъ отъ испытанія, а допустило только нѣкоторыя облегченія на томъ основаніи, что по существующимъ на этотъ предметъ правиламъ никто изъ частныхъ учителей не въ состояніи выдержать экзаменъ.

Существованіе *одобренія* изданій со стороны еврейскихъ раввиновъ и ученыхъ опять подтверждается защитниками г. Мандельштама, причемъ указывается, что учеными, въ религіозномъ отношеніи, у евреевъ называются всѣ, кто занимается только изученіемъ закона, а у евреевъ большею частію люди низшихъ сословій отличаюся знаніемъ закона.

Требованіе же евреевъ о переводѣ оффиціальныхъ изданій на русскій языкъ отклоняется защитниками г. Мандельштама на томъ основаніи, что на это святѣйшій синодъ, безъ сомнѣнія, не далъ бы своего благословенія.

Вотъ въ существенныхъ чертахъ то, въ чемъ выразилась борьба между противниками и защитниками изданій г. Мандельштама,—борьба, которая породила различные взгляды на отношеніе правительства къ дѣлу образованія евреевъ.

Нѣкоторые полагали, что если составленіе катехизиса для преподаванія закона еврейской вѣры въ объемѣ, приличномъ дѣтскому возрасту, оказывается преждевременнымъ, то изъ этого еще не вытекаетъ для *христіанскаго* правительства необходимость принять на себя изданіе еврейскихъ книгъ религіознаго содержанія. Изданіе это тѣмъ болѣе еще должно быть признано неумѣстнымъ, что по самому свойству еврейской литературы, обнимающей или раввинское религіозное ученіе, или раціонализмъ новѣйшей школы германскихъ евреевъ, нельзя избрать изъ нея ничего такого, что могло-бы соотвѣтствовать видамъ правительства. Религіозное ученіе евреевъ правительство можетъ только терпѣть, но не покровительствовать ему,

обращая ту или другую часть его въ оффиціальное руководство для воспитанія еврейскаго юношества. Что же касается ученія новѣйшей школы германскихъ евреевъ, то распространеніе раціонализма могло бы, конечно, служить дѣйствительнымъ средствомъ для искорененія заблужденій талмуда, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ повести къ уничтоженію всякаго вѣрованія и по послѣдствіямъ своимъ, такимъ образомъ, причинить гораздо больше вреда, чѣмъ самыя заблужденія талмуда. Исходя изъ этой точки зрѣнія, сказанное мнѣніе приходитъ къ необходимости отмѣнить печатаніе и изданіе отъ правительства еврейскихъ религіозныхъ книгъ и допустить преподаваніе въ еврейскихъ училищахъ закона вѣры по еврейскому ученію, но съ тѣмъ, чтобы, на основаніи правилъ 13 ноября 1844 г., преподаваніе это подчинялось контролю училищнаго начальства, которое должно наблюдать за тѣмъ, чтобы оно было сообразно съ возрастомъ и понятіями дѣтей и чтобы не было дозволяемо ничего безнравственнаго, или противнаго общимъ гражданскимъ законамъ. Для устраненія же талмуда слѣдовало бы, по этому мнѣнію, ввести въ еврейскихъ училищахъ преподаваніе закона вѣры по запискамъ, которыя очень удобно могли бы подлежать повѣркѣ со стороны учебнаго начальства. Такимъ путемъ правительство, безъ всякаго неприличія для себя, могло бы достигнуть введенія впослѣдствіи катехизиса и между тѣмъ вывести изъ общественнаго и частнаго воспитанія ложное и вредное ученіе талмуда и его комментаріевъ.

Другіе останавливались на томъ, что правительство, въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ, должно идти неуклонно и рѣшительно къ разъ предначертанной цѣли. Если признано полезнымъ вывести изъ еврейскихъ училищъ талмудъ и начать съ катехизиса, основаннаго на ученіи пятикнижія и постановленіяхъ талмуда, не противорѣчащихъ цѣли сліянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, то всякія полумѣры были бы въ этомъ отношеніи вредны. Если бы даже рѣшительный шагъ со сто-

роны правительства встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны евреевъ, то оно все-таки не должно отступиться отъ осуществленія своей задачи: — такъ дѣйствовали съ успѣхомъ во всѣхъ государствахъ и такъ дѣйствовали въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ катехизисъ изданъ въ 1839 г. и уже введенъ во всѣхъ еврейскихъ училищахъ. На основаніи этихъ соображеній, представители послѣдняго взгляда полагали бы необходимымъ остановить изданіе отъ правительства еврейскихъ книгъ, и въ особенности изданіе Маймонида, который, возбудивъ вообще неудовольствіе между евреями, содержитъ въ себѣ, даже послѣ сдѣланныхъ уже въ немъ исправленій, очень много ученій, несогласимыхъ съ правилами здравой педагогики. А потому было бы полезно, по этому мнѣнію, изготовить для еврейскихъ училищъ катехизисъ и дозволить къ употребленію въ нихъ библіи и нѣкоторыхъ изъ сочиненій, изданныхъ образованными евреями съ цѣлью искорененія религіозныхъ заблужденій своихъ единовѣрцевъ.

Третьи начали за здравіе и свели за упокой. Стремленіе правительства,—говорятъ они,—къ улучшенію быта евреевъ должно заключаться въ заботахъ о матеріальномъ счастіи этого народа, а не въ измѣненіи и очищеніи его религіозныхъ вѣрованій, а потому слѣдовало бы болѣе обращать вниманія на доставленіе евреямъ средствъ къ жизни, чѣмъ на ихъ умственное и религіозное образованіе. Но разъ уже признано полезнымъ учредить для евреевъ новыя школы, вмѣсто старыхъ, гдѣ извращались религіозныя ихъ понятія, то преподаваніе закона вѣры по запискамъ не могло бы подлежать контролю училищнаго начальства и повело бы къ вреднымъ послѣдствіямъ. Въ этихъ видахъ необходимо согласиться съ мыслью объ изданіи отъ правительства еврейскихъ религіозныхъ книгъ.

Четвертые хотѣли разрѣшить весь этотъ сложный вопросъ объ отношеніяхъ правительства къ преобразованію быта евреевъ путемъ образованія, надъ которымъ задумывались во

многихъ министерствахъ, изумительно незатѣйливымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беззастѣнчивымъ образомъ. Вмѣсто всякихъ *теорій* и отвлеченныхъ умозрѣній, они прибѣгли къ *реальному* методу воспитанія евреевъ въ духѣ правительства. Радикальнымъ средствомъ эта партія считала слѣдующее: каждаго еврея, который замѣченъ будетъ въ какомъ бы то ни было явномъ или тайномъ противодѣйствіи успѣшному развитію предначертанныхъ правительствомъ мѣръ, относительно преобразованія быта евреевъ, слѣдуетъ подвергать, не смотря на званіе и состояніе, тѣлесному наказанію при полиціи; точно также слѣдуетъ поступать съ каждымъ меламдомъ, который не получитъ установленнаго свидѣтельства на право обученія дѣтей.

Переходимъ къ болѣе обстоятельному изложенію мнѣнія той партіи, которая защищала г. Мандельштама и ратовала за изданіе оффиціальныхъ руководствъ для преподаванія закона вѣры евреямъ.

Эта послѣдняя партія приписываетъ борьбу противъ министерскихъ изданій злонамѣреннымъ проискамъ фанатической массы евреевъ, которая будто бы желаетъ въ основаніи подкопать учрежденныя отъ правительства училища и, противудѣйствуя введенію въ нихъ правильнаго образованія, вынудить допущеніе неограниченнаго употребленія талмуда, положивъ, такимъ образомъ, конецъ благому начинанію правительства въ дѣлѣ образованія еврейскаго юношества. Это именно убѣждаетъ сказанную партію въ томъ, что правительство не должно руководиться въ этомъ дѣлѣ соображеніями евреевъ, а тѣмъ менѣе согласиться на введеніе проподаванія закона вѣры по выпискамъ изъ талмуда. Запрещеніе въ казенныхъ и частныхъ училищахъ талмуда и отдѣльныхъ его трактатовъ безъ замѣны его другою, пользующеюся у евреевъ уваженіемъ книгою, въ родѣ извлеченій изъ Маймонида, могло бы быть принято евреями за посягательство на ихъ вѣру. Кромѣ того, введеніе, безъ указанія причинъ, преподаванія талмуда

по запискамъ, подъ контролемъ училищнаго начальства, могло бы укрѣпить евреевъ въ мысли о скрытномъ желанiи правительства вести еврейское юношество къ христiанству. Притомъ, повѣрка выписокъ изъ талмуда едва-ли повела бы къ удовлетворительнымъ результатамъ, а на исправленiе ихъ евреи смотрѣли бы, какъ ни на чемъ не основанный произволъ. Подобнаго рода дѣйствiя поселили бы въ евреяхъ недовѣрiе къ казеннымъ училищамъ, которыя начали бы поэтому пустѣть, а въ частныхъ еврейскихъ училищахъ выписки талмуда хранились бы только для виду; на самомъ дѣлѣ же преподавали бы тайно талмудъ и каждый частный еврейскiй домъ обратился бы въ негласное училище. По всѣмъ этимъ соображенiямъ, сказанная партiя не можетъ согласиться на отмѣну изданiя еврейскихъ религiозныхъ книгъ отъ правительства и не находитъ въ этомъ дѣлѣ ничего несовмѣстнаго съ достоинствомъ послѣдняго, потому что, по закону, преподаванiе наукъ въ еврейскихъ училищахъ должно производиться не иначе, какъ на общемъ основанiи, т. е. по одобреннымъ министерствомъ руководствамъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, что правительство христiанское даетъ свое одобренiе религiознымъ учебникамъ или же выражаетъ это одобренiе въ другой формѣ принятiемъ на себя ихъ изданiя. Если отмѣнить изданiе оффицiальныхъ учебниковъ и возвратиться къ подлежащему упраздненiю талмуду и къ испещренной нелѣпыми комментарiями библiи, то это значило бы то же самое, что повернуть назадъ и возвратиться къ тому времени, когда начинали только устанавливать главныя основанiя образованiя евреевъ, или, другими словами, пришлось бы разрушить до тла весь созданный правительствомъ планъ преобразованiя евреевъ. Притомъ, если главная цѣль правительства, по правиламъ 13 ноября 1844 г., состояла въ постепенномъ сближенiи евреевъ съ христiанскимъ населенiемъ посредствомъ искорененiя вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученiемъ талмуда, то, съ отмѣною изданiя религiозныхъ учебниковъ, слѣдовало бы

совершенно закрыть казенныя еврейскія училища или, по крайней мѣрѣ, остановить дальнѣйшее ихъ развитіе, потому что при такомъ порядкѣ потраченныя на нихъ огромныя средства не приносили бы болѣе никакой существенной пользы. Между тѣмъ, кратковременное существованіе этихъ училищъ несомнѣнно уже привело къ благопріятнымъ результатамъ, между прочимъ и къ сокращенію числа школъ старой системы. Затѣмъ, изданіе Маймонида, хотя онъ и принадлежитъ къ *раввинскому* ученію, не можетъ не почитаться полезнымъ, такъ какъ онъ свободенъ отъ многихъ нелѣпыхъ комментаріевъ талмуда, и тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать объ издаваемыхъ министерствомъ извлеченіяхъ, которыя составляютъ пятую только часть талмуда, по возможности очищенную. Съ другой стороны, эта партія не можетъ согласиться и съ мнѣніемъ, чтобы такое изданіе Маймонида и библіи, ограниченной двумя только комментаріями Раши и Мендельсона, могло содѣйствовать распространенію въ средѣ евреевъ раціоналистическаго ученія германской школы. Въ этихъ видахъ, правительство должно, изданіемъ религіозныхъ учебниковъ, разъ на всегда положить конецъ разглашенію неблагонамѣренныхъ толковъ и подкрѣпленію надеждъ на возвращеніе къ старому порядку, потому что шаткость въ дѣлѣ преобразованія евреевъ можетъ дать перевѣсъ торжеству еврейскаго фанатизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратить къ старой системѣ образованія евреевъ, противъ которой правительство главнымъ образомъ направляетъ свои силы въ правилахъ 13 ноября 1844 г.

Изъ всѣхъ означенныхъ мнѣній, вызванныхъ знаменитымъ въ исторіи образованія русскихъ евреевъ дѣломъ г. Мандельштама, восторжествовало послѣднее, болѣе другихъ ложное въ своемъ основаніи. Но можно себѣ представить судьбу этихъ изданій, которыя вызывали всеобщій ропотъ и вопреки желаніямъ евреевъ навязывались имъ, какъ учебники. Результаты, къ которымъ привело настойчивое преслѣдованіе министерствомъ мысли объ упраздненіи талмуда и непремѣнной замѣнѣ его

другою книгою, могли бы служить поучительнымъ урокомъ для нашихъ политиковъ въ еврейскомъ вопросѣ, если бы при разработкѣ послѣдняго историческимъ фактамъ вообще придавалось бы настоящее ихъ значеніе. Но, къ крайнему сожалѣнію, у насъ при реформахъ, предпринимаемыхъ въ еврейскомъ быту, всегда привыкли руководствоваться соображеніями, имѣющими въ виду особую національную исключительность, противъ которой надобно дѣйствовать задними путями, а эта система, которой упорно держатся у насъ въ отношеніи къ однимъ евреямъ, изобилуетъ рядомъ неисправимыхъ заблужденій, всегда приводящихъ къ цѣли, противоположной той, къ которой желали придти. Опасная же сторона этой системы для евреевъ состоитъ именно въ томъ, что неуспѣхъ ея всегда легко приписать самимъ евреямъ, не поддающимся, будто, никакимъ правительственнымъ мѣрамъ, а не очевидной ложности тѣхъ началъ, которыя систематически принимаются въ основаніе самой системы исправленія евреевъ.

Если мы обратимся къ матеріалу, собранному нами въ настоящемъ очеркѣ, то откроется, что правительство, приступивъ къ преобразованію быта евреевъ путемъ образованія, имѣло въ виду приноровить еврейскія училища къ дѣйствительнымъ потребностямъ евреевъ, оставивъ на время существовавшую прежде систему образованія и желая вывести ее изъ жизни преобразованіемъ началъ преподаванія закона вѣры евреевъ. Въ первомъ отношеніи правительство первоначально желало сообщить низшимъ училищамъ, характеръ сельско-хозяйственный и промышленный, но когда настало время осуществленія этой мысли, явились дѣятели, которые нашли приведеніе въ исполненіе этихъ мѣръ преждевременнымъ. Главная мысль правительства, по правиламъ 13 ноября 1844 г., состояла въ *улучшеніи быта* евреевъ путемъ образованія и пріученія ихъ къ сознанію пользы производительнаго труда. Сообразно съ этимъ, необходимо было какъ можно скорѣе убѣдить евреевъ въ осуществимости обѣщаній правительства

и, главнымъ образомъ, позаботиться о скорѣйшемъ введеніи дополнительныхъ реальныхъ курсовъ, а не о религіозномъ преобразованіи евреевъ. Еврейская масса нуждалась въ матеріальномъ благосостояніи для того, чтобы она могла выдти изъ сферъ мелкаго торгашества и совершеннаго бездѣлья, на которое она была обречена историческими условіями; евреи нуждались въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни честнымъ, производительнымъ трудомъ и въ возможности имѣть болѣе широкій просторъ для практическаго его приложенія. Такое положеніе само собою уже могло повести за собою очищеніе религіозныхъ понятій и искорененіе вредныхъ заблужденій. Само правительство это сознавало и думало достигнуть предначертаннаго плана открытіемъ реальныхъ курсовъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе другого выставленнаго начала объ упраздненіи талмуда, которое можно было и забыть съ большою пользою для дѣла, учебная администрація отодвинула на второй планъ открытіе дополнительныхъ курсовъ, т. е. именно того, что легло въ основаніе низшихъ еврейскихъ училищъ и чего желали сами евреи. Болѣе всего замѣчательны тѣ соображенія, которыми руководствовались при неисполненіи важной мѣры правительства о реальномъ образованіи евреевъ. Учебная администрація того времени полагала, что надобно въ этомъ дѣлѣ соблюдать извѣстную постепенность: надобно, чтобы евреи прежде свыклись съ новыми училищами, а потомъ уже открыть спеціальные курсы,—иначе есть опасеніе поколебать въ евреяхъ вѣру въ твердость намѣреній правительства и поддерживать въ нихъ господствующее между ними суевѣріе. Не говоря уже о томъ, что соображенія эти противорѣчатъ самому намѣренію правительства, довольно ясно выраженному въ правилахъ 13 ноября, они заключаютъ въ себѣ одно изъ капитальнѣйшихъ заблужденій—вотъ по какимъ основаніямъ. Съ открытіемъ казенныхъ училищъ, образованіе въ нихъ не было у насъ объявлено обязательнымъ для евреевъ; стало быть, посѣщеніе ихъ зависѣло отъ доброй воли этихъ послѣднихъ.

Насколько намъ извѣстно, въ одномъ только Туккумѣ не явилось никакихъ учениковъ въ открытое тамъ казенное училище, и то потому, что распространилось убѣжденіе о желаніи правительства обратить чрезъ посредство казенныхъ училищъ всѣхъ евреевъ въ христіанство. Но это было единственное исключеніе, и если вспомнить при этомъ, какое сопротивленіе оказывалъ русскій народъ православному правительству при открытіи для него первыхъ училищъ, то этотъ фактъ получитъ свой настоящій историческій смыслъ. Между тѣмъ, во всѣхъ прочихъ городахъ евреи стали посѣщать казенныя училища: слѣдовательно, они добровольно и tacite согласились на систему преподаванія по училищнымъ руководствамъ и программамъ. Контингентъ еврейскихъ училищъ образовался изъ бѣднаго класса евреевъ, который мало обращалъ вниманія на сохраненіе въ цѣлости ученія талмуда, а главнымъ образомъ стремился достигнуть улучшенія семейнаго быта въ отношеніи матеріальномъ, какъ дѣйствительно многіе и думали. Пишущій эти строки самъ прошелъ всѣ низшія и высшія еврейскія училища и хорошо знакомъ съ образомъ мыслей и стремленіями этого класса людей. При такихъ обстоятельствахъ правительству слѣдовало, напротивъ, воспользоваться довѣріемъ евреевъ и сразу открыть ремесленные курсы, чтобы убѣдить ихъ во-очію, что то, что правительство сказало—и быть тому. Но каково же было разочарованіе евреевъ, когда ихъ дѣти, окончивъ училищный курсъ и не имѣя возможности продолжать его въ обѣщанныхъ, но не открывавшихся реальныхъ школахъ, должны были, при полученномъ въ большей или меньшей степени образованіи, прозябать въ прежней сферѣ, не только не внося въ семейный бытъ никакого улучшенія, но становясь ему въ тягость. На нашихъ глазахъ многіе изъ товарищей по низшимъ училищамъ, не имѣвшіе возможности продолжать курсъ въ раввинскихъ училищахъ, оставались въ самомъ безвыходномъ положеніи и долго проклинали свою судьбу и пер-

воначальное, схваченное ими на лету образованіе. И дѣйствительно, это были самые жалкіе, не приставшіе ни къ какому берегу люди: не имѣя въ рукахъ никакихъ положительныхъ занятій, они въ матеріальномъ отношеніи были далеко не обезпечены, а въ нравственномъ отношеніи ихъ жизнь представляла тяжелую пытку униженій и ханжества предъ тѣми, которыхъ они считали выше себя по своему образованію. А между тѣмъ всѣ эти люди, которымъ нѣтъ числа, составляютъ жалкое наслѣдіе недоконченной правительственной системы, — наслѣдіе тѣхъ именно административныхъ соображеній, которыя, не справляясь съ дѣйствительными потребностями жизни, находили, что всѣ эти люди должны прежде свыкнуться съ училищнымъ строемъ, а потомъ уже получать реальное образованіе.

Чтобы судить, въ какой степени важно для евреевъ реальное образованіе, мы можемъ указать на житомірское ремесленное училище, открытое по иниціативѣ евреевъ, ученики которыхъ наглядно указываютъ на то громадное различіе, которое существуетъ между ними и евреями, получающими образованіе въ низшихъ еврейскихъ училищахъ. Это первое въ своемъ родѣ заведеніе въ Россіи * можетъ убѣдить всѣхъ, что безъ особыхъ мѣръ, направленныхъ къ очищенію религіозныхъ понятій, воспитанники, получившіе въ немъ образованіе, общее и ремесленное, свободны отъ всякихъ предразсудковъ и заблужденій, внушаемыхъ, будто бы, ученіемъ талмуда, а на самомъ дѣлѣ пользуются благими результатами производительнаго труда. Это ремесленное училище вполнѣ доказываетъ всю ложность убѣжденій учебной администраціи сороковыхъ годовъ, которыя, однако, помѣшали осуществленію одной изъ важныхъ правительственныхъ мѣръ. Правда, тогдашняя администрація считала неоткрытіе дополнительныхъ курсовъ дѣломъ временнымъ и обѣщала даже приступить къ этому дѣ-

* Въ настоящее время училище это, давшее одни только благіе результаты, къ сожалѣнію, закрыто. *Авторъ.*

лу какъ только не будетъ недостатка въ учителяхъ и окончится начатая переписка. Но то обстоятельство, что дополнительные курсы нигдѣ не открыты до настоящаго времени, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что причина неоткрытія ихъ не заключается даже въ приведенныхъ выше соображеніяхъ, а въ чемъ-то другомъ. Мы знаемъ, что когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ администрація юго-западнаго края задумала и выработала проектъ еврейскихъ ремесленныхъ училищъ, которыя, по соглашенію съ еврейскими обществами, предполагалось открыть на суммы коробочнаго сбора во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ, послѣдующая за тѣмъ администрація нашла это дѣло не только не полезнымъ, но даже вреднымъ. Администрація полагала, что обученіе евреевъ ремесламъ дастъ имъ перевѣсъ надъ крестьянскимъ населеніемъ, которое и такъ уже эксплоатируется евреями и вытѣсняется ими изъ городовъ. Она руководствовалась мѣстными соображеніями и совершенно забыла, что во внутреннихъ губерніяхъ чувствуется недостатокъ въ ремесленникахъ, который могъ бы быть восполненъ евреями, получившими образованіе въ юго-западномъ краѣ. Мы привели этотъ фактъ для того только, чтобы указать на то, что въ поводахъ къ непринятію мѣръ, которыя могутъ положительнѣйшимъ образомъ вести къ улучшенію быта евреевъ, у насъ никогда не бываетъ недостатка и теперь, а потому и не будетъ удивительно, что ихъ нашлось очень много тридцать лѣтъ тому назадъ.

Что же касается второго вопроса — объ отношеніяхъ правительства къ существовавшей старой системѣ образованія евреевъ, то онъ не заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія, потому что съ рѣзкимъ уклоненіемъ правительства отъ принятой имъ новой системы и съ несоблюденіемъ послѣдовательности въ поддержаніи надлежащей связи между образовавшимися тремя системами воспитанія евреевъ, которыя приведены выше, онѣ всѣ слились въ такую безразличную массу,

что не представляется болѣе интереса разсматривать ихъ параллельно. Впрочемъ, къ этимъ системамъ, равно и къ раввинскимъ училищамъ, мы еще возвратимся въ слѣдующемъ нашемъ очеркѣ.

Болѣе важный интересъ представляетъ матеріалъ, относящійся къ опредѣленію отношеній правительства къ преподаванію закона вѣры евреевъ, или такъ называемое дѣло Мандельштамское. Въ первый разъ, кажется, исторія представляетъ примѣръ изученія правительствомъ источниковъ вѣры извѣстной національности съ цѣлью исправленія въ нихъ существующихъ заблужденій и, такимъ образомъ, дѣйствовать на нравственное и религіозное преобразованіе народа. Но раціонально-ли, спрашивается, для искорененія вѣковыхъ предубѣжденій какой нибудь народности, такъ близко коснуться освященныхъ временемъ источниковъ вѣры и принять на себя дѣятельную и непосредственную опеку надъ преподаваніемъ ея закона? Мы вполнѣ убѣждены, что для уничтоженія суевѣрій и предразсудковъ, господствующихъ въ средѣ крестьянскаго населенія Россіи или вообще какой бы то ни было народности, если бы правительство признало это нужнымъ изъ видовъ политическихъ, оно бы прибѣгало къ общимъ образовательнымъ средствамъ, которыя сами по себѣ уничтожаютъ всякаго рода заблужденія, въ силу того общаго правила, что съ появленіемъ солнечнаго свѣта мракъ исчезаетъ. Но въ отношеніи къ евреямъ нельзя вѣдь пользоваться общими средствами, а непремѣнно спеціальными, которыя оправдываются будто исключительными условіями національности евреевъ. Если судить о дѣйствительности каждой мѣры по ея послѣдствіямъ, то смѣло можно заявить, что, въ отношеніи искорененія національныхъ предразсудковъ, изданія правительства не оказали ни малѣйшаго вліянія, а успѣшнѣе всего дѣйствовало въ этомъ направленіи полученное въ еврейскихъ училищахъ общее образованіе. Чрезъ четверть вѣка послѣ совершившагося факта можно гораздо спокойнѣе оцѣнить его, и въ настоящее время нельзя безъ иро-

нической улыбки оглянуться назадъ и спросить себя—почему именно въ этомъ дѣлѣ министерство такъ настойчиво преслѣдовало мысль о необходимости устраненія талмуда и въ то же время считало возможнымъ откладывать въ долгій ящикъ дѣла, нетерпѣвшія отлагательства? Не смотря на всѣ наши усилія, мы не можемъ дать себѣ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Мы уже говорили выше, что для евреевъ, посылавшихъ дѣтей своихъ въ училища, было совершенно все равно, будутъ-ли для нихъ преподавать талмудъ, или катехизисъ, или другую какую нибудь книгу религіознаго содержанія, потому что они, разъ рѣшившись уже отдать дѣтей въ казенныя училища, охотно подчинились всякаго рода казеннымъ программамъ и учебникамъ; слѣдовательно, для училищъ министерскія изданія были совершенно излишни. Если же правительство имѣло въ виду частныхъ учителей, или меламдовъ, для которыхъ оно сдѣлало эти книги обязательными, то въ этомъ отношеніи оно было введено въ заблужденіе, потому что въ хедерахъ, или меламедскихъ школахъ, книги министерства держались только для виду, а на самомъ же дѣлѣ преподавались прежніе предметы изученія. Даже въ казенныхъ училищахъ, гдѣ Маймонидъ былъ введенъ какъ предметъ обязательный, учители стѣснялись въ выборѣ отдѣла для преподаванія. О библіи же нечего и говорить, что она была совершенно лишняя, потому что учители казенныхъ училищъ преподавали библію въ своемъ собственномъ переводѣ, который записывался учениками. Тѣ же евреи, которые не посылали дѣтей въ училища, вовсе не интересовались министерскими изданіями, какъ учебниками, направленными противъ ихъ вѣроученія, а какъ книгами, на которыя тратятся значительныя суммы изъ свѣчного сбора, ложащіяся тяжелымъ гнетомъ на самый бѣдный классъ евреевъ. Уже будетъ двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ евреи забыли совсѣмъ объ этихъ книгахъ, которыя хранятся въ училищныхъ архивахъ и даромъ раздаются окончившимъ курсъ раввинскихъ училищъ, которые, однако, большею частію

оставляютъ ихъ въ стѣнахъ заведенія. Теперь ни для кого не тайна, что книги министерства не произвели никакихъ перемѣнъ въ религіозномъ образѣ мыслей евреевъ и что онѣ оставались и остаются понынѣ въ состояніи дѣвственности; что казенныя училища мало обращали на нихъ вниманія, а меламды продавали ихъ за безцѣнокъ ученикамъ казенныхъ училищъ, для которыхъ онѣ были обязательны; теперь всѣмъ извѣстно, что книги эти, продажею которыхъ министерство надѣялось пополнить капиталъ свѣчного сбора, не только совершенно напрасно поглотили громадныя средства, но и понынѣ еще причиняютъ расходъ тому же капиталу перевозкою ихъ въ значительномъ количествѣ съ мѣста на мѣсто, такъ что министерскія изданія считаются только излишнею тяжестью, обременяющею полки училищныхъ библіотекъ, которыя были бы рады совершенно отъ нихъ избавиться. Вотъ общій, установившійся въ теченіе 20 лѣтъ взглядъ на эти оффиціальныя изданія —взглядъ, вѣрно опредѣлившій ихъ значеніе съ математическою, можно сказать, точностью и въ настоящее время никѣмъ не опровергаемый. Но что было четверть вѣка тому назадъ? Какія ни выставлялись тогда на видъ государственныя соображенія? Когда нѣкоторые заикнулись только о томъ, что необходимо остановить изданіе оффиціальныхъ учебниковъ религіознаго содержанія, къ какимъ комбинаціямъ и натяжкамъ не прибѣгали, лишь бы оправдать необходимость ихъ изданія и распространенія; какія не вызывались мрачныя тѣни, какіе не рисовались ужасы, въ родѣ воскресенія талмуда и его комментаторовъ, при одной мысли о безполезности изданій, которая сама по себѣ уже считалась преступною и свидѣтельствовала о ретроградномъ стремленіи потворствовать фанатизму евреевъ?—Но всего болѣе замѣчательно именно то, что на евреевъ за ихъ прозорливость взваливали всю вину: дѣло Мандельштамское выставлялось въ такомъ свѣтѣ, что евреи-де изъ религіознаго фанатизма сопротивляются осуществленію благихъ намѣреній правительства относительно ихъ образованія и на этомъ основаніи они напа-

даютъ на свѣчной сборъ, какъ предназначенный для этой цѣли, что они желаютъ возвратиться къ старому порядку вещей и вызвать къ жизни талмудъ и излюбленныхъ его комментаторовъ. Но изъ приведенныхъ въ началѣ очерка правилъ свѣчного сбора мы видѣли, что онъ учрежденъ былъ по собственному желанію евреевъ, а потому они на него и нападать не могли. Евреи нападали, и совершенно справедливо, на злоупотребленія свѣчнымъ сборомъ, существованіе которыхъ признано изданнымъ впослѣдствіи закономъ. Они нападали на то, что свѣчной сборъ предназначенъ на учрежденіе училищъ и преимущественно реальныхъ, а между тѣмъ онъ употребляется на совершенно безполезныя вещи. Евреи, прежде всего, народъ практическій и они не могли бояться того, чтобы оффиціальныя изданія произвели религіозную реформу въ ихъ жизни: они видѣли, что, вмѣсто открытія реальныхъ училищъ или *фабрикъ*, имъ подносятъ старыя, давно извѣстныя имъ книги въ нѣмецкой закваскѣ, на которыя правительство тратитъ громадныя средства изъ сбора, возникшаго при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ пожары, неурожаи и холера. Что свѣчной сборъ былъ для евреевъ тягостенъ, доказывается тѣмъ, что, во вниманіе къ указаннымъ бѣдствіямъ, правительство сложило съ евреевъ недоимки по этому сбору и сдѣлало имъ значительныя облегченія, при которыхъ евреи все-таки не были въ состояніи вынести этого сбора, какъ это подтверждается приведеннымъ въ началѣ очерка мѣстомъ изъ всеподданнѣйшаго отчета министра внутреннихъ дѣлъ. Все это могло бы служить достаточнымъ оправданіемъ евреевъ въ глазахъ правительства противъ обвиненій ихъ въ томъ, что они желаютъ въ корнѣ подкопать учрежденныя отъ правительства училища. Вѣдь евреи, нападая на злоупотребленія свѣчнымъ сборомъ, неоднократно, напротивъ, требовали рядомъ учрежденія дополнительныхъ курсовъ по основной идеѣ правилъ 13 ноября 1844 г. Евреи, какъ видно, близко знакомы были съ дѣломъ изданія книгъ отъ правительства и не могли не протестовать

противъ этой мѣры. Настоящее совершенно оправдываетъ евреевъ и вполнѣ доказываетъ, что они предвидѣли будущее гораздо основательнѣе тѣхъ, которые считали себя въ правѣ диктовать судьбы двухъ-милліоннаго населенія. Впрочемъ, многіе государственные дѣятели были въ этомъ вопросѣ за евреевъ и тоже требовали пріостановленія изданія оффиціальныхъ руководствъ, но они выходили изъ другихъ основаній: одни—изъ того, что нашли изданіе это несовмѣстнымъ съ достоинствомъ правительства и вреднымъ въ томъ отношеніи, что оно было бы все равно, что покровительствовать раввинскому ученію, или способствовать развитію раціонализма; а другіе изъ того, что считали необходимымъ неуклонно идти по разъ начертанному пути и издать катехизисъ. Можно было бы согласиться даже со вторымъ мнѣніемъ, потому что катехизисъ не поглощалъ бы во всякомъ случаѣ многихъ средствъ и не вызвалъ бы, слѣдовательно, никакого ропота, точно также, какъ онъ не вызываетъ его теперь, когда у насъ начинаютъ появляться катехизисы на рускомъ языкѣ. Это второе мнѣніе уже тѣмъ лучше, что оно указываетъ на необходимость быть послѣдовательнымъ, и послѣдовательность повела бы къ выполненію всей правительственной программы относительно образованія евреевъ, которая заключала въ себѣ очень много хорошаго. Между тѣмъ, какъ послѣдовательность нарушалась на каждомъ шагу, въ то самое время, когда министерство всѣми силами вооружается противъ талмуда, и употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы изданія, долженствующія замѣнять евреямъ талмудъ, не были пріостановлены, въ то самое время оставляется подробное преподаваніе талмуда съ комментаторами въ раввинскихъ училищахъ, начиная съ 4-го класса вплоть до окончанія курса, въ теченіе цѣлыхъ 7 лѣтъ, и преподаваніе именно тѣхъ трактатовъ, которые заключаютъ въ себѣ предметы, не имѣющіе никакой практической важности, и въ которыхъ, вдобавокъ, легендарная часть преобладаетъ надъ законодательною, каковы, напр., трактаты: о благословеніяхъ, о яйцѣ (или о субботнихъ

запретахъ), о религіозныхъ обрядахъ менструаціи. Въ то самое время, когда министерство спѣшило съ изданіемъ оффиціальной библіи для того единственно, чтобы какъ можно скорѣе остановить вліяніе печатавшейся въ Вильнѣ библіи, въ которой, кромѣ Раши и Мендельсона, были еще и другіе комментаторы подозрительнаго свойства,—въ это же время въ раввинскихъ училищахъ преподаются отдѣльные комментаріи, какъ «Яаросъ-Двошъ» «Бина Леитимъ» и т. п. Затѣмъ спрашивается, испортило-ли въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ это лишенное всякой системы, подробное и при томъ безалаберное преподаваніе талмуда и отдѣльныхъ комментаровъ его и пятикнижія? Нисколько! Общее образованіе въ объемѣ гимназическаго курса развило въ воспитанникахъ раввинскихъ училищъ духъ критическаго анализа талмуда, на который они, при помощи не слишкомъ серьезнаго даже образованія и званіи исторіи еврейскаго народа, установили совершенно правильный взглядъ, господствующій въ развитой германскими учеными еврейской наукѣ. Стало быть, допущеніе даже преподаванія талмуда до крайнихъ предѣловъ, но рядомъ съ предметами общаго образованія, не только не можетъ быть такъ опасно, какъ представляло себѣ это министерство, но даже полезно, потому что общечеловѣческое развитіе всегда вноситъ свое вліяніе въ національные элементы, какіе бы эти послѣдніе ни были. Мы удивляемся, почему министерство 40-выхъ годовъ не могло стать на эту точку зрѣнія и еще болѣе удивляемся тому, что, упорно держась своего заблужденія о возможномъ искорененіи талмуда только путемъ остракизма, манистерство направило всю дѣятельность свою въ этомъ отношніи именно на трехклассныя второразрядныя училища, въ которыхъ воспитывались дѣти, не знакомыя вовсе съ талмудомъ, и могли знакомиться съ нимъ развѣ по окончаніи курса, когда вслѣдствіе неоткрытія дополнительныхъ курсовъ, они не въ состояніи были получить самостоятельнаго реальнаго образованія. Въ этомъ отношеніи мож-

но сказать, что, вмѣсто того, чтобъ направить евреевъ къ производительному труду, который составлялъ конечную цѣль правительства, министерство само гнало ихъ на старый путь отвлеченныхъ умозрѣній талмуда. Стремленія же министерства къ изгнанію талмуда изъ хадаримовъ, или меламедскихъ школъ, путемъ введенія въ нихъ официальныхъ изданій, было не болѣе какъ химера. Во первыхъ, оффиціальныя изданія не сдѣланы были въ хадаримахъ обязательными учебниками, а навязывались только меламду, для просвѣтленія его ума; но меламедъ радъ былъ радехонокъ, когда какой нибудь ученикъ казеннаго училища на другой же день, вмѣсто 3 р. 50 к., заплатилъ ему за эти изданія одинъ рубль. Если бы сдѣлали эти учебники обязательными, то министерству нужно было бы устроить такую обширную администрацію для контроля, которая потребовала бы столько же средствъ, сколько само изданіе учебниковъ. Сверхъ того, допуская даже мысль о возможности устроить такую администрацію съ аргусовыми способностями, едва-ли можно было бы согласиться съ тѣмъ, чтобы отъ такой принудительной системы былъ какой нибудь прокъ. Во вторыхъ, хедеры и представители ихъ—меламды—скорѣе вызваны были у евреевъ экономическими условіями жизни, чѣмъ потребностью въ обученіи дѣтей. Бѣдный классъ евреевъ, обремененный дѣтьми и не имѣвшій возможности оставлять ихъ дома во время отлученія на заработки, скорѣе нуждался въ надзорѣ надъ дѣтьми, чѣмъ въ томъ, чтобъ они были грамотны. Этимъ именно объясняется весьма популярная между евреями мысль, что всякому негодяю, который по напрасну испробовалъ всѣ пути въ жизни, остается только сдѣлаться меламдомъ; этимъ объясняется также, что при полномъ сознаніи невѣжества меламдовъ, имъ однако поручались всѣ почти дѣти въ каждомъ городѣ, или мѣстечкѣ, ибо одинъ только ни къ чему не годный меламедъ могъ принять на себя надзоръ въ теченіе цѣлаго года за самую ничтожную плату. Эта система, хотя очевидно вредная, все таки была спод-

ручна евреямъ по экономическимъ условіямъ ихъ быта. Если же съ этой точки взглянуть на меламдовъ, которые еле-еле могли научать болѣе взрослыхъ дѣтей неправильной грамотѣ, то станетъ понятно, въ какую почву министерство хотѣло бросить сѣмена официальныхъ изданій и на что потрачено было столько средствъ и усилій: министерство заготовило огромный запасъ учебниковъ (10000 экз. каждаго изъ нихъ), чтобы разомъ подѣйствовать на невѣжественную сферу меламдовъ, на тунеядцевъ, составлявшихъ самый низшій слой еврейскаго населенія, образовавшихъ собою тотъ именно классъ, который въ древнемъ мірѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ рабовъ. Настоящее время, въ которое меламды все болѣе и болѣе грязнутъ въ своемъ невѣжествѣ, вполнѣ доказываетъ, сколько свѣтлыхъ лучей занесено оффиціальными изданіями въ это темное и темнѣющее царство. Успѣхъ придуманной министерствомъ системы изгнанія талмуда до того ясно обнаруживается въ полномъ своемъ блескѣ въ настоящій періодъ, что мы не сочли нужнымъ опровергать во всѣхъ частностяхъ оправданія защитниковъ казенныхъ изданій. Мы раскрыли только существенную сторону дѣла, чтобы убѣдить читателей въ томъ, насколько ошибочная и келейно веденная система можетъ быть полезна, насколько можетъ быть компетентна въ дѣлѣ образованія русскихъ евреевъ администрація, дѣйствующая по односторонне-собраннымъ соображеніямъ людей, которые могутъ усмотрѣть въ той или другой системѣ свою личную выгоду. Этотъ дорого стоившій намъ урокъ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе тѣхъ, которые теперь принимаются за то же дѣло, которые хотятъ нежданно-негаданно одарить евреевъ новою системою образованія и духовнаго правленія; не мѣшало бы, мы думаемъ, въ подобныхъ дѣлахъ, кромѣ свѣдѣній, доставляемыхъ чиновниками, выслушивать и другія, господствующія въ разныхъ еврейскихъ кружкахъ мнѣнія и убѣжденія, — не мѣшало бы потому собственно, чтобы черезъ 30

лѣтъ грозная дѣйствительность не привела насъ къ результатамъ такъ называемаго мандельштамовскаго дѣла.

И такъ, очерченный нами періодъ образованія евреевъ характеризуется борьбою ихъ противъ оффиціальныхъ изданій, предпринятыхъ на счетъ суммъ свѣчного сбора, который возникъ во время господствовавшихъ бѣдствій и взимался при помощи самой дурной системы коммисіонерства, впослѣдствіи отвергнутой правительствомъ. Но въ этой борьбѣ, не смотря на то, что многія правительственныя мѣста и лица раздѣляли мнѣнія обвинителей г. Мандельштама, евреевъ преодолѣла могучая сила, противъ которой они были слабы и, кромѣ того, на нихъ набросана была тѣнь подозрѣнія въ противодѣйствіи мѣрамъ правительства относительно ихъ образованія, но пятно это въ настоящее время совершенно смыто результатами той системы, на которую они нападали. Другая черта, характеризующая этотъ періодъ, именно та, что министерство настойчиво преслѣдовало одну только, вскользь высказанную въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ мысль объ изгнаніи талмуда, проводя ее притомъ крайне непослѣдовательно, и упустило изъ виду главную и существенную задачу правительственной системы относительно доставленія возможности евреямъ заняться производительнымъ трудомъ, посредствомъ обученія ихъ реальнымъ предметамъ въ дополнительныхъ курсахъ, открытіе которыхъ требовалось и желалось самими евреями.

Періодъ III.

Въ первомъ періодѣ рѣчь шла о борьбѣ между правительствомъ и евреями, которая возникла по инициативѣ перваго и окончилась торжествомъ надъ послѣдними; во второмъ періодѣ рѣчь шла о той же борьбѣ, которая возникла по инициативѣ евреевъ и окончилась, какъ мы видѣли, хотя и не оффиціальнымъ, но фактическимъ торжествомъ послѣднихъ. Въ на-

стоящей статьѣ рѣчь пойдетъ о внутренней борьбѣ между разными элементами еврейства, пришедшими между собою въ столкновеніе по поводу обнаружившагося разнообразія въ стремленіяхъ къ осуществленію цѣли образованія евреевъ.

Съ одной стороны, правительство полагало, что центральныя религіозныя установленія, созданныя во Франціи рукою Наполеона, очень много содѣйствовали «уничтоженію прежнихъ предубѣжденій, отчуждавшихъ евреевъ отъ гражданскаго общества». Поэтому главною цѣлію правительства въ дѣлѣ преобразованія евреевъ было учрежденіе особаго института подъ названіемъ *губернскихъ раввиновъ*, которые, будучи воспитаны въ духѣ правительства, могли бы служить проводниками правительственныхъ идей въ гражданскій бытъ евреевъ и должны были, согласно съ этимъ, употреблять религію евреевъ орудіемъ для ихъ преобразованія, потому что, по мысли еврейскаго Комитета, религія евреевъ считалась «главною и единственною силою, дѣйствующею на общественное и семейное состояніе сего народа». Но затѣмъ мѣра эта показалась одностороннею, на томъ основаніи, что евреи не могли бы питать довѣріе къ органамъ правительственной власти и не могли бы «почитать дѣйствительною власть гражданскую въ дѣлахъ религіи». Все это привело къ заключенію, что необходимо создать центральное учрежденіе и облечь его религіознымъ авторитетомъ въ глазахъ евреевъ, дабы оно, своимъ нравственнымъ на нихъ вліяніемъ, могло «дать силу всѣмъ распоряженіямъ, предпринимаемымъ правительствомъ для преобразованія» евреевъ и, подъ ближайшимъ руководствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, «направлять *губернскихъ раввиновъ* къ постепенному сліянію евреевъ съ общимъ населеніемъ и къ обращенію ихъ дѣятельности на пользу государственную». Съ этой цѣлью, по Высочайше утвержденному 18 мая 1848 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, учреждена была *раввинская коммисія* *,

* Объ учрежденіи раввинской коммисіи, ея занятіяхъ и проч. смотри приложеніе къ ст. 1220, т. I, ч. II, учрежденіе министерствъ.

занятія которой должны были состоять: 1) въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи мнѣній и вопросовъ, относящихся къ правиламъ и обрядамъ еврейской вѣры и къ дѣйствіямъ раввиновъ; 2) въ разсмотрѣніи дѣлъ о расторженіи браковъ въ такихъ случаяхъ, когда сами раввины встрѣтятъ неясность въ законѣ, или когда поступятъ жалобы на неправильное рѣшеніе мѣстнаго раввина— и 3) въ исполненіи разныхъ порученій, относящихся къ роду ея занятій, которыя министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ на нее возлагать *. Но, кромѣ этой ближайшей цѣли, Раввинская Коммисія должна была имѣть, невѣдомо для нея самой, еще цѣль политическую. Какъ извѣстно, французскій Синедріонъ евреевъ, вызванный къ жизни Наполеономъ и имѣвшій цѣлію гарантировать правительству подчиненіе евреевъ всѣмъ признаннымъ имъ въ принципѣ догматамъ, навелъ панику на всѣ европейскія правительства того времени, которыя, подозрѣвая во всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона политическія ухищренія, усмотрѣли и въ простомъ желаніи Наполеона—сдѣлать съ своей точки зрѣнія возможнымъ равноправность евреевъ — какія-то всемірно-политическія стремленія. Европейскія правительства того времени полагали, что Наполеонъ имѣетъ намѣреніе распространить свое политическое вліяніе чрезъ посредство еврейскаго Синедріона на евреевъ всѣхъ странъ. Центральныя религіозныя учрежденія евреевъ Франціи продолжали считаться въ другихъ европейскихъ государствахъ и въ Россіи носителями политическихъ тенденцій Наполеона, которые имѣютъ связь съ образованными евреями другихъ странъ, съ цѣлью пропагандировать идеи всеобщаго равенства подъ эгидою Мессіи въ образѣ французскаго государства. Для этого необходимо стало создать равносильный противовѣсъ въ формѣ центральнаго учрежденія, которое должно было сдѣлаться проводникомъ отечественныхъ идей въ духѣ русскомъ. Это вполнѣ подтверждается приведенными выше

* Втор. Пол. соб. зак., т. XXIII, Отд. I, № 22276 (Ж. М. В. Д. Декабрь, 1860 г. Истор. М. В. Д. Варадинова).

соображеніями государственныхъ людей 1848 года, легшимъ въ основаніе учрежденія Раввинской Коммисіи, которая, подобно французскому Синедріону, должна была своимъ религіознымъ авторитетомъ санкціонировать распоряженія правительства и парализовать «вліяніе заграничныхъ толкователей еврейскаго закона, которые, въ политическомъ отношеніи, могутъ быть не безвредны».

Но цѣль учрежденія Раввинской Коммисіи не достигается, не смотря на созваніе ея уже не въ первый разъ. Учрежденіе такого органа, какъ раввинская коммисія, должно было быть основано на внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ еврейскаго быта, а не на формальной и кажущейся необходимости сдѣлать съ точки зрѣнія еврейской религіи законными въ глазахъ евреевъ всѣ распоряженія правительства, касавшіяся ихъ религіозно-гражданской жизни. Результаты образованія въ еврейскихъ и общихъ заведеніяхъ имперіи, въ связи съ болѣе благопріятными внѣшними условіями, могли бы скорѣе воздѣйствовать на пересозданіе соціальнаго быта, согласно со вновь пробужденными потребностями, чѣмъ всякое, внѣ еврейской жизни стоящее учрежденіе, не оказывающее на нее ни малѣйшаго вліянія. Естественно, что Раввинскія Коммисіи не произвели никакихъ переворотовъ въ гражданскомъ и семейномъ быту евреевъ, а первоначально содѣйствовали только развитію борьбы между самими евреями. Вопросъ между евреями шелъ именно о томъ, кого слѣдуетъ избрать въ представители интересовъ всего русскаго еврейства, которыхъ должно было быть первоначально 4, а потомъ 6. Прогрессивное меньшинство, ничтожное своимъ вліяніемъ, едва ли могло добиться имѣть между кандидатами въ члены Раввинской Коммисіи представителя своей партіи. Большинство же евреевъ, не ждавшихъ, по изложеннымъ во 2-й статьѣ нашей основаніямъ *. никакихъ практическихъ выгодъ отъ

* См. «Евр. Библіот.», т. II.

образованія своихъ дѣтей, естественно было заинтересовано въ сохраненіи своей религіозной обрядности in statu quo, тѣмъ болѣе, что этой части евреевъ было хорошо извѣстно, что рѣшенія раввинской коммисіи будутъ для нея обязательны. Въ этой борьбѣ между меньшинствомъ и большинствомъ, послѣднее, конечно, должно было одержать побѣду,—и составъ раввинскихъ коммисій всегда долженъ былъ образоваться изъ людей, которые противились всякой реформѣ и которымъ, признаться, реформы не были нужны, потому что представляемая ими еврейская масса, находясь подъ экономическимъ гнетомъ, чувствовала болѣе настоятельную потребность въ реформахъ законодательныхъ, въ предоставленіи ей возможности выйти изъ заколдованнаго круга западныхъ губерній и вообще въ облегченіи ей доступа къ дѣятельности на разныхъ поприщахъ, кромѣ торговаго и промышленнаго Неудивительно поэтому, что на засѣданіи въ первой раввинской коммисіи, созванной въ 1852 г., очутились люди, не только мало извѣстные въ Россіи своимъ авторитетомъ, но вообще мало извѣстные въ учено-религіозномъ отношеніи, мало или почти вовсе не подготовленные къ разработкѣ предложенныхъ имъ въ министерствѣ вопросовъ. У насъ вообще очень мало есть свѣдѣній о дѣятельности первыхъ раввинскихъ коммисій (1852, 1857 и 1861 г.); но изъ тѣхъ ничтожныхъ, нами собранныхъ свѣдѣній открывается, что раввинскія коммисіи пользовались весьма мало уваженіемъ въ средѣ самихъ еврейскихъ обществъ. Напримѣръ, по вопросу о цензурѣ еврейскихъ книгъ, предложено было первой коммисіи высказать свое мнѣніе относительно возможности и необходимости исключенія изъ талмуда нѣкоторыхъ мѣстъ изъ легендарной части. Представитель Новороссійскаго края, г. Б. (какъ говорятъ—Бернштейнъ), единственный членъ коммисіи, понимавшій по русски, отвѣтилъ, что онъ около 20 лѣтъ уже не занимался талмудомъ, а потому для него совершенно безразлично, будетъ ли исключено мало или много мѣстъ изъ талмуда. Представители юго-западнаго края

и бѣлорусскихъ губерній отстаивали талмудъ, а Черользонъ (докторъ) писалъ въ Вильну о томъ, чтобы ему указывали оттуда необходимыя мѣста талмуда, которымъ онъ давно уже не занимался. Дѣло кончилось тѣмъ, что курляндскій представитель (не знавшій вовсе по русски) согласился съ мнѣніемъ новороссійскаго, а выписанный изъ Вильны раввинъ Д. своею глубокою ученостью доказалъ, что «всѣ мидрашимъ, вся гагада и вся еврейская письменность вообще, точно также какъ и всѣ молитвенники и комментаріи, поелику всѣ они существуютъ издавна, должны оставаться неприкосновенными» *. Въ этой же коммисіи, кромѣ вопроса о цензурѣ еврейскихъ книгъ, разрѣшеннаго столь удовлетворительнымъ образомъ, предлагались еще, между прочими вопросами, не имѣющими близкой связи съ образованіемъ евреевъ, и вопросъ о *тайныхъ* раввинахъ и о сектѣ хассидовъ **. Въ какомъ смыслѣ разсуждали объ этомъ вопросѣ и къ какимъ пришли результатамъ въ первой раввинской коммисіи, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Но это намъ положительно извѣстно, что предписано было административному начальству юго-западнаго края строго слѣдить за дѣятельностью тайныхъ раввиновъ и ихъ хассидскихъ партій, а раввинамъ, получившимъ образованіе въ раввинскихъ училищахъ, поручено было доставлять секретно свѣдѣнія о существующихъ въ ихъ вѣдомствахъ хассидскихъ партіяхъ, о количествѣ ихъ, равно и о представителяхъ этихъ партій. Разумѣется, что это распоряженіе, составлявшее плодъ первой раввинской коммисіи, сразу отшатнуло всѣхъ заправлявшихъ судьбою еврейскихъ массъ отъ правительственнаго плана и поставило въ чрезвычайно затруднительное положеніе еврейскихъ раввиновъ, на которыхъ откры-

---

* Zeitung des Iudenthums, 1852 г., стр 624—627.

** Остальные вопросы слѣдующіе: 1) о евр. метрическихъ книгахъ; 2) о евр. очистительной присягѣ и о дополненіи свидѣтельской присяги и 3) о совершеніи браковъ между военнослужащими евреями (Ж. М. В. Д., январь, 1851 г.; Ист. М. В. Д. Варадинова).

то стали смотрѣть какъ на правительственныхъ миссіонеровъ. Самая роль, на которую указано было новымъ раввинамъ, этимъ предвозвѣстникамъ будущихъ внутреннихъ реформъ, была въ высшей степени унизительна. Какъ ни старались они скрывать отъ ортодоксальной партіи намѣренія правительства въ этомъ отношеніи, она узнавала о нихъ у низшихъ административныхъ чиновъ и стала подозрительно поглядывать на своихъ новыхъ пастырей, которые были обязаны доносить правительству о томъ, кто къ какой принадлежитъ партіи. Недовѣрчивость къ новымъ раввинамъ и правительству росла съ каждымъ часомъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ раввиновъ воспользовались своимъ правомъ и указали какъ на цадиковъ, такъ и на людей, принадлежащихъ къ сектѣ хассидизма, который предполагалось искоренять секретными циркулярами на имя полиціймейстеровъ, городничихъ и раввиновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цадики оказывали весьма вредное вліяніе на соціальную жизнь евреевъ; но они не были представителями религіознаго толка, основаннаго на извѣстной догмѣ, а скорѣе представителями выродившагося ученія, которое находило себѣ почву въ экономическомъ быту евреевъ. Слѣдовательно, необходимо было стремиться къ установленію болѣе свободныхъ экономическихъ отношеній въ жизни евреевъ, и эта каменная стѣна цадикизма, державшаяся только благодаря насильственному порядку вещей и запутанности отношеній, пала бы сама собою. Но, разсматривая всѣ институты еврейской жизни съ точки зрѣнія религіозной и полагая при томъ, что религія есть единственный рычагъ, приводящій въ движеніе всѣ стороны гражданской и семейной жизни евреевъ, правительство ошиблось въ своемъ взглядѣ на цадикизмъ; не подумали даже о томъ, что, поручая просвѣщеннымъ въ правительственномъ духѣ раввинамъ стать на стражѣ цадикизма съ цѣлію окончательнаго его искорененія, начинаютъ опасное дѣло, которое можетъ подорвать довѣріе къ новому органу правительственной власти, долженствовавшему, по мысли са-

мого правительства, незамѣтно для самихъ евреевъ, вносить въ гражданскій ихъ бытъ элементы, наиболѣе согласные съ государственными стремленіями Россіи относительно образованія евреевъ. Эта ошибка дала начало нескончаемой борьбѣ между раввинами и еврейскими обществами, которая отчасти продолжается еще по настоящее время.

Насколько составъ и дѣятельность раввинской коммисіи 1852 г. удовлетворили болѣе образованную часть еврейскаго общества и само правительство, видно изъ того, что раввинская коммисія, которая должна была дѣйствовать ежегодно два мѣсяца, созвана была во второй разъ лишь въ 1857 году. Въ ней участвовали представители остзейскаго, новороссійскаго, сѣверо-западнаго и малороссійскаго краевъ: большая же часть русскихъ евреевъ, живущихъ въ юго-западномъ краѣ, представителя не имѣла. Въ то время въ этомъ краѣ во главѣ консервативнаго еврейства стоялъ человѣкъ, весьма вліятельный въ высшей административной сферѣ,—человѣкъ съ могучею волею и хитрымъ умомъ, который разыгрывалъ предъ правительствомъ роль споспѣшествователя всѣхъ его плановъ, а между евреями—роль защитника обветшалой старины. Съ нимъ трудно было бороться не только прогрессивному меньшинству, но и самой администраціи: личность эта нѣсколько вѣрно схвачена бывшимъ бердичевскимъ полиціймейстеромъ Громекой. который посвятилъ ей цѣлую статью въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, если не ошибаемся, шестидесятыхъ годовъ. Въ нашихъ рукахъ есть письма нѣкоторыхъ «друзей новаго просвѣщенія» на имя предсѣдателя комитета объ устройствѣ евреевъ, въ которомъ между прочимъ говорится слѣдующее: «Къ сожалѣнію, общества кіевскаго генералъ-губернаторства, составляющія большую половину всего нашего населенія въ имперіи, остались на сей разъ безъ представителя въ коммисіи; отъ чего и благонамѣренныя стремленія коммисіи о лучшемъ устройствѣ дѣлъ нашей вѣры, столь тѣсно связанной съ семейнымъ и гражданскимъ бытомъ нашимъ, могутъ оставаться

безъ прямого вліянія и дѣйствія на полумилліонъ нашихъ единовѣрцевъ». Было-ли удовлетворено ихъ ходатайство о приглашеніи въ коммисію двухъ-трехъ членовъ, какъ представителей евреевъ юго-западнаго края, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ было сдѣлано на этотъ разъ отступленіе отъ положенія о раввинской коммисіи, по которому въ ней должны быть представители всѣхъ еврейскихъ обществъ, отдѣльно по всѣмъ генералъ-губернаторствамъ. Изъ вопросовъ, предложенныхъ этой второй коммисіи, имѣютъ значеніе, по отношенію къ нашему предмету, слѣдующіе два: 1) о женскихъ еврейскихъ училищахъ и 2) объ указаніи раввинамъ для произнесенія поученій образцовыхъ проповѣдей *. Что касается второго изъ этихъ вопросовъ, то разсмотрѣніе его въ раввинской коммисіи не привело ни къ какимъ положительно результатамъ, и мы о немъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, когда дойдемъ до вліянія раввинскихъ училищъ на образованіе евреевъ. Первый же вопросъ въ основаніи былъ разрѣшенъ правильно, но мѣры, предложенныя коммисіею, для достиженія цѣли образованія еврейскихъ женщинъ, представляются болѣе чѣмъ наивными. Коммисія признала, что образованіе женскаго пола находится у евреевъ, въ особенности въ низшемъ ихъ классѣ, въ «нѣкоторомъ небреженіи». Такъ какъ это обстоятельство даетъ поводъ предполагать существованіе между евреями предразсудка, основаннаго на ложныхъ понятіяхъ, то коммисія убѣждается въ необходимости изслѣдовать—не находится-ли въ ученіи еврейской вѣры такихъ мѣстъ, которыя, будучи истолкованы буквально, могли бы породить въ народной массѣ неправильныя понятія о воспитаніи женщинъ. При этомъ коммисія останавливается на встрѣчаемомъ въ Мишнѣ

* Молитва новолунія, форма присяги для евреевъ, исправное веденіе метрическихъ книгъ и правила для выбора членовъ правленія синагогъ, молитвенныхъ школъ и подчиненіе состоящихъ при этихъ правленіяхъ благотворительныхъ заведеній и порядокъ отчетности—вотъ остальные вопросы, которыми замыкалась эта коммисія.

изреченіи: «обучать свою дочь закону (торѣ) значитъ какъ бы указывать ей путь къ мірскимъ суетамъ», и находитъ, что разсматриваемое не въ связи съ общимъ ученіемъ еврейской религіи, изреченіе это можетъ показаться содержащимъ въ себѣ мысль о воспрещеніи образованія женщинъ вообще. Но сущность ученія талмуда и религіозныя убѣжденія евреевъ представляютъ упомянутое изреченіе въ другомъ свѣтѣ. Коммисія находитъ, что талмудъ имѣетъ значеніе религіозно-гражданское, и потому совокупность всѣхъ содержащихся въ талмудѣ правилъ носитъ, наравнѣ съ догматическимъ ученіемъ Моисея, названіе закона (торы); по религіознымъ же убѣжденіямъ евреевъ въ законѣ заключается скрытая мудрость, для познанія которой необходимо систематическое и постоянное изученіе предмета. Поэтому для лицъ женскаго пола, дѣятельность котораго ограничивается семейною сферой, такое наукообразное изученіе закона было бы совершенно безполезно и даже во многихъ отношеніяхъ вредно, тѣмъ болѣе, что въ талмудѣ содержится множество такихъ узаконеній, исполненіе коихъ вовсе не относится къ обязанностямъ женщины и изученіе которыхъ было бы для нея, по понятіямъ евреевъ, лишь «суетнымъ тщеславіемъ». Такимъ образомъ коммисія приходитъ къ заключенію, что указанное выше изреченіе, запрещая обученіе женщины закону (торѣ), имѣетъ въ виду такіе талмудическіе законы, которые не могутъ представлять для женщины ничего существенно полезнаго, а потому оно не преграждаетъ пути къ умственному и нравственному развитію женщины. Указывая затѣмъ на многія мѣста закона Моисея и талмуда и позднѣйшихъ его комментаторовъ, вмѣняющія умственное развитіе женскаго пола въ обязанность, коммисія приходитъ къ тому заключенію, что догматы еврейской вѣры не запрещаютъ образованія женщинъ сообразно съ духомъ времени, но для того, чтобы разсѣять предразсудокъ, образовавшійся вслѣдствіе неправильнаго пониманія смысла приведеннаго выше изреченія, необходимо прибѣгнуть къ слѣ-

дующимъ мѣрамъ: 1) разсылать къ раввинамъ и проповѣдникамъ, въ видѣ наставленія, выписки изъ изложенныхъ выше соображеній коммисіи съ тѣмъ, чтобы проповѣдники, а гдѣ ихъ нѣтъ—раввины, или по порученію ихъ учители еврейскаго закона въ казенныхъ училищахъ, руководствуясь сужденіями и указаніями коммисіи, произносили по временамъ поученія, которыя могли бы возбуждать въ юныхъ сердцахъ чувство, а въ родителяхъ—стремленіе къ образованію своихъ дѣтей безъ различія пола; 2) вмѣнить всѣмъ раввинамъ и проповѣдникамъ въ обязанность, чтобы о произнесеніи такихъ поученій они оповѣщали заблаговременно съ объясненіемъ, что проповѣди будутъ имѣть предметомъ воспитаніе юношества какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; 3) поручить раввинамъ и проповѣдникамъ тщательно внушать родителямъ, чтобы дочери ихъ, съ одиннадцати или двѣнадцати-лѣтняго возраста, непремѣнно посѣщали мѣста общественнаго богомоленія, по субботамъ и праздничнымъ днямъ—для присутствія при религіозныхъ обрядахъ и для слушанія назидательныхъ поученій.

Соглашаясь съ основнымъ взглядомъ коммисіи 1857 г., что религія евреевъ не запрещаетъ умственнаго развитія женщины, мы не можемъ признать цѣлесообразными мѣры, избранныя коммисіею для достиженія цѣли образованія еврейскихъ женщинъ. Принявъ ложное основаніе исходною точкою своихъ сужденій, коммисія избрала и ложные способы къ достиженію цѣли. Коммисія, дѣйствуя, по положенію своему, подъ ближайшимъ руководствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ самаго начала стала въ этомъ отношеніи на принятую правительствомъ точку зрѣнія, что всѣ замѣчаемые у евреевъ недостатки непремѣнно должны корениться въ догмахъ ихъ вѣроученія, а именно въ опасномъ для человѣчества кодексѣ—талмудѣ. Коммисія упустила изъ виду совокупность всѣхъ гражданскихъ, политическихъ и экономическихъ условій, среди которыхъ находились въ то время евреи; она упустила изъ виду, что еврейская женщина, при наличности всѣхъ этихъ условій, должна

была сдѣлаться рабынею своего дома и даже главнымъ распорядителемъ торговыхъ дѣлъ мужа, что въ низшемъ классѣ евреевъ, о которомъ преимущественно идетъ рѣчь въ журналѣ коммисiи, въ томъ классѣ именно, который, переполнивъ собою весь еврейскiй гетто и всѣ торгово-промышленныя и ремесленныя сферы, въ которыхъ предложенiе превышало всякiй спросъ,—что въ этомъ классѣ женщина не могла и думать объ образованiи: при плодовитости еврейскаго племени, главнымъ источникомъ которой, если слѣдовать выработаннымъ статистикою началамъ, должно считать крайнюю ихъ бѣдность, еврейская женщина обязана была, для поддержанiя семьи, стать на мѣсто слуги и няни, а не думать о просвѣщенiи. Очевидно поэтому, что для поднятiя умственнаго уровня еврейской женщины, необходимо было пересоздать всѣ внѣшнiя условiя, тормозившiя правильное развитiе всякой жизни въ средѣ евреевъ, съ устраненiемъ которыхъ просвѣщенiе само собою являлось бы какъ потребность. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, подтверждающимъ нашъ взглядъ на это дѣло, можетъ служить то, что богатые евреи всегда заботились о воспитанiи своихъ дочерей, потому что сама обстановка жизни настоятельно этого требовала, и никакiя талмудическiя догмы, если бы даже онѣ существовали, не могли бы идти противъ напора жизни и ея потребностей. Слѣдовательно, для образованiя женскаго пола евреевъ, необходимо было поднятiе экономическаго ихъ уровня вообще, которымъ и обусловливалось всякое стремленiе къ болѣе возвышеннымъ потребностямъ. Съ этой точки зрѣнiя мѣры коммисiи о назидательныхъ поученiяхъ и возбужденiи въ юношествѣ посредствомъ проповѣдей охоты къ образованiю представляются болѣе чѣмъ наивными; требованiе отъ еврейскихъ дѣвушекъ посѣщать синагоги встрѣчено было практическимъ смысломъ евреевъ съ улыбкою, вполнѣ характеризовавшею непониманiе условiй окружающей ихъ жизни. Если коммисiя не могла ничего сдѣлать въ указанномъ выше смыслѣ, то все, что она обязана была сдѣлать, — это предложенiе открытiя

безплатныхъ женскихъ школъ для желающихъ образоваться женщинъ. Такая мѣра, если бы и не разрѣшила всецѣло вопроса, тѣмъ не менѣе удовлетворила бы извѣстный классъ женщинъ, которыя, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, могли бы рѣшиться на просвѣщеніе въ новомъ духѣ. Но, остановившись на совершенно ложныхъ основаніяхъ, коммисія 1857 г. должна была придти къ необходимости предпринятія указанныхъ ею мѣръ, которыя не имѣли даже никакого палліативнаго значенія и по тому самому не могли въ дѣлѣ образованія евреевъ имѣть никакихъ практическихъ результатовъ.

Третья раввинская коммисія 1861 г. отличается отъ двухъ предыдущихъ тѣмъ именно, что въ составъ ея вошли люди, представители оппозиціонной партіи, именно — воспитанники раввинскихъ училищъ, гг. Барацъ и Герштейнъ, первый какъ представитель Бессарабской области, или всего Новороссійскаго края, а второй — въ качествѣ сотрудника по дѣламъ раввинской коммисіи. Молодые люди, впервые столкнувшіеся съ своими явными и неявными врагами по дѣлу объ образованіи русскихъ евреевъ, не потеряли такта въ борьбѣ, которая искусно была ведена противъ нихъ. Кромѣ вопросовъ, уже обсуждавшихся въ первыхъ двухъ коммисіяхъ, въ третьей коммисіи затронуты были два весьма важные вопроса: объ устройствѣ мѣстнаго и центральнаго управленія духовными дѣлами евреевъ и объ усовершенствованіи казенныхъ еврейскихъ училищъ и облегченіи еврейскому юношеству доступа къ общимъ учебнымъ заведеніямъ. При разрѣшеніи перваго вопроса держались принципа постепенности, признавая, что на первыхъ порахъ необходимо создать званіе уѣздныхъ раввиновъ, а затѣмъ, въ случаѣ успѣха этой мѣры, перейти къ устройству двухъ остальныхъ степеней духовнаго управленія: губернскихъ и центральныхъ консисторій. Оставляя обсужденіе успѣха этой мѣры до оцѣнки учрежденія и цѣли раввинскихъ училищъ, мы должны ограничиться только нѣкоторыми замѣчаніями. Не

смотря на то, что раввинская коммисія въ принципѣ признала возможнымъ переустройство духовнаго управленія евреевъ на новыхъ началахъ, она, однако, не забыла оставить лазейку и для стараго порядка вещей. Она полагала возможнымъ постановить, чтобы въ томъ случаѣ, когда еврейскими обществами не будутъ избраны въ раввины лица, обладающія всѣми условіями, которыя требуются проектируемымъ закономъ, оставался прежній порядокъ управленія духовными дѣлами евреевъ. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовало большинство и по отношенію къ преобразованію учебной части евреевъ. Напрасно оппозиціонная партія домогалась провести свои взгляды на дѣло; напрасно она работала и днемъ и ночью надъ этими вопросами: противъ нихъ была партія свѣтскихъ представителей, которые разсуждали чужимъ умомъ, и къ которымъ, однако, тянули тѣ члены раввинской коммисіи, коихъ само дѣло интересовало гораздо менѣе, чѣмъ взгляды на него со стороны свѣтскихъ представителей. Разрѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону зависѣло въ то время отъ одного человѣка, съ голосомъ котораго соединено было торжество правой или лѣвой партіи; но этотъ человѣкъ игралъ тогда, какъ и во всю жизнь, роль довольно двусмысленную и, не смотря на всѣ униженія предъ нимъ со стороны оппозиціи, не смотря на данное ей обѣщаніе возвысить голосъ въ пользу ея мнѣній,— человѣкъ этотъ не выдержалъ напора мнѣній правой стороны и, видя, что голосъ представителя свѣтской власти клонитъ въ ея пользу, торжественно измѣнилъ своему слову и, по выраженію древняго памятника: «на чемъ старшіе одумаются, на томъ и пригороды станутъ», приложилъ свою руку къ подписямъ правой стороны. Разумѣется, что оппозиція осталась при своемъ мнѣніи, которое подано особо, но какова участь этого особаго мнѣнія неизвѣстно до сихъ поръ, такъ какъ понынѣ еще не осуществилась ни одна изъ мѣръ, признанныхъ полезными со стороны раввинскихъ коммисій.

Раввинская коммисія могла бы имѣть, даже съ точки зрѣ-

нія правительства, гораздо болѣе вліянія на гражданскій и семейный бытъ русскихъ евреевъ, а тѣмъ самымъ и косвенно на ихъ просвѣщеніе, если бы дѣятельность ея была направлена на приведеніе въ соотвѣтствіе еврейскихъ законовъ семейственнаго права съ русскими. Порядокъ вступленія въ бракъ, способы разводовъ и расторженія браковъ вообще, и въ случаѣ принятія однимъ изъ супруговъ христіанства въ особенности, когда приходятъ въ столкновеніе двѣ духовныя власти; разрѣшеніе вопросовъ о еврейской халицѣ (символическій обрядъ разуванія башмака братомъ умершаго мужа) и еврейской агинѣ (женщинѣ, обреченной на вѣчное безбрачіе по причинѣ безвѣстнаго отсутствія ея мужа), юридическая сила насильственныхъ разводовъ, основанныхъ на обманѣ, и тому подобныя явленія общественно-семейной жизни евреевъ, имѣющія весьма важное значеніе для личности и государства, — вотъ обширное поле дѣйствій для раввинскихъ коммисій, которыя разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ могли бы по-истинѣ оказать государственную услугу Россіи и освободить цѣлый классъ людей отъ личной неволи, продолжающейся всегда почти всю жизнь, единственно потому, что общіе законы оказываются непримѣнимыми къ подобнымъ случаямъ, а для разрѣшенія ихъ на основаніи законовъ еврейскаго вѣроученія не указано никакого порядка, такъ что цѣлый классъ людей падаетъ жертвою единоличнаго произвола раввина, дѣйствія котораго остаются безъапелляціонными. До сихъ поръ мы встрѣчаемся съ однимъ только вопросомъ о разводѣ, разрѣшенномъ третьей раввинскою коммисіей по жалобѣ еврейки Геленфоновой на раввина, признавшаго бракъ ея незаконнымъ и обвѣнчавшаго ея мужа съ другою женой. Насколько намъ извѣстно, разрѣшеніе этого вопроса состоялось въ смыслѣ неудовлетворительномъ для соглашенія законовъ общихъ съ еврейскими, а, напротивъ, въ смыслѣ ретроградномъ. Но этотъ случай дошелъ до раввинской коммисіи по иниціативѣ правительствующаго сената, между тѣмъ какъ подобные безчисленные слу-

чая могли бы восходить до раввинской коммисіи по представленіямъ раввиновъ, которыхъ слѣдуетъ обязать вести указатели подобнымъ дѣламъ и о разрѣшеніи ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ доводить ежегодно до свѣдѣнія департамента иностранныхъ исповѣданій, дабы министерство имѣло возможность предлагать ихъ раввинскимъ коммисіямъ по своему усмотрѣнію и независимо отъ жалобъ заинтересованныхъ сторонъ, которыя, по неимѣнію на то положительнаго закона, не знаютъ, куда обращаться съ жалобою на рѣшенія раввиновъ. Весьма удовлетворительно былъ разрѣшенъ первою коммисіею вопросъ о примѣненіи къ евреямъ общаго закона о духовномъ покаяніи, установленномъ въ уложеніи о наказаніяхъ для однихъ только христіанскихъ исповѣданій, но въ этомъ вопросѣ было болѣе заинтересовано само правительство, не желавшее, чтобы евреи, въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ полагаетъ духовное покаяніе, какъ самостоятельное наказаніе, оставались вовсе безнаказанными. Семейный бытъ евреевъ, однако, весьма мало измѣняется отъ разрѣшенія подобныхъ вопросовъ. Итакъ, раввинская коммисія могла бы быть полезною, если бы она вступила на поприще указанной нами дѣятельности; но до сихъ поръ она затронула одинъ лишь вопросъ о разводѣ, который разрѣшенъ притомъ неудовлетворительно; весьма обстоятельно изслѣдовала вопросъ о духовномъ покаяніи евреевъ, который имѣетъ болѣе правительственное, чѣмъ общественное значеніе, и весьма мало сдѣлала для образованія евреевъ, которые, вслѣдствіе ея дѣятельности въ этомъ направленіи, напрасно только потратили силы на борьбу между самими собою.

Не менѣе важное, хотя отрицательное вліяніе оказалъ на образованіе евреевъ классъ людей, о которомъ никто еще въ литературѣ не заговорилъ, но негласная дѣятельность котораго тормозила дѣло образованія евреевъ. Это большею частію еврейскіе прозелиты и люди стараго закала, ставшіе одною ногою въ учебномъ, а другою—въ административномъ вѣ-

домствѣ. Обыкновенный образъ дѣйствій этихъ людей таковъ: сначала они зарекомендовываютъ себя правительству какимъ нибудь проектомъ или дѣйствіемъ, которое не оставляетъ болѣе сомнѣнія въ ихъ преданности; затѣмъ они мало-по-малу начинаютъ принаравливать стремленія правительства къ желаніямъ заправляющихъ судьбою еврейской массы, или такъ называемыхъ міроѣдовъ, и долго носятъ эту личину, пока обстоятельства времени не разоблачаютъ ихъ предъ правительствомъ во всей ихъ наготѣ: тогда они оставляютъ свое благодатное поприще, удаляясь въ одиночество, или улучая благопріятный моментъ, который даетъ имъ возможность попасть на тотъ же путь, но въ другомъ, далекомъ раіонѣ. Обстоятельства, содѣйствовавшія такой фалангѣ людей, не обладающихъ особыми познаніями, стать въ дѣлѣ образованія евреевъ правою рукою администраціи, заключались въ томъ, что во время зарожденія училищнаго образованія, когда еще не было въ средѣ евреевъ людей, соединявшихъ вмѣстѣ съ познаніями предметовъ еврейской вѣры и общее образованіе, и когда правительство все-таки нуждалось, при разрѣшеніи вопросовъ, касающихся еврейскаго образованія, въ руководствѣ свѣдущихъ людей,—эта фаланга превратила знаніе еврейства и предметовъ еврейскаго вѣроученія въ монополію, которую они крѣпко держали въ своихъ рукахъ, какъ римскіе pontifices держали въ своихъ рукахъ такъ называемые dies fasti. Сначала, конечно, чтобы выслужиться у начальства, они кричали, что необходимо поднять умственный и нравственный уровень евреевъ посредствомъ учрежденія еврейскихъ училищъ, которыя одни только въ состояніи будутъ вызвать евреевъ изъ ихъ замкнутости; но немного спустя они же начали доказывать, что еврейскія училища поддерживаютъ замкнутость, а потому слѣдуетъ ихъ закрыть. Когда правительство все-таки не рѣшалось разрушить все то, что было создано путемъ долголѣтнихъ усилій, то эти понтифексы стали грозить ему политическими фантомами, доказывая, что воспитанники высшихъ еврейскихъ училищъ, именно раввин-

скихъ, заражены радикализмомъ иностранныхъ еврейскихъ ученыхъ, что они во всякое время готовы присоединиться къ революціонному элементу тѣхъ областей, въ которыхъ эти училища учреждены (въ западномъ краѣ); они доказывали далѣе, что правительство, во избѣжаніе революціонныхъ движеній, неотложно должно закрыть по крайней мѣрѣ *раввинскія училища* и оставить однѣ только элементарныя еврейскія школы съ сокращеннымъ курсомъ еврейскихъ предметовъ. Ни учебная и никакая нибудь другая администрація не догадывались откуда идутъ всѣ эти стрѣлы и громы, направленные противъ раввинскихъ училищъ,—не догадывались потому, что не были посвящены въ ту борьбу, которая въ это время шла между евреями. Начало этой борьбы относится къ періоду времени, когда раввинскія училища стали себя заявлять первыми выпусками людей, которые, при знаніи еврейскихъ предметовъ, обладали также и общимъ образованіемъ. Эти люди, выросшіе въ средѣ евреевъ и вышедшіе изъ массы, очень хорошо знали настоящіе недостатки еврейскихъ обществъ и не могли, разумѣется, равнодушно смотрѣть на то, какъ міроѣды для своихъ цѣлей поддерживали застой въ общественной жизни евреевъ. Благодаря возродившейся въ то время русско-еврейской журналистикѣ, а также и тому, что нѣкоторые общіе органы печати — серьезно или для игры въ либерализмъ — разъясняли вопросы изъ еврейской жизни, молодые раввинисты начали высказывать свои взгляды на дѣло. Все высказанное ими рѣзко противорѣчило тѣмъ взглядамъ, которые понтифексы проводили въ административной сферѣ, и мало-по-малу подтачивало ихъ кредитъ. Наступило разъ даже такое время, когда понтифексы, задѣтые въ литературѣ и въ жизни, сочли своимъ долгомъ вынести свои взгляды изъ области канцелярской тайны на арену литературную, гдѣ они, въ оправданіе своихъ взглядовъ предъ администраціею, доходили до крайнихъ нелѣпостей. Они доказывали, напримѣръ, что раввинисты составляютъ революціонный элементъ въ краѣ; что цадики (народные чудодѣи)

только *наружно* поддерживаютъ между евреями строгую *обрядность*, а *тайно* проводятъ идею *христіанства* и понятіе о *Троицѣ*. Это были уже послѣднія соломенки, за которыя они ухватывались во время шторма. Разумѣется, имъ было крайне непріятно, когда вдругъ выступилъ въ жизнь классъ людей, которые принялись не только контролировать ихъ дѣйствія, но и разоблачать ихъ въ литературѣ; когда начали доказывать, что понтифексы пропускаютъ самыя вредныя сочиненія хассидскаго покроя; когда опровергали до очевидности тѣ нелѣпые взгляды, посредствомъ коихъ въ администраціи очень долго поддерживали покровительство невѣжеству и мраку, въ явный ущербъ интересамъ просвѣщенія евреевъ; когда вздумали, хотя намеками, указывать на солидарность понтифексовъ съ представителями обскурантизма — солидарность, не стѣснявшаяся никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Надобно знать, что въ самомъ началѣ, когда понтифексы замѣтили подростающую новую силу, они старались всѣми силами завлечь ее въ свой лагерь: они подобострастно заискивали у молодежи, прельщая ее надеждами на хорошее будущее; они старались доказывать молодежи на дѣлѣ свою силу и власть въ сферѣ администраціи, и, въ тяжелую минуту начинавшагося кризиса, даже исхлопотали, во вредъ своимъ прежнимъ кумирамъ-міроѣдамъ, жалованье молодымъ раввинистамъ, представляя на видъ администраціи необходимость поддерживать молодежь въ борьбѣ съ обществомъ; однимъ словомъ, понтифексы готовы были на какія угодно жертвы, лишь бы молодежь не посягнула на ихъ утвердившуюся годами монополію, не выводила на свѣтъ божій ихъ продѣлокъ, очевидно шедшихъ въ разрѣзъ со всѣми идеями правительства относительно образованія евреевъ. Міроѣды всегда имѣли въ этихъ понтифексахъ услужливыхъ друзей, которые поддерживали въ администраціи довѣріе къ существующимъ и созданнымъ внѣшними условіями учрежденіямъ евреевъ, освященныхъ также закономъ; понтифексы же всегда имѣли въ міроѣдахъ громкихъ глаша-

таевъ ихъ безкорыстной службы на пользу общую, и такимъ образомъ они другъ друга поддерживали. Молодежь же, къ удивленію тѣхъ и другихъ, неутомимо шла своею дорогою, безпощадно бичуя ихъ какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Было время, когда одинъ изъ понтифексовъ возбудилъ довѣрчивую администрацію противъ одного изъ молодыхъ раввинистовъ, возъимѣвшаго смѣлость разъ заговорить въ оффиціальной бумагѣ о недозволенномъ пропускѣ запрещенныхъ къ изданію книгъ, имѣющихъ вредное вліяніе на образованіе евреевъ. Понтифексъ maximus разсвирѣпѣлъ: онъ усмотрѣлъ въ этомъ шагѣ молодежи явное намѣреніе возмутить на старости лѣтъ его спокойствіе, именно тогда, когда, усѣянный кругомъ лаврами, онъ уже собирался на нихъ почивать. И вотъ всѣ понтифексы, поддерживаемые міроѣдами, запѣли общимъ хоромъ о безконечномъ вредѣ, какой наноситъ институтъ еврейскихъ училищъ сліянію евреевъ съ общимъ населеніемъ; та же самая молодежь, о поддержкѣ которой понтифексы прежде хлопотали предъ правительствомъ, сдѣлалась зараженною радикализмомъ; тѣ же самыя училища, учрежденіе которыхъ прежде признавалось полезнымъ въ видахъ сліянія евреевъ съ общимъ, кореннымъ населеніемъ страны, превратились въ центры распространенія радикализма и нигилизма, однимъ словомъ — не щадили красокъ для созданія такого политическаго пугала, которое слѣдуетъ уничтожить, не задумавшись ни на минуту. Міроѣды же поддерживали фальшивыя ноты понтифексовъ: пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ и вращаясь въ разныхъ административныхъ сферахъ, они, будто ненарокомъ, высказывались совершенно согласно съ взглядами понтифексовъ. Администрація, такимъ образомъ, имѣла случай убѣждаться въ томъ, что воззрѣнія понтифексовъ основаны на глубокомъ изученіи потребностей еврейской жизни, потому что міроѣды разсматривались какъ представители еврейства, какъ защитники дѣйствительныхъ его интересовъ. Вотъ почему базисъ понтифексовъ сдѣлался такимъ твердымъ, вотъ по-

чему необходимы были такія усилія, чтобы подкопаться подъ эти двойныя основы. Мы помнимъ, что когда гамлетовскій вопросъ о еврейскихъ училищахъ переданъ былъ на обсужденіе особыхъ коммисій при попечителяхъ учебныхъ округовъ, одинъ понтифексъ посвятилъ все первое засѣданіе доказательствамъ тому, что въ раввинскихъ училищахъ сильно развитъ нигилизмъ,—это слово въ то время страшно пугало всѣхъ, поэтому нужно было доказывать, что раввинисты заражены нигилизмомъ. Составъ коммисіи былъ таковъ, что члены его изъ устъ понтифекса впервые знакомились съ этимъ вопросомъ. Ученый старецъ, возсѣдавшій отъ лица евреевъ, человѣкъ который лѣтъ пятьдесятъ уже какъ не интересовался ничемъ болѣе, кромѣ часто употребляемой табакерки, не слышалъ совсѣмъ о *нигилизмѣ*, не зналъ даже объ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургенева и не зналъ кто такой самъ Тургеневъ. Ничего не отвѣчая противъ этой рѣчи, которая, конечно, убѣдила всѣхъ прочихъ членовъ во вредѣ, распространяемомъ раввинскими училяшами не только въ средѣ еврейскаго, но и русскаго общества, ученый старецъ послѣ засѣданія могъ только предложить раввинистамъ совершенно новый для него вопросъ: «aber sagen sie mir gütigst, was ist das für ein Nihilism?» Раввинская молодежь постаралась о томъ, чтобы допустили въ коммисію одного изъ ея членовъ, который могъ бы высказываться въ направленіи, противоположномъ направленію понтифекса, по правилу «audiatur et altera pars». Но понтифексъ, явившись въ залу засѣданій коммисіи и замѣтивъ допущеннаго къ засѣданіямъ раввиниста, вѣжливо извинился предъ предсѣдателемъ въ томъ, что онъ болѣе засѣдать не можетъ, и удалился. Однако, на слѣдующемъ засѣданіи явился одинъ изъ міроѣдовъ для поддержанія взглядовъ незасѣдавшаго понтифекса. Вотъ до чего доходила эта солидарность понтифексовъ съ міроѣдами. И посреди этихъ двухъ силъ, одаренныхъ матеріальною и оффиціальною властію, должны были стоять молодые раввинисты, на которыхъ администрація смотрѣла какъ на радикаловъ, міро-

ѣды—какъ на отщепенцевъ, а понтифексы—какъ на инсинуаторовъ. Масса-же евреевъ относилась къ нимъ сочувственно, особенно въ то время, когда раввинисты устраивали субботнія школы и открыли въ нихъ доступъ всякому возрасту; когда въ эти школы, содержимыя на собственныя средства молодежи, стекались со всѣхъ сторонъ для обученія русской грамотѣ и предметамъ еврейской вѣры. Понтифексы съ ужасомъ смотрѣли на процвѣтаніе этихъ школъ, въ которыхъ попадались и бородатые евреи, приходившіе по субботамъ слушать изъ устъ раввинистовъ переводы своихъ религіозныхъ книгъ, а по средамъ обучаться русскому чтенію и письму. Понтифексы съ завистью взирали на то, что нѣкоторые изъ слушателей успѣвали въ теченіи года научиться русской и нѣмецкой грамотѣ и вступали затѣмъ въ мѣстныя купеческія конторы; міроѣды же еще болѣе удивлялись тому, что къ нимъ не обращаются за пожертвованіями,—и вкупѣ они чернили заведенія раввинистовъ въ глазахъ общества и начальства, между тѣмъ какъ масса всѣмъ и каждому указывала на молодежь, какъ на своихъ благодѣтелей. Понтифексы и міроѣды дѣлали, однимъ словомъ, все, что только было въ ихъ силахъ для того, чтобы подорвать авторитетъ молодежи въ глазахъ общества и довѣріе къ ней со стороны начальства: отчасти имъ это удавалось; отчасти же сами попадались такъ, что и не рады были. Борьба эта породила много распрей, но она имѣла и хорошія стороны: она возбуждала молодежь къ дѣятельности, которая приносила свою долю пользы дѣлу образованія евреевъ: въ этомъ, можетъ быть, заключается единственная заслуга понтифексовъ и міроѣдовъ.

Вопросъ о раввинскихъ училищахъ—очень долго занималъ и теперь занимаетъ правительство, общество и литературу. Правительство смотрѣло на нихъ какъ на проводники своихъ идей въ среду еврейскихъ обществъ и очень многаго ожидало

отъ лучшаго устройства чрезъ ихъ посредство управленія духовными дѣлами евреевъ; однимъ словомъ, съ правительственной точки зрѣнія, раввинскія училища считались орудіемъ исправленія евреевъ въ семейно-гражданскомъ и административномъ отношеніяхъ. Стремленія же общества состояли совсѣмъ въ чемъ-то другомъ. Одна часть еврейскаго общества смотрѣла на самое существованіе училищъ какъ на уступку желаніямъ правительства, о которыхъ она въ періодъ ихъ возникновенія имѣла очень смутное понятіе; какъ на учрежденія, которыя, судя по началу, не должны были коснуться ея общественной жизни, а только тѣхъ бѣдныхъ семействъ, которыя изъявляли желаніе посылать туда своихъ дѣтей. Другая часть еврейскаго общества, такъ называемые друзья новаго просвѣщенія, смотрѣла на эти учрежденія какъ на святое дѣло: они полагали, что изъ раввинскихъ училищъ, не сегодня, такъ завтра, появится русскій Мендельсонъ, который произведетъ глубокую реформу въ общественной жизни еврвъ, въ духѣ и направленіи ново-германской еврейской школы. Литература выражала надежды, что въ этихъ училищахъ начнется возрожденіе еврейской науки въ русскомъ, самостоятельномъ духѣ, что эта наука, ознакомивъ русское общество съ различными отраслями еврейскаго вѣдѣнія и раскрывая предъ нимъ осмысленное содержаніе памятниковъ древней еврейской литературы, тѣмъ самымъ положитъ конецъ существующей къ евреямъ и ихъ литературѣ враждѣ, т. е. что еврейская наука въ Россіи сдѣлаетъ то же самое, что сдѣлала она на западѣ Европы, и такимъ образомъ выполнитъ свою задачу.

Всѣ эти разнообразныя стремленія и ожиданія не оправдались.

Правительство поставило себя въ такой альтернативное положеніе, изъ котораго выхода не было и не могло быть. Съ одной стороны, оно имѣло въ виду построить на лучшихъ началахъ административное управленіе духовными дѣлами евре-

евъ, а съ другой желало—вмѣстѣ съ тѣмъ создать изъ раввиновъ такіе органы, при помощи которыхъ религія евреевъ удобно могла бы употребляться орудіемъ ихъ исправленія. Правительство имѣло, такимъ образомъ, въ виду соединить въ будущемъ раввинѣ, въ одно и то же время, и лицо административное и духовнаго представителя евреевъ, который обязанъ руководствоваться, при отправленіи этой послѣдней своей миссіи, не сложившимися изъ вѣка у евреевъ религіозными убѣжденіями, а соображеніями напускными, привитыми ему извнѣ. Вначалѣ правительство рѣшилось идти твердыми шагами къ достиженію своей цѣли. Зная, что раввинъ, по предначертаному выше плану, долженъ стоять внѣ зависимости евреевъ, правительство въ уставѣ о раввинскихъ училищахъ допускаетъ назначеніе раввиновъ отъ правительства и каждый разъ расширяетъ все болѣе и болѣе права воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, какъ во время пребыванія ихъ тамъ, такъ и по окончаніи въ нихъ курса наукъ,— такъ что права, предоставленныя раввинскимъ училищамъ, даже принимали характеръ привиллегіи, въ сравненіи съ правами общихъ заведеній имперіи. Вмѣстѣ съ этимъ воспитанники раввинскихъ училищъ начали смотрѣть на себя, еще въ стѣнахъ училищныхъ, какъ на будущіе органы правительства, которое будетъ поддерживать ихъ въ борьбѣ съ еврейскими обществами. Особую сильную опору они имѣли въ правѣ назначенія ихъ раввинами отъ правительства. Этотъ наивный, лишенный всякой практической силы, взглядъ раввинистовъ на свое будущее призваніе пагубно дѣйствовалъ на ихъ образъ мыслей въ отношеніи къ ихъ единовѣрцамъ и мало по малу подготовлялъ натянутость отношеній между ними и еврейскими обществами. Слово «борьба» не сходило съ устъ раввиниста, который уже заранѣе воображалъ себя миссіонеромъ, поддерживаемымъ правительствомъ въ будущей борьбѣ съ его упорными единовѣрцами. Еврейскія общества не могли быть равнодушными къ подобнымъ взглядамъ и, конечно, не могли дружелюбно смот-

рѣть на такія стремленія со стороны раввинистовъ,—и такимъ образомъ, еще до оставленія училищнаго порога, война уже была объявлена. При этомъ надобно указать еще на то, что, питая подобнаго рода идеальныя понятія о будущей своей дѣятельности, раввинисты открыто нарушали также обряды своей вѣры, которые въ глазахъ еврейскихъ обществъ считались священными. Еврейскія общества, имѣя основаніе полагать, что, съ назначеніемъ раввиновъ прямо отъ правительства, безъ участія съ ихъ стороны въ выборѣ, взгляды и стремленія раввинистовъ могутъ оказаться въ высшей степени вредными съ приложеніемъ ихъ къ жизни, — тѣмъ болѣе, что прерогативы раввинистовъ были довольно широкія,—заранѣе приготовлялись къ будущей борьбѣ. Между тѣмъ съ теченіемъ времени, когда раввинисты—орудія осуществленія правительственныхъ идей въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ сошли съ своего поприща, когда всѣ начала, легшія въ основаніе новаго дѣла, еще не выступившаго въ жизнь, рушились, какъ мы видѣли, одно за другимъ,—разрушились вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ надежды раввинистовъ. Права ихъ мало по малу начали ограничиваться, и вмѣсто назначенія отъ правительства, раввины, по закону, должны были подлежать выбору общества. Прежде раввинистъ былъ, по окончаніи курса, свободенъ отъ рекрутства и долженъ былъ назначаться на раввинскую должность отъ правительства, а потомъ онъ не только подлежалъ выбору общества, но былъ отданъ ему въ произвольное распоряженіе: въ случаѣ забаллотированія обществомъ раввина, онъ долженъ былъ, оставшись безъ службы, подлежать рекрутской повинности, если не пользовался свободою отъ нея по своему состоянію. Роли, слѣдовательно, перемѣнились: прежній громовержецъ—раввинистъ сдѣлался смирнѣе агнца, а общества еврейскія стали пользоваться своею властію и подчасъ даже относились съ насмѣшкою къ раввинистамъ, приглашая ихъ, во вниманіе къ ихъ успѣхамъ въ наукахъ, на должность съ назначеніемъ 30 рублей жалованья въ годъ (фактъ, взятый изъ дѣйствительной

жизни). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого подядка вещей было то, что лучшіе, наиболѣе способные раввинисты, не желавшіе совершенно уничтожить своей личности, должны были оставить свое поприще, переходя въ университеты, и уступить поле битвы своимъ менѣе развитымъ товарищамъ. Эти же послѣдніе, приглядѣвшись поближе къ грозной дѣйствительности, должны были разбить въ прахъ всѣ свои прежніе идеалы и примириться съ окружащею средою. Прежніе апостолы административныхъ реформъ не произвели никакихъ существенныхъ измѣненій и только унизили званіе раввина. Пренебреженіе, съ которымъ еврейскія общества относились къ оффиціальнымъ раввинамъ, имѣло свое основаніе еще и въ слѣдующемъ. Отказавшись отъ основного начала независимости раввинской должности, правительство, если желало быть послѣдовательнымъ, должно было вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться и отъ всѣхъ другихъ своихъ плановъ въ томъ же дѣлѣ: должно было передать всю раввинскую администрацію въ руки старыхъ раввиновъ, или, въ видахъ устроенія лучшаго порядка, въ руки обыкновенныхъ чиновниковъ, предоставивъ евреямъ въ дѣлахъ вѣры обращаться къ своимъ духовнымъ раввинамъ. Но правительство, отрекшись отъ исполненія одной части своихъ намѣреній, удержало во всей цѣлости все остальное, сохранивъ за казеннымъ раввиномъ и званіе администратора и званіе духовнаго лица. Это двоякое назначеніе раввина, переданнаго въ руки обществу, привело къ такой аномаліи въ духовно - общественной жизни евреевъ, которая рѣзко бросается въ глаза всякому, болѣе или менѣе посвященному въ эту жизнь, и не можетъ не убѣдить въ совершенной безцѣльности раввинскаго института въ настоящемъ его видѣ. Хотя по закону раввинъ считается толкователемъ еврейскаго вѣроученія, но въ этомъ отношеніи, разумѣется, евреи питаютъ весьма мало довѣрія къ оффиціальнымъ раввинамъ и вовсе не обращаются къ нимъ за разрѣшеніемъ недоумѣній своихъ въ дѣлахъ вѣры; но, чувствуя, однако, въ послѣднемъ

насущную потребность, избираютъ себѣ духовное лицо, болѣе или менѣе удовлетворяющее своему назначенію. Такимъ образомъ, обязательная для раввина по закону дѣятельность фактически раздвояется на двѣ части: на административную практику казеннаго раввина и на духовную практику общественнаго раввина. Съ первою въ глазахъ общества соединяется понятіе чиновничества и фиска, а со второю—понятіе религіознаго представительства, а потому, само собою разумѣется, что второе званіе пользуется у евреевъ высокимъ уваженіемъ, а первое никакимъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ обществѣ конкурирруютъ какъ бы двѣ силы—правительственная и общественная, изъ которыхъ первая по-неволѣ уступаетъ послѣдней. При такомъ порядкѣ вещей цѣль закона не достигается, а роняется только правительственный авторитетъ въ лицѣ казеннаго раввина. И въ самомъ дѣлѣ роль послѣдняго въ высшей степени жалкая, потому что она и двойственна и двусмысленна. Законная власть, повидимому, сосредоточена въ рукахъ казеннаго раввина, и по своему желанію онъ можетъ уничтожить всякое дѣйствіе духовнаго раввина и даже его самого, потому что рядомъ съ казеннымъ раввиномъ законъ не допускаетъ никакихъ другихъ; но власть общественная заставляетъ его не только молчаливо признавать духовнаго раввина, но и вполнѣ подчиниться его авторитету, такъ что по формѣ раввинъ представляетъ обѣ власти: и общественную и правительственную, а по содержанію онъ не представляетъ ни той, ни другой, а является однимъ изъ печальныхъ анахронизмовъ своего времени.

Изъ этого, сложившагося силою обстоятельствъ, порядка вещей проистекали всѣ недоразумѣнія между раввинистами и еврейскими обществами. Первые, не забывая все-таки первоначальныхъ намѣреній правительства, въ жалобахъ своихъ указывали на то, что оно должно явить себя сильнымъ, поддерживать своихъ адептовъ, которые, при большей или меньшей самостоятельности, могли бы идти рука объ руку съ прави-

тельствомъ въ осуществленіи его мѣръ; что предоставленіе обществамъ права выбора раввиновъ лишаетъ послѣднихъ всякой возможности оправдать довѣріе правительства; что еврейскія общества злоупотребляютъ правомъ выбора, останавливаясь при выборахъ только на такихъ раввинскихъ кандидатахъ, которые заранѣе отдаются имъ въ руки, большею частію на лицахъ, не получившихъ полнаго раввинскаго образованія; что если невозможно совсѣмъ лишить еврейскія общества права выбора, то сдѣлать его пожизненнымъ, или, по крайней мѣрѣ, ограничить право выбора еврейскихъ обществъ только кругомъ лицъ, получившихъ полное раввинское образованіе. Въ жалобахъ своихъ раввинскіе кандидаты, разумѣется, не скупились обнаруживать недостатки еврейскихъ обществъ, обрисовавъ ихъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ и нерѣдко преувеличивая факты, взятые изъ дѣйствительной жизни. Еврейскія же общества смотрѣли на эти жалобы какъ на инсинуаціи, имѣющія цѣлію чернить евреевъ въ глазахъ правительства изъ-за желанія пріобрѣсть средства къ существованію, а потому они и съ своей стороны представляли на видъ правительству, что они не могутъ имѣть никакого довѣрія къ раввинскимъ кандидатамъ, которые открыто нарушаютъ обряды еврейской вѣры, въ то время, когда они должны, по уставу, сдѣлаться истолкователями ихъ религіозныхъ законовъ; что получившіе образованіе евреи не такъ преданы правительству, какъ евреи необразованные; что первые заражаются радикализмомъ германскихъ евреевъ и нерѣдко пристаютъ къ революціоннымъ элементамъ страны; между тѣмъ какъ старые, будучи воспитаны въ духѣ религіи, преданы интересамъ русскаго правительства и никогда не позволили бы себѣ сдѣлаться врагомъ его. Въ этомъ дѣлѣ евреи имѣли, какъ сказано,—сильную поддержку въ понтифексахъ. Однимъ словомъ, обѣ стороны не щадили никакихъ средствъ, лишь бы достигнуть цѣли: пріемы въ этомъ отношеніи ничего не значили. Такъ, напримѣръ, одно общество, узнавъ, что въ такомъ-то году

оканчиваетъ курсъ въ раввинскомъ училищѣ воспитанникъ, посвящающій себя высшему образованію, высказываетъ начальнику губерніи желаніе имѣть этого воспитанника своимъ раввиномъ, такъ какъ онъ извѣстенъ ему по своему образованію и характеру. Надобно замѣтить, что во главѣ этого общества стоитъ цадикъ, который долго и упорно не допускалъ въ своемъ городѣ водвориться раввину изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ. Начальникъ губерніи пишетъ оффиціальное и весьма лестное предложеніе этому воспитаннику немедленно отправиться въ тотъ городъ для занятія раввинской должности, причемъ заявляетъ, что *образованное* общество этого города желаетъ его имѣть своимъ раввиномъ, а онъ, губернаторъ, съ своей стороны, употребитъ всѣ мѣры для склоненія остального общества къ выбору его въ раввины. Воспитанникъ этотъ отбояривается, проситъ полицію, чтобы она не объявляла ему предложенія губернатора, указываетъ на многихъ изъ своихъ товарищей, которые уже давно окончили курсъ и ищутъ мѣстъ,— но ничто не помогаетъ: чрезъ нѣсколько времени мѣстный полиціймейстеръ получаетъ оффиціальный выговоръ за то, что онъ не позаботился водворить на раввинское мѣсто въ такомъ-то городѣ такого-то воспитанника. Полиціймейстеръ даетъ экстренный приказъ выслать изъ города воспитанника туда, гдѣ губернаторъ предлагаетъ ему сдѣлаться раввиномъ. Воспитанникъ даетъ письменное заявленіе, что онъ посвящаетъ себя университетскому образованію, что казенно-коштнымъ воспитанникамъ разрѣшеніе на вступленіе въ университетъ дается учебнымъ начальствомъ и что посему полицейское начальство не можетъ насильно сдѣлать его раввиномъ по желанію такого-то общества. Вслѣдствіе такого заявленія, губернское правленіе дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы исключеннаго изъ податного званія воспитанника, за отказъ его занять должность раввина, внести въ рекрутскую очередь.

Вотъ и другая сторона медали. Молодой раввинистъ, человѣкъ въ высшей степени прямой и честный, злившійся на ев-

рейскія общества за то, что они при выборѣ не справляются о нравственныхъ достоинствахъ кандидата, получилъ, наконецъ, раввинское мѣсто въ одномъ изъ городовъ новороссійскаго края, и, какъ видно, только для того, чтобы выместить хоть на одномъ обществѣ свою злобу. Этотъ кандидатъ, правда, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ странный человѣкъ. Получивъ должность, онъ, нисколько не стѣсняясь, открыто нарушалъ обряды еврейской вѣры. Разумѣется, что общество было крайне недовольно поведеніемъ своего раввина и жаловалось по начальству. Раввинъ бойко защищался, такъ что даже генералъ-губернаторъ не могъ не удивляться этой энергіи, съ которою молодой человѣкъ боролся противъ своего общества, всѣ жалобы котораго оставлялись безъ послѣдствій. Истощивъ всѣ свои средства, общество прибѣгаетъ къ хитрости. По закону молодые раввины лично должны совершать всѣ обряды подъ строгою отвѣтственностью, и между прочимъ также обрядъ обрѣзанія, который требуетъ знанія, навыка и искусства. Ни одинъ изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, хотя они и посылаются въ послѣдній годъ такъ называемаго практическаго ученія въ разные города для изученія, подъ руководствомъ раввиновъ, практической части своей будущей должности, не знаетъ, однако, какъ совершается обрядъ обрѣзанія, такъ какъ сами раввины, къ которымъ они присылаются на практику, этого обряда не совершаютъ. И вотъ вздумало это общество, что стоитъ только пригласить своего раввина для совершенія у кого либо обряда обрѣзанія, чтобы онъ отъ этого предложенія отказался, послѣ чего оно рѣшило составить надлежащій о томъ актъ и требовать его удаленія, какъ не удовлетворяющаго законнымъ требованіямъ раввина. Но каково же было удивленіе общества, когда раввинъ принялъ предложеніе и объявилъ, что онъ явится для совершенія обряда. И дѣйствительно, въ день совершенія обряда раввинъ явился со всѣми необходимыми аттрибутами. У родителей ребенка сердце замерло: они очень хорошо знали, что молодой раввинъ ни

разу не совершалъ этого обряда, а между тѣмъ онъ, видно, не на шутку собрался исполнить свою обязанность. Прошло немного времени, и зачинщики этого приглашенія должны были выйти, наконецъ, изъ нерѣшительнаго положенія и заявить молодому раввину, что хотя они и пригласили его для совершенія обряда, онъ все-таки долженъ уступить эту честь другому лицу, которое неожиданно явилось и которому общество не можетъ его предпочесть. Молодой раввинъ заявилъ, что когда рѣчь идетъ о почестяхъ, онъ ничего противъ этого желанія родителей имѣть не можетъ. Общество поняло, что раввинъ съигралъ съ нимъ злую шутку. Дѣло кончилось тѣмъ, что генералъ-губернаторъ упросилъ частное, пользующееся вліяніемъ лицо отправиться изъ Одессы въ тотъ городъ для умиротворенія общества и, если возможно, для содѣйствія къ добровольному оставленію общества раввиномъ. Это послѣднее дѣйствительно удалось и борьба общества съ раввиномъ окончилась, благодаря вмѣшательству частнаго лица.

Къ характеристикѣ этихъ отношеній молодыхъ раввинистовъ къ еврейскимъ обществамъ слѣдуетъ прибавить еще одинъ фактъ, который имѣлъ рѣшительное значеніе въ дѣлѣ, о которомъ мы ведемъ теперь рѣчь. Еврейское общество одного изъ городовъ западныхъ губерній, въ которомъ существовало раввинское училище, засыпало правительство жалобами на поведеніе молодыхъ раввинистовъ. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ жалобъ присланъ былъ изъ Петербурга въ тотъ городъ, гдѣ учреждено раввинское училище, чиновникъ для изученія на мѣстѣ всѣхъ причинъ взаимныхъ неудовольствій. Все засуетилось: рѣчь шла о существованіи или закрытіи раввинскихъ училищъ. Но никто изъ общества не рѣшался открыто заявлять свои жалобы чиновнику. Чтобы выйти изъ этого положенія, молодые раввинисты чрезъ кого-то предложили чиновнику объявить въ городѣ, что онъ будетъ принимать всякія жалобы безъ подписи, которыя могутъ быть адресуемы на его имя чрезъ городскую почту. Планъ этотъ понравился, и по-

являлись объявленія отъ имени чиновника. Раввинисты же пронюхали, что общество думаетъ вовсе ничего не писать, а потому они порѣшили сочинять жалобы будто отъ имени общества и помѣстить въ нихъ нареканія на раввиилстовъ самаго невиннаго свойства, но придавать имъ серьезный характеръ. Сказано—сдѣлано. Каждый изъ раввинистовъ настрочилъ на разныхъ языкахъ жалобы, въ которыхъ излагались обвиненія раввинистовъ въ томъ, что они въ девятый день мѣсяца Аба (день разрушенія храма) носятъ сапоги, а не чулки, какъ подобаетъ благочестивому еврею; что они наканунѣ Суднаго дня, по обряду своей вѣры, не бичуются; что они не бьютъ Амана погремушками и т. п. Все это выставлялось какъ нарушеніе священнѣйшихъ обрядовъ еврейскаго вѣроученія и всѣ жалобы писались въ наивномъ тонѣ, придававшемъ имъ характеръ не только вѣроятія, но и достовѣрности. Чиновникъ, собравъ всѣ эти жалобы и узнавъ отъ представителей раввинскаго училища значеніе исчисленныхъ въ нихъ обрядовъ, не могъ не посмѣяться отъ души надъ всею надѣланною имъ тревогою и, говорятъ, всѣ эти бумаги отвезъ въ Петербургъ какъ диковину, надъ которою тамъ еще очень долго продолжали смѣяться въ административныхъ сферахъ.

Вотъ печальныя слѣдствія того, что правительство первоначально думало идти по одному пути, а затѣмъ рѣзко пошло по другому, не сдѣлавъ, однако, соотвѣтственныхъ измѣненій въ законодательствѣ. Точно также какъ еврейскія училища вообще, не получившія полнѣйшаго развитія согласно съ первоначальнымъ предначертаннымъ о нихъ планомъ, впослѣдствіи не удовлетворяли своему назначенію и сдѣлались только, какъ мы разъяснили во второй статьѣ нашей, центромъ интригъ и корысти,—и раввинскія училища, имѣвшія съ самаго начала цѣлью сдѣлаться орудіемъ исправленія евреевъ въ семейно-гражданскомъ отношеніи, при помощи раввиновъ, въ особенности *губернскихъ*, которые, какъ адепты правительства, со-

средоточили въ рукахъ своихъ широкую административную и религіозную власть, должны были впослѣдствіи потерять всякое значеніе, когда правительство измѣнило свой взглядъ на дѣло и превратило раввиновъ изъ правительственнаго въ общественное орудіе, у котораго власть осталась какъ бы въ насмѣшку. Да не подумаютъ, однако, что мы сочувствуемъ въ этомъ отношеніи первоначальному намѣренію и плану устройства у насъ раввинскаго института: на счетъ этого мы уже достаточно ясно высказались въ нашихъ статьяхъ. Мы только приводимъ это въ подтвержденіе вѣрности той общей мысли, что, рядомъ съ измѣненіемъ основной мысли какого либо законодательнаго института, необходимо произвести существенныя измѣненія и во всѣхъ соотвѣтственныхъ частяхъ законодательства для того, чтобы уничтожить аномалію, вызываемую рѣзкими противорѣчіями, которыя въ жизни не могутъ быть терпимы. Аномалія же раввинскаго института въ настоящемъ его видѣ рѣзко бросается въ глаза: юридическое полновластіе раввина ужъ слишкомъ дисгармонируетъ съ его фактической ничтожностью.

Вотъ къ чему свелись ожиданія правительства и консервативной части еврейскаго общества.

Въ то время, какъ правительство стремилось къ тайному пересозданію внутренняго быта еврейскихъ обществъ учрежденіемъ раввинскихъ училищъ, друзья новаго просвѣщенія и литература ожидали отъ нихъ внутреннихъ реформъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Они полагали, что раввинскія училища сдѣлаются центромъ научнаго образованія, что они будутъ формировать людей ученыхъ, которые, съ одной, стороны станутъ просвѣщать умъ своихъ единовѣрцевъ на почвѣ еврейскихъ же источниковъ, а съ другой—содѣйствовать развитію въ нашемъ отечествѣ еврейской науки въ русскомъ духѣ, которая могла бы оказать пользу наукѣ всеобщей, какъ нераздѣльная ея часть, а также и русскому обществу и русской литературѣ, которыя до сихъ поръ, къ сожалѣнію, имѣютъ превратное

понятіе объ исторической и современной жизни евреевъ. Въ западной Европѣ эта еврейская наука возъимѣла вліяніе на христіанское общество: оно выяснило себѣ нѣкоторые историческіе и современные вопросы еврейской жизни до того, что они перестали уже быть вопросами, а стали опредѣлившимися явленіями, всѣмъ понятными. Между тѣмъ у насъ такъ называемые представители печати, обладающіе, къ стыду нашему, еще научнымъ образованіемъ, имѣютъ самое смутное понятіе о вещахъ, недопускающихъ болѣе въ Европѣ, даже въ массѣ, никакого сомнѣнія: у насъ не только даютъ вѣру разнымъ бреднямъ литературщиковъ-шарлатановъ, не только смѣшиваютъ явленія исторической жизни съ явленіями жизни современной, не только обобщаютъ, пользуясь невѣжествомъ круга читателей, такіе факты, которые бросаются въ глаза своею единичностью, — но, прискорбно сказать, вѣрятъ еще въ употребленіе евреями христіанской крови, и высказываютъ-то у насъ свои вѣрованія въ печати, — кто-бы вы думали, — такіе ученые профессора, какъ Виталій Яковлевичъ Шульгинъ и др. ему подобные. Вся эта фаланга писателей и ученыхъ замолкла бы, когда она не могла бы болѣе разсчитывать на невѣжество своихъ читателей, когда бы многія явленія исторической и современной жизни евреевъ сдѣлались бы столько же популярными въ русскомъ обществѣ, сколько въ западно-европейскомъ христіанскомъ обществѣ, когда шарлатанизмъ могъ бы сдѣлаться насквозь прозрачнымъ со всѣми своими корыстными цѣлями и темными побужденіями. Все это могло бы, конечно, наступить тогда, когда образовался бы особый классъ, который посвятилъ бы себя спеціальному изученію еврейской исторіи, еврейской науки и еврейскаго вопроса. У насъ еще далеко то время, чтобы русскіе люди взялись за это дѣло безъ предвзятой мысли — докапываться до злоупотребленій еврейской «подпольной республики»: у насъ, напротивъ, многіе полурусскіе - полуеврейскіе публицисты, пользуясь обстоятельствами и настроеніемъ времени, пробиваютъ

себѣ карьеру на еврейскомъ вопросѣ и находятъ себѣ подражателей. Слѣдовательно, необходимо, чтобы классъ спеціалистовъ по еврейской наукѣ образовался изъ евреевъ-же; но для этого необходимо также, чтобы наука сдѣлалась ихъ професcіею; необходимо, чтобы образовались извѣстныя направленія съ достойными представителями во главѣ, какъ это въ настоящее время мы замѣчаемъ въ средѣ евреевъ западной Европы. Только такіе люди имѣютъ возможность всецѣло предаваться своей наукѣ и всесторонне ее изучать; только такіе люди пріобрѣтаютъ вѣсъ въ обществѣ и литературѣ и могутъ затѣмъ пользоваться своимъ авторитетомъ, какъ относительно введенія внутреннихъ реформъ, такъ и относительно компетентности своей въ разрѣшеніи возбужденныхъ въ литературѣ вопросовъ. Очевидное дѣло, что у насъ этотъ классъ людей могъ бы выйти только изъ раввинскихъ — спеціально-еврейскихъ — училищъ, точно также, какъ всѣ почти ученые евреи западной Европы вышли изъ раввинскихъ семинарій. Отчего же этого у насъ не случилось и случиться не могло?

Чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны указать на то, что, какъ видно изъ предъидущихъ статей нашихъ, правительство наше, вслѣдствіе неправильнаго пониманія Уваровымъ значенія талмуда, пуще всего опасалось спеціальнаго изученія его въ еврейскихъ училищахъ, какъ непосредственнаго источника еврейскаго лжеученія; но не желая, съ другой стороны, явно выступить противъ евреевъ совершеннымъ исключеніемъ талмуда изъ числа предметовъ преподаванія, оно, до замѣны его катехизисомъ и этого послѣдняго извѣстными произведеніямя г. Мандельштама, оставило въ раввинскихъ училищахъ, какъ выражается Уваровъ, для виду, только тѣ трактаты талмуда, которые не представляютъ никакого, ни научнаго, ни практическаго интереса, каковы, напримѣръ, трактаты о яйцѣ, о менструаціи, о благословеніяхъ и т. п. Между тѣмъ талмудъ составляетъ главный объектъ еврейской науки, и устраненіемъ

лучшихъ трактатовъ, обнимающихъ не религіозную, а бытоправовую жизнь евреевъ, правительство преградило раввинистамъ путь уже въ стѣнахъ училища къ возможности заинтересоваться изученіемъ исторической жизни своего народа по непосредственнымъ ея источникамъ и этимъ самымъ уничтожило въ самомъ началѣ зародышъ науки. Но эта ошибка легко могла бы быть исправлена осуществленіемъ другого плана правительства, которое вначалѣ, какъ мы видѣли изъ перваго періода образованія русскихъ евреевъ, имѣло въ виду пригласить къ намъ въ преподаватели представителей еврейской науки въ западной Европѣ. Эти люди изъ любви къ своему предмету сдѣлали бы для воспитанниковъ раввинскихъ училищъ доступнымъ весь матеріалъ, содержащійся въ другихъ, неразрѣшенныхъ, но и не запрещенныхъ къ преподаванію частей талмуда; они могли бы также знакомить воспитанниковъ съ обширною литературою и изслѣдованіями еврейской науки, о которыхъ и понятія не имѣли въ раввинскихъ училищахъ. Но сама судьба какъ будто препятствовала осуществленію этого плана правительства, который былъ пріостановленъ какъ разъ въ то время, какъ цѣлое множество германскихъ ученыхъ, взбудораженныхъ приглашеніемъ д-ра Лиліенталя, сдѣланнымъ отъ имени русскаго правительства, уже готово было переселиться къ намъ, съ цѣлію просвѣщенія нашихъ единовѣрцевъ въ германскомъ духѣ. Какъ можно догадываться изъ матеріаловъ, собранныхъ нами въ предыдущихъ статьяхъ, остановкѣ этой во многомъ содѣйствовалъ 1848 годъ и главнымъ образомъ опасеніе, внушениое затѣмъ правительству, указаніями на радикализмъ, которымъ отличаются еврейско-германскіе ученые и еврейско-германская наука. Но какъ бы то ни было, правительство осталось безъ научныхъ представителей и должно было остановиться на тѣхъ немногихъ друзьяхъ новаго просвѣщенія, которые были рекомендованы ему докторомъ Лиліенталемъ. Но эти «друзья», о которыхъ можно сказать только то, что у нихъ были прекрасныя, но не легко осуществи-

мыя намѣренія, не обладали научнымъ образованіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Ихъ образованіе, которое они, какъ трудолюбивыя пчелы, собирали на чердакахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, не отличалось никакою систематичностью и носило на себѣ отпечатокъ случайности. И въ самомъ дѣлѣ, въ то далекое и темное время, къ которому относится ихъ дѣятельность, они не могли обладать тѣми образовательными средствами, которыя въ состояніи развить въ человѣкѣ самостоятельный взглядъ на образованіе и науку. Независимо отъ этого средства сообщенія съ западною Европой были весьма скудны, и при господствовавшихъ въ то время условіяхъ цензуры едва-ли можно было и думать о полученіи заграничныхъ ученыхъ трудовъ. Тайный же провозъ былъ вообще затруднителенъ, и во вторыхъ, тѣ немногіе купцы, которые ѣздили тогда заграницу, находились подъ вліяніемъ господствовавшей тогда романтической литературы Германіи и были весьма рады, когда успѣвали привезти для взрослыхъ дѣтей своихъ соч. Шиллера, Виланда и друг. Откуда же было друзьямъ новаго просвѣщенія черпать матеріалы для самостоятельнаго или даже не самостоятельнаго развитія еврейской науки? Между тѣмъ они были поставлены во главѣ заведенія, которое стоитъ выше средняго учебнаго заведенія. Неестественность ихъ положенія успѣла обнаружиться, какъ только воспитанники стали переходить въ высшіе классы, т. е. когда они, достаточно развившись подъ вліяніемъ общаго, систематическаго образованія, стали замѣчать всѣ прорѣхи въ системѣ преподаванія своихъ учителей, которая въ сущности, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пріемовъ, не отличалась отъ старой, давно забытой ими системы обученія. Обладая громаднымъ фактическимъ знаніемъ талмуда и другихъ источниковъ раввинской литературы, которое ставитъ ихъ гораздо выше заграничныхъ ученыхъ, они, при недостаткѣ общаго научнаго образованія, лишены были возможности взяться за обработку цѣлой массы матеріаловъ, которые всегда находились у нихъ подъ рукою.

Замѣняя всякіе словари и представляя собою живые архивы древней письменности, преподаватели эти становятся безсильными, когда заговорите съ ними о какомъ нибудь общемъ, выработанномъ тою или другою наукою началѣ и пожелаете узнать, каковымъ это же начало представляется по ученію еврейскихъ источниковъ. Это происходитъ отъ того, что они не изучили ни одной науки, вопросы которой заинтересовали бы ихъ съ научной точки зрѣнія и подталкивали бы ихъ къ сравнительному изученію. Въ этомъ отношеніи они похожи на постоянныхъ обитателей живописныхъ мѣстъ южной природы, которые свыклись съ мертвымъ матеріаломъ и не замѣчаютъ, какъ онъ приводитъ въ восторгъ провожаемыхъ ими же путешественниковъ. При такой системѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы воспитанники почувствовали наклонность къ изученію невѣдомой для нихъ науки, и лишь съ пріобрѣтеніемъ высшаго образованія они останавливаются надъ нѣкоторыми фактами, изложенными въ памятникахъ еврейской письменности, и задаютъ себѣ вопросъ: неужели никто изъ еврейскихъ ученыхъ не изслѣдовалъ этого матеріала? Доискиваясь въ общихъ сочиненіяхъ, трактующихъ подчасъ о различныхъ отрасляхъ еврейской науки, отвѣта на сказанный вопросъ, воспитанники раввинскихъ училищъ ощупью, уже въ стѣнахъ университета открывали обширную, невѣдомую имъ дотолѣ литературу по еврейской наукѣ, и только удивлялись тому, что въ раввинскихъ училищахъ или тщательно отъ нихъ скрывали эту область еврейскаго вѣдѣнія, или воспитатели сами не знали о ея существованіи. Въ представители этихъ раввинскихъ училищъ, которые по закону обязаны были руководить преподаваніемъ еврейскихъ предметовъ и которыхъ существовало всего два, можно было бы назначить людей, извѣстныхъ своими изслѣдованіями въ еврейской наукѣ, которые могли бы пробудить научное сознаніе воспитанниковъ и указать имъ на будущее свое призваніе; но, къ сожалѣнію, у насъ инспекторами раввинскихъ училищъ назначались или про-

славленные поэты, или еще болѣе прославленные астрономы, которые съ еврейскою наукою, съ вопросами, ею разработанными, не имѣютъ, однако, ничего общаго. Между тѣмъ воспитанники-раввинисты проводили въ стѣнахъ училища десять лѣтъ, и въ послѣдніе три года исключительно посвящали себя изученію еврейскихъ предметовъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ воспитанники, способные въ большей своей части къ слушанію лекцій по высшему образованію, могли бы познакомиться поближе съ наукою, имѣющею для нихъ весьма важное значеніе, могли бы обработать въ русскомъ духѣ нѣкоторыя отдѣльныя ея части, могли бы доставить вспомогательныя учебныя средства высшимъ заведеніямъ по тѣмъ частямъ еврейской науки, которыя составляютъ особый отдѣлъ разныхъ общихъ наукъ, какъ, напр., отдѣлъ еврейскаго права въ энциклопедіи законовѣдѣнія. Какъ извѣстно, наши профессора черпаютъ матеріалъ по этому отдѣлу или изъ иностранныхъ энциклопедій законовѣдѣнія, или же изъ энциклопедическихъ сочиненій иностранныхъ еврейскихъ писателей. Но въ первомъ случаѣ они сами получаютъ скудныя понятія объ этомъ отдѣлѣ и въ томъ же видѣ передаютъ ихъ своимъ слушателямъ, которые составляютъ себѣ о еврейскомъ правѣ такое же понятіе, какъ о всякомъ другомъ восточномъ законодательствѣ, тогда какъ оно, напротивъ того, можетъ выдержать конкурренцію съ римскимъ правомъ и нѣкоторыми европейскими законодательствами. Въ другомъ же случаѣ, который составляетъ уже рѣдкость, профессора наши болѣе подробно ознакомляются съ догматическою частію еврейскаго права, но остаются при незнаніи теоріи этого права и самостоятельно разработанныхъ взглядовъ на нѣкоторые вопросы, находящіеся въ сочиненіяхъ извѣстныхъ еврейскихъ ученыхъ, занимавшихся также сравнительнымъ изученіемъ юриспруденціи. Кромѣ того въ теченіе этого періода времени воспитанники имѣли бы возможность содѣйствовать своими трудами къ восполненію одного изъ весьма важныхъ пробѣловъ въ нашемъ законодательствѣ—о бракоразвод-

ныхъ дѣлахъ евреевъ, о практическомъ значенiи которыхъ мы говорили уже подробнѣе въ первой части настоящей статьи. Все это дѣлается заграницей воспитанниками раввинскихъ семинарiй, изъ которыхъ многiе прiобрѣли себѣ громкую извѣстность въ ученомъ мiрѣ. Этимъ объясняется и то, что иностранные раввины, какъ ученые, прiобрѣли себѣ влiянiе на еврейскiя общества не только тѣхъ городовъ, въ которыхъ они находятся, но и на другiя общества. Между тѣмъ какъ у насъ раввинъ, пользующiйся уваженiемъ общества, составляетъ счастливое и рѣдкое исключенiе. По общему же правилу званiе раввина унижено, потому что не замѣтно между ними никакой дѣятельности не только научной, но и практической, которая была бы направлена на изученiе вопросовъ своей же практики, требующихъ безотлагательнаго разрѣшенiя, приводящихъ всѣхъ раввиновъ въ столкновенiе съ различными административными и судебными властями и дающихъ начало многимъ гражданскимъ и уголовнымъ процессамъ. Къ этому же положенiю привело раввинскiя училища именно то, что во главѣ ихъ поставлены были люди, которые не были достаточно подготовлены къ тому, чтобы съ самаго начала дать направленiе преподаванiю еврейскихъ предметовъ въ указанномъ нами смыслѣ. Вотъ почему мы полагаемъ, что лучше было бы въ то время, при недостаткѣ у насъ людей съ научнымъ образованiемъ, пригласить въ учители заграничныхъ ученыхъ, которые перенесли бы къ намъ духъ и направленiе науки, а форму могли бы уже дать ей воспитанники раввинскихъ училищъ, получившiе общее образованiе въ размѣрѣ гимназическаго курса.

Но, независимо отъ всего изложеннаго нами, положенiе, въ которое поставлены были у насъ молодые раввины, имѣло своимъ послѣдствiемъ еще и другое зло, тормозящее развитiе раввинскаго вопроса въ Россiи. Дѣло въ томъ, что первенствующiя въ Россiи общества, одесское и петербургское, не желая имѣть своими представителями воспитанниковъ раввинскихъ

училищъ, обратились къ иностраннымъ евреямъ, которые взялись за дѣло, не зная ни административныхъ условій, ни бытовой жизни русскихъ евреевъ и ихъ насущныхъ потребностей. Сверхъ того, люди, попавшіе на эти должности, не ознаменовали себя ничѣмъ въ еврейской наукѣ и остались поэтому безъ всякаго вліянія на еврейскую молодежь и на образованный классъ евреевъ, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго. Петербургское общество, по крайней мѣрѣ, начало свое дѣло безъ шуму. Не то было съ Одессой: торжество было неописанное. Городъ ликовалъ; раввину приготовили все, что только возможно было, и для встрѣчи его снарядили даже цѣлую депутацію изъ почтенныхъ представителей германскаго элемента. При всеобщемъ энтузіазмѣ никто и не смѣлъ заикнуться о томъ, что конецъ не будетъ соотвѣтствовать началу. Между тѣмъ, эти два исключенія въ самомъ началѣ возникновенія раввинскаго института оказывали въ высшей степени вредное на него вліяніе, потому что всѣ прочія общества, не имѣя средствъ на приглашеніе иностраннаго раввина, смотрѣли на своихъ, какъ на необходимое зло, навязанное имъ правительствомъ. Взоры всѣхъ были устремлены на Петербургъ и Одессу; полагали даже, что эти два иностранныхъ раввина будутъ руководить своимъ примѣромъ всѣхъ прочихъ раввиновъ, и многіе изъ раввинистовъ на первое время даже считали себѣ за честь состоять при нихъ на практикѣ. Лишь нѣкоторые болѣе самостоятельные раввинисты не увлекались общимъ потокомъ и предсказывали всѣ неблагопріятные результаты безотчетнаго энтузіазма петербуржцевъ и одесситовъ. И на самомъ дѣлѣ, петербургское раввинство ничѣмъ не отличается отъ бердичевскаго и нижегородскаго, а одесское обнаружило такую безтактность, которая, съ одной стороны, вызвала въ русской печати сѣтованія на то, что всесокрушающій одесскій кагалъ въ лицѣ своего раввина желаетъ-де ввести въ русскомъ судѣ еврейское законодательство, а съ другой—поселила раздоръ между обществомъ, которое, послѣ дол-

гаго опыта, вынесло убѣжденіе въ томъ, что раввинъ-иностранецъ, незнакомый ни съ русскимъ закономъ, ни съ условіями русско-еврейской жизни, не только не можетъ удовлетворять своему призванію, но наноситъ большой вредъ самому обществу, которое онъ представляетъ. Наконецъ, эта же безтактность привела общество въ столкновеніе съ администраціей, которая покровительствуетъ иностранцу, ходатайствуя предъ обществомъ объ удовлетвореніи претензіи раввина на сумму 118,000 рублей, которыхъ общество не имѣетъ и давать ему не желаетъ. Деньги эти предполагаютъ получить изъ суммъ коробочнаго сбора, изъ котораго министерство не разрѣшаетъ выдачи даже жалованья ни одному изъ русскихъ раввиновъ. Общество признало свою ошибку, а самъ раввинъ также оффиціально сознался въ томъ, что онъ не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворять болѣе современнымъ потребностямъ общества, и при такомъ взаимномъ сознаніи развязки, однако, быть не можетъ вслѣдствіе процесса, разбирающагося административнымъ порядкомъ. Все это приведено нами для того, чтобы доказать, насколько ошибки двухъ наиболѣе важныхъ еврейскихъ обществъ, безъ всякой пользы для нихъ, а отчасти даже съ очевиднымъ вредомъ, гибельно дѣйствовали на положеніе раввинскаго института въ Россіи въ періодъ его возрожденія.

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что раввинскій институтъ долженъ быть преобразованъ. Весь вопросъ въ томъ—на какихъ началахъ должно совершиться это преобразованіе. Мы не разъ слышали, что у насъ возникалъ вопросъ о преобразованіи управленія духовными дѣлами евреевъ, тѣсно связанный съ раввинскимъ вопросомъ, и что думаютъ положить въ основаніе этого управленія начало консисторіальное. Но намъ кажется, что если у насъ, вслѣдствіе особыхъ условій, уже есть необходимость установить контроль надъ еврейскими общинами, въ хозяйственныхъ интересахъ, предоставленныхъ, однако, самимъ себѣ; если въ

государственномъ интересѣ необходимо имѣть наблюденіе надъ правильнымъ веденіемъ метрическихъ книгъ и оффиціальное представительство евреевъ предъ администраціей и судомъ, и въ этихъ видахъ удержать раввинскій институтъ, — то необходимо также привести его въ соотвѣтствіе съ этими только потребностями и стараться сообщить раввину вѣсъ въ обществѣ, не широкою законною властью, фактически обращаемою въ безсиліе, а нравственнымъ авторитетомъ. Для достиженія этихъ двухъ цѣлей — оффиціальной и нравственной — необходимо, съ одной стороны, снять съ раввина предоставленную ему закономъ духовную власть истолкованія недоумѣній въ еврейскомъ вѣроученіи и совершенія религіозныхъ обрядовъ, а съ другой — возвысить умственный уровень раввинскихъ училищъ *. Въ первомъ отношеніи необходимо съузить кругъ оффиціальныхъ обязанностей раввина, сводя ихъ къ веденію метрическихъ книгъ, приводу евреевъ къ присягѣ и сообщенію своихъ мнѣній по улучшенію административной части, подъ которою мы разумѣемъ устройство порядка управленія спеціально-раввинскою частью, равно и порядка надзора надъ управленіемъ религіозныхъ учрежденій евреевъ. Всѣ-же религіозныя обязанности, соединенныя теперь съ раввинскою должностью, слѣдуетъ предоставить лицамъ, избираемымъ въ установленномъ порядкѣ еврейскими обществами, или такъ называемымъ даіонамъ, но съ тѣмъ, однако: 1) чтобы всѣ обрядовыя дѣйствія духовныхъ раввиновъ, насколько они связаны съ предварительнымъ исполненіемъ законныхъ требованій относительно бракоразводныхъ дѣлъ, узаконялись бы авторитетомъ оффиціальнаго раввина, который не имѣетъ права вмѣшиваться въ чисто-религіозную, обрядовую сторону дѣйствій духовнаго раввина; и 2) чтобы оффиціальному раввину было предоставлено право совершать и религіозные обряды, въ томъ случаѣ, когда евреи будутъ за этимъ добровольно къ нему обращаться. Условія,

* Когда писалась эта статья, можно было еще желать *улучшенія* раввинскихъ училищъ; нынѣ-же, какъ извѣстно, и самыя училища эти давно упразднены.

предлагаемыя нами, весьма важны. Прежде всего правительство, допускающее свободу въ отправленіи религіозныхъ дѣлъ, въ высшей степени заинтересовано въ томъ, чтобы духовныя лица, компетентныя лишь въ отношеніи религіозной обрядности, не нарушали при этомъ положительныхъ законовъ, требованія которыхъ имъ могутъ быть неизвѣстны, и чтобы дѣйствіе духовнаго лица, совершенное въ предѣлахъ закона, получило санкцію при помощи правительственной власти для того, чтобы пріобрѣтаемыя сторонами гражданскія права были надлежащимъ образомъ утверждены. Затѣмъ, предоставленіе свободы въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ имѣетъ цѣлью устранить нравственное насиліе; но было бы опять насиліемъ заставить болѣе образованныхъ евреевъ, принадлежащихъ къ новому религіозному режиму, совершать надъ собою обряды только у духовнаго раввина, тогда какъ они успѣли составить себѣ объ этихъ обрядахъ болѣе свѣтлыя понятія. Вотъ почему необходимо отдѣлить правительственную власть отъ власти религіозной, подчинивъ послѣднюю первой съ одной только юридической стороны и предоставляя представителю правительственной власти право совершать и религіозные обряды по добровольному согласію обращающихся къ нему сторонъ. Построенный на этихъ началахъ, раввинскій, институтъ можетъ на самомъ дѣлѣ удовлетворять разнообразнымъ требованіямъ общества и правительства, не приводя ни къ какимъ рѣшительно столкновеніямъ.

Но для того, чтобы раввинъ не оставался при одной только своей административной власти и могъ имѣть также нравственное вліяніе на общество силою собственнаго своего авторитета, необходимо преобразовать раввинскія училища въ такомъ смыслѣ, чтобы они сдѣлались центрами не одного только воспитанія администраторовъ, но и центрами научнаго движенія, средоточіемъ еврейской науки. До сихъ поръ образованные евреи Россіи устремляютъ свои взоры на Германію и знакомятся болѣе или менѣе съ предметами еврейскаго зна-

нія по произведеніямъ заграничныхъ ученыхъ. Имена Іоста, Гретца, Франкля, Гейгера, Іеллинека и др. громко звучатъ у насъ въ Россіи,—между тѣмъ до сихъ поръ ни одинъ изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ не пріобрѣлъ себѣ извѣстности какимъ либо самостоятельнымъ ученымъ трудомъ, такъ что въ настоящее время русскіе евреи переживаютъ именно тотъ періодъ времени, который отчасти уже пережитъ русскими вообще, тотъ періодъ именно, въ которомъ у насъ не могло быть и рѣчи не только о самостоятельныхъ, но и о какихъ бы то ни было научныхъ трудахъ, когда мы должны были смотрѣть въ глаза нѣмцамъ, разводившимъ у насъ свои ученыя плантаціи. Между тѣмъ раввинскія училища съ десятилѣтнимъ курсомъ, въ которомъ три года спеціально посвящаются изученію еврейскихъ предметовъ, могли бы у насъ сдѣлать то же самое, что иностранныя раввинскія семинаріи, если бы только подумали о необходимости ихъ преобразованія. Прежде всего необходимо въ преподаватели назначать людей, получившихъ высшее образованіе въ русскихъ университетахъ, преимущественно въ факультетахъ восточныхъ языковъ и юридическихъ. Такихъ должно быть крайней мѣрѣ по два въ каждомъ раввинскомъ училищѣ, и для того, чтобы заохотить ихъ къ этой службѣ, необходимо предоставить имъ и мѣста директора и инспектора. Подъ руководствомъ такихъ лицъ другіе учителя, преимущественно изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ воспитанниковъ раввинскихъ, могли бы дать преподаванію направленіе, сходное съ направленіемъ иностранныхъ раввинскихъ семинарій. При этомъ слѣдовало бы сдѣлать для воспитанниковъ обязательнымъ составленіе, въ теченіе трехгодичнаго спеціальнаго курса, сочиненій на русскомъ языкѣ по разнымъ предметамъ еврейской науки, подъ руководствомъ своихъ учителей, а при окончаніи курса—составленіе диссертацій для полученія степени раввина, причемъ не представляющіе диссертацій, или тѣ, которыхъ диссертаціи не одобряются совѣтомъ, получаютъ степень подраввина. Это подраз-

дѣленіе существуетъ, но совершенно на другихъ основаніяхъ. Одобренныя диссертаціи защищаются публично. Такимъ путемъ раввинскія училища обратили бы на себя всеобщее вниманіе и замѣнили бы обществу потребность въ ознакомленіи себя съ изслѣдованіями еврейской науки по иностраннымъ источникамъ; сами воспитанники, которые сдѣлались бы такимъ образомъ болѣе или менѣе извѣстными, пріобрѣли бы уваженіе общества и могли бы пользоваться своимъ авторитетомъ на его же пользу. Уже одно это могло бы имѣть большое значеніе въ патріотическомъ смыслѣ, что самостоятельные труды по близкимъ сердцу предметамъ въ русскомъ духѣ могли бы уничтожить въ еврейскомъ обществѣ развившуюся манію ко всему иностранному и значительно содѣйствовать обрусѣнію русскихъ евреевъ. При такомъ порядкѣ вещей раввины, мало-по-малу пріобрѣтая себѣ довѣріе общества и вліяя на него своимъ нравственнымъ авторитетомъ, въ состояніи были бы конкуррировать съ духовными представителями евреевъ— даіонами и современемъ совсѣмъ ихъ вытѣснить. Вотъ къ какимъ мѣрамъ слѣдуетъ перейти для того, чтобы вѣрнымъ путемъ дойти до той цѣли, къ которой стремится правительство, для того, чтобы поддержать авторитетъ его власти и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть лучшихъ результатовъ въ порядкѣ управленія духовными дѣлами и благотворно воздѣйствовать на еврейскія общества въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ *.

Въ заключеніе мы должны указать еще на способъ замѣнить раввинскую коммисію другимъ центральнымъ учрежденіемъ, которое имѣло бы цѣлью единообразное примѣненіе за-

---

* Съ уничтоженіемъ раввинскихъ училищъ о «еврейской наукѣ», понятно, не можетъ быть и рѣчи: нынѣ чуть-ли не простое знаніе грамоты болѣе чѣмъ достаточно для достиженія сана оффиціальнаго пастыря Израиля. Никто, однако, объ этомъ, кажется, особенно не жалѣетъ.

кона въ сферѣ раввинской практики и исправленіе недостатковъ законодательныхъ въ дѣлахъ бракоразводныхъ. Нѣтъ спора, что цѣль эта, къ которой отчасти стремится и существующая нынѣ раввинская коммисія, чрезвычайно важна, но, къ сожалѣнію, она не можетъ осуществиться при томъ порядкѣ образованія состава раввинской коммисіи, какой установленъ въ нашемъ законѣ. Какъ извѣстно, кандидаты въ раввинскую коммисію избираются еврейскими обществами разныхъ губерній, и почти никогда не случалось, чтобы въ число кандидатовъ попалъ какой нибудь раввинъ. Между тѣмъ никто кромѣ раввиновъ, часто встрѣчающихъ разные вопросы во время своей практики, не можетъ и не въ состояніи указать на необходимыя улучшенія; всѣ другія же лица могутъ основываться на однихъ только умозрѣніяхъ, не приводящихъ ни къ какимъ результатамъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ дѣятельности раввинскихъ коммисій, до настоящаго времени. Сверхъ того, по закону раввинская коммисія, кромѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія вопросовъ, относящихся къ дѣйствіямъ раввиновъ и къ расторженію браковъ въ такихъ случаяхъ, когда сами раввины встрѣтятъ неясность въ законѣ, или когда поступитъ жалоба на неправильное рѣшеніе мѣстнаго раввина, имѣетъ еще обязанность разрѣшать вопросы, относящіеся къ правиламъ и обрядамъ еврейской вѣры. Эта послѣдняя обязанность была причиною того, что при выборѣ кандидатовъ руководствовались совершенно другими соображеніями, чѣмъ тѣ, которыя могли бы на самомъ дѣлѣ содѣйствовать предположенной цѣли, и что выборы эти волновали всѣ еврейскія общества Россіи, которыя были заинтересованы тѣмъ, чтобы разрѣшеніе вопросовъ, касающихся ихъ вѣроученія, находилось въ рукахъ благонадежныхъ. Затѣмъ, другой недостатокъ закона о раввинской коммисіи, — что она дѣйствуетъ не по собственной инціативѣ, а по инціативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. При такомъ порядкѣ нѣтъ сомнѣнія, что болѣе важные вопросы, требующіе безотлага-

тельнаго рѣшенія, не доходятъ до раввинской коммисіи, а менѣе важные, которые почему либо кажутся чрезвычайно важными министерству, отвлекаютъ вниманіе коммисіи, каковы, напр., вопросы о сохранившемся обычаѣ прыгать предъ луною, о цадикахъ, объ отношеніяхъ евреевъ къ религіозно-нравственнымъ обѣтамъ, опредѣленнымъ въ молитвѣ, читаемой наканунѣ суднаго дня, и тому подобные. Для уничтоженія всѣхъ этихъ существенныхъ недостатковъ, необходимо прежде всего сложить съ раввинской коммисіи обязанность разрѣшенія вопросовъ, касающихся вѣры евреевъ, оставивъ за нею всѣ прочія обязанности. Затѣмъ необходимо установить, чтобы составъ раввинской коммисіи образовался исключительно изъ лицъ, занимающихъ должности раввиновъ и избираемыхъ самими раввинами изъ среды себя, первоначально по губерніямъ, а потомъ—генералъ-губернаторствамъ. Раввинская коммисія избирается чрезъ каждые четыре года одинъ разъ и дѣйствуетъ подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ съ цѣлію разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, касающихся дѣйствій раввиновъ, жалобъ на ихъ дѣйствія и бракоразводныхъ дѣлъ, которые будутъ возбуждаемы самими раввинами въ теченіе предшествовавшихъ открытію раввинской коммисіи четырехъ лѣтъ. Для того, чтобы вопросы эти возбуждались болѣе или менѣе правильно и чтобы они могли всѣ доходить до раввинской коммисіи, устраиваются на правильныхъ началахъ ежегодные съѣзды раввиновъ по губерніямъ и подъ ближайшимъ руководствомъ мѣстныхъ губернаторовъ. По всѣмъ возбуждаемымъ на раввинскихъ съѣздахъ вопросамъ, относящимся къ предметамъ дѣйствій раввинской коммисіи, составляются секретаремъ съѣзда записки съ указаніемъ основаній, по которымъ возбуждаемые вопросы требуютъ разрѣшенія. Жалобы же на неправильныя дѣйствія раввиновъ поступаютъ непосредственно къ губернаторамъ, которые вносятъ ихъ въ съѣздъ для составленія по нимъ заключеній. Всѣ записки и заключенія, составленныя въ теченіе четырехъ лѣтъ, составляютъ предметъ

обсужденія раввинской коммисіи. Мнѣнія коммисіи по всѣмъ этимъ предметамъ, касающіяся порядка внутренняго управленія дѣлами раввиновъ, получаютъ силу посредствомъ наказовъ, издаваемыхъ министерствомъ на имя губернаторовъ для руководства раввинамъ. Всѣ остальныя мнѣнія коммисіи получаютъ разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Такимъ путемъ раввинская коммисія будетъ поставлена въ ближайшую связь съ раввинскимъ институтомъ и будетъ имѣть тѣмъ болѣе практическое значеніе и вліяніе, что она не будетъ, подобно раввинамъ, касаться дѣлъ вѣры евреевъ и будетъ разсматриваться какъ правительственное центральное учрежденіе, преслѣдующее цѣли установленія порядка въ управленіи дѣлами раввиновъ и разрѣшенія практическихъ вопросовъ въ сферѣ административнаго вѣдѣнія.

О СОВРЕМЕННЫХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ШКОЛАХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ просвѣщеніе среди евреевъ развивалось въ двухъ параллельныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны оно опускалось въ низшіе слои народныхъ массъ, распространяя тамъ грамотность, проводя туда элементарныя свѣдѣнія о законѣ, съ другой—поднималось до высоты научной обработки всей суммы современнаго знанія. Если по отношенію къ первому направленію замѣчаются перерывы въ древніе періоды исторической жизни евреевъ и только въ позднѣйшее время оно принимаетъ характеръ постоянства, мѣняясь лишь по содержанію и формѣ, то по отношенію ко второму направленію мы видимъ какъ разъ противоположное: высшее научное развитіе совершалось непрерывно въ древнія эпохи жизни евреевъ и подвергалось перерывамъ въ позднѣйшее время. Въ древнѣйшія эпохи еврейскій народъ часто впадалъ въ варварство подъ вліяніемъ язычества и благодаря завоевателямъ, поэтому дѣло часто доходило до того, что необходимо было прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ для распространенія грамотности и элементарныхъ познаній въ законѣ. Но по мѣрѣ развитія окружавшихъ евреевъ народовъ и исчезновенія грубыхъ завоевательныхъ инстинктовъ, устранялись постороннія вліянія и препятствія, и элементарныя познанія распространялись все болѣе и болѣе въ массѣ, благодаря религіознымъ воззрѣніямъ евреевъ на исполненіе своихъ

обязанностей по отношенію къ Богу. Въ то же время съ уничтоженіемъ политической самостоятельности въ массѣ исчезало сознаніе о народномъ единствѣ, и для представителей народа стало необходимымъ сохранять, развивать и оберегать все то, что составляло достояніе еврейства. Отсюда начало всѣхъ высшихъ школъ, въ которыхъ разрабатывалась вся совокупность знаній по различнымъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія длиннымъ рядомъ еврейскихъ ученыхъ, изъ коихъ весьма многіе стояли гораздо выше современнаго имъ уровня науки. Съ теченіемъ времени, однако, ослабѣвали и усилія еврейскихъ ученыхъ въ собираніи и разработкѣ еврейскаго знанія съ цѣлію религіозно-національною. Въ новѣйшее время и элементарное, и высшее еврейское знаніе потеряли свой религіозно-національный характеръ и усвоили характеръ общечеловѣческій. Первоначальное обученіе въ еврейскихъ школахъ удовлетворяетъ только практической потребности, а разработка предметовъ еврейской науки служитъ только для восполненія пробѣловъ знанія въ общихъ наукахъ съ точки зрѣнія исторіи и культуры. Съ этой точки зрѣнія мы хотимъ взглянуть на то, что у насъ сдѣлано для элементарнаго и высшаго знанія.

I.

Грамотность и элементарное знаніе закона въ сильной степени было развито у русскихъ евреевъ издавна. Извѣстно, что евреи почти поголовно грамотный народъ. Въ какой степени сильно развито въ еврейской массѣ стремленіе къ грамотности, доказывается тѣмъ, что когда правительство, въ началѣ сороковыхъ годовъ, впервые взялось за устройство дѣла народнаго и высшаго образованія евреевъ, оно встрѣтило цѣлую массу школъ: низшихъ подъ названіемъ «*талмудъторъ*», высшихъ подъ названіемъ «*ешиботовъ*» и цѣлыя арміи частныхъ учителей подъ названіемъ «*меламедовъ*». Эти три

разряда школъ отличались другъ отъ друга тѣмъ именно, что талмудъ-торы и меламеды доставляли элементарныя познанія въ еврейскомъ законѣ и грамотность, между тѣмъ какъ въ ешиботахъ занимались изученіемъ талмуда и другихъ богословскихъ предметовъ съ религіозною цѣлію. Меламеды отличались отъ талмудъ-торъ тѣмъ, что обучали за плату, болѣе или менѣе ничтожную, и, слѣдовательно, имѣли дѣло съ дѣтьми такихъ родителей, которые имѣли возможность еще кое-какъ заботиться о воспитаніи членовъ своего семейства; тогда какъ талмудъ-торы посѣщались большею частію круглыми сиротами и дѣтьми такихъ родителей, которые вовсе не могли думать о какомъ бы то ни было воспитаніи своихъ дѣтей. Отсюда благотворительный характеръ талмудъ-торъ, которыя, кромѣ обученія, доставляли еще дѣтямъ пищу, одежду и обувь; отсюда и общественный характеръ этихъ заведеній. Отъ ешиботовъ же меламеды отличались тѣмъ, что хотя и послѣдніе часто обучали дѣтей талмуду и другимъ высшимъ богословскимъ предметамъ, но обученіе ими дѣтей, отличаясь характеромъ частнымъ, не подчинялось никакому контролю; тогда какъ ешиботы, составляя заведенія общественныя, всегда имѣли во главѣ извѣстнаго своими богословскими познаніями ученаго, пользовавшагося значительнымъ авторитетомъ.

Всѣ означенныя школы и учители, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ различныхъ мѣстахъ Россіи, удержались и по настоящее время.

Чѣмъ же объяснить такое долгое ихъ существованіе почти съ незапамятныхъ временъ? Чѣмъ объяснить то, что они удержались до настоящаго времени, не смотря на открытіе широкаго доступа евреямъ въ общія учебныя заведенія имперіи и на существованіе до настоящаго времени спеціально-еврейскихъ казенныхъ школъ?

Отвѣтимъ на этотъ вопросъ по отношенію къ каждому изъ означенныхъ заведеній въ отдѣльности.

Остановимся прежде всего на меламедахъ. Эти народные

учители евреевъ, существованію которыхъ уже не разъ положенъ предѣлъ нашими законами, вызываютъ, однако, каждый разъ снисхожденіе къ себѣ и имъ даются новыя отсрочки. Еще болѣе, эти учители въ большинствѣ отличаются крайнимъ невѣжествомъ, содержатъ своихъ учениковъ въ крайне неблагопріятной гигіенической обстановкѣ, сохранили самые рутинные пріемы преподаванія,—а между тѣмъ они продолжаютъ существовать. Отсюда слѣдуетъ, что они удовлетворяютъ какой-то народной потребности, которую слѣдуетъ прежде всего себѣ уяснить, чтобы возможно было подумать о замѣнѣ меламедовъ чѣмъ нибудь другимъ, что удовлетворяло бы той же потребности.

Потребность эта коренится не въ религіозномъ началѣ, не въ національномъ инстинктѣ, а въ *экономическомъ положеніи* тѣхъ родителей-евреевъ, которые посылаютъ своихъ дѣтей въ школы къ меламедамъ. Представьте себѣ безчисленное множество еврейскихъ семействъ, благословенныхъ множествомъ дѣтей малъ-мала-меньше. При постоянной отлучкѣ родителей изъ дому, вызываемой необходимостью въ снисканіи себѣ средствъ къ существованію,—кому, спрашивается, могутъ они поручить надзоръ и уходъ за дѣтьми? Если мать даже остается дома,—что, впрочемъ, бываетъ рѣдко, въ особенности въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ заботы о средствахъ къ существованію, большею частью, принимаетъ на себя мать семейства—mater familias,—то и для того, чтобы имѣть возможность заниматься домашними работами, которыя всецѣло падаютъ на нее, или для того, чтобы облегчить себѣ тяжелыя обязанности семейной работницы, она должна, во что бы ни стало, освободиться отъ своихъ дѣтей. Вотъ эту-то потребность въ надзорѣ за дѣтьми уразумѣли меламеды и старались удовлетворять ей, принимая въ свои школы дѣтей обоего пола и всякаго возраста, за которыми они присылаютъ на домъ своихъ помощниковъ или такъ называемыхъ *бегельферовъ;* этихъ дѣтей они держатъ въ школахъ цѣлый

день, а зимою даже по вечерамъ, при свѣчахъ; въ школу же, при помощи своихъ бегельферовъ, они доставляютъ дѣтямъ изъ дому пищу два раза въ день и, наконецъ, разсылаютъ ихъ по домамъ съ помощью тѣхъ же бегельферовъ. Все это исполняется за самую ничтожную плату. Можно ли лучше удовлетворять народной потребности? Правда, дѣти подвергаются физическимъ истязаніямъ со стороны бегельферовъ, часто испытываютъ надъ собою злосчастную ферулу меламеда, часто задыхаются въ удушливой атмосферѣ меламедскаго хедера (учебной комнаты), но всѣ эти недостатки, очевидно, перевѣшиваются одной выгодой, именно тѣмъ, что они освобождаютъ родителей отъ обузы повседневнаго надзора, невозможнаго при неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ большая часть еврейскихъ семействъ. Вотъ почему меламедъ можетъ быть человѣкомъ невѣжественнымъ, человѣкомъ съ рутинными педагогическими пріемами и даже никуда негоднымъ человѣкомъ: онъ не учитель, онъ—няня, и няня заботливая, которая няньчится съ дѣтьми по цѣлымъ днямъ и вечерамъ, собираетъ ихъ, кормитъ, обучаетъ и разсылаетъ по домамъ,—онъ самая дешевая няня для дѣтей народной массы, няня общая, которой приходится, поэтому, платить дешевле, и притомъ еще такая няня, которую не вы отыскиваете, а которая у васъ заискиваетъ, приходитъ къ вамъ на домъ и предлагаетъ вамъ свои услуги. Вотъ почему, какъ всѣмъ извѣстно, человѣкъ, уже доказавшій свою бездарность и оказывающійся никуда негоднымъ, всегда берется за ремесло меламеда; вотъ почему, при бѣдности евреевъ en masse, очень многіе изъ нихъ бросаются на это ремесло, сознавая, что въ роли няни масса не будетъ къ нимъ такъ взыскательна; вотъ почему меламеды, инстинктивно угадавъ народную потребность, благодаря необходимости отдавать дѣтей подъ чужой надзоръ, такъ сильно привились къ народной жизни евреевъ и пустили глубокіе

корни, которыхъ нельзя вырвать изъ почвы иначе, какъ съ помощью института, носящаго однородный характеръ.

Нѣсколько ближе, чѣмъ прежде, правительство наше подошло къ потребностямъ еврейскаго народа учрежденіемъ нынѣшнихъ такъ называемыхъ начальныхъ еврейскихъ училищъ. Допущеніе къ пріему дѣтей съ 6-ти лѣтняго возраста и введеніе послѣобѣденныхъ уроковъ,—это шагъ впередъ въ дѣлѣ удовлетворенія народной потребности. Но евреи къ меламедамъ посылаютъ дѣтей и моложе 6-ти лѣтъ, а въ училища нельзя будетъ присылать и 6-тилѣтнихъ, такъ какъ такія дѣти нуждаются въ томъ, чтобы ихъ провожали на домъ, что исполняется меламедомъ при помощи бегельфера, котораго въ училищѣ нѣтъ. Затѣмъ, послѣобѣденное время ограничивается двумя часами; всего послѣобѣденныхъ уроковъ полагается 10, а въ пятницу ихъ вовсе не полагается. Кромѣ того, всего уроковъ положено въ приготовительномъ 28 въ недѣлю, а въ училищѣ 32. Такимъ образомъ, если на пятницу положить 3 урока утреннихъ, то на остальные дни придется всего 5 часовъ въ день въ приготовительномъ классѣ, а объ этомъ классѣ только и можетъ быть рѣчь при сравненіи съ порядкомъ обученія у меламедовъ. У этихъ послѣднихъ, какъ мы уже сказали, ученіе продолжается цѣлый день, а зимою — и вечеромъ. Далѣе, существенное различіе еще и въ томъ, что главное нововведеніе, т. е. послѣобѣденные уроки, отличается необязательнымъ характеромъ; а потому дѣти, нежелающія изучать въ начальныхъ училищахъ еврейскихъ предметовъ, положенныхъ на послѣобѣденное время, отъ этихъ занятій свободны. Но такимъ образомъ подрывается обязательность болѣе продолжительнаго пребыванія дѣтей низшаго возраста въ стѣнахъ училища, и народная потребность остается, слѣдовательно, неудовлетворенною. Этотъ недостатокъ могъ бы быть восполненъ въ случаѣ открытія предложенныхъ дополнительныхъ ремесленныхъ курсовъ; но, во первыхъ, они могутъ быть открываемы лишь въ учили-

щахъ, а не въ приготовительныхъ классахъ, въ которые поступаютъ дѣти отъ 6-ти до 10-ти лѣтъ, не способные, стало быть, къ физическому труду, и во вторыхъ, даже въ училищахъ, одноклассныхъ и двухклассныхъ, открытіе ремесленныхъ курсовъ встрѣтитъ затрудненіе со стороны самихъ учителей—завѣдующихъ, такъ какъ, по положенію о начальныхъ училищахъ, въ подобныхъ случаяхъ допускается вліяніе на училище такихъ общественныхъ элементовъ, которыхъ опасаются эти завѣдующіе. Правда, по сказанному положенію открытіе ремесленныхъ курсовъ предоставляется желанію жителей данной мѣстности; но само положеніе вовсе неизвѣстно частнымъ лицамъ, а тамъ, гдѣ образованные евреи, узнавъ объ этомъ правѣ мѣстныхъ жителей, желаютъ воспользоваться имъ, они не находятъ способовъ для осуществленія своихъ плановъ по этому предмету. Намъ извѣстенъ случай въ одной мѣстности, богато населенной евреями: одинъ образованный медикъ возбудилъ, согласно § 43 положенія 16-го марта 1873 г., вопросъ объ открытіи ремесленнаго класса при начальномъ еврейскомъ училищѣ; всѣхъ равнодушнѣе къ этому полезному дѣлу отнесся самъ завѣдующій училищемъ, который даже не счелъ нужнымъ явиться въ допущенное начальствомъ засѣданіе мѣстныхъ жителей, куда онъ былъ приглашенъ для выслушанія ихъ желанія по предмету, указанному въ § 43. Такимъ образомъ, лица, ближе всѣхъ поставленныя къ интересамъ училища и обязанныя, въ силу занимаемой должности и упомянутаго параграфа положенія, входить въ соображеніе потребностей мѣстныхъ жителей, первыя относятся совершенно пассивно, когда рѣчь заходитъ объ удовлетвореніи одной изъ насущныхъ потребностей населенія. Но какъ бы то ни было, изъ сказаннаго видно, что новыя начальныя училища, хотя и устроены на лучшихъ началахъ, чѣмъ существовавшія прежде перво и второрязрядныя казенныя училища, они все-таки удовлетворяютъ лишь потребностямъ того же класса евреевъ, который и прежде посылалъ дѣтей въ казенныя учи-

лища, и не отвѣчаютъ потребностямъ той массы евреевъ, которая, вслѣдствіе указанныхъ выше условій, еще долго будетъ посылать своихъ дѣтей къ меламедамъ. А что меламеды не вытѣсняются новыми народными училищами, видно изъ того, что правительство ежегодно отсрочивало дальнѣйшее существованіе ихъ еще на годъ, а въ прошломъ году — впредь до особаго распоряженія. Напрасно нѣкоторые изъ учителей начальныхъ училищъ приписываютъ бо̀льшій процентъ учащихся въ новыхъ училищахъ сравнительно съ количествомъ учащихся въ прежнихъ училищахъ тому, что они удовлетворяютъ потребностямъ массы и ожидаютъ уничтоженія хедеровъ чрезъ ихъ посредство. Дѣло въ томъ, что, при учрежденіи старыхъ училищъ, всѣ учителя также прилагали старанія о томъ, чтобы увеличивать разными способами число учениковъ и, такимъ образомъ, оправдать всеобщія ожиданія. Въ настоящее время увеличеніе числа учениковъ въ новыхъ училищахъ зависитъ отъ гораздо болѣе сильныхъ внутреннихъ мотивовъ, чѣмъ внѣшнее вліяніе учителей. Да не забудутъ страстные поборники новыхъ училищъ, что училища эти возникли въ одно время съ обнародованіемъ новаго устава о воинской повинности, который, по всеобщему мнѣнію людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ, долженъ произвести громадный переворотъ въ стремленіи евреевъ къ образованію, и гораздо большій чѣмъ тотъ, какого могли бы достигнуть всѣ, въ совокупности взятыя, спеціальныя побужденія евреевъ къ образованію, отличающіяся внѣшнимъ характеромъ. Кто не помнитъ наплыва учениковъ со всѣхъ сторонъ въ существовавшія раввинскія училища въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда дарованы были значительныя льготы по воинской повинности, и кто не помнитъ опять внезапнаго уменьшенія числа учениковъ, когда эти училища были лишены льготъ. Мораль отсюда слѣдующая: не приходится преувеличивать значеніе новыхъ училищъ, нужно признавать за ними тѣ достоинства, которыя они дѣйствительно имѣютъ, и въ пре-

дѣлахъ той области, въ которой они на самомъ дѣлѣ оказываются полезными. Для учителей этихъ училищъ совершенно достаточно, если они честно и добросовѣстно выполнятъ свою задачу въ отношеніи того класса населенія, интересамъ котораго они призваны и могутъ служить; но имъ не слѣдуетъ прибѣгать къ преувеличеніямъ, чрезвычайно вреднымъ въ томъ отношеніи, что отводятъ глаза отъ тѣхъ именно областей, въ которыхъ еще многое предстоитъ дѣлать, усыпляютъ частную инициативу, которая могла бы что нибудь сдѣлать въ пользу низшихъ слоевъ населенія. Кромѣ того, такія преувеличенія имѣютъ еще и ту нехорошую сторону, что ведутъ впослѣдствіи къ разочарованіямъ. Преувеличенныя надежды въ началѣ ведутъ впослѣдствіи къ ложному заключенію, что учрежденіе не удовлетворило ожиданіямъ потому, что велось нехорошо. Съ него много спрашивалось—и въ результатѣ оно дало очень мало.

Если отбросить всякія преувеличенія, то окажется серьезная необходимость въ устройствѣ, по общественной инициативѣ, такихъ школъ, которыя бы въ самомъ дѣлѣ могли вытѣснить обученіе меламедовъ. На этой мысли на югѣ Россіи уже давно останавливался д-ръ И. А. Чацкинъ, и она разрабатывалась въ одесскомъ отдѣленіи общества распространенія просвѣщенія между русскими евреями. Для полнаго ознакомленія съ порядками, существующими въ хедерахъ, поручено было двумъ членамъ произвести осмотръ одесскихъ хедеровъ, составить подробный докладъ о найденномъ и въ связи съ послѣднимъ и съ существовавшими и нынѣ дѣйствующими постановленіями о меламедахъ указать на мѣры, необходимыя для устраненія способовъ обученія, практикуемыхъ у меламедовъ, и замѣны ихъ другими нынѣ практикуемыми въ лучшихъ народныхъ школахъ. Дѣло было изучено въ подробности и предположено было приступить къ открытію новыхъ школъ по выработанной программѣ на средства, которыя общество распространенія просвѣщенія меж-

ду русскими евреями обѣщало удѣлить изъ имѣвшаго поступить въ его распоряженіе капитала для цѣлей народнаго образованія отъ г. Полякова. Всѣ чаяли близкаго осуществленія этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго дѣла, но, къ крайнему сожалѣнію, г. Поляковъ счелъ болѣе полезнымъ употребить эти деньги на другіе предметы, и планъ одесскаго отдѣленія не могъ поэтому осуществиться. Тѣмъ не менѣе, мысль, разъ сознанная и разработанная, не осталась безплодною: она встрѣтила сочувствіе въ сферѣ учебнаго вѣдомства на югѣ Россіи, была возбуждена комитетомъ одесской талмудъ-торы по поводу предстоящаго преобразованія ея и вновь обсуждена возникшимъ на новыхъ основаніяхъ одесскимъ отдѣленіемъ общества распространенія просвѣщенія между евреями и имѣетъ быть приведено къ осуществленію въ ближайшемъ будущемъ. Дѣло въ томъ, что, благодаря указаннымъ выше общимъ усиліямъ и при содѣйствіи управы въ лицѣ члена г. Хари, выработанъ планъ четырехъ народныхъ училищъ, изъ которыхъ три мужскихъ, а одно женское. Въ эти училища будутъ приниматься дѣти низшаго возраста и преподаваніе разсчитано на цѣлый день. Въ промежуточное между учебными занятіями время введены будутъ гимнастика и нѣкоторыя игры по фребелевской системѣ для развитія физическихъ силъ дѣтей. Нынѣ существующая талмудъ-тора преобразуется примѣнительно къ программѣ сказанныхъ училищъ съ веденіемъ одного высшаго класса и останется въ центрѣ города, гдѣ она находится въ настоящее время, точно такъ же, какъ и народное училище для дѣвочекъ; два новыхъ народныхъ училища будутъ устроены въ отдаленныхъ частяхъ города: одно—на Пересыпи, а другое—на Молдаванкѣ; третье же училище откроется при имѣющемъ возникнуть общемъ (для мальчиковъ и дѣвочекъ) сиротскомъ домѣ А. М. Бродскаго, и въ немъ будутъ обучаться не только дѣти сиротскаго дома, но и приходящіе. Это училище, кажется, будетъ смѣ-

шаннымъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Во главѣ каждаго училища будетъ стоять попечитель, избираемый обществомъ, и отъ него будетъ зависѣть веденіе учебной, хозяйственной и административной частей заведенія. На содержаніе этихъ училищъ отпускается изъ суммъ коробочнаго сбора по 4,500 руб., за исключеніемъ училища, которое откроется при сиротскомъ домѣ, на которое отпускается 3,500 рублей въ годъ. Расходныя статьи эти уже внесены въ смѣту коробочнаго сбора на текущее четырехлѣтіе съ 1880 года, а сами училища откроются въ августѣ мѣсяцѣ сего года.

Такимъ образомъ, Одесса — первый городъ, который, идя на помощь правительству въ дѣлѣ образованія евреевъ, по собственной инициативѣ взялся за устройство на болѣе правильныхъ началахъ дѣла народнаго образованія. Если этимъ примѣромъ воспользуются и другіе города, то будетъ оказана дѣйствительная услуга низшимъ слоямъ еврейскаго населенія, которые по неволѣ должны обращаться за воспитаніемъ своихъ дѣтей къ меламедамъ. Только при такомъ условіи не будетъ надобности въ употребленіи со стороны правительства рѣшительныхъ мѣръ въ отношеніи меламедовъ, которые мало-по-малу уступятъ мѣсто вновь огранизованнымъ школамъ, удовлетворяющимъ той же потребности, какъ они, но въ большей степени и на правильныхъ современныхъ началахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устройство школъ, подобныхъ одесскимъ, немыслимо въ заброшенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ еврейское населеніе отличается крайнею бѣдностью, гдѣ средства коробочнаго сбора едва достаточны на удовлетвореніе необходимѣйшихъ общественныхъ надобностей. Но въ такихъ городахъ, какъ Бердичевъ, Вильна, Минскъ и др., гдѣ имѣется достаточно средствъ и гдѣ нѣтъ недостатка въ интеллигентныхъ силахъ, осуществленіе того, что теперь предпринимается въ Одессѣ, весьма возможно, если только лучшіе люди между евреями будутъ дѣйствовать дружно во имя идеи объ улучшеніи быта евреевъ путемъ образованія. Идея эта возникла до 40-хъ

годовъ на югѣ Россіи, въ средѣ обществъ одесскаго и кишиневскаго, идея эта возникла и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ въ началѣ 40-хъ годовъ и энергически осуществлялась; идея эта теперь вновь возникаетъ на югѣ Россіи въ болѣе сознательномъ видѣ и при лучшемъ пониманіи потребностей народныхъ, — а потому является крайняя необходимость въ усвоеніи этой идеи лучшею частью русскаго еврейства и въ практическомъ ея осуществленіи въ болѣе просвѣщенныхъ центрахъ еврейскихъ, откуда она все болѣе и болѣе будетъ распространяться и на другія общества. Друзей и ревнителей дѣло это должно найти.

II.

Существованіе талмудъ-торъ вызвано было потребностью въ призрѣніи сиротъ. Такъ какъ еврейскія общества, по бѣдности своей, не были въ состояніи устраивать сиротскіе домы, то они прилагали заботу о томъ, чтобы эти сироты имѣли по крайней мѣрѣ дневной пріютъ. Сюда же присоединилось уже само собою преподаваніе еврейской грамоты, необходимой еврею для исполненія религіознаго долга—для чтенія молитвъ и исполненія другихъ обрядовъ, сопровождаемыхъ чтеніемъ. Разъ талмудъ-торы были вызваны къ жизни указанною потребностью, онѣ не могли не принимать въ среду своихъ воспитанниковъ и контингента тѣхъ дѣтей, которыя, по крайней бѣдности родителей ихъ, не могли посѣщать меламедскихъ школъ, въ которыхъ требовалась кое-какая плата за ученіе, и, слѣдовательно, были поставлены въ сущности въ положеніе сиротъ. Благодаря тому, что талмудъ-торы большею частію, сверхъ обученія, доставляютъ дѣтямъ и платье, и обувь, а иногда и пищу, онѣ привлекали все большее и большее количество дѣтей неимущаго класса евреевъ. Отсюда видно, что талмудъ-торы имѣютъ дѣло съ совершенно отдѣльнымъ классомъ населенія, для котораго ни меламеды, ни казенныя учи-

лица не пригодны. Конечно, если бы всѣ еврейскія общества могли устроить сиротскія заведенія, то талмудъ-торы оказались бы ненужными. Теперь же онѣ являются суррогатами сиротскихъ домовъ и въ этомъ отношеніи удовлетворяютъ спеціальнымъ потребностямъ извѣстнаго класса людей. Съ этой стороны очень легко объяснить причину продолжительнаго существованія талмудъ-торъ и невозможность замѣнить ихъ какимъ либо другимъ заведеніемъ.

Но если замѣна талмудъ-торъ другими заведеніями невозможна, то необходимо подумать объ ихъ преобразованіи, о болѣе правильномъ ихъ устройствѣ. Недостатки всѣхъ нынѣ существующихъ талмудъ-торъ заключаются прежде всего въ унаслѣдованной вѣками традиціи, проявляющейся во всемъ, начиная отъ организаціи ихъ и кончая образомъ дѣйствій заправляющихъ ими лицъ. Въ организаціи господствуетъ крайній произволъ. Наборъ преподавателей-меламедовъ зависитъ отъ выбора представителей талмудъ-торъ, а отъ меламедовъ всецѣло зависитъ внутренній распорядокъ и методъ преподаванія. Обыкновенно принимается столько дѣтей, сколько только можетъ помѣститься въ стѣнахъ заведенія; ученики не группируются по отдѣленіямъ; меламеды сами распредѣляютъ между собою занятія; дѣти обучаются еврейской грамотѣ и библіи самымъ рутиннымъ способомъ; преподаваніе общихъ предметовъ или вовсе не производится, или находится въ крайнемъ пренебреженіи; препадованіе и обученіе не ведетъ воспитанниковъ ни къ какой опредѣленной цѣли, болѣе или менѣе практической,—словомъ, господствуетъ во всемъ полнѣйшая анархія. Всѣ эти недостатки объясняются опять тѣмъ же, чѣмъ объясняются недостатки въ организаціи хедеровъ; представители общества, коимъ ввѣряются дѣти талмудъ-торъ, видятъ въ этихъ послѣднихъ заведенія, устроенныя для надзора за дѣтьми неимущихъ классовъ населенія, придаютъ этимъ заведеніямъ, слѣдовательно, чисто *отрицательное* значеніе: талмудъ-торы имѣютъ цѣлію отвлекать дѣтей отъ бездѣлья и

праздности—источниковъ всякой нравственной порчи. Исходя изъ этой точки зрѣнія, направляющіе талмудъ-торами очень мало заботятся о *положительной* сторонѣ дѣла, а именно о томъ, чтобы, съ одной стороны, устроить надзоръ болѣе или менѣе удовлетворительный въ смыслѣ педагогическомъ, а съ другой—чтобы само преподаваніе не было чисто механическимъ дѣломъ, предназначеннымъ убить праздное время, а болѣе цѣлесообразно и болѣе согласно съ будущимъ возможнымъ призваніемъ дѣтей.

Изъ сказаннаго ясно, что характеръ талмудъ-торъ долженъ стать болѣе положительнымъ: современныя условія жизни русскихъ евреевъ даютъ право надѣяться, что наступила уже пора не только думать и говорить, но и дѣло дѣлать.

Въ чемъ же должно внѣшнимъ образомъ выразиться измѣненіе въ характерѣ талмудъ-торъ? Въ томъ, во первыхъ, чтобы были устранены меламеды отъ преподаванія еврейскихъ предметовъ и замѣнены людьми болѣе толковыми. Необходимо, во вторыхъ, ввести также во всѣхъ талмудъ-торахъ преподаваніе общихъ предметовъ въ такомъ объемѣ, чтобы ученики, оканчивающіе въ нихъ курсъ, могли бы поступить въ другія учебныя заведенія—или начальныя еврейскія, или общія народныя училища. Ихъ необходимо, такимъ образомъ, превратить въ элементарныя школы, подготовляющія ко вступленію въ другія училища, и этимъ путемъ доставить ученикамъ возможность достигнуть какой нибудь практической цѣли, или, другими словами, улучшенія своего матеріальнаго положенія посредствомъ полученнаго ими образованія.

Преобразованіе талмудъ-торъ встрѣтитъ, конечно, нѣкоторыя затрудненія. Эти заведенія сложились въ настоящее время такимъ образомъ, что они служатъ не интересамъ того дѣла, для котораго они вызваны къ жизни, а напротивъ—интересамъ тѣхъ лицъ, которыя занимаются тамъ обученіемъ и преподаваніемъ. Каждый разъ, когда заходитъ рѣчь объ устраненіи недостатковъ, низведшихъ заведенія эти до степени, исклю-

чающей всякую возможность достиженія цѣли, для которой они устроены, и вмѣстѣ съ тѣмъ объ устраненіи одного изъ главнѣйшихъ недостатковъ, тормозящихъ успѣхъ дѣла, а именно— дурныхъ методовъ преподаванія, каждый разъ, говоримъ мы, приходится сталкиваться съ вопросомъ о судьбѣ тѣхъ учителей, которые, водворившись тамъ въ качествѣ педагоговъ въ теченіи нѣсколькихъ давностей, пріобрѣли будто бы право влiять на судьбу заведенія. Это препятствіе встрѣчается не только въ талмудъ-торахъ, сохранившихся въ первобытномъ ихъ состояніи, но и въ такихъ, которыя, подъ вліяніемъ болѣе просвѣщенныхъ взглядовъ, уже приняли новый видъ и стали неузнаваемыми. Вопросъ сводится къ тому, что дороже—судьба отдѣльнаго лица или судьба всего заведенія? Не смотря на ясный, категорическій отвѣтъ, который долженъ послѣдовать на этотъ вопросъ, мы въ большинствѣ случаевъ жертвуемъ логикой и общественнымъ интересомъ ради *гуманности и филантропіи*, отвлекающей насъ въ сторону отъ самаго дѣла. Такимъ образомъ, мы никогда до конца не дойдемъ, или,—вѣрнѣе, никогда не начнемъ дѣла. Но положимъ, что найдутся люди, которые готовы будутъ жертвовать своимъ чувствомъ сострадания къ отдѣльнымъ лицамъ въ пользу болѣе высокихъ общественныхъ интересовъ, то и тогда мы встрѣтимся на пути къ преобразованіямъ съ еще болѣе опаснымъ врагомъ—съ безденежьемъ. Гдѣ взять средства на приглашеніе лучшихъ учителей, на введеніе общихъ предметовъ и на правильную организацію талмудъ-торъ? Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, дѣлу могло бы и должно бы помочь общество распространенія просвѣщенія между русскими евреями. На нашъ взглядъ, общество должно было бы главнымъ образомъ посвящать свои средства на посильное содѣйствіе нравственнымъ интересамъ тѣхъ именно классовъ населенія, которые оказываются крайне безпомощными, на распространеніе просвѣщенія въ тѣхъ именно сферахъ, гдѣ господствуетъ полный мракъ невѣжества. Задача общества состоитъ въ *распространеніи* просвѣщенія, а подъ

распространеніемъ слѣдуетъ разумѣть захватываніе съ каждымъ разомъ все большаго и большаго пространства, все большаго и большаго круга лицъ. Вотъ почему намъ кажется, что направленіе дѣятельности на болѣе темныя массы населенія съ цѣлію избавленія ихъ отъ душной атмосферы невѣжества было бы наиболѣе соотвѣтствующей обществу задачей. Существующія мѣстныя отдѣленія могутъ ограничивать свои задачи, могутъ сосредоточивать свою дѣятельность на одной какой либо отрасли просвѣщенія; но само общество должно принять подъ свое покровительство все русское еврейство, т. е. ту бѣдную массу, которая ожидаетъ извнѣ руки помощи и которой рука эта пригодилась бы теперь болѣе чѣмъ когда либо. Общество имѣетъ вездѣ своихъ сотрудниковъ, которые могли бы доставить ему свѣдѣнія о талмудъ-торахъ и о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя, по мѣстнымъ условіямъ, необходимо было бы произвести для того, чтобы онѣ могли подойти поближе къ какой либо практической цѣли. Прошло уже теперь то время, когда представителями талмудъ-торъ бывали люди, которымъ по принципу противенъ былъ всякій порядокъ, какъ нововведеніе, посягающее на старую, установленную традиціею форму; уже, славу Богу, нѣтъ теперь и тѣхъ изувѣровъ, которые всячески препятствовали введенію преподаванія общихъ предметовъ. Если улучшеній не дѣлается, то единственною причиною является отсутствіе средствъ. Вотъ почему теперь именно наступила пора для общества, имѣющаго призваніе просвѣщать русскихъ евреевъ помощью своихъ средствъ и нравственнаго вліянія, дѣйствовать на этой почвѣ. Нѣтъ спору: множество плановъ появилось въ послѣднее время относительно програмы дѣятельности общества; но на чемъ нибудь оно должно остановиться, и именно на томъ, что наиболѣе соотвѣтствуетъ времени и условіямъ. Намъ казалось бы, что современныя условія жизни русскихъ евреевъ указываютъ обществу на необходимость посвящать свои силы и средства на служеніе той массѣ населенія русскихъ евреевъ, просвѣщеніе которой оста-

вляется, по недостатку инициативы и средствъ, въ крайнемъ пренебреженіи и что именно для этихъ классовъ необходима инициатива и руководство общества. Такая дѣятельность связала бы интересы общества съ самыми насущными интересами русскихъ евреевъ и вызвала бы къ себѣ полную симпатію лучшей части русскаго еврейства и признательность всего народа.

III.

Переходя къ самымъ высшимъ общественнымъ школамъ—*ешиботамъ*, мы считаемъ долгомъ немного подробнѣе остановиться на нихъ, потому что этотъ предметъ почти вовсе не затронутъ нашею печатью. Эти заведенія по настоящее время сохранили свою религіозно-національную окраску. Ешиботы имѣютъ цѣлію сохранить и поддерживать въ еврействѣ высшее знаніе богословскихъ наукъ. Единственная практическая цѣль, которую и при современномъ ихъ положеніи они могли бы имѣть въ виду, а именно приготовленіе авторитетовъ еврейскаго богословія для разрѣшенія различныхъ религіозныхъ недоумѣній въ сферѣ религіозной, семейно-брачнаго права и отчасти въ сферѣ хозяйственно-бытовой,—эта единственная практическая цѣль, говоримъ мы, оставляется въ сторонѣ. Очень понятно: человѣкъ, посвятившій лучшіе годы своей жизни на изученіе высшаго знанія и освоившійся съ теоретическими взглядами на правду и милосердіе, рѣдко способенъ сдѣлаться *даіономъ* (разрѣшать религіозные вопросы), потому что положеніе даіона въ средѣ еврейскаго общества таково, что онъ приходитъ въ столкновеніе съ различными міроѣдами, имѣющими особый интересъ въ томъ или другомъ направленіи его мнѣній,—и оказывается вслѣдствіе этого одно изъ двухъ: или даіонъ, очутившись въ круговоротѣ жизни съ ея практическими требованіями, не уживается съ нею и оставляетъ свое поприще, или же, не имѣя, по сложившимся обстоятельствамъ, возможности выйти изъ от-

веденной ему области дѣятельности, вскорѣ примиряется съ окружающими его условіями и превращаетъ свою науку въ практическое орудіе для добыванія средствъ въ жизни. Первое бываетъ очень рѣдко, второе—всего чаще, потому что надобно имѣть достаточно силы воли и вполнѣ выработанный характеръ, чтобы не отдавать науки на потокъ и разграбленіе давленію жизни, а такихъ людей очень мало подготовляютъ ешиботы; съ другой стороны, при отсутствіи необходимыхъ нравственныхъ качествъ, жизнь скорѣе и сильнѣе захватываетъ въ свою паутину именно чистыхъ теоретиковъ. Мы имѣемъ въ настоящее время возможность наблюдать надъ явленіями этого рода. Оказывается, что очень много изъ извѣстныхъ намъ толкователей религіознаго закона довольно глубоко окунулись уже въ житейскій омутъ, и лишь одинъ изъ нихъ высится изъ среды этой толпы своимъ нравственнымъ обликомъ, не прельщаясь грубыми приманками жизни. Но къ сожалѣнію, этого скромнаго и безукоризненно-честнаго дѣятеля мстительная злоба начинаетъ касаться изъ-за угла, причемъ подстрекателемъ является лицо, которому общество доставляетъ множество матеріальныхъ благъ съ тѣмъ, чтобы онъ поставилъ въ опредѣленные моменты жизни извѣстное количество поученій о любви и примиреніи. Какъ бы то ни было, положеніе даіоновъ въ современныхъ еврейскихъ обществахъ даетъ намъ право заключить о томъ, что ешиботы не отличаются направленіемъ, соотвѣтствующимъ потребностямъ еврейскихъ обществъ. Они большею частію занимаются отвлеченною схоластикою, остроумными словопреніями (פלפול), и воспитанники ихъ ничего не приносятъ еврейской наукѣ, принося въ жертву ея свою собственную жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, какую пользу можно ожидать отъ знанія еврейской письменности, когда оно не сопровождается не только изученіемъ соотвѣтственныхъ отраслей общаго человѣческаго знанія, но даже краткимъ курсомъ общеобразовательныхъ предметовъ, ниже элементарнымъ знаніемъ какого либо живого языка? Кому нужно такое зна-

ніе, разобщенное съ общечеловѣческимъ знаніемъ и замкнутое само въ себѣ? Кому, спрашизается, нужно это пустое переливаніе изъ архивной письменности въ мертвое слово и обратно? Разумѣется, никому!

Для чего же, спрашивается, мы заговорили объ этихъ никому ненужныхъ, стоящихъ внѣ жизни заведеніяхъ?

Мы заговорили о нихъ потому, что теперь наступило время говорить о нихъ, а наступило время теперь именно потому, что правительство указало евреямъ на общественную инициативу по отношенію къ этимъ заведеніямъ. У насъ существовали до 1873 года раввинскія училища. Цѣль ихъ состояла, по курсу преподававшихся въ нихъ предметовъ, въ подготовкѣ людей, которые, сверхъ спеціальнаго знанія по еврейской письменности, обладали бы и познаніями общими и могли бы съ пользою прилагать свои знанія къ жизни. При удовлетворительномъ устройствѣ этихъ заведеній, они могли бы современемъ вытѣснить ешиботы. При учреждени этихъ училищъ, правительство полагало возможнымъ достигнуть примиренія потребностей массы съ потребностями правительства въ лицѣ оканчивающаго это училище раввина. Сообразно съ этимъ, раввинъ соединялъ въ себѣ всѣ функціи религіознаго толкователя законовъ и правительственнаго чиновника. Но первыя функціи были ему не по силамъ, потому что для исполненія ихъ ему недоставало ни знаній, ни религіознаго авторитета, а вслѣдствіе этого функціи эти по прежнему отправлялись даіонами, къ которымъ евреи питали въ отношени религіозномъ гораздо больше довѣрія, чѣмъ къ раввинамъ, получившимъ свѣтское воспитаніе,—правительственные раввины оставались въ роли чиновниковъ только, безъ нравственнаго вліянія на массу. Но присвоенная этимъ раввинамъ по закону власть, благодаря которой они, во всякую данную минуту, могли пріостановить отправленіе функцій даіоновъ, ставила ихъ во враждебныя отношенія къ представителямъ религіозныхъ интересовъ, а чрезъ нихъ, посредствен-

но, въ глазахъ народа и къ самой религіи. Проявленіе этого антагонизма въ дѣйствительной жизни устранялось тѣмъ только, что раввинъ не обладалъ всѣми нужными свѣдѣніями для разрѣшенія религіозныхъ вопросовъ, для исполненія обязанностей, возложенныхъ на него закономъ,—и въ этомъ незнаніи новыхъ раввиновъ лежала непреодолимая сила даіоновъ. Съ другой стороны, раввины, будучи правительственными контролерами различныхъ сферъ религіозной жизни еврейской общины, все-таки держали въ страхѣ представителей религіозной общины. Такимъ образомъ, сила даіоновъ, стоявшая на народной почвѣ и основанная на невѣжествѣ раввиновъ, и страхъ, навѣянный раввиномъ, какъ представителемъ правительственной власти, уравновѣшивались взаимно,—и раввины играли двойственную роль представителя религіи и правительства, не будучи въ сущности ни тѣмъ, ни другимъ. Оставался одинъ исходъ: чтобы раввины оказывали вліяніе на массу, оставляя въ сторонѣ свою двойственную роль и опираясь на свои личныя качества и умственныя силы. Но тѣ изъ раввинистовъ, которые имѣли въ запасѣ и то, и другое, хорошо понимая, что ожидало ихъ въ будущемъ, удалялись въ университеты, надѣясь на то, что они въ состояніи будутъ вліять впослѣдствіи на общество не въ качествѣ раввиновъ-чиновниковъ, а въ качествѣ гражданъ. Оставшіеся же на поприщѣ раввинскомъ, не имѣя силъ и способностей для исполненія своихъ оффиціальныхъ обязанностей, вмѣстѣ съ тѣмъ не получали достаточной подготовки и для созданія себѣ авторитета внѣ ихъ обязанностей. Учители раввинскихъ училищъ обладали обширными познаніями по части еврейской литературы, древней и новой, но имъ недоставало высшаго образованія въ соотвѣтствующей сферѣ общей науки и они не могли подняться до высшаго научнаго развитія. Учителя и нѣкоторые изъ болѣе даровитыхъ учениковъ вмѣстѣ рылись въ грудахъ разбросаннаго, необработаннаго матеріала еврейскаго знанія и не только не были въ состояніи вдох-

нуть въ него жизнь, но и не умѣли надлежащимъ образомъ оцѣнить значенiе его. Еврейская наука, широко развивавшаяся въ то время въ Западной Европѣ подъ влiянiемъ даровитѣйшихъ представителей ея: Франкеля, Гейгера, Цунца и друг., была областью, невѣдомою для раввинистовъ. Къ нимъ доходили иногда глухiе отголоски ея, но они считали это дѣломъ для себя недосягаемымъ, и имѣли какое-то смутное представленiе объ этой на новый ладъ разрабатываемой еврейской наукѣ, точно такое же, какое Европа XV столѣтiя имѣла объ Америкѣ при первыхъ слухахъ объ ея открытiи. Имѣй раввинисты свѣдѣнiя по еврейской наукѣ въ стѣнахъ училища и ознакомься они съ ними въ достаточной степени, они могли бы создать себѣ такой же авторитетъ, какой создали себѣ многiе раввины въ Западной Европѣ. Ко времени первыхъ выпусковъ изъ раввинскихъ училищъ среди еврейскихъ общинъ было много и такихъ, которыя обнаруживали признаки новой жизни и ожидали людей со свѣжими силами; но что могло выйти изъ этихъ ожиданiй, когда жаждавшiе свѣта науки и руководства оказались болѣе знающими, чѣмъ раввинисты, вѣдь многiе изъ нихъ были знакомы, по крайней мѣрѣ, съ общею нѣмецкою литературою, которой раввинисты не знали. Были, конечно, и исключенiя среди раввинистовъ, но мы говоримъ объ общемъ явленiи. Оторванные, такимъ образомъ, какъ отъ ортодоксальнаго, такъ и отъ прогрессивнаго элемента еврейства, раввинисты спустились на степень людей канцелярiи, опытныхъ въ дѣлѣ веденiя метрическихъ книгъ, и, какъ таковые, они, конечно, не могли производить никакого влiянiя на общество. Мы не можемъ винить раввинистовъ въ этомъ и не винимъ ихъ; но мы указываемъ на фактъ, на источникъ, которому онъ обязанъ своимъ происхожденiемъ, и на необходимость измѣнить указанное положенiе вещей.

Правительство закрыло раввинскiя училища, оставивъ, однако, въ силѣ нынѣ дѣйствующiе законы о раввинахъ. Не

значитъ-ли это, что правительство предоставляетъ самимъ евреямъ заботу объ организаціи и устройствѣ раввинства? не значитъ-ли это, что правительство сознаетъ, что евреи сами могутъ удобнѣе устроить дѣло, близко касающееся ихъ интересовъ въ религіозномъ отношеніи? Но если общественной инициативѣ предоставлено устройство своего религіознаго представительства, то она должна прежде всего взяться за устройство такихъ общественныхъ школъ, которыя наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ могли бы удовлетворять существующимъ потребностямъ.

Потребности эти двоякія: съ одной стороны, масса нуждается въ религіозномъ представительствѣ. Доколѣ эта масса существуетъ, какъ отдѣльное племя со своими традиціями, со своими вѣковымъ религіозными воззрѣніями, государственно-общественный интересъ требуетъ, чтобы эти религіозныя потребности находили себѣ удовлетвореніе въ такихъ людяхъ, которые могутъ удовлетворять этимъ интересамъ. Съ другой стороны, если образованное русское еврейство желаетъ довести само себя и меньшую братію до самосознанія, оно должно стремиться къ ознакомленію съ историческою жизнію своего народа въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Самосознаніе отнюдь не способствуетъ обособленію, а, напротивъ, содѣйствуетъ примиренію національностей. Изученіе различныхъ историческихъ періодовъ развитія народовъ несомнѣнно убѣждаетъ въ томъ, что, при всей исключительности условій природы, народно-экономической жизни и др., фазисы этого развитія подчиняются общимъ, объединяющимъ частныя явленія законамъ. Вотъ почему изученіе всего, что составляетъ историческое достояніе народа, ближе уясняетъ общія основанія его развитія и гораздо болѣе сближаетъ его съ остальнымъ человѣчествомъ, чѣмъ разъединяетъ. Только при такомъ изученіи выступаетъ истинный характеръ частностей, играющихъ роль обособляющихъ элементовъ въ народной жизни. Изучая въ связи съ общими законами развитія исторію какого бы то ни было народа, лег-

ко убѣдиться въ томъ, что самыя частности, получающія, подъ вліяніемъ невѣжества только, острый, обособляющій характеръ, составляютъ въ свою очередь результатъ болѣе общихъ законовъ развитія различныхъ сторонъ жизни человѣчества. Сравнительный способъ изученія исторической жизни народовъ, оставляющій въ сторонѣ всякое пристрастіе и предвзятость взглядовъ,—это единственный путь къ примиренію народностей. Познаніе общихъ законовъ развитія немыслимо безъ полнаго знакомства съ жизнью отдѣльныхъ народовъ, и съ этой точки зрѣнія стремленіе къ самосознанію слѣдуетъ считать не результатомъ національнаго пристрастія, а желаніемъ уяснить себѣ роль данной народности въ развитіи общечеловѣческой культуры. Кромѣ того, всестороннее выясненіе, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, отдѣльныхъ сторонъ жизни какой бы то ни было народности вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ къ уясненію самой сущности общечеловѣческой культуры, ибо насколько цѣлое важно для отдѣльныхъ частей, его составляющихъ, настолько, въ смыслѣ органическаго развитія, и часть имѣетъ важное значеніе для цѣлаго. Весьма часто еврейскіе ученые, изучая свою спеціальность, наталкиваются на болѣе общіе вопросы, приходящіе съ нею въ соприкосновеніе, и превращаютъ ихъ въ предметъ своихъ изслѣдованій; съ другой стороны, и не еврейскіе ученые, сталкиваясь по своей спеціальности болѣе общаго характера съ нѣкоторыми отраслями еврейскаго знанія, заинтересовываются ими въ такой степени, что посвящаютъ имъ спеціальные труды. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что только люди, идущіе мимо жизненныхъ явленій, люди, погрязшіе въ предразсудкахъ и не поднимающіеся выше уровня частностей, могутъ не придавать значенія указанному выше взаимодѣйствію частей и цѣлаго. Люди же, ищущіе истины въ жизни и ея явленіяхъ, свободные отъ предразсудковъ и стоящіе на высотѣ общихъ началъ и принциповъ, не могутъ не признавать въ указанномъ научномъ взаимодѣйствіи одного изъ великихъ средствъ къ примиренію народовъ. Это дока-

зано еврейскою наукою, пустившею глубокіе корни въ Германіи и Австріи и распространившею въ самыхъ различныхъ кругахъ общества свѣдѣнія, касающіяся исторической и современной жизни евреевъ. Такіе результаты достигнуты существующими тамъ раввинскими семинаріями и еврейскими факультетами при университетахъ, которые подготовляютъ ежегодно будущихъ людей науки, достигающихъ высокаго общественнаго положенія и пользующихся высокимъ авторитетомъ въ томъ обществѣ, гдѣ имъ приходится жить и дѣйствовать. Разработка еврейской науки въ этихъ странахъ принесла обильные плоды и значительно содѣйствовала искорененію предразсудковъ и устраненію національной розни.

IV.

У насъ въ Россіи не только ученые изъ не-евреевъ незнакомы съ исторіей и современнымъ бытомъ евреевъ, но и сами евреи не знаютъ своего историческаго прошлаго и не имѣютъ подчасъ никакихъ элементарныхъ свѣдѣній даже обо всемъ томъ, что составляетъ достояніе евреевъ въ религіи, литературѣ и наукѣ. Русскіе ученые, въ числѣ двухъ или трехъ, изучили историческое развитіе постановленій русскаго законодательства о евреяхъ и сдѣлали нѣкоторыя попытки къ уясненію того, какъ русскій народъ относился къ евреямъ въ исторіи и поэзіи, напечатали нѣсколько пѣсенъ и сказаній, относящихся къ евреямъ, и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ въ своихъ учебникахъ, предназначенныхъ для молодежи, получающей высшее образованіе въ университетахъ, излагаютъ свѣдѣнія о русскихъ евреяхъ по книгѣ кагала Брафмана, т. е. по выводамъ, сдѣланнымъ этимъ послѣднимъ изъ собранныхъ имъ актовъ конца XVIII столѣтія, причемъ эти выводы не провѣрены по матеріалу, изъ котораго они извлечены, и не произведена критическая оцѣнка ни выводовъ Брафмана, ни заключающихся въ книгѣ его данныхъ, безспорно имѣю-

щихъ историческое значеніе. Другіе русскіе ученые, касаясь въ своихъ лекціяхъ еврейскаго права, доставляютъ слушателямъ своимъ свѣдѣнія объ этой области знанія по энциклопедическимъ трудамъ иностранныхъ ученыхъ, представляющихся крайне поверхностными, или же вовсе отказываются отъ сообщенія хотя бы поверхностныхъ свѣдѣній своимъ слушателямъ будто бы изъ уваженія къ стѣнамъ аудиторіи и нежеланія осквернить ее нечистоплотностью опредѣленій еврейскаго права. Что же касается русскихъ евреевъ, то между ними нѣтъ людей, которые по профессіи своей обязаны были бы спеціально заниматься еврейскою наукой. Есть одинъ только ученый, А. Я. Гаркави, который доказалъ несомнѣнную ученость свою по еврейской наукѣ; но труды его отличаются спеціальнымъ характеромъ да притомъ одна ласточка весны не дѣлаетъ, и одинъ А. Я. Гаркави не въ состояніи выносить на своихъ плечахъ всей еврейской науки, во всей ея широтѣ. Необходимо, слѣдовательно, создать центръ, около котораго группировалось бы все, что желаетъ посвятить себя служенію еврейской наукѣ; необходимо сдѣлать то, что дѣлаютъ иностранные евреи, сосредоточивая свои научныя силы вокругъ семинарій и факультетовъ, изъ которыхъ ежегодно выходятъ на свѣтъ Божій цѣлыя монографіи по различнымъ областямъ еврейской науки, въ то время какъ у насъ,— къ стыду же нашему, слѣдуетъ прибавить, — нѣтъ до сихъ поръ ни одного сочиненія по исторіи евреевъ вообще и русскихъ евреевъ въ особенности.

Починъ и въ этомъ дѣлѣ выпадаетъ теперь на долю Одессы. Здѣсь, при назначеніи въ смѣтѣ по коробочному сбору расходной статьи на содержаніе мѣстнаго ешибота, уже возбужденъ былъ вопросъ о необходимости преобразованія его въ семинарію. Мысль встрѣчена была сочувственно всѣми лицами, участвовавшими въ распредѣленіи суммъ коробочнаго сбора, и имѣлось въ виду избрать коммисію для разработки этой мысли и общаго плана такой семинаріи. Нѣтъ сомнѣнія, что

въ Одессѣ наиболѣе благодатная почва для такого учрежденія: здѣсь найдутся и дѣятели, и средства, и, можетъ быть, удастся провести въ жизнь на югѣ Россіи то, что составляетъ въ настоящее время завѣтное желаніе образованной части всего русскаго еврейства. Но не одна Одесса должна идти по этому пути. Всѣ существующіе въ Россіи ешиботы могли бы быть закрыты, и средства, затрачиваемыя нынѣ на нихъ, были бы совершенно достаточны для содержанія двухъ семинарій—одной въ сѣверо-западномъ, а другой въ юго-западномъ краѣ, вмѣсто двухъ закрытыхъ нынѣ раввинскихъ училищъ. Взамѣнъ мертвой схоластики мы получили бы живое слово науки; вмѣсто людей безъ вліянія и практическаго смысла мы получили бы полезныхъ и ревностныхъ дѣятелей; вмѣсто разбросанныхъ по разнымъ угламъ Россіи ешиботовъ, мы получили бы крупные центры, около которыхъ сосредоточивались бы лучшія и даровитѣйшія силы русскаго еврейства. Неужели на сѣверо-западѣ и юго-западѣ нѣтъ между евреями людей иниціативы, которые могли бы вызвать среди еврейскихъ обществъ соревнованіе къ осуществленію этой мысли и такимъ образомъ положить начало хорошему дѣлу.

Подобныя стремленія со стороны русскихъ евреевъ вызвали бы симпатію и въ правительственныхъ сферахъ. Прежде всего, правительство убѣдилось бы, что общество по собственной инициативѣ идетъ ему на встрѣчу и принимаетъ на себя работу по дѣлу, которое правительство желало, но не могло провести въ жизнь. Съ другой стороны, учрежденіемъ семинарій, которыя гораздо удобнѣе и легче подчинить контролю учебнаго вѣдомства, чѣмъ нынѣ существующіе ешиботы, будетъ положенъ конецъ этимъ послѣднимъ, пользующимся не особенно хорошею репутаціею въ правительственныхъ сферахъ. Независимо отъ всего сказаннаго, правительство будетъ разъ на всегда избавлено отъ тяжелой необходимости, въ случаяхъ, вызываемыхъ государственными соображеніями, пользоваться услугами единичныхъ силъ и такихъ людей, которые, разы-

грывая въ дѣлѣ еврейскаго знанія роль авгуровъ, въ сущности болѣе промышляли своимъ положеніемъ, чѣмъ приносили пользу правительству и тому дѣлу, которому они должны были служить. Если въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и изслѣдованіяхъ будетъ разработанъ весь матеріалъ, относящійся къ исторіи, литературѣ, семейному и соціальному быту евреевъ, правительство всегда будетъ имѣть возможность знакомиться по нимъ съ интересующими его вопросами и провѣрять обнародованный матеріалъ помощью самостоятельнаго изученія источниковъ, откуда онъ заимствованъ, или же путемъ болѣе близкаго изслѣдованія явленій соціально-бытовой жизни евреевъ, и приходитъ самому къ болѣе или менѣе вѣрнымъ заключеніямъ по интересующимъ его предметамъ. И въ настоящее время правительство прибѣгаетъ къ такому способу изслѣдованія, но результаты оказываются не вполнѣ удовлетворительными. Тѣ лица, которымъ поручается изслѣдованіе извѣстныхъ вопросовъ, касающихся евреевъ, обыкновенно не знаютъ какъ приступить къ дѣлу, потому что они, до даннаго имъ порученія, не имѣли рѣшительно никакого понятія о предметѣ, подлежащемъ ихъ изслѣдованію. Отсюда неизбѣжно одно послѣдствіе: разработка предмета всецѣло зависитъ отъ того матеріала, который доставляется имъ тою, или другою услужливою рукой. Результатомъ этихъ работъ въ концѣ концовъ бываетъ обыкновенно то, что правительство получаетъ въ нѣсколько очищенномъ видѣ все то, что оно ни желало бы получить изъ рукъ лицъ, безпристрастію которыхъ оно не довѣряетъ. Вся разница состоитъ въ характерѣ и названіяхъ источниковъ: первоначальные источники замѣняются источниками второстепеннаго свойства и дѣло отъ этого нисколько не выигрываетъ. Всѣ записки составляются обыкновенно по одному шаблону: краткое изложеніе исторической жизни евреевъ по указаннымъ источникамъ, — изложеніе, въ которомъ факты собраны механически, безъ всякой органической связи и внутренней оцѣнки; затѣмъ идетъ указа-

ніе на соціальное положеніе евреевъ въ западной Европѣ, сдѣланное по двумъ, тремъ книжицамъ, авторы которыхъ враждебно расположены къ евреямъ, и гдѣ нужно—историческій очеркъ постановленій русскаго законодательства о евреяхъ, представленный въ извѣстномъ духѣ, а въ заключеніи извлеченныя изъ книги Брафмана тирады о замкнутости евреевъ въ томъ смыслѣ, что они являются корпорацiей, дѣйствующей подпольными средствами. Все сіе приправлено обыкновенно патріотическими вздохами о судьбѣ страны, которая должна заниматься исправленіемъ неисправимыхъ гражданъ. Просто жаль становится за безплодные труды, потраченные на то единственно, чтобы констатировать безвыходное положеніе государства и населенія, среди котораго поселились пришельцы съ эксплуататорскими инстинктами. Съ такими безнадежными выводами мы никогда до конца не дойдемъ въ еврейскомъ вопросѣ, и своеобразность характера этого вопроса исчезнетъ только тогда, когда возникнетъ учрежденіе, въ которомъ будетъ сосредоточена разработка еврейской науки въ обширномъ смыслѣ этого слова и когда изъ разницы въ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ на извѣстные вопросы можно будетъ путемъ самостоятельной провѣрки добраться до истины всякому, кто въ достиженіи ея заинтересованъ.

Мы помнимъ еще то время, когда одно названіе «еврейской науки» вселяло страхъ нѣкоторымъ наивнымъ дѣятелямъ, представлявшимъ себѣ ее въ образѣ какого-то страшнаго чудовища, въ которомъ систематизированы начала, управляющія жизнью подпольной корпораціи, именуемой евреями. Въ настоящее время это представленіе исчезло и въ правительственныхъ сферахъ знаютъ, что обращеніе къ источникамъ, обнародованнымъ въ иностранныхъ государствахъ представителями еврейской науки, значительно облегчаетъ изученіе еврейскаго вопроса. Всѣ сознаютъ теперь, что только по сочиненіямъ такихъ авторовъ, которые свободно избираютъ себѣ тему для изслѣдованія, а не по заказнымъ и направленнымъ къ опре-

дѣленной предвзятой цѣли, можно изучить дѣйствительную сущность духа и настроенія того общества, которымъ интересуются. Поэтому учрежденіе двухъ или трехъ центровъ во всей Россіи для разработки еврейской науки вызоветъ полное сочувствіе правительства, которое, принявъ ихъ подъ свой контроль, будетъ регулировать и направлять общественную иниціативу къ достиженію общественно-государственныхъ цѣлей.

Раскрывъ характеристическія основныя черты существующихъ въ настоящее время у евреевъ общественныхъ школъ, а также ихъ существенные недостатки, мы вмѣстѣ съ тѣмъ выяснили необходимость предстоящаго преобразованія этихъ школъ,—необходимость, вызываемую современными условіями общественной жизни евреевъ. Мы не исчерпали, конечно, поднятаго вопроса, но мы его поставили, надѣясь дать ходу развитія его толчокъ въ опредѣленномъ направленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать болѣе полную разработку его со стороны тѣхъ немногихъ, но честныхъ практическихъ дѣятелей, которые искренно думаютъ о благѣ евреевъ и которые готовы потратить трудъ и энергію не на слова только, а на полезное дѣло, на то, чтобы вызвать къ жизни все, что требуется интересами народа,—интересами, непротивными интересамъ государства и общечеловѣческимъ. Если эти немногіе безкорыстные практическіе дѣятели, которые не наживаются на счетъ общественныхъ суммъ и не ожидаютъ отъ своей общественной дѣятельности никакихъ личныхъ для себя выгодъ, ставя выше всего благо своего народа; если эти люди дружно возьмутся за дѣло, то нѣтъ сомнѣнія, что оно осуществится и увѣнчается успѣхомъ. Будемъ ждать и надѣяться, что наша вѣра въ силы этихъ немногихъ имѣетъ достаточное основаніе.

КОРОБОЧНЫЙ СБОРЪ.

I.

Значеніе коробочнаго сбора для еврейскаго вопроса.—Отношеніе къ нему русской журналистики.—Краткій очеркъ положеній о коробочномъ сборѣ по нашему законодательству.—Три группы предметовъ коробочнаго сбора и значеніе ихъ для прошлой, современной и грядущей жизни русскихъ евреевъ.

Въ нѣсколькихъ строкахъ одной изъ статей свода законовъ, частности которой развиты въ заброшенномъ гдѣ-то приложеніи, содержится установленіе особаго съ евреевъ сбора, въ которомъ, на нашъ взглядъ, до настоящаго времени заключается центръ тяжести такъ называемаго еврейскаго вопроса. Не только русское, но и еврейское общество очень мало знакомо съ существеннымъ характеромъ этого сбора, въ особенности же съ историческими моментами его развитія, между тѣмъ какъ это единственное, быть можетъ, установленіе, въ которомъ рельефно выступаетъ картина борьбы—съ одной стороны правительства съ нищетою цѣлаго класса населенія, а съ другой—еврейскихъ обществъ съ своими членами, въ средѣ которыхъ происходятъ подчасъ серьезныя смуты и волненія. Независимо отъ этихъ явленій, сборъ этотъ узаконилъ для еврейскихъ обществъ обязанность, источникъ которой коренится въ началѣ среднихъ вѣковъ, но сохраненную до настоящаго времени какъ легатъ, доставшійся русскому правительству послѣ политической смерти католическихъ монастырей присоединенныхъ къ Россіи западныхъ губерній. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ правительство серьезно имѣло въ виду про-

15

извести измѣненія въ специальномъ съ евреевъ сборѣ и учредило особую Коммиссію для пересмотра существующаго о немъ положенія; но, къ сожалѣнію, труды Коммиссіи по этому предмету не привели ни къ какимъ результатамъ, и весь матеріалъ, ею разработанный, остался, такимъ образомъ, никому не извѣстнымъ. Восполнить этотъ пробѣлъ могла бы русская журналистика; но она въ еврейскомъ вопросѣ дальше общихъ выраженій и разъ установленнаго односторонняго направленія не идетъ: углубляться въ серьезное изученіе гражданско-общественной жизни евреевъ—не ея дѣло. Одинъ только «Кіевлянинъ», наталкиваясь ежедневно на тѣ или другія явленія общественной жизни различныхъ національностей, населяющихъ юго-западный край, довольно серьезно разработалъ вопросъ о коробочномъ сборѣ, но конечно не безъ примѣси своего особеннаго запаха.

По нашему закону, кромѣ всѣхъ податей и сборовъ, которые взимаются съ евреевъ по состояніямъ городскихъ и сельскихъ обывателей, для нихъ установленъ еще особый сборъ, подъ названіемъ *коробочнаго* или *кружечнаго*. Онъ предназначается на общественныя потребности евреевъ, какъ напримѣръ на облегченіе средствъ къ бездоимочному взносу *податей* и исправному отбыванію *повинностей*, на уплату *общественныхъ долговъ*, на учрежденіе и содержаніе училищъ, на пособія евреямъ, поступающимъ въ земледѣльцы, и на предметы *общественнаго призрѣнія и благотворительности*.

По предметамъ и способамъ взиманія коробочный сборъ раздѣляется на общій, или повсемѣстный, и на частный, или вспомогательный, которые равно обязательны для еврейскихъ обществъ.

Общему сбору подлежатъ убой скота и рѣзаніе птицъ на кашеръ и продажа каширнаго мяса.

Вспомогательному сбору подлежитъ извѣстный процентъ: 1) съ доходовъ отъ найма принадлежащаго евреямъ недвижимаго имущества; 2) съ промышленности евреевъ въ различныхъ

видахъ; 3) съ денежныхъ капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ—и 4) сборъ за ношеніе еврейскаго платья.

Для установленія таксы съ предметовъ, обложенныхъ коробочнымъ сборомъ, городскія учрежденія, которымъ подвѣдомственны хозяйственныя дѣла евреевъ, по совѣщаніи съ зажиточными и осѣдлыми членами еврейскаго общества, составляютъ на четырехлѣтіе смету расходамъ, необходимымъ на удовлетвореніе общественнымъ надобностямъ, и табель тѣмъ изъ означенныхъ выше предметовъ еврейской кружки, которые предполагаются обложить коробочнымъ сборомъ. Затѣмъ, по соображеніи дѣйствительныхъ средствъ и надобностей еврейскихъ обществъ, составляется въ томъ же порядкѣ такса на каждый предметъ коробочнаго сбора и выводится общее соображеніе о количествѣ ожидаемыхъ доходовъ.

Для соблюденія же, при установленіи таксы, извѣстной уравнительности, принимается во вниманіе съ одной стороны количество еврейскаго населенія и степень его достаточности, а съ другой количество имѣющихся въ виду расходовъ. Въ этомъ отношеніи еврейскія общества каждой губерніи распредѣляются на группы по числу душъ не ревизскаго, а дѣйствительнаго населенія, съ которымъ прямо пропорціонально идетъ и размѣръ таксы съ общаго и процентовъ со вспомогательнаго коробочнаго сбора.

Способъ взиманія установленъ различный для общаго и вспомогательнаго сбора: первый отдается въ откупное содержаніе, а второй взимается непосредственно съ тѣхъ евреевъ, которые ему подлежатъ.

Коробочный сборъ каждаго еврейскаго общества отдается въ откупное содержаніе на 4 года, при чемъ въ отступленіе отъ общихъ правилъ о залогахъ, представляемыхъ въ обезпеченіе обязательствъ частныхъ лицъ съ казною, откупщикамъ дѣлаются различныя облегченія, каковы напримѣръ представленіе въ залогъ каменныхъ домовъ, находящихся въ мѣстечкахъ, и даже деревянныхъ домовъ и лавокъ, или же совер-

15*

шенное освобожденіе отъ залога подъ условіемъ представленія поручительства третьей части еврейскаго общества, которому принадлежитъ отдаваемый въ откупъ сборъ, и другія облегченія. Кромѣ того, въ охраненіе интересовъ откупщика, предоставляется ему право надзора надъ *неутайкою* евреями сбора и взиманіемъ пошлинъ съ предметовъ, привозимыхъ изъ другаго коробочнаго района въ его откупную черту, и въ этомъ отношеніи полиціи вмѣняется въ обязанность оказывать откупщикамъ законное содѣйствіе. Откупщики же обязаны не дѣлать никакого стѣсненія евреямъ подъ видомъ надзора за коробочнымъ сборомъ и заботиться о томъ, чтобы городскіе жители изъ христіанъ (въ западныхъ лишь губерніяхъ) не имѣли недостатка въ трефномъ мясѣ, а въ случаѣ нарушенія этихъ обязанностей, подвергаются денежному штрафу каждый разъ въ болѣе возвышенномъ размѣрѣ, который въ пятый разъ доходитъ до 25 руб. Всѣ жалобы на неправильныя дѣйствія откупщиковъ разбираются въ полиціи, и лишь губернское правленіе можетъ обратить дѣло къ судебному порядку.

Къ этой характеристикѣ остается еще добавить, что при извѣстныхъ условіяхъ изъ коробочнаго сбора удовлетворяются также обязательства еврейскихъ обществъ, имѣющія свое основаніе въ вотчинномъ правѣ владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ западной Россіи *.

Изъ сдѣланнаго очерка видно, что предметы, удовлетворяемые изъ суммъ коробочныхъ сборовъ, составляютъ главнымъ образомъ три группы: 1) долги еврейскихъ обществъ, 2) государственныя подати и повинности и 3) еврейскія общественныя надобности.

Каждая изъ этихъ группъ представляетъ немаловажный интересъ для судьбы еврейскихъ обществъ. Первая группа характеризуетъ разсчетъ еврейскихъ обществъ съ тою *историческою* ихъ жизнію, которая въ душѣ каждаго, сознательно

* Приложеніе къ ст. 281 Т. V Св. законовъ.

относящагося къ своей народности, еврея вызываетъ одни лишь мрачныя воспоминанія.—Вторая обнимаетъ *современныя* отношенія государства къ милліонной массѣ населенія, оправдываемыя взглядомъ на необходимость удержанія общественной формы, въ основаніи которой лежитъ круговая отвѣтственность евреевъ въ уплатѣ податей и повинностей.

Третья выражаетъ собою обособленность внутренняго быта евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ взоры каждаго мыслящаго человѣка на будущее съ тревожнымъ вопросомъ: что въ немъ скрывается для еврея?—Чрезъ всѣ же группы, вмѣстѣ взятыя, проходитъ одна основная, довольно поучительная мысль, что жизнь еврейскихъ обществъ такъ тѣсно и продолжительно соединяетъ въ себѣ самое отдаленное прошлое съ самымъ далекимъ будущимъ, что въ ней очень рѣдко встрѣчается рѣзко отдѣляющіеся другъ отъ друга историческіе моменты. Поэтому не лишено будетъ интереса уясненіе себѣ хоть сколько нибудь того, въ какомъ порядкѣ постепенно расширялся кругъ предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ средствъ такъ называемой, выражаясь языкомъ нашего закона, еврейской коробки.

II.

Историческій ходъ постепеннаго развитія трехъ группъ предметовъ коробочнаго сбора.—Источники нашего законодательства и «Книги Кагала» г. Брафмана по этому предмету.

Нѣтъ сомнѣнія, что до присоединенія западныхъ губерній къ Россіи еврейскія общества должны были выдерживать тяжелую борьбу съ предразсудками той среды, въ которой имъ приходилось стоять на стражѣ своихъ правъ. Это доказывается тѣмъ, что въ отношеніи къ евреямъ долго не примѣнялись общіе принципы справедливости и что человѣческія права ихъ каждый разъ должны были защищаться особыми граматами и привилегіями польскихъ королей, которыя, вслѣдствіе постоянныхъ нарушеній, должны были подтверждаться въ

теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Евреи долго носились съ этими граматами и доказывали, что въ силу ихъ они имѣютъ право на неприкосновенность прирожденныхъ имъ человѣческихъ правъ. Къ этому времени, въ которомъ господствовала хаотическая смѣсь различныхъ народныхъ правъ и въ которое вдобавокъ евреи всѣми сторонами своей жизни разсматривались какъ одна сплошная религіозная единица и были, поэтому, предоставлены въ полное распоряженіе католическаго духовенства, — къ этому золотому времени относится образованіе большей части еврейскихъ долговъ католическимъ монастырямъ, о происхожденіи которыхъ мы скажемъ ниже, и которые удовлетворялись общими средствами еврейскихъ обществъ. Затѣмъ, съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи, правительство того времени, предоставляя еврейскія общества самимъ себѣ, позаботилось лишь объ установленіи обезпечительныхъ способовъ взиманія съ евреевъ податей и повинностей. Но убѣдившись вмѣстѣ съ тѣмъ, что учрежденный евреями коробочный сборъ служитъ достаточною гарантіею въ уплатѣ долговъ еврейскихъ обществъ, правительсто впослѣдствіи подчинило этотъ сборъ своему контролю и внесло въ статьи его расходъ на удовлетвореніе государственныхъ податей и повинностей и долго смотрѣло само на эти статьи какъ на добавочныя: ибо законодательство наше признавало преимущественное право на удовлетвореніе изъ коробочнаго сбора за общественными долгами, а затѣмъ лишь обращало остатки на удовлетвореніе податей и повинностей. Естественно, что еврейскія общества должны были сдѣлать послѣдній шагъ въ этомъ дѣлѣ и ходатайствовать объ удовлетвореніи изъ суммъ коробочнаго сбора и прочихъ общественныхъ потребностей. Этотъ шагъ совершенно оправдывается съ одной стороны тѣмъ, что, употребляя всѣ мѣры, чтобы изъ кровныхъ народныхъ средствъ удовлетворить долги и подати, еврейскія общества имѣли полное право желать, чтобы и ихъ насущныя потребности удовлетворялись изъ тѣхъ же срэдствъ; а съ другой—тѣмъ, что при обязан-

ности, возложенной на нихъ закономъ, какъ на отдѣльное городское сословіе, содержать всѣ свои заведенія благотворительности и общественнаго призрѣнія, еврейскія общества, подобно католическимъ монастырямъ и правительству, стали смотрѣть съ ихъ же точки зрѣнія на коробочный сборъ, т. е. какъ на обезпечительный способъ удовлетворенія потребностей, тѣмъ болѣе, что по закону кагалы отвѣчали предъ правительствомъ за исполненіе закона по отношенію къ хозяйственнымъ интересамъ еврейскихъ обществъ, а тѣ въ возложеніи на коробочный сборъ удовлетворенія общественныхъ надобностей евреевъ видѣли полную возможность сложить свою отвѣтственность на круговую поруку еврейскихъ обществъ.

Высказанный здѣсь взглядъ вполнѣ подтверждается историческимъ обзоромъ постановленій о коробочномъ сборѣ.

Въ полномъ собраніи законовъ до 1-й четверти XIX ст. сохранилось очень мало слѣдовъ о коробочномъ сборѣ. Извѣстны только постановленія объ учрежденіи кагаловъ и обложеніи евреевъ поголовною податью *, ходатайства евреевъ о расчисленіи на части лежащихъ на нихъ долговъ ** и установленіе въ 1818 г. порядка надзора за взиманіемъ коробочнаго сбора †. Но изъ всѣхъ этихъ постановленій нельзя уяснить себѣ, какіе именно предметы удовлетворялись изъ коробочнаго сбора, хотя повидимому коробочнымъ сборомъ покрывались одни лишь долги, ибо въ 1807 г. было даже предположеніе, по уплатѣ всѣхъ долговъ, вовсе отмѣнить коробочный сборъ ††. Лишь въ 1828 г., вслѣдствіе возникшаго въ общемъ собраніи Правительсствующаго Сената разногласія, государственный совѣтъ поставилъ къ разрѣшенію вопросъ: «*на уплату ли состоящихъ на еврейскихъ обществахъ долговъ, или на платежъ казенныхъ податей и недоимокъ обращать коро-*

* П. С. З. Т. XX. № 14,522.

** П. С. З. Т. XXII. № 16,391.

† В. П. С. З. Т. I, № 334.

†† Кіевлянинъ, 1868 г., № 105.

бочные еврейскіе сборы?» и постановилъ слѣдующія правила для всѣхъ губерній, въ которыхъ существуетъ коробочный сборъ: 1) *преимущественно* уплачивать изъ коробочнаго сбора проценты на долги безсрочные, а по долгамъ срочнымъ проценты и часть капитала, сколько слѣдуетъ. 2) За уплатою преимущественно процентовъ и части срочныхъ долговъ, обращать потомъ коробочный сборъ на уплату казенныхъ податей за евреевъ *неимущихъ, умершихъ и въ неизвѣстныхъ отлучкахъ находящихся.* 3) Остатки коробочнаго сбора каждое общество можетъ обратить въ уплату податей и за прочихъ евреевъ, т. е. и за тѣхъ, кои въ состояніи платить сами собою подати. 4) Въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ вовсе нѣтъ еврейскихъ общественныхъ долговъ, весь коробочный сборъ обращать на платежъ казенныхъ податей *. Затѣмъ въ высочайше утвержденномъ 4 марта 1835 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта встрѣчается постановленіе, касающееся удовлетворенія долговъ по коробочному сбору Виленской губерніи. По силѣ опредѣленія ликвидаторскаго суда въ Вильнѣ 1793 г., безспорные долги должны быть уплачиваемы по мѣрѣ накопленія суммъ, для сего изъ коробочнаго сбора назначенныхъ; а потому поставлено виленскому губернскому правленію въ обязанность, чтобы по поступленіи упомянутыхъ денегъ въ приказъ общественнаго призрѣнія, были вызываемы для уплаты долговъ заимодавцы (въ томъ числѣ и духовенство) для пріема слѣдующихъ имъ суммъ **. Что же касается назначенія, даннаго самими евреями коробочному сбору, то на это мы имѣемъ два указанія: одно, косвенное, видно изъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 18 октября 1829 г., коимъ разрѣшено нѣкоторымъ губернскимъ правленіямъ производить изъ еврейскихъ коробочныхъ сборовъ расходы, относящіеся къ исполненію обрядовъ еврейскаго вѣроисповѣданія.

---

* В. П. С. З. Т. I. № 433.

** В. П. С. З. Т. X. № 7,919.

Необходимость удовлетворенія этихъ расходовъ изъ суммъ коробочнаго сбора подтверждается въ сказанномъ мнѣніи тѣмъ, что «безъ выдачи на сіи расходы части коробочныхъ сборовъ не является ко взятью ихъ на откупъ желающихъ» *. Второе, положительное, видно изъ актовъ, обнародованныхъ г. Брафманомъ въ «Книгѣ Кагала», гдѣ говорится, что минскій кагалъ въ 1795 г. вынужденъ былъ на чрезвычайномъ общемъ собраніи постановить объ учрежденіи коробочнаго сбора съ рѣзки скота «для покрытія *извѣстныхъ всѣмъ долговъ*, которые кагалъ долженъ уплатить монастырямъ (актъ № 9). Точно также къ концу XVIII столѣтія относится учрежденіе минскимъ кагаломъ коробочнаго сбора, съ цѣлью покрытія изъ него повинностей, и *трехгрошеваго налога на говядину* для уплаты государственныхъ податей (акты № 36 и 122). Объ этихъ сборахъ мы высказали слѣдующее въ статьѣ нашей «Кагалъ и учрежденія Магдебургскаго права» **: «Къ источникамъ доходовъ, предназначенныхъ для покрытія государственныхъ податей, кагальные представители относятся весьма серьезно: въ правилахъ о контролѣ доходовъ съ коробочнаго сбора и предупрежденія злоупотребленій постановляется, что коробочный сборъ назначается на покрытіе государственныхъ податей за всѣхъ жителей г. Минска, и при этомъ подъ строжайшимъ херимомъ воспрещается повѣреннымъ кагала употреблять хотя малѣйшую сумму, хотя бы полушку изъ этого сбора, даже въ пользу такихъ интересовъ, которые касаются евреевъ всего края. Весь этотъ налогъ долженъ быть обращенъ исключительно на государственныя подати» (актъ № 88 п. 5). Далѣе мы высказали въ той же статьѣ, что и этотъ взглядъ на источники покрытія государственныхъ податей проходитъ по всѣмъ актамъ кагала, такъ что, обезпечивая кредиторамъ своимъ долги всѣми своими доходами, кагалъ

---

* В. П. С. З. Т. IV, № 3,195.

** День, органъ русскихъ евреевъ, 1871 г., № 14.

всегда дѣлаетъ, однако, исключенiе относительео трехгрошоваго коробочнаго сбора, предназначеннаго для уплаты государственныхъ податей (актъ № 153), и во многихъ мѣстахъ считаетъ его доходомъ *неприкосновеннымъ*».

Такимъ образомъ очевидно, что и правительство и евреи смотрѣли первоначально на коробочные сборы, какъ на источникъ удовлетворенiя преимущественно долговъ и затѣмъ государственныхъ податей и повинностей; что къ концу XVIII столѣтiя евреи и не смѣли думать объ удовлетворенiи своихъ общественныхъ надобностей изъ коробочнаго сбора; что въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ 1829 г. уступку со стороны правительства въ отнесенiи на счетъ коробочныхъ сборовъ расходовъ, касающихся исполненiя обрядовъ еврейскаго вѣроисповѣданiя; что уступка эта была вынуждена, какъ мы видѣли выше, протестомъ со стороны евреевъ, выразившемся въ неявкѣ къ торгамъ на коробочный сборъ, когда между расходами, изъ него удовлетворяемыми, не были помѣщены расходы на исполненiе еврейскихъ обрядовъ. Затѣмъ слѣдуетъ заключить, что послѣ 1829 г. евреи постепенно хлопотали о расширенiи круга общественныхъ надобностей, удовлетворяемыхъ изъ коробочныхъ сборовъ, и въ положенiе о коробочномъ сборѣ 1839 г. впервые вошло въ наше законодательство постановленiе объ удовлетворенiи изъ коробки расходовъ на дѣла благотворительности, общественнаго образованiя и призрѣнiя. Но, воспользовавшись желанiемъ евреевъ объ удовлетворенiи изъ коробочнаго сбора общественныхъ ихъ потребоостей, правительство постепенно стало относить къ этимъ послѣднимъ потребности общаго государственнаго управленiя (содержанiе раввинской коммиссiи, ученыхъ евреевъ и т. п.), такъ что въ положенiе о коробочномъ сборѣ 1844 г. встрѣчаются уже нѣкоторыя изъ указанныхъ статей.

Изъ всего сказанъаго слѣдуетъ заключить, что первоначально сами евреи изыскивали способы къ удовлетворенiю долговъ и государственныхъ податей, и что затѣмъ правитель-

ство, узаконивъ существующій фнктъ, съ самаго начала смотрѣло на коробочный сборъ какъ на установленіе, не требуемое, а лишь допускаемое закономъ для пособія еврейскимъ обществамъ въ платежѣ долговъ и податей, а на самый сборъ, поступающій въ казну, не какъ на казенную подать, а какъ «на складку, взимаемую съ евреевъ по назначенію ихъ собственныхъ обществъ» (В. П. С. З. Т. XI, № 9,799). Этотъ взглядъ 1863 г. удержанъ по настоящее время въ положеніи о коробочномъ сборѣ, изъ котораго видно, что сборъ этотъ узаконяется какъ утвержденный незапамятною давностью въ средѣ нашихъ еврейскихъ обществъ, но онъ постепенно измѣняется подъ вліяніемъ четырехъ давностей, прошедшихъ съ 1839 г., въ теченіе которыхъ, подъ вліяніемъ строгаго административнаго контроля, перестали смотрѣть на коробочный сборъ какъ на обычай, установленный самими еврейскими обществами, и какъ на складку, взимаемую съ нихъ по ихъ собственному назначенію: инициатива по всѣмъ вопросамъ коробочнаго сбора принадлежитъ всецѣло администраціи, а за еврейскими обществами сохраненъ лишь голосъ совѣщательный при участіи городскихъ общественныхъ управленій.

III.

Первая группа—*Общественные долги евреевъ.*—Значеніе этой группы по мнѣнію «Кіевлянина». — Источники происхожденія общественныхъ долговъ евреевъ.— Иностранные и русскіе источники по этому предмету. — Взглядъ на эти долги Высочайше учрежденной въ 1868 г. коммисіи для просмотра положеній о коробочномъ и свѣчномъ сборахъ съ евреевъ.

Познакомивъ читателя съ историческою частью нашего предмета, перейдемъ къ опредѣленію значенія и практическихъ послѣдствій каждой группы расходовъ, покрываемыхъ коробочнымъ сборомъ, въ отдѣльности.

Прежде всего обратимся къ такъ называемымъ *долгамъ* еврейскихъ обществъ. Они раздѣляются на долги безсрочные, кредиторами по которымъ преимущественно состоитъ католиче-

ское духовенство, и долги срочные. «Кіевлянинъ», разбирая вопросъ о коробочномъ сборѣ, очень мало останавливается на общественныхъ долгахъ евреевъ и, сознавая, какъ видно, неосновательность обремененія евреевъ долгами, происхожденіе которыхъ само по себѣ темно, онъ, однако, ограничивается лишь замѣчаніемъ, что за давностью времени нельзя провѣрить доказательствъ, а потому нѣтъ достаточнаго повода теперь отрицать ихъ основательность. Вообще же «Кіевлянинъ» полагаетъ, что коробочный сборъ, установленный первоначально для уплаты долговъ, впослѣдствіи получилъ совершенно другое назначеніе, а потому, на его взглядъ, весь вопросъ о долгахъ лишенъ практическаго значенія и имѣетъ лишь интересъ историческій. Другими словами, «Кіевлянинъ» смотритъ на долги какъ на историческій моментъ въ развитіи статей коробочнаго сбора, какъ «*на поводъ, давшій основаніе этому сбору*,—*не больше*». («Кіевлянинъ» 1868 г. № 105). Ни «Кіевлянинъ», единственный органъ, занимавшійся изслѣдованіемъ этого вопроса, ни коммисія 1858 г. имѣвшая своею задачею пересмотръ положенія о коробочномъ сборѣ, ничего не говорятъ о самомъ происхожденіи долговъ католическимъ монастырямъ. Поэтому мы считаемъ своимъ долгомъ доказать весьма важное практическое значеніе общественныхъ долговъ евреевъ и подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ и выяснить его указаніемъ на происхожденіе этихъ долговъ еврейскихъ обществъ въ провинціяхъ бывшей Польши, и на пріемы, которые духовенство употребило въ отношеніи къ евреямъ, и ссылками на источники, мало у насъ извѣстные, но которыми разъ у насъ пользовались въ «Кіевлянинѣ» поляки-ренегаты для опредѣленія политической миссіи одной еврейской секты, и на нѣкоторые намеки, сохранившіеся по этому поводу въ источникахъ нашего законодательства.

Въ 1870 году прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ палату депутатовъ проектъ объ уничтоженіи долговъ еврейскихъ общинъ бывшей польской провинціи Познанской. Кре-

диторами по этимъ долгамъ были католическіе монастыри. Въ одной корреспонденціи изъ Познани, помѣщенной въ «Zeitung des Judenthums» за 1869 г., говорится по поводу этихъ долговъ: «*Если въ старопольскія времена, вслѣдствіе обвиненія, выдуманнаго главнымъ образомъ іезуитами, начиналось преслѣдованіе евреевъ, то эти послѣдніе, доведенные до крайности, вынуждались для облегченія своей виновности къ выкупу въ формѣ долговыхъ обязательствъ на имя іезуитскихъ монастырей*». Объ источникѣ же происхожденія этихъ долговыхъ обязательствъ мы имѣемъ драгоцѣнный матеріалъ въ изслѣдованіи г. Вейля: «Къ *исторіи преслѣдованія евреевъ и кровавыхъ юбилеевъ*» *. Сочиненіе свое г. Вейль основываетъ на отрывкахъ изъ исповѣди нѣкоей дѣвки Анны, на актахъ о долголѣтнемъ процессѣ между евреями и монастырями, и на провѣренныхъ этими актами разсѣянныхъ въ польской литературѣ данныхъ изъ жизни лица, вызвавшаго преслѣдованія евреевъ, и возникшіе вслѣдствіе этого долги. Познанская исторія до того поучительна, что мы не можемъ не привести изъ нея нѣсколькихъ подробностей. Еще наканунѣ XIX столѣтія, въ 1799 г., духовенство созвало въ Познани 20,000 человѣкъ для отпразднованія достойной in majorem Dei et ecclaesiae gloriam годовщины избіенія евреевъ Познани въ 1370 г. Избіеніе это произошло по слѣдующему поводу. Евреи имѣли несчастіе выстроить свою синагогу какъ разъ насупротивъ доминиканскаго монастыря. Не будучи въ состояніи препятствовать самой постройкѣ, основанной на правѣ, предоставленномъ евреямъ граматой Казиміра Великаго, доминиканцы рѣшились во что бы то ни стало отомстить евреямъ за то, что синагога бросала тѣнь свою на зданіе доминиканскаго монастыря. Одинъ изъ доминиканцевъ, Ричиволь, получивъ разрѣшеніе епископа и избравъ удобное время, обратился къ наро-

* Beilage zur «Zeitung des Judenthums» 1870 №№ 41—43: «*Zur Geschichte der Judenverfolgungen und der Blutjubilaeen*».

ду съ проповѣдью, которую онъ выдалъ за откровеніе Божіе и въ которой онъ доказывалъ, что христіанское населеніе согрѣваетъ на груди своей ядовитаго змѣя, умерщвляющаго невинныхъ христіанскихъ дѣтей. Взывая именемъ Бога къ народу, Ричиволь выражалъ свое удивленіе тому, что онъ такъ хладнокровно допускаетъ, чтобы тѣнь синагоги затемняла блескъ христіанской церкви, и закончилъ проповѣдь слѣдующими знаменательными словами: «*Очищайте пятна вашихъ грѣховъ въ кипящей крови безбожниковъ и пожертвуйте ихъ имущество Богу*». Дикая, разъяренная толпа бросилась въ еврейское гетто, стала разрушать синагогу и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ совершала во имя религіи грабежи и убійства, остановленные благородными рыцарями и человѣколюбивыми гражданами. Набожный польскій король Людвигъ I Венгерскій, къ которому познанскіе евреи обратились для огражденія себя отъ своеволія духовенства, *не считалъ себя въ правѣ вмѣшаться въ дѣло евреевъ съ духовенствомъ*, и объявилъ имъ рѣшительно, что всякую жалобу на духовенство слѣдуетъ обратить прямо къ престолу Св. Петра. Папа Григорій XI принялъ у познанскихъ евреевъ прошеніе и объявилъ имъ чрезъ кардинала, чтобы они чрезъ 10 дней явились въ особо учрежденную коммисію, въ присутствіи которой они должны будутъ не только оправдать себя во всѣхъ обвиненіяхъ, но и диспутировать по нѣкоторымъ важнымъ религіознымъ пунктамъ. 16 дней продолжались пренія въ коллегіи, въ которой искусно и умно защищалъ евреевъ по всѣмъ пунктамъ выборный депутатъ Элкона. Возраженія евреевъ заносились въ протоколъ, по представленіи котораго на усмотрѣніе папы послѣдовало слѣдующее распоряженіе, обращенное ко всѣмъ дворамъ и властямъ: «*Чтобы впредь евреи считались оправданными отъ всѣхъ возводимыхъ на нихъ слѣпыми предразсудками и суевѣріемъ обвиненій и чтобы духовенство отнынѣ имѣло въ виду проповѣдывать любовь ко всѣмъ людямъ, уваженіе и миръ не только относительно христіанъ, но и евреевъ*». Людвигъ I

подтвердилъ евреямъ грамату Казиміра III во всѣхъ пунктахъ и прибавилъ еще одинъ, по которому, въ случаѣ доказанности насилія, причиненнаго евреямъ дворянами и гражданами страны, имущества этихъ послѣднихъ поступаютъ въ казну. Доминиканцы поневолѣ должны были подчиниться распоряженію папы и граматѣ короля. Но чрезъ 30 лѣтъ тотъ же Ричиволь вновь воздвигъ преслѣдованіе на евреевъ, отъ котораго они отдѣлались уже не такъ дешево. Какая-то дѣвка Анна на исповѣди созналась Ричиволю въ томъ, что она украла деньги у еврея, у котораго прислуживала въ субботніе дни. Ричиволь объяснилъ ей, что двадцать разъ совершенная кража у еврея и нееврея ничего не значитъ противъ грѣха служить у еврея. Подъ вліяніемъ этого назиданія та же Анна украла въ доминиканской церкви серебряную утварь и кубокъ, въ которомъ лежали гостіи, и побѣжалъ въ поле, чтобы спрятать тамъ украденное. Но пастухъ замѣтилъ, какъ она закапывала вещи въ землю, и сообщилъ объ этомъ своему отцу, родственнику Анны, у котораго она проживала. Допросивъ ее объ этомъ, отецъ пастуха узналъ, что, по мнѣнію Ричиволя, кража не преступна, и продалъ всѣ серебряныя вещи, закопавъ однѣ лишь гостіи. Между тѣмъ въ то же время случился падежъ скота, который свирѣпствовалъ въ окрестностяхъ Познани. Отецъ пастуха, приписывая падежъ совершенной Анною кражѣ, побѣжалъ къ Ричиволю на исповѣдь. Какъ только послѣдній узналъ, что гостіи закопаны въ полѣ, онъ объяснилъ Аннѣ, что она можетъ искупить свой грѣхъ лишь тогда, когда она подтвердитъ предъ всѣми, что старѣйшины евреевъ съ раввиномъ во главѣ уговорили ее украсть гостіи изъ церкви. Заручившись ея согласіемъ, Ричиволь, въ сопровожденіи самаго епископа и многихъ доминиканцевъ, отправился въ поле, вырылъ гостіи и возвратился въ городъ, гдѣ раввинъ и старѣйшины были тотчасъ арестованы и преданы суду. Евреи разбѣжались изъ Познани и многіе отправились въ Вильно, гдѣ въ то время находился Владиславъ V, и умоляли о назначеніи

строгаго слѣдствія по этому дѣлу и огражденіи евреевъ отъ насилія. Защита была дана, но не подоспѣла во время. Гонцы, посланные королемъ для пріостановленія смертной казни заключенныхъ, прибыли въ Познань, когда уже дымился пепелъ костра, на которомъ евреи преданы были ярости пламени и собакъ. Начался процессъ между евреями и духовенствомъ о судебномъ убійствѣ, который продолжался 120 лѣтъ и окончился слѣдующимъ замѣчательнымъ рѣшеніемъ: Познанское еврейское общество не только должно ежегодно платить извѣстный налогъ (800 злотыхъ) къ празднику тѣла Христова, но высылать ежегодно отъ себя трехъ представителей, которые, одѣвшись въ черныя кожи, наложивъ на себя оковы и неся большую доску, на которой изображена исторія о трехъ гостіяхъ, должны идти впереди торжественной процессіи. 170 лѣтъ евреи исполняли эту позорную церемонію, которая послѣ замѣнена было новымъ налогомъ въ пользу доминиканскаго монастыря, состоявшимъ въ доставленіи извѣстнаго количества пороха, деревяннаго масла, воска и топленнаго сала. Вслѣдствіе невозможности исполненія этихъ повинностей, образовались значительныя недоимки, тяготѣвшія надъ Познанскимъ обществомъ. Лишь во второй четверти XVIII вѣка ликвидаціонная коммисія, назначенная польскимъ сеймомъ для регулированія долговъ Познанскаго еврейскаго общества, пришла къ заключенію, что, по причинѣ значительнаго возрастанія этихъ долговъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, освободить общество отъ ежегодныхъ взносовъ въ пользу доминиканской церкви. По сложеніи этихъ взносовъ, одни долги, образовавшіеся по прежнихъ недоимкамъ, составляли—ко времени ходатайства прусскаго министерства объ уничтоженіи всѣхъ долговъ познанскаго еврейскаго общества—сто тысячъ талеровъ.

Такія же обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови возведены были на нихъ въ Львовѣ еврейскою сектой франкистовъ, которые домогались у короля и архіепископа публичнаго диспута по составленной ими заранѣе программѣ.

Первоначально ходатайства франкистовъ были отклонены на томъ основаніи, что насиліе и наказанія, которымъ франкисты желаютъ подвергнуть своихъ противниковъ, противны свободѣ и милосердію евангелія. Но впослѣдствіи, когда львовскую епископскую каѳедру занялъ Микульскій, назначенъ былъ диспутъ между франкистами и талмудистами, которые обязаны были явиться подъ страхомъ уплаты штрафа въ тысячу талеровъ. Диспутъ продолжался три дня (съ 16 іюля 1759 г.) въ присутствіи духовенства, свѣтскихъ лицъ и дамъ, которыя дорого платили за входные билеты. Дѣло окончилось ничѣмъ, потому что диспутъ шелъ на еврейскомъ языкѣ, непонятномъ польскому духовенству, а потому оно не могло постановлять никакого рѣшенія по дѣлу. Замѣчательно, что на этомъ диспутѣ переводчикомъ франкистовъ былъ приближенный самого представителя секты Франка—Игнатій Моливида, русскій, который именовалъ себя оберъ-лейтенантомъ и принадлежалъ прежде къ русской сектѣ филипповцевъ.

Болѣе печальныя послѣдствія для евреевъ-талмудистовъ имѣлъ диспутъ въ Каменецъ-Подольскѣ, назначенный архіепископомъ Дембовскимъ 20 іюня 1757 г., тоже по настоянію и по программѣ франкистовъ. Результатомъ диспута было то, что евреи-талмудисты объявлены были врагами христіанъ, жаждущими ихъ крови и стоящими внѣ закона. Эдиктомъ Дембовскаго, отъ 14 октября 1757 г., повелѣно было рукою палача сжечь всѣ экземпляры Талмуда въ главномъ городѣ Подоліи, анти-талмудистамъ разрѣшено было диспутировать съ талмудистами, а эти послѣдніе приговорены были къ уплатѣ всѣхъ издержекъ въ суммѣ 5,000 польскихъ злотыхъ и сверхъ того 154 злотыхъ на починку каѳедральной церкви въ Каменецъ-Подольскѣ. Независимо отъ этого, евреи были обложены за неявку къ диспуту значительными штрафами, которые взыскивались духовенствомъ *. Неудивительно, что на Каменецъ-

* См. Frank und die Frankisten. Eine Sectengeschichte aus der letzten Hælfte des vorigen Jahrhunderts von D-r H. Grætz, Breslau, 1868 г. Мимохо-

Подольскомъ еврейскомъ обществѣ лежатъ съ начала XIX столѣтія долги католическимъ монастырямъ въ суммѣ болѣе 14,000 р. Мы не имѣемъ прямыхъ данныхъ, подтверждающихъ, что и въ другихъ губерніяхъ долги католическимъ монастырямъ образовались тѣмъ же путемъ, потому что немногія данныя, нами собранныя, сохранились въ историческихъ изслѣдованіяхъ по поводу другихъ, болѣе важныхъ событій, представляющихъ для историка несомнѣнный интересъ, какъ, напр., исторія о франкистахъ и кровавыхъ юбилеяхъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ Гродненской губерніи долги католическимъ монастырямъ въ суммѣ 120,609 р. тоже возникли не вслѣдствіе займа со стороны еврейскихъ обществъ *. Католическіе монастыри едва-ли оказывали помощь еврейскимъ обществамъ во время общественныхъ бѣдствій и едва-ли также располагали такими громадными капиталами для ссуды ими евреевъ, платежная несостоятельность которыхъ имъ была хорошо извѣстна. Долги эти, какъ видно, ведутъ свое начало съ того времени, когда въ періодъ борьбы польской королевской власти

домъ слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ сочиненіи русскій изслѣдователь можетъ найти весьма интересныя свѣдѣнія о дѣвицѣ Франкъ или о княжнѣ Таракановой. Свѣдѣнія эти бросаютъ, къ сожалѣнію, еще болѣе темный свѣтъ на таинственную судьбу ея, но они могутъ быть разъяснены другими источниками въ томъ же сочиненіи указанными, къ которымъ авторъ относится такъ же пристрастно, какъ и къ самой личности Франка.

* Такъ, напр., на евреяхъ Гродненской губ. считается долгъ съ 1681 г. базилянкамъ (нынѣ Борисоглѣбскій дѣвичій монастырь) въ 3,300 р. Въ той же губерніи числилась статья о долгѣ эдукаціонной коммисіи въ правѣ гродненскихъ іезуитовъ на 7,771 р. 65 к., но такъ какъ въ случаѣ неисправности евреевъ въ уплатѣ долговъ, польское правительство отдавало коробочный сборъ въ завѣдываніе кредиторовъ или особыхъ чиновниковъ до совершенной уплаты долга, то для взысканія сказаннаго долга управленіе коробочимъ сборомъ отдано было нѣкоему подскарбію Тизенгаузену. Завѣдывая сборомъ въ теченіе 14 лѣтъ, онъ выручилъ 613,000 злотыхъ, такъ что впослѣдствіи рѣшеніемъ эксдивизорскаго суда отъ 20 сентября 1789 г. присуждено съ него въ возвратъ кагалу 228,000 злотыхъ. Во время этого же управленія растрачено изъ сбора кассирами 17,900 злотыхъ, и удержаны уѣзднымъ судомъ значительныя суммы. См. журналъ коммисіи 1858 г.

съ аллодіальными владѣльцами, духовенство не желая стать ниже дворянства, тоже пожелало обратить евреевъ въ источникъ доходовъ путемъ религіозной, если можно такъ выразиться, контрибуціи. Будучи во всѣхъ странахъ Европы кредиторами, евреи въ Польшѣ сдѣлались должниками и данниками духовенства: «одна краковская академія имѣла обезпеченнаго на разныхъ кагалахъ капитала въ 550,000 польскихъ злотыхъ, а въ другихъ провинціяхъ великой и малой Польши разныя суммы дворянскія и духовныя, обезпеченныя на еврейскихъ кагалахъ, простирались до 6.000,000 *. У насъ въ русскомъ законодательствѣ также сохранился одинъ сенатскій указъ царствованія Екатерины, который, правда, скупится на подробное изложеніе дѣла, но изъ котораго, однако, ясно видно, что долги еврейскихъ обществъ ни въ какомъ случаѣ не возникли изъ займовъ. 9-й пунктъ этого указа гласитъ: «въ просьбѣ ихъ (евреевъ Бѣлорусскихъ губерній) о расчисленіи состоящихъ на нихъ разныхъ кредиторовъ нажитыхъ по показуемымъ ими *бывшимъ* на нихъ *гоненіямъ* долговъ на части и о предписаніи требовать съ нихъ тѣхъ долговъ въ разные сроки, а не вдругъ, отказать». Очевидно, что евреи жаловались на то, что долги эти произошли вслѣдствіе воздвигнутыхъ на нихъ гоненій, но, къ сожалѣнію, въ указѣ не приводится самого содержанія прошенія, изъ котораго можно было бы видѣть, въ чемъ состояли эти гоненія. Въ указѣ приводится также основаніе отказа въ расчисленіи долговъ, заключающееся въ томъ, что «платежъ тѣхъ долговъ зависитъ отъ *обязательствъ* евреевъ, а въ случаѣ какихъ либо излишнихъ или отяготительныхъ въ противность законовъ тѣми кредиторами *требованій*, могутъ они приносить на нихъ жалобы установленнымъ порядкомъ гдѣ подлежитъ». Представляется вопросъ, какимъ образомъ долги, возникшіе изъ гоненій, основаны на обяза-

* См. обозрѣніе пребыванія еврейскаго народа въ Европѣ. Переводъ съ польскаго 1846 г. перепечатано изъ „Вол. Губ. Вѣд.“ 1845 г. съ утвержденія губернскаго начальства, стр. 122 и 123.

тельствахъ; но мы видѣли выше, какимъ образомъ познанскіе евреи вынуждались къ выкупу въ формѣ долговыхъ обязательствъ на имя іезуитскихъ монастырей. Точно также и подольскіе евреи, присужденные за неуспѣшное опровերженіе обвиненій франкистовъ къ платежу указанныхъ выше штрафовъ, по всѣмъ вѣроятностямъ при взысканіи выдавали долговыя обязательства на имя католическихъ монастырей. Наконецъ, изъ кагальныхъ постановленій, изданныхъ г. Брафманомъ, видно, что долги монастырямъ получили громкую популярность между евреями, и что ихъ достаточно было именовать «*всѣмъ извѣстными*», чтобы соединить съ этимъ выраженіемъ понятіе объ исключительности ихъ происхожденія. Это подтверждается приведенною выше выпиской изъ акта подъ № 9 о томъ, что минскій кагалъ учредилъ коробочный сборъ съ боя скота «для покрытія *извѣстныхъ всѣмъ* долговъ, которые кагалъ долженъ уплатить *монастырямъ*». Если бы долги вытекали изъ обязательствъ займа, то нечѣмъ было бы кагаламъ обозначать ихъ выраженіемъ «*извѣстныхъ всѣмъ*», сразу доказывающимъ несправедливость ихъ возникновенія. Кромѣ того, къ этому заключенію можно придти еще и потому, что всѣ почти безсрочные долги (210,000 р.), по которымъ кредиторами состоитъ преимущественно католическое духовенство, возникли въ началѣ XVIII столѣтія, а самая большая половина изъ нихъ, падающая на одну Гродненскую губ. (120,000 рублей), относится ёще къ XVII столѣтію. Всѣ же почти долги основаны на судебныхъ рѣшеніяхъ, изъ которыхъ большая часть состоялась еще въ XVIII столѣтіи на основаніи дѣйствовавшихъ въ польскихъ провинціяхъ узаконеній *. Объ основательности же и справедливости рѣшеній судебныхъ мѣстъ, дѣйствовавшихъ въ періодъ господства магдебургскаго права, можетъ судить всякій, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ

* См. журналъ коммисіи, учрежденной для пересмотра положенія о коробочномъ и свѣчномъ сборахъ съ евреевъ 1858 г.

тою безурядицей, которая характеризуетъ судебно-административную власть того времени и ея несправедливыя отношенія не только къ евреямъ, но и къ коренному населенію. Въ неимовѣрной борьбѣ различныхъ народныхъ силъ, отстаивавшихъ въ этомъ періодѣ крайняго произвола другъ предъ другомъ свою самостоятельность, евреи должны были выдерживать напоръ всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, и защищаться въ своемъ безправіи противъ духовенства, вотчинниковъ, цеховой корпораціи и другихъ, враждовавшихъ между собою, но единодушно дѣйствовавшихъ противъ евреевъ элементовъ. Изъ безчисленныхъ жалобъ приведемъ жалобы литовскихъ евреевъ на то, что «ихъ продаютъ въ ихъ справахъ и судахъ, нарушаютъ ихъ правилья и вольности, не хотятъ справлять ихъ и судить по ихъ стародавнимъ правамъ, отъ чего они терпятъ *многія тягости* и приходятъ *въ убожество* *. При такихъ условіяхъ, намъ кажется, нѣтъ надобности доказывать, что рѣшенія такихъ судебныхъ мѣстъ въ дѣлахъ между евреями и католическимъ духовенствомъ XVIII в. могутъ страдать такими существенными недостатками, которыя лишаютъ ихъ въ нашихъ глазахъ силы рѣшеній судебныхъ.

Долги *срочные* возникли въ началѣ девятнадцатаго столѣтія и имѣли въ своемъ основаніи займы, совершенные по случаю народныхъ бѣдствій,—неурожаевъ, пожаровъ и т. п., или для уплаты государственныхъ повинностей. Эти долги менѣе значительны и уменьшаются ежегодно вслѣдствіе уплаты, кромѣ процента, и части капитала. Самый значительный срочный долгъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ считался за Минскою губерніей (45,388 р.).

Относительно основаній нѣкоторыхъ изъ долговъ еврейскихъ обществъ, упомянутая выше коммисія нашла: 1) что иски боль-

* См. статьи наши: 1) „Историческое происхожденіе кагала“, „День“, органъ русскихъ евреевъ, 1871 г. №№ 4—6 и 2) „Кагалъ и учрежденіе магдебургскаго права“, тамъ же, №№ 11, 13, 14, 19, 23. Ф. Леонтовича. Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи, Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ.

шею частью основаны на документахъ, юридически недостаточныхъ *, а иногда на документахъ лицъ, которыя не могли считаться представителями цѣлаго общества **; 2) что всѣ почти претензіи получили окончаніе свое въ первыхъ инстанціяхъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ, и весьма немногія только восходили на ревизію высшихъ установленій; 3) что въ числѣ долговъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора, встрѣчаются и такіе, которые рѣшительно ни на чемъ не основаны, т. е. ни на судебныхъ рѣшеніяхъ, ни на документахъ ***. Имѣютъ-ли всѣ эти долги одинъ лишь историческій или практическій интересъ,—представляется теперь вопросомъ, легко разрѣшимымъ: по срочнымъ долгамъ, еврейскія общества съ начала XIX вѣка платятъ проценты и части капиталовъ и до сихъ поръ еще не уплатили даже этихъ долговъ. Мы выше видѣли, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ на одной Минской губ. считалось 45,388 р. По безсрочнымъ же долгамъ евреи уплачиваютъ какъ вѣчную дань одни лишь проценты, начиная съ XVII вѣка, а капитальная сумма долга въ размѣрѣ 210,000 р. остается непогашенною. Очевидно, что нельзя такъ легко относиться къ такимъ платежамъ, тяготѣющимъ на евреяхъ въ теченіе двухъ вѣковъ, и что невозможно, добросовѣстно относясь къ дѣлу, открещиваться отъ этихъ долговъ дешевою фразою въ родѣ той, что о нихъ и говорить не стоитъ, потому дескать, что они составляютъ лишь историческій моментъ въ развитіи вопроса о коробочномъ сборѣ, одинъ лишь поводъ, давшій начало коробочному сбору, не

* Росписки сборщиковъ податей и мѣстныхъ *полицейскихъ властей*, выданныя подъ предлогомъ употребленія занятой суммы на уплату податей, на исполненіе рекрутской или квартирной повинности и т. п.

** Долгъ помѣщика Генишевскаго въ суммѣ 3,375 р., по которому съ 1766 по 1832 г. уплачено изъ коробочнаго сбора однихъ процентовъ 9,028 р., основанъ на документѣ, выданномъ *шинкарями* и вдобавокъ нигдѣ не розысканномъ.

*** Такъ, напр., въ вѣдомостяхъ по долгамъ: одного уѣзда Подольской губ. на 3,960 р. и одного уѣзда Гродненской губ. на 6,464 р. имѣется объясненіе, что долги эти *неизвѣстно на чемъ* основаны.

больше. Коммисія, ближе ставшая къ матеріалу въ вопросѣ о коробочномъ сборѣ, высказывается о безсрочныхъ долгахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «При бѣдности евреевъ, при отягощающихъ ихъ постоянно недоимкахъ государственныхъ повинностей, долги *вѣчные* составляютъ для нихъ *тягостное бремя* тягостное тѣмъ болѣе, что, требуя ежегодно для уплаты процентовъ значительныя суммы, капиталы эти остаются въ прежнихъ размѣрахъ».

IV.

Вторая группа—*подати и повинности еврейскихъ обществъ*.—Современное экономическое положеніе западно-русскихъ евреевъ.—Историческій обзоръ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ и къ установленію обезпечительности въ исправномъ платежѣ евреями податей и повинностей и къ освобожденію Россіи отъ чрезмѣрнаго размноженія еврейскаго пролетаріата.—Картины крайней бѣдности еврейскихъ массъ, открытыя приведеніемъ этихъ мѣръ въ исполненіе.—Источники этой бѣдности.

Переходя къ другой группѣ расходовъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора, мы главнымъ образомъ должны остановиться на вопросѣ—правильно-ли мнѣніе, по которому обращеніе къ такому способу взиманія податей и повинностей, какимъ представляется коробочный сборъ, оправдывается не платежною несостоятельностью евреевъ, а упорною ихъ неисправностью?

Разработка этого вопроса представляется дѣломъ необходимости въ виду того, что до настоящаго времени указанная выше мысль служитъ единственнымъ средствомъ для маскированія необходимости удержанія коробочнаго сбора въ нынѣ существующей формѣ. Вотъ почему мы считаемъ долгомъ остановиться нѣсколько подробнѣе на историческихъ фактахъ, открытыхъ и изслѣдованныхъ по поводу желанія правительства констатировать экономическое положеніе и производительныя силы евреевъ съ цѣлью опредѣленія степени ихъ благонадежности въ отношеніи податномъ.

Въ статьѣ И. Оршанскаго: «Благоденствуютъ-ли евреи въ

западномъ краѣ», собраны изъ изслѣдованій и корреспонденцій русскихъ и польскихъ писателей, какъ расположенныхъ, такъ и не расположенныхъ къ евреямъ, всѣ данныя, которыми блистательнѣйшимъ образомъ подтверждается пауперизмъ большей части евреевъ, разсматриваемый сравнительно съ бѣдностью другихъ классовъ кореннаго населенія. Выводъ, сдѣланный Оршанскимъ изъ описаній экономическаго быта евреевъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Въ жизни западно-русскихъ евреевъ замѣчаются всѣ симптомы общественнаго недуга, извѣстнаго подъ именемъ пролетаріата: бездомность, скитальчество и выселеніе, плачевныя санитарныя условія и какъ слѣдстіе ихъ—значительная смертность, упадокъ нравственности, недостатокъ платежныхъ средствъ въ фискальномъ отношеніи и ничтожная цифра заработка и дохода». Но выводы, сдѣланные писателемъ-евреемъ, хотя бы на основаніи данныхъ, приводимыхъ не еврейскими публицистами, могутъ, по естественному порядку вещей, быть заподозрѣны въ пристрастіи. Поэтому мы постараемся подтвердить всѣ эти выводы русскими законодательными актами, въ которыхъ разсматриваются мѣры къ улучшенію быта евреевъ. Изъ этихъ мѣропріятій видно будетъ, въ какомъ положеніи находились евреи каждый разъ, когда правительство, въ видахъ обезпеченія себѣ исправнаго платежа податей и повинностей, приводило въ извѣстность количественность ихъ населенія и ихъ платежныя средства, или же когда оно принимало мѣры къ освобожденію Россіи отъ чрезмѣрнаго размноженія еврейскаго пролетаріата.

Первая мѣра, принятая правительствомъ XVIII в. въ отношеніи уплаты евреями податей, уже доказываетъ, что въ то время, когда оно еще имѣло смутное понятіе о положеніи присоединенныхъ евреевъ, отъ которыхъ прежде и нежелательно было имѣть и «интересной прибыли», оно въ общихъ чертахъ составило себѣ понятіе о личной платежной несостоятельности евреевъ, и вслѣдствіе этого постаралось прикрѣпить ихъ къ кагаламъ, которые должны были платить за евреевъ подать.

«Дабы сборъ съ нихъ (жидовъ) въ казну вѣрнѣе поступать могъ, то учредить кагалы, въ которыхъ всѣхъ ихъ и записать, такъ чтобы каждый изъ жидовъ, когда онъ куда для промысловъ своихъ ѣхать, или гдѣ жить и поселиться захочетъ, отъ кагала получалъ паспорты. Поголовныя же деньги платить долженъ кагалъ и вносить оныя въ провинціальную канцелярію *. Затѣмъ, замѣтивъ скитальчество евреевъ по селамъ, правительство, съ цѣлью пріученія евреевъ къ торгамъ, къ размноженію рукодѣлій и ремеслъ, прибѣгаетъ къ мѣрамъ, имѣющимъ своею задачею прикрѣпленіе евреевъ къ городамъ **. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда возникла необходимость въ приведеніи въ извѣстность положенія курляндскихъ евреевъ, оказалось, что «они живутъ весьма бѣдно и почти дневной пищи не имѣютъ, и потому большая часть изъ живущихъ въ городахъ питаются мелочною торговлею, продажею старыхъ вещей и недозволеннымъ маклерствомъ». Тѣмъ не менѣе признано было возможнымъ переселять курляндскихъ евреевъ изъ селъ и мѣстечекъ въ города съ обложеніемъ ихъ двойной противъ христіанъ податью ***. Понятное дѣло, что при описанной выше бѣдности городского еврейскаго населенія, скученіе всего остального еврейскаго населенія въ городахъ, гдѣ они всѣ могли заниматься лишь городскими промыслами, еще скорѣе должно было довести до самаго низкаго уровня экономическое положеніе евреевъ. Мысль о закрѣпощеніи евреевъ къ городамъ еще ярче проявляется въ положеніи 1804 г., которое вмѣняетъ евреямъ въ обязанность въ теченіе 3-хъ лѣтъ оставить жительство въ селахъ и деревняхъ. Несостоятельность этихъ мѣръ обнаружилась тотчасъ при ихъ осуществленіи. Мѣстныя губернскія начальства донесли, что «помѣщики пограничныхъ губерній, гдѣ наиболѣе евреи имѣютъ жительство, бывъ заняты въ теченіе сего времени отправленіемъ разныхъ временныхъ и

* П. П. С. З., Т. XX, № 14522.

** П. П. С. З., Т. XXIII, № 17327—п. 3.

*** П. П. С. З., Т. XXV, № 18889.

необычайныхъ повинностей, не могли сдѣлать никакихъ распоряженій къ переселенію людей сихъ (евреевъ) въ назначенный срокъ; что по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ и *сами евреи*, по крайней бѣдности большей ихъ части, при платежѣ двойныхъ податей и при возвысившихся на хлѣбъ и другія потребности цѣнахъ, не могли, среди отправленія разныхъ повинностей, войною усугубленныхъ, принять достаточныхъ мѣръ къ пріисканію земель, къ заведенію фабрикъ, и къ совершенію перехода ихъ изъ селъ и деревень». Во вниманіе къ этимъ причинамъ постановлено было отсрочить переселеніе еще на 3 года съ тѣмъ, чтобы «кагалы учинили въ помощь бѣднымъ переселенцамъ денежныя складки, чтобы помѣщики и евреи, которые заведутъ колоніи и фабрики для доставленія переселенцамъ занятій, получали пособія и ссуды отъ правительства и чтобы затѣмъ мѣры переселенія приводились въ дѣйствіе безъ всякаго послабленія» *. Цѣль правительства, какъ видно, состояла въ томъ, чтобы всѣхъ евреевъ, независимо отъ средствъ, наклонностей и существующихъ экономическихъ условій, превратить въ торгово-промышленное сословіе, которое было бы въ состояніи и себѣ прибыль и казнѣ пользу приносить. Но насколько эти мѣры дѣйствительно соотвѣтствовали насущнымъ потребностямъ времени, доказывается тѣмъ, что въ 1809 г. правительство пришло къ убѣжденію, что палліативныя мѣры, вызванныя необходимостью въ обезпеченіи платежной состоятельности евреевъ въ отношеніи податей, могутъ еще болѣе ухудшить экономическое положеніе евреевъ, и что гораздо цѣлесообразнѣе будетъ предпринять радикальное устройство гражданскаго ихъ быта. На этомъ основаніи правительство пріостановило впредь до особаго повелѣнія всѣ прежнія мѣры переселенія евреевъ изъ селъ и деревень и учредило особый комитетъ для совокупнаго разсмотрѣнія положенія еврейскихъ дѣлъ. Для нашего предмета любопытнѣе всего мо-

* П. П. С. З., Т. XXIX, № 22651.

тивы, по которымъ правительство отказывается отъ исполненія своихъ рѣшительныхъ мѣръ. Въ именномъ указѣ, данномъ дѣйствительному тайному совѣтнику Попову, говорится: «Во вниманіе къ тому стѣсненію, коему, по донесеніямъ губернскихъ начальствъ, народъ сей (евреи), при исполненіи доселѣ изданныхъ о переселеніи онаго положеній, неминуемо долженъ подвергнуться, я призналъ за благо дѣйствіе 34 ст. положенія 1804 г., равно какъ и указа о постепенномъ переселеніи евреевъ 19 октября 1807 г. остановить впредь до повелѣнія». Затѣмъ далѣе въ томъ же указѣ говорится: «Невозможность сія- (т. е. переселенія) не отъ чего иного главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что евреи, *по нищетѣ своей, не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительства, устроиться и обзавестись въ новыхъ состояніяхъ, кои избрать они должны»* *.

Между тѣмъ годъ лишь назадъ утвержденъ былъ докладъ министра объ устройствѣ фабрикъ для выдѣлки солдатскихъ суконъ, на которыхъ предполагалось обратить въ рабочее сословіе еврейскій пролетаріатъ и такъ называемую «чиншевую шляхту» польскихъ губерній. О евреяхъ въ этомъ докладѣ говорится: «Великое число ихъ, не имѣя по бѣдности средствъ къ построенію себѣ жилищъ и къ прокормленію себя съ семействами въ городахъ и мѣстечкахъ, охотно обратятся на фабрики, гдѣ вѣрная работа доставитъ имъ тотчасъ вѣрное пропитаніе... Ибо какъ изъ дѣлъ о евреяхъ извѣстно, многіе изъ нихъ, чтобы исполнить положеніе о переселеніи, въ нищетѣ требуютъ отъ правительства пособій, которое не имѣетъ способовъ переселить въ столь короткое время не только всѣхъ тѣхъ, кои впредь на то изъявятъ желаніе, но и тѣхъ однихъ, кои до нынѣ о томъ просили» **. Негодность этой утопіи объ устройствѣ на протекціонныхъ началахъ фабрикъ, имѣющихъ

* П. П. С. З., Т. XXX, № 23435.
** П. П. С. З., Т. XXX, № 23182.

цѣлью не удовлетвореніе дѣйствительной потребности, а занятіе рабочихъ рукъ, обнаружилась уже въ первый годъ,—и правительство такимъ образомъ убѣдилось, что для улучшенія быта какой либо народности недостаточно одно теоретическое устройство ея положенія по извѣстной мѣркѣ однимъ изданіемъ закона, а необходимо прежде всего убѣдиться, насколько оно коренится въ дѣйствительныхъ условіяхъ той среды, которую хотятъ вызвать къ новой, лучшей жизни, и въ общихъ экономическихъ условіяхъ страны.

Но особенно рельефно выступила печальная картина бѣдности, когда правительство приступило къ повѣркѣ послѣ 7-ой ревизіи прописныхъ душъ изъ евреевъ по всѣмъ губерніямъ, гдѣ имъ жить дозволено. Разсмотрѣвъ въ 1817 г. дѣло о повѣркѣ прописныхъ въ 7-ой ревизіи евреевъ и принявъ въ уваженіе бѣдное ихъ состояніе, Государь Императоръ повелѣлъ: вмѣнить кагальнымъ въ обязанность до 1 іюля 1818 г. привести въ извѣстность все количество прописныхъ евреевъ и, въ уваженіе бѣднаго ихъ состоянія, избавить ихъ отъ взысканія пени по 500 р. за душу, равнымъ образомъ отъ штрафныхъ и двойной подати, положенной за прописку душъ, и не взыскивать также настоящей по званію каждаго прописнаго еврея подати за прошедшее время. Но эти льготы въ сущности не привели къ ожидаемымъ результатамъ; ибо, не желая послѣ окончательнаго срока (1 іюля 1818 г.) подвергнуться взысканіямъ, которыя постановлено производить безъ малѣйшаго послабленія, прописные евреи стали являться въ большомъ числѣ для записки въ ревизію къ кагаламъ. Эти послѣдніе же, не имѣя возможности принять на себя отвѣтственность въ платежѣ податей за цѣлыя массы бездомныхъ и неспособныхъ ни къ какой работѣ скитальцевъ, отказывались отъ приписки ихъ къ своимъ сословіямъ. Вслѣдствіе этого возникла та нескончаемая борьба между кагалами и бѣдною массою, которая, независимо отъ разрѣшенія возбуждаемыхъ ею вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ, дала начало той усиленной

казуистикѣ еврейскаго суда, разбиравшаго дѣла о переселеніи и припискѣ, о которой говорится въ статьѣ нашей «Кагалъ и учрежденія Магдебургскаго права». Но судъ еврейскій мало помогалъ дѣлу, въ виду настоятельной необходимости въ оффиціальномъ разрѣшеніи вопроса. Надъ еврейскою массою висѣлъ мечъ обоюдоострый: съ одной стороны, громадный штрафъ съ души за необъявленіе ея въ дополнительной сказкѣ, а съ другой—нежеланіе кагаловъ приписать ее къ своимъ сословіямъ. Выходъ изъ этой дилеммы масса нашла въ подачѣ отъ себя, а не чрезъ кагальныхъ, дополнительныхъ ревизскихъ сказокъ. Объ этихъ сказкахъ въ указѣ правительствующаго сената отъ 1819 г. говорится слѣдующее: «Кромѣ кагальныхъ, на коихъ возложена обязанность подачи ревизскихъ сказокъ, явились въ большомъ числѣ евреи старые, дряхлые, въ крайнемъ убожествѣ находящіеся обоего пола и дѣти разнаго возраста, которые всѣ за себя и семейства свои, подавая ревизскія сказки, изъяснили, что подачу сію дѣлаютъ сами по причинѣ непринятія ихъ кагальными въ свои сословія». Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ такимъ образомъ, что одну часть еврейскихъ сословій велѣно приписать къ обществамъ, и «къ коимъ кто изъ нихъ окажется по родству принадлежащимъ», а остальную часть безродныхъ распредѣлить по кагаламъ всей губерніи по соразмѣрности числа душъ, съ тою цѣлію, чтобы отвѣтственность въ повинностяхъ за убогихъ и къ работамъ неспособныхъ сдѣлалась болѣе уравнительною *.

На тотъ же самый вопросъ правительство наталкивается въ 1824 г., когда кагалы отказываются принять въ свое сословіе безчисленныя массы заграничныхъ выходцевъ изъ евреевъ, перешедшихъ въ Россію, частью для избѣжанія рекрутской повинности, которой они подлежали по законамъ сосѣднихъ державъ, частью же увлекаясь льготою отъ платежа государственныхъ податей, которою они пользовались

* П. П. С. З., Т. XXXIV, № 26805; Т. XXXVI, № 27700.

въ Россіи въ первое десятилѣтіе наравнѣ съ прочими иностранными выходцами. Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, изданное въ разрѣшеніе возбужденнаго по поводу размноженія евреевъ вопроса, важно въ томъ отношеніи, что оно, съ одной стороны, признаетъ несостоятельность всѣхъ предшествовавшихъ ему мѣръ правительства, предпринятыхъ въ томъ же направленіи относительно наилучшей обезпечительности въ платежѣ евреями государственныхъ податей, а съ другой—подтверждаетъ платежную ихъ несостоятельность. «Самыя мѣры,—говорится въ сказанномъ положеніи,—которыя принимало правительство къ извлеченію изъ сего племени (евреевъ) пользы для государства составленіемъ для управленія онаго особаго положенія и изысканіемъ средствъ къ переведенію евреевъ изъ селеній въ города, не могли имѣть доселѣ желаемаго успѣха; а повторительныя постановленія, изданныя въ облегченіе ихъ отъ уплаты значительныхъ недоимокъ, или къ устраненію утайки душъ въ ревизіи, доказываютъ, что и со стороны увеличенія казенныхъ доходовъ евреи не приносятъ той пользы, которую слѣдовало бы ожидать по ихъ числу и промышленности, каковую имѣетъ государство отъ прочихъ жителей». Затѣмъ говорится далѣе въ томъ-же положеніи: «Выходцы сіи, обыкновенно бѣдные, въ желаніи своемъ приписаться къ какому либо состоянію нерѣдко встрѣчаютъ препятствія, ибо общества уклоняются отъ ихъ пріема во избѣжаніе отвѣтственности въ платежѣ податей за такихъ людей, отъ которыхъ не могутъ ожидать для себя никакой пользы и которые, переходя съ мѣста на мѣсто, теряются изъ вида мѣстнаго начальства, а потому отлучками своими даютъ поводъ къ накопленію на еврейскихъ обществахъ значительныхъ недоимокъ и къ постепенному ихъ оскудѣнію; между тѣмъ казна остается безъ всякаго обезпеченія въ сборѣ съ нихъ податей». На основаніи всѣхъ этихъ соображеній «и дабы положить предѣлъ чрезвычайному размноженію еврейскаго племени въ Россіи», постановлено было

«запретить выходящимъ изъ заграницы евреямъ постоянно водворяться въ Россіи, а вышедшихъ уже въ Россію на жительство евреевъ, которые не причислены еще ни къ какому состоянію и коихъ общества принять не пожелаютъ, распредѣлить немедля въ рабочіе люди съ обложеніемъ ихъ мѣщанскимъ окладомъ» *.

Такимъ образомъ видно, что вслѣдствіе закона о повѣркѣ прописныхъ душъ изъ евреевъ и возложенной имъ на кагалы обязанности привести въ извѣстность все количество прописнаго населенія, произошло столкновеніе между кагалами и обнаружившимися въ чрезмѣрномъ количествѣ массами безродныхъ и неспособныхъ къ работѣ евреевъ, которое потребовало вмѣшательства правительства и принятія новыхъ мѣръ, какъ видно, имѣвшихъ цѣлію установленіе такого порядка въ припискѣ евреевъ, при которомъ казна имѣла бы обезпеченіе въ платежѣ евреями податей. Но вскорѣ, вслѣдствіе причисленія въ значительномъ числѣ вновь открытыхъ прописныхъ душъ къ кагаламъ и объявленіемъ ихъ въ окладъ, обнаружилось другое зло, а именно обремененіе кагаловъ тяжкими недоимками, происшедшими не по ихъ винѣ, а просто вслѣдствіе невозможности платить подати за цѣлыя массы людей, въ теченіе вѣка, быть можетъ, скитавшихся въ западныхъ губерніяхъ безъ всякаго занятія и промысла. Министръ финансовъ въ своей, послужившей основаніемъ Высочайше утвержденнаго 11 апрѣля 1825 г. положенія комитета министровъ, запискѣ о евреяхъ Подольской губ., гдѣ впервые указанное выше состояніе потребовало безотлагательнаго разрѣшенія, — изъясняетъ слѣдующее со словъ подольскаго губернатора:

Когда правительство возложило объявленіе прописныхъ душъ изъ евреевъ на самихъ кагаловъ и освободило еврейскія общества отъ взысканія за прежнюю утайку, еврейское населеніе Подольской губ., составлявшее въ 1818 г. 17,816 душъ,

* П. П. С. З., Т. XXXIX, № 30004.

возрасло въ 1820 до 66.015. «Чрезъ причисленіе сихъ, вновь объявленныхъ въ окладъ, частію съ двойными, а частью съ одинокими съ начала ревизіи податьми, количество почитающейся на однихъ евреяхъ недоимки умножилось вдругъ до 1.618,645 р. (въ одной Подольской губерніи!), къ платежу коихъ вмѣстѣ съ накопляющимися непрерывно текущими податьми многіе кагалы оказываются несостоятельными даже при допущенной 6-ти лѣтней съ 1820 г. разсрочкѣ. При такомъ положеніи евреевъ явились между ними еще нищіе, старые, калѣки, отъ пріема которыхъ общества уклоняются, и которые, опасаясь лично взысканій за прописку и за бродяжничество, въ продолженіе 1818 и 1819 годовъ подали о себѣ и своихъ семействахъ дополнительныя сказки по одиночкѣ въ числѣ 5,838 душъ (на одну Подольскую губ.!). Хотя изъ сего числа 1,923 причислены по родству къ разнымъ кагаламъ, а прочіе распредѣлены по всѣмъ кагаламъ въ губерніи по соразмѣрности числа душъ; но за объявленныхъ прежде и послѣ срока прописныхъ насчитано при семъ случаѣ недоимокъ до 350,506 р. 97$^1/_2$ коп. (на одну Под. губ.). По симъ уваженіямъ многіе кагалы просятъ вовсе освободить ихъ отъ отвѣтственности въ податяхъ и недоимкахъ за людей, приписанныхъ къ обществамъ безъ ихъ согласія, а другіе ходатайствуютъ по крайней мѣрѣ о разсрочкѣ и постепенномъ взысканіи недоимки безъ пени, съ освобожденіемъ отъ платежа за тѣ души двойныхъ съ начала ревизіи податей, такъ какъ кагалы не виновны въ подачѣ ими о себѣ сказокъ послѣ установленнаго срока». Въ заключеніи присовокупляется, что «еврейскія общества находятся вообще въ весьма бѣдномъ положеніи, а особливо живущіе во владѣльческихъ мѣстечкахъ, гдѣ они сверхъ государственныхъ податей, обложены еще другими сборами, что подавшіе сами о себѣ дополнительныя сказки, по бѣдности своей, лично не представляютъ никакого казнѣ обезпеченія въ платежѣ прежнихъ и текущихъ податей, и что изъ нѣкоторыхъ кагаловъ большая часть приписанныхъ къ нимъ

евреевъ, разорясь отъ пожаровъ, разошлась въ неизвѣстныя мѣста и болѣе не являются». Вслѣдствіе этого представленія вышеозначенное положеніе комитета министровъ признало возможнымъ сложить недоимки и пени съ еврейскихъ обществъ Подольской губерніи, но въ перечисленіи прописныхъ евреевъ отъ кагаловъ бѣдныхъ къ болѣе состоятельнымъ было отказано *.

Такимъ образомъ, открывая съ каждымъ разомъ все болѣе ужасающія картины крайней бѣдности еврейскихъ массъ, правительство, поближе ознакомившись съ податнымъ контингентомъ евреевъ и убѣдившись, что при всей круговой отвѣтственности кагаловъ все-таки не откуда извлечь пользы для государства, останавливалось на разныхъ мѣрахъ устройства быта бездомныхъ скитальцевъ такимъ образомъ, чтобы они полезны были обществу добровольнымъ или принудительнымъ трудомъ. Сверхъ указанной уже выше мѣры объ устройствѣ суконныхъ фабрикъ, правительство начало переселять въ значительномъ числѣ бѣдныя еврейскія семейства въ Новороссійскій край. Для этой цѣли назначены были въ пособіе евреямъ и чиншевой шляхтѣ 300,000 р. и переселилось 600 еврейскихъ семействъ изъ 3,640 душъ обоего пола и еще 300 семействъ ожидали переселенія. Но вдругъ это переселеніе было пріостановлено вслѣдствіе донесенія херсонскаго военнаго губернатора, что «по непривычкѣ евреевъ къ хлѣбопашеству и по нечистотѣ въ жизни ихъ, смертность между ними весьма велика и что переселять ихъ болѣе не должно, развѣ чрезъ два или три года, по испытаніи склонности ихъ къ сему роду жизни» **. Затѣмъ изъ дальнѣйшихъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ въ отношеніи улучшенія быта новороссійскихъ поселенцевъ изъ евреевъ, видно, что въ 1820 году по министерствамъ духовныхъ дѣлъ и финансовъ сдѣлано было

* П. П. С. З. Т., XL, № 30318.
** П. П. С. З., Т. XXXI, № 24185.

предположеніе, чтобы евреевъ, за упущенія въ платежѣ податей, обращать въ нестроевую военную службу, и что «въ уваженіе къ неустроенному положенію еврейскихъ поселенцевъ Новороссійскаго края отъ потерпѣнныхъ ими съ самаго начала водворенія болѣзней и смертностей, падежа скота и вообще непривычки къ земледѣльческимъ упражненіямъ», десятилѣтняя льгота отъ податей была въ 1817 г. продолжена еще на 5 лѣтъ, а взысканіе казенныхъ долговъ по водворенію евреевъ—на 30 лѣтъ, по примѣру данцигскихъ колонистовъ. Кромѣ этого видно, что, вслѣдствіе представленія главнаго попечителя и предсѣдателя комитета о колонистахъ Южнаго края Россіи генералъ-лейтенанта Инзова и ходатайства управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, признана была явная невозможность взыскать съ еврейскихъ поселенцевъ Новороссійскаго края подати наравнѣ съ казенными крестьянами, и на этомъ основаніи допущены были облегченія въ податяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу ходатайства того же попечителя объ освобожденіи еврейскихъ поселенцевъ отъ рекрутской повинности, министерство признало возможнымъ образовать изъ евреевъ пятисотныя роты съ употребленіемъ ихъ для исправленія земляныхъ работъ, общественныхъ или дорожныхъ, подъ надзоромъ военно-рабочихъ офицеровъ. При этомъ министръ выразилъ мысль, что считаетъ вообще учрежденіе этихъ еврейскихъ военно-рабочихъ ротъ весьма полезнымъ не только для прекращенія бродяжничества, праздности и бѣдности между евреями, но и для укорененія въ нихъ любви къ порядку и къ благоустройству въ гражданской жизни *. Хотя осуществленіе этой послѣдней мѣры было отложено до учрежденія общаго положенія о евреяхъ, но она достаточно характеризуетъ тѣ средства, которыя въ высшихъ правительственныхъ сферахъ того времени считались цѣлесообразными, въ смыслѣ искорененія бѣдности еврейскихъ массъ.

* В. П. С. З., Т. I, № 52.

Но правительство не останавливалось на однѣхъ приведенныхъ выше мѣрахъ, ибо необходимо было уменьшить неблагонадежное въ экономическомъ смыслѣ населенiе евреевъ. Въ этихъ видахъ въ 1828 г. воспрещено было водворяться въ Россiи евреямъ Царства Польскаго, какъ говорится въ положенiи комитета министровъ, «дабы преградить чрезвычайное размноженiе въ Россiи сихъ людей (евреевъ), болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ для государства» *. Затѣмъ, когда въ 1829 г. возникъ вопросъ объ уменьшенiи числа курляндскихъ и лифляндскихъ евреевъ, было указано на то, что и при самомъ учрежденiи Еврейскаго Комитета въ число его обязанностей именно было постановлено, чтобы онъ имѣлъ въ виду «мѣры къ уменьшенiю евреевъ вообще въ государствѣ и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не слишкомъ умножились» **,—и чтобы покончить разъ навсегда съ еврейскимъ скитальческимъ населенiемъ, постановлено было, изъ прописныхъ евреевъ всѣхъ способныхъ отдавать въ военную службу, а неспособныхъ ссылать въ Сибирь на поселенiе ***. Эта послѣдняя мѣра, хотя очень мало содѣйствовала искорененiю бѣдности евреевъ, но она послѣдовательно вытекала изъ задачи правительства уменьшить число евреевъ въ Россiи.

Не смотря, однако, на неудачу всѣхъ изложенныхъ временныхъ и частныхъ мѣръ, или, быть можетъ, въ силу этой неудачи, правительство озабочено было вплоть до начала пятидесятыхъ годовъ одною мыслью о томъ, какiя болѣе постоянныя и общiя или, лучше сказать, радикальныя мѣры предпринять противъ еврейскаго пролетарiата. Нужно было создать общее положенiе, въ силу котораго можно было бы, по особымъ, разъ на всегда установленнымъ признакамъ, выдѣлить изъ еврейскаго племени все бездомное и безродное санкилотство и

* В. П. С. З., Т. III, № 2558.
** В. П. С. З., Т. IV, № 2848.
*** Тамъ же.

образовать изъ него особое сословіе съ крайне ограниченнымъ юридическимъ положеніемъ. И дѣйствительно, въ указѣ 22 ноября 1851 г. говорится слѣдующее: «Желая обратить ихъ (подданныхъ еврейскаго исповѣданія) къ правильнымъ занятіямъ по части торговли, ремеслъ и мануфактурной и земледѣльческой промышленности, Мы признали за благо издать въ послѣднее время многія узаконенія для достиженія изъясненной цѣли. Съ тою же цѣлію, по повелѣнію Нашему, мѣстныя начальства губерній, въ которыхъ постоянное жительство евреямъ дозволено, оповѣстили въ 1846 г. особымъ объявленіемъ всѣхъ евреевъ, чтобы они не откладывали далѣе вступленія своего въ указанныя имъ сословія, предваривъ ихъ, что въ случаѣ безуспѣшности сей мѣры, правительство само произведетъ имъ разборъ; причемъ, отдѣливъ евреевъ, *неимѣющихъ производительнаго труда*, подвергнетъ ихъ, какъ тягостныхъ для общества, разнымъ ограниченіямъ. Принимая во вниманіе, что съ того времени протекло болѣе 5 лѣтъ, и всякій, кто желалъ, могъ безъ малѣйшаго стѣсненія избрать себѣ одно изъ упомянутыхъ сословій, Мы признали нужнымъ предположенную въ 1846 г., относительно окончательнаго разбора еврейскаго населенія, мѣру привесть въ дѣйствіе къ 1 іюля 1852 г.» *. Мѣра эта состояла въ раздѣленіи евреевъ на 5 разрядовъ, которое въ то время навело паническій страхъ, потому что болѣе 4/5 еврейскаго населенія должны были бы перейти въ разрядъ узаконенныхъ тунеядцевъ, объ ограниченномъ положеніи которыхъ имѣли весьма смутное понятіе, такъ какъ оно должно было опредѣлиться лишь по разборѣ всѣхъ евреевъ въ теченіе указаннаго въ законѣ срока. Всѣ евреи, по утвержденнымъ временнымъ правиламъ объ ихъ разборѣ, должны были раздѣлиться на 5 разрядовъ: 1) купцовъ, 2) земледѣльцевъ, 3) ремесленниковъ, 4) мѣщанъ осѣдлыхъ, и 5) *мѣщанъ не осѣдлыхъ*. Ко 2 разряду должны были при-

* В. П. С. З., Т. XXVI, № 25,766.

надлежать всѣ евреи, дѣйствительно занимающіеся лично хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ или сельскою промышленностью на земляхъ собственныхъ, казенныхъ или владѣльческихъ, если воздѣлываемая или употребляемая подъ скотоводство земля или же содержимое сельско-промышленное заведеніе стоятъ не менѣе 80 рублей. Къ 3 разряду должны были принадлежать евреи, записанные въ установленные цехи. Къ 4—евреи, которые имѣютъ недвижимую собственность цѣною не ниже въ губернскихъ городахъ 300, въ портовыхъ 250, въ уѣздныхъ 200, а въ мѣстечкахъ 80 руб. Къ этому же разряду должны были принадлежать и всѣ служащіе евреи, а также имѣющіе ученую степень и знаки отличія. Затѣмъ всѣ прочіе евреи должны были составить 5-й разрядъ мѣщанъ не осѣдлыхъ, которые, «какъ неимѣющіе производительнаго труда, подвергаются, на основаніи особаго о томъ положенія, разнымъ въ правахъ состоянія ограниченіямъ, и въ томъ числѣ усиленной рекрутской повинности» *. Но чрезъ годъ сроки для разбора евреевъ были продолжены, и самая мѣра о распредѣленіи евреевъ на разряды по ихъ экономическому положенію, не будучи приведена въ дѣйствіе, какъ всѣ прочія временныя мѣры, осталась одною мертвою буквою. Мы имѣемъ положительное основаніе думать, что правительство, приведши по спискамъ мѣстныхъ начальствъ въ извѣстность численность еврейскаго пролетаріата, убѣдилось въ невозможности образовать изъ громадной массы неимущихъ и физически истощенныхъ людей какое нибудь сословіе, которое, въ случаѣ установленія его, потребовало бы прежде всего неимовѣрныхъ расходовъ на содержаніе, даже въ томъ случаѣ, когда бы изъ этого, долженствовавшаго подлежать усиленной рекрутской повинности, сословія сформировали задуманныя въ двадцатыхъ годахъ военно-рабочія пятисотныя еврейскія роты.

Въ то же время, когда правительство думало осуществить

* Тамъ-же.

мысль о разборѣ евреевъ по разрядамъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало къ жизни законъ, который оказалъ немалое вліяніе на усиленіе бѣдности въ низшемъ классѣ евреевъ затрудненіемъ ему пути ко многимъ тяжелымъ занятіямъ, считавшимся до того свободными для всѣхъ классовъ населенія Россіи безъ различія исповѣданія. Таковы занятія мостовщиковъ, землекоповъ, каменьщиковъ, камнетесцевъ, плотниковъ, штукатуровъ, чернорабочихъ, поденщиковъ и др. Евреи, желавшіе обратиться къ этимъ занятіямъ, нетребовавшимъ вообще записки въ цехъ, должны были образовать особые, такъ называемые *неремесленные* цехи, для вступленія въ которые установлены были довольно стѣснительныя условія, въ родѣ удостовѣренія полицейскихъ и городскихъ мѣстъ, а также подрядчиковъ, въ дѣйствительномъ исполненіи сказанныхъ работъ, или-же—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и особаго одобрительнаго свидѣтельства мѣстнаго общества. При этомъ и записавшіеся въ неремесленные цехи, для евреевъ установленные, не должны превышать числомъ установленной по числу дворовъ данной мѣстности нормы (въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ – трехъ человѣкъ, а въ городахъ заштатныхъ и въ мѣстечкахъ—двухъ на каждый дворъ). Независимо отъ этихъ условій постановлено также выдавать всѣмъ записавшимся въ неремесленные цехи евреямъ особые годовые билеты съ установленіемъ особыхъ сроковъ выдачи ихъ и перемѣны, и учрежденъ также контроль надъ занятіями въ теченіи года съ обязательною отмѣткою времени, въ теченіи котораго еврей-рабочій не производилъ работъ по болѣзни. За ложныя свидѣтельства и удостовѣренія хозяева и подрядчики передаются уголовному суду и наказываются по уложенію о наказаніяхъ *. Очевидное дѣло, что законъ этотъ, существующій по настоящее время, имѣлъ своею цѣлью устранить конкурренцію евреевъ въ наиболѣе употре-

* В. П. С. З., Т. XXVII, № 26,171; т. XI, Т. II. Уст. Ремесл. Св. Зак., ст. 4 примѣч. I.

бительныхъ и распространенныхъ занятіяхъ, помощью которыхъ можно снискивать себѣ во всякое время средства къ существованію, и что онъ, быть можетъ, вызванъ жалобами христіанскихъ рабочихъ о стѣснительности еврейской конкурренціи на поприщѣ подрядныхъ работъ, какъ это не разъ было при столкновеніи интересовъ еврейскихъ и не-еврейскихъ ремесленниковъ въ Житомірѣ, Митавѣ и др. городахъ *. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе регламентаціи правилъ о еврейскихъ неремесленныхъ цехахъ, цѣлый классъ рабочаго населенія евреевъ долженъ былъ оставить свой родъ занятій, потому что никакой хозяинъ и никакой подрядчикъ не станетъ имѣть дѣла съ еврейскимъ рабочимъ, за котораго онъ долженъ выдавать удостовѣренія и дѣлать различныя отмѣтки и быть вѣчно подъ страхомъ уголовнаго наказанія. Едва-ли гдѣ нибудь въ Россіи существуетъ хоть одинъ неремесленный цехъ, для евреевъ установленный; между тѣмъ тѣ обстоятельства, которыя въ 1852 г. живо интересовали многочисленный классъ еврейскаго рабочаго населенія и служили источникомъ борьбы двухъ конкуррирующихъ между собою элементовъ, въ настоящее время, чрезъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ, совершенно забыты, — и, сверхъ исключенія евреевъ отъ извѣстнаго разряда занятій, законъ этотъ, не только не получившій никакой популярности, но врядъ-ли кому либо извѣстный, при жизни еще оставилъ евреямъ упрекъ въ томъ, что они не занимаются тяжелымъ трудомъ мостовщика, землекопа, каменьщика, плотника, штукатурщика и проч. Но этотъ несправедливый упрекъ еще не такъ важенъ, какъ то, что законъ о неремесленныхъ еврейскихъ цехахъ, исключивъ евреевъ отъ занятія самыми многочисленными и часто-производящимися работами, обратилъ ихъ къ занятіямъ ремесленнымъ, вслѣдствіе чего еврейскіе ремесленники стали переполнять мѣста осѣдлости евреевъ, предложеніе ремесленнаго труда стало превышать естественные предѣлы спроса,

* В. П. С. З., Т. XXI, № 20021; Т. XXIII, № 22.343.

самъ трудъ лишился необходимыхъ условій усовершенствованія, и въ концѣ концовъ это положеніе повело къ столкновенію съ интересами христіанскихъ ремесленниковъ и къ развитію крайней бѣдности въ средѣ еврейскаго ремесленнаго сословія. Чрезъ 13 лѣтъ послѣ изданія закона о неремесленныхъ еврейскихъ цехахъ, правительство убѣдилось въ томъ, что «еврейскіе ремесленники, скопленные въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости среди населенія, большею частью бѣднаго, нуждаясь въ заказахъ, выпрашиваютъ за работу крайне низкую плату, въ ущербъ прочности и изяществу отдѣлки, стараясь лишь о томъ, чтобы дешевизна издѣлій сдѣлала ихъ доступными массѣ потребителей; стремленіе христіанскихъ ремесленниковъ къ той же цѣли и тѣми же путями порождаетъ между ними и евреями преувеличенное соперничество, вредно дѣйствующее на благосостояніе тѣхъ и другихъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, и постоянное накопленіе на евреяхъ неоплатныхъ недоимокъ, и не смотря на то, что подушная подать съ мѣщанъ отмѣнена еще съ начала 1863 г. и что съ коробочнаго сбора отчисляются ежегодно значительныя суммы на покрытіе слѣдующихъ съ евреевъ казенныхъ платежей, податныя недоимки не уплачены еврейскими обществами и по настоящее время» *.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ выше причинъ бѣдности еврейскаго населенія, самою главною слѣдуетъ считать тяжелый гнетъ сборовъ и повинностей, которыми обложены евреи во всѣхъ владѣльческихъ городахъ западныхъ губерній на основаніи вотчинныхъ правъ ихъ владѣльцевъ (въ одномъ юго-западномъ краѣ 347 владѣльческихъ городскихъ поселеній). Сборы эти довольно разнообразны: торговый, ярмарочный, мостильный, рогатковый, копытковый, каменный, дышловый, въѣздный, полѣнный и пр. Затѣмъ, существуютъ различныя повинности, денежныя и издѣльныя; разныя монопо-

* В. П. С. З.. Т. XL, № 42 264.

ліи при возведеніи построекъ, молотьбѣ хлѣба, устройствѣ фабричныхъ заведеній; данины, лаудеміи и т. п. Въ Бердичевѣ, напримѣръ, доходы владѣльца простираются въ настоящее время до 70,000 р. въ годъ, а въ прежнее время составляли гораздо большую сумму. Самыя статьи сбора въ разныхъ городахъ юго-западнаго края доходятъ до 28 и болѣе *. Такимъ образомъ, евреи, сверхъ государственныхъ податей и повинностей, сверхъ особыхъ, спеціально для нихъ установленныхъ сборовъ — коробочнаго и свѣчного, обременены еще налогами и повинностями въ силу ихъ крѣпостническихъ отношеній къ владѣльческимъ городамъ и мѣстечкамъ, которыя въ 1866 г. уничтожены въ одномъ Царствѣ Польскомъ и продолжаются еще понынѣ въ западныхъ губерніяхъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что правительство, проникнутое мыслью о необходимости обезпечить себѣ исправный платежъ податей и повинностей со стороны евреевъ, съ самаго начала присоединенія западныхъ губерній вело упорную борьбу съ еврейскимъ пролетаріатомъ,—прибѣгая къ различнымъ частнымъ и временнымъ, общимъ и постояннымъ, мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью прегражденіе чрезвычайнаго размноженія нищенствующихъ евреевъ и извлеченіе изъ него пользы обращеніемъ ихъ въ особыя сословія съ принудительною работой,—но что всѣ эти мѣры оказались безсильными противъ пустившаго глубокіе корни пауперизма еврейскихъ массъ, образовавшагося подъ вліяніемъ вѣковыхъ историческихъ условій. Все высказанное нами документально подтверждено указанными выше законодательными актами, несомнѣнно свидѣтельствующими, что евреи, какъ податное сословіе, всегда оказывались платежно-несостоятельными. При такихъ ясныхъ доказательствахъ бѣдности евреевъ въ массѣ и при такихъ очевидныхъ источникахъ образованія этой бѣдности, едва-ли можно будетъ согласиться съ основною мыслью «Кіевлянина»,

* Евреи въ Россіи, И. Оршанскаго.

что евреи собственно отличаются платежною состоятельностью, но всячески уклоняются отъ платежа податей и повинностей, и что поэтому является необходимость примѣненія къ нимъ такого строгаго способа взиманія податей и повинностей, какимъ представляется коробочный сборъ въ настоящей его формѣ.

Чтобъ доказать, что евреи сравнительно не такъ бѣдны, «Кіевлянинъ» приводитъ количество потребляемаго каждымъ евреемъ въ годъ мяса, которое составляетъ по его разсчету $46^1/_2$ фунтовъ, и восклицаетъ: «Такое отношеніе, не возможное ни въ какомъ другомъ изъ податныхъ сословій, можетъ служить мѣриломъ всеобщей бѣдности евреевъ» *. Но если провѣрить тѣ цифры, изъ которыхъ «Кіевлянинъ» выводитъ $46^1/_2$ ф. мяса на еврейскую душу въ годъ, то увидимъ, что онъ допустилъ невозможное предположеніе. За четырехлѣтіе (66—70 г.) коробочный сборъ получаетъ ежегодно 233,935 р., слѣдовательно,—говоритъ «Кіевлянинъ»,—евреи Кіевской губерніи потребляютъ не менѣе 11.696,777 ф. мяса, а такъ какъ евреевъ въ Кіевской губерніи 250,804 человѣка, то на каждаго приходится въ годъ $46^1/_2$ ф. Но если на 233,935 р. положить 11.696,777 ф. мяса, то фунтъ мяса стоитъ 2 съ чѣмъ-то копѣйки, а это именно невозможно, съ чѣмъ каждый согласится. Если же принять, что фунтъ еврейскаго кашернаго мяса стоитъ 8 копѣекъ, ниже чего и быть не можетъ, то цифры измѣнятся: на 233,935 р. придется 2.924,187 ф., которые, по раздѣленіи на 250,804 души, дадутъ въ результатѣ невозможное ни въ какомъ другомъ податномъ сословіи отношеніе $11^1/_2$ ф. на человѣка въ годъ. Но и это послѣднее отношеніе значительно измѣнится, если не считать такого минимума, какъ мы положили (8 к.), и если принять во вниманіе, что каждый богатый еврей потребляетъ гораздо болѣе $11^1/_2$ ф. мяса въ годъ.

* „Кіевлянинъ" 1868 г , № 106.

Еще страннѣе другое доказательство «Кіевлянина», состоящее въ томъ, что евреи составляютъ 10% всей массы населенія Западнаго края и имѣютъ въ своихъ рукахъ 36% всѣхъ фабрикъ и заводовъ, и что изъ 47 почтовыхъ станцій Кіевской губ. 42 находятся въ рукахъ евреевъ. Это можетъ быть и вѣрно, но да не забудетъ «Кіевлянинъ», что, говоря о всеобщей бѣдности евреевъ, нельзя говорить о тѣхъ евреяхъ, которые содержатъ фабричныя заведенія и почтовыя станціи, точно также, какъ нельзя было бы намъ, при желаніи, положимъ, доказать завидное положеніе крестьянъ, ссылаться на Губонина, Овсянникова и друг. Подъ бѣдными евреями мы разумѣемъ тотъ несчастный пролетаріатъ, которымъ переполненъ Западный край, на который указываетъ каждый честный изслѣдователь, имѣвшій случай съ нимъ встрѣчаться, — то именно жалкое, чахлое, истощенное населеніе, которое можно упрятать къ карманъ развѣ лишь одному «Кіевлянину».

V.

Третья группа — *общественныя надобности евреевъ.* — Оправданіе существованія коробочнаго сбора религіозными и національными особенностями евреевъ. — Несостоятельность этого взгляда. — Злоупотребленіе коробочнымъ сборомъ и вызываемыя ими смуты и волненія въ средѣ еврейскихъ обществъ. — Революція Алтера Заики. — Борьба еврейской массы съ міроѣдами. — Источники волненій. — Обязательность или необязательность расходовъ на еврейскія общественныя надобности въ связи съ вопросомъ: обусловливается-ли необходимость существованія отдѣльныхъ еврейскихъ общественныхъ учрежденій національною особенностью евреевъ, или установившимися противъ нихъ въ окружающей ихъ средѣ предразсудками.

На третью группу предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ суммъ коробочнаго сбора, на такъ называемыя общественныя надобности, смотрятъ какъ на источникъ религіозныхъ и національныхъ особенностей евреевъ. Обыкновенно говорятъ, что до подчиненія коробочнаго сбора правительственному контролю, евреи уже пользовались имъ для удовлетворенія своихъ надобностей, и такъ какъ онъ есть налогъ на *кошеръ*, упо-

требляемый евреями съ цѣлью препятствовать слiянiю ихъ съ другими народами, то они сами виноваты въ томъ, что относительно ихъ установлены исключительные налоги Затѣмъ прибавляютъ, что, въ виду существующихъ по коробочному сбору злоупотребленiй, въ которыхъ опять таки виновны одни евреи, необходимо исключить изъ числа обязательныхъ расходы на удовлетворенiе общественныхъ надобностей, представивъ эти послѣднiя усмотрѣнiю самихъ евреевъ и оставляя коробочный сборъ лишь для удовлетворенiя общественныхъ долговъ и государственныхъ податей и повинностей.

Эти искусственно созданныя комбинацiи и сдѣланные изъ нихъ выводы не оправдываются ни исторiею коробочнаго сбора, ни современною дѣйствительностью. Изъ вышеизложеннаго историческаго обзора постепеннаго развитiя группъ предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора, ясно видно, что удовлетворенiе общественныхъ надобностей составляетъ послѣднiй моментъ этого развитiя. Стало быть учрежденiе коробочнаго сбора самими евреями имѣло первоначальною цѣлью удовлетворенiе долговъ и государственныхъ податей и коренится, такимъ образомъ, не въ религiозныхъ и нацiональныхъ особенностяхъ евреевъ, а въ ихъ гражданскомъ состоянiи какъ подданныхъ государства.

Странно было бы думать опять, что евреевъ слѣдуетъ наказывать за то, что они употребляютъ кошеръ, т. е. мясо, приготовленное согласно съ обрядами и предписанiями ихъ религiи, и собственно потому, что этотъ кошеръ имѣетъ цѣлью разъединенiе съ другими народами (это «Кiевлянинъ» слышалъ самъ изъ устъ образованнаго еврея — самый вѣрный источникъ). Это мнѣнiе настолько же основательно, насколько было бы основательно напримѣръ мнѣнiе, что установленiе поста имѣетъ цѣлью разъединенiе православныхъ съ другими народами и что предметы постной пищи слѣдуетъ обложить поэтому особымъ налогомъ. Цѣль кошера состояла прежде всего въ томъ, чтобы сохранить въ народѣ чистоту и

нравственность, съ одной стороны — предохраненіемъ его отъ употребленія нездоровой мясной пищи и сосредоточеніемъ въ этихъ видахъ изслѣдованія скота въ рукахъ спеціалистовъ, а съ другой—устраненіемъ возможности развитія въ массѣ кровожадныхъ инстинктовъ. Первое предохраняетъ евреевъ отъ многихъ часто встрѣчающихся болѣзней, происходящихъ отъ зараженія мясною пищею, а второе поддерживаетъ въ нихъ отвращеніе къ крови и служитъ одною изъ причинъ, что по уголовной статистикѣ самый незначительный процентъ убійствъ падаетъ на долю евреевъ. Если бы кошеръ даже не имѣлъ въ виду никакихъ гигіенически-нравственныхъ цѣлей, а составлялъ бы одну лишь догму, значеніе которой затерялось въ исторической древности, то и тогда было бы несправедливо облагать его налогомъ какъ религіозный обрядъ, котораго придерживаются евреи: разсуждая такимъ образомъ, уничтожаютъ идею о религіозной терпимости, которая по нашему законодательству примѣняется и къ евреямъ. Если мясо облагается коробочнымъ сборомъ по нашему закону, то оно облагается не со стороны религіозной обрядности, а со стороны его удобности. Самымъ лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что обложеніе мяса налогомъ изобрѣтено самими евреями, а они сами не стали бы облагать его налогомъ какъ предметъ религіозный. Слѣдовательно несомнѣнно, что еврейское мясо обложено сборомъ просто по удобности его къ такому обложенію.

Если же учрежденіе коробочнаго сбора вызвано гражданскимъ состояніемъ евреевъ, а обложеніе имъ мяса объясняется удобностію его. то за евреями останется еще упрекъ въ томъ, что они злоупотребляютъ коробочнымъ сборомъ. Злоупотребленія эти, по мнѣнію «Кіевлянина», состоятъ въ занесеніи въ смѣты такихъ расходовъ на несуществующія потребности, которые удовлетворяются изъ другихъ источниковъ. На этомъ основаніи онъ приходитъ къ заключенію, что необходимо уничтожить обязательность расходовъ на предметы благотворитель-

ности и что этимъ самимъ положится конецъ всѣмъ волненіямъ и смутамъ, происходящимъ въ средѣ еврейскихъ обществъ *.

Общій недостатокъ всѣхъ русскихъ публицистовъ, подходящихъ къ еврейскому вопросу съ извѣстнаго рода предубѣжденіемъ, заключается въ томъ, что они дѣлаютъ неправильные выводы изъ констатируемыхъ ими фактовъ. Изъ того, что бываютъ злоупотребленія коробочнымъ сборомъ, а вслѣдствіе ихъ—волненія и смуты, вовсе не слѣдуетъ еще, что расходы на дѣла благотворительности должны быть исключены изъ числа обязательныхъ, а правильнѣе будетъ энергическими мѣрами содѣйствовать искорененію злоупотребленій. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что злоупотребленія, допускаемыя евреями въ требованіи расходовъ на такія надобности (каковы содержанія синагогъ, бань), которыя удовлетворяются своими собственными источниками, и предназначеніи ихъ для незаконныхъ цѣлей (выдача пособій цадикамъ и т. п.) не зависятъ отъ однихъ евреевъ. Волненія же и смуты еврейскихъ обществъ большею частью происходятъ не отъ указанныхъ злоупотребленій, а совершенно отъ другихъ, коренящихся въ самомъ положеніи о коробочномъ сборѣ и въ соціальныхъ условіяхъ нашей жизни вообще.

Какъ извѣстно изъ приведенныхъ выше правилъ о коробочномъ сборѣ, смѣты по коробочнымъ сборамъ, составляемыя евреями при участіи городскихъ учрежденій, утверждаются губернскимъ начальствомъ. Неужели и ближайшее и отдаленное начальства дѣйствуютъ совершенно безсознательно, руководимыя однимъ желаніемъ евреевъ въ опредѣленіи ихъ нуждъ и потребностей? Въ такомъ случаѣ пришлось бы вынести убѣжденіе, что установленный закономъ контроль остается мертвою буквою, а начальство превращается въ машину, дѣйствующую по прихотямъ еврейскихъ обществъ. Это было бы весьма печально. Но еще печальнѣе то, что во многихъ мѣстахъ значи-

* „Кіевлянинъ“ 1868 г. №№ 105—107.

тельныя статьи негласныхъ расходовъ, обращаемыхъ въ смѣтѣ на предметы, удовлетворяемые изъ своихъ собственныхъ источниковъ, не всегда составляютъ одни расходы на пособія цадикамъ и т. п. цѣли, но и другіе, имѣющіе непосредсвенною задачею сообщить смѣтамъ силу законности, облечь ихъ въ формальную дѣйствительность. «Хотя на основаніи закона, говорится въ журналѣ упомянутой выше коммиссіи, думы обязываются приглашать при обсужденіи предстоящихъ на наступающее четырехлѣтіе расходовъ для совѣщанія осѣдлыхъ и зажиточныхъ членовъ еврейскихъ обществъ, но извѣстно, что мѣра эта практически не достигаетъ цѣли, или вовсе не приводится въ исполненіе. Отъ этого смѣты еврейскихъ обществъ, какъ видно изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, составляются, такъ сказать, машинально, ибо въ каждую смѣту вносятся предъ началомъ четырехлѣтія многообразные расходы, какъ напримѣръ: на содержаніе бѣдныхъ учениковъ, погребеніе умершихъ бѣдныхъ, содержаніе синагогъ и бань, а также на постройку и починку общественныхъ зданій и другія мѣстныя потребности; однимъ словомъ, на всѣ статьи, узаконяемыя положеніемъ, безъ всякаго соображенія — будетъ-ли предстоять въ нихъ надобность, или нѣтъ, и тогда какъ многія изъ этихъ учрежденій, какъ напр., синагоги, бани и т. д. имѣютъ свои собственныя статьи дохода и не нуждаются вовсе въ пособіяхъ изъ суммъ коробочнаго сбора. Наконецъ, отпущенныя деньги, какъ извѣстно, не всегда достигаютъ своей цѣли, и весьма часто остаются въ рукахъ лицъ, распоряжающихся еврейскими учрежденіями. Изъ сего явствуетъ, что при настоящемъ положеніи дѣла еврейскія общества совершенно устранены отъ наблюденія за употребленіемъ суммъ коробочнаго сбора по ихъ назначенію». Но въ весьма рѣдкихъ исключеніяхъ, гдѣ вслѣдствіе бдительности контроля противозаконныя стремленія еврейскихъ обществъ встрѣчаютъ отпоръ, самыя злоупотребленія не воспринимаютъ никакой силы, и расходы, такимъ образомъ, сокращаются вдвойнѣ. Изъ сказанна-

го слѣдуетъ, что только односторонность во взглядѣ можетъ приписывать существованіе сказанныхъ злоупотребленій исключительно однимъ евреямъ, ингорируя при томъ самую главную силу, обязательное содѣйстіе которой небходимо для того, чтобы злоупотребленія изъ предположенія перешли въ дѣйствительную жизнь.

Но не въ одномъ маскированіи статей расходовъ заключаются злоупотребленія по коробочному сбору. Этотъ источникъ злоупотребленій, безъ сомнѣнія, въ своемъ результатѣ имѣетъ искусственное увеличеніе расходовъ, которые ложатся тяжелымъ гнетомъ на бѣдную массу евреевъ, эксплоатируемую вкоренившимися въ ихъ средѣ міроѣдами. Но еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ злоупотребленія откупщиковъ и компаній, противъ которыхъ безсильно и начальство, и которые находятъ себѣ опору въ самомъ положеніи о коробочномъ сборѣ. Между тѣмъ, эти злоупотребленія касаются непосредственно одного изъ жизненныхъ вопросовъ—возможности или невозможности употребленія мяса. Несмотря на условія заключеннаго съ откупщикомъ договора, установляющія обыкновенно максимумъ цѣны на мясо, послѣдняя произвольно возвышается подъ разными предлогами въ той увѣренности, что въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда даже вопли массы дойдутъ до властей и будутъ ими услышаны, придется уплатить установленный положеніемъ незначительный штрафъ въ 5 р. Вотъ эти-то дешево оплачиваемыя злоупотребленія и производятъ подчасъ въ средѣ бѣдняго класса еврейскаго населенія смуты, которыя вызываютъ иногда весьма серьезныя послѣдствія. Можно сказать, что во всѣхъ городахъ Западнаго края коробочный сборъ раздѣляетъ евреевъ на 2 рѣзкія группы—состоятельныхъ и бѣдняковъ. Состоятельные обязаны по коробочному сбору отвѣчать за всѣхъ неимущихъ, а потому естественно, при настоящихъ условіяхъ общественной жизни, стремленіе со стороны болѣе состоятельныхъ къ увеличенію суммъ коробочнаго сбора на счетъ того населенія, за которое

имъ не рѣдко приходится расплачиваться. Кромѣ того, состоятельные евреи считаютъ, что на ихъ счетъ падаютъ всѣ средства, необходимыя на содержаніе бѣдныхъ евреевъ въ больницахъ и другихъ благотворительныхъ заведеніяхъ. Бѣдняки же, участвуя послѣдними силами въ коробочномъ сборѣ, съ своей стороны полагаютъ, что они въ своемъ лицѣ представляютъ и благодѣтелей и благодѣтельствуемыхъ, и что они, напротивъ, содѣйствуютъ подчасъ своими кровными средствами сооруженію такихъ зданій, которыя полезны лишь для однихъ богачей и въ которыя имъ даже прегражденъ доступъ. «Справедливо-ли, замѣчаетъ бывшій новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ графъ Строгоновъ, заставлять бѣдняка-еврея, посредствомъ участія въ коробочномъ сборѣ, давать пособіе на богоугодное заведеніе, т. е. заставлять давать пособіе бѣднымъ того, кто самъ бѣденъ? Справедливо-ли требовать отъ недостаточнаго человѣка жертвы на постройку весьма дорого-стоющаго зданія синагоги, возведеніе которой задумали представители общества — люди съ достаточными средствами?» *.

Сверхъ того, многочисленный классъ бѣдняковъ совершенно лишенъ совѣщательнаго голоса въ дѣлахъ коробочнаго сбора — городскія учрежденія составляютъ смѣты расходамъ при участіи однихъ лишь зажиточныхъ и осѣдлыхъ евреевъ—и не имѣетъ даже права требовать отчетности въ расходованіи суммъ согласно ихъ смѣтному назначенію. Вслѣдствіе этого бѣдный классъ евреевъ считаетъ себя отданнымъ на откупъ болѣе состоятельнымъ и не въ состояніи въ самомъ началѣ предупреждать возможность будущихъ злоупотребленій. Естественно поэтому, что ему остается одинъ путь для защиты своихъ правъ, путь жалобы по начальству, а въ случаѣ неудачи — путь протеста противъ злоупотребленій откупщиковъ и міроѣдовъ, для котораго употребляются различныя средства, лишь

* См. Журналъ Коммиссіи, 1858 г.

бы привлечь вниманіе и вмѣшательство властей. Чтобы убѣдить нагляднѣйшимъ образомъ въ томъ, до чего иногда доходятъ ухищренія въ стѣсненіяхъ со стороны откупщиковъ и въ чемъ выражается протестъ бѣднаго класса населенія, достаточно указать на получившаго въ юго-западномъ краѣ популярность Алтера Заику, горячаго протестанта во имя интересовъ бѣднаго класса, окруженнаго до сихъ поръ ореоломъ мученника, вызвавшаго къ себѣ полное сочувствіе мѣстной печати и доставившаго народнымъ еврейскимъ писателямъ прекрасный матеріалъ для драмматическихъ и беллетристическихъ произведеній (въ родѣ «Такса», или «Шайка грабителей», «Тайны такого-то города» и т. п.). Дѣло въ томъ, что въ одномъ городѣ юго-западнаго края, въ которомъ откупщики до нельзя подняли цѣну на мясо, оставивъ при этомъ неизмѣнною таксу на рѣзаніе птицъ, размножились въ значительномъ количествѣ такъ называемые калькутскіе пѣтухи, отличающіеся сравнительно большимъ вѣсомъ. Алтеръ Заика, дряхлый и бѣдный старикъ, душею преданный интересамъ бѣднаго класса, напалъ на мысль, вмѣсто воловьяго мяса, употреблять калкутскихъ пѣтуховъ. Примѣру его послѣдовали и всѣ другіе бѣдняки, и этотъ маневръ имѣлъ послѣдствіемъ значительное уменьшеніе доходовъ съ коробочнаго сбора, ибо увеличенный въ размѣрѣ акцизъ, который приходилось бы уплатить за нѣсколько фунтовъ говядины, значительно, быть можетъ впятеро, перевышалъ таксу акциза, положенную на рѣзаніе птицъ, имѣющихъ тотъ же вѣсъ. Разслѣдовавъ причину обнаруженнаго явленія, откупщики стали прибѣгать къ довольно хитрымъ уловкамъ, съ цѣлью не вооружить противъ себя массы. Они возбудили у духовнаго раввина общій вопросъ — дозволено-ли по предписаніямъ религіи употреблять въ пищу калькутскихъ пѣтуховъ. Раввинъ, по недоумѣнію-ли или по неточному знанію, запретилъ. Запрещеніе это возмутило Алтера, который тоже былъ посвященъ въ лабиринтъ еврейской религіозный письменности, и онъ отправился къ

раввину и доказывалъ ему что калькутскій пѣтухъ не помѣщенъ въ спискѣ запрещенныхъ птицъ. Раввинъ, поставленный въ неловкое положеніе и не желая, можетъ быть, отмѣнить свой собственный приговоръ, посовѣтовалъ Алтеру обратиться за разрѣшеніемъ вопроса къ извѣстнымъ авторитетамъ религіозной науки въ Галиціи. Алтеръ, не сообщая даже своему собственному семейству о задуманномъ планѣ, пѣшкомъ отправился въ Галицію, и чрезъ два-три мѣсяца возвратился оттуда и сталъ на форумъ съ калькутскимъ пѣтухомъ въ рукахъ. Собравшемуся народу Алтеръ прочелъ припечатанное къ пѣтуху же рѣшеніе галиційскихъ авторитетовъ, имена которыхъ извѣстны массѣ, по которому калькутскіе пѣтухи дозволены закономъ въ пищу. Какъ электрическая искра разнеслась по всему городу эта вѣсть, живо интересовавшая весь бѣдный классъ населенія, который видѣлъ въ Алтерѣ безкорыстнаго борца за правду во имя народпыхъ интересовъ. Но не долго продолжалось это торжество; нашли средство избавиться отъ Алтера самымъ безцеремоннымъ и дешевымъ образомъ. Откупщики и міроѣды откопали у какого-то еврея старый вексель на Алтера, и при посредствѣ подставнаго лица и на основаніи 655 ст. вексельнаго устава подвергли его личному задержанію. Всѣ хлопоты жены и дочери его, равно какъ и студентовъ-евреевъ Кіевскаго университета, у губернатора и генералъ-губернатора остались безъ послѣдствій, и несчастный старикъ продолжалъ томиться въ заключеніи. Между тѣмъ въ городѣ, гдѣ Алтеръ содержался на счетъ содержателей коробочнаго сбора, случилась ревизія почты, и между прочимъ найдены были неотправленными въ теченіе года пакеты на имя начальствующихъ лицъ и центральныхъ учрежденій, и, какъ оказалось, пакеты эти были поданы на почту Алтеромъ. Чиновникъ особыхъ порученій, ревизовавшій почту, желая собрать у него свѣдѣнія объ этихъ пакетахъ, розыскалъ семейство Алтера и узналъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ по искусственно-созданному вексельному взысканію. Чиновникъ

до того тронутъ былъ несчастнымъ положеніемъ Алтера и семьи его, что оказалъ послѣдней пособіе изъ своихъ собственныхъ средствъ, и сверхъ того, узнавъ, что студенты-евреи принимаютъ близкое участіе въ судьбѣ Алтера, обѣщался также, по пріѣздѣ на мѣсто, повидаться съ ними и придумать какой-нибудь способъ освобожденія Алтера. И дѣйствительно чиновникъ сдержалъ слово и, убѣдившись въ томъ, что всякія ходатайства, клонившіяся къ обнаруженію злоупотребленій, которыя подали поводъ къ самому взысканію, безполезны, онъ вмѣстѣ со студентами остановился на спасительной мѣрѣ собрать пожертвованія для выкупа Алтера изъ неволи посредствомъ уплаты по взысканію. Первый пожертвовалъ свою лепту самъ чиновникъ, затѣмъ студенты въ нѣсколько дней сколотили остальную сумму и внесли ее губернатору съ просьбою телеграфировать объ освобожденіи Алтера. Алтеръ былъ освобожденъ, но когда деньги прибыли въ полицію не оказалось кредитора. Испугавшись огласки, которую получило злосчастное дѣло Алтера, подставной кредиторъ заявилъ, что ему Алтеръ ничего не долженъ, а содержатели коробочнаго сбора отклонили отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ *.

Алтеръ не единственный продуктъ коробочнаго сбора: такихъ жертвъ насчитывается много—и вотъ злоупотребленія, которыя достойны вниманія общества, и которыя коренятся преимущественно въ безотвѣтственности, допускаемой положеніемъ о коробочномъ сборѣ.

Но какъ бы злоупотребленія ни были велики, нельзя же все-таки думать, что они искоренятся, если расходы на еврейскія общественныя надобности сдѣлать необязательными. Нужно устранять причины, способствующія развитію этихъ злоупотребленій, но не лишать евреевъ средствъ, необходимыхъ на удовлетвореніе ихъ общественныхъ потребностей,

* «Кіевлянинъ», 1869 г. №№ 25 и 101.

тѣмъ болѣе, что еще далеко не рѣшено — обусловливается-ли существованіе отдѣльныхъ еврейскихъ учрежденій обособленностью евреевъ, или же предразсудками, установившимися противъ нихъ въ окружающей ихъ средѣ? Можно-ли съ увѣренностью сказать, что евреи теперь находятъ себѣ легкій доступъ въ общія учрежденія, когда въ этомъ представляется надобность, по недостатку-ли мѣста въ спеціально еврейскихъ учрежденіяхъ, или же по нежеланію самихъ евреевъ помѣщаться въ этихъ послѣднихъ? Напротивъ, не только—если есть малѣйшій предлогъ—евреямъ de facto отказываютъ въ пріемѣ въ общія учрежденія, гдѣ они de jure могутъ быть принимаемы, но уже нерѣдко при самомъ основаніи общихъ заведеній установляются правила, преграждающія къ нимъ доступъ евреямъ даже и тогда, когда они своими пожертвованіями принимаютъ участіе въ ихъ учрежденіи. Такъ, напр., по уставу кіевскаго александровскаго ремесленнаго училища тамъ не принимаются дѣти *не-христіанскихъ* исповѣданій, хотя заведеніе это вызвано къ жизни капиталомъ, пожертвованнымъ первоначально на учрежденіе въ Кіевѣ Александровскихъ воротъ, въ образованіи котораго значительное участіе принимали евреи... Во вниманіе къ тому, что евреи содѣйствовали своими средствами основанію этого заведенія, слова: «за исключеніемъ евреевъ» дипломатически замѣнили словами: «за исключеніемъ не-христіанскихъ исповѣданій». Мало того, есть примѣры противоположнаго характера. Ремесленное училище общества «Трудъ», учрежденное въ Одессѣ евреями, пожелало перемѣнить свой уставъ въ томъ смыслѣ, чтобы открыть туда доступъ и дѣтямъ не-еврейскихъ исповѣданій,— и въ этомъ было отказано. При этихъ условіяхъ, возможно-ли, положа руку на сердце, сказать, что существованіе спеціально-еврейскихъ учрежденій вызывается замкнутостью еврейскаго быта, а потому имъ слѣдуетъ отказать въ средствахъ на удовлетвореніе нуждъ этихъ заведеній даже изъ суммъ коробочнаго сбора, составляющаго спеціально для евреевъ установлен-

ный налогъ? Независимо отъ крайней несправедливости самой мѣры, предлагаемой «Кіевляниномъ», представляется весьма серьезный вопросъ: что стало бы съ евреями, если бы предоставить ихъ самимъ себѣ въ дѣлѣ устройства общественныхъ учрежденій? Самъ «Кіевлянинъ» указываетъ на примѣръ евреевъ Царства Польскаго, которые, по уничтоженію въ 1862 г. коробочнаго сбора, ходатайствовали о возстановленіи его, вслѣдствіе оказавшагося огромнаго недобора въ суммахъ, предназначавшихся собственно на общественныя надобности по раскладкѣ. Этому можно вполнѣ повѣрить, потому что при бѣдности еврейской массы, неимовѣрно трудно поддерживать уже существующія спеціально-еврейскія заведенія, а тѣмъ менѣе, слѣдовательно, можно думать объ учрежденіи новыхъ, въ которыхъ, однако, чувствуется насущная потребность. Изъ богатыхъ же русскихъ евреевъ очень немногіе задаются серьезною мыслью объ улучшеніи быта своихъ бѣдныхъ собратьевъ. У насъ нѣтъ пока ни Монтефіоре, ни Якобсоновъ, которые, сверхъ матеріальныхъ пожертвованій, проникались бы мыслью о необходимости улучшить жалкую участь еврейскихъ массъ западнаго края Россіи. Даже въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій къ намъ на помощь являются наши иностранные единовѣрцы, въ которыхъ національное чувство еще согрѣто любовью къ страждущимъ собратамъ. Кому не памятенъ голодъ, свирѣпствовавшій въ 1870 году въ Ковенской губерніи, истреблявшій тысячами русскихъ евреевъ? Не богатые русскіе, а иностранные евреи приняли близко къ сердцу дѣло русскихъ евреевъ, и они призвали участіе русской правительственной власти въ обсужденіи общихъ мѣръ, которыя представлялись, по ихъ убѣжденію, необходимыми въ видахъ искорененія причинъ крайней бѣдности евреевъ. Сколько тогда потрачено было средствъ на переселеніе русскихъ евреевъ въ другія страны; независимо отъ непосредственной помощи, одни германскіе евреи пожертвовали болѣе 200,000 таллеровъ на улучшеніе быта эмигрантовъ-евреевъ; французскіе и англійскіе евреи

также открывали подписки для той же цѣли, образовали комитеты, спорили изъ-за насъ между собою, а мы были апатичны къ этому дѣлу и даже, быть можетъ, радовались тому, что тифозная горячка, спутница свирѣпствовавшаго тогда голода, снесетъ въ могилу массу тѣхъ бѣдняковъ, которые мозолятъ намъ глаза, и избавитъ насъ отъ лишнихъ заботъ; мы, кажется, смотрѣли на нашихъ иностранныхъ единовѣрцевъ, какъ на наивныхъ дураковъ, переселяющихъ къ себѣ массу людей, которымъ самый лучшій исходъ указала незабвенная теорія Мальтуса. При такихъ условіяхъ, можно-ли разсчитывать, что еврейскія учрежденія будутъ устраиваться и поддерживаться добровольными пожертвованіями богатыхъ евреевъ? Правда, они иногда ознаменовываютъ извѣстныя событія крупными пожертвованіями, но при этомъ, вслѣдствіе крайняго либерализма, или по другимъ причинамъ, предназначаютъ свои пожертвованія почти исключительно въ пользу общихъ учрежденій. Мы, конечно, не имѣемъ ничего противъ пожертвованій богатыми евреями громадныхъ суммъ въ пользу общихъ учрежденій, но мы склонны думать, что не слѣдуетъ при этомъ забывать и своихъ собственныхъ единовѣрцевъ, которые въ большинствѣ случаевъ не допускаются въ общія учрежденія, хотя бы и основанныя отчасти и на еврейскія деньги, какъ указано было выше. Самъ «Кіевлянинъ», опасаясь наплыва евреевъ въ общія учрежденія, признаетъ необходимымъ сдѣлать исключеніе для содержанія больницъ, которое, по его мнѣнію, должно быть отнесено къ расходамъ обязательнымъ, хотя евреи платятъ наравнѣ съ другими подданными земскія повинности и имѣютъ, какъ слѣдуетъ полагать, право пользоваться общими учрежденіями. Но «Кіевлянинъ» думаетъ, что коробочный сборъ необходимъ потому, что изъ него покрывается большая часть земскихъ повинностей (изъ 101,000 р. земскаго сбора Кіевской губ. за 1868 г. 80,000 р. покрыты изъ суммъ взимаемаго съ евреевъ коро-

бочнаго сбора) *. Согласно съ этимъ можно было бы полагать, что евреи могутъ уже пользоваться и учрежденіями земства, какъ участники въ сборѣ его. Между тѣмъ «Кіевлянинъ» оправдываетъ необходимость существованія коробочнаго сбора еще и тѣмъ, что изъ него долженъ быть потраченъ обязательный расходъ на содержаніе спеціально-еврейскихъ больницъ. Другими словами это значитъ: еврей не долженъ обособляться, а долженъ платить повинности наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ; если же евреи не имѣютъ чѣмъ платить, или, выражаясь языкомъ «Кіевлянина», уклоняются отъ платежа повинностей, то для принудительной уплаты долженъ быть учрежденъ коробочный сборъ, изъ котораго и слѣдуетъ покрывать всѣ недоимки по земскому сбору; если же недоимки, благодаря Бога, уже покрыты изъ коробочнаго сбора, то неугодно-ли евреямъ содержать для себя спеціальныя учрежденія въ видахъ большаго удобства для коренного населенія. Если подобныя разсужденія, на взглядъ «Кіевлянина», и возможны сами по себѣ, то могутъ-ли они имѣть мѣсто рядомъ съ другимъ разсужденіемъ о томъ, что спеціально-еврейскія учрежденія вызываются національными и религіозными особенностями евреевъ? Одно изъ двухъ: или евреи должны считаться общими подданными и, уплативъ повинности, пользоваться общими учрежденіями, или же они должны считаться обособленными гражданами и сами содержать свои учрежденія, но въ такомъ случаѣ не должны платить повинностей на общія учрежденія. Иного выхода изъ этой дилеммы мы не видимъ.

Итакъ очевидно, что третья группапредметовъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора, составляетъ результатъ не обособленности евреевъ, а неопредѣленности закона о коробочномъ сборѣ, —результатъ соціальныхъ условій нашего общественнаго

* См. указанные выше нумера «Кіевлянина» за 1868 г.

быта вообще и предразсудковъ русскаго общества и печати въ особенности.

VI.

Необходимость существованія коробочнаго сбора и основанія ея.—Необходимость измѣненія формы нынѣ дѣйствующей сисгемы коробочнаго сбора.—Недостатки этой послѣдней.—Средства для облегченія налога и достиженія наибольшей уравнительности.—Улучшеніе системы представительства евреевъ по предметамъ коробочнаго сбора.—Окончательные выводы.

Ознакомивъ такимъ образомъ читателя съ исторіею происхожденія коробочнаго сбора и съ отдѣльными его частями: съ отяготительными долгами, съ историческимъ ходомъ борьбы правительства съ еврейскимъ пролетаріатомъ съ цѣлью обезпечить уплату податей и повинностей, равно и съ борьбою, происходящею въ средѣ самыхъ еврейскихъ обществъ,—мы можемъ перейти къ разрѣшенію вопроса о томъ: долженъ ли коробочный сборъ оставаться въ своей силѣ, а если долженъ, то можетъ ли онъ существовать въ той формѣ, въ какой онъ установленъ по нынѣ дѣйствующимъ о немъ положеніямъ?

Изъ того, что мы высказали при разсмотрѣніи вопроса объ общественныхъ надобностяхъ евреевъ и уплатѣ государственныхъ податей и повинностей, читатель могъ уже заключить, что мы стоимъ за удержаніе коробочнаго сбора. Хотя удовлетвореніе общественныхъ долговъ изъ коробочнаго сбора мы считаемъ несогласнымъ съ историческою правдою; хотя съ отмѣною подушныхъ податей съ мѣщанъ, въ 1863 г., нѣтъ надобности въ удовлетвореніи ихъ изъ суммъ коробочнаго сбора, тѣмъ не менѣе мы готовы стать на сторону «Кіевлянина» и признать необходиIмость его существованія. Но эту необходимость мы признаемъ не въ силу высказанныхъ «Кіевляниномъ» соображеній, а руководствуясь лишь интересами бѣднаго населенія евреевъ. Если вслѣдствіе отмѣны коробочнаго сбора отвѣтственность въ уплатѣ повинностей, вмѣсто общественной, превратить въ личную, а содержаніе общественно-благотворительныхъ заведеній предоставлено будетъ усмотрѣнію

самыхъ еврейскихъ обществъ,—то еврейское бѣдное населеніе будетъ поставлено въ довольно затруднительное положеніе. Громадная масса бѣдняковъ, за которую въ настоящее время уплачиваются повинности изъ коробочнаго сбора, была бы доведена до лишенія въ буквальномъ смыслѣ скудныхъ средствъ къ существованію. Независимо отъ этого, все это безчисленное населеніе, которое въ настоящее время получаетъ первоначальное образованіе въ спеціальныхъ, вездѣ существующихъ у евреевъ народныхъ школахъ (талмудъ-торахъ), принаровленныхъ какъ нельзя лучше къ быту бѣднаго класса, лишено было бы возможности научиться русской и еврейской грамотѣ, а также надзора въ отношеніи нравственномъ, который такъ необходимъ въ дѣтскомъ возрастѣ и въ особенности еще такихъ дѣтей, которыя дома, по бѣдности родителей и многочисленности еврейской семьи, остаются безъ всякаго почти надзора. Вся эта масса дѣтей не имѣла бы возможности посѣщать общія учебныя заведенія отчасти потому, что она, по самому положенію своему и незнанію русскаго языка, къ общимъ народнымъ школамъ не подготовлена; отчасти же потому, что народныхъ школъ у насъ не существуетъ въ такомъ количествѣ, чтобы могли принять все нуждающееся въ первоначальной грамотѣ еврейское населеніе. Кромѣ того, при господствующемъ настроеніи противъ евреевъ, при современномъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ представителей общихъ народныхъ школъ, еврейскія дѣти едва ли могли бы ждать человѣколюбиваго обращенія, какъ со стороны христіанскихъ дѣтей, такъ и со стороны самихъ учителей. Независимо отъ всего этого, еврейскія дѣти вступаютъ въ еврейскія школы въ самомъ раннемъ возрастѣ, начиная съ 4 лѣтъ, по весьма естественной причинѣ, именно потому, что въ родительскомъ домѣ они остаются безъ всякаго надзора; между тѣмъ въ такомъ раннемъ возрастѣ они едва ли могли бы найти доступъ въ общія народныя училища. Такимъ образомъ, въ настоящее время, вслѣдствіе соціально-экономическихъ, религіозно-націо-

нальныхъ и другихъ причинъ, представляется еще необходимость въ существованіи отдѣльныхъ еврейскихъ народныхъ училищъ. Съ отмѣною же коробочнаго сбора и уничтоженіемъ того источника, изъ котораго покрываются рзсходы на содержаніе народныхъ школъ, вся безчисленная масса еврейскихъ дѣтей бѣднаго класса обречена будетъ на невѣжество и на всѣ пороки, соединенные съ праздностью. Между тѣмъ извѣстно, что еврейскія народныя школы, пока ничемъ незамѣнимыя, не только поддерживаютъ нравственный духъ евреевъ, но и доставляютъ имъ возможность, по выходѣ изъ нихъ, посѣщать общія училища, и бывали примѣры, что изъ еврейскихъ талмудъторъ доходили до высшихъ учебныхъ заведеній имперіи.

То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ общественно-благотворительныхъ учрежденіяхъ евреевъ, каковы больницы, богадѣльни, ремесленныя школы и другія. Едва ли еврейское населеніе могло бы при общественныхъ бѣдствіяхъ—эпидемическихъ болѣзняхъ, голодѣ и т. п. разсчитывать на общія благотворительныя учрежденія, въ содержаніи которыхъ они, однако, участвуютъ: въ этомъ, по нашему убѣжденію, и сомнѣваться невозможно, и мы напрасно начали словами «едва-ли». Съ другой стороны нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что въ сказанныхъ случаяхъ нельзя было бы разсчитывать на энергію и щедрость богатыхъ евреевъ: въ этомъ насъ достаточно убѣдилъ голодъ въ Ковенской губ. Затѣмъ, неизвѣстно также, когда наконецъ рѣшатся отрыть для скученнаго въ Западномъ краѣ еврейскаго населенія двери внутреннихъ губерній; а если отворятъ, то неизвѣстно опять, найдется ли у насъ довольно такихъ благодѣтелей, которые доставили бы переселенцамъ матеріальную помощь, или намъ нужно будетъ выжидать помощи отъ нашихъ западныхъ единовѣрцевъ? Все это вопросы будущаго, а условія настоящаго такъ неблагопріятны, что если всю массу бѣдныхъ евреевъ предоставить самой себѣ, то всѣ еврейскія общественно-благотворительныя учрежденія прекратятъ свое существованіе. Спрашивается:

можно ли обречь безчисленную массу бѣднаго класса на такое безъисходное положеніе? Конечно нѣтъ! Поэтому необходимо удержать коробочный сборъ. Но еще болѣе важенъ вопросъ о томъ, въ какой формѣ слѣдуетъ устроить его? Въ настоящее время коробочный сборъ лежитъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдномъ классѣ евреевъ. Хотя въ нашемъ законѣ, сверхъ общаго коробочнаго, падающаго на предметы первой необходимости— на мясо—существуетъ еще, для уравнительности, и вспомогательный сборъ, падающій на доходы и промышленность, но вслѣдствіе того, что совѣщательный голосъ при составленіи четырехгодичныхъ смѣтъ имѣютъ по закону одни зажиточные и осѣдлые евреи, къ вспомогательному коробочному сбору рѣдко обращаются, такъ что привлеченіе къ участію въ коробочномъ сборѣ богатаго класса, которое законодатель имѣлъ въ виду установленіемъ вспомогательнаго сбора, остается мертвою буквою. Это тѣмъ болѣе несправедливо, что, по закону, для соблюденія надлежащей уравнительности, таксы на предметы общаго коробочнаго сбора и опредѣленіе извѣстнаго процента въ сборѣ вспомогательномъ соразмѣряются не только съ количествомъ душъ, но и съ степенью промышленности населенія. Слѣдовательно тамъ, гдѣ вспомогательный сборъ не установляется, соразмѣреніе таксы не только съ количествомъ душъ, но и съ степенью промышленности, значительно возвышаетъ его,—а между тѣмъ она возвышается несправедливо, ибо падаетъ на предметъ первой необходимости, слѣдовательно на одинъ бѣдный классъ. Кромѣ всего этого, при установленіи таксы на предметы общаго коробочнаго сбора, принимается во вниманіе число душъ дѣйствительнаго населенія безъ всякаго соображенія ихъ платежной состоятельности. Между тѣмъ, участки, которые отличаются большимъ количествомъ душъ, но наиболѣе бѣдныхъ, облагаются высшею таксою; стало быть, размѣръ таксы большею частію идетъ обратно пропорціонально платежнымъ средствамъ населенія. Положеніе это становится еще тѣмъ болѣе тягостнымъ для бѣднаго класса, что, не участвуя въ самомъ

установленіи таксъ, онъ остается безсильнымъ противъ злоупотребленій содержателей коробочнаго сбора, вслѣдствіе установленной закономъ незначительной отвѣтственности, далеко не соразмѣримой съ безграничною властію и преимуществами, имъ по законамъ предоставленными. До судебнаго же порядка споры евреевъ о злоупотребленіяхъ откупщиковъ могутъ доходить не иначе какъ по усмотрѣнію губернскихъ правленій. Такимъ образомъ, неисполненіе коробочнаго сбора во всѣхъ частяхъ и неудовлетворительность его правилъ усиливаетъ въ значительной степени его отяготительность для бѣднаго населенія евреевъ. Поэтому слѣдуетъ преобразовать коробочный сборъ на такихъ началахъ, которыя бы на самомъ дѣлѣ гарантировали уравнительность его. Въ этихъ видахъ, слѣдуетъ прежде всего уменьшить кругъ предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора. Необходимо прежде всего исключить изъ него общественные долги, по крайней мѣрѣ безсрочные. Сама исторія происхожденія ихъ указываетъ на то, что они должны быть исключены какъ мрачныя и вѣчныя свидѣтельства средневѣковыхъ гоненій. Опасенія «Кіевлянина», что съ уничтоженіемъ этихъ долговъ придется покрыть расходы духовенства насчетъ остальнаго населенія, ни сномъ, ни духомъ неповиннаго въ долгахъ евреевъ,—полагаемъ, ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми тягостями, которыя падаютъ на евреевъ, ни сномъ, ни духомъ тоже неповинныхъ въ возложенныхъ на нихъ католическимъ духовенствомъ XVII и XVIII столѣтій долговъ. Независимо отъ этого, удовлетвореніе расходовъ по содержанію благотворительныхъ учрежденій католическихъ монастырей, населенныя имѣнія которыхъ приняты были въ управленіе казны въ первую половину XIX столѣтія, вслѣдствіе общей политической мѣры, должно пасть на всѣхъ подданныхъ государства, а не на однихъ евреевъ. Мы думаемъ, что противъ этого исключенія никто изъ люцей здравомыслящихъ ничего имѣть не можетъ. Изъ долговъ же срочныхъ, по которымъ погашаются ежегодно сверхъ процентовъ еще и

извѣстныя части капиталовъ, необходимо оставить одни лишь тѣ, рѣшенія по которымъ состоялись или утвердежны были въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ. Точно также, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ исключить изъ коробочнаго сбора расходы по содержанію раввинскихъ коммиссій и ученыхъ евреевъ при генералъ-губернаторахъ и губернаторахъ, такъ какъ эти учрежденія вызываются необходимостью государственнаго управленія, расходъ по которому удовлетворяется изъ общихъ государственныхъ средствъ. Затѣмъ, въ отношеніи платежа изъ суммъ коробочнаго сбора чинша за земли и плацы, занимаемые еврейскими общественными зданіями и вообще въ отношеніи закрѣпощенія евреевъ къ землѣ вотчинныхъ владѣльцевъ западныхъ губерній, слѣдовало бы, разумѣется, предпринять общую коренную реформу, съ цѣлью прекращенія этихъ аномальныхъ отношеній на тѣхъ же началахъ, на какихъ это сдѣлано было въ Царствѣ Польскомъ. Но къ сожалѣнію, мѣры, принятыя правительствомъ въ этомъ отношеніи въ Западномъ краѣ, пріостановлены и вопросъ о прекращеніи сборовъ, взимаемыхъ владѣльцами съ евреевъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, остается нерѣшеннымъ по настоящее время. Между тѣмъ съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ также вопросъ объ удовлетворительномъ устройствѣ системы коробочнаго сбора. Съ исключеніемъ же нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ суммъ коробочнаго сбора, возможно будетъ исключить также и кругъ нѣкоторыхъ предметовъ, облагаемыхъ коробочнымъ сборомъ, потому что въ такомъ случаѣ имъ будутъ покрываться лишь расходы на нѣкоторые срочные долги, на государственныя повинности и на общественныя надобности евреевъ. Для удовлетворенія же этихъ потребностей достаточно будетъ изъ 57 предметовъ общаго сбора оставить сборъ съ рѣзанія птицъ на кошеръ, а изъ 11 предметовъ вспомогательнаго сбора—одинъ лишь сборъ въ видѣ извѣстнаго процента съ денежныхъ капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ. Общій сборъ съ убоя скота и продажи мяса, равно и

вспомогательный сборъ съ предметовъ, приносящихъ доходъ, и съ различныхъ статей промышленности слѣдуетъ замѣнить сборами съ купечества и промысла, равно и сборами по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ, т. е. такими сборами, которые и сами по себѣ, и по способу взиманія не такъ чувствительны, и сверхъ того допускаютъ возможность примѣненія большей уравнительности между богатымъ и бѣднымъ населеніемъ. Такимъ образомъ возможно опредѣлить разъ-навсегда установленную норму % взиманія сбора съ купца 1-й и 2-й гильдій при запискѣ въ нихъ, или при взносѣ гильдейскихъ повинностей, а также съ ремесленниковъ при вступленіи въ цехъ и во время производства своего ремесла, а также съ лицъ, занимающихся мѣщанскимъ промысломъ. Съ евреевъ, занимающихся свободными профессіями, хотя бы и принадлежащихъ къ ученому сословію, нынѣ освобожденному отъ участія въ коробочномъ сборѣ, слѣдуетъ взимать ежегодно опредѣленную сумму въ разъ-навсегда установленномъ размѣрѣ, но лишь съ тѣхъ, которые дѣйствительно имѣютъ въ рукахъ своихъ какое-либо занятіе. Кромѣ того долженъ быть установленъ сборъ съ рожденій, бракосочетаній, разводовъ, при запискѣ въ метрическія книги этихъ актовъ. Это самый значительный сборъ, который могъ бы, вмѣстѣ съ другими, нами оставляемыми и вновь указанными, совершенно покрывать всѣ признанные нами необходимыми расходы. Но въ этомъ отношеніи слѣдовало бы городскимъ учрежденіямъ, въ началѣ каждаго четырехлѣтія, установить таксу съ распредѣленіемъ евреевъ по ихъ званію, причемъ установить самый низкій размѣръ сбора для бѣднаго класса населенія, не принадлежащаго ни къ купеческому, ни къ ремесленному сословію и ни къ сословію лицъ, занимающихся свободными профессіями. Но при этомъ надобно постановить непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждое четырехлѣтіе ни одинъ изъ предметовъ сбора не исключался изъ смѣты, дабы одновременнымъ привлеченіемъ къ участію въ коробочномъ сборѣ всѣхъ клас-

совъ населенія сдѣлать его наиболѣе уравнительнымъ Всѣ сборы взимаются въ тѣхъ учрежденіяхъ, въ которыя они непосредственно вступаютъ и затѣмъ сосредоточиваются въ городскихъ общественныхъ управленіяхъ, которымъ принадлежитъ и ближайшій контроль надъ правильнымъ взиманіемъ и расходованіемъ сборовъ. Сборъ же извѣстнаго процента съ капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ, взимается также городскими учрежденіями по сообшеніямъ прокурорской власти судебныхъ мѣстъ при утвержденіи въ правахъ наслѣдства, или же при утвержденіи къ исполненію духовныхъ завѣщаній. Но при отсутствіи духовнаго завѣщанія и при вступленіи въ управленіе наслѣдственнымъ имуществомъ съ цѣлью извлеченія изъ него выгодъ въ свою пользу безъ ходатайства объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, или же въ случаѣ такого ходатайства, когда не будетъ наслѣдниками указанъ размѣръ наслѣдственнаго имущества. городское общественное управленіе, по указанію законнаго представительства еврейскихъ обществъ, имѣетъ право само взыскивать опредѣленный закономъ процентъ съ наслѣдственнаго имущества, размѣръ котораго по совѣсти опредѣляется самыми наслѣдниками. Взыскиваемый сборъ съ наслѣдственныхъ имуществъ относится къ 4 лѣтнему періоду, во время котораго послѣдовала смерть наслѣдодателя. Точно также городскія учрежденія непосредственно взыскиваютъ сборы съ лицъ, принадлежащихъ къ ученому сословію.

Затѣмъ сообразно съ правилами коробочнаго сбора, установленными для евреевъ, жительствующихъ въ Ригѣ и въ городахъ Курляндской губерни, всѣ исчисленные выше предметы, за исключеніемъ сбора съ капиталовъ, остающихся по смерти умершихъ евреевъ, слѣдуетъ отдавать въ откупное содержаніе. Для откупщиковъ слѣдуетъ оставлять всѣ преимущества, предоставленныя имъ положеніемъ о коробочномъ сборѣ относительно залоговъ. Что же касается злоупотребленій по коробочному сбору, то слѣдуетъ замѣтить, что при указанной

нами системѣ коробочнаго сбора, по которой сборы поступаютъ непосредственно, или посредственно въ городскія учрежденія и оттуда выдаются откупщику, прекращается всякій путь къ злоупотребленіямъ, такъ какъ при этой системѣ не имѣетъ болѣе мѣста никакое непосредственное дѣйствіе откупщиковъ. Правда, откупщикамъ остается еще поле для злоупотребленій при сборѣ съ рѣзанія птицъ; но во-первыхъ, они будутъ имѣть дѣло съ болѣе достаточнымъ классомъ населенія, который въ состояніи будетъ отстаивать свои права, а во-вторыхъ кругъ этихъ злоупотребленій достаточно съуженъ, такъ что имъ возможно противодѣйствовать установленіемъ наказанія за нарушеніе откупщиками правилъ о коробочномъ сборѣ, какъ за обманъ, и предоставленіемъ каждому, чьи интересы будутъ затронуты дѣйствіемъ откупщика, права на возбужденіе непосредственно обвиненія, не ожидая разрѣшенія городскихъ учрежденій. Затѣмъ, въ виду того, что при этой системѣ уничтожается сборъ съ убоя скота и продажи мяса, который требовалъ предоставленія откупщикамъ гарантіи въ исправномъ взиманіи сбора и устраненія злоупотребленій общества относительно тайнаго провоза мяса и сала, слѣдуетъ вовсе устранить вмѣшательство полиціи въ дѣло о коробочномъ сборѣ, такъ какъ содѣйствіе ея оказывается совершенно излишнимъ.

Съ преобразованіемъ системы коробочнаго сбора, необходимо также реорганизовать представительство евреевъ, которому законъ предоставляетъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся коробочнаго сбора. По нынѣ дѣйствующему положенію, какъ мы видѣли, городскія учрежденія совѣщаются по всѣмъ предметамъ коробочнаго сбора съ зажиточными и осѣдлыми жителями изъ евреевъ. Такой порядокъ неумѣстенъ не только потому, что при немъ совѣщательный голосъ имѣютъ лишь болѣе или менѣе состоятельные евреи, которые, по естесcвеннымъ побужденіямъ, дѣйствуютъ всегда пристрастно, но и потому, что вслѣдствіе самой неопредѣлительности понятій «зажиточные и осѣдлые» допускается произволъ городскихъ учрежденій, отъ

усмотрѣнія которыхъ всегда зависитъ приглашать тѣхъ или другихъ евреевъ. Поэтому необходимо установить на болѣе твердыхъ началахъ самое представительство евреевъ. Это весьма важно потому, что при установленіи четырехгодичиой смѣты, слѣдуетъ сообразоваться съ необходимыми расходами и доходами, а также съ платежными средствами населенія, и согласно съ этимъ установлять таксы на предметы общаго и вспомогательнаго сборовъ. Это право на составленіе смѣтъ до того существенно въ коробочномъ сборѣ, что преобладаніе той или другой партіи всегда наклоняетъ вѣсы въ одну или другую сторону, между тѣмъ какъ болѣе справедливо было бы, чтобы каждый классъ населенія равномѣрно участвовалъ въ совѣщаніи по предметамъ, представляющимъ для всѣхъ одинаковый интересъ. Для достиженія этой цѣли необходимо установить одну общую норму представительства отъ 100 до 150 человѣкъ, смотря по численности общества, а въ эту общую норму должны входить представители всѣхъ классовъ общества пропорціонально ихъ численности. Такъ напр. въ обществѣ многочисленномъ, имѣющемъ высшую норму представительство изъ 100 человѣкъ, если въ немъ есть 5.000 купцовъ, 25.000 мѣщанъ, 3.000 ремесленниковъ и 100 человѣкъ ученаго сословія—купцы должны имѣть 15 представителей, мѣщане 75, ремесленники 9, а ученые 1.—Точно также должно образоваться представительство и въ обществахъ съ меньшими нормами. При такомъ порядкѣ возможно будетъ достигнуть одинаковаго преставленія интересовъ всѣхъ классовъ населенія при самомъ установленіи смѣтъ, при которомъ обсуждаются весьма важные вопросы, касающіеся самыхъ кровныхъ интересовъ населенія. Представитель каждаго класса, ближе всего зная экономическое его положеніе, въ состояніи будетъ отстаивать его интересы, когда рѣчь зайдетъ объ имущественной его состоятельности, и всегда будетъ имѣть возможность указывать на ту или другую норму, которую слѣдуетъ принять въ основаніе при установленіи таксы на тотъ или другой предметъ,

подлежащій обложенію коробочнымъ сборомъ. Эта система представительства искоренитъ въ самомъ основаніи возможность злоупотребленій и сразу положитъ конецъ всѣмъ тѣмъ смутамъ и волненіямъ, которыя по настоящее время поднимаютъ подчасъ цѣлыя общества, или же поддерживаютъ въ нихъ духъ интриги и доноса, деморализующій ихъ до мозга костей.

Такимъ образомъ мы признаемъ:

1) Что существованіе коробочнаго сбора небходимо не только въ интересахъ фиска, но и въ интересахъ бѣднаго населенія евреевъ, и не столько вслѣдствіе религіозно-національной обособленности евреевъ, сколько по причинѣ укоренившихся противъ нихъ предразсудковъ русскаго общества и по соціальнымъ условіямъ нашей общественной жизни вообще, которыя не могутъ не отразиться на общественной жизни русскихъ евреевъ.

2) Что коробочный сборъ въ формѣ, установленной нашимъ законодательствомъ, ложится тяжелымъ гнетомъ на самый бѣдный классъ евреевъ и производитъ крайній разладъ между богатымъ и неимущимъ населеніемъ, вслѣдствіе неуравнительности налога, искусственно направляемаго исключительно на предметы первой необходимости.

3) Что предстоитъ, поэтому, насущная потребность въ измѣненіи нынѣ дѣйствующей системы коробочнаго сбора въ новую, при которой возможно было бы достигнуть уравновѣшенія правъ и обязанностей, т. е. одинаковаго, равномѣрнаго участія всѣхъ классовъ еврейскаго населенія въ правѣ пользоваться совѣщательнымъ голосомъ по всѣмъ предметамъ, касающимся коробочнаго сбора, равно и обязанности платежа, установленнаго для евреевъ спеціальнаго сбора.

4) Что для облегченія евреямъ тягости сбора необходимо: а) совершенно сложить съ еврейскихъ обществъ всѣ безсрочные долги католическимъ монастырямъ, какъ получившіе начало въ средневѣковой религіозной враждѣ, а изъ долговъ срочныхъ сложить всѣ долги сомнительные, и б) исключить

изъ числа расходовъ, покрываемыхъ изъ суммъ коробочнаго сбора, расходы на предметы государственнаго управленія.

5) Что въ виду обремененія евреевъ спеціальнымъ налогомъ для достиженія цѣлей государственныхъ и общественно-благотворительныхъ, небходимо также, посредствомъ реформы правъ вотчинниковъ западныхъ губерній, освободить евреевъ, составляющихъ самый значительный контингентъ городскаго населенія того края, отъ вѣчнаго платежа чинша и разнообразныхъ до крайности сборовъ съ различныхъ предметовъ потребленія и промышленности и тѣмъ самымъ доставить имъ возможность сдѣлаться болѣе исправными въ уплатѣ государственныхъ податей и повинностей и въ удовлетвореніи своимъ общественнымъ надобностямъ.

Вотъ тѣ основныя начала, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при установленіи новой системы коробочнаго сбора. Они составляютъ результатъ ближайшаго изученія предмета по источникамъ законодательства, исторіи и современной дѣйствительности. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы пособить правильному разрѣшенію вопроса, интересующаго все еврейское населеніе Россіи. Мы не впадаемъ ни въ крайности коммиссіи, учрежденной для пересмотра положенія о коробочномъ сборѣ, пришедшей къ заключенію о необходимости совершеннаго его уничтоженія, ни въ крайности «Кіевлянина», предлагающаго обращеніе коробочнаго сбора исключительно на уплату общественныхъ долговъ и государственныхъ податей и исключеніе изъ него обязательности расходовъ на общественныя надобности евреевъ. Мы не принадлежимъ къ разряду богачей, которымъ ничего не стоитъ провозгласить коробочный сборъ постыднымъ налогомъ на бѣдняковъ и которые въ то же время, при невозможности самовластно уничтожить его, пресерьезно задумываются, когда имъ предлагаютъ обратить этотъ сборъ на доходъ съ недвижимаго имущества и промышленности, для раздѣленія тягости съ бѣдняками. Мы не принадлежимъ также къ кликѣ оправдывающихъ нынѣ дѣйствующую систему

коробочнаго сбора и приписывающихъ всю неудвлетворительность ея лишь соединеннымъ съ нею злоупотребленіямъ, для уничтоженія которыхъ предлагаютъ палліативныя мѣры. Мы не остановились также на мѣрахъ, предлагаемыхъ тою или другою партіею, съ цѣлію составленія изъ нихъ на выборку чего либо въ родѣ золотой середины. Мы разработали вопросъ о коробочномъ сборѣ на основаніи положительныхъ данныхъ, которыя по самому существу своему, независимо отъ духа партій, привели насъ къ изложеннымъ выше выводамъ, и надѣемся, что разработанный нами матеріалъ останется не безъ пользы для всѣхъ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ сообщить то или другое направленіе разрѣшенію одного изъ серьезнѣйшихъ для русскаго еврейства вопросовъ.

ЧТО НАМЪ ДѢЛАТЬ СЪ РУССКИМИ ЕВРЕЯМИ?

Что нужно для массы русскихъ евреевъ? Ей нужно доставить возможность заниматься *производительнымъ трудомъ*, доставить *возможность переселенія* изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ трудъ ихъ не можетъ найти приложенія, въ такія, гдѣ чувствуется настоятельная потребность въ немъ. Прежде чѣмъ перейти къ подробному изложенію и развитію нашей мысли, мы считаемъ долгомъ оговориться.

Въ настоящей статьѣ мы поведемъ рѣчь съ самими евреями, а не съ русскими публицистами. Послѣдніе, за весьма немногими исключеніями, въ отношеніи еврейскаго вопроса руководствуются не *мыслію*, а *чувствомъ*. Вся разница между различными категоріями русскихъ публицистовъ заключается лишь въ томъ, что одни, ничѣмъ не стѣсняясь, проявляютъ свою ненависть въ самой первобытной, грубой формѣ, другіе облекаютъ эту инстинктивную ненависть въ болѣе культурныя формы. Спорить и разговаривать съ публицистами такого рода мы считаемъ напраснымъ трудомъ. Было бы наивно убѣждать кого либо въ томъ, въ чемъ нѣтъ охоты убѣждаться. Мы намѣрены поэтому поговорить здѣсь съ евреями въ виду того, что въ ихъ средѣ въ настоящее время возбуждена, болѣе чѣмъ когда либо, мысль о необходимости улучшенія быта массы русскихъ евреевъ и притомъ тѣми силами и средствами, которыми они располагаютъ въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, настала пора для общественной иниціативы, которая въ состояніи была бы убѣдить всѣхъ въ томъ, что практиковавшіяся до сихъ поръ мѣры въ отношеніи евреевъ, хотя и имѣли въ виду прекрасную цѣль, не могли, однако, привести къ благотворнымъ результатамъ вслѣдствіе односторонности мысли, легшей въ основѣ ихъ, и еще болѣе благодаря самымъ способамъ ихъ осуществленія.

Мы сказали, что русско-еврейской массѣ необходимо дать возможность заниматься производительнымъ трудомъ. Подъ производительнымъ трудомъ мы разумѣемъ земледѣліе и ремесла. Но, говоря о производительномъ трудѣ, мы не допускаемъ, конечно, и мысли о томъ, чтобы всѣ русскіе евреи должны были сдѣлаться земледѣльцами и ремесленниками, и только ими, какъ не думаемъ и того, чтобы необходимо было эмигрировать куда-то всѣмъ русскимъ евреямъ. Это замѣчаніе мы считаемъ необходимымъ для устраненія недоразумѣній.

И такъ, прежде всего о *земледѣліи*.

I.

Въ послѣднее время очень много говорилось и въ еврейской, и въ русской журналистикѣ о земледѣліи евреевъ: вопросъ былъ возбужденъ, поставленъ и затѣмъ заглохъ,—и очень понятно почему. Тѣ, которые мечтали о превращеніи всѣхъ русскихъ евреевъ въ одну земледѣльческую массу, предлагали устроить это чрезвычайно сложное дѣло такимъ же способомъ, какимъ это дѣло уже устраивались нѣкогда въ Россіи, отчасти за границей,—способомъ, который, какъ извѣстно, привелъ въ концѣ концовъ къ самымъ неблагопріятнымъ результатамъ: предполагалось, именно, вызывать желающихъ заниматься земледѣліемъ изъ среды еврейской массы, объявивъ, что выдаются значительныя пособія на каждое изъ такихъ еврейскихъ семействъ, причемъ воспользоваться для этой цѣли вспомоществованіями иностранныхъ евреевъ, кото-

рые не откажутся давать таковыя, разъ желаніе устраивать земледѣльческія колоніи въ Россіи окажется серьезнымъ. Вопросъ о привлеченіи евреевъ къ земледѣльческому труду необходимо поставить гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ ставился до сихъ поръ; необходимо прислушаться также къ опыту прошлаго и принять во вниманіе современныя условія. Однимъ словомъ, необходимо хорошенько подумать и затѣмъ только браться за дѣло.

Прежде всего постараемся узнать, почему устраивавшіяся въ Россіи еврейскія земледѣльческія колоніи ни къ чему до сихъ поръ не привели,—остановимся на причинахъ упадка этихъ колоній.

Первою и самою главною причиною слѣдуетъ считать ту именно, что самое возникновеніе мысли объ устройствѣ земледѣльческихъ еврейскихъ колоній вызвано было исключительно и единственно необходимостью сдѣлать евреевъ болѣе надежною податною единицею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ самаго начала XIX ст., въ правительственныхъ сферахъ придерживались той мысли, что евреи для хлѣбопашества должны селиться *особенными селеніями*, или *отдѣльно отъ христіанскихъ селеній*, или на *трехверстномъ разстояніи отъ селеній помѣщичьихъ и казенныхъ* *. Мысль эта поколеблена была по отношенію къ поселенію евреевъ на собственныхъ и казенныхъ земляхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, а по отношенію къ помѣщичьимъ землямъ не потеряла своей силы и по настоящее время. Въ виду такихъ соображеній, очень естественно было придти къ слѣдующему заключенію: еврейскія колоніи должны быть устраиваемы какъ можно дальше отъ черты общей ихъ осѣдлости, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Этимъ путемъ думали достигать двухъ цѣлей: съ одной стороны, удалить евреевъ отъ крестьянскихъ селеній, на которыя они могли бы оказывать вредное вліяніе своею близостью, а съ

* Положенія 1804 и 1835 гг.; В. П. С. З., 1840 г., т. XLV, № 13032.

другой—удалить евреевъ-земледѣльцевъ отъ собственной среды, которая могла бы на нихъ дѣйствовать пагубно, отвлекая ихъ отъ земледѣльческаго труда. Вотъ почему первоначальнымъ мѣстомъ поселенія избрана была Сибирь (Тобольская губернія и Омская область), а затѣмъ — незаселенный и пустынный Новороссійскій край. Вскорѣ, однако, мысль о земледѣльческихъ колоніяхъ въ Сибири была оставлена и послѣдовало повелѣніе (1837 г. В. П. С. З. Т. VII, № 1843) о пріостановленіи переселенія евреевъ въ Сибирь и возвращеніи уже отправившихся партій (1317 душъ евреевъ разныхъ губерній) въ Новороссійскій край для поселенія ихъ между тамошними еврейскими колонистами. Колоніи Новороссійскаго края, въ свою очередь, весьма скоро были пріостановлены въ своемъ развитіи по представленію, гласившему, что, по непривычкѣ евреевъ къ хлѣбопашеству и по нечистотѣ въ житіи ихъ, смертность между ними весьма велика (1810 г. П. С. З. XXXI Т. № 24185).

Само собою разумѣется, что колоніи, возникшія при такихъ условіяхъ, независимо отъ присоединившихся впослѣдствіи причинъ, должны были оказаться недолговѣчными. Коренная ошибка состояла въ томъ, что въ земледѣльцы взяли горожанъ, непривыкшихъ къ сельскимъ условіямъ жизни, и переселили ихъ въ новую страну, совершенно невоздѣланную, причемъ серьезно думали, что подобнаго рода пришельцы въ состояніи будутъ поднять пустынную новь едва возникавшаго края. Извѣстно вѣдь, что и нѣмецкіе колонисты, бывшіе на родинѣ жителями селъ, въ состояніи были вполнѣ освоиться съ новыми условіями климата, почвы и страны лишь во второмъ поколѣніи. Неужели же можно было думать, что евреи сразу преодолѣютъ всѣ трудности въ первомъ же поколѣніи?

Неудивительно поэтому, что въ новороссійскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ вскорѣ обнаружились тѣ явленія, которыя констатированы законодательнымъ актомъ (положеніемъ комитета министровъ) 1826 года, именно: недоимки подушныхъ

сборовъ и оброчныхъ повинностей,—устраненія которыхъ надѣялись-было достигнуть устройствомъ колоній,—все накоплялись, благодаря крайней бѣдности еврейскихъ колонистовъ. Бѣдность же эта, какъ видно изъ того же акта, была результатомъ болѣзней, смертности отъ перемѣны климата и непривычки къ новому образу жизни, а также отъ падежа скота. Главнымъ же образомъ эта бѣдность была результатомъ четырехлѣтнихъ неурожаевъ, произведенныхъ засухой и саранчой. Неурожаи эти разорили не однихъ только еврейскихъ колонистовъ, но и всѣхъ коренныхъ земледѣльцевъ: «засуха и саранча истребили,—говорится въ сказанномъ актѣ,—всѣ нивенныя произрастенія, такъ что не осталось корма для домашняго скота, а отъ жатвы хлѣба не собрано и половинной части посѣянныхъ сѣмянъ» (1826 г. В. П. С. З. Т I, № 52).

Это печальное положеніе новорожденныхъ еврейскихъ колоній повело къ тому, что еврейскіе колонисты, не находя для себя никакого обезпеченія въ надѣлѣ, не прерывали своей связи съ городомъ и не оставляли городскихъ промысловъ, которые были имъ сподручнѣе. Вѣдь въ то же самое время на глазахъ ихъ возникала и развивалась городская промышленность цѣлаго Новороссійскаго края. Въ борьбѣ за существованіе еврейскіе колонисты прибѣгли къ другимъ занятіямъ, такъ какъ земледѣльческія не доставляли имъ необходимыхъ средствъ къ существованію.

Группа лицъ, изъ которой набирался новый земледѣльческій классъ евреевъ, состояла изъ людей, переживших уже среднiй возрастъ,—изъ людей, которые отъ роду въ глаза плуга не видали, а между тѣмъ они обязаны были на первыхъ же порахъ селиться вдали отъ крестьянскихъ селеній. Многочисленный классъ бездарныхъ меламедовъ, тунеядцевъ всякаго рода, никуда уже не годныхъ, все то, что по проектированному въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ закону должно было войти въ пятый разрядъ бездомныхъ и безпріютныхъ прощалыгъ,—все это пошло въ земледѣльцы, все это ду-

мало посвятить себя одному изъ самыхъ тяжелыхъ трудовъ, къ которому надобно привыкать съ самаго дѣтства. Что съ такими субъектами ничего сдѣлать нельзя, сознало впослѣдствіи и правительство, и стало возлагать всѣ свои надежды на будущую молодежь. Находя, что «пріобрѣтеніе навыка къ земледѣлію полагать можно въ послѣдующемъ поколѣніи», министерство внутреннихъ дѣлъ пришло къ убѣжденію, что «народъ сей (евреи), посредствомъ умѣреннаго принужденія пріобыкая къ сельскому порядку и трудолюбію, можетъ, *хотя въ другомъ поколѣніи,* представить новый и весьма важный примѣръ еврейскаго хорошаго поселянина» (1826 г. В. П. С. З. т. I, № 52). При такомъ взглядѣ на дѣло, правительство необходимо должно было позаботиться о распространеніи аграрныхъ свѣдѣній и въ первомъ поколѣніи евреевъ, и дѣйствительно, постановлено было принимать нѣсколькихъ воспитанниковъ изъ еврейскихъ земледѣльцевъ въ проектированную тогда земледѣльческую школу, долженствовавшую имѣть своею задачею усовершенствованіе земледѣлія въ Россіи вообще (1836 г. В. П. С. З. т. XI, № 9097, § 4). Потомъ признано было необходимымъ привлекать особыми льготами въ еврейскія поселенія колонистовъ изъ нѣмцевъ для того, чтобы они служили примѣромъ для евреевъ въ земледѣліи. Если послѣ этой мѣры евреи по истеченіи шести лѣтъ не будутъ имѣть еще полнаго хозяйства, то они должны быть исключены изъ сельскаго состоянія (1847 г. В. П. С. З. т. XXII, № 20977).

Мѣра эта оказалась, однако, весьма скоро непригодною, и для подготовленія будущаго поколѣнія земледѣльцевъ-евреевъ въ 1852 году прибѣгли къ слѣдующимъ средствамъ: «для обученія молодыхъ евреевъ раціональному хозяйству, постановлено *по западнымъ губерніямъ* имѣть на каждыя 100 семействъ поселенцевъ по одному ученику, а всего до 30 учениковъ, въ Горыгорецкомъ земледѣльческомъ училищѣ и садовыхъ заведеніяхъ, а по губерніямъ изъ Новороссійскаго края назначать молодыхъ людей изъ евреевъ-земледѣльцевъ

на ближайшую учебную ферму (Луганскую)» (1852 г. В. П. С. З. т. XXVII, № 26532).

Правительство переходило, такимъ образомъ, отъ мѣропріятія къ мѣропріятію, желая помочь злу. Но всѣ эти мѣры не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Часъ отъ часу измѣнявшееся къ худшему положеніе еврейскихъ земледѣльцевъ сопровождалось притомъ, подъ вліяніемъ болѣе или менѣе основательныхъ опасеній, разными ограниченіями, имѣвшими своею цѣлью безвыходное прикрѣпленіе евреевъ къ землѣ. Послѣ долговременнаго опыта, правительство пришло къ необходимости прекращенія всякихъ пособій и поощреній, съ одной стороны, и стало облегчать переходъ евреевъ изъ земледѣльческаго въ другія состоянія — съ другой стороны.

Въ началѣ 50-хъ годовъ правительство остановилось на мѣрѣ, которую оно, повидимому, считало радикальною. Эта мѣра состояла въ томъ, что евреямъ дозволялось пріобрѣтать поземельную собственность только съ опредѣленной и окончательное цѣлью. Они могли пріобрѣтать ее для земледѣлія, или вообще для сельскохозяйственнаго производства исключительно. Еврею-некупцу дозволялось пріобрѣтать землю подъ единственнымъ условіемъ перехода въ земледѣльцы, а купцамъ—для скотоводства и устройства хозяйственныхъ и промышленныхъ заведеній и поселенія своихъ единовѣрцевъ. Въ актахъ укрѣпленія на имѣнія, которыя пріобрѣтались купцами, велѣно было означать самый предметъ, для котораго они пріобрѣтались. При выходѣ же изъ купеческаго сословія, евреи, въ силу того, что некупцы-евреи мугутъ владѣть землею не иначе, какъ будучи земледѣльцами, должны были eo ipso переходить въ состояніе земледѣльцевъ *). Такимъ образомъ, придумана была новая искусственная форма земле-

*) В. П. С. З. 1853 г. Т. XXVIII, № 27322.

владѣнія, основанная на исключительныхъ условіяхъ пріобрѣтенія.

Наконецъ, правительство испытало послѣднюю мѣру для удержанія евреевъ въ земледѣльческомъ состояніи; оно опредѣлило особыя наказанія еврейскимъ колонистамъ «за явное нерадѣніе къ хозяйству и занятіямъ земледѣльческимъ и за упорное уклоненіе отъ оныхъ безъ всякихъ основательныхъ причинъ». Средства понужденія, въ свою очередь, оказались безуспѣшными и правительство начало мало по малу допускать свободный переходъ изъ земледѣльческаго состоянія, сначала подъ нѣкоторыми ограничительными условіями, а затѣмъ и безъ нихъ, и наконецъ отмѣнило всѣ особыя постановленія о переселеніи евреевъ въ земледѣльцы, прекративъ выдачу на этотъ предметъ средствъ изъ коробочнаго сбора и предоставивъ мѣстнымъ губернскимъ начальствамъ право разрѣшать перечисленіе евреевъ-земледѣльцевъ въ другія податныя состоянія (1860 г. В. П. С. З. т. XXXV № 35588; 1840 г. т. XV № 13563; 1851 г. В. П. С. З. т. XXVI № 25305; 1865 г. В. П. С. З. т. XL № 41802; 1866 г. В. П. С. З. т. XLI № 43354 и 1867 г. В. П. С. З. т. XLII № 45190).

Ознакомившись такимъ образомъ въ основныхъ чертахъ съ исторіею еврейской колонизаціи въ Россіи, мы въ состояніи будемъ придти къ болѣе или менѣе правильному выводу о томъ, какъ слѣдуетъ устроить въ настоящее время то же самое дѣло. Уже благодаря тому, что вмѣсто правительственной имѣется въ виду общественная иниціатива, устраняются очень многія неудобства, сопряженныя съ регламентаціею. Но это не все. Необходимо устранить тѣ недостатки, которые обнаружились при устройствѣ колоній въ прошломъ. Главнымъ недостаткомъ мы считаемъ привлеченіе къ земледѣлію людей, которые лишь во 2-мъ поколѣніи могутъ доставлять порядочный земледѣльческій контингентъ. Не лучше ли обратиться съ самаго начала къ этому 2-му поколѣнію? И загра-

ницей оказались непрактическими колоніи, которыя образовались изъ людей, не только не привыкшихъ къ земледѣлію, но не имѣющихъ понятія о сельскомъ трудѣ. Когда во Франкфуртѣ-на-Одерѣ учреждено было общество для основанія земледѣльческихъ колоній въ Палестинѣ, то имъ предсказывали такую же неудачу, какую потерпѣли колоніи Монтефіоре близь Яффы («Сіонъ», орг. руск. евр., № 8 и 33). То же высказывалъ и г. Неттеръ, устроившій новыя колоніи въ Палестинѣ по инициативѣ всеобщаго еврейскаго союза на отведенной для этой цѣли турецкимъ правительствомъ землѣ. Онъ видѣлъ причину безуспѣшности колоній, устроенныхъ Монтефіоре, въ томъ, что для поселенія собраны были люди, не видавшіе въ глаза плуга, между тѣмъ какъ къ земледѣлію слѣдуетъ пріучаться съ самаго дѣтства («День», орг. русск. евр. 1870 г. Иностранная лѣтопись, стр. 338). Компетентность Неттера въ этомъ дѣлѣ безспорна, ибо, получивъ порученіе отъ всеобщаго еврейскаго союза устроить колоніи, онъ изучилъ все существующее по этому дѣлу и всѣ тѣсно связанныя съ нимъ условія. И въ самомъ дѣлѣ, когда задумываются о переустройствѣ въ самомъ основаніи быта цѣлаго класса населенія для упроченія въ будущемъ его матеріальнаго положенія, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ филантропически-временныя цѣли: нужно не торопливо взяться за дѣло. Лучше исподоволь увеличивать предполагаемый земледѣльческій классъ, чѣмъ сразу создавать его на скорую руку и видѣть, какъ онъ мало по малу исчезаетъ.

Въ данномъ случаѣ медленное развитіе обезпечиваетъ успѣхъ и дальнѣйшее преуспѣяніе дѣла.

Мы должны въ этомъ отношеніи слѣдовать плану Неттера и привлекать для земледѣлія исключительно еврейскую молодежь. Это можетъ быть достигнуто устройствомъ не земледѣльческихъ колоній, а земледѣльческихъ школъ, въ которыхъ поступающіе ученики сами, подъ руководствомъ опытныхъ сельскихъ хозяевъ, исполняютъ всѣ безъ исключенія

земледѣльческія работы и получаютъ притомъ всѣ необходимыя для земледѣльца научныя агрономическія свѣдѣнія. По окончаніи же курса, тѣ изъ нихъ, которые обнаружатъ на самомъ дѣлѣ склонность къ сельскому труду и окажутся къ нему способными, получаютъ даровой, или на условіяхъ выплаты надѣлъ землей и первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бѣдный человѣкъ, проходя въ школѣ всѣ необходимыя въ земледѣліи работы, не будучи приготовленъ ни къ какому другому занятію и совершенно устраненный отъ другихъ дѣлъ, непремѣнно посвятитъ всю свою жизнь земледѣлію, если ему, по окончаніи школы, дадутъ возможность устроиться и обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ; тутъ всѣ гарантіи относительно удержанія его въ земледѣльческомъ быту на лицо: знаніе, любовь къ дѣлу и обезпеченное положеніе.

О способахъ осуществленія этого плана мы скажемъ въ концѣ нашей статьи; здѣсь считаемъ умѣстнымъ прибавить еще нѣсколько соображеній, которыя, въ интересахъ дѣла, не могутъ быть обойдены молчаніемъ.

Если проявится общественная иниціатива со стороны евреевъ, которые лучше могутъ приноровиться къ насущнымъ интересамъ своихъ единовѣрцевъ, если иниціатива эта на самомъ дѣлѣ вызоветъ къ жизни нѣсколько школъ, если въ этимъ школахъ представится несомнѣнное свидѣтельство разумнаго приложенія здоровыхъ силъ къ земледѣльческому труду и успѣшной подготовки солидныхъ сельскихъ хозяевъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что правительство, имѣющее интересъ въ созданіи и увеличеніи класса производительныхъ гражданъ, поспѣшитъ на помощь такой иниціативѣ и облегчитъ ей осуществленіе цѣли назначеніемъ свободныхъ земель для будущихъ надѣловъ.

Одного обращенія евреевъ къ производительному труду, хотя бы и земледѣлію, еще недостаточно для того, чтобы окончательно примирить съ ними окружающее ихъ населеніе. Не

въ религіозномъ различии и не въ національности слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отыскивать корень вражды, ибо, при извѣстныхъ условіяхъ, различія эти сглаживаются. Религія и національность только маскируютъ обыкновенно дѣйствительныя причины вражды. Эти причины лежатъ въ житейскихъ условіяхъ, которыя производятъ раздоръ и несогласіе и между народностями, исповѣдующими одну и ту же религію. Экономическое превосходство, при одинаковыхъ условіяхъ,—вотъ гдѣ корень вражды въ средѣ массы, а умственное и нравственное превосходство—корень вражды въ средѣ интеллигенціи. Съ самаго начала мы должны поэтому позаботиться объ устраненіи тѣхъ столкновеній, которыя могутъ обнаружиться въ будущемъ при извѣстномъ способѣ заселенія евреевъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», мы уже сказали и теперь повторяемъ слѣдующее: если бы оптимистическое воззрѣніе на вещи и могло на время заставить насъ вѣрить въ совершенную возможность устроить земледѣльческія школы для молодыхъ евреевъ съ цѣлію не только доставить имъ агрономическія познанія, но и надѣлить ихъ, по окончаніи курса, землей для обработки,—то и тогда дѣло это могло бы встрѣтить въ жизни отпоръ совсѣмъ съ неожиданной стороны. У насъ еще свѣжо въ памяти недавнее прошлое, когда въ средѣ еврейскаго населенія юго-западнаго края обнаружилось движеніе, поддержанное мѣстною администраціею, въ пользу устройства на еврейскія же средства ремесленныхъ школъ во всѣхъ городахъ осѣдлости евреевъ. Что остановило это прекрасное стремленіе, которое было такъ близко къ цѣли, какъ не печатныя агитаціи со стороны людей извѣстнаго закала, прикрывавшихся идеей народныхъ интересовъ и доказывавшихъ, что всеобщее открытіе ремесленныхъ школъ для евреевъ можетъ усилить и безъ того уже развившіеся въ средѣ ихъ городскіе элементы и совершенно подавить интересы сельскаго населенія? Что сказали тогда, когда въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, въ горячую пору возго-

рѣвшагося между помѣщиками и крестьянами антагонизма, начали устраиваться еврейскія земледѣльческія рабочія артели? Не то ли, что евреи отнимаютъ у крестьянъ послѣднее занятіе, имъ предоставленное самыми условіями исторической ихъ жизни. Мало ли жизненныхъ интересовъ можетъ быть затронуто евреями въ борьбѣ ихъ за существованіе? Имѣя это въ виду, мы должны придерживаться правительственнаго принципа о поселеніи евреевъ отдѣльными селеніями и на извѣстномъ разстояніи отъ христіанскихъ селеній, не потому, чтобы евреи могли вредно дѣйствовать на крестьянъ, а просто для того, чтобы жизнь со своими разсчетами не повела къ столкновеніямъ, благодаря конкурренціи и борьбѣ экономической.

Съ другой стороны, нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы разобщить будущихъ поселенцевъ съ тою мѣстностью, съ условіями которой они достаточно освоились. Оставаясь на родинѣ среди своихъ, гдѣ все ему знакомо отъ почвы и климата и до рыночныхъ условій, земледѣлецъ не станетъ подвергаться болѣзнямъ и смертности, какъ это было съ прежними поселенцами, и сверхъ того будетъ въ состояніи гораздо лучше оріентироваться въ условіяхъ сбыта своихъ произведеній. Независимо отъ этого, необходимо, чтобы земля, предназначаемая для надѣла, была пріурочена къ однимъ мѣстамъ, дабы имѣющія образоваться сплошныя поселенія еврейскихъ земледѣльцевъ могли съ теченіемъ времени вести удачную борьбу съ торговцами на рынкѣ и уничтожить посредничество торговцевъ между ними, какъ производителями, и покупателями ихъ продуктовъ—потребителями. Земледѣльцамъ-евреямъ удастся, можетъ быть, проложить дорогу русскимъ крестьянамъ въ дѣлѣ избавленія отъ посредничества торговцевъ.

II.

О ремесленной производительности евреевъ.

Въ противоположность земледѣлію, ремесла всегда были въ такой степени развиты между русскими евреями, что въ от-

ношеніи ихъ допускались не льготы для поощренія, а различныя ограниченія, которыя вызывались отнюдь не по почину правительства, а ходатайствами цеховыхъ корпорацій и отдѣльныхъ цеховъ. Правительству приходилось бороться съ привиллегіями цеховъ и оно часто нарушало ихъ съ цѣлью поддержанія процвѣтавшихъ между евреями ремеслъ. Исторія расширенія правъ евреевъ относительно занятій ремеслами въ высшей степени поучительна. Исторія эта, между прочимъ, покажетъ намъ, что одного юридическаго уравненія извѣстнаго класса въ правахъ съ коренными жителями еще недостаточно въ тѣхъ случаяхъ, когда фактическія условія таковы, что препятствуютъ возможности пользоваться предоставленными правами; она докажетъ намъ, и еще въ гораздо большей степени, чѣмъ по отношенію къ земледѣлію, что на помощь весьма серьезной, правительственной иниціативы въ предоставленіи евреямъ *юридической возможности* заниматься ремесленнымъ трудомъ должна поспѣшить иниціатива общественная для предоставленія также и *возможности фактической*. Эта же исторія даетъ намъ также право на нѣкоторые выводы, которые могутъ установить болѣе широкую точку зрѣнія въ примѣненіи къ еврейскому вопросу вообще.

И такъ, перейдемъ къ исторіи.

Въ царствованіе Екатерины евреямъ предоставлена была совершенная свобода въ занятіи ремеслами (В. П. С. З. т. XXII, № 16146). Но, какъ видно, эта свобода нарушалась различными цехами, и вотъ почему, очевидно, въ положеніи 1804 г., евреямъ, сверхъ свободы въ ремесленныхъ занятіяхъ, предоставлена была также и независимость отъ разныхъ цеховъ, коимъ запрещено подъ какимъ бы то ни было видомъ препятствовать евреямъ въ свободномъ отправленіи ремесленныхъ занятій. При этомъ еврейскіе ремесленники, въ видѣ поощренія занятія производительнымъ трудомъ, были освобождены отъ двойной подати противъ христіанъ, лежавшей тогда на остальныхъ евреяхъ. Затѣмъ, если бы евреи-ремесленники,

вслѣдствіе расширенія предложенія, не находили болѣе занятія въ чертѣ ихъ осѣдлости, то губернаторъ, по сношенію съ мин. внутр. дѣлъ, «назначаетъ имъ способы основать съ выгодой» свой промыселъ въ другихъ губерніяхъ. Всѣ эти правила о ремесленныхъ занятіяхъ евреевъ перешли въ положеніе 1835 года. Принципъ свободы въ занятіяхъ ремеслами удержался во всей своей силѣ до 1852 года и выдержалъ борьбу съ нѣкоторыми мѣрами, которыя, преслѣдуя другія цѣли, задѣвали также и интересы еврейскихъ ремесленниковъ. Такъ, когда зашла рѣчь объ уменьшеніи числа евреевъ въ Курляндской губерніи, участь ремесленниковъ не оставлена была безъ вниманія, и дозволено было всѣмъ тѣмъ, кои докажутъ, что, при безпорочномъ поведеніи, занимаются ремеслами, доставляющими достаточное содержаніе семействамъ ихъ, свободное проживаніе въ прежнихъ мѣстахъ, а другихъ, какъ бродягъ, выслать въ Сибирь (В. П. С. З. 1831 г. т. XVI, № 4591). Точно также, когда возникло сомнѣніе, слѣдуетъ-ли причислить Астраханскую губернію къ тѣмъ, кои входятъ въ черту общей осѣдлости евреевъ, или нѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбужденъ былъ вопросъ о выселеніи оттуда евреевъ, мѣстная администрація не упустила изъ вида положенія еврейскихъ ремесленниковъ. Астраханскій военный губернаторъ, генералъ-маіоръ Темирязевъ, указалъ на то, что разрѣшеніе евреямъ постояннаго пребыванія въ Астраханской губерніи было бы весьма полезно, сколько для снабженія края хорошими ремесленниками, столько и для самаго распространенія и развитія ремеслъ, необходимыхъ между коренными жителями, ибо отдаленный край сей терпитъ недостатокъ въ людяхъ такого рода. На этомъ основаніи евреи-ремесленники оставлены были временно въ Астраханской губерніи (В. П. С. З. 1831 г. т. X, № 8481). То же самое, но только въ большей степени, сдѣлано было для кавказскихъ евреевъ-ремесленниковъ, когда тотъ же вопросъ возбужденъ былъ относительно Грузіи, Кавказа и закавказскихъ областей, гдѣ евреи-ремесленники оставлены были на

жительствѣ по недостатку мастеровыхъ въ томъ краѣ (В. П. С. З. 1837 г. т. XII, № 10255).

Такимъ образомъ правительство допускало отступленія отъ общихъ мѣръ, предпринятыхъ относительно евреевъ, когда рѣчь заходила о ремесленномъ производительномъ классѣ. Тѣмъ болѣе правительство должно было дѣйствовать и на самомъ дѣлѣ дѣйствовало въ этомъ же направленіи, когда затрогивались не общіе интересы, а интересы отдѣльныхъ корпорацій, а именно христіанскихъ цеховъ. Такъ, въ г. Житомірѣ христіанскій цехъ кузнечныхъ мастеровъ подалъ жалобу на еврейскихъ кузнецовъ, что они дѣлаютъ имъ подрывъ по кузнечному мастерству. Губернское правленіе, разсмотрѣвъ это дѣло и находя, что еврейскіе кузнецы производятъ работу *искусно* и вносятъ также акцизъ въ цеховую казну, тѣмъ не менѣе признало возможнымъ запретить имъ занятіе кузнечнымъ мастерствомъ собственно потому, что евреи не имѣютъ свидѣтельствъ отъ мастеровъ. Но иначе взглянулъ на это дѣло кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, который сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ находитъ распоряженіе губернскаго правленія стѣснительнымъ для тамошнихъ жителей, такъ какъ число христіанъ, занимающихся кузнечнымъ ремесломъ, весьма ограниченно, и присовокупилъ при этомъ, что, по удостовѣренію ближайшаго мѣстнаго начальства, евреи производятъ кузнечное дѣло искусно и хорошо, а принадлежность ихъ къ цеху подтверждается запискою въ книгахъ взыскиваемаго съ нихъ сбора въ пользу цеха; что касается познаній въ ремеслѣ, то они пріобрѣли ихъ опытомъ. Общее собраніе сената вполнѣ раздѣлило мнѣніе генералъ-губернатора и предоставило евреямъ право заниматься кузнечнымъ ремесломъ (1846 г. В. П. С. З. т. XXI, № 20021).

Еще оригинальнѣе выходка митавскихъ часовщиковъ. До 1841 г. въ Митавѣ одни евреи занимались часовыхъ дѣлъ мастерствомъ, а цеха часовщиковъ не было, потому что хри-

стіане, занимаясь лишь исправленіемъ часовъ на башняхъ, принадлежали къ одному цеху съ слесарями и оружейниками. Между тѣмъ, въ 1841 г. учрежденъ особый цехъ часовщиковъ изъ христіанъ и отказано было въ просьбѣ еврейскихъ часовщиковъ объ учрежденіи таковаго же цеха на томъ основаніи, что, по привиллегіямъ Курляндіи, въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ съ давняго времени ремесленные цехи, могутъ быть принимаемы въ нихъ одни христіане. Сенатъ удовлетворилъ ходатайство христіанскаго цеха часовщиковъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ положеніе еврейскихъ часовщиковъ крайне затруднительнымъ, такъ какъ они въ теченіе многихъ лѣтъ, съ вѣдома и дозволенія начальства, безпрепятственно занимались въ г. Митавѣ часовымъ мастерствомъ съ помощниками и имѣли вывѣски, а теперь, съ учрежденіемъ тамъ цеха изъ христіанъ, должны подвергнуться ограниченіямъ, которыя могутъ привести ихъ къ совершенному разоренію. На этомъ основаніи министръ испрашивалъ разрѣшенія сената на предоставленіе евреямъ права заниматься часовымъ мастерствомъ по прежнему. Сенатъ нашелъ, что евреи начали заниматься часовымъ мастерствомъ въ то время, когда оно, по несуществованію въ г. Митавѣ особаго цеха часовщиковъ, было свободно для нихъ, и что ограниченіе ихъ въ этомъ занятіи могло бы дѣйствительно повести къ совершенному ихъ разстройству, а поэтому разрѣшилъ вопросъ въ пользу еврейскихъ часовщиковъ; но находя, что это опредѣленіе противорѣчитъ прежнему, предоставилъ министру юстиціи испросить Высочайшее разрѣшеніе, которое и послѣдовало (В. П. С. З. 1848 г. т. XXIII, № 22343). Такимъ образомъ, высшія власти, въ интересахъ общей пользы и справедливости, всегда поддерживали еврейскій производительный классъ въ борьбѣ съ христіанскими цехами, которые, для устраненія конкурренціи опытныхъ мастеровъ, прибѣгали подъ покровительство своихъ древнихъ привиллегій.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ сдѣлано было коренное

отступленіе отъ общаго принципа, которымъ до того времени руководствовались. Дѣло въ томъ, что многія, совершенно свободныя отъ цеховыхъ условій занятія превращены были для евреевъ въ цеховыя и создано было цѣлое учрежденіе, подъ названіемъ *неремесленныхъ* цеховъ; такъ, напримѣръ, занятіе *мостовщиковъ*, *землекоповъ*, *каменьщиковъ*, *каменотесцовъ*. *плотниковъ*, *штукатуровъ*, *рабочихъ* на *фабрикахъ и заводахъ*, *чернорабочихъ*, *поденьщиковъ* и друг. Отъ евреевъ, долженствовавшихъ записаться въ эти неремесленные цехи, требовалось представленіе отъ подрядчиковъ, мѣстныхъ полицій, думъ, магистратовъ и ратушъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, мѣстныхъ обывателей и помѣщиковъ, различныхъ удостовѣреній о томъ, что они дѣйствительно посвящали себя данному занятію, затѣмъ одобрительныя свидѣтельства о поведеніи и поступленіи на нѣкоторыя изъ занятій въ извѣстномъ порядкѣ постепенности и въ извѣстномъ количественномъ размѣрѣ съ числомъ дворовъ и въ опредѣленномъ отношеніи къ потребностямъ фабрикъ и заводовъ, причемъ установлена была уголовная отвѣтственность для хозяевъ, подрядчиковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ на случай ложнаго удостовѣренія, словомъ — допущена такая сложная регламентація въ устройствѣ неремесленныхъ цеховъ, что со времени учрежденія ихъ до настоящаго времени (неремесленные цехи удержались въ современномъ законодательствѣ) не было вызвано къ жизни ни одного неремесленнаго цеха, а самый законъ о неремесленныхъ цехахъ остался лишь мертвою буквою. Очевидно, что евреи до того времени слишкомъ сильно конкуррировали съ простымъ людомъ въ сферѣ наиболѣе употребительныхъ занятій и что явилась, вслѣдствіе этого, необходимость устранить ихъ отъ этихъ занятій; но устранить ихъ было невозможно, потому что занятія эти были не ремесленныя и не требовалось для нихъ никакой записки въ цехъ. Разъ явились цехи, сдѣлать это было легко. Неудивительно поэтому, что скоро стали раздаваться упреки, что евреи не занимаются тяжелымъ трудомъ,

сопряженнымъ съ этими занятіями. Причинная связь между двумя приведенными фактами была забыта и вскорѣ стали предлагать способы съ цѣлью обратить евреевъ къ болѣе тяжелымъ занятіямъ. Впрочемъ, даже и въ это время администрація Новороссійскаго края свидѣтельствовала, какъ увидимъ ниже, что въ Бессарабіи, гдѣ христіанскій людъ, очевидно, не занимался въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстахъ, тяжелыми занятіями и уступалъ это поприще евреямъ,—послѣдніе предаются занятіямъ, требующимъ, по свидѣтельству администраціи, усиленныхъ физическихъ трудовъ. Изъ этого факта, относящагося къ еврейскому населенію цѣлой области, можно было бы придти къ заключенію, что евреи вполнѣ способны къ тяжелому труду и дѣйствительно предаются ему при извѣстныхъ условіяхъ. Отсюда можно было бы уже a priori, а можетъ быть, и a posteriori перейти и къ тому заключенію, что необращеніе евреевъ къ тѣмъ же труднымъ занятіямъ въ другихъ мѣстностяхъ должно корениться также не въ присущихъ имъ качествахъ, а во внѣшнихъ условіяхъ. Разъ это было бы сознано, не было бы надобности привлекать евреевъ къ тяжелому труду путемъ поощреній, а это возможно было бы достигнуть болѣе удобнымъ способомъ, путемъ устраненія внѣшнихъ препятствій—перемесленныхъ цеховъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ увидимъ ниже, и высказался графъ Строгановъ, указывая на то, что нѣтъ надобности въ поощреніяхъ, а необходимо предоставить евреямъ полную свободу въ осуществленіи ихъ гражданскихъ правъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ вопросъ о ремесленникахъ-евреяхъ сдѣлался предметомъ вниманія какъ русскаго общества, такъ и администраціи. Вслѣдствіе крайняго недостатка въ техникахъ внѣ предѣловъ еврейской осѣдлости, а также и того, что «замѣчательнѣйшіе спеціалисты по части винокуренія почти исключительно принадлежатъ къ числу евреевъ», курское дворянство, управляющій питейно-акцизнымъ сборомъ Курской губерніи и воронежскій военный губернаторъ ходатай-

ствовали о разрѣшеніи еврейскимъ техникамъ, винокурамъ и пр. жить во внутреннихъ губерніяхъ. Въ то время существовавшій еврейскій комитетъ, согласно повелѣнію 31 марта 1856 г., долженъ былъ «пересмотрѣть всѣ существующія о евреяхъ постановленія для соглашенія ихъ съ общими видами слiянія ихъ съ коренными жителями». При разсмотрѣніи общаго вопроса о евреяхъ, предсѣдатель комитета графъ Киселевъ обратилъ вниманіе на нѣсколько главныхъ пунктовъ, касающихся евреевъ, и, между прочимъ, на ограниченія, существующія для нихъ въ ремесленной промышленности.

Усмотрѣвъ въ существовавшихъ законоположеніяхъ различныя ограниченія евреевъ въ ремесленной промышленности, комитетъ нашелъ, что эти ограниченія «противодѣйствуютъ стремленію правительства относительно обращенія евреевъ къ производительному труду и несовмѣстны съ общими государственными выгодами», и предоставилъ министерству внутреннихъ дѣлъ собрать объ этихъ ограниченіяхъ подробныя свѣдѣнія, войти въ соображеніе о возможности устраненія ихъ для общей пользы и «обратить вниманіе на распространеніе между евреями ремеслъ, требующихъ усиленныхъ физическихъ трудовъ, доселѣ мало у нихъ развитыхъ».

На этомъ основаніи собраны были свѣдѣнія у всѣхъ мѣстныхъ представителей администраціи, соображенія которыхъ по этому предмету отличаются высокимъ интересомъ.

Всѣ генералъ-губернаторы одинаково находили, что не существуетъ для евреевъ особыхъ ограниченій въ ремесленной промышленности, но что, тѣмъ не менѣе, въ евреяхъ не развито стремленіе къ ремесламъ, требующимъ усиленныхъ физическихъ трудовъ.

Одновременно съ этимъ, представители администраціи констатировали фактъ развитія между евреями ремеслъ вообще и указывали на причину упадка ихъ во многихъ мѣстахъ.

Начальникъ Могилевской губерніи сообщилъ, что между евреями «весьма много отличныхъ мастеровъ, произведенія ко-

торыхъ отличаются изяществомъ отдѣлки и прочностью работъ»; но онъ находитъ искусство это безплоднымъ по двумъ причинамъ: 1) еврейскіе ремесленники не пользуются правами, предоставленными мастеровымъ, жителямъ внутреннихъ губерній, и 2) значительное число мастеровъ-евреевъ несоразмѣрно съ потребностями бѣднаго края. Такимъ образомъ, по мнѣнію начальника Могилевской губерніи, евреи не только не въ состояніи выказать свое искусство, но терпятъ большую нужду отъ недостатка заказовъ и, при полученіи работы, вынуждены прибѣгать къ обману. Отъ этого происходитъ, по его мнѣнію, то, что евреи-ремесленники дѣлаются вредными членами общества, тогда какъ при другихъ условіяхъ они могли бы быть полезными и для себя, и для общества.

Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, князь Васильчиковъ, сообщилъ, что «въ городахъ западнаго края, переполненныхъ евреями, находится большое количество мастеровыхъ, которые, вслѣдствіе чрезмѣрной конкурренціи, образуютъ, такъ сказать, классъ праздношатающихся». Онъ находитъ, что, лишенные всѣхъ средствъ къ честному труду, они готовы на всякое предпріятіе, лишь бы добыть себѣ пропитаніе. На этомъ основаніи князь Васильчиковъ приходитъ къ тому заключенію, что предоставленіе еврейскимъ ремесленникамъ права заниматься своимъ производствомъ во внутреннихъ губерніяхъ освободило бы еврейскія общества отъ тягостнаго бремени при уплатѣ податей и доставило бы рабочія руки тѣмъ мѣстностямъ, которыя въ нихъ нуждаются. Сверхъ этой мѣры, въ интересахъ распространенія между евреями ремеслъ, требующихъ физическаго труда, князь Васильчиковъ полагалъ еще необходимымъ учрежденіе въ юго-западныхъ губерніяхъ ремесленно-техническихъ школъ.

Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, графъ Строгановъ, въ своемъ мнѣніи прежде всего сообщаетъ свѣдѣнія, доставленныя ему подчиненными ему начальниками губерній и областей. Изъ нихъ нѣкоторые находятъ, что нѣтъ ни-

какихъ мѣстныхъ ограниченій для евреевъ въ ремесленной промышленности и что между евреями преимущественно распространены ремесла, не требующія усиленныхъ физическихъ трудовъ. Екатеринославскій губернаторъ полагаетъ необходимымъ, для поощренія евреевъ къ тяжелымъ ремесламъ, назначить имъ особыя награды. Одинъ только начальникъ Бессарабской области сообщилъ, что между евреями Бессарабіи, особенно въ Кишиневѣ, ремесленная промышленность развита до такой степени, что всѣ почти ремесла, не исключая и требующихъ усиленныхъ физическихъ трудовъ, производятся большею частью евреями.

Графъ Строгановъ, который всегда относился особенно сочувственно къ интересамъ и нуждамъ массы, при сообщеніи означенныхъ свѣдѣній, высказалъ также и свое мнѣніе. На его взглядъ, существованіе въ настоящее время *какихъ бы то ни было ограниченій въ гражданскихъ правахъ евреевъ*, сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ *несообразно ни съ духомъ и направленіемъ времени*, ни съ стремленіемъ правительства къ сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи. Поэтому графъ Строгановъ полагаетъ дозволить евреямъ жить во всѣхъ мѣстахъ Имперіи и заниматься безъ всякихъ ограниченій, на одинаковыхъ со всѣми русскими подданными правахъ, ремеслами и промыслами, добровольно ими избираемыми, соотвѣтственно ихъ способностямъ. При этомъ графъ Строгановъ отвергаетъ необходимость примѣненія исключительныхъ мѣръ къ побужденію евреевъ заниматься ремеслами, требующими усиленныхъ физическихъ трудовъ.

Черниговскій гражданскій губернаторъ объяснилъ, что въ малороссійскихъ губерніяхъ евреи значительно отличаются нарѣчіемъ, одеждою и образомъ жизни отъ евреевъ другихъ губерній и почти совершенно слились съ туземными жителями, а потому онъ полагаетъ, что для евреевъ малороссійскихъ губерній слѣдуетъ нынѣ же отмѣнить всѣ существующія ограниченія.

Лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Шуваловъ, пишетъ, что географическое и экономическое положеніе Остзейскаго края обусловливаютъ собою необходимость постояннаго жительства въ немъ евреевъ, а потому онъ считаетъ желательною наивозможно скорѣйшую отмѣну существующихъ въ его краѣ для евреевъ ограничительныхъ законовъ, исполненіе которыхъ въ дѣйствительности оказывается невозможнымъ, и разрѣшеніе евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи.

Наконецъ, виленскій, гродненскій и ковенскій генералъ-губернаторъ, находя, что въ законахъ нѣтъ никакихъ ограниченій евреевъ въ ремесленной промышленности, не встрѣчаетъ надобности въ измѣненіи ремесленныхъ законовъ о евреяхъ.

Затѣмъ, по свѣдѣніяхъ, собраннымъ въ то же время губернскими статистическими комитетами, оказалось, что процентное отношеніе евреевъ ко всему числу жителей въ чертѣ общей ихъ осѣдлости составляетъ 7,85, а то же процентное отношеніе къ количеству всего народонаселенія Россіи составляетъ 2,10 проц. Точно также, по сравненіи между собою двухъ губерній, Кіевской и Ярославской, изъ которыхъ въ первой евреи имѣютъ постоянное жительство, а во второй имѣть не могутъ, и по исключеніи въ обѣихъ губерніяхъ губернскаго города (такъ какъ въ самомъ Кіевѣ евреи не имѣютъ права постояннаго жительства), оказалось, что въ первой считается ремесленниковъ 2,6 на 1000 человѣкъ, а во второй лишь 0,9 на 1000 человѣкъ. То же самое оказалось по сравненіи двухъ губерній, смежныхъ между собою, Кіевской и Курской, находящихся въ довольно сходныхъ условіяхъ почвы, климата, плодородія и нравовъ населенія: въ первой процентное отношеніе ремесленниковъ 2,6 на 1000, а во второй лишь 0,8 на 1000 человѣкъ.

Сообразивъ всѣ данныя и представленія мѣстныхъ начальствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что причину упадка ремесленной промышленности между евреями надобно

искать въ тѣхъ общихъ ограниченіяхъ гражданскихъ правъ этого народа, которыя существуютъ въ нашемъ законодательствѣ, и всего болѣе—въ воспрещеніи евреямъ имѣть жительство внѣ мѣстъ, назначенныхъ для ихъ осѣдлости. Кромѣ того, замѣчено, что отъ приведенныхъ ограниченій всего болѣе страдаетъ классъ ремесленниковъ, и при томъ не только еврейскихъ, но и христіанскихъ. Мы приведемъ подлинный текстъ законодательнаго акта 1865 г., въ которомъ рисуется печальная картина положенія еврейскихъ и христіанскихъ ремесленниковъ. «Еврейскіе ремесленники,—говорится въ немъ,—скопленные въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, среди населенія, большею частію, бѣднаго, нуждаясь въ заказахъ, выпрашиваютъ за работу крайне низкую плату, въ ущербъ прочности и изяществу отдѣлки, стараясь лишь о томъ, чтобы дешевизна издѣлій сдѣлала ихъ доступными массѣ потребителей. Стремленіе христіанскихъ ремесленниковъ къ той же цѣли и тѣми же путями порождаетъ между ними и евреями преувеличенное соперничество, вредно дѣйствующее на благосостояніе тѣхъ и другихъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, и постоянное накопленіе на евреяхъ неоплатныхъ недоимокъ, и не смотря на то, что подушная подать съ мѣщанъ отмѣнена еще съ начала 1863 года и что изъ коробочнаго сбора отчисляются ежегодно значительныя суммы на покрытіе слѣдующихъ съ евреевъ казенныхъ платежей, податныя недоимки не уплачены еврейскими обществами и по настоящее время. Между тѣмъ, классъ еврейскихъ ремесленниковъ составляетъ хотя бѣднѣйшее, но вмѣстѣ съ тѣмъ полезнѣйшее сословіе между ихъ единовѣрцами; а потому если правительство признало уже возможнымъ смягчить строгость существующихъ для евреевъ, относительно избранія ихъ мѣста жительства, постановленій въ отношеніи купцовъ, то ремесленники этой націи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія. Въ сихъ убѣжденіяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ полагаетъ, что евреямъ-ремесленникамъ слѣ-

довало бы нынѣ же предоставить возможность имѣть жительство и внѣ черты ихъ осѣдлости». То же министерство, взявшее подъ свою защиту наиболѣе производительный классъ евреевъ, указываетъ далѣе, что сверхъ облегченія затруднительнаго положенія христіанскихъ ремесленниковъ, терпящихъ стѣсненіе въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ отъ чрезмѣрнаго соперничества, уменьшеніе числа еврейскихъ мастеровъ способствовало бы къ установленію болѣе соразмѣрнаго отношенія между производителями ремесленныхъ издѣлій и ихъ потребителями; а съ другой стороны, тѣ изъ губерній, въ которыхъ ощущается нынѣ недостатокъ въ хорошихъ мастерахъ, получили бы возможность пріобрѣсть въ евреяхъ полезныхъ ремесленниковъ. Но всего важнѣе указаніе министерства на то, что проживаніе евреевъ-ремесленниковъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ они теперь не имѣютъ права жить и гдѣ будутъ составлять значительное меньшинство, совершенно исчезающее въ массѣ кореннаго населенія, послужитъ къ скорѣйшему смягченію ихъ національныхъ особенностей, что доказывается,—говоритъ министерство,—отзывомъ начальника Полтавской губерніи, по свидѣтельству котораго, въ губерніи этой, гдѣ евреевъ сравнительно менѣе, чѣмъ въ западномъ краѣ, они совершенно сжились съ туземнымъ населеніемъ» (В. П. С. З. т. XI, № 42264).

Рѣдко между законодательными актами, относящимися къ евреямъ, можно встрѣтить другой, который отличался бы такимъ многостороннимъ и добросовѣстнымъ изученіемъ предмета, который дышалъ бы такою чисто отеческою заботливостію о нуждахъ и интересахъ евреевъ. Неудивительно, что мотивы, содержащіеся въ изложенныхъ выше соображеніяхъ министерства, вызвали новый законъ, который сразу положилъ конецъ еврейскому ремесленному гетто. По закону 28 іюня 1865 года, еврейскимъ ремесленникамъ открытъ доступъ во всѣ внутреннія губерніи, гдѣ они могутъ имѣть постоянное жительство по узаконеннымъ паспортамъ и билетамъ.

Такимъ образомъ, правительство, въ интересахъ государственной пользы, уничтожило для ремесленниковъ-евреевъ юридическое неравенство въ правѣ ихъ мѣстожительства. Но юридическое равенство открываетъ только возможность фактическаго осуществленія предоставленныхъ имъ правъ, которое, какъ мы говорили уже выше, оказывается возможнымъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Съ одной стороны, законъ оставилъ необходимость полученія паспортовъ въ мѣстахъ приписки, а это не всегда возможно для человѣка бѣднаго, живущаго вдали отъ своей родины. Съ другой—для того, чтобы переселиться въ другое мѣсто, недостаточно одного права на жительство, а необходимы еще матеріальныя средства для переѣзда и первоначальнаго обзаведенія. Вотъ почему по настоящее время, чрезъ 15 почти лѣтъ, еврейскіе ремесленники en masse не имѣютъ возможности воспользоваться предоставленнымъ имъ широкимъ правомъ. Естественно, что общественная иниціатива должна придти на помощь правительственной иниціативѣ, ибо только при такомъ взаимномъ содѣйствіи возможно на самомъ дѣлѣ достиженіе общественной пользы.

Что же сдѣлали мы, русскіе евреи, для нашихъ младшихъ братій? Задумывались-ли мы надъ этимъ вопросомъ и приняли-ли мы по собственному почину какія либо мѣры для удовлетворительнаго его разрѣшенія? По совѣсти мы должны сказать, что ничего не сдѣлали. Мы никогда не доходимъ до того, чтобы подумать не только о мѣстныхъ интересахъ, но и о болѣе общихъ интересахъ. Мы готовы помочь такимъ или инымъ палліативнымъ способомъ нуждамъ мѣстнаго, мозолящаго намъ глаза населенія; мы готовы открывать здѣсь и тамъ больницы, дѣтскіе пріюты, талмудъ-торы, сиротскія заведенія и т. д., но мы никогда не подумаемъ объ общихъ мѣрахъ, мы никогда не додумаемся до изслѣдованія общихъ основаній крайней бѣдности евреевъ въ массѣ. Словомъ, мы дѣйствуемъ лишь въ нашемъ мѣстномъ кругу и отрицательно—для устраненія временныхъ бѣдствій; но мы не въ со-

стояніи расширить нашъ кругозоръ и подумать о болѣе общихъ нуждахъ, касающихся всего русско-еврейскаго населенія; мы не выказали—до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, желанія стать на болѣе положительную почву и кореннымъ способомъ измѣнить къ лучшему экономическій бытъ русскихъ евреевъ. Во всѣхъ трехъ краяхъ осѣдлости евреевъ, къ сожалѣнію, существуютъ историческія причины, препятствующія достиженію болѣе широкихъ и общихъ цѣлей. Въ одномъ—сѣверо-западномъ—все вниманіе сосредоточено на поддержаніи религіозно-талмудическаго авторитета, и это традиціонное направленіе существуетъ тамъ со временъ Великаго Гаона; но при этомъ тамъ забываютъ, что въ эпоху Гаона авторитету Талмуда дѣйствительно угрожала опасность со стороны возникшей тогда цадикской партіи Бешта, ученіе котораго было направлено противъ Талмуда. Въ настоящее же время, съ точки зрѣнія даже самихъ оберегателей юдаизма, нѣтъ надобности въ томъ, чтобы всѣ умственныя силы обращались на изученіе догматики Талмуда an sich, безъ научно-опредѣленной цѣли. Въ другомъ краѣ—юго-западномъ—масса общества, крайне бѣдная и болѣе всего расположенная къ созерцанію и мечтательности, подъ вліяніемъ особыхъ условій, тяготѣетъ къ цадикизму. Ученіе это давно уже выродилось. Тѣ благотворныя, по нашему мнѣнію, начала, которыя нѣкогда послужили основаніемъ къ его возникновенію, не пропагандируются болѣе и превратились въ орудіе достиженія матеріальныхъ благъ для цадиковъ. Въ Новороссійскомъ краѣ общество юное, не имѣющее традицій, сформировавшееся изъ самыхъ разнообразныхъ, чуждыхъ другъ другу, элементовъ, сохранившихъ кое-какія смутныя воспоминанія о нынѣ чуждой имъ уже родинѣ, не имѣетъ никакихъ общихъ нравственныхъ идеаловъ и относится крайне враждебно къ *жидовству* западныхъ губерній. Такимъ образомъ, въ средѣ такихъ разнородныхъ частей русскаго еврейства, изъ которыхъ сѣверо-западная враждуетъ съ юго-западною, а новороссійская — съ

ними обѣими, не могло сложиться потребности въ общихъ, дружественныхъ стремленіяхъ къ общимъ цѣлямъ, заключающимся въ необходимости кореннаго преобразованія быта евреевъ въ Россіи.

Между тѣмъ, помощь ремесленному классу евреевъ нужна, потому что еще и понынѣ остается совершенно вѣрною картина его положенія, нарисованная въ законодательномъ актѣ 1865 года. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что если лучшее еврейство съ тою же теплотою и правдивостью отнесется къ изученію фактическаго быта ремесленнаго класса, съ какими правительство въ шестидесятыхъ годахъ отнеслось къ нему при изученіи его юридическаго положенія, если у него хватитъ столько энергіи и появится сознаніе о необходимости устранить фактическія препятствія, сколько было у правительства шестидесятыхъ годовъ для устраненія юридическихъ. ограниченій, то участь еврейскихъ ремесленниковъ весьма скоро станетъ болѣе обезпеченною.

Дѣятельность лучшей части русскаго еврейства, въ интересахъ производительнаго класса ея единовѣрцевъ, должна идти въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, на доставленіе ему помощи и матеріальныхъ пособій съ цѣлью доставить ему возможность выйти изъ того заколдованнаго круга, изъ котораго еще въ шестидесятыхъ годахъ разрѣшило ему выйти правительство, но въ удушливой атмосферѣ котораго онъ, противъ воли, продолжаетъ оставаться до сихъ поръ. Съ другой—эта дѣятельность должна быть также направлена и на то, чтобы изъ массы евреевъ, бьющейся какъ рыба объ ледъ, все большее и большее количество перевести въ ремесленный классъ евреевъ. Эта послѣдняя задача можетъ быть осуществлена открытіемъ ремесленныхъ школъ. Въ этомъ отношеніи представится гораздо болѣе благопріятныхъ условій, чѣмъ по земледѣльческому устройству евреевъ. Во первыхъ, по послѣднему вопросу представляется опасный прецедентъ—существующая донынѣ точка зрѣнія о неспособности евреевъ

къ земледѣлію, доказанная будто бы опытомъ. По отношенію же къ ремесламъ не только нѣтъ такого прецедента, но, напротивъ, какъ мы видѣли выше, и въ правительственныхъ сферахъ существуетъ полное убѣжденіе въ способности евреевъ къ ремесламъ, а также и въ томъ, что причину упадка между евреями ремесленной промышленности слѣдуетъ отнести не къ племеннымъ особенностямъ евреевъ, а на счетъ ограничительныхъ законовъ. Далѣе, извѣстно, что еще въ сороковыхъ годахъ, при учрежденіи общеобразовательныхъ школъ для евреевъ, правительство уже имѣло въ виду необходимость учрежденія при нихъ техническихъ отдѣленій *. Кромѣ того, изъ приведеннаго выше видно, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составленъ проектъ нормальныхъ правилъ для учрежденія ремесленныхъ и другихъ подобныхъ имъ техническихъ училищъ, который переданъ на разсмотрѣніе въ министерство финансовъ. Вѣроятно, этотъ проектъ не осуществленъ за недостаткомъ средствъ, но намъ извѣстно, что послѣ того, какъ правительство рѣшилось уже снять карантинную черту, отведенную въ прежнее время для еврейскихъ ремесленниковъ, по почину генералъ-губернатора юго-западнаго края выработано было общее положеніе о еврейскихъ ремесленныхъ школахъ въ юго-западномъ краѣ. Состоящій и нынѣ при томъ же генералъ-губернаторѣ Г. М. Барацъ объѣздилъ тогда всѣ города юго-западнаго края съ цѣлію побудить евреевъ къ назначенію на содержаніе имѣющихъ открыться школъ средствъ изъ спеціально-еврейскихъ суммъ коробочнаго сбора. Намъ извѣстно также, что всѣ еврейскія общества сочувственно отнеслись къ проекту и всѣ безъ исключенія назначили на этотъ предметъ достаточныя средства. Но проекту ремесленныхъ школъ не суждено было осуществиться. Особеннымъ образомъ настроенные представители печати того края нашли неумѣстнымъ осуществленіе этого столь благотворнаго дѣла потому, что город-

* См. ст. мою „Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ“.

скіе элементы, представителемъ которыхъ являются евреи, могутъ-де найти въ ремесленныхъ школахъ такую опору, противъ которой останутся совершенно безсильными элементы сельскіе, и безъ того вытѣсняемые евреями изъ городовъ юго-западнаго края. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда юго-западный край находился въ возбужденномъ состояніи, когда все было платонически настроено въ пользу крестьянъ, нуждавшихся на самомъ дѣлѣ въ защитѣ въ неравной борьбѣ по выкупу надѣловъ,—въ это тревожное время всякій фантомъ могъ принимать характеръ серьезнаго пугала, и еще болѣе тогда, когда этимъ пугаломъ оказывался еврей, этотъ завѣдомый вампиръ крестьянства. То, что осуществленіе проекта еврейскихъ ремесленныхъ школъ было тогда пріостановлено, слѣдуетъ приписать скорѣе напряженному состоянію умовъ среди тогдашняго русскаго общества, чѣмъ дѣйствительной опасности, будто бы угрожавшей сельскому хозяину, отъ того, что такъ называемые эксплоататоры будутъ пріучены къ производительному, ремесленному труду. Едва-ли въ настоящее время, при болѣе трезвомъ отношеніи къ дѣлу, могутъ всплыть наружу подобнаго рода соображенія.

Надобно замѣтить, что, со времени предоставленія еврейскимъ ремесленникамъ права повсемѣстнаго жительства, по общественной инпціативѣ возникло всего два ремесленныхъ училища, которыя, не смотря на недостатокъ средствъ, все-таки приносятъ значительную пользу. Одно изъ нихъ, въ Житомірѣ учреждено въ 1862, а другое, въ Одессѣ—въ 1864 г. Но развѣ двухъ училищъ достаточно на всю Россію? Изъ всего, что извѣстно объ этихъ училищахъ, ясно видно, что они удовлетворяютъ насущной потребности и что на нихъ есть большой спросъ со стороны неимущаго класса евреевъ. Напрасно думаютъ многіе, что ремесленныя школы могутъ очень легко быть замѣнены домашнимъ обученіемъ у мастеровъ. Эти господа усвоили себѣ такой взглядъ не путемъ изученія предмета, а очень легко—заграницею, гдѣ въ разговорѣ съ иностран-

цами они узнали, что лучше отдавать бѣдныхъ дѣтей къ мастеру на обученіе, чѣмъ устраивать для нихъ школы. Но, во первыхъ, заграницей, гдѣ существуетъ много ремесленныхъ школъ (для изученія ихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ снаряженъ былъ чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія и отчетъ его напечатанъ въ журналѣ этого министерства, если не ошибаемся, за 1877 г.), очень удобно помѣщать дѣтей и у мастера, который, получивъ техническое образованіе и будучи вообще человѣкомъ цивилизованнымъ, несомнѣнно исполняетъ свои обязанности учителя хорошо и добросовѣстно. Можно-ли то же самое сказать о нашихъ мастерахъ, которые получаютъ свои техническія познанія въ средѣ, поставленной подъ регламентацію цеховой корпораціи, и большею частью эксплоатируютъ молодыя силы своихъ учениковъ способами, болѣе соотвѣтствующими ихъ личнымъ, или домашнимъ интересамъ, чѣмъ учебной задачѣ мастера-учителя? Во вторыхъ, бѣдный классъ заграничныхъ евреевъ не настолько многочисленъ, чтобы явилась необходимость въ организаціи спеціальныхъ ремесленныхъ школъ; случайная же потребность можетъ быть удовлетворена и случайнымъ помѣщеніемъ нуждающагося у дѣльнаго мастера, котораго тамъ долго искать не приходится. Притомъ, большинство нуждающихся могутъ сами открыть себѣ доступъ въ существующія ремесленныя школы. У насъ же рѣчь идетъ о цѣлой массѣ населенія евреевъ, ищущихъ занятій и неимѣющихъ, по крайней своей бѣдности, возможности получить другое образованіе, кромѣ ремесленнаго. Куда же помѣстить всю эту массу, если не въ особыя, спеціально для этой цѣли устроенныя ремесленныя школы? У насъ вѣдь низшихъ ремесленныхъ школъ очень мало, или почти нѣтъ, а среднія и высшія большею частью въ столичныхъ городахъ; если же гдѣ нибудь въ губернскомъ городѣ и открывается низшее ремесленное училище, то оно, въ отношеніи евреевъ, ограждаетъ себя словомъ «кромѣ» (см. уставъ кіевскаго Александровскаго ремесленнаго училища). Слѣдовательно, намъ не-

обходимо помочь злу своими собственными средствами; намъ необходимо дать выходъ къ безбѣдной жизни населенію, задыхающемуся въ душной атмосферѣ, ограниченной чертою осѣдлости евреевъ; намъ необходимо рѣшиться на жертвы трудомъ и деньгами. Какимъ образомъ устроить эту самопомощь—объ этомъ мы скажемъ въ концѣ нашей статьи, такъ какъ способъ этотъ касается всѣхъ сторонъ ея въ равной мѣрѣ и представляется общимъ для всѣхъ. Намъ нужно только придти къ сознанію, что необходимо энергически взяться за дѣло и помнить поговорку: «если не я за себя, то кто за меня будетъ»,—поговорку, выросшую на еврейской почвѣ, очевидно, потому, что евреи во всѣ эпохи должны были сами думать за себя, потому, что и въ томъ случаѣ, когда и другіе за нихъ думаютъ, для практическаго осуществленія чужой мысли имъ все-таки необходимо еще и самимъ подумать. Стоитъ вспомнить исторію съ ковенскими евреями, чтобы понять всю силу приведенной поговорки. Будемъ же думать сами за себя, и не только *думать*, но и *дѣло дѣлать*.

Въ то время, какъ въ отношеніи земледѣлія и ремесленныхъ занятій представляются въ настоящее время одни лишь *фактическія* препятствія,—въ отношеніи къ переселенію мы встрѣчаемся также съ препятствіями *юридическими*. Извѣстно, что евреи, въ массѣ, не имѣютъ права жить внѣ черты общей ихъ осѣдлости. Но извѣстно также, что и въ государственныхъ сферахъ, и въ печати въ настоящее время сознаютъ необходимость открыть евреямъ доступъ во внутреннія губерніи. Принципъ «отъ враговъ Христовыхъ прибыли не хощемъ» давно уже исчезъ изъ русской жизни. Забыто уже то блаженное старое время, когда нѣкоторые высказывались противъ разрѣшенія евреямъ жить во внутренней Россіи, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что если евреи—ядъ, то лучше удержать его въ опредѣленной мѣстности, чѣмъ развести его по всей Россіи. Этимъ хотѣли предостеречь будто бы внутреннюю Россію отъ чумной заразы, но въ сущ-

ности имѣли въ виду не выпускать изъ своихъ рукъ такого богатаго источника доходовъ, какими представлялись еврейскія общества. Эти мотивы относятся къ той давно отошедшей въ вѣчность эпохѣ, когда администраціи двухъ губерній высказывали весьма важныя государственно-административныя соображенія по поводу того, что густо-населенное евреями мѣстечко Бердичевъ переведено изъ Волынской въ Кіевскую губернію. Настоящія, дѣйствительныя побужденія чернильной борьбы лежали тогда отнюдь не въ государственныхъ соображеніяхъ. Но, слава Богу, въ настоящее время, въ которое идея общей государственной пользы вошла въ сознаніе государственныхъ дѣятелей и общества, едва-ли кто нибудь станетъ придавать вѣру постороннимъ этой идеѣ соображеніямъ, коренящимся въ личной, а не въ общественной пользѣ. Да едва-ли кто нибудь дерзнетъ теперь выступить съ такими взглядами, которыми прикрываются личные интересы. Поэтому пора подумать о томъ, какимъ образомъ, при юридической возможности передвиженія, предоставить еврейской массѣ и возможность фактическую.

Каждый разъ, когда настояла какая либо необходимость въ выселеніи или переселеніи евреевъ, фактическія препятствія до того были сильны, что нерѣдко задерживали на долго осуществленіе правительственныхъ мѣръ и не давали возможности выйти изъ затруднительнаго положенія. Не будемъ говорить объ эпохѣ, очень отдаленной, предшествовавшей присоединенію западныхъ губерній къ Россіи; тогда свобода передвиженія затруднялась разнообразіемъ въ системахъ отправленія податей, существовавшихъ въ различныхъ владѣльческихъ городахъ, и, не смотря на гуманные взгляды еврейскихъ юристовъ того времени, разрѣшавшихъ всѣ возникавшіе между обществами, по поводу частыхъ переселеній, споры, какъ споры друзей между собою,—они все-таки должны были ограничивать передвиженіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда

оно ложилось тяжелымъ бременемъ на общество *. Но и позднѣе, въ началѣ XIX столѣтія, когда первымъ положеніемъ о евреяхъ установлено было выселеніе въ теченіи 3-хъ лѣтъ всѣхъ евреевъ изъ селъ и деревень въ города, эта общая мѣра не могла быть осуществлена съ 1804 и до самаго изданія втораго о евреяхъ положенія 1835 г., т. е. въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ. Въ 1807 году, когда выселеніе евреевъ по положенію о евреяхъ 1804 г. должно было придти уже къ концу, оказалось, что нельзя было приступать даже къ нему. Съ одной стороны, помѣщики, которые обязаны были заботиться о выселеніи евреевъ, не имѣли къ тому никакихъ средствъ, а съ другой — и сами евреи, по крайней бѣдности своей, вслѣдствіе обложенія ихъ двойными противъ другихъ жителей податями и вздорожанія въ то время хлѣба и другихъ продуктовъ, не могли пріискать никакихъ способовъ къ переселенію. Такое затруднительное положеніе вызвало отсрочку переселенія еще на 3 года и учрежденіе комитета изъ дворянъ, которые должны были заботиться о приведеніи въ исполненіе положенія 1804 г. и побуждать кагалы къ денежнымъ пожертвованіямъ для переселенія (П. П. С. З. т. XXIX, № 22651). Но и эта мѣра не имѣла никакого успѣха. Переселеніе оказалось *невозможнымъ*, главнымъ образомъ, потому, что «евреи, по нищетѣ своей, не имѣли сами способовъ оставить свое жительство, устроиться и обзавестись въ новыхъ своихъ состояніяхъ», затѣмъ «и правительство не могло принять на себя водворенія всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ». Такое положеніе дѣла вызвало необходимость пріостановленія выселенія евреевъ впредь до особаго повелѣнія и учрежденія «особаго комитета», который долженъ былъ разсмотрѣть въ совокупности всѣ причины, препятствующія выселенію, и высказать по этому предмету

* См. статью мою «Кагалъ и учрежденіе магдебургскаго права». «День», 1871 г., № 22.

свои соображенія (П. П. С. З. т. XXX 1809 г., №№ 23424 и 23435). Въ одной только Бѣлоруссіи велѣно было въ 1823 году выселить евреевъ изъ селъ и деревень до 1825 года, а въ Гродненской губерніи для облегченія переселенія учрежденъ былъ комитетъ, которому предоставлено даровать переселенцамъ льготы въ платежѣ податей, отпускать пособія изъ государственной казны въ суммѣ 25,000 рублей и выдавать ссуды на новыхъ мѣстахъ водворенія желающимъ заводить фабрики и заводы до 50,000 рублей (1823 г. П. П. С. З. т. XXXVIII, № 29,420, и 1827 г. В. П. С. З т. II., № 1582). Во всѣхъ же прочихъ губерніяхъ западнаго края и въ Бессарабской области разрѣшеніе возбуждавшихся и тамъ вопросовъ о выселеніи евреевъ отложено было до выработки новаго общаго положенія о евреяхъ 1835 г. (1833 г. т. VIII, № 6348, 1834 г. т. VIII № 6554, и 1835 т. X, № 7905). Но замѣчательно, что болѣе 30-ти лѣтъ особый комитетъ работалъ надъ вопросомъ объ устройствѣ болѣе удобныхъ способовъ переселенія. Дѣло было пріостановлено въ ожиданіи обнародованія положенія 1835 года, а между тѣмъ и по изданіи этого новаго положенія обнаружилась невозможность переселенія евреевъ изъ селъ и деревень въ города, и выводъ ихъ оттуда вновь пріостановленъ въ виду открывшихся неудобствъ, причемъ помѣщикамъ предоставлено высылать евреевъ изъ селъ и деревень по ихъ собственному усмотрѣнію (1835 г. т. X, № 8052). Такимъ образомъ, очевидно, что настойчиво преслѣдуемая правительствомъ мѣра никакъ не могла осуществиться вслѣдствіе фактическихъ препятствій, устраненіе которыхъ потребовало затраты средствъ, превышавшихъ средства помѣщиковъ и еврейскихъ обществъ.

Чтобы узнать наши дѣйствительныя силы и средства въ настоящее время, слѣдуетъ намъ отвѣтить на вопросъ: улучшилось ли положеніе русскихъ евреевъ противъ того, какимъ оно было въ тридцатыхъ годахъ, и не слѣдуетъ ли намъ опасаться, что въ годину бѣдствій мы будемъ опять

безпомощными и будемъ ожидать какого нибудь deus ex machina, который долженъ вывести насъ изъ незавиднаго положенія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ 1869 годъ, когда евреи сѣверо-западнаго края бѣдствовали вслѣдствіе свирѣпствовавшаго въ средѣ ихъ голода, и никакія усилія русскихъ евреевъ не могли бы пріостановить печальныхъ результатовъ обрушившагося на нашу голову несчастія, если бы, съ разрѣшенія правительства, не поспѣшили на помощь къ намъ иностранные единовѣрцы наши, которые, надо отдать имъ справедливость, лучше нашего успѣли изучить основныя причины бѣдственнаго положенія массы русскихъ евреевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергически взялись за облегченіе его. Намъ кажется весьма поучительнымъ этотъ моментъ и мы остановимся нѣсколько дольше на немъ, мы освѣжимъ въ нашей памяти все то, что происходило тогда на нашихъ глазахъ съ тою цѣлію, чтобы извлечь изъ всей этой исторіи урокъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что русскіе евреи, въ массѣ, находятся еще и теперь въ томъ же положеніи, въ какомъ они находились въ 30-хъ годахъ, и нужно только, чтобы постигло ихъ какое нибудь чрезвычайное бѣдствіе, въ родѣ неурожаевъ 1869 г. или чего нибудь другого, чтобы мы очутились въ томъ же безвыходномъ положеніи, въ какомъ были тогда.

Мы вполнѣ увѣрены въ томъ, что не только для русскаго общества, но и для многихъ и очень многихъ изъ русскихъ евреевъ будетъ новостью то, что въ 1869 г. цѣлыя массы населенія евреевъ въ сѣверо-западномъ краѣ питались кочерыгой, брюквенной и картофельной скорлупой и умирали тысячами отъ тифозныхъ болѣзней. Мы, русскіе евреи, относились тогда совершенно апатически къ этимъ бѣдствіямъ, но вѣсти о бѣдственномъ положеніи евреевъ сѣверо-западнаго края дошли до слуха иностранныхъ евреевъ, которые своими воззваніями успѣли привлечь къ этому дѣлу симпатіи всѣхъ странъ Европы и даже Америки, которыя своимъ участіемъ зна-

чительно содѣйствовали успѣху матеріальной временной поддержки. Образовались центральные комитеты въ Мемелѣ, Лыкѣ и Кенигсбергѣ и мѣстные въ Кобленцѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Кельнѣ, Мюнстерѣ, Ахенѣ и другихъ городахъ. Энтузіазмъ былъ всеобщій, и для того, чтобы имѣть понятіе о той симпатіи, съ которой всѣ классы населенія за границей относились къ бѣдственному положенію русскихъ евреевъ, стоитъ вспомнить записку, при которой одинъ ремесленникъ препроводилъ въ образовавшійся въ Гамбургѣ женскій комитетъ 15 зильбергрошеновъ. Она гласитъ: «Для страждущихъ евреевъ въ Россіи. Отказывающій себѣ въ удовольствіи посѣщать циркъ. Да найдутся подражатели!» Тогдашнее положеніе евреевъ сѣверо-западнаго края представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Представительство берлинской общины заявило тогда, что доходящія до него съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія о печальномъ положеніи евреевъ западной Россіи потрясающи. Уже 2 года одержимыя голодомъ и болѣзнями, тамошнія даже болѣе значительныя общины до того обѣднѣли, что только небольшая часть ихъ населенія, и то въ самой ничтожной мѣрѣ, въ состояніи поддерживать нуждающихся единовѣрцевъ. Предсѣдатель мемельскаго комитета докторъ Рюльфъ, прибывшій въ Россію по приглашенію нашего правительства, описываетъ во всеобщей газетѣ іудейства положеніе сѣверо-западныхъ евреевъ слѣдующимъ образомъ: «То, что я видѣлъ во время моего путешествія по одной только части страждущихъ голодомъ областей, превышаетъ все, что я до сихъ поръ представлялъ себѣ, или читалъ. Тысячи мелкихъ ремесленниковъ желаютъ, во избѣжаніе смерти на родинѣ, переселиться во внутреннюю Россію. Огромное число такихъ семействъ, голыхъ и босыхъ, по одному слуху о предстоящей помощи, стеклось въ Ковно, гдѣ они получаютъ пропитаніе въ народныхъ кухняхъ до пріобрѣтенія средствъ къ переселенію». Въ своемъ воззваніи по поводу бѣдственнаго положенія русскихъ евреевъ, докторъ Рюльфъ говоритъ: «Больше

третьей части всѣхъ евреевъ всего земного шара скучено на этомъ пространствѣ; большая часть изъ нихъ, быть можетъ, половина, должна найти себѣ другое мѣсто или *на* землѣ, или *подъ* нею». И въ самомъ дѣлѣ, положеніе сѣверо-западныхъ евреевъ было таково, что многіе изъ нихъ считали смерть скорѣе счастіемъ для себя, чѣмъ бѣдствіемъ. Предсѣдатель мемельскаго комитета передаетъ весьма трогательныя, но дышащія правдивостью слова одного еврейскаго фурмана, у котораго умерло двое дѣтей отъ голодной смерти: «Я шелъ,— разсказывалъ фурманъ,—за трупами моихъ умершихъ дѣтей съ радостью и удовольствіемъ, какъ будто дѣло шло о томъ, чтобы вести ихъ подъ хуппу» (балдахинъ, вѣнчаніе).

Прежде всего, конечно, такое положеніе потребовало немедленной помощи, направленной, съ оцной стороны, на доставленіе матеріальной поддержки, а съ другой—на переселеніе. Сначала переселеніе имѣло характеръ временной мѣры, съ цѣлію удаленія опредѣленной части населенія отъ мѣстностей, въ которыхъ свирѣпствовалъ голодъ и тифъ. Первоначальное переселеніе шло въ иностранныя государства, преимущественно въ Америку, но оно не было организовано. Можно-ли было думать тогда объ организаціи переселенія, когда дѣло шло о спасеніи отъ смерти? Но вскорѣ иностранные евреи догадались, что такого рода переселеніе ни къ чему не поведетъ. Докторъ Трейенфельсъ справедливо указалъ, что городъ Штетинъ, куда больше, чѣмъ гдѣ либо прибываютъ русскіе евреи на рижскихъ, мемельскихъ и тильзитскихъ пароходахъ, образуетъ ворота, чрезъ которыя русскіе евреи вторгаются въ Западную Европу и оттуда на данныя имъ средства переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, превращая самое путешествіе не въ средство для достиженія практической цѣли, а въ самую цѣль. Вслѣдствіе этого иностранные евреи, послѣ строгой оцѣнки всѣхъ способовъ переселенія и мѣстностей, куда слѣдуетъ направить его, остановились на той мысли, что переселеніе должно идти цѣлыми массами или по крайней

мѣрѣ семействами, и должно быть направлено преимущественно во внутреннія губерніи Россіи. Въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо доктора Рюльфа на имя ковенскаго губернатора князя Оболенскаго. «Намъ нечего скрывать, — пишетъ докторъ Рюльфъ,—предъ вашей свѣтлостью, что всѣ пожертвованія, если бы они даже составляли милліоны, могутъ только доставить временное облегченіе. Къ сожалѣнію, нужно опасаться, что, при настоящемъ порядкѣ вещей, бѣдствія западно русскихъ евреевъ не только могутъ, но и должны повторяться. Противъ такой возможности мы, конечно, безсильны. Если мы даже въ третій разъ возьмемъ на себя заботу о вспомоществованіи, мы все-таки будемъ находиться въ положеніи того врача, который, леча по наружнымъ признакамъ болѣзни, думаетъ такимъ образомъ устранить зло. Мы должны направить свои упорныя и продолжительныя усилія къ тому, чтобы придумать такой способъ леченія, который уничтожилъ бы зло въ самомъ корнѣ. Не говоря уже,—продолжаетъ докторъ Рюльфъ,—о необходимости введенія такого порядка вещей, который мы, съ нашей отечественной, прусской точки зрѣнія, находимъ лучшимъ и который, однако, очень трудно привить къ чужой почвѣ, я осмѣливаюсь обратить теперь ваше вниманіе на одно только обстоятельство. Чуть только,—говоритъ докторъ Рюльфъ,—мы переходимъ русскую границу и вступаемъ на прусскую почву, уже замѣтно различіе въ положеніи евреевъ. Въ пограничной чертѣ Пруссіи они далеко не такъ скучены, и еврейскія общины, находящіяся тамъ, отличаются большимъ благосостояніемъ и образованностью, и не уступаютъ своею дѣятельностью на поприщѣ ремесленнаго и промышленнаго труда никакому изъ внутреннихъ прусскихъ городовъ. Кромѣ того, въ значительной части большихъ и малыхъ прусскихъ городовъ, отъ Мемеля до Ахена, отъ русской до французской и бельгійской границъ, находится весьма большое количество евреевъ, уроженцевъ прусскихъ провинцій, лежащихъ вдоль русской границы, которые недавно тамъ по-

селились и занимаютъ тамъ почетное положеніе какъ купцы и промышленники. Они существеннымъ образомъ способствуютъ поднятію и оживленію прусской торговли и промышленности въ этихъ мѣстностяхъ. Чѣмъ объяснить такое полное и рѣзкое отличіе въ положеніи тѣхъ евреевъ, *которые въ былыя времена жили вмѣстѣ съ пограничными русскими евреями?* Причину,—говоритъ докторъ Рюльфъ,—нетрудно найти: она обусловливается господствующимъ въ Пруссіи полнымъ, неограниченнымъ правомъ свободнаго передвиженія». Такимъ образомъ, указано первое и главное средство, которое прежде всего слѣдуетъ употребить для устраненія зла. Но докторъ Рюльфъ считалъ одно разрѣшеніе евреямъ свободнаго передвиженія недостаточнымъ для осуществленія мысли о переселеніи евреевъ во внутреннія губерніи, потому что для такого переселенія необходимы еще и матеріальныя средства. По предложенію доктора Рюльфа, правительство согласилось учредить въ городѣ Ковно комитетъ, который, подъ руководствомъ князя Оболенскаго, долженъ былъ выработать проектъ о порядкѣ и способѣ переселенія. Въ засѣданія комитета приглашены были изъ иностранныхъ евреевъ докторъ Рюльфъ и предсѣдатель другого пограничнаго центральнаго комитета—лыкскаго—редакторъ «Гамагида». Комитетъ этотъ пришелъ къ слѣдующему рѣшенію: *впредь до разрѣшенія правительства—образовать общество съ отдѣленіями въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Это общество должно имѣть ближайшею своею задачей выселеніе евреевъ во внутреннія губерніи Россіи, а затѣмъ и пріобрѣтеніе поземельныхъ участковъ для занимающихся земледѣліемъ и, наконецъ, учрежденіе школъ для образованія юношества* *.

Дѣло, казалось, шло на ладъ. Передовые иностранные евреи были глубоко убѣждены въ томъ, что дѣло устраивается,

---

* См. Иностранную лѣтопись „День“, орг. русск. евреевъ. 1864 г., №№ 12, 13 и 14.

что имъ необходимо только подумать о тѣхъ дѣятеляхъ, которые должны быть призваны для осуществленія такой серьезной задачи. Оказалось, однако, что не все еще готово. Иностранные евреи стали думать о гарантіяхъ успѣшнаго исхода такого серьезнаго дѣла, какимъ представляется переселеніе евреевъ. Они полагали, что въ этомъ дѣлѣ необходимы взаимныя гарантіи, ибо,—разсуждали они,—насколько сами собираемыя средства окажутся безсильными безъ разрѣшенія правительства, настолько же одно разрѣшеніе, какъ показываетъ опытъ, ни къ чему не поведетъ *. Но какъ горячо ни принимались тогда за дѣло иностранные единовѣрцы наши, какъ прекрасно они ни разсуждали о нашемъ бѣдственномъ положеніи, какъ ни дѣйствовали съ энтузіазмомъ разные центральные и мѣстные комитеты,—въ концѣ концовъ мы остались при однихъ разсужденіяхъ: прошло съ того времени круглыхъ десять лѣтъ, и мы не подвинулись въ этомъ отношеніи ни на шагъ, вполнѣ сознавая при этомъ крайнюю необходимость разрѣженія еврейскаго населенія западныхъ губерній. Кто же виноватъ въ застоѣ, наступившемъ въ этомъ отношеніи? Отвѣтъ: мы сами, русскіе евреи.

Какъ ни больно намъ сознаваться въ этомъ, но сознаніе необходимо. Могли-ли наши единовѣрцы иностранныхъ государствъ взяться за самое дѣло съ полнымъ убѣжденіемъ въ успѣшномъ исходѣ его, могло-ли русское правительство сдѣлать шагъ въ смыслѣ указаній иностранныхъ евреевъ, когда мы сами, русскіе евреи, интересовъ которыхъ это ближайшимъ образомъ касалось, относились къ нему самымъ апатическимъ образомъ, когда мы такъ убійственно-равнодушно относились къ судьбѣ бѣдствовавшихъ собратьевъ нашихъ. И въ самомъ дѣлѣ, не покажется-ли страннымъ, что въ то время, когда народное бѣдствіе выступаетъ съ такою силой, что ни правительственныя, ни общественныя усилія не въ состояніи его пре-

* Тамъ же.

возмочь, когда русское правительство совѣщается въ комитетѣ съ иностранными евреями, а эти послѣдніе образуютъ у себя цѣлый рядъ учрежденій, необходимыхъ для облегченія зла, когда они пропагандируютъ, вызываютъ симпатіи всѣхъ классовъ общества, словомъ—няньчатся съ русскими евреями,—мы сами играемъ во всемъ этомъ дѣлѣ роль равнодушныхъ зрителей, не болѣе? Собирать средства для того, чтобы выселить на первыхъ порахъ около 10-ти или болѣе тысячъ еврейскихъ семействъ въ Америку, посылать въ Россію, для совѣщаній по этому предмету съ представителями русской правительственной власти, свѣдущихъ людей,—словомъ, дѣлать все то, что нельзя было откладывать въ долгій ящикъ, иностранные евреи, при отсутствіи иниціативы со стороны русскихъ евреевъ, считали своимъ прямымъ долгомъ. Но когда рѣчь зашла объ организаціи на правильныхъ началахъ переселенія русско-еврейскаго пролетаріата, при одномъ видѣ котораго иностранные евреи приходили въ неменьшій ужасъ, чѣмъ русское правительство, то очень естественно, что иностранные евреи, при совершеннѣйшей апатіи къ дѣлу со стороны русскихъ ихъ единовѣрцевъ, должны были отшатнуться отъ осуществленія этого грандіознаго предпріятія. И въ самомъ дѣлѣ, разъ иностранные евреи остановились на мысли о переселеніи евреевъ во внутреннія губерніи Россіи, какимъ образомъ, спрашивается, они могли принять на себя, безъ дѣятельной помощи со стороны русскихъ евреевъ, такое серьезное дѣло, когда они не знали ни характера населенія, ни условій мѣстностей, лежащихъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, ни условій областей внутренней Россіи, куда переселеніе должно было быть направлено? Между тѣмъ, знаніе всего этого составляетъ предметъ первой важности въ вопросѣ о переселеніи. Пусть скажутъ русскіе евреи, предлагали-ли они хоть какіе нибудь проекты въ то время, заявляли-ли они хоть что либо по этому серьезному дѣлу русскому правительству или иностраннымъ евреямъ,—пусть скажутъ, положа руку на сердце, раздавался-ли

въ средѣ ихъ хоть одинъ голосъ по затронутому тогда вопросу, кромѣ голоса существовавшаго тогда органа русскихъ евреевъ, вопіявшаго въ пустынѣ? Русскіе евреи въ то время только немного очнулись, подобно тому, какъ просыпается человѣкъ, домъ котораго уже объятъ пожаромъ, но они впали опять въ летаргическій сонъ, какъ только пожаръ не ихъ усиліями, правда, былъ потушенъ. Мы лично ожидали очень многаго отъ того, что иностранные евреи заинтересовались нашею судьбой и подошли къ дѣлу самымъ надлежащимъ образомъ, остановившись на необходимости переселенія. Мы высказали тогда слѣдующее: «Весьма полезно такое тѣсное сближеніе между иностранными и русскими евреями, изъ которыхъ послѣдніе нуждались не въ одномъ только уясненіи своего положенія, но и въ нравственномъ возбужденіи, въ руководствѣ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, которое превышало ихъ собственныя матеріальныя средства. Это сближеніе, разъясненіе и направленіе дѣла при помощи другихъ будетъ однимъ изъ блистательнѣйшихъ уроковъ для русскихъ евреевъ, которые, *наконецъ, поймутъ, что нужно у себя дома, по собственной инціативѣ, работать на свою же пользу*, а не во всякомъ данномъ случаѣ *быть въ положеніи безпомощныхъ дѣтей, нуждающихся въ чужой опекѣ и вѣчно ожидающихъ спасенія отъ силъ далекихъ и сверхъестественныхъ*. Правда, — сказали мы тогда же, — этотъ урокъ обошелся русскимъ евреямъ очень дорого: они заплатили за него тысячами страданій и жизней, но нельзя не согласиться, что для того, чтобы вывести изъ такого апатическаго состоянія, въ которое погружены безпечные русскіе евреи, должно было наступить колоссальнѣйщее бѣдствіе, касающееся ихъ жизни и существованія. И при такомъ даже рѣдкомъ печальномъ историческомъ примѣрѣ нужны были еще увѣщеванія, привлеченіе симпатій, подогрѣванія, пока, наконецъ, хоть немного расшевелились умы и сердца русскихъ евреевъ. Остается только пожелать, чтобы, благодаря погибшимъ тысячамъ евреевъ, оставшіеся въ живыхъ

имѣли возможность обезпечить свое матеріальное существованіе не на время только, а на далекое будущее. Отъ русскихъ евреевъ мы ждемъ отвѣта на вопросы, заданные намъ къ разрѣшенію иностранными евреями» *.

Отвѣта пока не послѣдовало. Намъ необходимо сдѣлать теперь то, что тогда еще ожидало отъ насъ наше правительство: намъ необходимо поспѣшить на помощь правительству въ дѣлѣ улучшенія быта русскихъ евреевъ, къ которому оно стремится со времени присоединенія къ Россіи западныхъ губерній. Не иностранные евреи должны явиться иниціаторами въ дѣлѣ переселенія русскихъ евреевъ и этимъ самымъ ставить правительство въ затруднительное положеніе, а мы, русскіе евреи, на которыхъ, и по взгляду русскаго законодательства, возложена забота о хозяйственныхъ вопросахъ еврейскихъ обществъ. Мы сами должны призвать къ дѣятельности всѣ лучшія силы наши—умственныя, нравственныя и матеріальныя—и сами должны сдѣлаться иниціаторами въ своемъ собственномъ дѣлѣ, причемъ можемъ разсчитывать на матеріальную помощь и со стороны иностранныхъ евреевъ. Русское правительство скажетъ спасибо евреямъ, если они дружно будутъ дѣйствовать на пути улучшенія быта еврейскаго пролетаріата, потому что отъ этого зависитъ и государственное благосостояніе.

Мы должны взяться за осуществленіе плана ковенскаго комитета, дѣйствовавшаго подъ руководствомъ князя Оболенскаго, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, конечно, вызываемыми необходимостью. Мы должны исходатайствовать у правительства разрѣшеніе на открытіе въ Петербургѣ, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, общества, имѣющаго своею задачей учрежденіе земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ для евреевъ и заботу о переселеніи ев-

* Тамъ же.

реевъ во внутреннія губерніи, или другія мѣстности, гдѣ евреямъ по закону дозволено жить.

Въ отношеніи земледѣлія, общество должно стремиться къ открытію земледѣльческихъ школъ, въ которыя поступаютъ дѣти бѣднаго класса евреевъ, способныя къ труду. При каждой школѣ должна быть ферма, на которой ученики, подъ руководствомъ опытнаго агронома, производятъ всѣ безъ исключенія земледѣльческія работы. Общеобразовательные предметы преподаются въ такомъ объемѣ, чтобы ученикамъ была дана возможность научиться грамотѣ; гораздо обширнѣе должна быть программа свѣдѣній по агрономіи. Курсъ долженъ быть разсчитанъ на изученіе въ совершенствѣ всѣхъ земледѣльческихъ работъ. Средства на это дѣло должны образоваться исключительно путемъ добровольныхъ пожертвованій со стороны самихъ евреевъ. Въ этомъ отношеніи иностранные евреи могутъ намъ оказать значительную помощь и можно вполнѣ разсчитывать на эту помощь, если только возьмемся за дѣло энергически и умѣючи.

Въ отношеніи ремесленныхъ занятій необходимо приступить къ открытію въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ ремесленныхъ школъ. Система обученія должна быть направлена на такія ремесла, которыя, по промышленнымъ и сельско-хозяйственнымъ условіямъ Россіи, могутъ разсчитывать на болѣе широкое, практическое примѣненіе, вслѣдствіе чего слѣдуетъ избѣгать спеціализаціи мастерскихъ и введенія легкихъ ремесленныхъ занятій, въ изобиліи распространенныхъ. Курсъ долженъ быть не болѣе четырехгодичнаго, потому что бѣдное еврейское семейство не можетъ на долгое время оставаться безъ рабочей силы и нуждается въ томъ, чтобы рабочій скорѣе вернулся къ ней для доставленія помощи семьѣ, или для освобожденія ея отъ лишнихъ затратъ, которыя необходимо производить на содержаніе его во все время его обученія. Курсъ общеобразовательныхъ предметовъ, какъ показываетъ опытъ ремесленныхъ школъ, долженъ быть устроенъ

такъ, чтобы преобладающее значенiе получили ремесленныя занятiя. Нѣсколько болѣе обширною должна быть программа техническихъ предметовъ, изученiе которыхъ должно имѣть въ виду преимущественно практическое примѣненiе ихъ къ преподаваемымъ ремесламъ. Средства на это дѣло должны быть даны изъ тѣхъ суммъ коробочнаго сбора, которыя уже предназначены были евреями юго-западнаго края для осуществленiя проекта о ремесленныхъ школахъ, выработаннаго, какъ мы упоминали выше, при генералъ-губернаторѣ Анненковѣ. Вѣроятно, они и теперь не откажутся предоставить для этой цѣли эти суммы и не только они, но и всѣ еврейскiя общества въ Россiи. Однородный съ упомянутымъ проектъ объ открытiи ремесленныхъ школъ для русскихъ евреевъ находится и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и, вѣроятно, осуществленiе его предполагается изъ тѣхъ же средствъ. Назначенiе для ремесленныхъ школъ средствъ изъ суммъ коробочныхъ сборовъ тѣмъ болѣе умѣстно, что изъ этихъ суммъ давно уже прекращена выдача пособiй для еврейскаго земледѣлiя. Возможенъ и такой планъ: назначить на содержанiе ремесленныхъ школъ суммы изъ свѣчного сбора, который и по первоначальному плану правительства взимался для открытiя техническихъ отдѣленiй при существующихъ казенныхъ училищахъ 2-го разряда, а суммы коробочнаго сбора опредѣлить на земледѣльческiя школы.

Что касается переселенiя, то прежде всего, конечно, слѣдуетъ заняться выселенiемъ евреевъ западныхъ губернiй въ другiя мѣстности, гдѣ евреямъ жить дозволено, на югъ и на Кавказъ. Самые способы переселенiя могутъ быть впослѣдствiи установлены, смотря по условiямъ мѣстъ выселенiя и поселенiя. Средства для этой цѣли могутъ быть даны иностранными единовѣрцами нашими, которые не поскупятся, когда они будутъ убѣждены въ дѣйствительной возможности помочь своимъ западно-русскимъ единовѣрцамъ. Ручательствомъ въ этомъ отношенiи намъ могутъ послужить тѣ отно-

шенія, въ которыя они стали къ намъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Мы сказали выше, что во главѣ этого дѣла должны стать всѣ наши умственныя, нравственныя и матеріальныя силы Но извѣстно, что у насъ всѣ эти силы дѣйствуютъ въ противоположныхъ направленіяхъ и находятся между собою въ нѣкоторой, хотя и скрытой враждѣ. Представители матеріальной силы обыкновенно думаютъ, что нельзя ожидать такта со стороны представителей умственной силы, а эти послѣдніе привыкли думать, что нельзя ожидать никакого серьезнаго отношенія къ дѣлу отъ первыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ среды русскихъ евреевъ еще до сихъ поръ не выдвинулись, за весьма рѣдкими исключеніями—и то въ послѣднее время, люди, обладающіе большими матеріальными средствами, которые обнаруживали бы такія горячія патріотическія чувства къ своей націи, или проявляли бы такое патріотическое воодушевленіе къ судьбѣ своихъ единовѣрцевъ, какія мы встрѣчаемъ въ Западной Европѣ. У насъ матеріальное богатство идетъ обыкновенно рука объ руку съ убійственнымъ индифферентизмомъ, и исторія русскихъ евреевъ не въ состояніи указать на какія либо крупныя событія, въ которыхъ играли бы дѣятельную роль представители матеріальныхъ силъ. Въ настоящее же время, въ виду безвыходнаго положенія русскихъ евреевъ, необходимо, съ одной стороны, положить конецъ существующей розни, а съ другой—покончить съ индифферентизмомъ; необходимо доказать нашимъ западнымъ единовѣрцамъ, что мы также въ состояніи воодушевиться извѣстною идеей, въ состояніи близко принять къ сердцу судьбу своихъ же единовѣрцевъ и въ состояніи также принять въ собственныя руки иниціативу въ народномъ дѣлѣ; необходимо дружно взяться за дѣло, забывая всѣ тѣ неровности отношеній, какія, въ силу обстоятельствъ, могли образоваться между различными слоями русскаго еврейства. Неужели мы должны ожидать новыхъ бѣдственныхъ случайностей, которыя во-очію убѣдятъ насъ

въ томъ, что мы должны дружно дѣйствовать на общую пользу, неужели мы должны дожидаться наступленія такого момента, когда всякія дѣйствія окажутся уже лишними и запоздалыми?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы твердо убѣждены въ томъ, что и русское правительство, и русское общество отнесутся весьма сочувственно къ такой инціативѣ со стороны русскихъ евреевъ. Русское общество—потому, что если оно съ недовѣріемъ относится къ массѣ русскихъ евреевъ за ея непроизводительную дѣятельность, то оно, уже по этому самому, должно привѣтствовать инціативу, направленную на превращеніе обреченнаго на бездѣятельность населенія въ классъ производительныхъ гражданъ. Русское же правительство будетъ придавать большое значеніе частной инціативѣ въ той увѣренности, что никто не можетъ такъ близко знать потребности еврейской массы, какъ сами евреи, и что дѣятельность евреевъ къ достиженію цѣли, къ которой само правительство давнымъ давно стремится, только облегчитъ ему возможность привести въ дѣйствіе всѣ свои предначертанія и намѣренія относительно наилучшаго устройства быта русскихъ евреевъ. Далѣе, имѣя подъ рукою общество, дѣйствующее въ духѣ и направленіи правительства, подъ его надзоромъ, само оно перестанетъ относиться подозрительно къ еврейскому элементу, убѣждаясь все болѣе и болѣе въ томъ, что подпольный образъ дѣйствій евреевъ составляетъ не болѣе какъ пугало, которое, благодаря тѣмъ или другимъ побужденіямъ, создавалось богатою фантазіею людей, имѣвшихъ особый интересъ прислуживаться русскому обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ опасеніе, что союзы и братства иностранныхъ евреевъ могутъ оказать и оказываютъ будто бы чуть-ли не политическое вліяніе на русскихъ евреевъ. Учрежденіемъ проектируемаго общества устранится иинціатива иностранныхъ евреевъ, которые, въ извѣстныхъ случаяхъ, могутъ оказывать намъ помощь своими матеріальными средствами для достиженія поставленныхъ

нами цѣлей, но всѣ сношенія съ иностранными евреями, если бы въ нихъ оказалась надобность, будутъ вѣдь происходить подъ ближайшимъ контролемъ русскаго же правительства. Такое дружное сочетаніе всѣхъ наличныхъ силъ несомнѣнно приведетъ къ желанной цѣли и дастъ въ результатѣ обильные плоды. Не надо, мнѣ кажется, распространяться о томъ, что улучшеніе быта цѣлой народности, историческими условіями доведенной до крайне низкаго уровня матеріальнаго благосостоянія, есть дѣло, достойное полнаго вниманія прежде всего тѣхъ, которые стоятъ выше ея въ умственномъ развитии и обставлены лучше въ матеріальномъ отношеніи. Независимо отъ сказаннаго, дѣло это само по себѣ представляетъ обширное поприще для гражданскихъ подвиговъ.

Очень можетъ быть, что тѣ, которые любятъ избавлять себя отъ всякихъ нравственныхъ обязанностей подъ благовидными предлогами, взглянутъ на это дѣло какъ на утопію, которой мѣсто не въ нынѣшнее проникнутое реализмомъ время. Тѣмъ не менѣе, мы увѣрены, что во всѣхъ слояхъ русскаго еврейства найдутся многіе и очень многіе, которые взглянутъ на дѣло иначе, которые поймутъ, что это священное дѣло можетъ и должно осуществиться, что стремленія нашего правительства къ тому же идеалу—матеріально-нравственному улучшенію быта русскихъ евреевъ—очень легко могло бы осуществиться, если бы мы сами не стояли въ сторонѣ отъ дѣла и не предоставили ему одному бороться со всѣми затрудненіями, накопившимися въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Мы смѣло надѣемся на то, что и русская журналистика поддержитъ русскихъ евреевъ въ стремленіяхъ къ преобразованію быта ихъ единовѣрцевъ съ цѣлью привлеченія ихъ къ производительному труду.

Вопросъ, поставленный нами, необходимо разрѣшить и необходимо это сдѣлать возможно скорѣе. Мы просимъ всѣхъ, кому дороги интересы нашего народа, высказаться по этому предмету и нравственно содѣйствовать осуществленію основ-

ного, выраженнаго въ нашей статьѣ взгляда. Дѣло, конечно, останется безъ движенія, если къ нему будутъ относиться съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ до сихъ поръ къ нему относились у насъ, но оно подвинется впередъ и можетъ перейти въ дѣйствительность, если всѣ съ твердою вѣрою въ возможность осуществленія указанныхъ цѣлей горячо возьмутся за дѣло и взглянутъ на него какъ на дѣло народной чести, какъ на дѣло неотложное, безусловно необходимое.

КАГАЛЪ,

ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ И УЧРЕЖДЕНІЯ МАГДЕБУРГСКАГО ПРАВА.

По поводу „Книги кагала" г. Брафмана.

I.

Каждому безпристрастному человѣку понятно, что способъ обнародованія г. Брафманомъ кагальныхъ актовъ съ самаго начала разсчитанъ на совершенное обезоруженіе имъ своихъ противниковъ. Г. Брафманъ поставилъ насъ внѣ всякой возможности опровергать изданные имъ акты, такъ какъ онъ не издалъ ихъ въ оригиналѣ, а въ своемъ собственномъ переводѣ. Духъ же и направленіе г. Брафмана не уполномочиваютъ насъ довѣряться точности его перевода. Переводъ акта не то, что подлинникъ его: переводы иногда передаютъ неправильно тѣ выраженія, которыя имѣютъ существенное значеніе для опредѣленія характера цѣлаго акта. Иногда же акты, подъ вліяніемъ взгляда переводчика, получаютъ совсѣмъ иной смыслъ, а иногда бываетъ просто искаженіе оригинила, въ чемъ публично и обвиняютъ г. Брафмана, который своимъ долгимъ молчаніемъ подтверждаетъ обвиненіе. Спрашивается, какъ же послѣ этого опровергать Книгу кагала г. Брафмана? Мы поэтому рѣшительно отказываемся отъ всякихъ опроверженій, пока г. Брафманъ не представитъ на судъ публики

оригинальныхъ актовъ, потому что тогда только мы будемъ имѣть дѣло не съ г. Брафманомъ, а съ историческими документами, которые можно будетъ оцѣнить въ связи со всѣми сопровождавшими ихъ обстоятельствами. Но, отказываясь отъ опроверженія Книги кагала во всѣхъ ея частностяхъ, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не указать на несостоятельность ея основного взгляда и тѣхъ мѣстъ ея, которыя представляются намъ неподлежащими сомнѣнію.

Основной взглядъ и конечная цѣль Книги кагала состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить христіанскую публику, что «*причины гоненій и бѣдствій, постигавшихъ евреевъ въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи. выясняются до очевидности: онѣ лежатъ въ самомъ іудействѣ, въ его отдѣльныхъ народныхъ учрежденіяхъ—въ кагалѣ*» (*Книга кагала г. Брафмана, XXXV заключеніе*). Въ другомъ мѣстѣ г. Брафманъ рекомендуетъ изданные имъ акты «тѣмъ, кому интересно познакомиться съ настоящими причинами повсемѣстнаго ропота на евреевъ со стороны окружающаго ихъ міра и гоненій, которымъ они подвергались въ продолженіи 10-ти вѣковъ, *отъ* того времени, *съ котораго* во главѣ этого несчастнаго народа очутился кагалъ» (тамъ же, XXX). Мысль о томъ, что кагалъ—единственная причина всѣхъ гоненій и бѣдствій евреевъ, есть основаніе и цѣль сочиненія г. Брафмана. Ей тоже обрадовался въ «Зарѣ» г. В. К., который приходитъ отъ нея въ особый восторгъ, узнавъ, наконецъ, въ чемъ именно заключается корень долголѣтней ненависти христіанъ къ евреямъ. Однимъ словомъ, г. Брафманъ открылъ русскому обществу глаза: онъ, подобно Загорѣцкому, передавшему стоустной молвѣ москвичей о сумасшествіи Чацкаго, открылъ секретъ о кагалѣ, за который всѣ ухватились и которымъ въ настоящее время всѣ уясняютъ себѣ темныя стороны еврейскаго вопроса, точь въ точь какъ московскіе умники стали объяснять себѣ всѣ странные и непонятные имъ поступки Чацкаго измышленнымъ его сумасшествіемъ. Не принадлежа къ кругу Загорѣцкихъ

Репетиловыхъ, мы позволимъ себѣ не только не согласиться съ мнѣніемъ г. Брафмана, die Juden bilden einen Staat im Staate, но еще доказать какъ разъ противоположное,—dass die Staaten immer aus den Juden einen Staat gelildet haben.

Всѣмъ извѣстно, что духъ корпорацій и внутренняго обособленія въ особенности сильно развивается подъ вліяніемъ внѣшняго гнета: не было такого періода въ исторіи человѣчества, въ который образовалось бы столько отдѣльныхъ корпорацій, какъ въ періодъ развитія западнаго городского населенія подъ вліяніемъ борьбы съ феодализмомъ, когда города, сосредоточивъ всѣ свои силы для защиты своихъ насущныхъ правъ, составляли различныя братства и такъ называемыя *гильдіи*, которыя подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ на жизнь и смерть боролись противъ насилія. Правила этихъ средневѣковыхъ гильдій дышатъ такою замкнутостью, которая могла бы привести въ ужасъ г. Брафмана хуже всякаго кагала, а между тѣмъ мы бы не стали объяснять происхожденіе этихъ братствъ какими нибудь національными особенностями, или началами христіанства. Кто ищетъ во всемъ настоящей причины, тотъ не станетъ заблуждаться формальнымъ и поверхностнымъ взглядомъ на вещи. Періодъ развитія кулачнаго права долженъ былъ естественно вести къ процвѣтанію корпорацій: насиліе вызываетъ защиту, анархія вызываетъ порядокъ и строгую подчиненность, сила вызываетъ право. Если мы примѣнимъ этотъ вѣрный взглядъ науки на христіанское населеніе западныхъ городовъ къ евреямъ, то мы придемъ къ весьма вѣрному заключенію, что историческая жизнь евреевъ со всѣми ея средневѣковыми ужасами должна была имѣть въ результатѣ стремленіе къ развитію корпорацій съ цѣлью защищать свои кровные интересы. Безпристрастные изслѣдователи корпоративнаго духа евреевъ должны еще тѣмъ болѣе относиться къ нимъ снисходительно, что на нихъ въ періодъ средневѣкового варварства обрушивались вмѣстѣ всѣ тѣ разнообразныя силы, которыя, слабѣя въ раздробленной борьбѣ

между собой, единодушно давили и тѣснили евреевъ: съ феодализмомъ боролась королевская власть, съ городскимъ населеніемъ—феодализмъ, съ еретиками—духовенство, а съ евреями—всѣ они вмѣстѣ, такъ что евреи должны были уединяться и сосредоточивать свои внутреннія силы, чтобы выдержать это четвероякое давленіе извнѣ.

Дѣйствительно, происхожденіе многихъ уставовъ еврейскихъ обществъ среднихъ вѣковъ объясняется преслѣдованіемъ евреевъ извнѣ. Намъ извѣстны нѣкоторые уставы, выработанные еврейскими общинами и утвержденные государственною властью, въ которыхъ заключаются положительныя указанія на интересующій насъ предметъ. Но мы имѣемъ возможность пользоваться однимъ образцовымъ уставомъ, или кагальнымъ актомъ, который относится къ XV столѣтію. Уставъ этотъ изданъ г. Кайзерлингомъ въ 1869 г. по манускрипту, находящемуся въ парижской императорской библіотекѣ; онъ появился въ свѣтъ ранѣе сочиненія г. Брафмана, и переводчикъ манускрипта не скрывалъ его, не смотря на то, что въ немъ есть постановленія, сходныя съ актами, обнародованными г. Брафманомъ. Г. Кайзерлингъ издалъ эти акты добросовѣстно, придерживаясь буквальнаго перевода съ древне-еврейскаго и приводя во многихъ мѣстахъ текстъ подлинника, а иностранная журналистика не приняла его за обвинительный актъ противъ евреевъ, потому что въ ней болѣе или менѣе распространены историко-критическія свѣдѣнія и она знаетъ достоинство и значеніе подобнаго рода актовъ, бросающихъ свѣтъ на жизнь евреевъ среди окружавшихъ ихъ народовъ. Этотъ уставъ, составленный для испанскихъ обществъ и утвержденный королемъ Жуаномъ II, вѣроятно, съ изгнаніемъ евреевъ изъ Испаніи былъ распространенъ по всей Германіи и могъ перейти послѣ къ польскимъ евреямъ какъ прототипъ, по которому долженъ былъ сложиться внутренній бытъ еврейскихъ общинъ въ основныхъ чертахъ съ необходимыми измѣненіями по мѣстнымъ условіямъ. Онъ обнимаетъ законы объ обученіи, бого-

служеніи, налогахъ, сохраненіи мира внутри общинъ, —и мы будемъ впослѣдствіи имъ пользоваться для уясненія нѣкоторыхъ, очевидно искаженныхъ г. Брафманомъ, мѣстъ въ его переводѣ кагальныхъ актовъ. Теперь же мы воспользуемся только данными для подтвержденія нашей мысли о настоящихъ причинахъ происхожденія кагаловъ.

Испанскіе кортесы сильно преслѣдовали евреевъ и постоянно требовали ограниченія ихъ въ правахъ. Въ XIV столѣтіи встрѣчается еще требованіе, чтобы у евреевъ отнято было право самосуда; но король на это отвѣтилъ, что *евреи слабый народецъ, который нуждается въ особенной защитѣ, и что если бы имъ приходилось разбираться у христіанскихъ судей, то это причиняло бы имъ много вреда, и притомъ въ процессахъ ихъ допускались бы стѣснительныя проволочки* *. Далѣе г. Кайзерлингъ указываетъ на то, что съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда испанскихъ евреевъ зашла и они вытѣснены были изъ тѣхъ вліятельныхъ должностей, которыя они занимали при дворѣ и у дворянства, стала получать также широкій просторъ и народная вражда къ нимъ и начали издаваться противъ нихъ новые ограничительные законы **. Вслѣдствіе этихъ стѣсненій евреи дошли до низшей степени матеріальнаго и нравственнаго упадка: масса евреевъ стонала подъ тяжестью налоговъ. Король Жуанъ II вынужденъ былъ взять ихъ подъ свою защиту противъ «*ярости народа и гнусныхъ требованій кортесовъ*» и даровать имъ привилегіи, которыя возстановляли имъ право самосуда по стародавнимъ ихъ обычаямъ. Въ это же время евреи, для огражденія своихъ правъ, учреждаютъ съ согласія всѣхъ общинъ статутъ, регулирующій ихъ хозяйственно-нравственные интересы. Ту же самую причину образованія статутовъ мы находимъ въ прогрессивномъ журналѣ «Гехулицъ» (вооруженный).

* См. 4 т. ежегодника для исторіи евреевъ и іудейства, Лейпцигъ, 1869 г. Кастильскій общинный статутъ, стр. 70.

** Тамъ же, стр. 278.

Особенно сильны были преслѣдованія евреевъ въ католическихъ государствахъ, гдѣ духовенство воздвигало гоненія и преслѣдованія на евреевъ, обвиняя ихъ главнымъ образомъ въ употребленіи христіанской крови и въ оскверненіи гостій, а эти гоненія заставили ихъ сплотиться въ тѣсныя общины съ уставами, статутами и кагальными актами. Исторія этой борьбы евреевъ съ окружающей ихъ средою носитъ на себѣ одинаковые слѣды во всѣхъ почти католическихъ государствахъ и повторяется поэтому и въ Польшѣ, которая передала намъ въ наслѣдство свои общественныя формы и выработанное подъ ихъ вліяніемъ кагальное устройство евреевъ.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ подтверждается нашъ взглядъ по отношенію къ евреямъ Польши и присоединенныхъ къ Россіи западныхъ губерній.

Въ Польшѣ евреи являются въ концѣ XI столѣтія, когда, съ началомъ крестовыхъ походовъ, они должны были перейти изъ Германіи, Богеміи и Венгріи въ страны болѣе отдаленныя отъ господствовавшаго тамъ противъ нихъ духа преслѣдованій. Евреи избрали тогдашнюю Польшу потому, что тамъ они ожидали больше покровительства за содѣйствіе процвѣтанію торговли, вызванной къ жизни благоразумнымъ правленіемъ Болеслава Храбраго. Обыкновенно полагаютъ, что евреи въ Польшѣ пользовались особыми правами и привилегіями, но это мнѣніе ошибочно. Съ одной стороны, самый характеръ этихъ законовъ указываетъ на то, что евреи не считались подданными государства, и къ нимъ не могли быть примѣняемы общіе законы. И на самомъ дѣлѣ эти привилегіи теряли всякую силу послѣ смерти королей, которыми онѣ были дарованы, до подтвержденія ихъ новыми королями; въ промежуточномъ же періодѣ евреи оставались внѣ всякаго закона и подвергались всякаго рода притѣсненіямъ. Во второй половинѣ XIII столѣтія калишскій герцогъ Болеславъ даетъ первую грамоту евреямъ; но по смерти его евреи дѣлаются жертвою дворянства и крестьянъ, пока въ XIV столѣтіи Ка-

зимір не подтверждаетъ евреямъ грамоты Болеслава. Послѣ смерти Казиміра начинается усиленіе власти дворянства и духовенства, а вмѣстѣ съ нею и гоненія евреевъ, которые при Ягеллонѣ должны носить уже въ отличіе отъ христіанъ красный кусокъ сукна на спинѣ. Въ Краковѣ къ этому времени монахи обвиняютъ евреевъ въ употребленіи христіанской крови, и народная толпа, разрушая ихъ дома, производитъ опустошенія, убійства и разграбленія. Ужасъ, распространяемый этимъ кровавымъ событіемъ на еврейское населеніе Польши, вынуждаетъ многихъ переселиться въ Литву, гдѣ къ нимъ были снисходительнѣе. Затѣмъ, Казиміръ IV опять подтверждаетъ евреямъ ихъ права во второй половинѣ XV стол., и хотя Іоаннъ Альбрехтъ не лишаетъ евреевъ ихъ привилегій, но онъ первый замыкаетъ ихъ въ гетто, гдѣ они опять дѣлаются жертвою монаховъ, а братъ его Александръ отмѣняетъ прежнія грамоты евреевъ, вслѣдствіе чего начинаются опять преслѣдованія и издаются унизительные для евреевъ законы. Сигизмундъ I ограничиваетъ евреевъ въ правахъ торговли, удаляетъ ихъ отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей и въ его время евреи предаются смертной казни и сожженію за мнимое оскверненіе гостій. Въ началѣ XVI столѣтія евреи отдаются на произволъ чиновникамъ въ отношеніи взиманія съ нихъ судебныхъ пошлинъ, а затѣмъ начинаются буйные польскіе сеймы, которые издаютъ стѣснительные и позорные для евреевъ законы *. Съ другой стороны, содержаніе самыхъ грамотъ указываетъ на то, что онѣ выдавались евреямъ только въ защиту ихъ отъ разныхъ обвиненій и преслѣдованій. Въ 31 статьѣ грамоты Болеслава Калишскаго говорится: «Согласно опредѣленію папы, мы, именемъ святѣйшаго отца, строго запрещаемъ обвинять живущихъ въ странѣ нашей евреевъ въ употребленіи человѣческой крови; если же еврей будетъ

* Zur Geschichte der Juden in Polen. Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums. Dresden, 1853. Штернбергъ.

обвиненъ христіаниномъ въ убіеніи христіанскаго ребенка, то онъ долженъ быть уличенъ въ этомъ тремя христіанскими и тремя еврейскими свидѣтелями, и тогда только онъ будетъ наказанъ; если же онъ не будетъ въ этомъ уличенъ, то обвинитель подвергается тому же наказанію, какому подвергался бы еврей». Такой законъ нисколько не можетъ быть названъ привилегіею, а скорѣе закономъ огражденія правъ евреевъ, если выразиться языкомъ законодательства Екатерины. Онъ доказываетъ, что евреи нуждались въ защитѣ противъ ложныхъ обвиненій, которыя бывали въ то время нерѣдки. Въ этой же грамотѣ опредѣляются наказанія за насиліе, причиненное еврею, и нападеніе, сдѣланное на его домъ; а евреи изъемлются изъ-подъ судебной власти городскихъ учрежденій и подчиняются въ этомъ отношеніи или королю, или его палатину. Это доказываетъ, что евреи подвергались насиліямъ и что городской судъ былъ для нихъ тягостенъ, какъ въ Испаніи судъ алкальда. Кромѣ того, изъ той же грамоты видно, что евреи подвергались излишнему противъ прочихъ гражданъ сбору товарныхъ пошлинъ, и въ случаѣ нападенія на нихъ ночью сосѣдніе христіане не считали себя обязанными спѣшить на помощь евреямъ. Что опредѣленіе наказанія христіанъ за такое жестокосердіе не было привилегіею евреевъ, а скорѣе вызвано необходимостью, доказываетъ то, что чрезъ два столѣтія послѣ этой грамоты городъ Краковъ былъ обложенъ штрафомъ въ 3,000 гульденовъ за то, что христіанскіе жители его не защищали евреевъ противъ рыцарей крестовыхъ походовъ, которые убили въ Краковѣ 30 евреевъ. Но 36 статья грамоты Болеслава лучше всѣхъ другихъ убѣждаетъ въ томъ, что она служила болѣе огражденіемъ правъ, чѣмъ привилегіей евреевъ. Она содержитъ въ себѣ слѣдующее опредѣленіе: «евреямъ дозволено заниматься куплею-продажею всякаго рода товаровъ, равно и, подобно христіанамъ, *дотрогиваться до хлѣба и другихъ продуктовъ*» *.

* Тамъ же, грамота Болеслава Храбраго.

Эта предоставленная евреямъ привилегія объясняется долго господствовавшимъ противъ евреевъ предразсудкомъ, по которому евреи своими руками обворожаютъ и заражаютъ съѣстные припасы. Этотъ предразсудокъ не выведенъ былъ изъ жизни страхомъ наказанія, потому что въ позднѣйшихъ грамотахъ встрѣчается то же самое опредѣленіе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что содержаніе грамотъ польскихъ королей само по себѣ характеризуетъ отношеніе тогдашняго общества къ евреямъ и что грамоты эти имѣли характеръ не постояннаго, а временного закона, который нарушался, какъ только была къ тому возможность. Бывали примѣры, что евреи Польши очень долго не знали, къ кому обращаться за защитою своихъ правъ по смерти короля, даровавшаго или подтвердившаго ихъ грамоту, когда духовенство, воспользовавшись удобною минутой, воздвигало противъ нихъ неслыханныя преслѣдованія, какъ это было послѣ смерти Казиміра Великаго и въ царствованіе Людовика Венгерскаго съ познанскими евреями *. Даже во время Казиміра Великаго, котораго всѣ считаютъ еврейскимъ царемъ, выходили постановленія, въ которыхъ евреи назывались *истинными врагами христіанской религіи, думающими только о томъ, какъ бы ограбить христіанъ, ихъ имущество и богатство* **. Нечего уже поэтому говорить о томъ періодѣ, когда паденіе королевской власти разнуздало польское дворянство и духовенство, которыя на сеймахъ конца XVI столѣтія и позднѣе создавали для евреевъ законы, одинъ хуже другаго, заставляя ихъ носить разные позорные знаки и подчиняя ихъ законамъ и привилегіямъ польскихъ городовъ.

На Литвѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же явленіями, что въ Польшѣ: евреямъ постоянно даются вольности и льготы, ко-

* См. Beilage zur Zeitung des Judenthums 1870 Nr. 41, 42, 43. Zur Geschichte der Judenverfolgungen und der Blut—Jubiläen.

** См. Zur Geschichte der Juden in Polen Штернберга въ Monatsschrift, 1853 г.

торыя постоянно нарушаются и нуждаются въ подтвержденіи, хотя во всѣхъ почти грамотахъ мы находимъ стереотипную фразу: «на вѣчныя времена,» но она именно и доказываетъ необезпеченность правъ, гарантироранныхъ этими грамотами. Грамота Витольда, данная литовскимъ евреямъ, есть копія съ грамоты Болеслава, которая доказываетъ, что чрезъ полтора вѣка юридическое положеніе евреевъ нисколько не улучшилось: грамота продолжаетъ защищать евреевъ отъ религіозныхъ преслѣдованій, отъ грубыхъ предразсудковъ и отъ насилія и нападенія. Гродненская грамота 1507 г. подтверждаетъ трокскимъ евреямъ право самосуда и постановляетъ: «дабы въ дѣлахъ между ними разбиралъ войтъ жидовскій, а въ дѣлахъ съ Литвою и Русью вѣдались чрезъ трокскаго воеводу» *. Надобно знать, что всѣ грамоты, предоставляющія евреямъ судиться своими войтами, вызываются жалобами о притѣсненіяхъ со стороны другихъ судовъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, въ которыхъ обыкновенный судъ надъ евреями могъ бы повести къ жестокимъ несправедливостямъ, какъ, напримѣръ «въ помовахъ о дети и сакраментъ», власть судебная принадлежитъ самому господарю, великому князю литовскому, который «досматриваетъ и судитъ дѣла на сойме валномъ» вмѣстѣ съ радой своей **. Въ этой же грамотѣ второй половины XVI столѣтія мы находимъ, что евреи сошлись съ великими жалобами на то, что «они великие кривды и шкоды и мордерства терпятъ противъ правамъ своимъ» и просятъ объ огражденіи ихъ правъ, въ особенности же о подтвержденіи двухъ артикуловъ, защищающихъ ихъ противъ обвиненій «въ мордоване детей хрестианскихъ и о сакраментѣ». Убѣдившись въ томъ, что обвиненія эти ложны и что настоящая причина ихъ заключается въ томъ, чтобы удобнѣе можно было «жидовъ съ мѣстъ выкореныти», великій князь литовскій

* Собраніе актовъ и грамотъ Вильно, Трокъ и др. № 68.

** Грамоты великихъ князей литовскихъ, собранныя и изданныя подъ редакціею гг. Антоновича и Козловскаго.

постановляетъ, чтобы дѣла о сакраментѣ и рѣзаніи христіанскихъ дѣтей вѣдались судомъ господарскимъ. Во всякомъ случаѣ изъ этой грамоты видно, что евреи во второй половинѣ XVI столѣтія, кромѣ этихъ гнусныхъ обвиненій, терпѣли всякія кривды и шкоды и мордерства. Независимо отъ сказаннаго, мы убѣждаемся изъ этой грамоты еще и въ томъ, что она не надолго гарантировала евреямъ ихъ права, или, лучше, ограждала ихъ отъ безправія, потому что она, установленная «на вѣчные часы», предусматриваетъ, однако, случаи такого рода: 1) что изъ канцеляріи великаго князя могли выходить листы, противныя привилегіямъ грамоты; 2) что урядники великаго князя могли противиться велѣнію его. Эти случаи, какъ видно, бывали нерѣдко, и по нимъ можно судить о твердости юридическаго порядка того времени вообще и въ отношеніи къ евреямъ въ особенности. И дѣйствительно, мы находимъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ внушенія, дѣлаемыя князьями своимъ намѣстникамъ, чтобы они не дѣлали «похвилокъ и утѣсненія жидамъ» *. Въ концѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ опять грамоту короля Стефана, который, во вниманіе «къ недостаткамъ и убожству жидовъ троцкихъ», освобождаетъ ихъ отъ повинности и подтверждаетъ имъ грамоту Сигизмунда 1507 г.

Позднѣйшія грамоты XVII и XVIII столѣтій, впервые обнародованныя г. Фогельсономъ въ Витебскихъ Вѣдомостяхъ (№№ 29—32, 1858 г.), а затѣмъ перепечатанныя въ Вѣстникѣ юго-западной Россіи, подтверждаютъ то же самое. Изъ грамоты Яна III 16 марта 1679, данной витебскимъ евреямъ, видно, что она «возобновляетъ и утверждаетъ *спокойное жительство* евреевъ», которыхъ стали несправедливо не допускать къ предоставленнымъ имъ вольностямъ и запрещали имъ «нѣкоторыя торговыя производства». Далѣе, грамоты короля Михаила 1675 г. и предписаніе виленскаго каштеляна

* Собраніе грам. и актовъ Вильно, Трок. и др. № 71.

Казиміра Паца 11 января 1667 г. доказываютъ, что у евреевъ чаусскихъ насильно отняты были ихъ земли и плацы, доставшіеся имъ по наслѣдству отъ умершихъ и «въ Москву въ плѣнъ забранныхъ» евреевъ, и что евреи терпѣли сильныя притѣсненія со стороны городскихъ судовъ, вызвавшія необходимость въ подчиненіи ихъ суду воеводскому, или намѣстническому съ правомъ апелляціи къ королю и королевскому суду. Насколько эти грамоты доставили евреямъ дѣйствительно обезпеченное положеніе, доказываетъ грамота Августа III 9 марта 1739 г., въ которой чрезъ 64 года говорится, что, не смотря на всѣ предписанія ландвойтамъ, бургомистрамъ и ратманамъ и города Чаусъ, евреямъ все-таки дѣлаютъ препятствія въ возвращеніи земель и плацовъ и въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности, равно и разныя притѣсненія по суду и по противозаконному привлеченію ихъ мѣщанами къ податямъ и налогамъ; а потому король Августъ ратификуетъ и «*желаетъ* имѣть на *вѣчныя времена* и въ полной силѣ и ненарушимости» грамоту короля Яна, который съ своей стороны прежде «утверждалъ, укрѣплялъ и одобрялъ во всѣхъ пунктахъ, параграфахъ и подробностяхъ привилегію своего всепресвятѣйшаго предмѣстника» о тѣхъ же вольностяхъ невѣрнымъ жидамъ, и тоже «*желалъ*, чтобы *беззаконія* и *насилія* во всемъ этомъ евреи ни отъ кого не терпѣли, на что, *для большей вѣры*, печать великаго княжества литовскаго приложить» повелѣлъ. Послѣдняя грамота Августа III 13 августа 1759 года подтверждаетъ разныя грамоты его предмѣстниковъ по жалобамъ невѣрныхъ жидовъ города Витебска о воспрещеніи имъ производства торга и несправедливомъ лишеніи ихъ правъ въ ущербъ казны, Рѣчи Посполитой и частныхъ лицъ, о притѣсненіи ихъ гражданами и городскими цехами. Просьба невѣрныхъ евреевъ города Витебска и *всего тамошняго общества* признается справедливою и съ правомъ посполитнымъ согласною, и грамота оканчивается слѣдующими словами: «Затѣмъ мы король на внесенную отъ имени *невѣр-*

ныхъ * евреевъ витебскихъ и всего тамошняго общества просьбу, благосклонно снисходя и *желая*, чтобы евреи витебскіе правами и преимуществами своими довольствовались, вышеизложенную подтвердительную привилегію во всѣхъ пунктахъ, параграфахъ, артикулахъ и условіяхъ властію и авторитетомъ нашимъ королевскимъ утверждаемъ, укрѣпляемъ и одобряемъ, евреевъ витебскихъ *настоящаго* и *будущаго* времени на вѣчныя времена при ихъ правахъ оставляемъ и обезпечиваемъ. Дано въ Варшавѣ 13 августа 1759 г., царствованія же нашего въ 26-ое. Августъ король» **.

Такимъ образомъ, послѣдовательный рядъ приведенныхъ нами грамотъ, доходящихъ до второй половины XVIII-го вѣка, на которыя обыкновенно ссылаются какъ на доказательство привилегированнаго положенія евреевъ Польши и Литвы, пользовавшихся будто разными вольностями и льготами, положительно убѣждаетъ насъ въ томъ, что евреи находились въ положеніи безправія, при которомъ религіозное преслѣдованіе, нарушеніе личныхъ и имущественныхъ правъ считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Не надобно забывать, что евреи, какъ видно изъ грамоты Августа III, приглашались для заселенія Польши и Литвы съ цѣлью оживить торговую и промышленную жизнь городовъ и мѣстечекъ, пришедшихъ въ

* Въ 34 ст. «Ординаціи судовъ кременецкаго войтовства» 26 января 1767 г. говорится: «Хорошо, чтобы каждый имѣлъ свой титулъ, всюду употребляемый; поэтому слѣдующіе титулы должны быть писаны сообразно съ достоинствомъ каждаго: мѣщанинъ — slavetny, предмѣщанинъ — uczcivy; возный — opatrzny; крестьянинъ—roboszy; пахолокъ городской—posluszny; турокъ и татаринъ—woienny; палачъ—wyzvolony; помощникъ палача (podkacik) — smieleczynecy; цыганъ—wroźliwy; жидъ—nievierny». См. Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ. Ж. М. Н. П. декабрь 1868 г. Владимірскій-Богдановъ.

** См. Вит. Губ. Вѣд. №№ 29—32 1858 года, часть неоффиціальную, «Апологію евреевъ-витеблянъ» Б. М. Фогельсона, который въ концѣ статьи прибавляетъ, что всѣ 5 обнародованныхъ имъ грамотъ, изъ которыхъ позднѣйшія 3 на пергаментѣ писаны, за печатью великаго кн. литовскаго, дошли къ нему по наслѣдству отъ предковъ и могутъ быть предъявляемы каждому, желающему удостовѣриться въ справедливости имъ сказаннаго.

большой упадокъ отъ разоренія ихъ бывшихъ войнами и обезлюдѣвшихъ отъ моровой язвы, и что другіе не могли «безъ явныхъ потерь въ хозяйствѣ» пріѣзжать для населенія ихъ. Поэтому весьма естественно, что королевская власть не могла отказывать евреямъ въ подтвержденіи имъ прежнихъ грамотъ; но въ сущности дѣло ограничивалось однимъ только утвержденіемъ и укрѣпленіемъ правъ евреевъ, потому что мы встрѣчаемъ грамоты, которыя подтверждались по три и по четыре раза и все-таки не обезпечивали евреямъ тѣхъ правъ, которыя онѣ хотѣли закрѣпить за ними якобы на вѣчныя времена большими и малыми печатями великаго княжества Литовскаго. Кромѣ того, слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на то, что ходатайства о подтвержденіи грамотъ могли исходить или отъ городовъ болѣе или менѣе значительныхъ, которые помощью связей могли «вносить» королямъ свои жалобы на разныя притѣсненія чрезъ посредство придворныхъ саиовниковъ, или же отъ городовъ, доведенныхъ насиліями и притѣсненіями разнаго рода до крайняго убожества, при которомъ являлась уже необходимость въ освобожденіи отъ повинностей, какъ было, напримѣръ, съ трокскимъ обществомъ. Что же могло быть съ городами средней руки, о которыхъ мы не находимъ никакихъ грамотъ? Неужели можно полагать, что они находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ города болѣе или менѣе сильные, какъ Вильна, Витебскъ, Минскъ, Гродно и др.? Мы не согрѣшимъ противъ исторической правды, если скажемъ, что положеніе евреевъ среднихъ городовъ было крайне печальное: или они вовсе никакихъ грамотъ не имѣли, или же никогда не могли добиться подтвержденія старыхъ грамотъ и должны были подчиниться силѣ тогдашнихъ обстоятельствъ, или, говоря другими словами,—насилію и произволу со всѣми ихъ ужасающими послѣдствіями.

Картина печальнаго положенія и необезпеченности правъ евреевъ выступитъ еще ярче, если укажемъ въ общихъ чертахъ на произволъ, господствовавшій въ городахъ западнаго

края въ періодъ процвѣтанія магдебурскаго права. Право это создало въ этихъ городахъ въ высшей степени сложный механизмъ управленія и суда, который напоминаетъ намъ феодальный періодъ съ его аллодами, феодами и имунитетами. Мы видимъ разнообразные органы власти и суда, которые находятся между собою въ постоянной борьбѣ: органы королевской власти—съ помѣщичьей и городскими учрежденіями; высшія и низшія городскія власти—между собою; мѣщане—съ городскими учрежденіями и цехами; духовенство и шляхетство—съ мѣщанами. Сколько было разнообразныхъ властей управленія, столько же было и разнообразныхъ судовъ—королевскій, земскій, духовный, городской, трибунальный, магдебургскій и цеховой; затѣмъ, различныя изъятія изъ подсудности тому или другому суду. Власть административная и судебная, основанія подсудности,—все это такъ перекрещивалось и перепутывалось между собой, что нельзя было установить не только точныхъ, но вообще какихъ бы то ни было отношеній къ этимъ властямъ сословій или націй, изъ которыхъ одни тянули другихъ къ ненадлежащимъ судамъ. Но еще болѣе странно то, что путемъ договорнымъ можно было измѣнять основанія подсудности: такъ, напр., ковенскіе евреи и мѣщане заключаютъ договоръ, въ которомъ между прочимъ встрѣчается условіе о томъ, что «жиды не должны тянуть христіанъ къ замковому суду, не обратившись сначала къ суду городскому *. Среди этого безначалія, при которомъ всякое сословіе, промыселъ и профессія должны были дѣйствовать только самозащитою и враждебно стоять въ отношеніи къ другому сословію, промыслу и т. д.» **, можно себѣ составить ясное понятіе, въ какой мѣрѣ различные органы власти и сословія относились съ уваженіемъ къ правамъ евреевъ и къ какимъ средствамъ должны были прибѣгать евреи, чтобы въ

* Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ, Ж. М. Н. П. Декабрь 1853 года.
** Тамъ-же.

этомъ состояніи крайней необходимости охранять себя отъ своеволія всѣхъ враждовавшихъ между собою элементовъ.

Въ періодъ господства магдебургскаго права евреи пользовались своимъ собственнымъ судомъ, тѣмъ не менѣе, ихъ часто привлекали къ суду по магдебургскому праву, что было соединено для нихъ со многими стѣсненіями. Чаускіе евреи жалуются на притѣсненія, которымъ они подвергаются вслѣдствіе привлеченія ихъ къ *магдебургской юрисдикціи* *. То же самое повторяется и въ другихъ грамотахъ. Литовскіе евреи жалуются, что «ихъ продаютъ въ справахъ и судахъ, нарушаютъ ихъ правилья и вольности, не хотятъ справлять ихъ и судить по ихъ стародавнимъ правамъ, отъ чего они терпятъ *многія тягости* и приходятъ *въ убожество*» **. Однимъ словомъ, безчисленныя грамоты свидѣтельствуютъ о нарушеніи *земскаго права* евреевъ и о стѣснительномъ подчиненіи ихъ магдебургской юрисдикціи. Съ другой стороны, городскіе цехи или насильно приписываютъ евреевъ къ своему устройству ***, или же не допускаютъ вовсе евреевъ къ занятію цеховымъ дѣломъ, что и вызываетъ особыя вольности въ родѣ той, что евреямъ дозволяется производить ремесла и имѣть *цырульню* *†. Въ первой четверти XVIII-го вѣка назначеніе въ Каменцѣ «нѣкоего жида Майерку лѣчить не только солдатъ, но и людей всякаго званія» считается нарушеніемъ интересовъ городскихъ хирурговъ и даже *оскорбленіемъ римско католической вѣры* **†.

Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи евреи еще не считались подданными русскаго государства, на нихъ не распространяли дѣйствія общихъ законовъ и ссылались въ отношеніи къ нимъ «на прежніе польскіе законы и установ-

* См. грам. чауск. евр. Вит. губ. Вѣд. №№ 29 и др.

** См. Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи Ф. Леонтовича, Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ, стр. 297.

*** См. грамоту Августа III 1759 г. Вит. губ. Вѣд. 1858 г.

*† Тамъ же, № 30.

**† См. Нѣм. право въ Польшѣ и Литвѣ, Ж. М. Н. Пр., ноябрь 1868 г., стр. 579.

ленія о различіи ихъ противъ христіанъ» *. Положеніе 1786 г. подверждаетъ властямъ, что онѣ обязаны удовлетворить евреевъ за снесенные дома наравнѣ съ прочими, «не изъемля ихъ отнюдь отъ сего удовлетворенія противу другихъ по *различію единственно въ законѣ*», и что впредь онѣ должны поступать съ «предосторожностью и разсмотрѣніемъ», чтобы жители (т. е. евреи) «не лишались своей собственности безъ должнаго ихъ удовлетворенія и отъ того не терпѣли убытковъ и разоренія». Отсюда ясно видно, что до изданія общаго положенія о евреяхъ 1786 г., вызваннаго заявленіями евреевъ бѣлорусскихъ губерній о своихъ нуждахъ, къ евреямъ примѣняли стѣснительные для нихъ законы Рѣчи Посполитой, въ которыхъ дѣлалось различіе «по различію въ законѣ». Положеніе же 1786 г. подчиняетъ евреевъ общимъ законамъ, которые отнимаютъ у нихъ право винокуренія, бывшаго единственнымъ способомъ ихъ пропитанія, и не даетъ имъ даже отсрочки для пріисканія новыхъ способовъ; это же положеніе подчиняетъ евреевъ общему суду въ то время, когда въ этихъ судахъ относились къ нимъ не съ тѣмъ безпристрастіемъ, какое наблюдали по отношенію къ другимъ: по жалобѣ евреевъ «о вымогательствахъ помѣщиками несноснаго и необыкновеннаго по сущему ихъ разоренію платежа за построенныя на ихъ плацахъ зданія» сенатъ приказываетъ разсмотрѣть это дѣло *«съ тѣмъ же безпристрастіемъ*, съ каковымъ дѣла *прочихъ бѣлорусскихъ жителей въ судахъ наблюдаются»* **. Далѣе положеніе отказываетъ евреямъ въ ихъ просьбѣ «о расчисленіи состоящихъ на нихъ разными кредиторами нажитыхъ по показуемымъ ими *бывшимъ на нихъ гоненія долговъ* *** на части и о предписаніи требовать съ нихъ тѣхъ долговъ въ

* См. полн. собр. зак. т. XXII 16391.

** Тамъ же, пунктъ 4.

*** Этимъ подверждается мнѣніе, высказанное въ иностранной лѣтописи № 2 за настоящій годъ, о происхожденіи долговъ, уплачиваемыхъ коробочными сборами, изъ такихъ же гоненій, какія были на познанскихъ евреевъ.

разные сроки, а не вдругъ». Ясно, такимъ образомъ, что положеніе 1786 г., хотя и имѣетъ своею цѣлію огражденіе правъ евреевъ, нисколько ея не достигаетъ, потому что изъ положенія 1804 года усматривается: 1) что ремесленныя или цеховыя управленія препятствовали евреямъ въ развитіи земледѣлія и промышленности; 2) что еще послѣ положенія 1786 г. присвоивали себѣ собственность евреевъ, располагали ихъ трудомъ и даже укрѣпляли ихъ лично; 3) что жалобы евреевъ на обиды не принимались отъ нихъ въ присутственныхъ мѣстахъ; 4) что помѣщики, на земляхъ которыхъ евреи жили, присвоивали себѣ надъ ними право гражданскаго и уголовнаго суда *. Справедливо, поэтому, мнѣніе г. Леонтовича, что основное начало, принятое первымъ положеніемъ о евреяхъ (т. е. начало равенства *безъ различія закона и состоянія*), и доселѣ еще не вполнѣ привилось къ жизни и что оно никогда не пріобрѣтало вполнѣ практическаго значенія, оставаясь не болѣе какъ началомъ теоретическимъ **. Однимъ словомъ, и тутъ повторяются тѣ же старыя погудки, но на новый ладъ: ограждаютъ права евреевъ, и они нарушаются впредь до новаго подтвержденія объ ихъ огражденіи. И еще болѣе замѣчательно то, что, рядомъ съ мнимымъ подчиненіемъ евреевъ общимъ законамъ страны, оставляются уѣздные и губернскіе кагалы для раскладки податей. Россія, занятая въ то время округленіемъ своихъ окраинъ и внѣшними войнами, мало имѣла времени для устроенія внутренняго порядка вообще и въ особенности между чуждымъ племенемъ, которое оставалось внѣ законовъ и обращало на себя вниманіе правительства только «многократными своими жалобами» о разнаго рода «утѣсненіяхъ».

И такъ, мы видѣли совершенно сходныя явленія на западѣ Европы, въ Польшѣ, Литвѣ и у насъ въ Россіи до на-

* См. п. соб. зак. 21547; статьи 23, 44 и 49.

** Сіонъ, стр. 343.

чала XIX столѣтія; мы видѣли, что евреи долго не признавались подданными тѣхъ странъ, въ которыхъ они жили, что имъ приходилось выдерживать настоящую борьбу со многими разнообразными элементами. Періодъ кулачнаго права, безвозвратно исчезнувшій для другихъ, продолжался для евреевъ нѣкоторыхъ странъ вплоть до XIX столѣтія, а въ другихъ воскресаетъ по временамъ и теперь со всѣми своими гибельными послѣдствіями. Естественно поэтому, что евреи должны были уединиться въ особыя общины и охранять свои интересы отъ внѣшняго насилія всѣми средствами, какія только могутъ быть дозволены въ состояніи необходимой обороны. Первый кагальный статутъ, выработанный еврейскими общинами и утвержденный государственною властью, относится къ XV столѣтію, хотя, можетъ быть, и раньше уже существовали довольно организованныя еврейскія общины съ внутреннею властью для защиты. Но никакъ нельзя полагать, чтобы еврейскій кагалъ существовалъ въ періодъ возникновенія христіанства, какъ утверждаетъ Брафманъ, потому что въ первые 3 вѣка христіанской эры христіане подвергались сильнѣйшимъ преслѣдованіямъ, чѣмъ евреи, и сами должны были думать о защитѣ. Было бы весьма любопытно, если бъ Брафманъ, утверждающій, что кагалъ былъ причиною преслѣдованій евреевъ, начиная съ перваго вѣка христіанской эры, указалъ бы хоть на одинъ историческій фактъ для подтвержденія своей мысли, которая обнаруживаетъ въ Брафманѣ достаточную степень недобросовѣстности. Г. Брафманъ скрываетъ также тотъ неоспоримый фактъ, что въ Польшѣ и Литвѣ кагалъ создается дарованіемъ евреямъ права самоуправленія на основаніи ихъ земскаго права, которое даровалось и всѣмъ другимъ племенамъ, привлеченнымъ въ эти страны съ экономическо-промышленною цѣлью. Г. Брафманъ не знаетъ также, что сила кагала крѣпнетъ и вырабатывается подъ вліяніемъ борьбы съ горожанами-мѣщанами, ихъ магдебургскимъ правомъ, цеховымъ устройствомъ и соединенными съ ними анар-

хіею. произволомъ и своеволіемъ, въ сравненіи съ которыми кагальный порядокъ представляется образцовымъ, сравнительно, учрежденіемъ и даже нравственнымъ, потому что изъ самихъ актовъ, обнародованныхъ Брафманомъ, видно, что кагалъ всегда радѣлъ объ интересахъ своей общины и самъ подчинялся закону и рѣшеніямъ суда. По мнѣнію извѣстнаго ученаго Франкля, кагальныя учрежденія были единственнымъ спасеніемъ евреевъ среди господствовавшаго кругомъ нихъ варварства и насилія. Дарованное же евреямъ Польши и Литвы кагальное право въ смыслѣ власти вскорѣ потеряло свой первоначальный характеръ и орудіе власти превратилось въ средство обороны, дѣйствовало усиленно въ теченіе цѣлыхъ пяти вѣковъ и въ этомъ же видѣ перешло въ Россію, въ которой финансовые виды побуждали къ сохраненію кагала. Разумѣется, что при существовавшемъ въ это время порядкѣ вещей, представленномъ нами выше, кагалъ долженъ былъ еще надолго сохранять свое прежнее значеніе, потому что законы, ограничивавшіе его широкую власть, сами не могли привиться къ жизни, условіямъ которой болѣе соотвѣтствовало еще право самозащиты, чѣмъ твердый, юридическій порядокъ общежитія. Это весьма естественно, потому что внѣшняя законодательная норма никогда не можетъ пересоздать внутренній строй жизни, долго слагавшійся по совершенно другимъ началамъ, и мысль наша окажется еще болѣе вѣрною, если вспомнимъ, что законодательство Россіи конца XVIII-го вѣка, направленное противъ всякихъ исключительныхъ порядковъ и въ томъ числѣ противъ порядка кагальнаго, развилось подъ вліяніемъ чуждыхъ общественной жизни Россіи идей XVIII-го вѣка.

Изъ представленнаго, такимъ образомъ, ряда историческихъ фактовъ читатель могъ убѣдиться въ томъ, что не кагалъ былъ причиною преслѣдованія евреевъ, а что, напротивъ, необезпеченность въ правахъ и простое небреженіе къ ин-

тересамъ евреевъ создавали, поддерживали и питали силу еврейскаго кагала.

Мы раскрыли всю ложность основного взгляда г. Брафмана на связь между учрежденіемъ кагала и преслѣдованіемъ евреевъ и успѣли, какъ мы думаемъ, доказать, что онъ, имѣя особую надобность искажать истину, очевидно смѣшалъ послѣдствія явленій съ ихъ причинами. Теперь же мы постараемся установить точный взглядъ на дѣятельность кагала въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она является по самымъ обнародованнымъ г. Брафманомъ актамъ, а не по тѣмъ чертамъ, какими онъ охарактеризовалъ ее силою своего творческаго таланта въ примѣчаніяхъ, принятыхъ многими на вѣру, безъ всякаго убѣжденія въ томъ, дѣйствительно ли ужасающіе выводы г. Брафмана составляютъ вѣрный результатъ того матеріала, который находился у него подъ рукою, или же, наоборотъ, не произведено ли имъ какихъ нибудь насильственныхъ операцій надъ кагальными актами для того, чтобы они подходили ближе къ его предвзятой мысли о подпольномъ еврейскомъ царствѣ. До разрѣшенія этого вопроса, мы, имѣя въ виду историческую важность кагала, постараемся прежде всего представить характеристическія черты дѣятельности другихъ общественныхъ учрежденій, возникшихъ вмѣстѣ съ кагаломъ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же историческихъ условій и дѣйствовавшихъ подъ конецъ XVIII столѣтія, т. е. въ тотъ періодъ времени, къ которому относится большая часть обнародованныхъ г. Брафманомъ актовъ. По мнѣнію г. Брафмана, образъ дѣйствій кагала, получающій, впрочемъ, особый оттѣнокъ подъ вліяніемъ его личныхъ воззрѣній, едва-ли мыслимъ не только въ Европѣ, но и въ «отдаленныхъ странахъ Азіи и Африки, гдѣ человѣчество осталось въ своемъ первобытномъ, дикомъ состояніи». При ближайшемъ разсмотрѣніи интересующаго насъ предмета, окажется, однако, что кагалъ, даже въ формѣ талмудической республики г. Брафмана, былъ учрежденіемъ образцовымъ, сравнительно съ другими ему современными

и вмѣстѣ съ нимъ возникшими по поводу магдебургскаго права.

Весьма интересно будетъ, мы думаемъ, поэтому представить прежде нѣкоторыя черты различныхъ административныхъ и судебныхъ органовъ магдебургскаго права, равно и отношеніе ихъ къ личности, обществу и имущественнымъ правамъ гражданъ, а затѣмъ прослѣдить по актамъ г. Брафмана дѣятельность кагала во всѣхъ сказанныхъ отношеніяхъ.

Въ періодъ устройства западно-русскихъ городовъ по магдебургскому праву, высшій муниципальный судъ бурграбскій, которому подсудны были важнѣйшія дѣла гражданскія и уголовныя, заслужилъ всеобщее презрѣніе и о дѣйствіяхъ его говорили съ ужасомъ и омерзѣніемъ, независимо отъ того, что общество не питало рѣшительно никакого уваженія къ суду, на которомъ всегда происходили крайніе безпорядки *. Объ административно-полицейскомъ учрежденіи—радѣ составилось понятіе, что она «во всѣхъ городахъ Рѣчи Посполитой подавляетъ общественную самодѣятельность, корыстно сосредоточивая власть и богатство городское въ рукахъ своихъ членовъ и въ большей части городовъ Литвы и Руси, стремится къ подавленію русской національности и православной вѣры» **. Судъ сосредоточивался въ рукахъ необразованныхъ и нетрезвыхъ лавниковъ, такъ что имъ опасно было ввѣрять правосудіе, а рада эксплуатировала города въ экономическомъ отношеніи, порождая безчисленные процессы. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей было уничтоженіе правительствомъ въ 1776 г. магдебургскаго права во всѣхъ литовскихъ городахъ, за исключеніемъ самыхъ главныхъ, между которыми считается и г. Минскъ, родина кагальныхъ актовъ г. Брафмана, гдѣ продолжалъ существовать старый анархическій строй

* См. Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ Владимірскаго-Буданова, Ж. М. Нар. Пр. 1868 г. сент., 794 и 795.

** Тамъ же, стр. 798.

административно-судебной практики *. Судебные и административные чиновники состояли изъ людей безграмотныхъ, имѣвшихъ самыя дикія понятія о своихъ обязанностяхъ. Община каменецкая жалуется, что консулы принимаютъ въ раду, въ противность законамъ и привилегіямъ, людей, не умѣющихъ даже писать, и не обращаетъ вниманія «на субъекты и ихъ репутацію»; что радцы, не смотря на многія оппозиціи, назначаются не по заслугамъ, а по подкупу **. Ординація судовъ кременецкаго войтовства постановляетъ въ 1767 г., чтобы засѣдатели не ходили по шинкамъ, не шумѣли, не бывали въ непристойныхъ мѣстахъ, не дрались, не участвовали въ тайныхъ сходкахъ ко вреду города и т. п. Ландвойты, уличаемые городскими выборными въ злоупотребленіяхъ городскими имуществами, отдѣлываются всякаго рода бранью. Ландвойтъ Семеновичъ «бранилъ бурмистра и весь урядъ унизительными словами, прогонялъ его изъ судоваго дома въ затылокъ болѣе 10 разъ и гдѣ встрѣчалъ бурмистра—ругалъ его и срамилъ». Въ 1757 г. въ каменецкой протестаціи лавы, вице-регента и сорока мужей рада обвиняется въ кражѣ, утайкѣ, подлогѣ документовъ и присвоеніи денегъ. Всѣ эти возмутительныя дѣйствія рады до того унизили въ глазахъ общества должность администратора, что, при желаніи мѣщанъ замѣстить по крайней мѣрѣ секретарскую должность изъ среды образованнаго шляхетства, послѣднее постановило законъ о потерѣ шляхетства тѣмъ, кто приметъ на себя должность городского чиновника ***.

Безчисленные факты въ этомъ родѣ могутъ дать уже наглядное понятіе о томъ, какъ подобные представители въ состояніи были радѣть объ общественномъ интересѣ и относиться съ уваженіемъ къ личности человѣка. Въ XVIII вѣкѣ каменецкая лава протестуетъ именемъ всей общины въ городскомъ

* Тамъ же, 805.

** Тамъ же, ноябрь 527, 535.

*** Тамъ же, декабрь стр. 787, 792, 799, и ноябрь, 537.

судѣ противъ магистрата, заявляя, что «члены его заботятся не объ общественномъ благѣ, а только о своихъ частныхъ выгодахъ, общину же притѣсняютъ и обижаютъ», захватываютъ «усадьбы, пашни и сѣнокосы, издревле составляющіе частную собственность города», и уже нѣсколько лѣтъ «собираютъ доходы съ посѣвовъ и сѣнокосовъ, строютъ на такихъ захваченныхъ земляхъ пасѣки и хутора и опустошаютъ остальныя поля гражданъ», что радные притѣсняютъ гражданъ незаконными поборами и едва *не пьютъ крови бѣдныхъ гражданъ»*. Во второй половинѣ XVIII вѣка радцы, не смотря на декреты королевскихъ коммисій, спеціально назначавшихся для разбора жалобъ гражданъ на магистратъ, продолжаютъ по прежнему безцеремонно обращаться съ городскимъ имуществомъ. Въ какой степени люди, къ которымъ мѣщане, главный городской контингентъ, повидимому, имѣли уже довѣріе, добросовѣстно относятся къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, доказываетъ слѣдующій, не единственный, впрочемъ, фактъ. Депутатъ Шагинъ, посланный въ Варшаву для защиты городскихъ интересовъ, употребляетъ данныя ему на то «кровавыя мѣщанскія деньги» на исходатайствованіе себѣ привилегіи на часть городского грунта для устройства новаго поселенія въ свою личную пользу, подъ названіемъ Шагиновки. Къ тому же времени относится и жалоба города Луцка на войта Малиновскаго, что онъ насильственно присвоилъ себѣ городской грунтъ, гдѣ построилъ дворы, винокурню и хаты, доходъ съ которыхъ обращаетъ въ свою пользу и декретъ коммисіи, рѣшившей дѣло не въ его пользу, держитъ у себя и перехватываетъ съ варшавской почты всѣ письма ходатаевъ мѣщанъ, обращая послѣднихъ въ крестьянъ. Въ 1767 г. городъ Кременецъ жалается предъ судомъ, что войты допускаютъ «незаконныя продажи и уступки по завѣщанію городскихъ земель панамъ, монастырямъ (францисканамъ, іезуитамъ, базиліанамъ и др.) и уніатскимъ священникамъ». Кременецкіе бурмистры же «налагаютъ новыя пошлины въ свою пользу, продаютъ городскіе

грунты и деньги берутъ себѣ, налагаютъ подати собственною властью безъ всякой нужды для города». За жалобы же мѣщанъ бурмистръ подвергаетъ ихъ значительнымъ штрафамъ. Злоупотребленія кременецкихъ бурмистровъ доходятъ до того, что одинъ изъ нихъ «продаетъ старую ратушу съ 70 каменными лавками, когда городъ не имѣлъ ни малѣйшей нужды продавать ее, и тѣмъ приводитъ городъ въ нищету». Нечего говорить уже о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя дозволяли себѣ гарнизонные начальники, не исполнявшіе своихъ обязанностей и произвольно распоряжавшіеся имуществомъ города и личностью гражданъ. Гарнизонные начальники заселяютъ жолнерами обширные городскіе грунты, а нѣкоторые изъ нихъ присвоиваютъ себѣ каменоломни, открытыя на городской землѣ, обращая доходы съ нихъ въ свою пользу, не дозволяя мѣщанамъ пользоваться камнемъ и глиною для удовлетворенія ихъ нуждъ и вводя силою барщинныя повинности *. Надобно замѣтить, что подобныя явленія не были исключительными, а составляли, напротивъ, общее правило, какъ о томъ постоянно свидѣтельствуютъ акты разныхъ городовъ.

Тотъ же самый произволъ, но въ еще болѣе яркихъ красках, обнаруживается въ отношеніяхъ различныхъ властей между собою и къ гражданамъ, изъ которыхъ, т. е. отношеній, возможно будетъ уже судить о томъ, какія понятія о правахъ и обязанностяхъ, о личности и свободѣ человѣка сложились въ обществѣ въ эпоху господства магдебургскаго права. Мы постараемся для этой цѣли представить картину весьма обыкновенныхъ явленій того времени. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка войтъ Лукашъ Малиновскій, недовольный жалобами бурмистра, приказалъ пахолкамъ привесть его къ себѣ на дворъ и тамъ «безъ причины билъ его кіями немилосердно, таскалъ за волосы, такъ что разнаго званія люди, видя это, дивились». Но этимъ еще неограничивались дѣйствія

*) Тамъ же, ноябрь, 532, 536, 583, и декабрь, 781, 782, 786, 788.

войта: въ темную и позднюю ночь онъ ворвался съ людьми, снабженными разнымъ оружіемъ, въ домъ бурмистра, намѣреваясь его убить, и «исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы тотъ не ушелъ въ конviктъ». Въ томъ же положеніи бурмистра находился войтъ владѣльческихъ городовъ, когда приходилъ въ столкновеніе съ губернаторомъ, Губернаторъ посылаетъ своихъ пахолковъ за войтомъ, который испугавшись губернаторской ватаги, вбѣжалъ въ избу и заперъ за собою двери. Пахолки ломаются въ двери, грозя «связать или разрубить» его, и по вторичному приказу губернатора, вламываются въ избу и выбиваютъ окна саблями. Войтъ, находясь въ состояніи необходимой обороны, хочетъ стрѣлять, но, подумавъ немного, онъ рѣшается лучше бѣжать чрезъ другія двери и, боясь ночной засады, скрывается по разнымъ шляхетскимъ дворамъ. Еще рельефнѣе выступаетъ указанное нами насиліе въ столкновеніяхъ между городской администраціею и гарнизоннымъ начальствомъ. Въ 1762 г. одинъ изъ городовъ юго-западнаго края жалуется на оберъ-лейтенанта Яна, что онъ «по личной ненависти приказалъ среди бѣлаго дня взять подъ стражу президента города и магистрата (подчиненнаго только одной власти его величества короля), посадилъ его на «обвахъ», въ камеру назначенную для уголовныхъ преступниковъ, позволивъ жолнерамъ всячески надъ нимъ ругаться». Другой гарнизонный начальникъ, подполковникъ Гловеръ, отправилъ цѣлый отрядъ гарнизонныхъ солдатъ, вооруженныхъ бомбардами, въ домъ проконсула, чтобы «съ безчестіемъ привести его въ домъ оберъ-лейтенанта. «Солдаты съ великимъ скандаломъ пришли въ его домъ и поволокли проконсула безъ шапки и верхней одежды; ведя его по городской площади, били бомбардами и кулаками; отъ солдатскихъ насилій разорвалась и нижняя одежда его; когда такимъ образомъ проконсулъ былъ приведенъ къ Гловеру, то этотъ послѣдній насмѣхался надъ нимъ и поносилъ его ругательски. Когда братъ оскорбленнаго президента, старшина (senior). заступился за

него, то Гловеръ далъ первому пощечину, угрожая обоихъ заковать въ цѣпи и, смѣясь, говорилъ, что трибуналъ ничего не сдѣлаетъ ему за нихъ и что онъ готовъ пожертвовать своимъ имуществомъ въ тяжбѣ *противъ всѣхъ гражданъ*». Послѣ этого легко себѣ представить обхожденіе солдатъ съ мѣщанами: притѣсненія первыхъ доходили до того, что «хозяева бѣжали изъ своихъ домовъ и изъ города, *отрекаясь отъ собственности*». Кромѣ того, жолнеры позволяли себѣ безнаказанно ранить штыками мѣщанъ, такъ что жизнь гражданъ находилась въ постоянной опасности. То же самое должно сказать и объ отношеніи другихъ властей къ мѣщанамъ. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка одна изъ городскихъ общинъ юго-западнаго края напоминаетъ радѣ, что она не исполняетъ декрета королевской коммисіи, которымъ запрещалось не только домовладѣльца, но «даже самаго подлѣйшаго» мѣщанина подвергать заключенію подъ ратушею,—между тѣмъ какъ «радные волочатъ самыхъ лучшихъ мѣщанъ изъ домовъ чрезъ городъ и оскорбляютъ ихъ» и, вторгаясь въ дома, приказываютъ «бить и вязать хозяина, бьютъ, тиранятъ и окровавливаютъ мѣщанъ, имѣющихъ хартіи неприкосновенности». О луцкомъ войтѣ говорится, что онъ «во время выборовъ ударилъ Яна Павловича раза три по головѣ окованною палкой, а Ѳедора Захарчика велѣлъ положить и самъ далъ нѣсколько ударовъ и выдралъ волосы съ головы», такъ что «его едва защитили одна панна и шляхтичъ Вишневскій». Эти грубыя посягательства на личность не измѣняли своего характера и по отношенію къ женскому полу, съ которымъ во многихъ отношеніяхъ обходились еще болѣе безчеловѣчно. Объ одномъ изъ радныхъ, Зеленскомъ, говорится, что онъ «билъ, кровавилъ и ранилъ неподобнымъ образомъ жену Маркевича и учинилъ такой поступокъ, о какомъ нельзя говорить ради приличія». Другой чиновникъ—бурмистръ, съ которымъ одна женщина имѣла столкновеніе по дѣлу и извинилась предъ нимъ въ присутствіи достойныхъ шляхтичей, сталъ приглашать эту жен-

щину, въ отсутствіе ея мужа, къ себѣ на домъ чрезъ городского слугу «безъ всякой причины и дѣла». Женщина послала сына узнать, по какому дѣлу зоветъ ее бурмистръ, но послѣдній, обругавъ перваго, заковалъ его въ кандалы, а мать, безявившуюся къ нему, ударилъ ногою въ животъ, обругалъ «безчестными словами, оскорбительными для женскаго пола», и приказалъ отправить ее въ ратушу, гдѣ и ее и сына «впихнули въ казематъ». Еще безчеловѣчнѣе поступилъ одинъ войтъ съ женщиною, заступившеюся за своего мужа, которую онъ ударилъ по головѣ палкою, такъ что она тотчасъ упала вся въ крови, полумертвой; но войтъ, не сжалившись, еще два раза ударилъ ее въ голову и ушелъ, говоря: «мужу твоему еще лучше будетъ». Но неимовѣрнымъ почти покажется слѣдующій звѣрскій поступокъ одного гарнизоннаго начальника: онъ приказалъ солдатамъ привесть родственницу одного лавника «на гауптвахту и, снявши съ нея одежду, положить подъ кобылою драгунскою, и въ такомъ видѣ, совершенно обнаженною (между тѣмъ какъ шелъ снѣгъ), держалъ ее нѣсколько часовъ, оскорбляя самъ и подвергая смѣху и оскорбленіямъ со стороны мимоидущихъ разнаго званія людей» *).

Въ этомъ краткомъ очеркѣ мы представили одно только слабое отраженіе того неимовѣрнаго произвола, который характеризуетъ эпоху возникновенія и дѣйствій кагала. Въ сравненіи съ нарисованною нами картиною безпорядковъ въ административно-судебной и общественной жизни того времени, въ которое замѣчается полное отсутствіе всякихъ понятій о человѣческихъ правахъ, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ, съ картиною, которая представится читателю во всѣхъ своихъ ужасающихъ подробностяхъ, при ближайшемъ изученіи ея по сочиненію Владимірскаго-Буданова,—въ сравненіи со всѣмъ этимъ, говоримъ мы, что можетъ значить какая нибудь

*) Тамъ же, ноябрь, стр. 576, 577, 579, 583, 580, 535, 536, 539, 562, 578, и декабрь 784, 785, 782 и 805.

брафмановская «меропія», которая посредствомъ умозатмѣнія старается достигнуть того, что другія современныя кагалу учрежденія достигали совершенно открытымъ путемъ грабежа и разбоя? Этотъ вопросъ мы поставили, допуская полную добросовѣстность со стороны Брафмана относительно изученія матеріала, заключающагося въ обнародованныхъ имъ кагальныхъ актахъ, принимая даже, вмѣстѣ съ нѣкоторыми органами печати, на вѣру то, что матеріалъ этотъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ основанія для выводовъ, сдѣланныхъ въ примѣчаніяхъ г. Брафмана. Но такъ-ли это? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы постараемся дать ниже.

Мы указали, такимъ образомъ, на хаотическое состояніе судебно-административной практики и произволъ ея въ отношеніи къ имущественнымъ и личнымъ правамъ гражданъ въ послѣдній періодъ магдебургскаго права, т. е. къ концу XVIII-го столѣтія, и должны перейти теперь къ сравненію этого порядка съ порядкомъ, установившимся въ еврейскомъ кагалѣ—учрежденіи, возникшемъ и дѣйствовавшемъ среди однихъ и тѣхъ же историческихъ условій съ другими современными ему учрежденіями. Но прежде, чѣмъ сдѣлаемъ это, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о кагалѣ, на который многіе смотрятъ какъ на не признанное закономъ и государственною властью установленіе, дѣйствовавшее скопомъ и заговоромъ противъ общественнаго порядка: ни самъ г. Брафманъ, ни заговорившіе съ его голоса русскіе публицисты ни словомъ, по крайней мѣрѣ, не заикнулись о значеніи кагала, какъ административно, хозяйственнаго органа, на который государство возлагало весьма важныя финансовыя задачи.

Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи правительство оставило возникшій на началахъ магдебургскаго права еврейскій кагалъ, въ которомъ оно усмотрѣло весьма сподручное орудіе для обезпеченія исправнаго исполненія евреями государственныхъ податей и повинностей, въ томъ

числѣ рекрутскихъ и земскихъ. Такъ какъ главною задачею кагала было, такимъ образомъ, достиженіе, подъ его отвѣтственностью предъ правительствомъ, финансовыхъ цѣлей государства, то послѣднее болѣе заботилось объ опредѣленіи степени отвѣтственности кагаловъ, чѣмъ круга предоставленныхъ имъ правъ или установленія опредѣленныхъ и твердыхъ отношеній кагала къ обществу и правительственнымъ учрежденіямъ. Вотъ почему кагалъ, существовавшій у насъ до 1844 г., сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ обширную дѣятельность, не ограниченную до положенія о евреяхъ 1835 года, и во все это время удерживалъ тѣ черты, которыя вырабатывались въ немъ подъ вліяніемъ польскаго права; вотъ почему до положенія 1804 г. вовсе не были извѣстны права кагаловъ и выборныхъ отъ нихъ въ общія городскія учрежденія; вотъ почему кагалъ очень долго смотрѣлъ на себя какъ на казенное присутственное мѣсто, и только въ 1807 году нѣсколько яснѣе опредѣлились его отношенія къ государственнымъ учрежденіямъ, и опять-таки только въ отношеніи финансовомъ, именно, что кагалы не въ правѣ пересылать свои пакеты въ присутственныя мѣста безъ платежа вѣсовыхъ денегъ *. Цѣль кагаловъ сама по себѣ уже указываетъ на довольно тяжелую ихъ отвѣтственность, которая еще болѣе увеличивалась въ томъ періодъ времени, къ которому относятся собранные г. Брафманомъ акты, такъ какъ съ 1796 года евреи обложены были двойными противъ прочихъ подданныхъ налогами, податями и сборами; таковы: двойной *процентный сборъ* съ еврейскихъ купцовъ, двойной процентъ *съ купеческихъ наслѣдственныхъ капиталовъ*, двойная *подушная подать* съ мѣщанъ, двойной платежъ *накладныхъ* и двойная подушная подать съ мѣщанъ и купцовъ на *содержаніе почтъ*. Кромѣ того, евреи въ этотъ періодъ времени подлежали также и довольно тяжелой де-

* Историч. обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи Ф. Леонтовича. Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ, № 25.

нежной *рекрутской повинности*, по 500 руб. съ каждаго еврейскаго рекрута *. Понятное дѣло, что еврейскій кагалъ, сравнительно съ другими учрежденіями, поставленъ былъ въ болѣе затруднительное положеніе необходимостью въ изысканіи средствъ и способовъ къ исполненію своей задачи, и притомъ такому исполненію, при которомъ требованія правительства не ложились бы тяжелымъ гнетомъ на бѣдныя еврейскія общества. Изъ этой отвѣтственности кагала предъ правительствомъ вытекало предоставленное ему закономъ право внутренней организаціи общинъ, приписка къ своимъ обществамъ новыхъ членовъ и освобожденіе старыхъ. И эти права скорѣе слѣдуетъ разсматривать какъ обязанности, потому что податная система, легшая въ основаніе устройства и управленія еврейскихъ обществъ и превратившая кагалы въ отдѣльныя податныя единицы, невольно налагала на нихъ обязанность пріурочивать въ этой системѣ внутреннее устройство общинъ и численный ихъ составъ. Чтобы судить о томъ, до какихъ предѣловъ простиралась власть кагаловъ къ концу XVIII-го вѣка, стоитъ обратиться къ положенію 1835 г., которое въ первый разъ опредѣляетъ права и обязанности кагаловъ. Все еще проникнутое стариннымъ началомъ, которое можно назвать податнымъ, положеніе это подчиняетъ кагаламъ еврейскія общества въ хозяйствено-административномъ отношеніи, возлагая на нихъ обязанности въ правильномъ отправленіи государственныхъ податей, въ образованіи средствъ для удовлетворенія разныхъ общественныхъ долговъ, въ завѣдываніи всѣми общественными сборами, въ попеченіи о народномъ продовольствіи и поддержаніи въ еврейскихъ обществахъ порядка и т. п. Если же положеніе, въ сущности уже ограничивавшее права кагаловъ, еще такъ далеко расширяетъ кругъ ихъ дѣятельности, то можно легко себѣ представить, какая власть предоставлена была закономъ кагалу до этого положе-

---

* Тамъ-же, № 23.

нія и въ особенности до того времени, до котораго законодательство наше вовсе не опредѣляло правъ кагала, именно до положенія 1804 года, которымъ заканчиваются и изданные г. Брафманомъ акты. Если мы прибавимъ ко всему этому, что въ періодъ магдебургскаго права города Минской губерніи пользовались особыми правами, между которыми встрѣчается также право евреевъ владѣть общественными мѣстами, плацами на рынкѣ, лавками и вообще всякаго рода недвижимою собственностью, и что въ 1795 году тоже изданъ былъ особый указъ, касавшійся устройства городовъ Минской губерніи относительно переселенія евреевъ въ города и предупрежденія «скитанія ихъ во вредъ обществу»,—то интересующіеся нашимъ предметомъ могутъ имѣть всѣ элементарныя свѣдѣнія о еврейскомъ кагалѣ, насколько они оказываются необходимыми для уясненія себѣ настоящаго смысла обнародованныхъ г. Брафманомъ актовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь перейдемъ.

II.

Желая опредѣлить отношенія кагала къ государству, г. Брафманъ въ предисловіи къ своей «Книгѣ кагала» говоритъ: «Талмудъ въ одномъ мѣстѣ намъ говоритъ: «дине демалхуте дине», т. е. законъ царскій — законъ (обязательный для евреевъ); въ другомъ же мѣстѣ является мнѣніе: «что это постановленіе относится исключительно къ вопросамъ, касающимся личныхъ выгодъ государей, но рѣшенія судебныхъ мѣстъ никоимъ образомъ не могутъ быть обязательными для еврея». «Понятно,—говоритъ далѣе г. Брафманъ,—что послѣ подобныхъ отвѣтовъ вопросъ остается въ туманѣ и не разъясненнымъ. Но, провѣряя эти отвѣты и мнѣнія талмуда съ кагальными постановленіями, отвѣтъ будетъ и *окончательный* и *вполнѣ ясный*. Изъ этихъ постановленій мы видимъ, что члены изъ евреевъ, служащіе по выбору при не-еврейскомъ судебномъ мѣстѣ (здѣсь г. Брафманъ дѣлаетъ ссылку на ст. 522—525 т. III св. законовъ), и тѣ даже обязаны рѣшать

дѣла, разбираемыя въ ихъ присутствіи, не по внушеніямъ совѣсти и государственнымъ законамъ, а по внушенію кагала и бетъ-дина». Этими довольно несвязными даже сопоставленіями г. Брафманъ успѣлъ убѣдить публицистовъ извѣстнаго закала въ томъ, что талмудъ и республика его, кагалъ, проповѣдуютъ неподчиненіе государственнымъ законамъ и примѣненіе въ судебныхъ мѣстахъ еврейскаго закона. Обратимся же къ тѣмъ мѣстамъ талмуда, на которыя г. Брафманъ ссылается въ подкрѣпленіе своей выдумки. Въ самомъ текстѣ параграфа Хошенъ-Мишпата, на который ссылается г. Брафманъ, рѣчь идетъ о томъ, что еврею разрѣшается поработить себѣ другого еврея, не уплатившаго государственныхъ податей, если въ государствѣ существуетъ такой законъ, потому что, прибавляетъ Хошенъ-Мишпатъ, «законъ государства—законъ». Вотъ основное правило талмуда; но относительно примѣненія этого закона существуютъ различныя мнѣнія, которыя обыкновенно прибавляются между параграфами текста курсивомъ, для отличія отъ послѣдняго, т. е. для того, чтобы указать, что эти отдѣльныя мнѣнія не обязательны, но сохраняются какъ мнѣнія ученыхъ юристовъ. Сущность же всѣхъ этихъ мнѣній собственно заключается въ томъ, что по однимъ изъ нихъ тѣ только государственные законы обязательны, которые относятся къ поземельной подати или чиншу *; но другимъ же обязательны только законы, обнимающіе имущественныя правоотношенія, законы гражданскаго, но не религіознаго порядка **. Въ прибавленіи къ тексту, на который ссылается г. Брафманъ, именно говорится о невозможности примѣненія государственнаго закона къ случаямъ религіозной практики, потому что «законъ государственный обязателенъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о выгодѣ царской, или *объ общественномъ благѣ* (этого г. Брафманъ не перево-

* Хошенъ-Мишпатъ § 369, прибавленіе къ тексту стиха 8.

** Шаалосъ-Утшивотъ Нахласъ Шива, вопросы и отвѣты сочиненія Нахласъ Шива § 31; Хошенъ-Мишпатъ § 369 прибавленіе къ тексту стиха 11.

дитъ), но нельзя утверждать, чтобы подобные законы обсуживались по законамъ язычниковъ». Здѣсь мысль довольно понятная: государственная выгода и общественное благо должны стоять выше всякихъ еврейскихъ законовъ, но религіозные предметы не могутъ подлежать обсужденію по законамъ свѣтскаго права,—такъ встрѣчается въ талмудѣ, напримѣръ, что разводное письмо не можетъ быть составлено судьями не-еврейской религіи, потому что составленіе развода подчиняется извѣстнымъ религіознымъ обрядамъ, которые не могутъ быть соблюдаемы не-еврейскими судьями. Этого принципа придерживаются законодательства всѣхъ государствъ, отличающихся вѣротерпимостью, въ томъ числѣ и наше, русское. Но, не смотря даже на предосудительность начала вѣротерпимости, высказаннаго въ цитируемомъ г. Брафманомъ мѣстѣ, другіе авторитеты, объясняющіе приведенное прибавленіе къ тексту Хошенъ-Мишпата, прибавляютъ при этомъ: «но мнѣніе это еще оспаривается тѣми, которые утверждаютъ, что во всѣхъ безъ исключенія дѣлахъ (т. е. даже религіозныхъ) законъ государственный обязателенъ» *. Такимъ образомъ, г. Брафманъ, злонамѣренно скрывъ различіе между текстомъ и прибавленіями къ нему, исказивъ переводъ самаго цитируемаго имъ мѣста и умалчивая о противоположныхъ мнѣніяхъ, тѣмъ самымъ до очевидности убѣждаетъ въ своей недобросовѣстности и стремленіяхъ къ достиженію такимъ путемъ недостойныхъ цѣлей, заглушающихъ въ немъ всякое чувство чести и стыда. И въ самомъ дѣлѣ, г. Брафманъ, сдѣлавъ всѣ необходимыя ему операціи надъ Хошенъ-Мишпатомъ для того, чтобы подогнать его къ своей мысли, не стыдился, какъ мы видѣли выше, сказать, что, при повѣркѣ этихъ мѣстъ Хошенъ-Мишпата съ актами, отвѣтъ окажется «*весьма ясный* и *основательный*». Но если въ этихъ мѣстахъ не оказывает-

---

* Хошенъ-Мишпатъ. Комментаріи: Сифсе Когенъ п. 21 и Масгеротъ Гашилханъ п. 21.

ся ничего предосудительнаго, а, напротивъ, положительно утверждается многими авторитетами текстъ закона объ обязательности для евреевъ государственныхъ законовъ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, то остается еще посмотрѣть, не заключается-ли въ кагальныхъ актахъ, на которые ссылается при этомъ г. Брафманъ, того, что ему желается въ нихъ видѣть, именно, чтобы по внушеніямъ кагала члены-выборные отъ евреевъ, засѣдающіе въ судахъ, обязаны были *рѣшать* въ нихъ *дѣла* по законамъ талмуда. Самая ссылка г. Брафмана на существующіе нынѣ законы о выборахъ, которою онъ хочетъ издалека намекнуть на то обстоятельство, что не только въ періодъ кагальныхъ актовъ, но и теперь еще еврейскіе судьи рѣшаютъ дѣла по талмуду, доказываетъ уже всю нелѣпость его фантазіи: во первыхъ, по существующимъ нынѣ законамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ старые законы судопроизводства, за исключеніемъ двухъ городовъ, евреи не могутъ быть засѣдателями въ судебныхъ мѣстахъ, а въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ даже при полномъ еврейскомъ составѣ суда (что само по себѣ оказывается теперь дѣломъ несбыточнымъ), новый порядокъ судопроизводства исключаетъ всякую возможность примѣненія другихъ законовъ, кромѣ русскихъ; во вторыхъ, даже при старомъ порядкѣ судопроизводства, что̀ могъ сдѣлать еврейскій засѣдатель, лицо ничтожное въ судѣ, которое всегда только давало свою подпись, какъ говорится, для компаніи? Но, независимо отъ этого, и въ самыхъ актахъ, на которые ссылается здѣсь г. Брафманъ, вовсе не говорится о томъ, чтобы еврейскіе судьи *рѣшали дѣла* по внушеніямъ кагала. Въ двухъ актахъ подъ №№ 165 и 166, подтверждающихъ якобы выдумку г. Брафмана, говорится объ установленіи кагаломъ до оффиціальнаго выбора одного частнаго, на которомъ кагалъ желалъ бы опредѣлить заранѣе будущихъ кандидатовъ. Насколько намъ извѣстно, подобные предварительные митинги при выборахъ практикуются въ просвѣщеннѣйшей Англіи, гдѣ и не слыхали ни

о какихъ кагальныхъ актахъ, а тѣмъ болѣе Брафмановскихъ, и это даже понятно: партія, желающая выставить своего кандидата, заинтересована въ томъ, чтобы онъ явился достойнымъ представителемъ ея интересовъ. А потому нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что еврейскій кагалъ, которому законъ предоставлялъ право имѣть въ судахъ защитниковъ народнаго своего интереса, тоже заботился о томъ, чтобы выборъ падалъ на лицъ, къ которымъ имѣли бы довѣріе представители общества. Кромѣ того, говорится въ этихъ актахъ, что члены-выборные отъ евреевъ обязаны дать присягу въ томъ, что «*во все время занятія ими должности судей* словеснаго суда, они будутъ *руководствоваться указаніями и наставленіями* бесдина и кагала, равно *исполнять безпрекословно* всѣ ихъ *приказанія относительно дѣлъ*, которыя поступятъ въ словесный судъ» (актъ № 165). Рѣчь, очевидно, здѣсь идетъ не о *рѣшеніи* дѣлъ по желанію кагала, что было невозможно, а о томъ, чтобы выборные изъ евреевъ во время службы не отступали отъ предписаній кагала «при исполненіи ими своихъ обязанностей» (актъ № 166), возложенныхъ на нихъ самимъ закономъ относительно защиты интересовъ евреевъ или кагала. Это вполнѣ оправдывается сословнымъ характеромъ судовъ того времени. Но здѣсь все-таки немногимъ можетъ показаться страннымъ желаніе кагала, чтобы выборный изъ евреевъ исполнялъ свои обязанности не по своему разумѣнію, а по наставленіямъ кагала. Для успокоенія, мы можемъ этимъ немногимъ сообщить, что въ наукѣ государственнаго права еще и теперь существуетъ, касательно отношеній депутатовъ къ своимъ избирателямъ, два мнѣнія, изъ которыхъ одно считаетъ разумнымъ предоставленіе разъ выбранному кандидату дѣйствовать при защитѣ интересовъ своей партіи по своему разумѣнію, т. е. по тому, какъ онъ самъ понимаетъ ихъ пользу, а другое требуетъ, чтобы депутатъ подчинялся во всемъ велѣніямъ своей партіи, исполнялъ свои обязанности и защищалъ интересы такъ, какъ она сама ихъ

понимаетъ. Мы сами не раздѣляемъ разумности второго мнѣнія, но мы не можемъ имѣть ничего противъ русскаго кагала 1802 года, когда онъ, при защитѣ общественныхъ интересовъ, придерживался этого мнѣнія. Такимъ образомъ, ни о чемъ не вѣдающій г. Брафманъ оказывается весьма изощреннымъ на выдумкахъ, по пословицѣ: «Голь (умственное убожество) на выдумки хитра».

И такъ, мы имѣли возможность убѣдиться въ томъ, какъ, прибѣгая къ разнаго рода искаженіямъ, г. Брафманъ успѣлъ выставить въ ложномъ и совершенно превратномъ видѣ отношеніе кагала къ государству, основываясь притомъ только на однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, не имѣющихъ подъ собою фактической почвы. Посмотримъ же какъ на самомъ дѣлѣ представляется это отношеніе въ актахъ, собранныхъ самимъ г. Брафманомъ. Какъ читателямъ уже извѣстно изъ представленныхъ нами характеристическихъ чертъ кагала, отношеніе этого послѣдняго къ государству главнымъ образомъ выражалось въ отправленіи, подъ своею отвѣтственностью, государственныхъ податей и повинностей. Изъ кагальныхъ актовъ именно всякому безпристрастному изслѣдователю можно усмотрѣть, въ какой степени кагалъ бился, какъ рыба объ ледъ, лишь бы исполнить свою главную обязанность въ отношеніи къ государству. Для покрытія государственныхъ повинностей кагалъ постановляетъ объ учрежденіи коробочнаго сбора по образцу шкловскаго (актъ № 36), а на уплату за несостоятельныхъ членовъ г. Минска рекрутской повинности за 1797 годъ кагалъ установляетъ процентный сборъ—1% съ наличнаго капитала и ½% съ недвижимаго имущества (№ 35). Точно также кагалъ установляетъ трехгрошовый налогъ на говядину для уплаты государственныхъ податей и обязываетъ своихъ представителей ходатайствовать объ утвержденіи его начальствомъ (№ 122). Къ источникамъ доходовъ, предназначеннымъ для покрытія государственныхъ податей, кагальные представители относятся весьма серьезно: въ правилахъ о кон-

тролѣ доходовъ съ коробочнаго сбора и предупрежденія злоупотребленій постановляется, что коробочный сборъ назначается на покрытіе государственныхъ податей за всѣхъ жителей города Минска, и при этомъ подъ строжайшимъ херимомъ воспрещается повѣреннымъ кагала «употреблять хотя малѣйшую сумму, хотя бы полушку, изъ этого сбора, даже въ пользу такихъ интересовъ, которые касаются евреевъ *всего края*. Весь этотъ налогъ долженъ быть обращенъ *исключительно* на государственныя подати» (№ 88 п. 5). Этотъ взглядъ на источники покрытія государственныхъ податей проходитъ по всѣмъ актамъ кагала, такъ что, обезпечивая кредиторамъ своимъ долги всѣми своими доходами, кагалъ всегда дѣлаетъ, однако, исключеніе относительно *трехгрошеваго коробочнаго сбора*, предназначеннаго для уплаты государственныхъ податей (№ 153), и во многихъ мѣстахъ считаетъ его доходомъ *неприкосновеннымъ*. Г. Брафманъ, правда, указываетъ на то, что кагалы установляли налогъ и безъ согласія законной власти (№ 57 и 122), когда рѣчь шла объ установленіи коробочнаго сбора и трехгрошеваго налога; но, во первыхъ, и здѣсь и тамъ упоминается о необходимости ходатайствовать предъ начальствомъ объ утвержденіи налоговъ, а въ одномъ изъ этихъ актовъ (№ 122) установляется даже другая мѣра на случай, если бы губернаторъ *отказалъ* въ утвержденіи налога; во вторыхъ, если бы даже признать правильность перевода г. Брафманомъ словъ «учредить упомянутый сборъ даже и помимо согласія губернатора» (№ 57), то фактъ этотъ объясняется строгостью въ порядкѣ отвѣтсвенности кагала и крайней необходимостью, въ которую кагалъ былъ поставленъ неимуществомъ еврейскихъ обществъ. Кагалъ отвѣчалъ въ исправномъ и бездоимочномъ взносѣ податей своихъ обществъ и за прописку душъ подлежалъ платежу штрафныхъ или двойныхъ податей, и сверхъ того—платежу въ 500 руб. за каждую душу и задержанію подъ стражею; между тѣмъ средства общества были крайне недостаточны, какъ видно изъ обнародованныхъ г. Браф-

маномъ актовъ. Прежде всего бросается въ глаза то, что кагалъ былъ обремененъ постоянными долгами, отъ которыхъ, не смотря на всѣ принятыя имъ мѣры и разныя переложенія, онъ никакъ не могъ освободиться. Такъ, напр., въ 1795 г. минскій кагалъ вынужденъ былъ на *чрезвычайномъ общемъ собраніи* постановить объ учрежденіи коробочнаго сбора съ рѣзи скота, «для покрытія *извѣстнымъ всѣмъ долговъ*, которые кагалъ долженъ уплатить *монастырямъ*» (актъ № 9). Выше было уже указано на всю несправедливость въ самомъ возникновеніи этихъ долговъ, а между тѣмъ кагалъ долженъ былъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для уплаты этихъ долговъ. Но доходы съ установленнаго коробочнаго сбора оказываются недостаточными для покрытія монастырскихъ долговъ и кагалъ въ томъ же году постановляетъ сдѣлать заемъ для этой цѣли у братства погребателей (актъ № 15). Кромѣ того, кагалъ несетъ разныя издержки, по дѣламъ, заведеннымъ въ магистратѣ *христіанскимъ духовенствомъ*, «о взысканіи съ кагала по векселю, находящемуся въ рукахъ *священниковъ*» (актъ № 25), а также на полюбовныя сдѣлки съ архидіаконами, для окончанія съ ними счетовъ по долгамъ «вслѣдствіе *крайней необходимости*» (актъ № 35). Сверхъ этихъ долговъ, на кагалѣ лежали и безчисленные долги частнымъ лицамъ (акты №№ 34, 65, 92, 111, 153, 181 и др.), изъ которыхъ нѣкоторые не уплачивались при всемъ желаніи кагала. Всѣ эти долги довели финансовое положеніе минскаго кагала до того, что онъ не былъ въ состояніи платить государственныя подати, и когда «магистратъ послѣднимъ своимъ указомъ постоянно требовалъ» уплаты податей, кагалъ на общемъ собраніи 1797 года долженъ былъ постановить «сдѣлать заемъ у первостатейныхъ домохозяевъ» для удовлетворенія магистрата (актъ № 47), а въ 1802 г., когда минскій кагалъ, ожидая государя, желалъ встрѣтить его иллюминаціею, онъ принужденъ былъ постановить сдѣлать для этой цѣли заемъ и платить «хотя-бы по

24%» (акты №№ 249, 251). Однимъ словомъ, близкое знакомство съ актами, обнародованными г. Брафманомъ, несомнѣнно убѣждаетъ въ томъ, что кагалъ, постоянно находясь въ затруднительномъ финансовомъ положеніи, долженъ былъ бороться съ несокрушимою силою обстоятельствъ: съ одной стороны—съ неотложными требованіями правительства объ уплатѣ податей, которыя сопровождались страхомъ идущаго вдали штрафа, а съ другой—съ народнымъ пролетаріемъ, съ платежными средствами котораго кагалъ былъ знакомъ ближе всякаго правительственнаго учрежденія того времени, интересовавшагося евреями съ одной только податной точки зрѣнія. Не удивительно, поэтому, что кагалъ, находясь въ состояніи крайней необходимости, обходилъ законъ объ утвержденіи каждаго новаго налога высшимъ начальствомъ, для того, чтобы могъ исполнить другой, болѣе тягостный, законъ объ исправномъ и бездоимочномъ взносѣ податей. Правительство того времени мало заботилось о томъ, какими средствами кагалъ добываетъ государственныя подати, а еврейскія общества сочувствовали положенію кагала, чему доказательствомъ можетъ служить то, что между всѣми кагальными актами нѣтъ ни одного, гдѣ-бы замѣтно было выраженіе общественнаго неудовольствія къ кагалу. Другое дѣло, еслибы кагалъ нарушалъ законъ для выгоды своей, или всего еврейскаго общества, но въ двухъ кагальныхъ постановленіяхъ, приведенныхъ г. Брафманомъ, рѣчь идетъ о предположеніи возможности учредить налогъ безъ утвержденія начальства въ пользу самаго-же государства, для уплаты государственныхъ податей, - а потому никакой безпристрастный человѣкъ не увидитъ въ такихъ постановленіяхъ заговора противъ существующаго порядка управленія. Дѣйствія кагала въ сказанномъ отношеніи представятся намъ совершенно въ другомъ свѣтѣ, если обратимъ вниманіе на нравственныя достоинства административно-судебныхъ чиновниковъ того времени, отъ которыхъ могло зависѣть ходатайство объ утвержденіи налоговъ. Изъ кагальныхъ актовъ

г. Брафмана видно, что можно было устроить «въ ратушѣ *закуски* и *попойки* для судей» (актъ № 37), подкупить *извѣстнаго человѣка «рыбой»* (актъ № 45) и что кагалу нужно было тратиться на *волочебное* по начальству и дѣлать для этого займы (акты №№ 48, 84, 114, 117, 119, 156 и др). Чтобы судить, въ какой мѣрѣ кагалъ могъ расчитывать на безпристрастное удовлетвореніе со стороны современныхъ ему учрежденій его законнымъ требованіямъ, мы укажемъ на слѣдующій характерный фактъ: изъ 300 рублей, которые представители кагала должны были получить въ минскомъ казначействѣ, для погашенія сдѣланнаго кагаломъ долга, онъ получилъ только 280 р., а «остальные 20 р. израсходованы были на *скорѣйшее полученіе* этой суммы изъ казначейства» (актъ № 185). Сколько, спрашивается, долженъ былъ-бы кагалъ заплатить тогда за исходатайствованіе утвержденія новаго налога? Не раціональнѣе-ли, не практичнѣе-ли поступилъ кагалъ, уплативъ государственныя подати, не испрашивая утвержденія, о которомъ, какъ мы сказали выше, весьма мало заботились и которое могло-бы только увеличить долги кагала? Притомъ длинный путь ходатайствъ не соотвѣтствовалъ той быстротѣ и настоятельности, съ которую слѣдовало производить государственные платежи, о которыхъ посылались указы за указами. Мы думаемъ, что г. Брафманъ не бичевалъ бы такъ еврейскій кагалъ, если-бы онъ взглянулъ на него не съ предвзятою мыслію о дѣйствующемъ противъ правительства подпольномъ учрежденіи, а разсматривалъ бы его въ связи со всѣми другими условіями, съ окружающей его обстановкой, съ его юридическимъ положеніемъ, съ его отвѣтственностью предъ закономъ и государствомъ и нравственною обязанностью въ отношеніи къ еврейскимъ обществамъ, интересы которыхъ онъ представлялъ. Но г. Брафманъ долженъ былъ придти къ такому взгляду на кагалъ, такъ какъ онъ съ самаго начала взялъ на себя трудъ доказать русскому обществу, что подпольное учрежденіе—кагалъ,

присвоилъ (значитъ, непринадлежащее ему по закону) себѣ право установлять различные налоги и поборы, и, при исполненіи имъ своей задачи, старается мистифицировать читателей, косвенно убѣждая ихъ въ томъ, что кагалъ установляетъ всѣ эти налоги *въ свою пользу* (объяснительныя примѣчанія г. Брафмана къ кагальнымъ актамъ стр. XXVII, XXVIII и XXIX), тогда какъ изъ самихъ актовъ ясно видно, что кагалъ установляетъ налоги для уплаты государственныхъ податей и повинностей, а не въ свою пользу, какъ сила, эксплуатирующая еврейскія общества. Надобно обладать смѣлостью г. Брафмана, чтобы можно было расчитывать на легковѣріе публики и пойти на «авось», т. е. на то, что русское общество, по всей вѣроятности, будетъ руководствоваться одними результатами, изложенными въ примѣчаніяхъ къ актамъ, не давъ себѣ труда свѣрить выводы съ матеріаломъ, изъ котораго они извлечены. И дѣйствительно, г. Брафманъ предъугадалъ духъ и настроеніе своего времени, онъ зналъ, что есть люди извѣстнаго закала à la Шульгинъ и К°,—и вотъ, разсчитывая на этотъ людъ, онъ придалъ еврейскому кагалу политическую окраску, зная, напередъ, что они ему повѣрятъ и что разстроенное ихъ воображеніе окажется впечатлительнымъ къ политическому пугалу въ образѣ еврейскаго кагала: блаженъ кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ.

Не менѣе ложныхъ выводовъ мы найдемъ въ тѣхъ примѣчаніяхъ г. Брафмана къ кагальнымъ актамъ, въ которыхъ онъ опредѣляетъ отношеніе кагала къ еврейскому бесъ-дину (суду). По мнѣнію Брафмана кагалъ есть сердце всѣхъ еврейскихъ артерій (т. е. братствъ), отъ котораго, слѣдовательно, зависитъ жизнь всѣхъ прочихъ еврейскихъ учрежденій; кагалъ, по мнѣнію г. Брафмана, стоитъ на такой недосягаемой высотѣ по своей власти, что ему не подчиняться невозможно не только частному лицу, но и цѣлымъ учрежденіямъ. Мы бы могли указать на цѣлый рядъ актовъ, изъ которыхъ видно, что отдѣльныя лица не подчинялись рѣшеніямъ кага-

ла, несмотря на всѣ ужасы, которыми окружилъ его г. Брафманъ; но наша задача указать теперь на дѣйствительное отношеніе, существовавшее между бесъ-диномъ и кагаломъ, отношеніе въ высшей степени безпристрастное. Доказательства для подтвержденія нашей мысли мы будемъ черпать изъ матеріала, обнародованнаго г. Брафманомъ же, который, говоря о бесъ-динѣ, ставитъ руководящее начало такого рода: «бесъ-динъ есть учрежденіе, которое, *сопутствуя вездѣ кагалу* и находясь подъ его высокимъ покровительствомъ, составляетъ *его судебный отдѣлъ*», т. е., что бесъ-динъ во всемъ послушное орудіе кагала (примѣч. VIII, стр. XL). Обратимся къ содержанію акта за № 50; въ немъ идетъ рѣчь о спорѣ, предъявленномъ евреемъ Яковъ-Кополемъ противъ дома и двора, которые строятся кагаломъ на принадлежащемъ ему, Копелю, плацѣ. Что̀ значило бы кагалу, при помощи своего арсенала изъ херимовъ, жандармовъ-вѣшателей, обязательнаго содѣйствія органовъ государственной власти и т. п., заставить молчать какого-нибудь Копеля; но кагалъ назначаетъ по этому иску своихъ кагальныхъ адвокатовъ для защиты дѣла предъ бесъ-диномъ. Адвокаты эти, защищая имущественныя интересы кагала, приводятъ противъ иска Копеля слѣдующія возраженія: 1) что документъ, имѣющійся въ рукахъ Копеля, какъ относящійся только къ деревянному дому, когда-то стоявшему на томъ плацѣ, на которомъ теперь возведены постройки кагала и который долго оставался незастроеннымъ, по этому самому уже потерялъ всякую силу; 2) съ признаніемъ даже силы за предъявленнымъ Копелемъ документомъ, этотъ послѣдній, не содержа въ себѣ обычной формулы о владѣніи «отъ центра земли до высоты небесъ» (которую г. Брафманъ осмѣиваетъ выраженіемъ: «своеобразная тонкость талмудической юриспруденціи»), не присвоиваетъ Копелю права на построенные *вновь погреба* (подчеркнуто для г. Брафмана) въ *нѣдрахъ земли* и на *второй* этажъ, находящіеся внѣ границъ принадлежавшаго ему пространства; 3) въ документѣ Копеля

говорится только о домѣ, а не о дворѣ, а потому право владѣнія Копеля никакъ не можетъ простираться на плацъ, который занималъ этотъ дворъ». Мы привели эти соображенія кагальныхъ адвокатовъ не по заключающемуся въ нихъ юридическому интересу, а только для того, чтобы читатели могли убѣдиться въ томъ, что бесъ-динъ, послушное орудіе кагала, могъ бы, основываясь на такихъ соображеніяхъ, рѣшить дѣло въ пользу кагала. Между тѣмъ, бесъ-динъ, по выслушаніи тяжущихся сторонъ и свидѣтелей Копеля, показавшихъ предѣлы бывшаго владѣнія Копеля, рѣшаетъ дѣло въ пользу Копеля, утверждая его право владѣнія «и на погреба, и на *всѣ* этажи, однимъ словомъ на всѣ постройки, отъ нѣдръ земли до высоты небесъ» (актъ № 50, стр. 25—27). Отсюда видно, что бесъ-динъ дѣйствуетъ довольно самостоятельно, отвергая формальныя доказательства кагальныхъ адвокатовъ и обращая главное вниманіе на одну матеріальную правду, не опасаясь нисколько кагала и его власти.

Съ такимъ же безпристрастіемъ кагалъ относится къ бесъ-дину, когда отъ него зависитъ рѣшеніе какого-нибудь вопроса. Такъ, съ открывшимся, по несостоятельности нѣкоторыхъ лицъ, конкурсамъ, подлежавшимъ разбирательству бесъ-дина, кагалъ принялъ заявленіе заинтересованной въ дѣлѣ стороны о томъ, что судьи принадлежатъ къ кредиторамъ несостоятельныхъ, постановляетъ въ общемъ собраніи объ устраненіи даіоновъ (судей) отъ разбирательства и вызова для этой цѣли судей изъ другихъ городовъ (актъ № 207, стр. 115). Что кагалъ и бесъ-динъ не враждовали, однако, между собою, доказываетъ именно то, что, несмотря на неоднократныя рѣшенія дѣлъ противъ интересовъ кагала, послѣдній подчиняется вполнѣ рѣшеніямъ бесъ-дина, оканчивая свои дѣла или полюбовно (актъ № 51 съ Копелемъ), или удовлетворяя вполнѣ выигравшую процессъ сторону: такъ изъ акта за № 240 видно, что представители кагала заплатили вдовѣ Рашѣ до полушки всѣ присужденныя ей по рѣшенію деньги, 563 зло-

тыхъ и 10 грошей, причемъ она возвратила имъ всѣ бывшія у нея облигаціи и декретъ (здѣсь поставленъ г. Брафманомъ знакъ вопросительный по недогадливости, что этотъ декретъ есть ничто иное, какъ рѣшеніе бесъ-дина по этому дѣлу) на представителей кагала». Интересующимся же ближе познакомиться со взаимными отношеніями кагала и бесъ-дина, заслуживающими одного только одобренія, мы можемъ указать на акты въ «Книгѣ кагала» за №№ 22, 129, 155, 182, 232 и др.

Такимъ образомъ, кагалъ, по самымъ актамъ «Книги кагала» г Брафмана, не только не является учрежденіемъ всесокрушающимъ, всеподчиняющимъ своей власти, а напротивъ органомъ власти, подчиняющимъ себя велѣніямъ справедливости и суда.

Установивъ ложный взглядъ на отношенія кагала къ государству и суду (бесъ-дину), г. Брафманъ искажаетъ также въ своихъ выводахъ матеріалы, относящіеся къ опредѣленію отношенія кагала къ разнымъ братствамъ. По мнѣнію г. Брафмана (примѣч. III къ «Книгѣ кагала» стр. XXI и XXII), братства, эти артеріи общественной жизни евреевъ, находятся «*всегда* въ тѣсной связи и *въ полной гармоніи* съ національно-талмудическимъ знаменемъ, которому всѣ они *служатъ*, и съ видами кагала, отъ котораго *зависитъ ихъ существованіе*». Придерживаясь разъ избраннаго нами метода—пользоваться, для опроверженія выводовъ г. Брафмана, имъ-же обнародованными актами, мы укажемъ на то, что положеніе братствъ, въ отношеніи ихъ къ кагалу, было совершенно независимо и что только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ кагалъ является исполнителемъ власти, возложенной на него закономъ, онъ старается ограничиваться дѣятельностью братствъ въ виду общей пользы. Кагалъ напр., нуждается въ *дозволеніи* святаго братства (погребальнаго) построить на его плацѣ «общественное отхожее мѣсто» (актъ № 40) и назначаетъ адвокатовъ для окончанія примиреніемъ дѣла съ братствами о скотобойнѣ (актъ № 8);

тотъ-же всемогущій кагалъ, по случаю отказа одного изъ братствъ отъ постройки скотобойни, нуждается, для пріобрѣтенія права этого братства, въ полученіи отъ него формальной квитанціи и удовлетворяетъ его во всѣхъ понесенныхъ имъ по постройкѣ издержкахъ (актъ № 14). Далѣе кагалъ, который находится въ полной гармоніи съ братствами, ведетъ споръ съ цеховыми и оканчиваетъ его примиреніемъ, соглашаясь уплатить имъ за ихъ претензіи 200 руб. (актъ № 79), но не имѣя никакихъ средствъ, кагалъ вынужденъ продать другому братству свою половинную долю доходовъ съ скотобойни (актъ № 80). Изъ содержанія этихъ актовъ, на которые ссылается и г. Брафманъ для подтвержденія своей мысли объ участіи братствъ въ заговорѣ съ подпольнымъ царствомъ кагала, очевидно вытекаетъ то, что кагалъ въ своихъ частныхъ, имущественныхъ правоотношеніяхъ съ другимъ братствомъ, находился, напротивъ, въ зависимости отъ разныхъ братствъ по разнымъ ихъ претензіямъ, которыя онъ удовлетворялъ обыкновеннымъ порядкомъ, какъ всякое другое частное лицо. Если-же встрѣчается приказъ кагала братствамъ не принимать въ теченіе года никакихъ новыхъ членовъ (актъ № 85), то это на нашъ взглядъ объясняется тѣмъ, что кагалъ въ этомъ году (1799), въ которомъ предстояла забота объ изысканіи средствъ къ покрытію всѣхъ губернскихъ доходовъ (актъ № 63) при обнаружившейся полной несостоятельности кагала къ удовлетворенію мѣстныхъ потребностей, кагалъ желалъ предупредить напрасную трату средствъ по взносамъ въ пользу разныхъ братствъ. Что кагалъ этимъ приказомъ не имѣлъ въ виду поставить свой произволъ выше всякихъ братствъ и этимъ самымъ укрѣпить свою власть, доказываютъ слѣдующія обстоятельства: 1) то, что кагалъ не запрещаетъ абсолютно записку въ члены братства, дозволяя принимать дѣтей и людей, не связанныхъ брачными отношеніями; 2) что кагалъ дѣлаетъ исключеніе относительно братства «гамилатъ хасудимъ» (общества безпроцентныхъ ссудъ), которому, напро-

тивъ, дозволяется принимать новыхъ членовъ, очевидно потому, что расширеніе его средствъ не можетъ не влiять дурно на финансовыя средства кагала, но, напротивъ, содѣйствовать ихъ улучшенію, потому что цѣль этого общества состоитъ въ поддержкѣ людей нуждающихся, т. е. большей части тѣхъ, которые чрезъ посредство этого общества получаютъ возможность вносить государственныя подати кагалу. Этимъ объясняется также, по нашему мнѣнію, и то, что кагалъ въ особенности покровительствуетъ обществу безпроцентныхъ ссудъ, разрѣшая ему построить на синагогальномъ дворѣ комнату для своихъ вещей и залоговъ. Въ этомъ именно различномъ отношеніи кагала къ братствамъ, смотря по ихъ цѣли и степени общественной въ нихъ потребности, и обнаруживается безпристрастная дѣятельность кагала и его глубокое пониманіе народныхъ нуждъ и своей собственной задачи. Безпристрастные историки, вдумываясь глубже въ значеніе кагала и въ тѣ историческія условія, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать въ разныя времена и въ разныхъ государствахъ, приходятъ къ заключеніямъ, діаметрально противоположнымъ взгляду г. Брафмана на кагалъ, и надобно отдать имъ справедливость: матеріалы, обнародованные г. Брафманомъ, во многомъ подтверждаютъ результаты, къ которымъ они пришли въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Переходя затѣмъ къ другому обвиненію г. Брафмана, состоящему именно въ томъ, что кагалъ присваиваетъ себѣ власть регламентировать семейную жизнь, опредѣляя правила, какъ устраивать пиры въ торжественныхъ случаяхъ, кого приглашать на нихъ, изъ чего приготовлять блюда и сколько допускать музыкантовъ и т. п.,—переходя къ этому обвиненію, мы должны сказать, что оно можетъ имѣть какое либо значеніе только тогда, когда упускаютъ изъ вида соціальный смыслъ этой регламентаціи, придавая ей характеръ вторженія въ частную, семейную жизнь. Г. Брафманъ, какъ видно, не знаетъ, что въ извѣстные періоды исторической

жизни разныхъ народовъ существовали особые законы о роскоши, имѣвшіе въ виду предупредить возбужденіе страстей и ослабить озлобленіе бѣдныхъ классовъ противъ богатыхъ. Такіе законы о роскоши въ особенности издавались въ средневѣковое время противъ евреевъ, одежды которыхъ, пиры и увеселенія часто вызывали противъ нихъ гоненія, такъ что приходилось по неволѣ ограничивать ихъ въ кругу частной и семейной жизни. Въ Испаніи XIII-го столѣтія, когда роскошь была развита до крайнихъ предѣловъ, вышелъ законъ, общій для всѣхъ, который предписывалъ всѣмъ жителямъ ношеніе платьевъ изъ опредѣленной матеріи и формы, количество ежедневно подаваемыхъ блюдъ, равно и извѣстныя правила для увеселеній и пировъ. Разумѣется, что евреи, всегда усваивая себѣ черты изъ жизни окружающихъ ихъ народностей, тоже пристрастились къ роскоши, а потому для нихъ удержались ограничительные законы о роскоши еще въ XV столѣтіи, что̀ объясняется тѣмъ, что христіанское населеніе, послѣ того какъ евреи потеряли свое значеніе при дворѣ и въ дворянствѣ, сильно возбуждалось противъ евреевъ, указывая на ихъ роскошныя платья и увеселенія. Изъ бесѣды Альфонса Великаго съ еврейскимъ ученымъ Бенвенистомъ, приглашеннымъ къ королю для растолкованія его сна, мы узнаемъ между прочимъ слѣдующее. Король говоритъ Бенвенисту: «если вы дѣйствительно рабы и изгнанники, то зачѣмъ же вы наряжаетесь въ княжескія платья, что служитъ только къ тому, чтобъ возбудить противъ васъ зависть и ненависть, тогда какъ я издалъ законъ въ своемъ государствѣ, который запрещаетъ вамъ носить шелковыя платья. Что означаютъ всѣ ваши *сборища*, ваши расхаживанія по базарамъ, на разные праздники *обрѣзанія* и другіе въ роскошныхъ платьяхъ въ то время, какъ народъ *взираетъ* на это *съ завистью*»? *). Мы видимъ такимъ образомъ, что праздничные пиры обрѣзанія

* Ежегодникъ для исторіи евреевъ и юдаизма. Лейпцигъ 1869 г. Уставъ кастильскихъ обществъ Кайзерлинга.

доходили до слуха испанскаго и аррагонскаго короля, а потому неудивительно, что у насъ въ концѣ XVIII-го столѣтія, необходимо было принимать мѣры противъ сходбищъ евреевъ на разныхъ торжествахъ, на которыхъ праздничная одежда и увеселенія вызывали, вѣроятно, не разъ гоненія противъ евреевъ, о которыхъ къ намъ не доходили только свѣдѣнія. Что у насъ въ XVIII столѣтіи обращали на себя вниманіе подобныя вещи, доказываетъ фактъ, заимствованный нами изъ жизни не-еврейской. Каменецкій инстигаторъ, полицейскій чиновникъ, защищавшій порядокъ и спокойствіе въ городѣ, жалуется на то, что нѣкто «Гавричко переодѣвается въ одинъ день по три раза, что служитъ конфузіей для всего города, потому что офицеры насмѣхаются надъ этимъ и представляютъ насъ, *убогихъ мѣщанъ*, генералу: «они-де очень богаты, если по три раза въ день перемѣняютъ такія богатыя одежды» *). Если въ Испаніи общіе законы о роскоши XIII-го столѣтія могли удержаться для евреевъ еще въ XV вѣкѣ, то мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, что возбужденіе страстей предметами роскоши, имѣвшее у насъ мѣсто въ началѣ XVIII-го вѣка, поддерживается въ отношеніи къ евреямъ къ концу того же вѣка. Только послѣ этихъ предварительныхъ примѣчаній могутъ получить смыслъ правила кагала о томъ, что на обрѣзанія не должны быть приглашаемы другія лица, кромѣ близкихъ родственниковъ, друзей и тѣхъ, которые необходимы для совершенія обряда обрѣзанія, что запрещается давать танцовальные вечера и пирушки въ субботу, слѣдующую за свадьбою и т. п. (актъ № 16), что запрещается дѣлать пиры въ продолженіе одной недѣли до и послѣ обрѣзанія и другіе особые пиры, равно и приглашать на свадьбу музыкантовъ въ числѣ болѣе трехъ (актъ № 64). Кагалъ, очевидно, желаетъ устранить излишнія пиршества и увеселенія, на которыхъ сходятся богато-разряженные евреи и еврейки, при-

* Ж. М. Н. Пр. ноябрь 1868 г. Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ, Владимірскаго-Буданова стр. 555.

влекая къ себѣ такимъ образомъ всеобщее вниманіе. Что это всеобщее вниманіе опасно было для кагала, можно легко объяснить себѣ хоть вышеприведенными словами убогихъ мѣщанъ, которые жалуются, что изъ за одного Гавричко, переодѣвающагося нѣсколько разъ въ день, ихъ представляютъ къ генералу, что они де очень богаты. Кагалъ тоже не желалъ, чтобы изъ за какихъ нибудь богатыхъ евреевъ не представляли и бѣдныхъ къ платежу *двойной* подати противъ прочихъ подданныхъ христіанъ. Вѣрность этого предположенія подтверждается тѣми мѣстами обнародованныхъ г. Брафманомъ актовъ, изъ которыхъ ясно видно, что кагалъ не распространяетъ своихъ правилъ о предупрежденіи публичности увеселеній и пировъ на бѣдныхъ: «Пиры, обрѣзательный и свадебный, дающіеся у бѣдныхъ по складчинѣ, *не подлежатъ этимъ правиламъ*» (актъ № 16 стр. 9); «воспрещается давать пиры въ продолженіи одной недѣли до и послѣ обрѣзанія, исключая пиръ, который дозволяется дѣлать наканунѣ дня обрѣзанія для *нищихъ*» (актъ № 64, стр. 35). Это послѣднее правило доказываетъ, что даже у богатыхъ людей, которымъ кагалъ запрещалъ давать пиры, можно было, однако, давать пиры для *нищихъ*, потому что эти послѣдніе своими рубищами и отсутствіемъ расположенія духа не обратятъ на себя вниманіе толпы.

Если же между приказами кагала встрѣчаются и такіе, которые предписываютъ на «пирахъ свадебныхъ и обрѣзательныхъ» употреблять только мясныя блюда, то это объясняется затруднительнымъ положеніемъ кагала, который, нуждаясь постоянно въ средствахъ, все изыскиваетъ способы увеличенія своихъ доходовъ, чтобы быть въ состояніи исправно платить государственныя подати. Такъ какъ минскій кагалъ установилъ въ этомъ отношеніи налогъ на каширную говядину, т. е. придумалъ мѣру, отъ которой въ настоящее время трудно отказаться и нашему правительству, то нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ желалъ косвеннымъ образомъ обра-

тить его на торжественные случаи въ жизни богатыхъ евреевъ. Мы говоримъ *богатыхъ*, основываясь на актахъ «Книги кагала»: въ актѣ (№ 64), въ которомъ излагаются «правила для давателей пировъ» говорится, что «никто не долженъ смѣть давать пирушки на свадьбахъ и обрѣзаніяхъ *изъ* пряниковъ и водки, а долженъ непремѣнно дать пиръ изъ говядины, за исключеніемъ только *бѣдныхъ*. Слѣдовательно, бѣдные люди освобождались кагаломъ отъ этого налога, — и обложеніе имъ богатыхъ для погашенія тяготѣвшихъ надъ бѣднымъ классомъ повинностей доказываетъ только, что кагалъ понималъ положеніе своего народа и, отличаясь демократическомъ духомъ, всегда радѣлъ объ интересахъ еврейской массы, не допуская того, чтобы изъ-за шумныхъ и пышныхъ пировъ богатыхъ евреевъ — бѣдный классъ отягощенъ былъ большими повинностями или же, чтобы богатые евреи избѣгали платежа налоговъ, въ которомъ случаѣ эти послѣдніе должны были бы во всей своей тяжести пасть на бѣдную массу. Можно-ли считать подобный образъ дѣйствій кагала предосудительнымъ, когда въ настоящее время существуетъ сборъ свѣчей, зажигаемыхъ въ праздничные и субботніе дни, въ пользу образованія евреевъ? Кагалъ, какъ современное намъ правительство, воспользовался еврейскими обрядами для установленія на нихъ налоговъ въ пользу же еврейскаго общества: все различіе въ томъ, что правительство, опредѣливъ извѣстную норму исчисленія налога, обложило имъ всѣ классы, тогда какъ кагалъ, не опредѣляя никакой нормы, распространилъ обязательность налога на одинъ богатый классъ. Въ чемъ же тутъ вина кагала, мы никакъ понять не можемъ.

Такимъ образомъ представляются въ совершенно новомъ свѣтѣ какъ взаимныя отношенія между кагаломъ и братствами, такъ и регламентація кагаломъ частной, семейной жизни евреевъ; стоитъ только осмыслить извѣстныя событія, и они получаютъ совсѣмъ другое значеніе; но, къ сожалѣнію, г. Брафманъ не только не далъ себѣ труда вникнуть въ смыслъ той

общественной жизни евреевъ, которую онъ взялся разоблачить, но съ намѣреніемъ истолковавъ ее въ другую сторону, онъ не останавливается ни надъ чѣмъ, лишь бы округлить какъ-нибудь свое обвиненіе противъ евреевъ.

Мы переходимъ уже къ самому перлу созданія г. Брафмана, къ тому именно, на чемъ основана «Книга кагала», къ центру ея тяжести — «*хазака*» и «*меропія*» (правильно — «*маарифіго*»), которыя вызвали столько лишнихъ размышленій у русскихъ публицистовъ съ извѣстнымъ оттѣнкомъ и заставили встревожиться нееврейскихъ собственниковъ въ томъ отношеніи, что не только недвижимое ихъ имущество, какъ сильно оно бы ни было обезпечиваемо за ними законными способами укрѣпленія, находится въ неограниченномъ распоряженіи кагала, но что и личность ихъ, не смотря на всю ощущаемую ими свободу, все-таки закабалена въ рукахъ того же кагала, который обращаетъ ее въ предметъ невидимой эксплоатаціи. Почитатели автора «Кагала» должны были бы задавать себѣ вопросъ: какимъ образомъ, при всемогущей власти кагала, мы въ состояніи совершать различныя сдѣлки отчужденія недвижимой собственности, за которую получаемъ всегда рыночный эквивалентъ, и, при личной независимости, способны сверхъ того еще передвигаться съ мѣста на мѣсто и дѣйствовать совершенно произвольно не только между собою, но и въ отношеніи къ нашимъ властителямъ? При такомъ вопросѣ намъ не было бы надобности писать цѣлые трактаты о кагалѣ, а г. Брафману не приходилось бы такъ упорно отмалчиваться, не обращая вниманія ни на какія приличія. Но дѣло въ томъ, что, пуская въ оборотъ свою недвижимость и лично дѣйствуя совершенно свободно, русское общество убѣждено однако, что все это только кажущіяся явленія, это—*меропія*, умозатмѣніе, которое такъ искусно напускаетъ на насъ кагалъ. Г. Брафману однако же удалось напугать слабосильныхъ и слабонервныхъ созданнымъ имъ

призракомъ и намъ необходимо разсѣять это грубое заблужденіе.

Прежде всего мы дожны замѣтить, что г. Брафманъ такъ перепуталъ ученіе о давности населенія (*хезкасъ-ішувъ*) съ ученіемъ о заработкѣ (*маарифіio*) и вдобавокъ приплелъ къ нимъ несуществовавшую систему отчужденія кагаломъ недвижимой собственности неевреевъ, что намъ для пересѣченія этого брафманова узла не было бы достаточно пригласить и Александра Македонскаго. А потому, при возраженіяхъ нашихъ на капитальныя нелѣпости «Книги кагала», мы должны держаться нѣсколько инаго порядка.

Понятія «*хезкасъ-ішувъ*» и «*маарифіio*» уже разъяснены гг. Шершевскимъ и Зейберлингомъ (см. «День» 1871 г. № 18 и 1870 г. № 35); но мы считаемъ необходимымъ прибавить къ тому, что ими высказано, еще нѣсколько замѣчаній. Г. Брафманъ, говоря о «хезкасъ-ішувъ», предвидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ аналогичными постановленіями нашего закона о припискѣ, а потому онъ счелъ долгомъ предупредить русское общество, что оно не должно смѣшивать право «хезкасъ-ішувъ» съ государственными законами о припискѣ иногородныхъ:» Въ *избѣ кагала* (курсивъ въ подлинникѣ), говоритъ г. Брафманъ, нерѣдко являются вопросы и послѣдней категоріи, но въ подобныхъ случаяхъ въ рѣшеніи кагала ясно изложены всѣ условія, по которымъ кагалъ соглашается на просьбу просителя и дѣло представляется на утвержденіе магистрата» (примѣчанія «Книги кагала», XXV). При этомъ, для убѣжденія читателя, г. Брафманъ ссылается на актъ подъ № 279, въ которомъ кагалъ постановляетъ включить въ число *мѣщанъ* города Минска «двѣ души изъ окрестности» съ тѣмъ, чтобы Іосифъ сынъ Моисея ручался за одну изъ нихъ уплачивать всѣ подати и повинности, а за другую — въ томъ лишь случаѣ, когда будетъ уничтоженъ коробочный сборъ. При подписаніи поручительства означеннымъ членомъ общества, кагальное начальство обязывается тотчасъ сообщить ма-

гистрату о включеніи этихъ двухъ душъ въ число *мѣщанъ* города Минска. По мнѣнію г. Брафмана, только въ этомъ актѣ рѣчь идетъ о настоящей, законной припискѣ, а въ другихъ, которые онъ помѣщаетъ между актами, подтверждающими его мысль о «хезкасъ-ішивъ» и «меропіи» (примѣчанія, XXVI), заключается предварительная сдѣлка съ кагаломъ на основаніи законовъ о «хезкасъ-ішувъ», безъ которой государственный законъ не можетъ имѣть никакого практическаго примѣненія. Держась нашего метода провѣрять взгляды г. Брафмана имъ же обнародованными актами, мы сравнили актъ подъ № 279 со всѣми прочими, съ нимъ сходными, и вполнѣ убѣдились, что выводы г. Брафмана имѣютъ свое основаніе въ полномъ его невѣжествѣ по предмету, о которомъ онъ трактуетъ съ высокомѣрнымъ тономъ ученаго, за котораго его приняла публицистика. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ актахъ одинаково говорится о припискѣ иногородныхъ членовъ кагаломъ, которому это право предоставлено было самимъ закономъ. «Отъ кагала зависитъ, говоритъ г. Леонтовичъ, приписка евреевъ къ обществу» (Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ, стр. 390), и даже по положенію 1804 года отъ кагала еще зависѣло не принимать въ свое общество лицъ, не обезпечившихъ уплаты податей *. Отсюда ясно, что во всѣхъ актахъ идетъ рѣчь о припискѣ; но различіе, открываемое г. Брафманомъ между актами и основанное на томъ, что въ одномъ только изъ нихъ, подъ № 279, кагалъ подчиняется магистрату, а въ другихъ нѣтъ, объясняется весьма просто. До положенія 1804 г. право переселенія евреевъ изъ одного города въ другой различалось по званію: купцамъ не запрещался переходъ изъ города въ городъ и даже изъ губерніи въ губернію; мѣщане же не могли переходить изъ города въ городъ безъ согласія кагаловъ, къ которымъ они приписывались,

* Сіонъ. Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи. Ѳ. Леонтовича, стр. 424.

причемъ они заносились также и въ городскія книги *. Имѣя это необходимое въ данномъ дѣлѣ свѣдѣніе, мы можемъ объяснить себѣ, почему только въ актѣ подъ № 279 упоминается о магистратѣ; въ немъ одномъ рѣчь идетъ о *мѣщанахъ*, которые, сверхъ приписки въ кагалу, должны были еще заноситься въ городскія книги, а потому необходимо было сообщить о нихъ магистрату. Въ другихъ же актахъ говорится или объ именитыхъ богачахъ (акты №№ 106 и 237) или о лицахъ, которымъ на основаніи долговременнаго и безпрепятственнаго жительства въ городѣ, выдается *безденежный* документъ, «лишь для подтвержденія прежняго права» (актъ № 29). потому, какъ видно, что въ этомъ случаѣ не усматривается никакого переселенія. Если примѣнить теорію г. Брафмана къ другимъ актамъ, не касающимся приписки, то можно убѣдиться въ ея совершенной нелѣпости. Такъ напр., между актами, относящимися къ уплатѣ долговъ кагала (№№ 9, 15, 25, 34, 39, 65, 92, 111 и 181), одинъ только актъ подъ № 34 упоминаетъ о рапортѣ кагала въ магистратъ по долгу и постановляетъ объ уплатѣ его лишь. по воспослѣдованіи оттуда указа. Слѣдуя пресловутой теоріи г. Брафмана, слѣдовало бы сказать, что только долгъ, упоминаемый въ этомъ актѣ, признавался закономъ со стороны кагала; всѣ же прочіе долги, хотя и подлежали уплатѣ по государственнымъ законамъ страны, все-таки кагаломъ не признавались. Но это будетъ абсурдъ, потому что и по прочимъ актамъ кагалъ ищетъ способовъ къ уплатѣ долговъ. Скорѣе надо думать, что въ этомъ актѣ упоминается магистратъ потому, что кагалъ рѣшилъ уплатить *наличными* деньгами, между тѣмъ какъ изъ другихъ актовъ видно, что кагалъ старается дѣлать различныя переложенія, или, можетъ быть, это по той причинѣ, что въ томъ актѣ рѣчь идетъ объ уплатѣ долга раввину, какъ лицу, занимавшему общественную должность, о чемъ должно

* Тамъ же, стр. 344. Пол. собр. зак., 11 ч. 17605.

было быть разрѣшеніе магистрата. Точно также кагалъ, опредѣляя наказанія евреямъ, иногда упоминаетъ основанія, а иногда нѣтъ: такъ въ одномъ только мѣстѣ приводится, что кагалъ опредѣляетъ наказаніе на основаніи указа мѣстнаго уголовнаго суда (актъ № 192). Однимъ словомъ, дѣлая выводы изъ актовъ, надобно относится къ нимъ съ критической оцѣнкой, которой недостаетъ г. Брафману. Онъ даже не далъ себѣ труда держаться сравнительнаго метода въ своихъ soi-disant изслѣдованіяхъ: изъ одного только сравненія актовъ между собою онъ могъ бы уже увидѣть существенное различіе и такимъ образомъ попасть на мысль о своемъ безсиліи и невѣжествѣ. Но какъ бы то ни было, указы, которые г. Брафманъ соединилъ съ понятіемъ «хезкасъ-ішувъ», оказываются выдумкою, которою мы обязаны невѣдѣнію г. Брафмана. Въ сущности же во всѣхъ актахъ идетъ рѣчь о припискѣ, вполнѣ предоставленной кагалу самимъ закономъ, а въ актѣ подъ № 279 упоминается о магистратѣ потому, что въ немъ рѣчь идетъ о *мѣщанахъ*, которые должны были быть внесены въ городскія книги.

Что же касается законовъ о «хезкасъ-ішувъ», то необходимость ихъ была признана и государственными законами, вслѣдствіе установленной для евреевъ круговой поруки при отправленіи податей и повинностей. И дѣйствительно, если присмотрѣться къ юридической казуистикѣ евреевъ, вызванной вопросами о практическомъ примѣненіи законовъ о «хезкасъ-ішувъ», то мы убѣдимся, что отвѣты на эти вопросы разнообразились, смотря потому, было-ли установлена въ какой-либо области круговая порука, или личное отправленіе податей. Вопросы эти усложнялись въ особенности тогда, когда подданные евреи одной мѣстности принадлежали различнымъ владѣльцамъ, которые держались различныхъ системъ отправленія податей *. Вопросы эти имѣли во всей Европѣ

* Любопытныя рѣшенія по этимъ вопросамъ см. въ „вопросахъ и отвѣтахъ"

того времени жизненное значеніе по причинѣ частыхъ переселеній евреевъ, которые, такимъ образомъ, тѣснили другъ друга. Рѣшенія еврейскихъ юристовъ, вызванныя вопросами о переселеніи, отличаются гуманностью: они придерживаются вообще правила, что никто не можетъ ограничивать кого-либо въ правѣ поселенія, такъ какъ «*земля дана для всѣхъ людей*», но въ крайнихъ случаяхъ полагаютъ, что слѣдуетъ запрещать иногороднымъ заниматься торговлею, которая составляетъ существенное и давнишнее занятіе горожанъ, но не въ томъ случаѣ, однако, когда ингородные продаютъ тѣ же продукты дешевле, слѣдовательно въ интересѣ горожанъ-потребителей *. Въ Минскѣ же, къ которому относятся всѣ акты, собранные г. Брафманомъ, вопросъ о «хезкасъ-ішувъ» или, что все равно, государственный законъ о припискѣ получилъ особенное значеніе въ періодъ времени, обнимающій акты г. Брафмана, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ. По указу 1795 года объ устройствѣ городовъ Минской губерніи, слѣдовало еврейское иаселеніе сосредоточить главнымъ образомъ въ городахъ, переселяя ихъ оттуда изъ селъ, съ тою цѣлью, чтобы евреи «не скитались во вредъ обществу, но, производя торги и размножая рукодѣлія и ремесла, и себѣ прибыль и обществу пользу приносили» **. Отсюда понятнымъ становится, отчего въ городѣ Минскѣ къ тому времени, къ которому относятся собранные г. Брафманомъ акты, встрѣчаются распоряженія кагала о «хезкасъ-ішувъ» или о припискѣ. Насильственное переселеніе евреевъ въ города должно было привлечь туда весь тотъ пролетаріатъ, который правительство желало сдѣлать производительнымъ, чтобы онъ и себѣ прибыль и обществу пользу приносилъ. Немудренно, по-

---

сочиненія «Нахласъ-Шива», Кенигсбергъ, №№ 2 и 3, гдѣ разрѣшаются процессы между цѣлыми общинами о правѣ торговли.

* Тамъ же.

** См. Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи г. Леонтовича. Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ, стр. 344.

этому, что минскій кагалъ, помня свою отвѣтственность предъ правительствомъ въ исправномъ отправленіи податей и повинностей, долженъ былъ, въ предупрежденіе наплыва бѣдныхъ людей, весьма рѣдко пользоваться предоставленнымъ ему по законамъ правомъ о дозволенiи приписки.

Что же касается измышленной г. Брафманомъ «меропіи», которая сдѣлалась у него греческимъ словомъ вслѣдствіе неправильнаго чтенія еврейскаго слова «маарифіо», то умозатмѣніе и вся построенная на ней система отчужденія не еврейскихъ имуществъ евреямъ ложны въ самомъ своемъ основаніи. Мы должны только прибавить то, что не было указано другими относительно «маарифіо». Римское negotius и еще болѣе нѣмецкое «Kunde» вполнѣ соотвѣтствуютъ еврейскому существительному «маарофъ» *. Но, независимо отъ ложнаго толкованія г. Брафманомъ смысла слова «маарифiio», необходимо еще указать на то, что «маарифiio» въ еврейской судебной практикѣ имѣло значеніе не установленія правилъ эксплуатаціи не-евреевъ, а опредѣленія вытекавшихъ изъ сдѣлокъ съ не-евреями гражданскихъ послѣдствій между самими евреями. Вопросъ здѣсь въ томъ: если одинъ еврей отговариваетъ другому не-еврейскихъ покупателей, подбиваетъ ему цѣну на товаръ, покупаемый у не-еврея, или ссужаетъ не-еврея капиталомъ за меньшій ростъ, чѣмъ онъ платилъ до того другому еврею, — то въ какой степени второй еврей является граждански отвѣтственнымъ предъ первымъ, т. е. слѣдуетъ ли считать подобныя дѣйствія причиняющими вредъ и убытокъ, которые слѣдовало бы вознаградить въ гражданскомъ порядкѣ. Въ томъ же § 157 «Хошенъ-гаммишпотъ» (еврейскій кодексъ), на который ссылается г. Брафманъ, говорится въ самомъ концѣ, который обыкновенно оставляется этимъ послѣднимъ

* "אדם יש לו מערף טוב" приводится въ одномъ словарѣ изъ текста еврейской письменности, что означаетъ «человѣкъ, имѣющій хорошаго «Kunde». По толкованію г. Брафмана, это значило бы: «человѣкъ, имѣющій хорошаго умозатмѣвателя», что, конечно, лишено всякаго смысла.

безъ вниманія, слѣдующее: «если одно изъ двухъ лицъ, живущихъ вмѣстѣ, желаетъ сдѣлать не-еврею заемъ за меньшій ростъ, то другое не можетъ ему въ томъ препятствовать и *такъ слѣдуетъ разрѣшать во всѣхъ подобныхъ случаяхъ*». Одно это могло бы указать г. Брафману на то, что еврейскій кодексъ допускаетъ широкую конкурренцію даже въ томъ случаѣ, когда отъ нея проистекаютъ выгоды для не-еврея и убытокъ для еврея, и вовсе не подвергаетъ гражданской отвѣтственности еврея, причиняющаго своему же единовѣрцу убытокъ. Есть очень много любопытныхъ вопросовъ, возбужденныхъ въ еврейской судебной практикѣ законами о «маарифіо»; напр. вопросъ о томъ: если не-еврей согласился съ однимъ евреемъ въ цѣнѣ за вино и затѣмъ самъ ушелъ къ другому торговцу-еврею, который согласился продать не-еврею такое же вино за меньшую цѣну,—можетъ-ли первый еврей искать со втораго за причиненный ему убытокъ въ потерянной прибыли? Авторъ «вопросовъ и отвѣтовъ», который долженъ былъ дать по этому случаю свой юридическій совѣтъ, приводитъ много интересныхъ примѣровъ изъ еврейской судебной практики, гдѣ представлялось больше основаній къ подверженію отвѣтственности еврея, препятствующаго другому въ полученіи прибыли, и указываетъ на авторитеты и на мотивы, которыми они руководствовались для освобожденія еврея отъ такой отвѣтственности предъ своимъ собратомъ. На основаніи всѣхъ приводимыхъ авторомъ серьезныхъ соображеній, онъ приходитъ къ заключенію, что еврея, препятствующаго другому зарабатывать у не-еврея, слѣдуетъ подвергать гражданской отвѣтственности только за вещественный вредъ (damnum emergens) или, какъ выражается еврейскій юристъ, за причиненіе убытка въ деньгахъ, бывшихъ уже въ рукахъ его собрата, מזיק ממון חבירו שהיה בידו *, но ни въ какомъ случаѣ за потерянную

* Какъ напр. если еврей далъ задатокъ не-еврею въ обезпеченіе себѣ купли продажи и затѣмъ другой еврей надбавилъ цѣну и купилъ тотъ же предметъ у не-еврея, и задатокъ пропалъ, то второй еврей долженъ возвратить первому

прибыль (lucrum cessans) потому, что ее и опредѣлять нельзя *. Мы бы совѣтовали г. Брафману прочесть «вопросы и отвѣты» указываемаго нами автора и внимательнѣе до конца дочитать § 156 «Хошенъ-гамишпота», и онъ долженъ будетъ убѣдиться въ томъ, что онъ ввелъ въ страшное заблужденіе русское общество. Мы же должны положительно высказаться, что «марифіо» имѣло значеніе только *для опредѣленія гражданскихъ послѣдствій между самими евреями по дѣламъ съ не-евреями*, но оно нисколько не есть ученіе объ эксплуатаціи, что опровергается и самимъ текстомъ приводимаго г. Брафманомъ параграфа изъ «Хошенъ-гамишпота». Указанное нами значеніе «марифіio« можетъ вполнѣ убѣдить, насколько слѣдуетъ придавать вѣры quasi—изслѣдованіямъ г. Брафмана.

задаточныя деньги. Очевидно, что евреямъ представлялись различныя трудности при гражданскихъ взысканіяхъ съ не-евреевъ.

* См. «вопросы и отвѣты» «Нахласъ-Шива» § 65, Кенигсбергъ.

О КАГАЛѢ. *

Еврейская замкнутость стала популярною въ Россіи со времени появленія «Книги Кагала» Брафмана, которая укрѣпила и въ административныхъ сферахъ и въ печати, а чрезъ ея посредство и въ обществѣ, основной взглядъ, что «причины гоненій и бѣдствій, постигавшихъ евреевъ въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, лежатъ въ самомъ іудействѣ, въ его отдѣльныхъ народныхъ учрежденіяхъ—въ кагалѣ». Слѣдуетъ, поэтому, выяснить, дѣйствительно-ли корпоративное устройство евреевъ, существовавшее въ Россіи до 1844 г., служило основаніемъ ненависти къ нимъ христіанскаго населенія, или же наоборотъ, не было-ли оно вызвано къ жизни внѣшнимъ гнетомъ со стороны окружавшихъ евреевъ народностей. Въ этомъ отношеніи характеристикѣ современнаго замкнутаго положенія евреевъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, необходимо предпослать очеркъ историческаго происхожденія еврейской замкнутости.

Всѣмъ извѣстно, что духъ корпораціи и внутренняго обособленія въ особенности сильно развивается подъ вліяніемъ внѣшняго гнета: не было такого періода въ исторіи человѣчества, въ который образовалось-бы столько отдѣльныхъ корпорацій, какъ въ періодъ развитія западнаго городскаго населенія, подъ вліяніемъ борьбы съ феодализмомъ, когда города, сосредоточивъ всѣ свои силы для защиты своихъ насущныхъ правъ, состовляли различныя братства и такъ называемыя

* Статья эта—докладъ, сдѣланный въ бывшей Одесской Коммисіи по еврейскому вопросу, а потому въ нее вошли нѣкоторыя мѣста изъ предъидущей статьи. *Авт.*

гильдіи, которыя подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ на жизнь и смерть боролись противъ насилія. Правила этихъ средневѣковыхъ гильдій дышатъ такою замкнутостью, съ которою кагальная не можетъ идти въ сравненіе, а между тѣмъ нельзя объяснять происхожденіе этихъ братствъ какими-нибудь національными особенностями, или началами христіанства. Кто ищетъ во всемъ настоящей причины, тотъ не станетъ заблуждаться формальнымъ и поверхностнымъ взглядомъ на вещи. Періодъ развитія кулачнаго права долженъ былъ естественно вести къ процвѣтанію корпораціи: насиліе вызываетъ защиту, анархія вызываетъ порядокъ и строгую подчиненность, сила вызываетъ право. Если мы примѣнимъ этотъ вѣрный взглядъ науки на христіанское населеніе западныхъ городовъ къ евреямъ, то мы придемъ къ весьма вѣрному заключенію, что историческая жизнь евреевъ со всѣми ея средневѣковыми ужасами должна была имѣть въ результатѣ стремленіе къ развитію корпорацій съ цѣлью защищать свои кровные интересы. Безпристрастные изслѣдователи корпоративнаго духа евреевъ должны еще тѣмъ болѣе относиться къ нимъ снисходительно, что на нихъ въ періодъ средневѣковаго варварства обрушивались вмѣстѣ всѣ тѣ разнообразныя силы, которыя, слабыя въ раздробленной борьбѣ между собой, единодушно давили и тѣснили евреевъ: съ феодализмомъ боролась королевская власть, съ городскимъ населеніемъ—феодализмъ, съ еретиками—духовенство, а съ евреями—всѣ они вмѣстѣ, такъ что евреи должны были уединяться и сосредоточивать свои внутреннія силы, что-бы выдержать это четвероякое давленіе извнѣ.

Дѣйствительно, происхожденіе многихъ уставовъ еврейскихъ обществъ среднихъ вѣковъ объясняется преслѣдованіемъ евреевъ извнѣ. Намъ извѣстны нѣкоторые уставы, выработанные еврейскими общинами и утвержденные государственною властью, въ которыхъ заключаются положительныя указанія на интересующій насъ предметъ. Но мы имѣемъ возможность пользоваться однимъ образцовымъ уставомъ, или кагальнымъ

актомъ, который относится къ XV столѣтію. Уставъ этотъ, изданный г. Кайзерлингомъ въ 1869 году по манускрипту, находящемуся въ парижской государственной библіотекѣ, составленный для испанскихъ обществъ и утвержденный королемъ Жуаномъ II, вѣроятно, съ изгнаніемъ евреевъ изъ Испаніи, былъ распространенъ по всей Германіи и могъ перейти даже послѣ къ польскимъ евреямъ, какъ прототипъ, по которому долженъ былъ сложиться внутренній бытъ еврейскихъ общинъ въ основныхъ чертахъ съ необходимыми измѣненіями по мѣстнымъ условіямъ. Онъ обнимаетъ законы объ обученіи, богослуженіи, налогахъ, сохраненіи мирав нутри общинъ.

Испанскіе кортесы сильно преслѣдовали евреевъ и постоянно требовали ограниченія ихъ въ правахъ. Въ XIV столѣтіи встрѣчается еще требованіе, чтобы у евреевъ отнято было право самосуда, но король на это отвѣтилъ, что евреи слабый народецъ, который нуждается въ особенной защитѣ и что если бы имъ приходилось разбираться у христіанскихъ судей, то это причиняло-бы имъ много вреда, и при томъ въ процессахъ ихъ допускались-бы стѣснительныя проволочки *. Далѣ г. Кейзерлингъ указываетъ на то, что съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда испанскихъ евреевъ зашла и они вытѣснены были изъ тѣхъ вліятельныхъ должностей, которыя они занимали при дворѣ и у дворянства, стала получать также широкій просторъ и народная вражда къ нимъ и начали издаваться противъ нихъ новые ограничительные законы **. Вслѣдствіе этихъ стѣсненій евреи дошли до низшей степени матеріальнаго и нравственнаго упадка: масса евреевъ стонала подъ тяжестью налоговъ. Король Жуанъ II вынужденъ былъ взять ихъ подъ свою защиту противъ «ярости народа и гнусныхъ требованій кортесовъ» и даровать имъ привилегіи, которыя возстановляли имъ право самосуда по стародавнимъ ихъ обычаямъ. Въ

* См. 4. ст. «Ежегодника для исторіи евреевъ и іудейства». Лейпцигъ 1859 г. Кастильскій общинный статутъ, стр. 70.

** Тамъ-же стран. 278.

это же время евреи, для огражденія своихъ правъ, учреждаютъ съ согласія всѣхъ общинъ статутъ, регулирующій ихъ хозяйственно-нравственные интересы. Ту же самую причину образованія статутовъ мы находимъ въ прогрессивномъ журналѣ «Гехалуцъ» (вооруженный). Особенно сильны были преслѣдованія евреевъ въ католическихъ государствахъ, гдѣ духовенство воздвигало гоненія и преслѣдованія на евреевъ, обвиняя ихъ главнымъ образомъ въ употребленіи христіанской крови и въ оскверненіи гостій, а эти гоненія заставили ихъ сплотиться въ тѣсныя общины съ уставами, статутами и кагальными актами. Исторія этой борьбы евреевъ съ окружающей ихъ средою носитъ на себѣ одинаковые слѣды во всѣхъ почти католическихъ государствахъ и повторяется поэтому и въ Польшѣ, которая передала намъ въ наслѣдство свои общественныя формы и выработанное подъ ихъ вліяніемъ кагальное устройство евреевъ.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ подтверждается нашъ взглядъ по отношенію къ евреямъ Польши и присоединенныхъ къ Россіи западныхъ губерній.

Въ Польшѣ евреи являются въ концѣ XI столѣтія, когда, съ началомъ крестовыхъ походовъ, они должны были перейти изъ Германіи, Богеміи и Венгріи въ страны, болѣе отдаленныя отъ господствовавшаго тамъ противъ нихъ духа преслѣдованій. Евреи избрали тогдашнюю Польшу, потому что тамъ они ожидали больше покровительства за содѣйствіе процвѣтанію торговли, вызванной къ жизни благоразумнымъ правленіемъ Болеслава Храбраго. Обыкновенно полагаютъ, что евреи въ Польшѣ пользовались особыми правами и привиллегіями; но это мнѣніе ошибочно. Съ одной стороны, самый характеръ этихъ законовъ указываетъ на то, что евреи не считались подданными государства и къ нимъ не могли быть примѣняемы общіе законы. И на самомъ дѣлѣ эти привиллегіи теряли всякую силу послѣ смерти королей, которыми онѣ были дарованы, до подтвержденія ихъ новыми королями; въ промежуточномъ-же періодѣ евреи оставались внѣ всякаго закона и

подвергались всякаго рода притѣсненіямъ. Во второй половинѣ XIII столѣтія калишскій герцогъ Болеславъ даетъ первую грамоту евреямъ; но по смерти его евреи дѣлаются жертвою дворянства и крестьянъ, пока въ XIV столѣтіи Казиміръ не подтверждаетъ евреямъ грамоты Болеслава. Послѣ смерти Казиміра начинается усиленіе власти дворянства и духовенства, а вмѣсѣ съ нею гоненія евреевъ, которыя при Ягеллонѣ должны носить уже, въ отличіе отъ христіанъ, красный кусокъ сукна на спинѣ. Въ Краковѣ къ этому времени монахи обвиняютъ евреевъ въ употребленіи христіанской крови, и народная толпа, разрушая ихъ дома, производитъ опустошенія, убійства и разграбленія. Ужасъ, распространяемый этимъ кровавымъ событіемъ на еврейское населеніе Польши, вынуждаетъ многихъ переселиться въ Литву, гдѣ къ нимъ были снисходительнѣе. Затѣмъ Казиміръ IV опять подтверждаетъ евреямъ ихъ право во второй половинѣ XV столѣтія, и хотя Іоаннъ Альбрехтъ не лишаетъ евреевъ привилегій, но онъ первый замыкаетъ ихъ въ Гетто, гдѣ они опять дѣлаются жертвою монаховъ, а братъ его, Александръ, отмѣняетъ прежнія грамоты евреевъ, вслѣдствіе чего начинаются опять преслѣдованія и издаются унизительные для евреевъ законы. Сигизмундъ I ограничиваетъ евреевъ въ правахъ торговли, удаляетъ ихъ отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, и въ его время евреи предаются смертной казни и сожженію за мнимое оскверненіе гостій. Въ началѣ XVI столѣтія евреи отдаются на произволъ чиновниковъ въ отношеніи взиманія съ нихъ судебныхъ пошлинъ, а затѣмъ начинаются буйные польскіе сеймы, которые издаютъ стѣснительные и позорные для евреевъ законы *. Съ другой стороны, содержаніе самихъ грамотъ указываетъ на то, что онѣ выдавались евреямъ только въ защиту ихъ отъ разныхъ обвиненій и преслѣдованій. Въ 31

* Zur Geschichte der Juden in Polen. Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums. Dresden, Jahrgang 1859.

статьѣ грамоты Болеслава Калишскаго говорится: «Согласно опредѣленію папы, мы, именемъ августѣйшаго отца, строго запрещаемъ обвинять живущихъ въ странѣ нашей евреевъ въ употребленіи человѣческой крови; если-же еврей будетъ обвиненъ христіаниномъ въ убіеніи христіанскаго ребенка, то онъ долженъ быть уличенъ въ этомъ тремя христіанскими и тремя еврейскими свидѣтелями, и тогда только онъ будетъ наказанъ: если-же онъ не будетъ въ этомъ уличенъ, то обвинитель подвергается тому-же наказанію, какому подвергался-бы еврей». Такой законъ нисколько не можетъ быть названъ привиллегіею, а скорѣе закономъ огражденія правъ евреевъ, если выразиться языкомъ законодательства Екатерины. Онъ доказываетъ, что евреи нуждались въ защитѣ противъ ложныхъ обвиненій, которыя бывали въ то время нерѣдки. Въ этой-же грамотѣ опредѣляются наказанія за насиліе, причиненное еврею, и нападеніе, сдѣланное на его домъ, а евреи изъемлются изъ-подъ судебной власти городскихъ учрежденій и подчиняются въ этомъ отношеніи или королю или его паладину. Это доказываетъ, что евреи подвергались насиліямъ и что городской судъ былъ для нихъ тягостенъ, какъ въ Испаніи судъ алькада. Кромѣ того, изъ той-же грамоты видно, что евреи подвергались излишнему противъ прочихъ гражданъ сбору товарныхъ пошлинъ, и въ случаѣ нападенія на нихъ ночью сосѣдніе христіане не считали себя обязанными спѣшить на помощь евреямъ. Что опредѣленіе наказанія христіанъ за такое жестокосердіе не было привиллегіею евреевъ, а скорѣе вызвано необходимостью, доказываетъ то, что чрезъ два столѣтія послѣ этой грамоты городъ Краковъ былъ обложенъ штрафомъ въ 3,000 гульденовъ, за то, что христіанскіе жители его не защищали евреевъ противъ рыцарей крестовыхъ походовъ, которые убили въ Краковѣ 30 евреевъ. Но 36 статья грамоты Болеслава лучше всѣхъ другихъ убѣждаетъ въ томъ, что она служила болѣе огражденіемъ правъ, чѣмъ привилегіей евреевъ. Она содержитъ въ себѣ слѣдующее опредѣленіе: «евреямъ дозволено

заниматься куплею-продажею всякаго рода товаровъ, равно и, подобно христіанамъ, *дотрогиваться до хлѣба и другихъ продуктовъ* *. Эта предоставленная евреямъ привиллегія объясняется долго господствовавшимъ противъ евреевъ предразсудкомъ, по которому евреи своими руками обворожаютъ и заражаютъ съѣстные припасы. Этотъ предразсудокъ не выведенъ былъ изъ жизни страхомъ наказанія, потому что въ позднѣйшихъ грамотахъ встрѣчается тоже самое опредѣленіе.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что содержаніе грамотъ польскихъ королей само по себѣ характеризуетъ отношеніе тогдашняго общества къ евреямъ и что грамоты эти имѣли характеръ непостояннаго, а временнаго закона, который нарушался, какъ только была къ тому возможность. Бывали примѣры, что евреи Польши очень долго не знали, къ кому обращаться за защитою своихъ правъ по смерти короля, даровавшаго имъ грамоту, когда духовенство, воспользовавшись удобною минутою, воздвигало противъ нихъ неслыханныя преслѣдованія, какъ это было послѣ смерти Казиміра Великаго и въ царствованіе Людвика Венгерскаго съ познанскими евреями **. Даже во время Казиміра Великаго, котораго всѣ считаютъ еврейскимъ царѐмъ, выходили постановленія, въ которыхъ евреи назывались *истинными врагами христіанской религіи, думающими только о томъ, какъ-бы ограбить христіанъ, ихъ имущество и богатство* ***. Нечего уже, поэтому, говорить о томъ періодѣ, когда паденіе королевской власти разнуздало польское дворянство и духовенство, которыя на сеймахъ конца XVI столѣтія и позднѣе создавали для евреевъ законы, одинъ хуже другаго, заставляя ихъ носить разные

* Тамъ же, грамота Болеслава Храбраго.

** См. Beilage zur Zeitung des Judenthums 1870. №№ 41, 42, 43, Zur Geschichte der Judenverfolgungen und der Blutjubiläen.

*** См. «Zur Geschichte der Juden in Polen», Штернберга, въ Monatsschrift.

позорные знаки и подчиняя ихъ законамъ и привиллегіямъ польскихъ городовъ.

На Литвѣ мы встрѣчаемся съ тѣми-же явленіями, что въ Польшѣ; евреямъ постоянно даются вольности и льготы, которыя постоянно нарушаются и нуждаются въ подтвержденіи, хотя во всѣхъ почти грамотахъ мы находимъ стереотипную фразу: «на вѣчныя времена», но она именно и доказываетъ необезпеченность правъ, гарантированныхъ этими грамотами. Грамота Витольда, данная литовскимъ евреямъ, есть копія съ грамоты Волеслава, которая доказываетъ, что чрезъ полтора вѣка юридическое положеніе евреевъ нисколько не улучшилось: грамота продолжаетъ защищать евреевъ отъ религіозныхъ преслѣдованій, отъ грубыхъ предразсудковъ и отъ насилія и нападенія. Гродненская грамота 1507 г. подтверждаетъ трокскимъ евреямъ право самосуда и постановляетъ: «а дабы въ дѣлахъ между ними разбиралъ войтъ жидовскій, а въ дѣлахъ съ Литвою и Русью вѣдались чрезъ трокскаго воеводу» *. Надобно знать, что всѣ грамоты, предоставляющія евреямъ судиться своими войтами, вызываются жалобами на притѣсненія со стороны другихъ судовъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, въ которыхъ обыкновенный судъ надъ евреями могъ-бы повести къ жестокимъ несправедливостямъ, какъ напримѣръ «въ помовахъ о дети и сакраментъ», власть судебная принадлежитъ самому господарю, великому князю литовскому, который досматриваетъ и судитъ дѣла на сеймѣ валномъ вмѣстѣ съ радой своею **. Въ этой же грамотѣ второй половины XVI столѣтія мы находимъ, что евреи сошлись съ великими жалобами на то, что «они великіе кривды и шкоды и мордерства терпятъ противъ правамъ своимъ» и просятъ объ огражденіи ихъ правъ, въ особенности-же о подтвержденіи двухъ артикуловъ, защищаю-

* Собраніе актовъ и грамотъ Вильно, Трокъ и др. № 68.

** Грамоты великихъ князей литовскихъ, собранныя и изданныя подъ редакціею гг. Антоновича и Козловскаго.

щихъ ихъ противъ обвиненій «въ мордоване детей христіанскихъ и о сакраментѣ». Убѣдившись въ томъ, что обвиненія эти ложны и что настоящая причина ихъ заключается въ томъ, чтобы удобнѣе можно было «жидовъ зъ местъ выкореныти», великій князь литовскій постановляетъ, чтобы дѣла о сакраментѣ и рѣзаніи христіанскихъ дѣтей вѣдались судомъ господарскимъ. Во всякомъ случаѣ изъ этой грамоты видно, что евреи во второй половинѣ XVI столѣтія, кромѣ этихъ гнусныхъ обвиненій, терпѣли всякія кривды и шкоды и мордерства. Независимо отъ сказаннаго мы убѣждаемся изъ этой грамоты еще и въ томъ, что она не надолго гарантировала евреямъ ихъ права, или лучше, ограждала ихъ отъ безправія, потому что она, установленная «на вѣчные часы», предусматриваетъ, однако, случаи такого рода: 1) что изъ канцеляріи великаго князя могли выходить листы, противные привиллегіямъ грамоты; 2) что урядники великаго князя могли противиться велѣнію его. Эти случаи, какъ видно, бывали нерѣдко, и по нимъ можно судить о твердости юридическаго порядка того времени вообще и въ отношеніи къ евреямъ въ особенности. И дѣйствительно, мы находимъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ внушенія, дѣлаемыя князьями своимъ намѣстникамъ, чтобы они не дѣлали «похвилокъ и утѣсненія жидамъ» *. Въ концѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ опять грамоту короля Стефана, который во вниманіе «къ недостаткамъ и убожеству жидовъ троцкихъ», освобождаетъ ихъ отъ повинности и подтверждаетъ имъ грамоту Сигизмунда 1507 г.

Позднѣйшія грамоты XVII и XVIII столѣтій, впервые обнародованныя г. Фогельсономъ въ «Витебскихъ Вѣдом.» (№№ 29—32 1858 г.), а затѣмъ перепечатанныя въ «Вѣстникѣ юго-западной Россіи», подтверждаютъ то же самое. Изъ грамоты Яна III 16-го марта 1679, данной витебскимъ евреямъ, видно, что она «возобновляетъ и утверждаетъ спокойное жи-

* Собраніе грам. и актовъ Вильно, Трокъ и др. № 71.

тельство евреевъ», которыхъ стали несправедливо не допускать къ предоставленнымъ имъ вольностямъ и запрещали имъ «нѣкоторыя торговыя производства». Далѣе, грамоты короля Михаила 1675 г. и предписаніе виленскаго каштеляна Казиміра Паца 11-го января 1667 г. доказываютъ, что у евреевъ чаусскихъ насильно отняты были ихъ земли и плацы, доставшіеся имъ по наслѣдству отъ умершихъ и «въ Москву въ плѣнъ забранныхъ» евреевъ, и что евреи терпѣли сильныя притѣсненія со стороны городскихъ судовъ, вызвавшія необходимость въ подчиненіи ихъ суду воеводскому, или намѣстническому съ правомъ апелляціи къ королю и королевскому суду. Насколько эти грамоты доставили евреямъ дѣйствительно обезпеченное положеніе, доказываетъ грамота Августа III 9-го марта 1739 г., въ которой чрезъ 64 года говорится, что, не смотря на всѣ предписанія ландвойтамъ, бургомистрамъ и ратманамъ города Чауссъ, евреямъ все-таки дѣлаютъ препятствія въ возвращеніи земель и плацовъ и въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности, равно и разныя притѣсненія по суду по противозаконному привлеченію ихъ мѣщанами къ податямъ и налогамъ; а потомъ король Августъ ратификуетъ и «желаетъ имѣть на вѣчныя времена и въ полной силѣ и ненарушимости» грамоту короля Яна, который съ своей стороны прежде «утверждалъ, укрѣплялъ и одобрялъ во всѣхъ пунктахъ, параграфахъ и подробностяхъ привилегію своего всепресвѣтлѣйшаго предмѣстника» о тѣхъ же вольностяхъ невѣрнымъ жидамъ и тоже «желалъ, чтобы беззаконія и насилія во всемъ этомъ евреи ни отъ кого не терпѣли, на что, для большей вѣры, печать великаго княжества литовскаго приложить» повелѣлъ. Послѣдняя грамота Августа III 13-го августа 1759 г. подтверждаетъ разныя грамоты своихъ предмѣстниковъ по жалобамъ невѣрныхъ жидовъ города Витебска о воспрещеніи имъ производства торга и несправедливомъ лишеніи ихъ правъ въ ущербъ казны Рѣчи Посполитой и частныхъ лицъ о притѣсненіи ихъ гражданами и городскими цехами.

Просьба невѣрныхъ евреевъ города Витебска и всего тамошняго общества признается справедливою и съ правомъ посполитнымъ согласною, и грамота оканчивается слѣдующими словами: «Затѣмъ мы, король, на внесенную отъ имени невѣрныхъ * евреевъ витебскихъ и всего тамошняго общества просьбу благосклонно снисходя и желая, чтобы евреи витебскіе правами и преимуществами своими довольствовались, вышеизложенную подтвердительную привилегію во всѣхъ пунктахъ, параграфахъ, артикулахъ и условіяхъ властію и авторитетомъ нашимъ королевскимъ утверждаемъ, укрѣпляемъ и одобряемъ, евреевъ витебскихъ настоящаго и будущаго времени при ихъ правахъ оставляемъ и обезпечиваемъ. Дано въ Варшавѣ 13-го августа 1759 г., царствованія же нашего въ 26-е. Августъ король». **. Такимъ образомъ, послѣдовательный рядъ приведенныхъ нами грамотъ, доходящихъ до второй половины XVIII вѣка, на которыя обыкновенно ссылаются, какъ на доказательство привилегированнаго положенія евреевъ Польши и Литвы, пользовавшихся будто разными вольностями и льготами, положительно убѣждаетъ насъ въ томъ, что евреи находились въ положеніи безправія, при которомъ религіозное преслѣдованіе, нарушеніе личныхъ и имущественныхъ правъ считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Не надобно забывать, что ев-

* Въ 34 сг. «Ординаціи судовъ кременецкаго войтовства» 26-го января 1867 г. говорится: «Хорошо, чтобы каждый имѣлъ свой титулъ, всюду употребляемый; поэтому слѣдующіе титулы должны быть писаны сообразно съ достоинствомъ каждаго: мѣщанинъ—slavetny, предмѣщанинъ—uczcivy; возный—opatrzny, крестьянинъ — rabozry, пахолокъ городской — posbusrny, турокъ и татаринъ — voienny, палачъ -vyzvolony, помощникъ палача (podicacik)—smieleczynęcy, цыганъ—-orozliw, жидъ — nievierny». См. нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ Ж. М. Н. П., декабрь 1868 г.. Владимірскій-Будановъ.

** См. «Вит. Губ. Вѣд.» №№ 29—32 1858 года, часть неоффиціальную «Апологію евреевъ-витеблянъ» Б. М. Фогельсона, который въ концѣ статьи прибавляетъ, что всѣ 5 обнародованныхъ имъ грамотъ, изъ которыхъ позднѣйшія 3 на пергаментѣ писаны, за печатью великаго князя литовскаго, дошли къ нему по наслѣдству отъ предковъ и могутъ быть предъявляемы каждому, желающему удостовѣриться въ справедливости имъ сказаннаго.

реи, какъ видно изъ грамоты Августа III, приглашались для заселенія Польши и Литвы съ цѣлью оживить торговую и промышленную дѣятельность городовъ и мѣстечекъ, пришедшихъ въ большой упадокъ отъ раззоренія ихъ бывшими войнами и обезлюдѣвшихъ отъ моровой язвы, и что другіе не могли «безъ явныхъ потерь въ хозяйствѣ» пріѣзжать для заселенія ихъ. Поэтому весьма естественно, что королевская власть не могла отказывать евреямъ въ подтвержденіи имъ прежнихъ грамотъ; но въ сущности дѣло ограничивалось однимъ только утвержденіемъ и укрѣпленіемъ правъ евреевъ, потому что мы встрѣчаемъ грамоты, которыя подтверждались по три и четыре раза и все-таки не обезпечивали евреямъ тѣхъ правъ, которыя они захотѣли закрѣпить за ними якобы на вѣчныя времена большими и малыми печатями великаго княжества литовскаго. Кромѣ того, слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на то, что ходатайства о подтвержденіи грамотъ могли исходить или отъ городовъ болѣе или менѣе значительныхъ, которые помощью связей могли «вносить» королямъ свои жалобы на разныя притѣсненія чрезъ посредство придворныхъ сановниковъ, или же отъ городовъ, доведенныхъ насиліями и притѣсненіями разнаго рода до крайняго убожества, при которомъ являлась уже необходимость въ освобожденіи отъ повинностей, какъ было, напримѣръ, съ трокскимъ обществомъ. Что же могло быть съ городами средней руки, о которыхъ мы не находимъ никакихъ грамотъ? Неужели можно полагать, что они находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ города болѣе или менѣе сильные, какъ Вильно, Витебскъ, Минскъ, Гродно и др.? Мы не согрѣшимъ противъ исторической правды, если скажемъ, что положеніе евреевъ среднихъ городовъ было крайне печальное: или они вовсе никакихъ грамотъ не имѣли, или же никогда не могли добиться подтвержденія старыхъ грамотъ и должны были подчиниться силѣ тогдашнихъ обстоятельствъ, или, говоря другими слова-

ми, насилію и произволу со всѣми ихъ ужасающими послѣдствіями.

Картина печальнаго положенія и необезпеченности правъ евреевъ выступитъ еще ярче, если укажемъ въ общихъ чертахъ на произволъ, господствовавшій въ городахъ западнаго края въ періодъ процвѣтанія магдебургскаго права. Право это создало въ этихъ городахъ въ высшей степени сложный механизмъ управленія и суда, который напоминаетъ намъ феодальный періодъ съ его аллодами, феодами и имунитетами. Мы видимъ разнообразные органы власти и суда, которые находятся между собою въ постоянной борьбѣ: органы королевской власти—съ помѣщичьей и городскими учрежденіями; высшія и низшія городскія власти—между собою; мѣщане — съ городскими учрежденіями и цехами; духовенство и шляхетство—съ мѣщанами. Сколько было разнообразныхъ властей управленія, столько же было и разнообразныхъ судовъ: королевскій, земскій, духовный, городской, трибунальный, магдебургскій и цеховой; затѣмъ различныя изъятія изъ подсудности тому или другому суду. Власть административная и судебная, основанія подсудности, — все это такъ перекрещивалось и перепутывалось между собой, что нельзя было установить не только точныхъ, но вообще какихъ бы то ни было отношеній къ этимъ властямъ сословій или націй, изъ которыхъ одни тянули другихъ къ ненадлежащимъ судамъ. Но еще болѣе странно то, что путемъ договорнымъ можно было измѣнять основанія подсудности: такъ, напримѣръ, ковенскіе мѣщане-евреи и заключаютъ договоръ, въ которомъ, между прочимъ, встрѣчается условіе о томъ, что «жиды не должны тянуть христіанъ къ земскому суду, не обратившись сначала къ суду городскому» *. Среди этого безначалія, при которомъ всякое сословіе, промыселъ и профессія должны были дѣйствовать только самозащищеніемъ и враждебно стоять въ отноше-

* Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ Ж. М. Н. Пр., декабрь, 1853 г.

ніи къ другому сословію, промыслу и т. д. *, можно себѣ составить ясное понятіе, въ какой мѣрѣ различные органы власти и сословія относились съ уваженіемъ къ правамъ евреевъ и къ какимъ средствамъ должны были прибѣгать евреи, чтобы въ этомъ состояніи крайней необходимости охранять себя отъ своеволія всѣхъ враждовавшихъ между собою элементовъ.

Въ періодъ господства магдебургскаго права евреи пользовались своимъ собственнымъ судомъ; тѣмъ не менѣе, ихъ часто привлекали къ суду по магдебургскому праву, что было соединено для нихъ со многими стѣсненіями. Чаускіе евреи жалуются на притѣсненія, которымъ они подвергаются вслѣдствіе привлеченія ихъ къ магдебургской юрисдикціи **. То же самое повторяется и въ другихъ грамотахъ. Литовскіе евреи жалуются, что «ихъ продаютъ въ ихъ справахъ и судахъ, нарушаютъ ихъ правилья и вольности, не хотятъ справлять ихъ и судить по ихъ стародавнимъ правамъ, отъ чего они терпятъ *многія тягости* и приходятъ въ *убожество*» ***. Однимъ словомъ, безчисленныя грамоты свидѣтельствуютъ о нарушеніи земскаго права евреевъ и стѣснительномъ подчиненіи ихъ магдебургской юрисдикціи. Съ другой стороны, городскіе цехи или насильно приписываютъ евреевъ къ своему устройству †, или-же не допускаютъ вовсе евреевъ къ занятію цеховымъ дѣломъ, что и вызываетъ особыя вольности въ родѣ той, что евреямъ дозволяется производить ремесла и имѣть цирульню †† Въ первой четверти XVIII вѣка назначеніе въ Каменцѣ «нѣкоего жида Майерку лѣчить не только солдатъ, но и людей всякаго званія» считается нарушеніемъ интере-

---

* Тамъ же.

** См. грам. чаус. евр. «Витеб. Губ. Вѣдом.», №№ и др.

*** См. Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи Ф. Леонтовича. Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ, стр. 297.

† См. грам. Августа III 1759 г. «Витеб. Губ. Вѣд.» 1858 г.

†† Тамъ же, № 30.

совъ городскихъ хирурговъ и даже оскорбленіемъ римско-католической вѣры *.

Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи евреи еще не считались подданными русскаго государства, на нихъ не распространяли дѣйствія общихъ законовъ и ссылались въ отношеніи къ нимъ «на прежніе польскіе законы и установленія о различіи ихъ противъ христіанъ» **. Положеніе 1786 г. подтверждаетъ властямъ, что онѣ обязаны удовлетворить евреевъ за снесенные дома наравнѣ съ прочими, «не изъемля ихъ отнюдь отъ сего удовлетворенія противу другихъ *по различію единственно въ законѣ*», и что впредь они должны поступать съ «предосторожностью и разсмотрѣніемъ», чтобы жители (т. е. евреи) «не лишались своей собственности безъ должнаго ихъ удовлетворенія и отъ того не терпѣли убытковъ и разоренія». Отсюда ясно видно, что до изданія общаго положенія о евреяхъ 1786 г., вызваннаго заявленіями евреевъ бѣлорусскихъ губерній о своихъ нуждахъ, къ евреямъ примѣняли стѣснительные для нихъ законы Рѣчи Посполитой, въ которыхъ дѣлалось различіе «по различію въ законѣ». Положеніе же 1786 г. подчиняетъ евреевъ общимъ законамъ, которые отнимаютъ у нихъ право винокуренія, бывшаго единственнымъ способомъ къ ихъ пропитанію, и не даетъ имъ даже отсрочки для пріисканія новыхъ способовъ; это же положеніе подчиняетъ евреевъ общему суду въ то время, когда въ этихъ судахъ относились къ нимъ не съ тѣмъ безпристрастіемъ, какое наблюдали по отношенію къ другимъ: по жалобѣ евреевъ «о вымогательствахъ помѣщиками несноснаго и необыкновеннаго, по сущему ихъ разоренію, платежа за построенныя на ихъ плацахъ зданія», сенатъ приказываетъ разсмотрѣть это дѣло «*съ тѣмъ-же безпристрастіемъ*, съ каковымъ дѣла

* См. Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Ж. М. Н. Пр., ноябрь, 1868 г., стр. 579.

** См. полное собр. зак. т. XXII 16,391.

прочихъ бѣлорусскихъ жителей въ судахъ наблюдаются *. — Далѣе положеніе отказываетъ евреямъ въ ихъ просьбѣ «о расчисленіи состоящихъ на нихъ разными кредиторами нажитыхъ по показуемымъ ими *бывшимъ на нихъ* гоненіямъ *долговъ* на части и о предписаніи требовать съ нихъ тѣхъ долговъ въ разные сроки, а не вдругъ». Ясно, такимъ образомъ, что положеніе 1786 г. хотя и имѣетъ своею цѣлію огражденіе правъ евреевъ, нисколько ея не достигаетъ, потому что изъ положенія 1804 г. усматривается: 1) что ремесленныя или цеховыя управленія препятствовали евреямъ въ развитіи земледѣлія и промышленности; 2) что еще послѣ положенія 1786 г. присвоивали себѣ собственность евреевъ, располагали ихъ трудомъ и даже укрѣпляли ихъ лично; 3) что жалобы евреевъ на обиды не принимались отъ нихъ въ присутственныхъ мѣстахъ; 4) что помѣщики, на земляхъ которыхъ евреи жили, присвоивали себѣ надъ ними право гражданскаго и уголовнаго суда **. Справедливо поэтому мнѣніе профессора Леонтовича, что основное начало, принятое первымъ положеніемъ о евреяхъ (т. е. начало равенства *безъ различія закона и состоянія*) и доселѣ еще не вполнѣ привилось къ жизни и что оно никогда не пріобрѣтало вполнѣ практическаго значенія, оставаясь не болѣе, какъ началомъ теоретическимъ ***. Однимъ словомъ, и тутъ ограждаютъ права евреевъ, и они нарушаются впредь до новаго подтвержденія объ ихъ огражденіи. И еще болѣе замѣчательно то, что рядомъ съ мнимымъ подчиненіемъ евреевъ общимъ законамъ страны, оставляются уѣздные и губернскіе кагалы для раскладки податей. Россія, занятая въ то время округленіемъ своихъ окраинъ и внѣшними войнами, мало имѣла времени для устраиванія внутренняго порядка вообще и въ особенности между чуждымъ племенемъ, которое оставалось внѣ законовъ и обращало на себя вниманіе прави-

* Тамъ-же, пунктъ 4.

** См. П. П. Собр. Зак. 21,547, статьи 23, 44 и 49.

*** Сіонъ, стр. 343.

тельства только «многократными своими жалобами» о разнаго рода «утѣсненіяхъ».

И такъ, мы видѣли совершенно сходныя явленія на западѣ Европы, въ Польшѣ, Литвѣ и у насъ въ Россіи до начала XIX столѣтія; мы видѣли, что евреи долго не признавались подданными тѣхъ странъ, въ которыхъ они жили, что имъ приходилось выдерживать настоящую борьбу со многими разнообразными элементами. Періодъ кулачнаго права, безвозвратно исчезнувшій для другихъ, продолжался для евреевъ нѣкоторыхъ странъ вплоть до XIX столѣтія, а въ другихъ воскресаетъ по временамъ и теперь со всѣми своими гибельными послѣдствіями. Естественно поэтому, что евреи должны были уединиться въ особыя общины и охранять свои интересы отъ внѣшняго насилія всѣми средствами, какія только могутъ быть дозволены въ состояніи необходимой обороны. Первый кагальный статутъ, выработанный еврейскими общинами и утвержденный государственною властью, относится къ XV столѣтію, хотя, можетъ быть, и раньше уже существовали нѣсколько организованныя еврейскія общины съ внутреннею властью для защиты. Но никакъ нельзя полагать, чтобы еврейскій кагалъ существовалъ въ періодъ возникновенія христіанства, какъ утверждаетъ Брафманъ, потому что въ первые 3 вѣка христіанской эры христіане подвергались болѣе сильнымъ преслѣдованіямъ, чѣмъ евреи, и сами должны были думать о защитѣ. Весьма любопытно, что Брафманъ, утверждающій, что кагалъ былъ причиною преслѣдованій евреевъ, начиная съ перваго вѣка христіанской эры, не указываетъ ни на одинъ историческій фактъ для подтвержденія своего мнѣнія. Равнымъ образомъ, Брафманъ скрываетъ также тотъ неоспоримый фактъ, что въ Польшѣ и Литвѣ кагалъ создается дарованіемъ евреямъ права самоуправленія на основаніи ихъ земскаго права, которое даровалось и всѣмъ другимъ племенамъ, привлеченнымъ въ эти страны съ экономическо-промышленною цѣлью, и что сила кагала крѣпнетъ и вырабатывается подъ вліяніемъ борьбы

съ горожанами-мѣщанами, ихъ магдебургскимъ правомъ, цеховымъ устройствомъ и соединенными съ ними—анархіею, произволомъ и своеволіемъ, въ сравненіи съ которыми кагальный порядокъ представляется, сравнительно, образцовымъ учрежденіемъ и даже нравственнымъ, потому что изъ самыхъ актовъ, обнародованныхъ Брафманомъ, видно, что кагалъ всегда радѣлъ объ интересахъ своей общины и самъ подчинялся закону и рѣшеніямъ суда. По мнѣнію извѣстнаго ученаго Френкеля, кагальныя учрежденія были единственнымъ спасеніемъ евреевъ среди господствовавшаго кругомъ нихъ варварства и насилія. Дарованное-же евреямъ Польши и Литвы кагальное право въ смыслѣ власти вскорѣ потеряло свой первоначальный характеръ и орудіе власти превратилось въ средство обороны, дѣйствовало усиленно въ теченіи цѣлыхъ пяти вѣковъ и въ этомъ-же видѣ перешло въ Россію, въ которой финансовые виды побуждали къ сохраненію кагала. Разумѣется, что при существовавшемъ въ это время порядкѣ вещей, представленномъ нами выше, кагалъ долженъ былъ еще надолго сохранять свое прежнее значеніе, потому что законы, ограничивавшіе его широкую власть, сами не могли привиться къ жизни, условіямъ которой болѣе соотвѣтствовало еще право самозащиты, чѣмъ твердый, юридическій порядокъ общежитія. Это весьма естественно, потому что внѣшняя законодательная норма никогда не можетъ пересоздать внутренній строй жизни, долго слагавшійся по совершенно другимъ началамъ; мысль наша окажется еще болѣе вѣрною, если вспомнимъ, что законодательство Россіи конца XVIII вѣка, направленное противъ всякихъ исключительныхъ порядковъ и въ томъ числѣ противъ порядка кагальнаго, развилось подъ вліяніемъ чуждыхъ общественной жизни Россіи идей XVIII вѣка.

Изъ представленнаго, такимъ образомъ, ряда историческихъ фактовъ можно убѣдиться въ томъ, что не кагалъ былъ причиною преслѣдованія евреевъ, а что, напротивъ, необезпеченность въ правахъ и простое небреженіе къ интересамъ ев-

реевъ—создавали, поддерживали и питали силу еврейскаго кагала.

Мы довели исторію еврейской замкнутости до перваго общаго о евреяхъ положенія 1804. Но, имѣя въ виду, что объ организацій кагальныхъ учрежденій по положеніямъ 1804 и 1835 гг. у насъ уже не мало говорилось, я, до перехода къ установленію современной замкнутости евреевъ, считаю долгомъ вкратцѣ только указать на начало, легшее въ основаніе удержанія кагала въ теченіе первой почти половины XIX столѣтія и на вытекавшую оттуда задачу самой дѣятельности кагала.

Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи правительство оставило возникшій на началахъ магдебургскаго права еврейскій кагалъ, въ которомъ оно усмотрѣло весьма сподручное орудіе для обезпеченія исправнаго исполненія евреями государственныхъ податей и повинностей, въ томъ числѣ рекрутскихъ и земскихъ. Такъ какъ главною задачею кагала было, такимъ образомъ, достиженіе, подъ его отвѣтственностью предъ правительствомъ, финансовыхъ цѣлей государства, то послѣднее болѣе заботилось объ опредѣленіи степени отвѣтственности кагаловъ, чѣмъ круга предоставленныхъ имъ правъ, или установленія опредѣленныхъ и твердыхъ отношеній кагала къ обществу и правительственнымъ учрежденіямъ. Цѣль кагаловъ сама по себѣ уже указываетъ на довольно тяжелую ихъ отвѣтственность, которая еще болѣе возрастала по мѣрѣ обложенія евреевъ двойными противъ прочихъ подданныхъ налогами, податями и сборами *. Понятное дѣло, что еврейскій кагалъ, сравнительно съ другими учрежденіями, поставленъ былъ въ болѣе затруднительное положеніе необходимостью

* Двойной процентный сборъ съ еврейскихъ купцовъ, двойной процентъ съ купеческихъ наслѣдственныхъ капиталовъ, двойная подушная подать съ мѣщанъ, двойной платежъ накладныхъ и двойная подушная подать съ мѣщанъ и купцовъ на содержаніе почтъ. См. „Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ“ Ф. Леонтовича.

изысканія средствъ и способовъ къ исполненію своей задачи, и при томъ такому исполненію, при которомъ требованія правительства не ложились бы тяжелымъ гнетомъ на бѣдныя еврейскія общества. Изъ отвѣтственности кагала предъ правительствомъ вытекало предоставленное ему закономъ право внутренней организаціи общинъ, приписка къ своимъ обществамъ новыхъ членовъ и освобожденіе старыхъ. И эти права скорѣе слѣдуетъ разсматривать какъ обязанности, потому что податная система, легшая въ основаніе устройства и управленія еврейскихъ обществъ и превратившая кагалы въ отдѣльныя податныя единицы, невольно налагала на нихъ обязанность пріурочивать къ этой системѣ внутреннее устройство общинъ и численный ихъ составъ. Даже положеніе 1835 г., которое впервые опредѣляетъ права и обязанности кагаловъ, выходитъ изъ того же стариннаго податнаго начала и подчиняетъ кагаламъ еврейскія общества въ хозяйственно-административномъ отношеніи, возлагая на нихъ обязанности въ правильномъ отправленіи государственныхъ податей, въ образованіи средствъ для удовлетворенія разныхъ общественныхъ долговъ, въ завѣдываніи всѣми общественными сборами, въ попеченіи о народномъ продовольствіи, поддержаніи въ еврейскихъ обществахъ порядка и т. п.

Это финансовое податное начало, исключающее взглядъ на еврейскія общества, какъ на сословіе лицъ въ государствѣ, выдѣлило евреевъ въ особый податной контингентъ и тогда, когда правительство въ 1844 г. уничтожило кагальное устройство еврейскихъ общинъ. Какъ извѣстно, въ 1844 г. правительство подчинило евреевъ въ судебно-административномъ отношеніи общимъ учрежденіямъ имперіи, но въ отношеніи хозяйственномъ, хотя и подчинило еврейскія общества городскимъ общественнымъ управленіямъ, правительство, однако, оставило одну существенную часть кагальнаго строя, а именно коробочный сборъ, какъ единственно полезную финансовую мѣру, оказавшуюся необходимою въ интересахъ обезпеченія

уплаты общественныхъ долговъ, государственныхъ податей и повинностей и удовлетворенія общественныхъ нуждъ евреевъ.

Обращаясь къ группѣ предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ суммъ коробочнаго сбора, я прежде всего считаю долгомъ выяснить, что утвердившійся въ обществѣ и администраціи взглядъ о томъ, что существовавшій у евреевъ издавна коробочный сборъ для удовлетворенія ихъ общественныхъ нуждъ сталъ впослѣдствіи лишь назначаться правительствомъ для уплаты общественныхъ долговъ евреевъ и государственныхъ податей и повинностей, не согласенъ съ историческою дѣйствительностью. Первоначально коробочный сборъ учреждался кагалами не для удовлетворенія еврейскихъ нуждъ, а для уплаты общественныхъ долговъ. Въ 1807 году даже было предположеніе, по уплатѣ всѣхъ долговъ, вовсе отмѣнить коробочный сборъ *, а въ 1826 г., вслѣдствіе возникшаго въ общемъ собраніи правительствующаго сената разногласія, государственный совѣтъ поставилъ къ разрѣшенію вопросъ: «на уплату-ли состоящихъ на еврейскихъ обществахъ долговъ, или на платежъ казенныхъ податей и недоимокъ обращать коробочные еврейскіе сборы?»—и разрѣшилъ его слѣдующимъ образомъ: преимущественно уплачивать долги, а за уплатою ихъ обращать коробочные сборы на уплату государственныхъ податей и повинностей (В. П. С. З. т. I № 433). Лишь Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 18-го октября 1829 г. разрѣшено губернскимъ правленіямъ производить изъ коробочныхъ сборовъ расходы, относящіеся къ исполненію обрядовъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Необходимость удовлетворенія этихъ расходовъ изъ суммъ коробочнаго сбора подтверждается въ сказанномъ мнѣніи тѣмъ, что «безъ выдачи на сіи расходы части коробочныхъ сборовъ не является ко взятію ихъ на откупъ желающихъ» (В. П. С. З. т. IV № 3195). Такимъ образомъ, первоначально ев-

* «Кіевлянинъ» 1868 г. № 105

реи вынуждены были создать коробочный сборъ для уплаты долговъ, и затѣмъ правительство, усмотрѣвъ обезпечительность этого сбора въ отношеніи долговъ, распространило его платежныя средства и на удовлетвореніе государственныхъ податей, и послѣ этого лишь евреи обнаружили также естественное желаніе обратить этотъ сборъ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ,—желаніе, выразившееся въ неявкѣ ко взятію коробочнаго сбора съ торговъ.

Объяснивъ постепенный порядокъ обращенія коробочныхъ сборовъ на различные предметы, изъ нихъ удовлетворяемые. я считаю еще необходимымъ вкратцѣ выяснить происхожденіе общественныхъ долговъ, о которыхъ въ русскихъ источникахъ почти не имѣется свѣдѣній. Наше сообщеніе объ этомъ предметѣ основано: 1) на проектѣ прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, внесенномъ въ палату депутатовъ и имѣвшемъ своею цѣлью уничтоженіе долговъ католическимъ монастырямъ со стороны еврейскихъ общинъ бывшей польской провинціи Познани; 2) на сочиненіи профессора Вейля: «Исторія преслѣдованій евреевъ и кровавыхъ юбилеевъ»; 3) на сочиненіи историка Греца подъ названіемъ «Франкъ и Франкисты» и 4) на «Обозрѣніи пребыванія еврейскаго народа въ Европѣ», переведенномъ съ польскаго. Долги познанскихъ еврейскихъ общинъ возникли изъ-за того, что выстроенная евреями синагога бросала свою тѣнь на зданіе доминиканскаго монастыря. Возбужденный однимъ изъ доминиканцевъ, Ричиволемъ, народъ въ 1370 г. избилъ евреевъ Познани и разграбилъ ихъ имущество. Набожный король Людвигъ I венгерскій не считалъ себя въ правѣ мѣшаться въ дѣло евреевъ съ духовенствомъ. Вслѣдствіе этого евреи обратились къ папѣ Григорію XI, который учредилъ коммисію для диспута съ евреями по нѣкоторымъ важнымъ религіознымъ пунктамъ. Евреевъ искусно и умно защищалъ выборный депутатъ Елкона, и диспутъ кончился тѣмъ, что папа Григорій XI разослалъ посланіе ко всѣмъ дворамъ и властямъ: «чтобы впредь евреи считались оправдан-

ными отъ всѣхъ возводимыхъ на нихъ слѣпыми предразсудками и суевѣріемъ обвиненій и чтобы духовенство отнынѣ имѣло въ виду проповѣдывать любовь ко всѣмъ людямъ, уваженіе и миръ не только относительно христіанъ, но и евреевъ». Тѣмъ не менѣе тотъ-же Ричиволь впослѣдствіи воспользовался случившимся падежомъ скота и, приписывая происхожденіе его тому, что евреи обокрали доминиканскую церковь и закопали гостіи въ полѣ, гдѣ онѣ, благодаря искусному подговору дѣвки Анны, дѣйствительно были найдены, вновь возбудилъ народное преслѣдованіе евреевъ. Владиславъ V, находившійся тогда въ Вильнѣ, далъ евреямъ защиту, но она подоспѣла въ Познань, когда уже дымился пепелъ костра, на которомъ евреи были сожжены. Начался новый процессъ съ доминиканцами о судебномъ убійствѣ,—процессъ, который продолжался 120 лѣтъ и окончился тѣмъ, что познанское еврейское общество не только приговорено было къ платежу ежегодно къ празднику Тѣла Христова налога въ 800 злотыхъ, но высылать ежегодно отъ себя трехъ представителей, которые, одѣвшись въ черныя кожи, наложивъ на себя оковы и неся большую доску, на которой должна быть изображена исторія о трехъ гостіяхъ, должны идти впереди торжественной процессіи. Евреи въ теченіе 170 лѣтъ исполняли эту позорную церемонію, которая затѣмъ была переложена на натуральныя повинности, состоящія въ ежегодномъ доставленіи въ пользу доминиканскаго монастыря извѣстнаго количества пороха, деревяннаго масла, воска и растопленнаго сала. Вслѣдствіе невозможности исполненія этихъ повинностей образовались на еврейскихъ обществахъ недоимки, которыя, ко времени ходатайства министра объ уничтоженія долговъ, составляли 100,000 талеровъ. Краковская духовная академія имѣла обезпеченный на разныхъ кагалахъ капиталъ въ 550,000 польскихъ золотыхъ, а въ другихъ провинціяхъ великой и малой Польши суммы, обезпеченныя на разныхъ еврейскихъ кагалахъ, доходили до 6.000,000 польскихъ золотыхъ.

У насъ въ Россіи долги, слѣдовавшіе католическимъ монастырямъ и перешедшіе затѣмъ къ русскому правительству, образовались подъ вліяніемъ тѣхъ-же условій. Въ Каменецъ-Подольскѣ 20-го іюня 1757 г. былъ диспутъ между франкистами и талмудистами, который имѣлъ своимъ результатомъ объявленіе евреевъ-талмудистовъ врагами христіанства, жаждущими ихъ крови и стоящими внѣ закона. Къ диспутамъ евреи должны были являться подъ страхомъ наказанія денежными штрафами, а издержки по диспутамъ возлагались на еврейскія общества. Изъ книги кагала Брафмана, отъявленнаго врага евреевъ, видно, что кагалы установляли коробочные сборы въ различныхъ формахъ для уплаты всѣхъ извѣстныхъ долговъ католическимъ монастырямъ. Очевидно, что долги эти пользовались большою популярностью между не-евреями, а между тѣмъ въ настоящее время они фигурируютъ въ русскихъ законахъ подъ названіемъ *долговъ общественныхъ*, значеніе которыхъ христіанамъ неизвѣстно. Такимъ образомъ до настоящаго времени удержалось вліяніе среднихъ вѣковъ на общественно-экономическій бытъ евреевъ, удержалась какая-то религіозная контрибуція въ память прошлаго. Я убѣжденъ, что всѣ согласятся съ тѣмъ, что общественные долги должны быть вычеркнуты изъ русскаго законодательства уже по тому одному, что вызываютъ въ евреяхъ непріятныя историческія воспоминанія, неспособныя нисколько содѣйствовать примиренію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ.

Что-же касается коробочнаго сбора въ остальныхъ его частяхъ, то уплата государственныхъ податей и повинностей могла бы быть регулирована общими государственными мѣрами, а не спеціальными налогами. Надобно обратить вниманіе на то, что подать съ мѣщанъ уничтожена съ 1863 г., а земскія повинности могутъ быть отправляемы евреями на основаніи общаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, такъ что въ отношеніи податей и повинностей не встрѣчается такой необходимости въ удержаніи спеціальныхъ налоговъ.

Самая существенная часть вопроса заключается въ удовлетвореніи изъ суммъ коробочныхъ сборовъ общественныхъ надобностей евреевъ. Современное законодательство въ этомъ отношеніи выдѣлило евреевъ въ особую замкнутую хозяйственную единицу. Со стороны всякому покажется, что евреи самостоятельно завѣдываютъ источниками коробочныхъ сборовъ, располагая ими по своему усмотрѣнію и произволу, и поэтому образуютъ какъ-бы государство въ государствѣ. Но по закону коробочный сборъ отдается на откупъ городскими общественными управленіями, а не евреями, и деньги съ откупа поступаютъ всецѣло въ распоряженіе тѣхъ-же общественныхъ управленій, которыя, подъ ближайшимъ контролемъ и властью губернскихъ правленій, а въ г. Одессѣ, напр., — градоначальника, установляютъ по правиламъ, въ законѣ указаннымъ, смѣты расходамъ по коробочному сбору. Участіе евреевъ въ этомъ процессѣ—вспомогательное, потому что по закону, для совѣщанія лишь по предмету составленія смѣтъ, приглашаются болѣе зажиточные и осѣдлые евреи, мнѣніе которыхъ не обязательно. Средства, удѣляемыя евреямъ изъ суммъ коробочныхъ сборовъ, поступаютъ въ распоряженіе выборныхъ лицъ, которыя употребляютъ ихъ по назначенію, отдавая въ томъ отчетъ подлежащимъ властямъ. Здѣсь происходитъ то же самое, что и съ другими общими городскими учрежденіями, на которыя также отпускаются средства изъ суммъ городскихъ и въ распоряженіе лицъ, избранныхъ думою. Такимъ образомъ ясно, что отправленіе дѣятельности еврейскихъ общественно-благотворительныхъ учрежденій подчинено въ такой-же степени правиламъ закона, въ какой и городскія общественно-благотворительныя учрежденія. Весь вопросъ можетъ состоять въ томъ: «какая надобность предстоитъ евреямъ въ устройствѣ, кромѣ *общихъ*, еще *особыхъ* общественно-благотворительныхъ учрежденій». Но этотъ вопросъ разъясняется тѣмъ, что евреи, по самому закону, обязаны содержать особыя общественно-благотворительныя учрежденія, для которыхъ и удер-

жанъ специальный съ евреевъ налогъ. Прежде всего, стало быть, не евреи сами создали особую общественную организацію, а законъ. Съ другой стороны, представляется еще болѣе существенный вопросъ: «могутъ-ли евреи разсчитывать на просвѣщенное вниманіе своихъ русскихъ соотечественниковъ въ томъ отношеніи, что, съ уничтоженіемъ своихъ особыхъ общественно-благотворительныхъ учрежденій, они найдутъ къ общимъ такой доступъ, который соотвѣтствовалъ бы дѣйствительнымъ ихъ потребностямъ?» Изслѣдовавъ вопросъ о коробочномъ сборѣ въ специальномъ трудѣ и глубоко вдумавшись въ факты грозной дѣйствительности, я по совѣсти не могъ дать утвердительнаго отвѣта на сказанный вопросъ. Въ Кіевѣ учреждено ремесленное училище на деньги, которыя предназначались на устройство тріумфальныхъ воротъ въ память чудеснаго спасенія въ Бозѣ почившаго Императора-Освободителя и въ сборѣ которыхъ евреи принимали значительное, если не преимущественное, участіе. Между тѣмъ въ уставѣ означеннаго училища имѣется параграфъ, по которому туда не допускаются лица не христіанскихъ исповѣданій, а такъ какъ въ Кіевѣ магометанъ нѣтъ, то это ограниченіе относится исключительно къ евреямъ. Въ Одессѣ, обратно, еврейское ремесленное училище общества «Трудъ» ходатайствовало о предоставленіи доступа лицамъ христіанскаго исповѣданія, и въ этомъ ходатайствѣ ему было отказано. Въ одесскихъ когановскихъ учрежденіяхъ, основанныхъ исключительно на пожертвованіи еврея Когана, принимаютъ евреевъ въ размѣрѣ одной трети, тогда какъ справедливость требовала бы допущенія ихъ въ размѣрѣ половины. Затѣмъ, трудно также разрѣшить вопросъ, куда принимались бы тѣ больные евреи, которыми переполнена еврейская больница, тѣ устарѣлые евреи, которые, напримѣръ, въ Одессѣ, помѣщаются въ особомъ отдѣленіи еврейской больницы; тѣ сиротскія дѣти въ количествѣ 90 чел., которые содержатся, воспитываются и обучаются въ еврейскомъ сиротскомъ домѣ, тѣ безчисленные ученики талмудъ-торы, ешибота,

училища «Трудъ», еврейскихъ казенныхъ и частныхъ училищъ, которые ежегодно получаютъ въ нихъ образованіе, воспитаніе и обученіе ремесламъ? Гдѣ найдетъ пріютъ, воспитаніе и образованіе та безчисленная масса евреевъ западныхъ городовъ и мѣстечекъ, въ большинствѣ которыхъ, благодаря скученности ихъ, нѣтъ вовсе общихъ городскихъ общественно-благотворительныхъ учрежденій.

Между тѣмъ, грамотность, элементарное образованіе, облегченіе участи больныхъ и немощныхъ, какими бы неудовлетворительными средствами ни доставлялись они народу, все-таки, съ одной стороны, спасаютъ многихъ отъ риска попасть въ годы дѣтства на путь праздности и порока, а съ другой — не допускаютъ распространенія еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ того несчастнаго еврейскаго пролетаріата западныхъ губерній, который, со времени открытія желѣзныхъ дорогъ, приливаетъ въ Новороссійскій край и главнымъ образомъ къ центру его — Одессѣ? Если бы дана была дѣйствительная гарантія въ братскомъ единеніи для достиженія общихъ интересовъ, если бы существовала дѣйствительная увѣренность въ братской встрѣчѣ евреевъ со стороны господствующаго населенія во всѣхъ общихъ учрежденіяхъ, — я бы призналъ возможнымъ закрытіе всѣхъ отдѣльныхъ еврейскихъ учрежденій. Но такой гарантіи, по моему мнѣнію, быть не можетъ, а сложенію такой увѣренности препятствуетъ дѣйствительность. Между тѣмъ, удовлетвореніе нуждъ народности, какія бы свойства ей ни приписывали, составляетъ важную государственную задачу, осуществленіе которой нельзя поставить въ зависимость отъ склонности и намѣренія отдѣльныхъ слоевъ общества. Если до сихъ поръ отказываютъ намъ въ уравненіи въ правахъ съ господствующимъ населеніемъ, то мы стараемся къ этому притерпѣться, потому что сказанное уравненіе, при фактическомъ осуществленіи, только прибавило бы кое-что къ тому, что уже имѣется; но если юридическое уравненіе, которое желаютъ намъ давать, должно вести не къ прибавкамъ,

а къ лишеніямъ и весьма существеннымъ, то такое уравненіе представляется дѣломъ весьма опаснымъ. Въ этомъ отношеніи уже не столько важна гуманность, сколько государственная разсудительность и разсчетливость.

Лично я того мнѣнія, что при разрѣшеніи всякаго вопроса необходимо прежде всего опредѣлить тѣ дѣйствительныя условія, которыя вызываютъ извѣстнаго рода явленія, служащія предметомъ изслѣдованія. Въ данномъ вопросѣ, для устраненія замкнутости еврейскихъ обществъ, созданной коробочнымъ сборомъ, необходимо было бы обратиться къ радикальнымъ мѣрамъ перевоспитанія враждебно-настроенныхъ классовъ населенія, что потребовало бы довольно много времени. Поэтому, при данныхъ условіяхъ, приходится оставить существующія еврейскія учрежденія, но съ непремѣннымъ условіемъ измѣнить въ основаніи систему коробочнаго сбора, чтобы онъ не ложился тяжелымъ гнетомъ на массу бѣдныхъ евреевъ. По закону существуютъ два вида коробочнаго сбора: общій и вспомогательный. Первый падаетъ на одинъ изъ насущнѣйшихъ предметовъ потребленія — на мясо, а второй— на доходы съ промышленности. Къ первому виду обращаются всегда, а ко второму — очень рѣдко или никогда. Вслѣдствіе этого выходитъ то, что всѣ еврейскія общественно-благотворительныя учрежденія въ Россіи содержатся преимущественно на счетъ бѣднаго класса, тогда какъ другіе классы освобождаются отъ сбора или неупотребленіемъ кошернаго мяса, или же по закону, въ силу предоставленной привилегіи. По моему мнѣнію, слѣдуетъ превратить вспомогательный сборъ въ общій, установляя налогъ на доходы съ промышленности, на акты рожденій, бракосочетаній, разводовъ и т. п., а сборъ съ мяса допускать, какъ исключеніе, въ тѣхъ лишь обществахъ, которыя отличаются большею или меньшею степенью экономическаго благосостоянія, и каждый разъ съ особаго разрѣшенія начальства. Въ такомъ видѣ коробочный сборъ не былъ бы обременителенъ для массы, и пока завершится историческій

процессъ нивеллированія народностей, которое непремѣнно современемъ наступитъ, — до тѣхъ поръ эта система могла бы удовлетворительно выполнить свою задачу, облегчать осуществленіе ея правительству и не падая бременемъ на неимущіе классы. Подчиненіе евреевъ въ отношеніи расходованія сбора общественнымъ городскимъ управленіямъ и губернскимъ начальствамъ представитъ достаточную гарантію въ устраненіи произвольнаго распоряженія суммами сбора. Но при этомъ порядкѣ необходимо было бы предоставить евреямъ больше иниціативы и больше активности въ устройствѣ своихъ же общественныхъ дѣлъ, на манеръ того, какъ это предоставляется представителямъ городскихъ интересовъ. Теперь же иниціатива и активная дѣятельность въ общественныхъ дѣлахъ евреевъ всецѣло принадлежатъ городскимъ управленіямъ, и евреи играютъ совершенно пассивную и выжидательную роль, участвуя лишь въ выборахъ на общественныя должности и не имѣя даже органа для представленія своихъ интересовъ.

Перехожу затѣмъ къ другому виду еврейской замкнутости—къ замкнутости территоріальной. Какъ извѣстно, евреи живутъ въ опредѣленной чертѣ осѣдлости, и двери внутренней Россіи открыты лишь для купцовъ 1-й гильдіи, ремесленниковъ и достигшихъ ученыхъ степеней. Первые составляютъ самое незначительное меньшинство евреевъ, но ремесленниковъ дѣйствительно много; но законъ о предоставленіи имъ права селиться по всей Россіи не получилъ широкаго примѣненія потому, что переселеніе соединено съ фактическими и юридическими препятствіями. Для переселенія во внутреннюю Россію необходимы средства, которыми еврейскіе ремесленники не располагаютъ, а потому закономъ 1865 г. до сихъ поръ воспользовались весьма не многіе ремесленники. Съ другой стороны, ремесленникъ, по переселеніи во внутреннюю Россію, остается, тѣмъ не менѣе, приписаннымъ къ своему обществу, а это условіе въ такой степени стѣснительно, что многіе воздерживаются вовсе отъ переселенія. Если въ дѣлѣ устраненія

фактическихъ препятствій правительству облегчаетъ задачу образовавшееся въ Петербургѣ общество поощренія ремеслъ и земледѣлія въ средѣ евреевъ, то въ дѣлѣ устраненія юридическихъ препятствій правительству слѣдовало бы пойти на помощь еврейскимъ ремесленникамъ, разрѣшивъ имъ приписку къ тѣмъ обществамъ, въ среду которыхъ они переселяются. Но за сказанными тремя классами евреевъ, положеніе которыхъ юридически облегчено, остаются еще цѣлыя массы евреевъ, которыя отличаются, по всеобщимъ отзывамъ русскихъ экономистовъ и спеціальныхъ изслѣдователей ихъ экономическаго быта изъ не-евреевъ, крайнею бѣдностью за неимѣніемъ возможности приложить къ чему либо свой трудъ, вслѣдствіе сильно развившейся на всѣхъ поприщахъ экономической дѣятельности конкурренціи. Бѣдность ихъ отчасти коренится въ общей причинѣ—въ чрезмѣрномъ возрастаніи еврейскаго населенія въ скученной чертѣ осѣдлости,—возрастаніи, превышающемъ возможныя средства къ существованію,—отчасти же въ спеціальномъ ихъ юридическомъ положеніи. Съ одной стороны, евреи суть подданные русскаго государства, и, какъ таковые, они облагаются податями и налогами наравнѣ съ другими подданными, но какъ евреи они облагаются еще особыми сборами—коробочнымъ и свѣчнымъ, установленными для поддержанія казенныхъ еврейскихъ училищъ. Съ другой стороны, евреи западныхъ губерній составляютъ крѣпостное населеніе владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ въ силу чиншеваго права владѣльцевъ и въ качествѣ таковыхъ облагаются особыми сборами, статьи которыхъ доходятъ въ нѣкоторыхъ городахъ до 28, а въ другихъ и болѣе. Ежегодный доходъ въ пользу одного бердичевскаго владѣльца составляетъ 70,000 р., а если принять въ соображеніе, что въ одномъ юго-западномъ краѣ до 347 владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ, то можно будетъ себѣ составить понятіе о томъ, какъ великъ вообще сборъ съ евреевъ западнаго края во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ. Положеніе этихъ евреевъ имѣетъ прямое отно-

шеніе къ Новороссійскому краю, потому что, за неоткрытіемъ имъ доступа во внутреннюю Россію, они, подъ вліяніемъ тяжкаго гнета обстоятельствъ, приливаютъ въ Новороссійскій край и въ особенности въ Одессу. Учрежденная въ 1868 г. въ Кіевѣ коммисія для составленія проекта устройства земледѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ юго-западнаго края нашла, что бытъ крестьянъ упроченъ закономъ 19-го февраля 1861 и 30-го іюля 1863 г., но что «остается масса еврейскаго населенія, живущаго въ мѣстечкахъ, на основаніяхъ обычнаго права, почти безъ всякаго опредѣленія закономъ ихъ правъ по владѣнію недвижимымъ имуществомъ и отношеній къ владѣльцамъ, и подъ дѣйствіемъ разнообразныхъ монополій, отчасти утвержденныхъ закономъ, большей же частью существующихъ по обычаю, вопреки закону, но стѣсняющихъ торговлю и промыслы и ложащихся тяжестью на потребителей сельскихъ продуктовъ». Словомъ, экономическое положеніе русскихъ евреевъ въ массѣ, по словамъ русскихъ писателей, превосходитъ всякое воображеніе.

Между тѣмъ, восточная Россія страдаетъ отсутствіемъ городскихъ промышленныхъ элементовъ, недостаткомъ ремесленнаго труда и наличныхъ денегъ, безсиліемъ въ созданіи кредита и промышленной оборотливости, монопольнымъ характеромъ торговли и кулачествомъ, превосходящимъ всякое вѣроятіе. Слѣдовательно, прямая выгода Россіи заключается въ томъ, чтобы раскрыть черту осѣдлости евреевъ. Еще въ 1863 году г. министръ финансовъ доказывалъ необходимость предоставленія евреямъ права селиться во внутренней Россіи, въ подробной запискѣ, въ которой, между прочимъ, сказано: «внесеніе въ массу земледѣльческаго населенія промышленнаго еврейскаго элемента оказало-бы неисчислимую пользу, съ одной стороны, самимъ евреямъ, облегчивъ и обезпечивъ имъ добываніе средствъ къ существованію, а съ другой—не только западному краю, который освободился-бы отъ излишка еврейскаго населенія, но и прочимъ мѣстностямъ Имперіи, куда

евреи внесли-бы свои капиталы, свою предпріимчивость и полезную конкурренцію въ положеніи труда. Опасеніе, что евреи отобьютъ русскихъ отъ торговли, отстранятъ ихъ отъ рынка, не имѣетъ правильнаго основанія. Напротивъ, отъ такой перемѣны государство могло-бы только выиграть, такъ какъ въ результатѣ оказались-бы: 1) болѣе правильное распредѣленіе населенія; 2) увеличеніе казенныхъ податей; 3) уменьшеніе контрабанды: 4) полезная конкурренція при подрядахъ и 5) улучшеніе благосостоянія сельскаго населенія въ западномъ краѣ съ единовременнымъ оживленіемъ промышленности и въ прочихъ частяхъ Имперіи». Этотъ взглядъ г. министра основанъ на изученіи дѣйствительнаго положенія дѣла, потому что близко стоявшіе къ экономическому быту Россіи дѣятели и изучившіе его во всѣхъ частяхъ утверждаютъ то же самое. Подтвердимъ сказанное пока немногими отзывами изъ тѣхъ безчисленныхъ, которые имѣются въ разныхъ изслѣдованіяхъ не-еврейскихъ писателей. О торговой дѣятельности евреевъ въ Новороссійскомъ краѣ утверждаютъ, что она не только не въ тягость христіанскому населенію, но даже и не безполезна (Чтенія въ моск. общ. исторіи и древн. за 1866 г., кн. 3, стр. 234). Профессоръ Китарры въ своихъ чтеніяхъ о товаровѣдѣніи говоритъ, что лихоимство и обманъ до того вошли въ плоть и кровь русскаго промышленнаго люда, что честному человѣку нельзя удержаться въ этой сферѣ.—онъ непремѣнно увлекается подражаніемъ и мало по малу самъ становится образцомъ для другихъ. Экономистъ Бабстъ («Отъ Москвы до Лейпцига») говоритъ: «если пустить въ западный край русскихъ прасоловъ, то при настоящемъ положеніи Бѣлоруссіи и западныхъ губерній они оберутъ дочиста сельское населеніе». Г. Афанасьевъ-Чужбинскій въ своей «Поѣздкѣ въ южную Россію» говоритъ: «единственный способъ гуманизировать евреевъ—дозволить имъ селиться во всей Россіи. Евреи—отличные конкурренты, и гдѣ они появляются, товары тотчасъ-же дѣлаются дешевыми въ силу того простого правила, что малый

процентъ при болѣе частомъ оборотѣ капитала даетъ значительнѣйшую выгоду, нежели огромные проценты, если капиталъ лежитъ мертвымъ и ожидаетъ большихъ барышей». «Послѣднему способу, продолжаетъ онъ, слѣдуютъ наши торговцы въ провинціи, и потому дѣла ихъ никакъ не могутъ сравниться съ дѣлами еврейскаго купечества». И. С. Аксаковъ, въ «Изслѣдованіи о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ», утверждаетъ, что «самымъ полезнымъ дѣятелемъ для русскихъ мануфактурныхъ торговцевъ на Украинѣ служитъ живое, торговое, оборотливое еврейское племя. Евреи—самые дѣятельные покупатели на мануфактурные русскіе товары, которые они разносятъ по всему западному краю и Бѣлоруссіи» (ст. 22, 36). Онъ-же удостовѣряетъ о сильномъ спросѣ, заявляемомъ еврейскими промышленниками на прасольскіе товары, которымъ они доставляютъ широкій сбытъ за границу. Бывшій керченскій градоначальникъ Ф. Вигель (Чтеніе въ моск. общ. ист. и древн. за 1864 г., кн. 1, стр. 71) говоритъ о не-еврейскихъ народностяхъ, занимающихся въ Керчи торговлею, что «они корыстолюбивѣе жидовъ, удерживаютъ торговлю какъ свою монополію, не допуская никакихъ. другихъ народностей къ участію въ ней». Авторъ «Производительныхъ силъ въ Россіи» (Отеч. Зап. 1868 г., кн. 2) говоритъ: «въ своей сферѣ кулакъ несравнимъ, никто такъ добродушно и набожно не заманитъ покупателя, никто такъ ловко не надуетъ его, какъ русскій кулакъ. Тутъ еврей смѣло можетъ учиться у него. Изъ кулаковъ въ восточной Россіи образовалось русское купечество, которое забрало въ свои руки крупныхъ и мелкихъ баръ и двигаетъ промышленнымъ міромъ. Въ западной Россіи подобнаго не могло случиться, потому что здѣсь торговлю держатъ въ своихъ рукахъ евреи. Кулакъ можетъ придти въ готовый городъ, а еврей создаетъ его». Знатокъ Сибири, г. Ядринцевъ («Судьба казенныхъ земель въ Сибири», «Порядокъ» 1881 г., № 163) говоритъ: «богатые крестьяне и перекупщики эксплоатируютъ окружающее и нуждающееся въ

надѣлахъ коренное населеніе, увеличивая эту язву мѣстной кабалы и міроѣдства, которыя и такъ въ достаточной степени развиты въ Сибири». Путешественникъ баронъ Гакстгаузенъ говоритъ: «Собственно Россія не знаетъ евреевъ, которыхъ замѣняютъ мѣщане въ мелочной торговлѣ; надо сожалѣть, однако-же, что нельзя такимъ-же образомъ замѣнить евреевъ въ отношеніи банкирскихъ оборотовъ, производимыхъ евреями съ такой выгодой для себя и для общества вездѣ, гдѣ они живутъ» (Изслѣдованія о внутреннемъ положеніи Россіи, т. II, стр. 32). Такимъ образомъ ясно, что повсюду въ Россіи, гдѣ евреевъ вовсе нѣтъ, и даже въ Сибири, куда пускаютъ однихъ только еврейскихъ преступниковъ, капиталъ, монополизируясь въ рукахъ отдѣльныхъ промышленныхъ классовъ, вышедшихъ изъ кулачества, оказываетъ гнетущее вліяніе на производительныя силы, а потому евреи своимъ соперничествомъ и конкуренціею могутъ только ослабить вліяніе монополіи въ ущербъ промышленныхъ классовъ и въ пользу производителей и потребителей. Отсюда вытекаетъ несомнѣнный выводъ о необходимости отмѣнить законы о чертѣ осѣдлости и уничтожить территоріальную замкнутость.

Говоря о территоріальной замкнутости, нельзя не остановиться на томъ обстоятельствѣ, насколько строгое примѣненіе законовъ о чертѣ осѣдлости евреевъ своею публичностью популяризируетъ въ глазахъ коренного населенія освященный закономъ принципъ наносимаго еврейскою дѣятельностью вреда. Облавы на евреевъ въ Кіевѣ, которыхъ рѣдкій изъ насъ не былъ свидѣтелемъ, выселеніе массами евреевъ на югѣ Россіи изъ пятидесятиверстной пограничной съ Румыніей черты, производя на евреевъ удручающее впечатлѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ въ коренномъ населеніи мысль о томъ, что выселеніе евреевъ мѣрами принудительными, какъ на законѣ основанное, доказываетъ, что правительство ихъ признало народомъ вреднымъ, а это самое возбуждаетъ инстинкты народнаго нерасположенія и презрѣнія къ племени, лишенному

естественнаго права передвиженія. Эта нравственная, гуманная сторона территоріальнаго освобожденія евреевъ не менѣе экономической должна способствовать скорѣйшему уничтоженію западно-русскаго гетто и этимъ самымъ достигнуть болѣе соразмѣрнаго распредѣленія въ средѣ всего русскаго населенія еврейскаго племени, которое, благодаря своей воспріимчивости, исторически доказанной, поддается вліянію общихъ условій жизни и мало по малу теряетъ свои племенныя угловатости.

Кромѣ общественной и территоріальной замкнутости, еврейская религія, при всей оказываемой ей терпимости, ставится, однако, въ исключительное положеніе тѣмъ, что еврейскіе синагоги и молитвенные дома, равно и богослужебные предметы не охраняются закономъ съ подобающею силою. Евреи, конечно, не могутъ притязать на особое покровительство своей вѣрѣ, но имъ естественно желать, чтобы ихъ божіи дома и предметы вѣроученія разсматривались не какъ простыя, свѣтскія сборища и какъ вещи, не представляющія ничего болѣе кромѣ одного имущественнаго интереса. Вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ особыхъ на этотъ счетъ опредѣленій, поневолѣ приходится примѣнять къ случаямъ самаго непозволительнаго нарушенія правъ синагоги законы о нарушеніи общественной тишины въ публичныхъ мѣстахъ и истребленіи движимаго имущества. Но каждый, не думающій даже, а только чувствующій человѣкъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что синагога нѣчто высшее, чѣмъ харчевня, а свитки завѣта заключаютъ въ себѣ нѣчто болѣе, чѣмъ имущественный интересъ. Поэтому, если съ господствующей точки зрѣнія нельзя въ преступленіяхъ противъ еврейской религіи усматривать святотатства, то слѣдовало-бы выдѣлить эти нарушенія изъ сферы нарушенія правъ обыденныхъ, по крайней мѣрѣ, большею строгостью угрожаемаго наказанія, а этотъ шагъ значительно повліялъ-бы на взаимное сближеніе, внушая однимъ уваженіе къ человѣческой вѣрѣ, а другимъ—сознаніе

объ установившемся болѣе гуманномъ воззрѣніи на то, что составляетъ священное достояніе народа.

Что-же касается внутренней замкнутости евреевъ, то она, по мнѣнію многихъ, состоитъ въ дурномъ воспитаніи, получаемомъ евреями въ дѣтствѣ на почвѣ религіозной казуистики талмуда, въ безчисленномъ множествѣ благотворительныхъ ассоціацій или братствъ и въ тайно существующей, подпольной организаціи кагала, который невидимыми руками направляетъ евреевъ къ дѣятельности, вредно отражающейся на экономическомъ бытѣ коренного населенія.

Система воспитанія евреевъ является результатомъ ихъ бѣдственнаго положенія. Какъ извѣстно, воспитаніе это сосредоточивается въ рукахъ меламедовъ, большей частью людей необразованныхъ. Но они далеки отъ тенденціозности въ воспитаніи, потому что они сами не люди извѣстной школы, или направленія; контингентъ меламедовъ, какъ извѣстно, пополняется изъ людей, оказавшихся негодными на всѣхъ прочихъ поприщахъ дѣятельности. Вѣковое ихъ занятіе дѣломъ обученія держится не на религіозной системѣ, которую они проводятъ будто въ жизнь, а скорѣе всего на обстановкѣ еврейской жизни. Угадавъ потребность бѣдныхъ родителей въ дешевомъ надзорѣ за дѣтьми въ теченіи цѣлаго дня до освобожденія отъ занятій, меламеды въ этомъ отношеніи успѣли сдѣлаться незамѣнимыми, чѣмъ и объясняется ихъ долговѣчность, не смотря на установленныя закономъ стѣснительныя для нихъ правила. Занятіе въ среднихъ меламедскихъ школахъ талмудомъ дѣйствительно не хорошо вліяетъ на дѣтей въ смыслѣ чисто воспитательномъ, потому что тонкости талмудическихъ преній недоступны дѣтскому возрасту; но оно не вредно въ смыслѣ общественномъ или государственномъ, потому что меламеды, во первыхъ, не знаютъ ни талмуда, ни его системы, а большею частью заучиваютъ болѣе легкіе трактаты о субботнемъ днѣ, о благословеніяхъ и т. п., а во вторыхъ, потому что система талмуда не проникнута противо-общественными

воззрѣніями. Даже въ высшихъ талмудическихъ школахъ-ешиботахъ, представители которыхъ вполнѣ знакомы съ содержаніемъ талмуда, болѣе обращается вниманіе на усвоеніе себѣ схоластическихъ пріемовъ, чѣмъ дѣйствительнаго знанія. Знаніе талмуда обусловливаетъ собою общечеловѣческое образованіе и научную подготовку, а безъ этихъ двухъ условій фактическое усвоеніе матеріала талмуда можетъ послужить для разрѣшенія теологическихъ вопросовъ, но не для изученія его съ научной стороны, которое успѣшно идетъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ евреи успѣли освободиться отъ взгляда на талмудъ, какъ на законченный кодексъ религіи, знанія и морали. У насъ въ Россіи занятіе талмудомъ составляетъ удѣлъ многихъ и призванныхъ, и непризванныхъ и есть цѣль сама по себѣ, или, другими словами, занятіе практически безцѣльное. Въ иностранныхъ же государствахъ, благодаря большей распространенности просвѣщенія. между евреями, занятіе талмудомъ составляетъ удѣлъ ученаго сословія и составляетъ средство для изученія съ научной точки зрѣнія содержащагося въ немъ богатаго матеріала въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія. По содержанію своему, талмудъ, какъ извѣстно, раздѣляется на три части: юридическую, религіозную и легендарную. Первая обнимаетъ собою гражданское и уголовное право, вторая—отдѣлъ богословскій, а третья—бытовую жизнь народа. Вообще талмудъ составляетъ сборникъ всѣхъ мнѣній и направленій, которыя господствовали въ талмудическихъ школахъ. Въ него занесено все, что состовляло достояніе народа до времени его заключенія, даже взгляды законоучителей, которые рѣзко высказывались противъ господствовавшаго направленія и которые поэтому изгонялись изъ школъ. Вотъ почему необходимо знать систему талмуда для того, чтобы умѣть критически относиться къ содержащимся въ немъ мнѣніямъ. Главное основаніе то, что объ обязательности можетъ быть рѣчь лишь по отношенію къ юридико-богословской части, легендарная же часть не имѣетъ никакой обязательной

силы, по тому что она составляетъ сборникъ сказаній, афоризмовъ, легендъ, повѣрій и преданій, которые передавались въ аудиторіяхъ во время отдохновеній и употреблялись какъ средства для оживленія утомленныхъ слушателей. Въ юридико-богословской части обязательность приписывается мнѣніямъ опредѣленныхъ господствующихъ школъ, мнѣніямъ большинства въ спорѣ противъ одного и отдѣльныхъ законоучителей во взаимныхъ спорахъ, когда одному отдается преимущество предъ другимъ, смотря по авторитету, которымъ онъ пользовался. Окончательно признанныя въ силѣ мнѣнія, служащія руководствомъ при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, называются *Галахою*. Вотъ почему, когда имѣютъ дѣло съ отдѣльнымъ, выхваченнымъ изъ талмуда мнѣніемъ, необходимо главнымъ образомъ остановиться на томъ, составляетъ-ли оно галаху, или нѣтъ: въ первомъ случаѣ оно составляетъ обязательное постановленіе талмуда, а во второмъ—нѣтъ. За симъ талмудъ, по отношенію къ кодексу Моисея, составляетъ кодексъ прогрессивный, который повелъ юридическій бытъ народа гораздо далѣе несложнаго быта Моисеевыхъ законовъ. Но такъ какъ законоучителямъ, для поддержанія въ глазахъ народа авторитетности новыхъ законовъ, необходимо было отыскивать для нихъ основанія въ древнемъ законѣ, то они прибѣгаютъ къ тому же методу, къ которому прибѣгали римскіе преторы при истолкованіи законовъ XII таблицъ для того, чтобы приводить новый законъ въ связь со старымъ, т. е. къ фикціямъ, которыми изобилуетъ талмудъ и которыя отличаются высокимъ остроуміемъ, оцѣненнымъ по достоинству лучшими юристами западной Европы. Что талмудъ дѣйствительно составляетъ прогрессивный кодексъ, доказываютъ переводы нѣкоторыхъ трактатовъ его на нѣмецкій языкъ докторовъ Пиннера и Саммтера—и Рабиновича на французскій языкъ, а также безчисленныя сочиненія по талмудическому праву, появлявшіяся на иностранныхъ языкахъ, и трудъ профессора Малышева «Курсъ общаго гражданскаго права Россіи», въ которомъ приводятся

постановленія талмуда по семейственному праву и опекѣ. Такимъ образомъ талмудъ, какъ древній религіозный бытовой юридическій памятникъ, представляетъ весьма серьезный матеріалъ для научной обработки съ смыслѣ культурно-историческомъ, но онъ оказываетъ нежелательное вліяніе въ педагогическомъ смыслѣ, когда употребляется какъ предметъ преподаванія въ элементарныхъ школахъ грамотности. Для устраненія этого вреда необходимо поднять уровень экономическаго благосостоянія массы еврейскаго народа, подъ вліяніемъ котораго, какъ доказалъ историческій опытъ, она обращается къ источникамъ общаго образованія. Это фактъ, что чѣмъ беднѣе еврейское населеніе какой либо мѣстности, тѣмъ больше оно предается изученію талмуда, и чѣмъ оно обезпеченнѣе, тѣмъ оно обнаруживаетъ большую склонность къ общему образованію. Въ Могилевѣ-на-Днѣстрѣ, напримѣръ, меньше занимаются талмудомъ, чѣмъ въ Бердичевѣ; въ Бердичевѣ меньше, чѣмъ въ Вильнѣ, а въ Одессѣ еще меньше, чѣмъ въ Могилевѣ. Такимъ образомъ мое глубокое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что въ еврейскомъ воспитаніи, какими бы особенностями оно ни отличалось, меньше всего встрѣчается тенденціозности, направленной противъ интересовъ коренного населенія. Я самъ тяготился талмудомъ, когда онъ преподавался мнѣ меламедомъ, сталъ обращать на него вниманіе, когда онъ преподавался мнѣ въ раввинскомъ училищѣ и, наконецъ, началъ относиться къ нему съ полнымъ уваженіемъ и любовью въ стѣнахъ университета, когда наука права обратила мое вниманіе на цѣнный матеріалъ талмуда, въ которомъ я нашелъ общечеловѣческіе принципы. Меламедское воспитаніе на талмудѣ меня въ соціальномъ отношеніи не испортило, а научное изученіе талмуда меня убѣдило въ человѣчности его принциповъ, и вотъ почему я убѣжденъ, что и другіе евреи въ школѣ не могли получать тенденціознаго анти-общественнаго развитія.

Относительно распространенной въ средѣ евреевъ склонности къ благотворительнымъ ассоціаціямъ я долженъ замѣ-

тить, что она дѣйствительно существуетъ; но, кромѣ хорошаго, я ничего въ ней не вижу.. Склонность эта есть исторически выработанная и унаслѣдованная еврейскимъ народомъ привычка не быть равнодушнымъ къ участи своего собрата. Притѣсненія и насилія, которыми исполнена судьба этого народа, доставили ему достаточно опыта для закрѣпленія въ себѣ чувства милосердія къ страждущему, и не даромъ въ средѣ евреевъ искони сложилась поговорка, которая именуетъ ихъ «милосердыми сынами милосердыхъ отцовъ» (рахмунимъ бене рахмунимъ). Неудивительно поэтому, что между ними существуетъ масса благотворительныхъ братствъ, которыя составляютъ единственную опору евреевъ въ тяжкой борьбѣ за существованіе. Но они, съ точки зрѣнія государственной и общественной. представляются болѣе полезными, чѣмъ вредными. Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ въ 1873 г. доводилъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, что въ юго-западномъ краѣ существуетъ много еврейскихъ братствъ погребальныхъ, вѣнчальныхъ, посѣщенія больныхъ, гостепріимства, изученія второзаконія, талмуда, духовныхъ законовъ, библіи, братства благотворительно-ссудныя, одѣванія нагихъ, портныхъ, сапожниковъ и разныхъ другихъ ремесленныхъ цеховъ съ разнообразными цѣлями. Но, по мнѣнію генералъ-губернатора, братства эти, существуя повсемѣстно и располагая весьма значительными средствами, приносятъ пользу, помогая бѣднымъ и нуждающимся евреямъ и освобождая правительство отъ значительной доли заботъ и расходовъ по призрѣнію больныхъ и бѣдныхъ. Поэтому онъ находитъ, что благотворительность этихъ обществъ тѣмъ полезнѣе, что она лишена всякой общей регламентаціи и приспособлена къ нравамъ, понятіямъ и образу жизни евреевъ, такъ что и съ сравнительно малыми средствами достигается весьма значительная доля пользы. Такимъ образомъ, одинъ изъ государственныхъ дѣятелей, взглянувъ на организованныя благотворительныя братства съ правильной точки зрѣнія, не могъ не признать

за ними государственной заслуги, хотя они дѣйствуютъ безъ разрѣшенія начальства. Я увѣренъ, что если бы русское общество и въ особенности русская интеллигенція, не выжидая помощи отъ правительства, по собственной инціативѣ, проникласъ бы искреннимъ желаніемъ облегчить экономическое положеніе крестьянъ, то учрежденіемъ хотя бы однихъ благотворительно-ссудныхъ братствъ они, быть можетъ, оказали бы весьма существенную услугу Россіи, облегчивъ правительству заботу объ улучшеніи быта крестьянъ и предупредивъ, быть можетъ, всѣ постигшія въ послѣдное время Россію бѣдствія. Очень легко порицать дѣйствія другихъ и отыскивать въ нихъ всевозможныя дурныя стороны, но всего труднѣе трезво относиться къ дѣйствительнымъ фактамъ и оцѣнивать ихъ по строгой правдѣ и справедливости.

Переходя къ самому главному вопросу о томъ, существуетъ-ли теперь подпольная кагальная организація, считаю долгомъ замѣтить, что убѣжденіе о существованіи ея сложилось въ русскомъ обществѣ, благодаря «Книгѣ Кагала» трижды измѣнявшаго своей вѣрѣ Брафмана; убѣжденіе это сложилось потому, что никто изъ русскихъ людей не потрудился заглянуть въ самыя кагальныя постановленія, собранныя Брафманомъ и относящіяся къ концу XVIII и началу XIX стол., до изданія общаго положенія о евреяхъ 1804 г., а всѣ ограничились одними выводами самого Брафмана, изложенными въ началѣ сочиненія. Одинъ изъ почтенныхъ членовъ Высочайше утвержденной одесской коммисіи по еврейскому вопросу г. Значко-Яворскій, который свой историческій очеркъ о кагалѣ бѣгло составилъ по книгѣ Брафмана, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ, какъ видно, терпѣніе читать самые акты, заявилъ здѣсь предъ собраніемъ, что онъ пришелъ въ восторгъ отъ рѣшенія *бесъ дина* (еврейскаго суда) по его независимости и образцовости, такъ какъ судъ правильно разрѣшилъ дѣло въ пользу частнаго лица, Копеля, и противъ кагала, не смотря на всю тонкую юридическую казуистику избранныхъ кагаломъ адвокатовъ.

Если бы г. Значко-Яворскій потрудился сдѣлать еще одинъ шагъ и усмотрѣть, что прочитанный имъ актъ числится въ выводахъ Брафмана между тѣми, которые доказываютъ совершенную подчиненность бесъ-дина кагалу, то онъ въ состояніи былъ бы уличить Брафмана во лжи. Высказанное приведено было мною для того, чтобы установить одно общее положеніе, что выводы Брафмана существенно противорѣчатъ тѣмъ актамъ, которые служатъ основаніемъ его выводовъ.

Въ чемъ же состоятъ положенія Брафмана о вредномъ направленіи кагала: 1) выработанное въ талмудѣ правило: «законъ государства примѣняется исключительно къ вопросамъ, касающимся личныхъ выгодъ государя; но рѣшенія *судебныхъ мѣстъ* никоимъ образомъ не могутъ быть обязательными для еврея; 2) что имущество не-еврея составляетъ пустынное озеро, которымъ можетъ овладѣвать каждый еврей; 3) что «меропіе» и «хазака» разрѣшаютъ каждому еврею право эксплоатировать всякими способами не-еврея, право, которое освящается кагаломъ и бесъ-диномъ, 4) что кагалъ врывается въ домашній бытъ еврея, нормируя пищу, одежду и праздничныя сходбища.

Относительно правила «законъ государства—законъ» слѣдуетъ замѣтить, что Брафманъ ссылается на § 369 хошенъ-мишпота, сборника законовъ XVI стол. Въ этомъ § рѣчь идетъ о запрещеніи пріобрѣтать имущество у грабителей и воровъ и пользоваться ихъ имуществомъ. Въ ст. 6 этого § говорится, что сборщикъ податей, назначенный государемъ для взиманія законами установленныхъ податей, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ евреевъ постановлено взимать больше, чѣмъ съ не-евреевъ, не можетъ быть разсматриваемъ на правахъ грабителя, потому что «законъ царскій—законъ». Въ той же статьѣ говорится, что еврей, уклоняющійся отъ платежа податей, самъ нарушаетъ законъ: «не грабь», потому что грабишь то, что слѣдуетъ государю, все равно еврейскій-ли государь, или не-еврейскій. Въ ст. 8 того же § говорится: «го-

сударь, разсердившійся на кого-либо изъ своихъ подданныхъ и конфисковавшій его поля, или дворъ, не поступаетъ насильственно, а потому можно этимъ имуществомъ пользоваться, и кто пріобрѣтаетъ его у государя, можетъ считаться его собственникомъ, и прежній собственникъ не имѣетъ права иска; но государь, конфискующій поле или дворъ однаго изъ своихъ подданныхъ вопреки установленнымъ имъ же законамъ, считается насильственно отнятымъ, и къ тому, кто у него пріобрѣтаетъ отнятое имущество, можетъ предъявить искъ. Это послѣднее правило составляетъ протестъ противъ порядковъ, существовавшихъ ко времени изданія сказаннаго сборника, по которымъ, вопреки всѣмъ существовавшимъ законамъ, евреи изгонялись изъ разныхъ странъ, съ конфискаціей ихъ имуществъ. Въ настоящее же время въ Европѣ нѣтъ уже этихъ порядковъ, и всѣ государства управляются на точномъ основаніи существующихъ законовъ. Въ ст. 10 того же § говорится: «если въ государствѣ существуетъ законъ, по которому уплачивающій за оставившаго свое имѣніе поземельную подать можетъ имъ пользоваться, то уплачивающій вмѣсто настоящаго собственника поземельную подать не есть самоуправецъ, а узусфуруктуарій и плательщикъ подати до возврата настоящаго собственника, потому что «законъ царскій—законъ». Въ ст. 11 того же § сказано: «если въ государствѣ существуетъ законъ, по которому уплачивающій за бѣдняка-еврея подушную подать имѣетъ право взять его на отработки, то еврей, уплатившій за такого бѣдняка подать, можетъ употреблять его на тяжелыя работы, потому что «законъ царскій—законъ», но онъ не долженъ работать съ нимъ какъ съ рабомъ. Затѣмъ, утвержденіе Брафмана, что въ ст. 21 сказаннаго § сказано: что *рѣшенія судебныхъ мѣстъ никоимъ образомъ не обязательны для еврея*,—положительная ложь. Въ этой статьѣ говорится: «законъ царскій—законъ», о которомъ мы говорили, имѣетъ примѣненіе къ дѣламъ, касающимся пользы государя или общественнаго блага, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы

евреи примѣняли законы не-еврейскіе». Это относится къ тому времени, когда евреи между собою имѣли, по законамъ страны, свою собственную юрисдикцію, и только въ дѣлахъ съ не-евреемъ подчинялись другой юрисдикціи, а потому и совершенно правильно примѣненіе по дѣламъ между евреями и еврейскихъ законовъ. А что евреи дѣлали, въ извѣстныхъ случаяхъ, отступленіе въ этомъ отношеніи, видно изъ той же статьи, которая указывается Брафманомъ. Въ ней же говорится: «если не-еврей уступилъ еврею долговое обязательство, то хотя не слѣдуетъ судиться съ своимъ собратомъ евреемъ въ не-еврейскомъ судѣ даже въ томъ случаѣ, когда еврей пріобрѣлъ свое право у не-еврея, но еврейскіе судьи должны присудить еврею, пріобрѣвшему право у не-еврея, всѣ выгоды, допускаемыя не-еврейскими законами, такъ какъ съ пріобрѣтеніемъ права по долговому обязательству онъ пріобрѣлъ права не-еврея, какія принадлежали послѣднему по законамъ не-еврейскимъ, которые составляютъ законъ царскій». Очевидно. что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, что рѣшенія судебныхъ мѣстъ государства необязательны для еврея (исполненію такихъ рѣшеній никакой еврейскій кодексъ и никакой еврей не въ силахъ противиться), а рѣчь идетъ о томъ, слѣдовало-ли, при существованіи отдѣльныхъ юрисдикцій въ еврейскихъ судебныхъ мѣстахъ, примѣнять законы, обязательные для не-евреевъ. Указаніе же на то, что въ трактатѣ «Гитинъ» говорится, что раввины также именуются государями (у Брафмана раввины—это государи), а потому все сказанное въ приведенномъ имъ § 369 Хошенъ-Мишпота можетъ относиться и къ раввину, лишено всякаго смысла, потому что изъ приведенныхъ выше мѣстъ видно, что Хошенъ-Мишпотъ говоритъ: «будетъ-ли это царь еврейскій или не-еврейскій», а если вмѣсто слова «царь» поставить слова раввинъ, то выйдетъ «будетъ-ли это раввинъ еврейскій, или не-еврейскій», а всѣмъ извѣстно, что не-еврейскихъ раввиновъ нѣтъ. Приведенная выше фраза взята не изъ обязательной галаховой части тал-

муда, а изъ легендарно-бытовой, въ которой рѣчь идетъ о разсказѣ, что нѣкто всталъ предъ законоучителемъ въ убѣжденіи, что предъ нимъ слѣдуетъ вставать, какъ предъ царемъ. Если играть словами, относящимися къ бытовой жизни, то извѣстно, что въ первые два вечера Пасхи каждый еврей называется царемъ, а еврейка царицею, а потому каждый еврей и еврейка могутъ издавать законы, что, конечно, должно быть признано нелѣпостью.

Такимъ образомъ видно, что законы, разрѣшающіе вопросы о томъ, чѣмъ евреямъ дозволено и чѣмъ запрещено пользоваться, опредѣляютъ различныя правила для евреевъ между собою, и даже въ случѣ насильственной, противозаконной конфискаціи имущества, рѣчь идетъ лишь о томъ, можно-ли еврею такимъ имуществомъ пользоваться, или нѣтъ. По еврейскимъ законамъ, очевидно, не только пріобрѣтать нельзя насильственно отнятое имущество, но и пользоваться имъ запрещено. Не думаю, чтобы это могло быть вреднымъ для общественнаго строя.

Второе положеніе, что имущество не-еврея составляетъ пустынное озеро, свободное для занятія каждымъ евреемъ, также ложно въ томъ смыслѣ, который придается ему Брафманомъ. Юридическая формула талмуда дѣйствительно существуетъ въ томъ видѣ, какъ указано Брафманомъ, но не въ томъ смыслѣ. Рѣчь идетъ о томъ, что не-еврей продалъ еврею свой участокъ земли и получилъ за нее слѣдующую покупную сумму, но акта укрѣпленіяне выдалъ еврею, или выдавать не хочетъ. Между тѣмъ другой еврей, до занятія покупщикомъ евреемъ купленнаго участка, успѣлъ занять его установленнымъ въ законѣ способомъ. Предъявляется искъ евреемъ-покупщикомъ къ еврею-фактическому владѣльцу, и идетъ юридическій вопросъ на судѣ, кому слѣдуетъ присудить имущество. По законамъ язычниковъ того времени, къ которому относится случай (какъ видно изъ талмуда, рѣчь идетъ о Персіи), не было надобности въ актѣ укрѣпленія, а потому язычникъ, получивъ день-

ги отъ еврея, отрекся отъ своего имущества, и оно находится въ состояніи дереликціи, въ состояніи безхозяйномъ. Въ этомъ состояніи фактически овладѣлъ этимъ имуществомъ другой еврей, а по законамъ еврейскимъ, утверждающій свое право собственности на недвижимое имущество долженъ имѣть на него актъ укрѣпленія. Спрашивается: въ такомъ положеніи дѣла и при отказѣ со стороны язычника отъ намѣренія владѣть своимъ имуществомъ, имѣетъ-ли истецъ право на изъятіе имущества изъ владѣнія фактическаго владѣльца. Талмудъ отказываетъ ему въ этомъ правѣ потому, что прежній собственникъ, за полученіемъ денегъ, отказался отъ своего имущества, сдѣлавъ его безхозяйнымъ, а всякое безхозяйное имущество можетъ быть занято способомъ, въ законѣ установленнымъ); (по талмуду -- вспахиваніемъ между тѣмъ покупщикъ одною уплатою денегъ еще не пріобрѣлъ права собственности, не имѣя установленнаго закономъ акта укрѣпленія, а потому преимущество отдается фактическому владѣльцу. Въ силу русскихъ законовъ въ томъ же пользованіи дѣла должно быть постановлено такое же рѣшеніе. Нѣкоторые талмудисты полагали, что фактическій владѣлецъ можетъ удержать имѣніе за собою, но долженъ возвратить покупщику уплаченныя деньги; но извѣстный глоссаторъ талмуда Рамбамъ говоритъ, что это мнѣніе не юридическое: можно, —говоритъ онъ, — признать фактическаго владѣльца человѣкомъ безнравственнымъ, но юридически нельзя вынудить его къ возврату имѣнія. Въ доказательство дѣйствительности изложеннаго представляю при семъ въ приложеніи выписку изъ переведеннаго мною трактата талмуда «Баба-Баѳра» того мѣста въ подлинныхъ дебатахъ талмудическихъ законоучителей, которое указано Брафманомъ. Изъ сказаннаго коммисія убѣдится, что споръ идетъ лишь объ интересахъ евреевъ между собою и что интересы не-еврея не только не нарушены, а, напротивъ, вполнѣ удовлетворены согласно его сдѣлкѣ, и что вслѣдствіе этого удовлетворенія возникаетъ споръ между двумя евреями. Объяснить же, почему

только имущество язычника именуется свободнымъ озеромъ— очень легко со словъ талмуда, потому что еврей, будучи обязанъ по закону выдать актъ укрѣпленія при отчужденіи своего имущества, однимъ полученіемъ покупной цѣны еще не отрекся отъ намѣренія владѣть своимъ имуществомъ, тогда какъ язычникъ, который считаетъ по своимъ законамъ сдѣлку законною по полученіи денегъ, отрекается отъ своего намѣренія владѣть и этимъ самымъ дѣлаетъ свое имущество свободнымъ для занятія, по выраженію талмуда, какъ пустыня, какъ имущество безхозяйное, по выраженію другихъ законодательствъ.

Институты «меропіе» (правильно—мааруфіо), «хазака» и «хезкасъ-ишувъ» дѣйствительно существовали, но они также касаются интересовъ евреевъ, а интересы не-еврея здѣсь ни причемъ.

Подъ «мааруфіо» слѣдуетъ разумѣть не умозатмѣніе, какъ полагаетъ Брафманъ, вслѣдствіе неправильнаго прочтенія слова и принятія его за греческое меропіе—затмѣніе, а кліентелу, торговыя сношенія, какъ объясняетъ филологическій лексиконъ Буксдорфа. Изъ «вопросовъ и отвѣтовъ» ученыхъ юрисконсультовъ, изложенныхъ въ «Нахласъ Шива», видно, что рѣчь идетъ о такихъ случаяхъ: 1) когда еврей купилъ у не-еврея вещь и далъ ему задатокъ, затѣмъ другой еврей надбавилъ цѣну и купилъ у не-еврея ту же вещь, а задатокъ перваго остался у не-еврея, который не хочетъ его возвратить, и 2) когда не-еврей купилъ у еврея вещь, а другой еврей сбавилъ цѣну на такого-же рода вещь, продалъ не-еврею свою вещь, вслѣдствіе чего уничтожена сдѣлка между не-евреемъ и первымъ евреемъ-продавцомъ. Ученые еврейскіе юристы, дававшіе отвѣты на случаи изъ дѣйствительной практики, по поводу предъявленныхъ однимъ евреемъ къ другому исковъ объ убыткахъ, разсуждаютъ, что убытки можно требовать лишь такіе, которые составляютъ вещественный вредъ, или, какъ выражаются еврейскіе юристы, поврежденіе имущества, бывшаго въ рукахъ потерпѣвшаго, но нельзя требовать убытковъ, ко-

торые состоятъ въ потерянной прибыли, такъ какъ ихъ въ сущности опредѣлить нельзя. На этомъ основаніи еврей, купившій у не-еврея вещь и потерявшій задатокъ вслѣдствіе произвольнаго расторженія сдѣлки не-евреемъ, можетъ требовать удовлетворенія въ этомъ вещественномъ вредѣ отъ второго еврея; тогда какъ еврей, продавшій дороже не-еврею свою вещь, не можетъ требовать убытковъ, такъ какъ убытки, выражающіеся въ потерянной прибыли, не подлежатъ опредѣленію. Такимъ образомъ видно, что не-евреи и въ томъ и въ другомъ случаѣ только выиграли отъ еврейской конкурренціи, а одинъ изъ нихъ даже унесъ задатокъ, а споръ идетъ между самими евреями по поводу сдѣлокъ, заключенныхъ съ не-евреями. Евреи съ не-евреями должны были судиться въ не-еврейскомъ судѣ, а этотъ судъ былъ таковъ, что ужъ лучше было въ немъ не судиться, какъ видно было изъ предъидущаго а потому евреи между собою судились въ своемъ судѣ, который руководствовался мнѣніемъ юристовъ.

«Хазака» есть право удержанія пользованія по давности. Законы о давности обычаемъ были распространены не только на сервитуты, но и на арендные договоры. Это произошло отъ того, что возрастаніе еврейскаго населенія возбудило въ средѣ его сильную конкурренцію, въ силу которой одинъ вытѣснялъ другого изъ единственной въ то время для евреевъ доступной сферы аренды. При такихъ условіяхъ необходимо было устранить ненормальность сильно развитой конкурренціи введеніемъ обычая, по которому одинъ еврей не долженъ былъ, по истеченіи давностнаго срока пользованія, лишать другого средствъ къ существованію, если этотъ другой исправно исполнялъ свои обязанности предъ владѣльцемъ имѣнія и арендовалъ не болѣе одной оброчной статьи и въ свою пользу. При такомъ порядкѣ интересы владѣльца оброчныхъ статей нисколько не страдали, потому что онъ во всякое время могъ требовать возвышенія арендной платы подъ угрозой удаленія отъ найма. Такое удаленіе еврея-арендатора непре-

мѣнно воспослѣдовало-бы, если-бы аренда была невыгодною для владѣльца; а потому дальнѣйшее пребываніе еврея въ качествѣ арендатора само по себѣ доказывало выгодность аренды для владѣльца. Хазака, такимъ образомъ, регулировала цѣнность оброчныхъ статей, удерживая ее на нормальной высотѣ, и въ этомъ именно содержалась ея экономическая заслуга, кромѣ нравственнаго начала, которое выдвинуто ею въ борьбѣ за существованіе. Точно также и продажа права на эксплуатацію христіанскихъ домовъ не выдерживаетъ критики. Дѣло идетъ опять не о продажѣ права на эксплуатацію, а о дѣйствительной продажѣ, и во всѣхъ случаяхъ продажи дѣло опять не касается интересовъ не-евреевъ, которые давнымъ давно удовлетворены еще до возникшаго между евреями спора. Позднѣйшіе изъ собранныхъ Брафманомъ актовъ относятся къ 1803 г., слѣдовательно, все, въ нихъ изложенное, относится къ періоду времени до общаго положенія о евреяхъ 1804 г., когда евреямъ предоставлялось еще вѣдаться въ кагалахъ по всѣмъ дѣламъ, а въ особенности это слѣдуетъ сказать о минскомъ кагалѣ, коего акты собраны Брафманомъ, такъ какъ въ Минской губерніи позднѣе, чѣмъ въ другихъ, оставался въ силѣ старый анархическій строй административно-судебной практики Магдебургскаго права *. Кагалъ, такимъ образомъ, совершилъ акты на отчужденіе участковъ изъ своихъ плацовъ и земель, какъ общественныхъ, а также на отчужденіе имущества частныхъ лицъ. Но въ числѣ этихъ актовъ было очень много такихъ, которые нуждались въ подтвержденіи со стороны кагала, какъ оффиціальнаго органа, права на владѣніе ими по спору, возникавшему между евреями относительно чиншеваго права на домъ, построенный на землѣ христіанина, или при самомъ установленіи чиншеваго права владѣльцамъ, или-же при продажѣ чиншеваго права, принадлежащаго са-

* Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ, Владимірскаго-Буданова, «Ж. М. Н. Пр.» 1868 г., сентябрь, 805 г.

мому кагалу. Извѣстно, что въ то время, къ которому относятся акты Брафмана, актовъ укрѣпленія не было, а при установленіи чиншеваго права владѣльцы записывали объ этомъ въ своихъ экономическихъ книгахъ. Этотъ порядокъ удержался и до сихъ поръ въ Западномъ краѣ и Бессарабіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣльцы позволяли себѣ выдавать документы на одно и то же право нѣсколькимъ лицамъ по произволу. И теперь то же самое встрѣчается нерѣдко. Поэтому, часто евреи, при установленіи чиншеваго права на землю владѣльца, записывали актъ о томъ въ книгахъ кагала, или засвидѣтельствовали его въ своемъ бесъ-динѣ, для предупрежденія споровъ въ будущемъ. Когда-же самъ кагалъ продавалъ принадлежавшее ему чиншевое право, то онъ гарантировалъ отъ вступщиковъ и обязывался ихъ удовлетворять, если-бы они заявляли о своихъ правахъ. Вотъ почему въ актахъ фигурируютъ имена пана Кистера, домъ пана Треберта, или Сапѣшки. Эти не-евреи свои права осуществляютъ, но евреи гарантируютъ себѣ твердость правъ запискою въ книгахъ кагала или бесъ-дина. Что въ этихъ актахъ идетъ рѣчь о продажѣ чиншеваго права, а не права эксплуатаціи, доказывается слѣдующимъ: 1) въ одномъ актѣ идетъ рѣчь объ уступкѣ половины дома или лавки и вводѣ во владѣніе этою половиною; 2) въ другомъ установляется сервитутъ: право на часть лѣстницы, ведущей въ погребъ, право на балконъ, право прохода чрезъ домъ и дворъ пана Кистера въ лавку и т. д.; 3) въ третьемъ продается пустопорожнее мѣсто въ городѣ, опредѣленное границами смежныхъ владѣльцевъ, и 4) предполагается уже ходатайство впослѣдствіи у начальства позволенія строить на пустопорожнемъ мѣстѣ. Очевидно, что нельзя предоставить эксплуатаціи половины дома или лавки, евреемъ-же вдобавокъ выстроенной, или эксплоатаціи части лѣстницы и прохода, или пустопорожняго мѣста, а во всѣхъ этихъ случаяхъ идетъ рѣчь о продажѣ дѣйствительнаго права чиншеваго. Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что въ одномъ актѣ (№ 100)

предполагается случай, когда лавки пріобрѣтены будутъ покупкой у пана Кистера, т. е. на совершенномъ правѣ собственности, и постановляется, что тогда чиншевикъ въ правѣ будетъ «разрушать и перестраивать постройки по своему желанію, какъ всякій собственникъ, безъ малѣйшей помѣхи съ чьей-либо стороны». Одно только явное злоупотребленіе переводомъ терминовъ и цѣлыхъ фразъ, которое сквозитъ во многихъ мѣстахъ, могло привести къ тѣмъ дикимъ выводамъ, которые установлены Брафманомъ. Жаль, что онъ, вмѣстѣ съ переводомъ, не обнародовалъ подлиннаго текста актовъ: только подъ этимъ условіемъ онъ могъ-бы внушить довѣріе къ добросовѣстности своего перевода.

Что-же касается вторженія въ семейную жизнь евреевъ предписаніемъ образа пищи и формы одежды и сборищъ, то это проистекаетъ не отъ регламентаторскихъ инстинктовъ кагала, а отъ законовъ о роскоши и господствовавшаго въ то время воззрѣнія на основаніе обложенія податями. Во всей Европѣ существовали законы о роскоши, а у насъ въ Россіи тоже, въ особенности въ то время, къ которому относятся минскіе кагальные акты. Изъ бесѣды Альфонса Великаго съ ученымъ евреемъ Бенвенештомъ видно, что первый предложилъ второму вопросъ: «Зачѣмъ вы наряжаетесь въ княжескія платья, что служитъ только къ тому, чтобы возбудить противъ васъ зависть и ненависть, тогда какъ я издалъ законъ въ своемъ государствѣ, который запрещаетъ вамъ носить шелковые платья? Что означаютъ всѣ ваши сборища, ваше расхаживаніе по базарамъ, на разныхъ праздникахъ обрѣзанія и другихъ въ роскошныхъ платьяхъ въ то время, какъ народъ взираетъ на это съ завистью?» * Изъ изслѣдованія Владимірскаго-Буданова: «Нѣмецкое право въ Литвѣ и въ Польшѣ» видно, что въ XVIII столѣтіи каменецкій инстингаторъ, поли-

* Ежегодникъ для исторіи евреевъ и іудаизма. Лейпцигъ, 1869 г. Уставъ кастильскихъ обществъ, Кейзерлинга.

цейскій чиновникъ, защищающій порядокъ и спокойствіе въ городѣ, жалуется на то, что нѣкто «Гавриченко переодѣвается въ одинъ день по три раза, что служитъ конфузіей для всего города, потому что офицеры насмѣхаются надъ этимъ и представляютъ насъ, убогихъ мѣщанъ, генералу—они-де очень богаты, если по три раза въ день перемѣняютъ такія богатыя одежды». Къ этому времени, какъ извѣстно, евреи облагались двойнымъ противъ прочихъ поданныхъ податями. Очевидно, что еврейскій инстингаторъ, кагалъ, долженъ былъ радѣть о томъ, чтобы ограничены были сборища у богатыхъ евреевъ, чтобы они не расхаживали въ богатыхъ одеждахъ и не избѣгали платежа налоговъ неупотребленіемъ мяса. Что дѣйствительно постановленія кагала относились только къ богатому классу, видно изъ самыхъ актовъ, въ которыхъ говорится, что постановленія кагала объ ограниченіи пиршествъ и соблюденіи правилъ объ обѣдахъ и одеждѣ не обязательны для бѣдныхъ (№№ 16 и 64). Такимъ образомъ, стѣсненіе богатыхъ классовъ и обложеніе ихъ налогомъ, для облегченія участи бѣдныхъ классовъ и предупрежденія возвышенія податей, доказываетъ только, что кагалъ понималъ положеніе своего народа и, отличаясь демократическимъ духомъ, всегда радѣлъ объ интересахъ еврейской массы, не допуская того, чтобы изъ-за шумныхъ и пышныхъ пировъ богатыхъ евреевъ—бѣдный классъ отягощенъ былъ большими повинностями или-же чтобы богатые-евреи избѣгали платежа налоговъ, въ каковомъ случаѣ эти послѣдніе должны были-бы во всей своей тяжести пасть на бѣдную массу. Видно, что кагала теперь нѣтъ, если всѣ специальные налоги по коробочному и свѣчному сборамъ подаютъ всѣмъ бременемъ своимъ преимущественно на еврейскую массу.

Такимъ образомъ видно, что даже во время своего существованія кагалъ былъ учрежденіемъ полезнымъ и стоялъ далеко выше представителей власти господствовавшей среды XVIII стол., которые, по свидѣтельству актовъ, содержаніе

коихъ передается Владимірскимъ-Будановымъ, растрачивали городское имущество, бились и дрались въ присутственныхъ мѣстахъ и нарушали существенныя права, имущественныя и личной свободы, гражданъ. Въ настоящее-же время исчезли тѣ условія, которыя вызывали къ жизни «хазаку» и «меропіе», исчезъ и еврейскій судъ, въ которомъ евреи возстановляли свои права по нарушенію ихъ взаимныхъ правъ по поводу сдѣлокъ, заключенныхъ съ не-евреями, а потому и смѣшно думать, что теперь существуетъ гдѣ-нибудь подпольный органъ, организующій и направляющій еврейскія дѣла къ спеціальной цѣли—эксплоатаціи кореннаго населенія.

Въ заключеніе считаю небезполезнымъ указать, что въ концѣ XVIII ст. и русскіе города составляли кагальные заговоры противъ правительства не лучше, если не хуже того кагала, который мерещится многимъ у насъ въ Россіи. И. С. Аксаковъ проводитъ въ издаваемой имъ газетѣ «Русь» (№ 2, за 1880 г.) замѣчательный фактъ, что, по полученіи въ г. Мологѣ, Ярославской губерніи, грамоты Екатерины 1785 г., жители постановили секретный приговоръ, по которому, рядомъ съ казенною думою, дѣйствовавшею оффиціально на основаніи грамоты, сохранили негласно прежнее общественное управленіе. Въ теченіи 61 года, съ 1786 по 1847 г., существовали, такимъ образомъ, два городскихъ самоуправленія: казенное съ 4000 р. дохода, и тайное съ 20000 р. дохода. По первому отчеты отдавались по начальству, а по другому—обществу. Тотъ самый И. С. Аксаковъ. который приходитъ въ ужасъ отъ несуществующаго кагала, считаетъ указанную выше тайную борьбу городовъ съ правительствомъ единственнымъ основаніемъ ихъ процвѣтанія, а, напротивъ, упадокъ ихъ приписываетъ вліянію правительственной регламентаціи. Это было въ концѣ XVIII и продолжалось до исхода первой половины XIX столѣтія. Но и теперь Восточная Россія, гдѣ евреевъ нѣтъ и куда ни одинъ лучъ талмуда не проникаетъ, органи-

зуется кагалами съ цѣлью достигнуть лучшихъ способовъ эксплоатаціи народныхъ силъ. «Страна» указываетъ, что въ Сѣверномъ Приуральѣ, съ цѣлью поддержанія авторитета господствующэй тамъ монополіи, устроены конгрессы крупныхъ виноторговцевъ, которые ежегодно съѣзжаются въ Екатеринбургѣ,—конгрессы которыхъ народъ уже успѣлъ окрестить «кабацкими комитетами». На этихъ конгрессахъ дается торжественное обѣщаніе, подкрѣпляемое, впрочемъ, и денежными обязательствами не пускать въ ходъ второстепенныхъ винокуренныхъ заводовъ, а предоставить дѣйствовать однимъ первостепеннымъ, совершенно достаточнымъ, по сдѣланному цифровому разсчету для удовлетворенія народнымъ потребностямъ въ винѣ. За такую уступку всѣ второстепенные заводчики получаютъ отъ первостепенныхъ значительныя арендныя суммы за бездѣйствіе заводовъ. Подробности этой организаціи поразительны и предъ нею блѣднѣютъ всякая «хазака» и всякая «меропіе», даже въ томъ ужасающемъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ихъ Брафманъ. Еврейская организація имѣла цѣлью ослабить губительное вліяніе чрезмѣрно развившейся конкурренціи, а русская организація имѣетъ цѣлью удержать на подобающей высотѣ монополію. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что всякая организація вызывается извѣстными политическими, или экономическими условіями, совершенно независимо отъ національныхъ свойствъ организаторовъ: организуется русскій городъ въ XVIII столѣтіи, когда онъ убѣжденъ, что порядокъ, которому его подчиняютъ, идетъ въ разрѣзъ съ интересами общества; организуется питейный промыселъ на монопольныхъ началахъ, когда отсутствуетъ сила конкурренціи. Для устраненія противозаконія въ подобныхъ случаяхъ необходимо совершенно устранить источникъ организаціи, а не создавать ограниченія, которыя только усиливаютъ зло. Если бы по отношенію къ евреямъ можно было отрѣшиться отъ исключительныхъ взглядовъ, приписывающихъ

вся и все пламеннымъ свойствамъ народности, и стать на болѣе широкую почву экономическихъ и соціальныхъ условій, вызывающихъ одинаковыя явленія и въ такихъ сферахъ, гдѣ еврейское вліяніе вовсе не проявляется,—если бы это оказалось возможнымъ, то еврейскій вопросъ могъ бы получить самое правильное разрѣшеніе.

ВОЗМОЖНО-ЛИ И СЛѢДУЕТЪ-ЛИ

ПРЕДОСТАВИТЬ ЕВРЕЯМЪ ПРАВО САМОУПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДѢЛАМИ?

Разрѣшеніе вопроса о религіозно-общественномъ культѣ евреевъ всегда составляло трудную задачу въ смыслѣ государственномъ, потому что оно тѣсно связано было съ отношеніемъ государства къ церкви вообще и къ еврейской религіи въ особенности. Въ современныхъ намъ государствахъ Западной Европы формы религіозно-общественнаго строя евреевъ сводятся къ нѣсколькимъ типамъ: или государство принимаетъ на себя расходы по еврейскому культу, выговаривая себѣ право сообщить извѣстный порядокъ управленію духовными дѣлами евреевъ, наиболѣе сообразный съ основнымъ взглядомъ государства на политическое значеніе религіи (Франція, Бельгія); или же оно относитъ расходы по культу на счетъ еврейскихъ обществъ, но, предоставляя имъ извѣстныя корпоративныя права, оставляетъ за собою право контроля надъ порядкомъ, избираемымъ еврейскими обществами въ управленіи духовными дѣлами (германскія государства); или же, предоставляя общинамъ полную автономію во всемъ, государство охранною грамотою гарантируетъ свободу и ненарушимость религіозныхъ отправленій (Америка). Но во всѣхъ случаяхъ, не говоря уже о гарантированіи свободы въ отправленіи религіи, еврейскимъ обществамъ предоставляется большая или меньшая автономія въ управленіи дѣлами, ограниченная лишь

тѣми требованіями, которыя государство можетъ и вправѣ предъявить къ религіозно-общественнымъ корпораціямъ.

Отъ этихъ современныхъ формъ религіозно-общественной жизни евреевъ далеко отстоятъ установившіяся у насъ формы, не потому, чтобы духъ и разумъ развивающагося законодательства препятствовали бы обновленію ихъ, а потому, что современное развитіе нормъ, опредѣляющихъ право управленія дѣлами различныхъ сословныхъ группъ, удержавшихся въ нашемъ законодательствѣ, далеко оставляетъ за собою однородныя нормы, относящіяся къ управленію дѣлами евреевъ, какъ отдѣльной, сословно-городской корпораціи. Вся бѣда въ томъ, что при сознаніи необходимости реформы въ какой нибудь сферѣ законодательства, или за неимѣніемъ спеціальныхъ свѣдѣній по всѣмъ частямъ, входящимъ въ данную сферу, или же вслѣдствіе сосредоточенія своей заботливости на болѣе общихъ частяхъ, очень часто оставляютъ безъ вниманія цѣлую область совершенно однородныхъ нормъ, не приводя ее въ органическую связь со вновь созданною системою. Неизбѣжнымъ результатомъ такого порядка вещей является именно то, что, съ одной стороны, среди новыхъ зданій, отличающихся изяществомъ отдѣлки и формъ, торчатъ какія-то безобразныя глыбы-развалины, существованіе которыхъ приписывается не небрежнему къ нимъ отношенію со стороны строителей, а свойствамъ почвы, на которой онѣ держатся, а съ другой стороны, исчезаетъ возможность оріентироваться во всѣхъ этихъ постройкахъ и пристройкахъ, возникаютъ затрудненія для самыхъ административныхъ властей при примѣненіи закона: не имѣя возможности, рядомъ съ новымъ, созданнымъ въ законахъ порядкомъ, допускать проявленіе въ жизни старыхъ, отжившихъ формъ, одни администраторы даютъ широкое примѣненіе новому порядку, хотя старый въ данныхъ частяхъ еще не отмѣненъ. Въ то же время другіе администраторы, сознавая невозможность примѣненія новаго порядка къ такимъ дѣламъ, на которыя онъ не распространяется, и вмѣстѣ съ

тѣмъ, находя неумѣстнымъ старый, противорѣчащій общей системѣ, порядокъ, стараются его устранить, примѣняясь къ болѣе спеціальнымъ, старымъ формамъ, которыя, по ихъ понятіямъ, ближе подходятъ къ новому порядку. Въ обоихъ случаяхъ они впадаютъ въ противорѣчіе, отъ котораго проистекаетъ отсутствіе единообразнаго примѣненія закона. Такъ, одни администраторы находятъ, что тамъ, гдѣ введено городовое положеніе, еврейскія общества всецѣло поглощаются общесословными интересами и не составляютъ отдѣльной, въ хозяйственномъ смыслѣ, единицы, которая могла бы защищать свои интересы передъ администраціей и судомъ; другіе же полагаютъ, что въ дѣлахъ, въ которыхъ можетъ идти рѣчь о представительствѣ евреевъ, какъ отдѣльной отъ другихъ сословій корпораціи, должны имѣть примѣненіе не общіе законы о евреяхъ, а спеціальное положеніе о коробочномъ сборѣ, гдѣ евреи представляются лицами не по своему собственному выбору, а по приглашенію управы изъ людей осѣдлыхъ и зажиточныхъ. Такихъ противорѣчій во взглядахъ администраціи на порядокъ представительства еврейскихъ обществъ цѣлая масса, но мы привели наиболѣе выдающіяся, основныя противорѣчія. Корень ихъ заключается въ томъ, что, сталкиваясь съ такими спеціальными интересами евреевъ, въ которыхъ остальныя сословныя корпораціи участія ни въ какомъ случаѣ принимать не могутъ, администрація, очевидно, должна признавать, что представителемъ этихъ интересовъ могутъ быть одни евреи, а не все городское общественное управленіе, а потому они ихъ, волею-неволею, считаютъ отдѣльною корпораціею, которая должна осуществлять свои права не въ общемъ порядкѣ; но такъ какъ старый порядокъ представительства евреевъ кажется имъ безконтрольнымъ, не основаннымъ на какихъ либо твердыхъ началахъ, они примѣняютъ болѣе понятный порядокъ представительства, установленный положеніемъ о коробочномъ сборѣ. Сталкиваясь же съ болѣе общими, отвлеченными правами еврейскихъ обществъ, каковы: право

ходатайства, право иска, администраторы, теряя изъ виду спеціальный характеръ предметовъ спора, а останавливаясь лишь на самомъ правѣ, очень легко допускаютъ возможность представительства евреевъ болѣе крупными, общественными единицами и приходятъ, поэтому, къ заключенію, что евреи, по своимъ хозяйственнымъ интересамъ, вовсе не составляютъ отдѣльной корпораціи, а представляются другими, ихъ поглощающими. Но такія разнорѣчивыя примѣненія закона, независимо отъ приносимаго ими вреда въ смыслѣ административной политики, причиняютъ значительный ущербъ хозяйственнымъ интересамъ еврейскихъ обществъ, во имя которыхъ мы рѣшились теперь высказаться.

Извѣстно, что со времени присоединенія къ Россіи западныхъ губерній, въ нихъ оставлено было кагальное устройство управленія дѣлами съ предоставленіемъ кагалу широкихъ правъ внутренняго самоуправленія и возложеніемъ на него обязанности исправнаго исполненія за все подвѣдомственное ему общество всѣхъ государственныхъ податей и повинностей. Нѣсколько позже изъяты были изъ-подъ вѣдомства кагаловъ одни судныя дѣла. Кагальная система, такимъ образомъ, была основана на началѣ самостоятельной автономіи въ управленіи дѣлами еврейскихъ обществъ. Единственное ограниченіе состояло въ подчиненіи кагаловъ, въ отношеніи завѣдыванія общественными суммами, различнымъ административнымъ органамъ въ смыслѣ представленія отчетностей, и то лишь для провѣрки тождественности отчетовъ, представляемыхъ обществу, и отчетовъ, представляемыхъ начальству. Правительство того времени, какъ видно, болѣе заботилось объ исправности еврейскихъ обществъ, какъ финансовыхъ контингентовъ, чѣмъ объ устройствѣ ихъ внутреннихъ дѣлъ, какъ религіозно-общественныхъ корпорацій. Вотъ чѣмъ объясняется то, что въ то время, въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, правительство даровало евреямъ право самостоятельнаго управленія дѣлами своихъ обществъ. Съ развитіемъ же административныхъ силъ

государства и водворенiемъ болѣе общаго порядка на окраинахъ Россiи, автономiя еврейскихъ обществъ должна была пошатнуться, кагальное устройство было уничтожено, и евреи были подчинены общимъ органамъ управленiя и суда. По дѣламъ же *хозяйственнымъ*, *податнымъ* и *о правахъ состоянiя* они подчинены были *городскимъ учрежденiямъ;* но, сверхъ участiя въ различныхъ сословныхъ учрежденiяхъ, какъ части одного цѣлаго, они распоряжались своими собственными дѣлами, спецiально-еврейскими, въ которыхъ другiя сословiя не могли принимать никакого участiя, каковы: выборы раввиновъ, различныхъ должностныхъ лицъ для еврейско-общественныхъ заведенiй, сооруженiе и починки различныхъ общественныхъ построекъ, забота о школахъ, призрѣнiя и различныхъ общественныхъ нуждахъ. Сверхъ того, среди общихъ еврейскихъ потребностей, взятыхъ какъ одно цѣлое, существовали и существуютъ теперь, на основанiи закона, отдѣльные, болѣе частные интересы различныхъ молитвенныхъ собранiй, образуемыхъ прихожанами разныхъ синагогъ и молитвенныхъ домовъ, и представляемыхъ особыми органами, такъ называемыми духовными правленiями. Когда же введено было городовое положенiе, то дѣла *хозяйственныя* и *податныя* еврейскихъ обществъ подчинены были городскимъ общественнымъ управленiямъ, а *дѣла о правахъ состоянiя*, которыя прежде вѣдались городскими думами, подчинены подлежащимъ сословнымъ учрежденiямъ по принадлежности. Такимъ образомъ, относительно дѣлъ о правахъ состоянiя, евреи подведены были подъ общiй законъ, входя въ другiя сословныя корпорацiи. Извѣстно, что по нашимъ законамъ существуютъ до сихъ поръ особыя сословныя управленiя: купечества, мѣщанства и ремесленниковъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, въ промышленномъ отношенiи достаточно развитыхъ, существуютъ особые органы управленiя, каковы: купеческая управа, мѣщанская управа, ремесленная управа. Это совершенно понятно, ибо, соединяясь вмѣстѣ, въ одно цѣлое съ другими городскими обывателями,

по интересамъ, представляющимся для всѣхъ ихъ общими, эти отдѣльныя сословія, по своей юридической организаціи, имѣютъ еще отдѣльные, имъ однимъ свойственные, специальные интересы, которые не касаются всѣхъ городскихъ обывателей и всѣхъ сословій, взятыхъ въ совокупности. Насколько мы помнимъ, въ первое время введенія городоваго положенія возникли недоразумѣнія такого рода, что многіе полагали, что, съ учрежденіемъ всесословныхъ управленій, всѣ хозяйственные и имущественные интересы отдѣльныхъ сословій сливаются въ одно цѣлое и что всѣ отдѣльныя части поглощаются этимъ послѣднимъ. Эти взгляды повели къ довольно серьезнымъ столкновеніямъ, которыя были разъяснены въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» въ приведенномъ выше смыслѣ и въ духѣ дѣйствующихъ у насъ законовъ. Въ отношеніи хозяйственныхъ и податныхъ дѣлъ евреевъ, слѣдовало, такимъ образомъ, пойти въ томъ же направленіи, т. е. слѣдовало бы совершить законодательную реформу такимъ образомъ, чтобы и евреевъ во всемъ томъ, что касается ихъ спеціальныхъ хозяйственныхъ интересовъ, выдѣлить въ особую группу и предоставить имъ, наравнѣ съ группами купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, отдѣльное управленіе дѣлами въ особомъ учрежденіи подъ названіемъ еврейской управы. Чѣмъ, спрашивается, отличаются интересы купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ отъ прочихъ интересовъ городскихъ жителей? Не инымъ чѣмъ, какъ спеціальностью своею, какъ тѣмъ, что эти интересы могутъ быть свойственны имъ однимъ, какъ сословіямъ, облеченнымъ по закону особыми правами и обязанностями и выдѣленнымъ, поэтому, въ особыя группы. Чѣмъ, спрашивается, отличаются «*еврейскія городскія сословія*» (терминъ законодательный—ст. 1510 т. IX, изд. 1857 и 982 т. IX, изд. 1876 г.), по своимъ спеціальнымъ интересамъ, установленнымъ закономъ, отъ прочихъ городскихъ сословій? Не тѣмъ ли, что отчасти по требованіямъ закона, отчасти по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ и общественнымъ надобностямъ, имъ присвоены особыя

потребности, нераздѣляемыя другими сословіями, для удовлетворенія которыхъ имъ необходимымъ особый хозяйственный порядокъ и особое управленіе? Если же основаніе для выдѣленія изъ цѣлаго организма отдѣльныхъ частей, по отношенію къ различнымъ группамъ, существуетъ одно и то же—*спеціальность интересовъ*,—то, спрашивается, почему не употреблять одинаковыхъ мѣръ и вѣсовъ для совершенно одинаковыхъ условій? Отчего купечество, мѣщанство, ремесленники, въ составъ которыхъ входятъ и евреи по принадлежности, въ силу правъ состоянія, могутъ имѣть свои отдѣльныя, независимыя отъ городской управы, учрежденія, а евреи, какъ отдѣльныя городскія сословія, съ своими спеціальными интересами, этого имѣть не могутъ?

Правда, намъ могутъ возразить, что, входя въ другія городскія сословія, какъ составная ихъ часть, евреи, по закону, составляютъ не болѣе 1/3, а потому они не могутъ достигнуть преобладающаго вліянія въ управленіи дѣлами; между тѣмъ въ управленіи ихъ спеціальными дѣлами имъ придется управлять всецѣло, а это нѣсколько опасно. Но, вопервыхъ, въ отношеніи участія евреевъ въ управленіи дѣлами другихъ городскихъ сословій, представляется опасеніе, что евреи могутъ сообщить этимъ интересамъ направленіе въ сторону своей личной выгоды; между тѣмъ въ интересахъ спеціально-еврейскихъ такого опасенія быть не можетъ. Вовторыхъ, всякое опасеніе могло бы разсѣяться, если бы во главѣ учрежденія, имѣющаго вѣдать спеціально-еврейскія дѣла, поставить человѣка, вполнѣ благонадежнаго, которому правительство довѣряетъ, какъ это дѣлалось относительно раввинскихъ семинарій, во главѣ котораго всегда стояло лицо, довѣренное отъ правительства. Могутъ сказать опять, въ чемъ тутъ дѣло: что мѣшаетъ евреямъ, когда ихъ дѣла сосредоточиваются въ городскихъ управахъ? Развѣ городскія управы менѣе благонадежны, чѣмъ еврейскія управы? Это совершенно вѣрно; но существенная разница здѣсь въ роляхъ, въ томъ соотношеніи,

которое устанавливается между управою и еврейскими обществами. При нынѣшнемъ порядкѣ инициатива въ рукахъ управы; она полновластна: желаетъ она,—и созываются евреи для разрѣшенія своихъ дѣлъ; не желаетъ—не созываются. Самые насущные интересы еврейскихъ обществъ могутъ страдать, а еврейскія общества сами не могутъ, не въ состояніи дать хода дѣламъ, которыя ближайшимъ образомъ интересуютъ ихъ. При такихъ условіяхъ образуются особаго рода управскіе ходоки, которые хлопочутъ за еврейскія общества безъ вѣдома съ ихъ стороны: дѣла направляются иногда въ интересахъ отдѣльныхъ партій, обращающихся къ услужливымъ ходокамъ,—а все общество, чувствуя вредъ, наносимый общественному дѣлу, вынуждено молчать. Оно не можетъ заявить объ этомъ управѣ, потому что не имѣетъ своего органа, а сама управа, по тѣмъ или другимъ причинамъ, бездѣйствуетъ. Другое дѣло, когда дѣла будутъ сосредоточиваться въ рукахъ еврейскаго представительства, когда инициатива будетъ ему принадлежать,—тогда, конечно, дѣла еврейскихъ обществъ будутъ направляться гораздо болѣе цѣлесообразно. Теперь же всѣ городскія сословія сами вѣдаютъ свои дѣла, направляютъ ихъ совершенно сообразно съ своими интересами, подчиняясь лишь внѣшнему контролю подлежащаго начальства. Направленіе же и веденіе дѣлъ еврейскихъ обществъ, среди этого, установленнаго закономъ для опредѣленныхъ сословій порядка, представляютъ крайнюю аномалію, разительное отступленіе, въ которомъ выражается недовѣріе къ цѣлому сословію лицъ даже въ томъ случаѣ, кагда они будутъ дѣйствовать на основаніи опредѣленнаго положенія и при извѣстномъ подчиненіи подлежащему начальству.

Нѣкоторые полагаютъ, что нынѣ дѣйствующій въ отношеніи представительства еврейскихъ обществъ порядокъ гораздо болѣе гарантируетъ правильность отправленія дѣлъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы оно передано было въ руки самихъ еврейскихъ обществъ. Но это мнѣніе ошибочно: напротивъ,

теперь, прикрываясь инициативою городскихъ общественныхъ управленій, евреи, благодаря нѣкоторымъ условіямъ, имѣютъ больше возможности направлять дѣла въ духѣ отдѣльныхъ партій, въ томъ предположеніи, что вся отвѣтственность падетъ на учрежденіе, которому дѣла ихъ подвѣдомственны, и что они останутся ни при чемъ. Между тѣмъ, когда инициатива и руководство будутъ принадлежать самимъ еврейскимъ обществамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, опасаясь непосредственной отвѣтственности и не имѣя возможности перелагать ее на другихъ, еврейская управа должна будетъ направлять дѣла въ духѣ закона и общаго интереса. Къ этому еще присоединится и то, что контроль надъ дѣйствіями еврейской управы усилится со стороны самихъ евреевъ, которые, не смотря на всю приписываемую имъ солидарность, живѣе другихъ національностей возстаютъ противъ своего собрата, если онъ, по ихъ мнѣнію, уклоняется отъ общественнаго долга. Кто хорошо знакомъ съ жизнью еврейскихъ обществъ, тотъ отлично знаетъ, что каждый общественный дѣятель скорѣе боится своихъ же собственныхъ единовѣрцевъ, чѣмъ кого либо другаго; что контролировать другъ друга евреи мастера, въ особенности когда рѣчь заходитъ объ общественномъ интересѣ. Начальство не отобьется отъ разныхъ жалобъ, которыя посыпятся на голову еврейскаго представительства, когда только кому нибудь изъ евреевъ покажется, что онъ поступилъ неправильно. Между тѣмъ, теперь тишь да гладь да Божья благодать, которой, вѣроятно, приписываютъ ровность и правильность въ направленіи еврейскихъ дѣлъ. Пора взглянуть на дѣло правильно и отрѣшиться отъ страха, наводимаго пугаломъ еврейскаго самоуправленія; пора посмотрѣть на управленіе дѣлами еврейскихъ обществъ точно также, какъ законъ и общество смотрятъ на управленіе дѣлами купеческихъ, мѣщанскихъ и ремесленныхъ обществъ; пора убѣдиться, что въ основаніи и тѣхъ и другихъ лежитъ одно и тоже начало—спеціальность интересовъ, которые, по самой своей сущности, должны вѣдаться ближе

всего тѣми сословіями, которыхъ они касаются. Здоровый взглядъ на дѣло, привыкшій въ жизни находить то, что она собою представляетъ, а не то, что она должна скрывать въ себѣ, и прилагать одинаковый масштабъ къ совершенно одинаковымъ явленіямъ общественной жизни.—такой взглядъ не можетъ не высвобождаться изъ-подъ рутиннаго угла зрѣнія на еврейское представительство, не можетъ не признавать, что еврейскія общества въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ не могутъ руководиться иными побужденіями, чѣмъ тѣ, какими руководятся общества купеческія, общества мѣщанскія и общества ремесленныя.

Въ особенности тормозятся дѣла при разрѣшеніи частныхъ вопросовъ, представляющихъ иногда чрезвычайный интересъ. Отчасти незнаніе дѣла, невѣдѣніе о существующихъ по спеціальнымъ предметамъ законоположеній, отчасти же рутинные канцелярскіе взгляды, служатъ иногда источникомъ довольно серьезныхъ недоразумѣній, отъ которыхъ несправедливо страдаютъ интересы евреевъ. Извѣстно, напримѣръ, что у евреевъ существуютъ два спеціальныхъ сбора: коробочный и свѣчной. Первый назначенъ для удовлетворенія долговъ общественныхъ, государственныхъ податей и повинностей и общественныхъ надобностей евреевъ; второй же спеціально для народнаго образованія. Оба сбора взимаются различными способами Между тѣмъ, многія общества, исполняя такую тяжелую повинность, какъ коробочная, не въ состояніи болѣе, по особенной раскладкѣ, исполнять повинность свѣчную, вслѣдствіе чего въ юго-западномъ краѣ фактическая необходимость привела къ тому, чтобы покрывать нужды свѣчного сбора средствами изъ коробочнаго, въ которомъ всегда, слава Богу, оказываются остатки. Фактъ, такимъ образомъ, сталъ въ рѣзкое противорѣчіе съ закономъ; но, указанный грозною необходимостью, крайнею нищетою еврейскихъ обществъ, онъ volens-nolens признавался мѣстною администраціею. Но на это обращено было досто должное вниманіе и велѣно обратиться

къ законному порядку. Губернское начальство нѣсколько разъ пыталось оправдать установившійся фактъ въ силу роковой необходимости, но должно было уступить предписаніямъ, распространяя, однако, эти послѣднія лишь на время будущее, а не прошедшее. Въ то время обращено было вниманіе на то, что въ одномъ изъ главныхъ городовъ юга Россіи такимъ же способомъ покрываются нужды свѣчнаго сбора, вслѣдствіе чего предписано было въ сметѣ расходовъ по коробочному сбору уничтожить статью, предназначенную на покрытіе расходовъ по свѣчному сбору, и произвести раскладку свѣчного сбора отдѣльно за все время, въ теченіи котораго приведенный выше способъ практиковался. Сумма сбора, подлежавшая раскладкѣ, была слишкомъ значительная, чтобы на ней не остановиться: исполненіе этой раскладки оказалось невозможнымъ. Между тѣмъ, пріостановлена была выдача изъ коробочнаго сбора на содержаніе учебныхъ заведеній, начальство которыхъ завопило благимъ матомъ. Переполохъ произошелъ всеобщій. Остановились на томъ, что необходимо избрать коммисію, въ которую пригласить спеціалистовъ. Въ первомъ же засѣданіи комиссіи однимъ изъ спеціалистовъ было указано, что относительно даннаго города существуетъ неотмѣненный до сихъ поръ спеціальный законъ о покрытіи нуждъ по свѣчному сбору средствами изъ коробочнаго; что въ силу этого закона способъ этотъ практиковался въ этомъ городѣ; что благодаря смѣнамъ администрацій въ теченіи 20 лѣтъ, самый источникъ, вызвавшій къ жизни сказанную практику, былъ совершенно забытъ, а самый законъ, изложенный въ циркулярѣ министерства на имя бывшей думы, застрялъ въ какой-то бухгалтеріи, куда онъ попалъ для временнаго перенесенія счетовъ, но былъ отысканъ въ архивѣ генералъ-губернатора и сличенъ съ закономъ объ этомъ же предметѣ, помѣщенномъ въ полномъ Собраніи Законовъ; разработанъ былъ исторически и параллельно весь матеріалъ, относящійся къ коробочному и свѣчному сборамъ для того, чтобы доказать, что означенный

законъ не отмѣненъ, а, напротивъ, сохраненъ въ своей силѣ, — и оказалось, что-то, что признавалось порядкомъ незаконнымъ, подлежащимъ отмѣнѣ, составляетъ незыблемый, установленный закономъ порядокъ, и что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за недоразумѣній. Но пока все это разъяснилось, пока перебрасывались архивы, пока разсматривались всѣ дѣла съ 1855 г., времени изданія сказаннаго закона, для того, чтобы прослѣдить всю нить перипетій въ примѣненіи закона на практикѣ, пока все это дѣлалось, страдали всѣ учебныя заведенія, и лишь послѣ признанія справедливости выводовъ коммисіи со стороны управы и начальства, посыпались телеграммы куда слѣдуетъ о возстановленіи нарушеннаго порядка, и учебныя заведенія вздохнули свободнѣе. Всего этого не было бы, если бы дѣла сосредоточивались непосредственно въ рукахъ еврейскаго представительства.

Этотъ примѣръ, намъ кажется, отличается достаточно убѣдительностью; но мы считаемъ необходимымъ изъ всей массы фактовъ, которыми кишмя кишитъ нынѣ дѣйствующее завѣдываніе еврейскими дѣлами, выдѣлить еще два болѣе крупныхъ факта, которые во очію докажутъ, насколько оказываются безсильными законныя желанія еврейскихъ обществъ противъ канцелярской рутины.

Первый и одинъ изъ весьма важныхъ вопросовъ, интересующихъ всѣ еврейскія общины Россіи, — это вопросъ объ источникѣ удовлетворенія раввиновъ жалованьемъ. Рутина утвердила незыблемый принципъ, что раввины не могутъ получать жалованья изъ коробочнаго сбора. Такой взглядъ утвердился единственно благодаря тому, что по отношенію къ евреямъ, не задаютъ себѣ труда ознакомиться съ законодательными терминами и изучить всѣ въ совокупности существующія у евреевъ по закону установленія. Въ 62 ст. прилож. къ 281 ст. т. V св. законовъ сказано: «что касается до издержекъ на содержаніе *духовныхъ лицъ* и на предметы вѣроисповѣданія, то оныя не относятся на коробочный сборъ, а

удовлетворяются изъ добровольныхъ приношеній, изъ сбора въ *кружки по молитвеннымъ домамъ* и т. д.». Такъ какъ въ этой статьѣ, разсуждаютъ рутинеры, говорится о содержаніи *духовныхъ лицъ* и указывается на кружки *молитвенныхъ домовъ*, а по общепринятымъ понятіямъ слѣдуетъ подъ духовными лицами разумѣть представителей церкви еврейской, то эти духовныя лица суть не кто иной, какъ *раввины*, которые, поэтому, не имѣютъ права на полученіе жалованья изъ коробочнаго сбора. Рѣшено и подписано. Но такъ-ли это? Не разумѣется-ли подъ духовными лицами евреевъ кто нибудь другой, а не раввинъ, и составляетъ-ли, по нашимъ законамъ, раввинъ духовное лицо,—вотъ вопросы которые должны были себѣ задавать люди, стремящіеся къ разрѣшенію вопросовъ на основаніи законныхъ данныхъ. Попробуемъ разрѣшить ихъ, какъ слѣдуетъ. Приведенную выше ст. 62 изъ положенія о коробочномъ сборѣ слѣдуетъ привести въ связь съ тѣмъ источникомъ, который ее вызвалъ, и лишь тогда станетъ ясно, что это такое за духовныя лица. Въ XI т. св. законовъ, въ отдѣлѣ объ управленіи духовными дѣлами евреевъ, говорится о молитвенныхъ обществахъ и ихъ органахъ. Такими органами являются такъ называемыя духовныя правленія евреевъ, состоящія изъ старосты (гоба), казначея (немонъ) и ученаго (ст. 1069 и 1070 т. XI). Въ статьѣ же 1068 того же тома говорится: «*поддержки на содержаніе духовныхъ правленій и на предметы богослуженія удовлетворяются изъ добровольныхъ приношеній и изъ сбора въ кружки при молитвенныхъ домахъ* (а не изъ коробочнаго сбора)». Читатели, кажется, узнали здѣсь ту же самую знаменитую ст. 62 съ тою только разницею, что, вмѣсто «*духовныхъ лицъ*», здѣсь сказано «*духовныхъ правленій*», и вмѣсто «*предметы вѣроисповѣданія*», здѣсь сказано «*предметы богослуженія*». Такимъ образомъ, очевидно, какъ Божій день, что подъ духовными лицами, не получающими жалованья изъ коробочнаго сбора, а изъ приношеній и сборовъ въ кружки при молитвенныхъ домахъ, слѣ-

дуетъ разумѣть не *раввиновъ*, а *членовъ духовныхъ правленій*, т. е. ученаго, старосту и казначея, которые, будучи. представителями молитвенныхъ обществъ, получаютъ содержаніе изъ приношеній своихъ прихожанъ и сборовъ въ кружки при тѣхъ молитвенныхъ школахъ, при которыхъ они состоятъ. Правда, противъ этого возражаютъ, что раввины также считаются членами духовныхъ правленій (ст. 1071); но упускаютъ изъ виду, что раввины, какъ видно изъ той же статьи, суть члены духовныхъ правленій не по выбору молитвенныхъ обществъ, а въ *силу своего званія*. и суть поэтому *непремѣнные* члены духовныхъ правленій, *всегдашніе его члены* (ст. 1072). Это есть лицо правительственное, введенное, какъ свѣтскій элементъ, для контроля членовъ духовныхъ правленій, служащихъ по выбору. Но что еврейскіе раввины дѣйствительно не суть духовныя лица по нашимъ законамъ, ясно видно изъ 4-го примѣненія къ ст. 5-й приложенія къ ст. 1679 т. IX св. законовъ изданія 1857 г. Здѣсь еврейскіе раввины не признаются духовными лицами, такъ какъ у евреевъ, говоритъ законъ, нѣтъ духовенства, нѣтъ духовнаго сословія, а потому они, въ отношеніи переписи, не пользуются правами лицъ, къ духовенству приписанныхъ. Они не пользуются, какъ видно изъ того же закона, правами караимскихъ гахамовъ и газановъ, которые признаются духовенствомъ. О духовенствѣ евреевъ нѣтъ рѣчи и тогда, когда говорится о духовныхъ правленіяхъ, а тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи о раввинѣ, какъ о духовномъ даже лицѣ. Въ постановленіяхъ о раввинѣ ни разу онъ не называется духовнымъ лицомъ; между тѣмъ, когда рѣчь идетъ о духовныхъ дѣлахъ евреевъ-караимовъ, въ самомъ заголовкѣ говорится о составѣ *духовенства* (ст. 1047), а въ приложеніи къ этой статьѣ по продолженію 1863 г. (ст. 2) прямо говорится: «*духовенство* караимовъ составляютъ два гахама, газаны и шамаши». Такимъ образомъ, ясно, что нашъ законъ исключаетъ раввиновъ изъ числа лицъ, входящихъ въ духовенство, и гдѣ рѣчь идетъ о

привиллегіяхъ, духовенству присвоенныхъ, исключаются равины на томъ основаніи, что у евреевъ духовенства нѣтъ, тогда какъ существованіе духовенства у караимовъ закономъ октроируется. Но для того, чтобы уничтожить всякія недоразумѣнія по этому предмету, т. е. по вопросу о томъ, получаютъ-ли и должны-ли получать раввины жалованье изъ коробочнаго сбора, мы должны обратиться къ тѣмъ законоположеніямъ которыя положительнѣйшимъ образомъ это допускаютъ и даже считаютъ обязательнымъ внесеніе въ смѣту по коробочному сбору статей на содержаніе раввиновъ. Въ ст. 816 II ч. II т. св. зак. изд. 1857 г. говорится, что «губернскія правленія, собравъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ *расходахъ* еврейскихъ обществъ по содержанію синагогъ, школъ, богадѣленъ, *раввиновъ* и по другимъ предметамъ, и означивъ, въ какой степени всѣ сіи расходы, въ каждомъ уѣздѣ и мѣстечкѣ, могутъ быть допущены и покрываемы *коробочными сборами* или мѣстными раскладками, составляютъ табель расходовъ и т. д.». Отсюда ясно, что расходы на содержаніе раввиновъ, какъ и прочіе расходы на общественныя надобности евреевъ, могутъ быть покрываемы изъ средствъ коробочныхъ сборовъ. Между тѣмъ, рутина забила гвоздь въ 62-ю статью положенія о коробочномъ сборѣ, котораго никакъ отсюда не вытащить никакими клещами, а страдаютъ отъ этого интересы общества. Если нельзя раввина удовлетворять изъ спеціально-еврейскихъ средствъ, предназначенныхъ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, то необходимо его удовлетворять другимъ способомъ; а такъ какъ сами рутинеры признаютъ, что было бы несправедливо причинить расходъ обществу, особый отъ прочихъ расходовъ, сосредоточивающихся въ коробочномъ сборѣ, то они допускаютъ всевозможныя противоположныя фикціи, при помощи которыхъ все-таки, въ концѣ концовъ, удовлетворяютъ раввина изъ коробочнаго сбора. но не какъ раввина, а въ качествѣ чего-то другаго. Тамъ же, гдѣ рутинеры послѣдовательны и фикцій не допускаютъ,

происходятъ столкновенія раввина съ обществомъ, появляются нескончаемыя жалобы и т. п. Иногда же происходятъ довольно крупныя недоразумѣнія. Одному обществу отказано было въ выдачѣ раввину средствъ изъ коробочнаго сбора на основаніи 62-й статьи полож. о коробочномъ сборѣ, не смотря на то, что состоялся общественный приговоръ, утвержденный городскою управою. Объ этомъ заявлено было выборнымъ отъ еврейскаго общества въ публичномъ засѣданіи. Зная, что сужденіе начальства по этому предмету основано на ошибочномъ толкованіи закона, выборные возбудили вопросъ о необходимости обжалованія этого распоряженія въ установленномъ законами порядкѣ, для чего тутъ же избрали изъ своей среды трехъ выборныхъ—присяжныхъ повѣренныхъ. Но предсѣдательствовавшій въ засѣданіи членъ управы (еврей) не допустилъ составленія объ этомъ предметѣ приговора, пока не испроситъ разрѣшенія на то всей управы. Дѣло было отложено по необходимости до слѣдующаго засѣданія, которое открылось совершенно неожиданнымъ заявленіемъ со стороны того же предсѣдательствовавшаго члена управы, что послѣдняя, принимая во вниманіе, что кругъ дѣятельности еврейскихъ выборныхъ ограничивается однимъ лишь правомъ выбора на различныя должности, пришла къ заключенію, что, кромѣ выборовъ, представители еврейскаго общества не имѣютъ права возбуждать какія-либо другія дѣла. Такимъ образомъ, провозглашено было совершенно новое начало—лишеніе еврейскихъ городскихъ сословій, признанныхъ закономъ и имѣющихъ свой кругъ законныхъ интересовъ, права законной защиты этихъ интересовъ. Представимъ себѣ случай, который въ самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто и дошелъ до разрѣшенія кассаціоннаго сената: членъ еврейскаго общества, умирая, оставляетъ духовное завѣщаніе, по которому завѣщаетъ въ пользу еврейскихъ богоугодныхъ заведеній значительныя суммы, но душеприказчики не исполняютъ духовнаго завѣщанія. Спрашивается, кто можетъ и вправѣ искать судомъ исполненія духовнаго завѣ-

щанія? Неужели еврейское общество лишено будетъ возможности законнымъ образомъ сойтись, и, обсудивъ этотъ вопросъ, уполномочить повѣренныхъ на осуществленіе правъ, несомнѣнно обществу принадлежащихъ? Этотъ вопросъ возбужденъ былъ при предъявленіи иска со стороны еврейскаго общества, у котораго оспаривалось право какъ отдѣльнаго городскаго сословія вчинать отъ своего имени иски. Но кассаціонный сенатъ призналъ за еврейскими обществами право искать и отвѣчать на судѣ, словомъ, защищать права, по закону еврейскимъ обществамъ присвоенныя. управа же нашла, что представители еврейскаго общества могутъ собираться только для выбора, и потому, не разрѣшивъ составленіе приговора на уполномочіе повѣренныхъ для защиты законныхъ правъ еврейскаго общества, управа, очевидно, сдѣлала отступленіе отъ закона. Но всего курьезнѣе было то, что, провозгласивъ торжественно о неимѣніи евреями права на обсужденіе дѣлъ, касающихся еврейскаго общества, кромѣ выборовъ, и перейдя къ очереднымъ дѣламъ, управа предложила тутъ же представителямъ еврейскаго общества высказать свои сужденія по поводу пожертвованія, сдѣланнаго однимъ изъ членовъ еврейскаго общества на устройство *миквы* (водохранилище для омовеній по религіозному обряду евреевъ). Поднялся ничѣмъ не сдерживаемый хохотъ, и нѣкоторые изъ представилей общества заявили, что принятіе пожертвованій не входитъ въ кругъ дѣятельности выборныхъ и не относится къ выборамъ. Тогда представитель управы объяснилъ, что по закону даръ считается принятымъ, когда его принимаетъ то общество, въ пользу котораго онъ сдѣланъ, а такъ какъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о пожертвованіи въ пользу спеціально-еврейскаго учрежденія, то никто, кромѣ еврейскаго общества, этого дара принимать не можетъ. По этому, во исполненіе требованія закона и предписанія г. министра о принятіи дара указаннымъ способомъ, управа предлагаетъ вопросъ о принятіи пожертвованія на обсужденіе собранія еврейскихъ

выборныхъ. Развѣ можно было не согласиться съ такими доводами? Но весь вопросъ въ томъ, почему о принятіи дара необходимо сужденіе выборныхъ, а объ устройствѣ положенія раввина, о постройкѣ синагогъ, о жалобахъ по начальству и уполномочія повѣренныхъ по дѣламъ, тоже спеціально-еврейскимъ, выборные представители не могутъ свое сужденіе имѣть? Тутъ непослѣдовательность и противорѣчіе на каждомъ шагу, вслѣдствіе неуясненія себѣ значенія еврейскаго общества, какъ отдѣльнаго городскаго сословія, и установившейся путаницы понятій по всѣмъ предметамъ, касающимся интересовъ еврейскихъ обществъ.

Послѣдуемъ далѣе за фактами. Представьте себѣ, что какое нибудь еврейское общество, при выборѣ раввина, введено было въ заблужденіе относительно нравственныхъ его качествъ. Но съ теченіемъ времени раввинъ обнаружилъ самую глубокую нравственную испорченность свою, сталъ негодяемъ изъ негодяевъ, пріобрѣвшимъ громкую извѣстность на подобіе Геростратовой, словомъ — имя его пригвождено къ позорному столбу. Понятное дѣло, что общество желаетъ какъ можно скорѣе освободиться отъ такого представителя и обращается прежде всего въ городской управѣ, вѣдающей дѣла еврейскія. И что же? управа разсуждаетъ, что раввинъ можетъ быть удаленъ отъ должности или начальствомъ, въ случаѣ преступленія по должности, или обществомъ, въ случаѣ нарушенія религіозныхъ обязанностей, и на этомъ основаніи управа дала этому дѣлу ходъ въ порядкѣ, указанномъ 1095 ст. т. XI св. зак., изд. 1857 г. По этой статьѣ раввинъ, въ случаѣ нарушенія обязанностей, до еврейской вѣры относящихся, предается суду раввиновъ, который можетъ лишить его званія съ тѣмъ, что если онъ этимъ приговоромъ останется недоволенъ, то ему не возбраняется принести жалобу, съ подачей которой губернское начальство, не утверждая приговора, представляетъ его чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ на рѣшеніе раввинской коммисіи. Но при такомъ направленіи дѣла

цѣль общества не можетъ быть достигнута, потому: 1) что, за неимѣніемъ въ виду нарушенія правилъ еврейской вѣры, судъ раввинскій не въ состояніи будетъ лишить раввина его званія и 2) что если бы, путемъ натяжекъ, раввинскій судъ и подводилъ бы безнравственные поступки раввина подъ нарушеніе правилъ религіи, то, для пріостановленія приговора, раввину стоитъ лишь подать жалобу, а такъ какъ раввинская коммисія не постоянно существующее учрежденіе, а созывается по усмотрѣнію министерства чрезъ 5, 10 и 16 лѣтъ, то совершенно понятно, что общество останется ни причемъ: чрезъ 2 года само общество можетъ не избирать болѣе такого раввина, а на эти 2 года его ему навязываютъ за неимѣніемъ въ виду закона, по которому слѣдуетъ немедленно, по желанію общества, удалять раввина, если доказана крайняя его испорченность въ нравственномъ отношеніи. Но разумъ закона выводится изъ его содержанія: если законъ опредѣляетъ въ точности функціи раввина и затѣмъ оказывается, что нравственный характеръ его противорѣчитъ въ существѣ его обязанностямъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ болѣе раввиномъ оставаться не можетъ ни на одну минуту. Законъ, между прочими обязанностями раввина, возлагаетъ на него также обязанность *направлять* евреевъ къ соблюденію *нравственныхъ обязанностей.* Спрашивается, какимъ образомъ человѣкъ, признанный приговоромъ двухъ судебныхъ инстанцій безнравственнымъ, можетъ поучать другихъ къ соблюденію правилъ нравственности? Значитъ, положеніе раввина, какъ человѣка, въ существѣ своемъ противорѣчитъ положенію его, какъ религіознаго представителя общества; а потому и нѣтъ надобности въ опредѣленіи закона относительно немедленнаго удаленія раввина по требованію общества. Законъ, напримѣръ, опредѣляетъ, что на должность раввина назначаются *евреи* по общественнымъ выборамъ изъ единовѣрцевъ. Общество избираетъ лицо, представившее дипломъ и документы, доказывающіе его званіе и происхожденіе. Его избираютъ въ раввины

на 3 года; но чрезъ годъ обнаруживается, что представленные дипломъ и документы подложные, и по собраннымъ справкамъ несомнѣнно оказывается, что избранное въ раввины лицо есть *язычникъ* или *магометанинъ*. По мнѣнію рутинеровъ, такое лицо не можетъ быть удалено немедленно отъ должности за неимѣніемъ въ виду спеціальнаго на этотъ случай закона объ удаленіи раввина въ томъ случаѣ, когда онъ окажется язычникомъ или магометаниномъ. По мнѣнію рутинеровъ, онъ преступленія собственно по должности раввина не совершалъ: велъ правильно метрическія книги, усердно посѣщалъ школу, совершалъ, какъ слѣдуетъ, обряды и т. п., а потому его нельзя удалять по требованію начальства; съ другой стороны, онъ не нарушалъ также обязанностей религіи, а потому нельзя удалять его также по требованію общества. Все, что можно, однако, сдѣлать въ пользу еврейскаго общества, это—подвести этотъ случай подъ нарушеніе правилъ религіи и, предоставивъ разрѣшеніе этого вопроса раввинской коммисіи, пока оставить на должности раввина язычника или магометанина. Къ такому абсурду не придутъ самые рутинерствующіе рутинеры, потому что имъ понятно, что коль скоро законъ требуетъ, чтобы раввиномъ былъ *еврей*, и непремѣнно еврей, всякій нееврей, оказавшійся избраннымъ въ раввины, долженъ быть немедленно удаленъ отъ должности именно потому, что нееврей не можетъ быть ни одну секунду раввиномъ. Точно такъ же, если существуетъ абсолютное требованіе закона, чтобы раввинъ былъ человѣкомъ нравственнымъ, а это, мы думаемъ, доказано приведенною выше выпискою, то человѣкъ, оказавшійся, по судебному приговору безнравственнымъ, не можетъ ни на одну секунду оставаться въ должности раввина. Это довольно ясно; но что же дѣлать еврейскому обществу, когда управа даетъ дѣлу направленіе въ указанномъ выше смыслѣ и лишаетъ его возможности своевременно воспользоваться предоставленнымъ ему по закону правомъ? Общество укоряется своимъ и не своимъ общественнымъ мнѣніемъ за то, что, не

смотря на оказавшееся, оставляетъ раввина на должности, и никто не знаетъ, что общество связано канцелярскою казуистикою.

Мы привели здѣсь наиболѣе важныя столкновенія между еврейскими обществами и учрежденіями, коимъ дѣла подвѣдомственны,—столкновенія, затрогивающія въ корнѣ насущные интересы общества. Изъ нихъ читатели могутъ сдѣлать заключеніе о томъ, какое обиліе недоразумѣній возникаетъ въ менѣе важныхъ дѣлахъ, гдѣ обществу не представляется интереса бороться съ рутинными взглядами. Словомъ, управленіе дѣлами еврейскихъ обществъ представляется въ самомъ неприглядномъ видѣ, и было бы пора найти изъ него выходъ въ предоставленіи евреямъ тѣхъ же правъ самоуправленія, какія предоставлены прочимъ обществамъ, имѣющимъ также специальные, хозяйственные интересы, т. е. обществамъ купеческимъ и мѣщанскимъ.

Но мы слышимъ уже знакомыя ноты извѣстныхъ литературныхъ запѣвалъ въ родѣ того, что вотъ еще чего недоставало: даровать евреямъ самоуправленіе дѣлами, вызвать къ жизни кагалъ, который можетъ принести одинъ только вредъ, какъ корпоративное учрежденіе, призванное вѣдать спеціально-еврейскія дѣла и довести евреевъ до крайней степени обособленности. Но дѣло въ томъ, что гдѣ рѣчь идетъ о серьезныхъ правахъ извѣстнаго сословія лицъ, тамъ слѣдуетъ мало обращать вниманіе на литературную клику, имѣющую свои особые, а также спеціальные интересы По мнѣнію этой клики, еврейскія общества и теперь, будучи лишены самоуправленія дѣлами, составляютъ организованные кагалы, распространяющіе свою невидимую властъ на вся и все. Слѣдовательно, съ ихъ точки зрѣнія нужно было бы допустить, что, съ дарованіемъ евреямъ правъ самоуправленія дѣлами, мы нисколько не ухудшимъ положенія дѣлъ, потому что евреи всегда евреи: имѣютъ-ли они право на самоуправленіе, или не имѣютъ,—они, все равно, управляютъ сами своими дѣлами. Та-

кого вывода слѣдовало бы ожидать отъ этой клики. Но она этого не скажетъ; она скорѣе придетъ къ тому заключенію, что было бы крайне опасно узаконить кагалъ, дать ему право на законное существованіе. Но и съ такимъ выводомъ никакъ согласиться нельзя: если вы утверждаете, что евреи составляютъ тайную корпорацію, дѣйствующую подпольно, то разумность съ вашей стороны требовала бы вызвать ихъ къ открытой, надпольной дѣятельности, если евреи, дѣйствуя изъза угла, остаются безнаказанными, то—вручите имъ власть въ руки и сдѣлайте ихъ отвѣтственными за дѣла и поступки. Кромѣ того, говоря и разсуждая о кагалѣ, какъ о тайной корпораціи, привыкли вмѣстѣ съ тѣмъ и думать, что кагалъ дѣйствуетъ вредно на коренное населеніе, устремляя на него всѣ свои стрѣлы и распростирая подъ его ноги всѣ сѣти подземнаго царства. Съ этой общепринятой точки зрѣнія, что могутъ сказать наши эйзенменгеры противъ самоуправленія дѣлами *еврейскихъ* обществъ? Здѣсь не остается никакой почвы для вреда, наносимаго интересамъ кореннаго населенія, не принимающаго никакого участія въ еврейскихъ дѣлахъ. Можетъ быть, у васъ появится опасеніе, что евреи заѣдятъ другъ друга, и съ этой точки зрѣнія, станете возражать противъ мысли о самоуправленіи дѣлами еврейскихъ обществъ,—но тогда васъ разоблачатъ въ крайней неискренности, потому что въ вашихъ откровеніяхъ по еврейскому вопросу найдутъ достаточно матеріала для опроверженія вашихъ взглядовъ. Остается одно: изолированіе еврейскихъ обществъ съ ихъ интересами, ихъ обособленное положеніе. Но если законодательство отличаетъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ—*городскаго жителя*, *купца*, *мѣщанина и ремесленника*, то оно должно признать въ немъ еще и *еврея*. Если человѣкъ, какъ *городской житель*, имѣетъ *общіе* съ другими городскими жителями интересы, а какъ *купецъ*, *мѣщанинъ* и *ремесленникъ*—отдѣльные интересы; если человѣкъ, *какъ еврей*, по закону тоже получаетъ особую физіономію и особые интересы, то и

онъ долженъ, наравнѣ съ другими, выдѣляющимися, изъ общей родовой массы, видами, получать тѣ же права въ отношеніи своихъ интересовъ. Почему же купцы, мѣщане и ремесленники имѣютъ свои спеціальныя управленія, а управленіе евреевъ какъ тяжелый наростъ тяготитъ надъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, которое, по выработанному въ послѣднее время нашимъ законодательствомъ началу, должно вѣдать интересы, свойственные роду—городскому жителю, а не купцу, мѣщанину или ремесленнику. Общественное управленіе, на которое возложена масса обязанностей по городскому хозяйству, благоустройству и благочинію, должно вдругъ вдаваться въ спеціальные, ему совершенно чуждые, интересы еврейскаго коробочнаго сбора, еврейскихъ миквъ, синагогъ, бесъ-мидрашовъ и т. п. Этотъ неестественный приростъ къ общественному управленію составляетъ такую аномалію, что нерѣдко возбуждается вопросъ о томъ, зачѣмъ и для какой надобности общественное управленіе должно отвлекать свое вниманіе отъ общихъ городскихъ дѣлъ и посвящать время и трудъ на довольно сложные вопросы хозяйственной жизни евреевъ, изъ которыхъ одинъ коробочный сборъ съ его многосторонними статьями чего стоитъ. Не зная, что, со введеніемъ городоваго положенія, хозяйственные интересы евреевъ подчинены общественнымъ городскимъ управленіямъ, эти послѣднія даже думали одно время, что еврейскія дѣла не ихъ дѣло, и что они могутъ отказаться отъ управленія ими. Сознаніе о томъ, что еврейскія дѣла не должны входить въ кругъ общихъ городскихъ дѣлъ, инстиктивно укоренилось всюду, и всѣ понимаютъ, что еврейскія дѣла установляютъ въ управахъ какую-то двойственность порядковъ: по однимъ дѣламъ надъ управою стоитъ дума, а по другимъ, еврейскимъ,—губернское начальство, или градоначальникъ. Поэтому, нельзя считать обособленіемъ выдѣленіе изъ городской управы управленія еврейскими дѣлами въ особую самостоятельную сферу, какъ это сдѣлано по отношенію къ дѣламъ спеціаль-

но-купеческимъ, спеціально-мѣщанскимъ, спеціально-ремесленнымъ. Пока же этого выдѣленія не будетъ, еврейскія дѣла, напротивъ, будутъ стоять особнякомъ среди всѣхъ городскихъ дѣлъ и будутъ прививаться къ нимъ, какъ иностранное растеніе на чуждой ему почвѣ.

Намъ могутъ сдѣлать еще одно возраженіе: необходимость обособленія еврейскихъ интересовъ, при возможности слiянія ихъ съ другими отдѣльными интересами купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, какъ отдѣльныхъ видовъ городскихъ сословій, уже само собою доказываетъ крайнюю особность еврейскихъ интересовъ. Дѣйствительно такъ! Но весь вопросъ въ томъ, сами-ли евреи сомкнулись въ заколдованный кругъ, или они введены въ него существующими о нихъ положеніями. Извѣстное дѣло, что коробочный сборъ, служащій на удовлетвореніе государственныхъ податей и повинностей, общественныхъ долговъ и общественныхъ надобностей, и установленный нашимъ законодательствомъ какъ мѣра, обезпечивающая государство въ исправности еврея, какъ члена государства и члена общества,—что этотъ коробочный сборъ, сосредоточивая около себя всѣ еврейскія общества, какъ около источника, поддерживающаго жизнь ихъ учрежденій, составляетъ ту особую почву, на которой евреи должны быть прикрѣплены силою закона. Благодаря господствующимъ въ отношеніи евреевъ предразсудкамъ, еще очень долго, быть можетъ, придется государству поддерживать этотъ спеціальный порядокъ для евреевъ, какъ это нами объяснено подробно въ другомъ мѣстѣ. Пока же, по соображеніямъ государственной политики, необходимо изъ евреевъ составить особую единицу, среди прочихъ видовыхъ групъ, пока, для сохраненія внутреней жизни этой единицы, устроены особые источники и каналы,—должна быть признана также и необходимость отдѣльнаго устройства этихъ особыхъ дѣлъ въ томъ же порядкѣ, какой установленъ въ государствѣ относительно другихъ единицъ, имѣющихъ свои спеціальные интересы. Если еще далеко то время, когда евреи

въ состояніи будутъ войти въ составъ цѣлаго организма, какъ неразрывная его часть; если внутри этого организма, къ которому когда нибудь силою вещей евреи пристанутъ, еще существуютъ отдѣльныя части той же плоти и крови, что и онъ самъ; если теперь между общимъ организмомъ и отдѣльными частями его, съ одной стороны, и евреями съ другой, проведена рѣзкая граница, граница необходимая и обязательная, то евреямъ желательно, по крайней мѣрѣ, по внѣшнимъ формамъ быть похожими и на другихъ, и они имѣютъ право разсчитывать на вниманіе къ ихъ интресамъ. Они вѣдь не желаютъ особыхъ учрежденій для себя,—учрежденій, въ государствѣ не существующихъ; они просятъ для себя такихъ же учрежденій, какія существуютъ для другихъ однородныхъ групъ; они просятъ сообщить твердую, внѣшнюю форму ихъ общественной организаціи и вывести ихъ изъ того неопредѣленнаго положенія ихъ общественныхъ правъ, въ которомъ они топерь находятся; они просятъ, чтобы имъ въ ихъ собственныхъ дѣлахъ была предоставлена та же степень иниціативы, какая выработана современнымъ нашимъ законодательствомъ вь отношеніи всѣхъ городскихъ и земскихъ сословій. Мы твердо убѣждены въ томъ, что государственные дѣятели, стремящіеся къ установленію однообразныхъ общественныхъ формъ, обратятъ достодолжное вниманіе на существующій теперь безпорядокъ въ организаціи общественныхъ дѣлъ евреевъ и предоставятъ послѣднимъ возможностъ самостоятельнаго управленія ощественными дѣлами съ подчиненіемъ ихъ тому же правительственному контролю, какому подчинены управленія другихъ городскихъ сословій. Этотъ порядокъ вызывается общимъ духомъ нашего законодательства и современными условіями общественной жизни, а также необходимостью подвести подъ одну общую форму всѣ существующія учрежденія городскихъ сословій, между которыми евреи занимаютъ видное мѣсто.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЕГО ОСНОВАНІЯХЪ И ЧАСТНОСТЯХЪ *.

Еврейскій вопросъ всегда принимаетъ острый характеръ когда съ одной стороны евреи достигаютъ большей или меньшей степени политическаго самосознанія, а съ другой общія соціально-экономическія условія тѣхъ странъ, въ которыхъ они живутъ, еще не развиты въ той степени, въ какой этого требуетъ поднимающійся ростъ общественной жизни. При такихъ условіяхъ заявленіе евреевъ о своихъ гражданско-политическихъ правахъ обыкновенно вызываетъ протесты со стороны людей, считающихъ общія условія страны менѣе удовлетворительными чѣмъ тѣ, въ которыя поставлены евреи. Въ такіе фазисы развитія еврейскій вопросъ вступалъ уже не разъ въ различныхъ странахъ западной Европы.

Но въ однихъ государствахъ, при наступленіи взаимной борьбы интересовъ еврейскихъ съ общечеловѣческими, стороны въ такой степени усложняли вопросъ различными частностями, что среди ихъ рѣшительно терялся общій основной характеръ тѣхъ положеній, которыя дѣлали вопросъ сложнымъ. Въ другихъ же оставляли частности въ сторонѣ и выдвигали принципіальныя стороны вопроса. Нѣтъ спору, что второй способъ представляется наиболѣе удобнымъ, потому что при немъ во-

* Статья эта вызвана рецензіей „Отечественныхъ Записокъ" на VI томъ „Еврейской библіотеки" и преимущественно на помѣщенную тамъ статью мою „Коробочный сборъ". *Авторъ.*

просъ ставится ребромъ и становится яснымъ, насколько черты обособленія, которыя приписываются евреямъ, составляютъ ихъ исключительное, національное достояніе, или являются результатомъ условій болѣе общихъ, выработанныхъ жизнію тѣхъ странъ, въ которыхъ они живутъ, или же условій спеціальныхъ, ограниченныхъ, подъ которыя евреи поставлены законодательствомъ и общественнымъ предразсудкомъ. Между тѣмъ при первомъ способѣ, лабиринтъ частностей, подавляющій своею казуистичностью, совершенно удаляетъ обѣ стороны отъ самой сущности вопроса, и, вмѣсто того, чтобы входить въ глубь его, спорящіе касаются его лишь съ внѣшней стороны; вмѣсто того, чтобы разрѣшить его, они все болѣе и болѣе его запутываютъ.

Къ сожалѣнію и у насъ въ Россіи къ разрѣшенію еврейскаго вопроса примѣняютъ методъ казуистическій. Для уясненія всей неудовлетворительности этого метода, мы должны остановиться на одномъ изъ государствъ, въ которомъ еврейскій вопросъ былъ поставленъ болѣе основательно при такихъ же условіяхъ, какія выработались теперь у насъ. Разсмотрѣніе основныхъ положеній спорящихъ сторонъ въ иностранномъ государствѣ можетъ привести насъ къ ясному пониманію вещей, можетъ научить насъ въ спорахъ держаться самой сути дѣла, а не его поверхности, для всѣхъ одинаковой, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно показать намъ насколько наши отечественные споры не очищены отъ заднихъ мыслей, національной вражды и грубыхъ предразсудковъ.

Въ сороковыхъ годахъ въ Германіи завязался интересный споръ по поводу еврейскаго вопроса между двумя замѣчательными личностями, изъ которыхъ одна пріобрѣла себѣ извѣстность своими богословско-философскими трудами, а другая политико-экономическими. Споръ начался по поводу требованія евреями уравненія ихъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ страны. Интересно, поэтому, прослѣдить этотъ споръ, такъ какъ то, что въ Германіи было въ началѣ сороковыхъ годовъ, у насъ наступаетъ въ началѣ восьмидесятыхъ: съ одной сто-

роны достигшій самосознанія голосъ лучшей части русскаго еврейства, ратующей за равноправность массы, а съ другой—бравирующій голосъ русской печати извѣстнаго оттѣнка и калибра, поднимающійся, и довольно часто, противъ равенства правъ евреевъ.

Послушаемъ, какъ спорили сорокъ лѣтъ тому назадъ и какъ спорятъ о томъ же предметѣ теперь.

Противъ требованія евреями политической эманципаціи. Бруно-Бауэръ говорилъ, что евреи просятъ для себя особой эманципаціи, тогда какъ они должны были смотрѣть на свое стѣсненное положеніе не какъ на исключеніе, а какъ на выраженіе общаго правила. Какъ же евреи желаютъ снять свое специальное иго, оставляя иго всеобщее? Еврей, обладая привилегіей быть евреемъ, пользуется, по мнѣнію Бауэра, правами, которыхъ нѣтъ у христіанъ, а потому онъ не долженъ желать тѣхъ правъ, которыми пользуются христіане и которыхъ у него нѣтъ. Требуя эманципаціи отъ христіанскаго государства, еврей, по мнѣнію Бауэра, желаетъ, чтобы оно отреклось отъ религіознаго предубѣжденія; но, не отрекшись самъ отъ своихъ религіозныхъ предубѣжденій, имѣетъ ли еврей право требовать отъ другихъ такого отреченія? Христіанское государство, говоритъ Бауэръ, по существу своему, не можетъ эманципировать, а евреи, по существу своему, не могутъ быть эманципированы. Разрѣшая евреямъ отдѣлиться отъ другихъ подданныхъ, государство даетъ имъ чувствовать гнетъ другихъ отдѣльныхъ сферъ тѣмъ сильнѣе, что еврей находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ господствующею религіею. Еврей-же, по мнѣнію Бауэра, точно также не можетъ относиться къ государству иначе какъ еврей, противопоставляя дѣйствительной національности химерическую, дѣйствительному закону фантастическій, считая себя въ правѣ отдѣлиться отъ человѣчества, не принимая участія въ историческихъ движеніяхъ, ожидая будущности, не имѣющей ничего общаго съ будущностью всѣхъ людей, и считая себя членами еврейскаго

народа, а этотъ послѣдній избранникомъ Божіимъ. Во имя чего же, спрашиваетъ Бауэръ, евреи требуютъ эманципаціи? Во имя религіи? Но религія евреевъ—смертный врагъ государственной религіи. Во имя гражданства? но въ Германіи нѣтъ гражданъ. Во имя человѣчности? но евреи не люди, точно также, какъ и тѣ, къ которымъ они аппелируютъ. На этомъ основаніи Бауэръ приходитъ къ заключенію, что прежде, чѣмъ эманципировать другихъ, христіане должны эманципировать самихъ себя. Религіозное противорѣчіе между евреями и христіанами можетъ быть уничтожено лишь тогда, когда ихъ религіи будутъ разсматриваться лишь какъ различныя ступени человѣческаго духа, когда тѣ и другіе между собою будутъ находиться въ отношеніяхъ не религіозныхъ, а человѣчески научныхъ: противорѣчія научныя разрѣшаются самою наукою, которая должна ихъ объединить. Нѣмецкому еврею противостоятъ, по мнѣнію Бауэра, отсутствіе *политической* эманципаціи вообще и провозглашенная христіанственность государства. Съ этой стороны еврейскій вопросъ получаетъ всеобщее значеніе: онъ дѣлается вопросомъ объ отношеніи религіи къ государству, о противорѣчіи между религіозною притязательностью и политической эманципаціей. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Бауэръ ставитъ эманципацію отъ религіи условіемъ какъ еврею, желающему политической эманципаціи, такъ и государству, которое должно эманципировать другихъ и быть самому эманципированнымъ.

Такое разрѣшеніе еврейскаго вопроса Марксъ съ своей стороны находитъ одностороннимъ. По его мнѣнію, для окончательнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса необходимо изслѣдовать не то, *кто* долженъ и *кого* эманципировать, а то именно, *о какого рода эманципаціи* идетъ рѣчь.

По мнѣнію Маркса Бруно-Бауэръ ставитъ условія, основаніе которыхъ не лежитъ въ существѣ политической эманципаціи, ставитъ вопросы, которые не содержатся въ его задачѣ, и разрѣшаетъ задачи, которыя не даютъ отвѣта на его во-

просы. Если Бруно-Бауэръ считаетъ ошибкой со стороны противниковъ еврейской эманципаціи именно то, что они не изслѣдовали критически христіанскаго государства, какъ это сдѣлано ими по отношенію къ іудейству,—то Марксъ въ свою очередь упрекаетъ Бруно-Бауэра въ томъ, что онъ критически относится къ одному только христіанскому государству, а не къ государству вообще, не изслѣдуетъ отношенія между эманципаціей *политическою* и *человѣческою.* Если Бауэръ спрашиваетъ, имѣютъ ли евреи, съ своей точки зрѣнія, право желать политической эманципаціи, то Марксъ въ свою очередь спрашиваетъ, имѣетъ ли точка зрѣнія политической эманципаціи право требовать отъ евреевъ уничтоженія іудейства, а отъ человѣка вообще—уничтоженія религіи?

Еврейскій вопросъ, по мнѣнію Маркса, получаетъ различную постановку, смотря по государству, въ которомъ евреи живутъ. Въ Германіи, гдѣ нѣтъ политическаго государства (писано въ 1844 г.), еврейскій вопросъ представляется чисто теологическимъ. Еврей стоитъ въ религіозномъ противорѣчіи къ государству, которое признаетъ основаніемъ своимъ христіанство. Это государство ex professo теологическое. Критика его обоюдоострая: христіанской и еврейской теологіи. Во Франціи, какъ въ конституціонномъ государствѣ, еврейскій вопросъ, по мнѣнію Маркса, есть вопросъ конституціонализма. Такъ какъ здѣсь удерживается призракъ государственной религіи въ формѣ религіи большинства, то отношеніе евреевъ къ государству сохраняетъ *видъ* религіознаго теологическаго противорѣчія.

Въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ еврейскій вопросъ, по мнѣнію Маркса, теряетъ свой теологическій характеръ и становится вопросомъ вполнѣ свѣтскимъ. Только тамъ, гдѣ политическое государство существуетъ въ полномъ своемъ развитіи, отношеніе евреевъ или вообще религіознаго человѣка къ государству, или вообще религіи къ государству, можетъ выступать въ своей настоящей чистотѣ и самобытности. Кри-

тика этого отношенія перестаетъ быть теологической, какъ скоро государство перестаетъ относиться теологически къ религіи. Она становится тогда критикою политическаго государства. На этой точкѣ, на которой вопросъ перестаетъ быть теологическимъ, Бауэръ, по мнѣнію Маркса, перестаетъ быть критическимъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ Марксъ, нѣтъ ни религіи государственной, ни религіи, провозглашенной религіею большинства, ни преимущества одного культа передъ другимъ. Тѣмъ не менѣе Сѣверная Америка по преимуществу является страною религіозною.

Останавливаясь на Сѣверной Америкѣ, лишь какъ на примѣрѣ, Марксъ ставитъ вопросъ о томъ, какъ относится усовершенствованная политическая эманципація къ религіи. Если въ странѣ совершеннѣйшей политической эманципаціи, продолжаетъ Марксъ, встрѣчаемъ мы не только простое, но исполненное жизни и силы существованіе религіи, то это доказываетъ, что присутствіе религіи не противорѣчитъ усовершенствованію государства. Если же присутствіе религіи является признакомъ недостатка, то источникъ послѣдняго слѣдуетъ искать не въ религіи, а въ существѣ самаго государства. Религія, въ такомъ случаѣ, не служитъ болѣе *основаніемъ*, а лишь *феноменомъ* свѣтскихъ преградъ. Марксъ не полагаетъ, чтобы для уничтоженія этихъ послѣднихъ, необходимо было уничтожить преграды религіозныя, а напротивъ утверждаетъ, что какъ только уничтожатся свѣтскія преграды, религіозныя сами собою уничтожатся. Вопросъ объ отношеніи политической эманципаціи къ религіи дѣлается поэтому для Маркса вопросомъ объ отношеніи *политической* эманципаціи къ *человѣческой*.

По Марксу политическое возвышеніе человѣка надъ религіею раздѣляетъ всѣ недостатки и преимущества политическаго возвышенія человѣка вообще. Государство, положимъ, говоритъ Марксъ, уничтожаетъ право частной собственности, устраняя необходимость ценза для активнаго и пассивнаго вы

бора. *Идеально* право собственности уничтожено, когда неимущій получаетъ право быть законодателемъ имущихъ классовъ; но *фактически* оно вовсе не уничтожается, а напротивъ уничтоженіе ценза предполагаетъ существованіе права собственности. Точно также государство, доставляя каждому члену равноправное участіе въ проявленіи народнаго главенства, не взирая на рожденіе, состояніе, образованіе и профессію, этимъ самымъ уничтожаетъ эти различія лишь въ политическомъ смыслѣ, фактически же они не только предполагаются существующими, но и продолжаютъ существовать. Будучи далеко отъ фактическаго уничтоженія этихъ различій, государство, напротивъ, поддерживаетъ свою жизнь только при предложеніи ихъ существованія и проявляетъ свою всеобщность въ противоположность этимъ частнымъ своимъ элементамъ.

Въ усовершенствованномъ политическомъ государствѣ проявляется *общественно-политическая* жизнь человѣка въ противоположность его жизни *частной, матеріальной*. Всѣ указанныя выше предложенія эгоистической жизни человѣка стоятъ внѣ государственной сферы, оставаясь въ кругу гражданскаго общества. Тамъ, гдѣ политическое государство достигаетъ истиннаго развитія, человѣкъ ведетъ *дѣйствительную жизнь:* въ политической всеобщности и въ гражданскомъ обществѣ. Въ ближайшей своей дѣятельности — въ гражданскомъ обществѣ—человѣкъ представляется существомъ простымъ, индивидуальнымъ, въ политическомъ государствѣ, напротивъ, онъ является членомъ суверенитета, лишаясь своей индивидуальной, дѣйствительной жизни, и живя жизнью воображаемою — всеобщею. Столкновеніе, происходящее между человѣкомъ-послѣдователемъ особой религіи и его политическими согражданами, сводится къ свѣтской противоположности, вообще существующей между политическимъ государствомъ и гражданскимъ обществомъ. Различіе между религіознымъ человѣкомъ и членомъ государства то же самое, что между купцомъ и членомъ государства, рабочимъ и членомъ государства, по-

земельнымъ собственникомъ и членомъ государства, вообще между живущимъ индивидуумомъ и членомъ государства, членомъ гражданскаго общества (bourgeois) и членомъ государства (citoyen).

Такимъ образомъ еврейскій вопросъ, по мнѣнію Маркса, сводится къ свѣтской борьбѣ политическаго государства съ его эллементами, будутъ-ли они матеріальнаго свойства, какъ право собственности, или духовнаго, какъ образованіе, религія и т. п.

Человѣкъ, по мнѣнію Маркса, политически освобождается отъ религіи, когда онъ вытѣсняетъ ее изъ публичнаго права въ сферу частнаго, гдѣ она перестаетъ быть существомъ всеобщаго союза и дѣлается существомъ индивидуальныхъ различій.

Нельзя, поэтому, говоритъ Марксъ, сказать евреямъ, подобно Бруно-Бауэру, что они не могутъ политически эманципировать себя, не эманципируя себя радикально отъ іудаизма. Имъ слѣдуетъ сказать: такъ какъ вы можете политически быть эманципированы, не отрекшиеь совершенно отъ іудаизма, то, политическая эманципація не можетъ считаться эманципаціею человѣческою. Если евреи желаютъ политически эманципироваться, не эмаципируясь человѣчески, то противорѣчіе лежитъ не въ нихъ, а въ существѣ и самой категоріи политической эманципаціи.

Разработывая основную свою мысль, Марксъ ставитъ вопросъ: «если человѣкъ, будучи евреемъ, можетъ политически эманципироваться, получить политическо-гражданскія права, то можетъ-ли онъ претендовать на «*человѣческія права*».

Бруно-Бауэръ разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, находя, что, отдѣляя себя отъ другихъ, еврей возводитъ свое особое существо, въ силу котораго онъ еврей, въ свое дѣйствительное, высшее существо, предъ которымъ должно отступить существо человѣка. Человѣкъ, по Бауэру долженъ при-

нести въ жертву привиллегію вѣроисповѣданія для того, чтобы быть въ состояніи воспріять общечеловѣческія права.

Но Марксъ опровергаетъ мысль Бруно-Бауэра разъясненіемъ существа человѣческихъ правъ въ ихъ подлинномъ значеніи, какъ они выразились у изобрѣтателей ихъ—американцевъ и французовъ.

Права эти раздѣляются на права политическія, осуществленіе которыхъ относится къ участію въ государственныхъ дѣлахъ и нисколько не обусловливаются уничтоженіемъ религіи,— и на такъ называемыя droits de l'homme.

По всѣмъ деклараціямъ о человѣческихъ правахъ, говоритъ Марксъ, привиллегія исповѣданія считается общечеловѣческимъ правомъ. Права человѣка въ отличіе отъ правъ гражданина ничто иное, какъ право члена гражданскаго общества, т. е. право эгоистическаго человѣка, совершенно отличнаго отъ человѣка-гражданина.

Затѣмъ Марксъ переходитъ къ каждому изъ человѣческихъ правъ въ отдѣльности.

Первое право—это *свобода.* Она состоитъ въ правѣ человѣка дѣлать все, что не вредитъ правамъ другихъ лицъ. Рѣчь идетъ, слѣдовательно, о свободѣ человѣка изолированнаго, обособленнаго. Бруно-Бауэръ, говоритъ Марксъ, отрицаетъ у еврея право на пользованіе политическими правами на томъ основаніи, что ограниченное существо, въ силу котораго онъ еврей, препятствуетъ ему слиться съ человѣкомъ. Но человѣческое право свободы, говоритъ Марксъ, основано не на соединеніи человѣка съ человѣкомъ, а на отдѣленіи человѣка отъ человѣка: но есть право отдѣленія, право предоставленнаго самому себѣ индивида.

Другое человѣческое право—*частная собственность.* Она состоитъ въ правѣ гражданина пользоваться и располагать по своему произволу своимъ добромъ, своими доходами, результатами своего труда и промышленности. Оно есть, такимъ образомъ, право дѣйствовать независимо отъ другихъ людей, не-

зависимо отъ общества; оно есть право эгоизма. Индивидуальная свобода и практическое примѣненіе ея на правѣ частной собственности составляютъ основы гражданскаго общества. Они заставляютъ человѣка находить въ другомъ человѣкѣ не осуществленіе, а границы своей свободы.

Третье право—*равенство*. Оно состоитъ въ томъ, что законъ одинаковъ для всѣхъ, что каждый человѣкъ составляетъ одинаковую въ себѣ самой заключающуюся единицу.

Четвертое право — *безопасность* —охраненіе личности, его правъ и собственности, т. е. обезпеченіе эгоизма.

Ни одно изъ указанныхъ человѣческихъ правъ, говоритъ Марксъ, не поднимается выше *эгоистическаго человѣка*, т. е. человѣка, какъ члена гражданскаго общества, индивида, сосредоточеннаго на самомъ себѣ, на своихъ частныхъ интересахъ и на своемъ собственномъ произволѣ. Находя, такимъ образомъ, что единственная связь между индивидомъ и общественностью состоитъ въ естественной необходимости удовлетворенія частнаго интереса, сохраненія собственности и эгоистической личности, Марксъ считаетъ загадочнымъ то, что политическіе эманципаторы низвели политическую общественность на степень простого средства для сохраненія человѣческихъ правъ, что *гражданинъ*, объявленъ слугою *эгоистическаго человѣка*, что не *гражданинъ*, а *буржуа* принятъ за дѣйствительнаго и истиннаго человѣка.

Загадочность эту Марксъ разрѣшаетъ тѣмъ, что политическая эманципація была разрушеніемъ стараго общества, основаннаго на феодализмѣ. Въ феодальномъ періодѣ всѣ элементы гражданскаго общества отличались политическимъ характеромъ и, отдѣляясь другъ отъ друга, образовали особыя государства въ государствѣ. Политическая революція уничтожила всѣ сословія, корпораціи, союзы и привиллегіи, которыя представляли собою многочисленныя выраженія отдѣльности отъ своей общественности. Она положила конецъ политическому характеру гражданскаго общества. Она разбила гражданское

общество на его отдѣльныя составныя части: съ одной стороны индивиды, а съ другой—матеріальные и духовные элементы, образующіе содержаніе жизни, гражданское положеніе индивида. Она собрала воедино политическій духъ, разбросанный въ феодальномъ обществѣ, и освободила его отъ смѣшенія съ гражданскою жизнью. Она образовала изъ него особую сферу общественности, общенароднаго интереса и поставила его въ идеальную независимость отъ особенныхъ элементовъ гражданской жизни.

Но усовершенствованіе *идеализма* государства было въ то же время, по мнѣнію Маркса, усовершенствованіемъ *матеріализма* гражданскаго общества. Сверженіе политическаго ига было въ то же время расторженіемъ узъ, сковывавшихъ эгоистическій духъ гражданскаго общества. Политическая эманципація была вмѣстѣ съ тѣмъ эманціпаціею гражданскаго общества отъ политики, даже отъ кажущейся общности содержанія.

Свобода эгоистическаго человѣка и признаніе ея, продолжаетъ Марксъ, составляетъ, однако, признаніе необузданности нравственныхъ и матеріальныхъ элементовъ, составляющихъ содержаніе его жизни.

Человѣкъ, говоритъ Марксъ, не былъ освобожденъ отъ религіи, а получилъ свободу религіи; онъ не былъ освобожденъ отъ собственности, а получилъ свободу частной собственности, онъ не былъ освобожденъ отъ эгоизма занятій, а получилъ свободу занятій.

Политическая эманципація, продолжаетъ Марксъ, разлагаетъ, такимъ образомъ, гражданскую жизнь на ея составныя части, не подвергая ихъ самихъ ни какой критикѣ; она относится къ гражданскому обществу, къ міру человѣческихъ потребностей, къ труду, къ частнымъ интересамъ и къ частному праву, какъ къ основанію своего существованія. Человѣкъ, какъ членъ гражданскаго общества, принимается за человѣка настоящаго, потому что онъ представляется человѣкомъ въ

своемъ чувственно-личномъ, непосредственномъ бытіи, тогда какъ политическій человѣкъ представляется человѣкомъ отвлеченнымъ искусственнымъ, принимающимъ характеръ аллегорической моральной личности. Дѣйствительный человѣкъ признается лишь въ формѣ эгоистическаго индивида, а истинный человѣкъ—въ формѣ отвлеченнаго гражданина.

Всякая эманципація, заключаетъ Марксъ, сводитъ человѣческій міръ, его отношенія къ самому человѣку. Политическая эманципація сводитъ человѣка съ одной стороны къ члену гражданскаго общества, къ эгоистически-независимому индивиду, а съ другой—къ гражаданину, къ моральной личности. Но лишь тогда, когда дѣйствительный индивидуальный человѣкъ приметъ въ себя отвлеченнаго гражданина и сдѣлается существомъ, проникнутымъ общественностью, въ своей эмпирической жизни, въ своихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ, когда человѣкъ признаетъ и станетъ организовать свои собственныя силы, какъ силы общественныя, не будетъ болѣе отдѣлять отъ себя общественной силы въ формѣ политической—лишь тогда завершится дѣло *человѣческой эманципаціи*.

Не останавливаясь пока на выводахъ, которое слѣдуетъ сдѣлать относительно нашей печати изъ сужденій Маркса объ элементахъ гражданскаго общества въ политическомъ государствѣ, высказанныхъ противъ сочиненія Бруно-Бауэра: «Еврейскій вопросъ», мы считаемъ необходимымъ въ интересахъ нашего предмета привести взгляды Маркса, высказаные по поводу другаго сочиненія Бруно-Бауэра: «Способность современныхъ евреевъ и христіанъ сдѣлаться эманципированными»,—взгляды рельефно изображающіе еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія экономической, т. е. съ точки зрѣнія той именно болячки, которая по мнѣнію многихъ, служитъ главнымъ источникомъ настоящихъ отношеній, образовавшихся между евреями и кореннымъ населеніемъ.

Вопросъ о способности евреевъ къ эманципаціи представляется Марксу вопросомъ о томъ, какой въ особенности обще-

ственный элементъ слѣдуетъ преодолѣть для того, чтобы покончить съ іудействомъ. Вопросъ этотъ ставится имъ потому, что, по его словамъ, способность еврея къ эманципаціи есть отношеніе іудейства къ эманципаціи современнаго міра.

Свѣтская основа іудейства, говоритъ Марксъ,—практическія потребности, эгоизмъ; свѣтскій культъ евреевъ—торгашество, свѣтскій Богъ еврея—*деньги*.

Такимъ образомъ, по словамъ Маркса, эманципація отъ торгашества и денегъ, отъ практическаго, реальнаго іудейства, было-бы самоэманципированіемъ нашего времени.

Такая организація общества, говоритъ Марксъ, которая подорвала бы въ корнѣ элементы торгашества, значитъ—и самую возможность торгашествовать, сдѣлала-бы невозможнымъ существованіе еврея. Его религіозное сознаніе исчезло-бы какъ легкій паръ въ дѣйствительной жизненной сферѣ общества.

Въ іудействѣ, продолжаетъ Марксъ, мы узнаемъ всеобщій, современный, антиобщественный элементъ, который, благодаря историческому развитію, ревностно направленному, между прочимъ и евреями, въ дурную сторону, достигъ своего апогея. Такимъ образомъ, эманципація евреевъ, въ своемъ послѣднемъ значеніи, есть эманципація человѣчества отъ іудейства.

Еврей, говоритъ Марксъ, эманципировался еврейскимъ образомъ не тѣмъ, что усвоилъ себѣ денежную силу, но тѣмъ что чрезъ него, или и безъ него, деньги сдѣлались міровою силою, и практическій духъ еврея сдѣлался практическимъ духомъ христіанскихъ народовъ. Евреи эманципировались въ такой мѣрѣ, въ какой мѣрѣ христіанѣ сдѣлались евреями.

«Благочестивый и политически свободный житель новой Англіи,—цитируетъ Марксъ слова Гамильтона, есть своего рода Лаокоонъ, который не дѣлаетъ даже ни малѣйшаго усилія освободиться отъ змѣй, опоясывающихъ его. Маммонъ—ихъ кумиръ, они молятся ему, не только устами, но всѣми силами своего тѣла и духа. Земля въ ихъ глазахъ, ни иное что, какъ биржа, и они убѣждены, что на землѣ они не имѣютъ дру-

гаго назначенія, какъ только сдѣлаться богаче своихъ сосѣдей. Торгашество овладѣло всѣми помыслами ихъ души, обмѣнъ вещей составляетъ ихъ единственное вдохновеніе. Когда они отправляются путешествовать, то уносятъ съ собою, такъ сказать, на плечахъ свою лавку или контору и не говорятъ ни о чемъ болѣе, какъ только о процентахъ и барышахъ, и если они на минуту теряютъ изъ виду свои собственныя дѣла, то только для того, чтобы обнюхивать чужія».

Противорѣчіе, продолжаетъ Марксъ, которое находится между практическою политическою властью евреевъ и ихъ политическими правами, есть противорѣчіе между политическою и денежною силою вообще: поднимаясь гораздо выше послѣдней съ идеальной точки зрѣнія, политика въ то же время въ дѣйствительности становится рабомъ ея.

Еврейство, говоритъ Марксъ, держалось подлѣ христіанства, потому именно, что практическій, еврейскій духъ, словомъ, еврейство, жило въ самомъ христіанскомъ обществѣ и даже получило въ немъ свое высшее развитіе. Еврей, какъ обособленный членъ гражданскаго общества, есть не болѣе, какъ особенное проявленіе іудейства въ гражданскомъ обществѣ.

Еврейство, такимъ образомъ, сохранилось, продолжаетъ Марксъ, не вопреки исторіи, а именно въ силу ея: изъ своей собственной утробы гражданское *общество постоянно рождаетъ еврея.*

Живучесть еврея Марксъ выводитъ не изъ его религіи, а напротивъ изъ человѣческаго основанія его религіи, изъ практической потребности, изъ эгоизма. Не только въ пятикнижіи и талмудѣ, а въ современномъ обществѣ мы находимъ существо современнаго еврея, не абстрактное, а въ высшей степени эмпирическое, не какъ условіе ограниченности еврея, а какъ условіе еврейской ограниченности гражданскаго общества.

Какъ только обществу удастся уничтожить существо іудейства, торгашество и его элементы, еврей окажется невозможнымъ, потому что его самосознаніе не будатъ болѣе имѣть

почвы; потому что субъективное основаніе іудейства—практическая потребность, очеловѣчиться, потому что уничтожится столкновеніе лично чувственнаго существа съ общественно-политическимъ существомъ человѣка.

Такимъ образомъ, заключаетъ Марксъ, общественная эманципація еврея есть эманципація общества отъ еврейства *.

Остановимся нѣсколько на выводахъ, которые можно извлечь изъ этого спора, и затѣмъ перейдемъ къ воззрѣніямъ печати для того, чтобы убѣдиться, насколько они выдерживаютъ критики при дневномъ свѣтѣ.

Религія еврея и всякаго другаго человѣка можетъ имѣть мѣсто въ государствѣ неполитическомъ, гдѣ она составляетъ элементъ государственности, а не гражданскаго общества. Если гражданинъ получаетъ преимущества потому, что исповѣдуетъ господствующую религіею, то еврей, не исповѣдующій ея, eo ipso становится противорѣчіемъ и, разумѣется, съ невыгодной стороны. Для того, чтобы религіозная сторона еврея перестала играть роль, когда рѣчь идетъ о гражданскихъ правахъ, необходимо, чтобы сама религія стала элементомъ гражданскаго общества, а не элементомъ политическимъ. Слѣдовательно для того, чтобы еврей пересталъ быть религіознымъ по преимуществу человѣкомъ и съ этой стороны пересталъ мозолить глаза встрѣчному и поперечному, необходимо не то, чтобы еврей очистилъ свои религіозныя понятія, а чтобы встрѣчные и поперечные прочистили свои глаза, чтобы здравѣе смотрѣть на вещи, а это приходится еще совѣтовать не пребывающему въ невѣжествѣ люду, а руководителямъ общественной мысли. Не менѣе, чѣмъ намъ, извѣстно и русской печати, что въ наиболѣе свободныхъ, въ политическомъ смыслѣ, странахъ, отодвинувшихъ религію въ сферу гражданскихъ элементовъ, населеніе отличается, по преимуществу религіо-

* См. Deutsch-Französische Jahrbücher herausgegeben von Arnoldt Ruge und Karl Marx 1-ste und 2-te Lieferung. Paris 1844. Zur Judenfrage von Karl Marx (стр. 182—214).

нымъ характеромъ, а между тѣмъ представителямъ русской культуры трудно стать на точку зрѣнія Маркса, что если присутствіе религіи является признакомъ недостатка, то источникъ послѣдняго слѣдуетъ искать не въ религіи, а въ чемъ то другомъ. Надобно, такимъ образомъ, эманципировать свой собственный умъ отъ религіозныхъ предразсудковъ для того, чтобы можно было людямъ, исповѣдующимъ еврейскую религію, не отказывать въ человѣческихъ правахъ, необходимо подняться, если не до идеала, выставленнаго Марксомъ въ сліяніи эгоистическаго человѣка съ общественно-политическимъ, то, по-крайней-мѣрѣ, до идеи политическаго государства, по принципу признающаго за всѣми безъ исключенія пользованіе общечеловѣческими правами. Непреложный законъ историческаго развитія государственной жизни народовъ и политической свободы ставится ни во что и отрицается представителями нашей отечественной культуры: они съ такимъ гордымъ презрѣніемъ исключаютъ всѣхъ евреевъ земнаго шара не только изъ общечеловѣческой семьи, но изъ тѣсной семьи русскаго народа, какъ будто еврейская раса, ими же признаваемая бойкою, энергическою и дѣятельною, стоитъ ниже перваго по своей культурѣ.

Quasi-патріотическое, узко-національное чувство беретъ верхъ надъ здравыми идеями, составляющими результатъ исторіи и выработанными на основаніи историческихъ данныхъ лучшими мыслителями человѣчества. Эксплоатація, стремленіе къ наживѣ, грубый эгоизмъ—вотъ подкладки для разсужденій о евреяхъ; но грустная картина эгоизма, нарисованная Гамильтономъ въ отношеніи свободной и цивилизованной новой Англіи, картина, которая сдѣлалась теперь обще-европейской и въ томъ числѣ обще-русскою, до очевидности доказываетъ, что еврейско-русскій эгоизмъ не коренится ни въ религіи, ни въ національности евреевъ, а есть плодъ общаго вѣянія времени; что сыны израиля, эксплоатирующіе и личные эгоисты

вышли не болѣе и не менѣе, по справедливому замѣчанію Маркса, какъ изъ утробы окружающей ихъ среды.

Если бы, въ примѣненіе къ эксплоатируемымъ областямъ русскаго государства, составить нѣчто на подобіе концентрическимъ кругамъ, взаимно пересѣкающимся, по выраженію одного экономиста, въ различныхъ хозяйственныхъ областяхъ, то въ этой иллюстраціи, рядомъ съ подрядчикомъ Абрамомъ, съ кабатчикомъ Шмулемъ и арендаторомъ Ицко, красовались бы разные Овсянниковы, Урусовы, Юханцевы, Гулакъ-Артемовскія, разныя блестящія имена русскихъ интендантовъ, безчисленная масса цѣловальниковъ, которыми преисполнена русская земля, и такая же безчисленная масса мірскихъ кулаковъ, обезземеливающихъ, при помощи русскаго кагала — сельскаго схода — одинаково царанъ на югѣ Россіи и великоруссовъ во внутреннихъ губерніяхъ. Если нѣкоторымъ представителямъ русской печати страшно становится отъ еврейскихъ образовъ, то это отъ того, что они узнаютъ въ нихъ фигуры, вышедшія изъ родственной имъ утробы, но въ болѣе рельефномъ изображеніи. Мораль изъ басни «Зеркало и Обезьяна» не приходится многимъ по вкусу, и они, не украдкою, не стыдясь, киваютъ на Петра. Это самый лучшій пріемъ, къ которому уже давно прибѣгаютъ въ отношеніи евреевъ, еще съ того времени, когда крѣпостники наши, истощая русскаго крестьянина, взваливали все на бѣднаго Макара въ образѣ русскаго еврея. Всякому, кто и теперь принимаетъ не малую долю участія въ созданіи незавидной обстановки русскаго крестьянина, очень удобно указывать на еврея, какъ на единственнаго Атиллу русской земли, хотя та же обстановка существуетъ и въ тѣхъ частяхъ русскаго государства, гдѣ евреи не получили никакой осѣдлости и которыя пространствомъ далеко превышаютъ общую черту осѣдлости евреевъ.

Ясное дѣло, что только благодаря нежеланію видѣть правду или неумѣнью высвободиться изъ-подъ давленія общихъ и столь обыденныхъ взглядовъ, или благодаря тому и другому вмѣ-

стѣ, печать становится въ такія рѣзкія отношенія къ евреямъ. Это, впрочемъ, свойственно русскому человѣку, будь онъ представителемъ крайнѣ узкой или болѣе широкой сферы націонализма. Малороссъ, преданный своей національности, разсуждая о ней, высказываетъ здравыя понятія вообще о человѣческихъ правахъ угнетенной націи; славянофилъ, съ самоотверженіемъ говорящій и читающій громкія рѣчи о славянскихъ народностяхъ, угнетаемыхъ иноземнымъ, чуть-ли не варварскимъ государствомъ, логично и здраво трактуетъ о правахъ народности и по поводу ихъ о правахъ человѣческихъ, великорусская печать, разсуждая о положеніи крестьянъ и дыша любовію къ нимъ, ратуетъ по своему за улучшеніе ихъ незавиднаго положенія, и, кажется, дышетъ одинаковою любовію ко всѣмъ людямъ, такъ или иначе поставленнымъ въ положеніе крестьянъ.

Между тѣмъ, тѣже самые представители различныхъ партій и интересовъ, какъ только начинаютъ говорить о евреяхъ, становятся неузнаваемыми; просто удивляешься, какимъ образомъ одни и тѣже мыслительные аппараты разсуждаютъ совершенно противоположнымъ образомъ при совершенно одинаковыхъ и почти тождественныхъ условіяхъ. Загадочность эта объясняется просто тѣмъ, что въ отношеніи евреевъ всегда имѣетъ мѣсто глубоко вкоренившійся предразсудокъ, помрачающій всякую мыслительную способность и ставящій ее въ положеніе вогнутаго зеркала, въ которомъ все отражается въ превратномъ видѣ.

У насъ обыкновенно на столько снисходительны, что ничего не имѣютъ противъ того, чтобы евреи высказывались, какъ евреи. «Если русскимъ евреямъ, говорятъ иные либералы, есть что сказать, какъ евреямъ,—пусть скажутъ; если они имѣютъ *спеціальные интересы*, требующіе спеціальныхъ защитниковъ,—пусть таковые защитники явятся; если, наконецъ, въ ихъ средѣ созрѣла потребность въ самосознаніи, въ самоопредѣленіи, пусть создаются литературные органы, которые бы служили *этому полезному дѣлу*. И, конечно, трехмилліонное (значитъ важное

числомъ) еврейское населеніе Россіи, *бойкое, энергическое, дѣятельное*, не можетъ обойтись безъ этихъ стремленій, полной законности которыхъ не признать невозможно».

Казалось бы ничего: пусть евреи говорятъ о своихъ спеціальныхъ интересахъ. Но стоитъ лишь евреямъ заговорить о навязанныхъ имъ спеціальныхъ интересахъ съ цѣлью осуществленія государственныхъ потребностей, которыя, въ отношеніи прочихъ подданныхъ, осуществляются общегосударственными мѣрами, стоитъ лишь указать на созданную нашимъ законодательствомъ систему коробочнаго сбора, около котораго сосредоточиваются всѣ обособленные хозяйственные интересы евреевъ, какъ тѣже либералы придаютъ всему дѣлу характеръ желанія пріурочивать широкій, общественно-національный вопросъ къ извѣстной формѣ спеціальнаго налога. Евреи взываютъ къ русской печати, къ русскому обществу; говорятъ имъ, что созданные для нихъ спеціальные интересы разъѣдаютъ ихъ внутренній бытъ, деморализируютъ общественный организмъ, что они желали бы снять съ себя этотъ спеціальный гнетъ, если бы только были увѣрены, что русское общество протянетъ имъ братскую руку, не откажетъ имъ въ открытіи доступа къ тѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, которыя евреи, по закону, обязаны содержать на счетъ спеціальнаго съ нихъ налога; евреи ссылаются на историческій матеріалъ, на дѣйствительные факты жизни, чтобы не оказаться голословными, а имъ отвѣчаютъ: «что намъ до васъ и до вашей удушливой атмосферы? у насъ свои интересы». Неправда ли, братскій и гуманный отвѣтъ?

Еврейскій вопросъ, по мнѣнію либераловъ, заключается не въ томъ, что «строчки» русскаго законодательства и предразсудки русскаго общества ставятъ евреевъ въ изолированное, замкнутое положеніе, а въ томъ *болѣзненно натянутомъ* состояніи, неудобства котораго такъ тяжело отзываются и на русскихъ, и на евреяхъ. Подъ этимъ болѣзненно натянутымъ состояніемъ они разумѣютъ экономическую вражду, вызываемую

въ коренномъ населеніи эксплоататорскими инстинктами евреевъ. Но современное міровое значеніе эксплоатаціи и наживы, выше раскрытое Гамильтономъ и Марксомъ, не указываетъ-ли на то, что болѣзненно натянутое положеніе создано не еврейскими руками, а общими условіями русской, общественно-гражданской жизни? Притомъ, развѣ лучшіе представители русско-еврейской печати ратуютъ за эксплоататоровъ, а не за эксплоатируемую массу?

Рисуя картину всеобщей бѣдности русскихъ евреевъ, подтверждаемой многими законодательными актами, евреи высказываются недвусмысленно: они прямо заявляютъ, что принимаютъ подъ свою защиту не содержателей фабричныхъ заведеній, не крупиыхъ дѣльцовъ, а тотъ жалкій, чахлый и истощенный пролетаріатъ, которымъ переполнена заколдованная черта еврейской осѣдлости. Евреи желаютъ вызвать въ русскомъ обществѣ сочувствіе къ еврейскому пролетаріату, не имѣющему никакого осѣдлаго пристанища, предлагаютъ ему разрушить созданную вѣками китайскую стѣну, раздѣляющую евреевъ отъ остальнаго человѣчества,—и вмѣсто отвѣта, евреи получаютъ одни лишь упреки. Либеральнѣйшій изъ русскихъ журналовъ отвѣчаетъ имъ вотъ какъ: «исключительность въ практическомъ отношеніи придаетъ евреямъ, какъ извѣстно, большую силу и сопротивленія и активнаго дѣйствія: репрессаліи безсильны предъ этой компактной массой, а достиженіе тѣхъ или другихъ цѣлей облегчается этою, болѣе, чѣмъ національной, почти семейною солидарностью». Солидарность—единственно похвальная черта, которая поддерживаетъ евреевъ въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями,—бичуется какъ порокъ. Но, еслибъ спросили русскихъ либераловъ, слѣдуетъ ли уничтожить солидарность земельныхъ общинниковъ, они бы отвѣтили намъ, что эта солидарность нужнѣе, чѣмъ воздухъ, потому что солидарность—сильнѣйшій оплотъ противъ посягательствъ на крестьянскіе интересы. Чѣмъ чаще повторяются посягательства извнѣ, тѣмъ необходимѣе солидарность извнутри; отсюда

argumentum au contrario: чѣмъ компактнѣе солидарность, тѣмъ учащеннѣе и интенсивнѣе посягательства. Стало быть, для того, чтобы не было солидарности, необходимо уничтожить посягательства. Логика очень простая и понятная. Между тѣмъ, когда рѣчь идетъ не объ общинникахъ, а объ евреяхъ, то для уничтоженія компактной солидарности, необходимо употребить нѣчто болѣе сильное чѣмъ репрессаліи. Нельзя думать, чтобы у русскихъ либераловъ не было логики: тамъ, гдѣ нужно, гдѣ они говорятъ о своихъ интересахъ, мыслительные аппараты напрягаются и дѣйствуютъ нормально; а тамъ гдѣ не нужно, гдѣ рѣчь идетъ о чужихъ интересахъ (а могутъ ли быть болѣе чуждые интересы, чѣмъ интересы еврейскіе?), мыслительные аппараты какъ то разслабляются и дѣйствуютъ самымъ ненормальнымъ образомъ

Иногда русскіе публицисты изъ либераловъ подходятъ къ сути дѣла, но, вслѣдствіе односторонности, не углубляются въ нее и остаются на той же поверхности. Такъ напр., въ либеральной русской печати встрѣчается такое сужденіе: «еврейскій вопросъ стоитъ какимъ-то одинокимъ, острымъ, назойливо-лѣзущимъ въ глаза коломъ. Пока *общая почва* и *общій климатъ* останутся тѣ же, что и теперь, можно быть увѣреннымъ, что этому колу не зацвѣсти, подобно жезлу Аарона». Для того, слѣдовательно, чтобы этотъ колъ, лѣзущій въ глаза въ образѣ еврейскаго вопроса, исчезъ самъ собою *, необходимо разрыхлять общую почву и очищать общій климатъ. За чѣмъ же дѣло стало? Представители русской культуры должны работать на этомъ поприщѣ, если имъ въ глаза лѣзетъ этотъ ненавистный колъ; они во всемъ, значитъ, согласны съ Марксомъ, что нужно порасчистить собственную утробу, чтобы оттуда не выходили на свѣтъ Божій различные гады, образующіе громадный колъ не одного еврейскаго, но и общерусскаго вопроса.

* По выраженію Маркса, „какъ легкій паръ среди жизненныхъ условій общественной жизни“.

Съ этимъ мы совершенно согласны и заранѣе увѣрены, что если-бы русскіе публицисты останавливались долѣе надъ этимъ свѣтлымъ лучемъ, падающимъ подчасъ въ темное царство сужденій о еврейскомъ вопросѣ, и давали-бы ему распространяться во всѣ уголки, то не приходилось бы намъ и спорить съ ними. Но, признавая весьма справедливымъ то, что всякая страна имѣетъ такихъ евреевъ, какихъ она заслуживаетъ, и что не вина нашихъ евреевъ, если они стоятъ на иной степени культуры, чѣмъ ихъ единовѣрцы въ другихъ странахъ, либеральная печать тѣмъ не менѣе полагаетъ, что вопросъ не столько въ *степени* культуры нашихъ евреевъ, сколько въ ея характерѣ, въ ея *типѣ*. Въ подтвержденіе своей мысли, что типъ еврейской культуры совершенно другой, чѣмъ типъ культуры другихъ русскихъ людей, поставленныхъ въ то же положеніе, и слѣдовательно коренится яко-бы въ самой національности евреевъ, либеральная печать съ важностью разсуждаетъ: «Фактъ тотъ, что въ Россіи проживаетъ многое множество всякихъ инородцевъ, культура которыхъ *еще гораздо ниже* еврейской, и тѣмъ не менѣе между ними и русскими нѣтъ того печальнаго и рѣзкаго антогонизма, который существуетъ между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ». Судя по сказанному, можно полагать, что чѣмъ народъ ниже стоитъ въ культурномъ отношеніи, тѣмъ онъ способнѣе эксплоатировать другихъ, выше его стоящихъ, а потому другіе инородцы должны были бы вызывать къ себѣ еще большую вражду въ средѣ русскаго населенія, а между тѣмъ все обстоитъ благополучно: русскій народъ живетъ съ другими инородцами душа въ душу. Иначе нельзя было-бы понять ни сравненія, ни словъ «культура которыхъ еще *гораздо ниже* еврейской». Но всѣмъ извѣстно, что эксплоатируетъ всегда болѣе сильный болѣе слабаго и что русскіе инородцы, стоящіе ниже по культурѣ не только евреевъ, но и русскаго народа, этого послѣдняго эксплоатировать не могутъ. Поэтому, руководствуясь одной только логикой и закономъ культурнаго развитія, та же печать должна была-бы по

нять, что въ отношенiи всѣхъ прочихъ инородцевъ и русскаго народа, роли перемѣняются. Инородцы эксплоатируются, а русскiе—эксплоататоры. Затѣмъ изъ такого порядка вещей возникаетъ антогонизмъ и между другими инородцами и русскимъ населенiемъ, антагонизмъ тоже извѣстный всѣмъ и каждому. Сами русскiе публицисты указывали-бы въ подробности на эти факты, если-бы у нихъ шелъ вопросъ вообще о культурномъ развитiи народностей, населяющихъ Россiю. Но когда они говорятъ о евреяхъ, о типѣ ихъ культуры, то всѣ факты перепутываются и даже простая логика, такъ легко дающаяся въ руки, перестаетъ имъ служить. Они смотрятъ на евреевъ съ точки зрѣнiя русскаго законодательства, которое удѣлило евреямъ мѣсто между инородцами, хотя первые въ культурномъ отношенiи стоятъ выше послѣднихъ. Немудрено поэтому, что, будучи вызваны на неудачное сравненiе, русскiе публицисты запутываются въ собственныхъ понятiяхъ и должны грѣшить противъ логики и истины. Растрачивая свои силы въ томъ же направленiи, въ поискахъ за подтвержденiями своей мысли, наша либеральная печать доказываетъ, что и въ политически свободныхъ странахъ противъ евреевъ существуетъ такой-же антагонизмъ, какой существуетъ въ какой нибудь забытой Бѣлоруссiи. Отчужденiе евреевъ, говоритъ она, ихъ «*проклятiе*»,—явленiе, сложившееся исторически подъ влiянiемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ и бытовыхъ, и культурныхъ, и этнографическихъ, и религiозныхъ. Но всѣмъ извѣстно, что если проявляется гдѣ нибудь въ Германiи антагонизмъ въ печати, то лишь въ клерикальныхъ органахъ, на заднемъ дворѣ литературы, но никакъ не въ такихъ журналахъ, которые являются передовыми органами печати. Въ иностранныхъ государствахъ общая почва и общiй климатъ не воспринимаютъ никакихъ уродливыхъ произрастанiй человѣческой мысли. Послѣднее анти-семитическое движенiе Трейчке, Марра и др. потерпѣло сильное фiаско въ передовыхъ органахъ печати.

Но хуже всего—это фарисейскiй духъ, которымъ проникнуты

сужденія о еврейскомъ вопросѣ. Либеральные публицисты разсуждаютъ обыкновенно такъ: «ставить въ вину этотъ фактъ (проклятія) исключительно евреямъ, какъ это часто дѣлается ихъ слѣпыми антогонистами, очевидно несправедливо, но сваливать эту вину, какъ это дѣлается защитниками еврейства, исключительно на преслѣдованіе со стороны христіанъ, на средневѣковые костры и «строчки» современныхъ кодексовъ и сводовъ въ такой же степени несправедливо». Что же справедливо, наконецъ, по мнѣнію этихъ либераловъ? Кто виноватъ, наконецъ, евреи-ли, или окружающая ихъ среда? Пугаясь истины въ чистомъ, цѣльномъ ея видѣ, либералы разбиваютъ ее на двѣ половины. «Не сдѣлавшись гражданами по духу, евреи не могутъ сдѣлаться гражданами по правамъ—вотъ основной доводъ противниковъ еврейства, говорятъ либералы, доводъ, въ которомъ заключается *одна половина* истины». «Не сдѣлавшись гражданами по праву, евреи не могутъ стать гражданами по духу»,—вотъ основной доводъ защитниковъ еврейства, продолжаютъ тѣ же либералы, доводъ, въ которомъ заключается *другая половина* истины». Логически продолжая эту мысль въ томъ же направленіи, слѣдуетъ остановиться на томъ, кто же наконецъ долженъ сдѣлать первый шагъ: евреи-ли первые должны исправиться по духу, или не евреи должны первые милостиво одарить евреевъ правами? Очевидно, что приводя въ связь «духъ» съ «правами», признавая обѣ враждующія стороны одинаково виноватыми, а не ставя вопросъ ребромъ, чтобы, при разрѣшеніи его, рѣзко отдѣлить праваго отъ виноватаго, мы въ сущности устраиваемъ публичный торгъ, на которомъ обѣ стороны, держа протянутыми руки, но не довѣряя другъ другу, остаются при своихъ драгоцѣнныхъ благахъ: одни при испорченномъ духѣ, а другіе при священныхъ правахъ. Вопросъ, такимъ образомъ, не разрѣшается. Либералы, сознавая всю нелѣпость раздробленія истины, провозглашеннаго ими самими, положительнымъ образомъ, какъ-бы въ осмѣяніе себя самихъ, добавляютъ: «выходитъ какая-то стран-

ная и запутанная игра понятій, какой-то заколдованный кругъ, въ которомъ, если угодно, можно кружиться, какъ бѣлка въ колесѣ, хоть цѣлыя столѣтія». Но развѣ виноваты, спросимъ мы, евреи, что либералы отказываются сказать открыто, чего хотятъ, уклоняются отъ прямого, добросовѣстнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса и виляютъ то въ одну, то въ другую сторону, устраивая колесо съ запутанными понятіями и вращаясь въ немъ, какъ въ заколдованномъ кругѣ, на подобіе бѣлки? Запутавшись въ своихъ собственныхъ понятіяхъ, либералы дѣлаютъ ничѣмъ необъяснимый логическій, или, лучше сказать, нелогическій скачекъ, и въ концѣ концовъ признаютъ однихъ евреевъ виновными во всемъ, хотя они, по свойственному имъ двуязычію, стыдятся прямо высказать это; но это естественно вытекаетъ изъ слѣдующаго обращенія къ евреямъ: «дѣйствуйте, говорятъ либералы, на причину этихъ обвиненій, старайтесь уменьшить антипатію, вызывающую ихъ, перекиньте мостъ чрезъ пропасть, отдѣляющую евреевъ отъ русскихъ—и всевозможныя несправедливыя обвиненія упразднятся сами собою за ненадобностью». Значитъ, мы должны первые отказаться отъ своего духа, и тогда перестанутъ насъ обвинять, и, пожалуй, дадутъ намъ права. Но признать насъ обязанными сдѣлать первый шагъ, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать насъ кругомъ виноватыми. Отчего-же либералы говорятъ, что такъ утверждаютъ лишь одни слѣпые антагонисты евреевъ! Мы бы указали либераламъ на споръ между Марксомъ и Бруно-Бауеромъ; но они предвидѣли силу логики, идущей въ разрѣзъ съ ихъ сужденіями, и заранѣе приготовили отвѣтъ: «теоретическія разсужденія, *даже справедливыя*, безсильны предъ косною дѣйствительностью, и живучесть нѣкоторыхъ *въ самомъ дѣлѣ нелѣпыхъ* и *возмутительныхъ обвиненій* противъ евреевъ, обвиненій, много разъ ученѣйшимъ образомъ опровергнутыхъ и аккуратно вновь выплывающихъ на поверхность, доказываетъ это безсиліе самымъ нагляднымъ образомъ. Это печально, но это естественно. Пока массы будутъ недоброжелательно и не-

довѣрчиво относиться къ евреямъ, до тѣхъ поръ эти обвиненія не перестанутъ раздаваться, потому что, дѣло извѣстное, люди не требуютъ строгихъ доказательствъ того, въ чемъ хочется убѣдиться. Это фактъ народной психологіи, противъ котораго ничего не подѣлаешь». Такимъ образомъ, даже нелѣпыя и возмутительныя обвиненія ученѣйшимъ образомъ опровергнутыя—(намекъ на обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови, ученѣйшимъ образомъ опровергнутое замѣчательнымъ трудомъ г. Хвольсона о средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ)—получаютъ свою живучесть, благодаря народной психологіи, т. е. благодаря тому, что масса, недружелюбно и недовѣрчиво относясь къ евреямъ, не требуютъ строгихъ доказательствъ того, въ чемъ ей хочется убѣдиться. Здѣсь опять что-то недосказано. Либералы собственно хотятъ сказать, что евреи виновны въ томъ, что массы относятся къ нимъ недружелюбно и недовѣрчиво, а потому уже нечего пенять на то, что народная психологія взводитъ на евреевъ нелѣпыя и возмутительныя обвиненія. Чѣмъ, напримѣръ, мы позволяемъ себѣ спросить либераловъ, они объяснили-бы обвиненіе язычниками въ первые періоды христіанства самихъ христіанъ въ употребленіи человѣческой крови? Были-ли какія нибудь, кромѣ самаго христіанства, основанія, по которымъ язычники относились недовѣрчиво и недоброжелательно къ христіанамъ? Допускаютъ-ли либералы, такъ хорошо изучившіе народную психологію, существованіе направленныхъ противъ кого-либо народныхъ предразсудковъ, независимо отъ воздѣйствія враждебныхъ силъ преслѣдуемыхъ?

Мы позволимъ себѣ разсказать либераламъ, отчего иногда происходятъ у насъ нелѣпыя и возмутительныя обвиненія евреевъ. Имъ, можетъ быть, извѣстно, что понынѣ, за исключеніемъ одного освобожденнаго по ходатайству всеобщаго союза евреевъ старика, томится въ каторжныхъ работахъ нѣсколько еврейскихъ семействъ, приговоренныхъ за употребленіе христіанской крови. Разъясненіе существа этого, извѣстнаго въ

Россіи Саратовскаго дѣла, послѣдовало со стороны русскаго человѣка, политическаго преступника, содержавшагося вмѣстѣ съ означеннымъ старикомъ, оказавшимся по старости лѣтъ, неспособнымъ къ каторжнымъ работамъ. Узнавъ отъ него, за что онъ содержится, политическій преступникъ пришелъ въ ужасъ и отправилъ въ бывшую редакцію «Сіона» письмо, которое въ началѣ 60-хъ годовъ не могло узрѣть свѣтъ Божій. Содержаніе-же письма довольно поучительное. Русскій человѣкъ, знающій хорошо приволжскій край, разсказываетъ, что во всѣхъ палатахъ того края производятся часто дѣла объ убійствѣ мальчиковъ, трупы которыхъ всегда находятся въ оврагахъ возлѣ рѣки Волги (Саратовское дѣло, какъ извѣстно начато по поводу убіенія духъ мальчиковъ, найденныхъ въ оврагахъ возлѣ Волги). Въ письмѣ объясняется, что населеніе Приволжья со временъ казачества носится съ мыслью, что на всемъ пространствѣ Приволжья зарыто множество кладовъ, на раскопку которыхъ часто отправляются по ночамъ русскіе удалые молодцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ тамъ повѣрье, что роскопка этихъ кладовъ весьма удачна бываетъ въ присутствіи невинныхъ христіанскихъ душъ, пребывающихъ во все время раскопки въ молчаніи. Такими невинными душами считаются малолѣтніе мальчики, которыхъ удалые молодцы заманиваютъ съ собою на раскопку. Но случается иногда, что раскопка продолжается всю ночь, и молодцы убѣждены, что вотъ, вотъ ихъ труды увѣнчатся успѣхомъ, какъ вдругъ невинная христіанская душа заплачетъ уже на самомъ разсвѣтѣ. Тогда молодцы отъ злости лопатой бьютъ по головѣ несчастнаго мальчика, иногда до смерти. Этимъ въ письмѣ объясняется какъ частое нахожденіе дѣтскихъ труповъ возлѣ Волги, гдѣ они сбрасываются въ овраги, такъ и производство по этимъ убійствамъ дѣлъ въ палатахъ Приволжскаго края. Разумѣется, что ловкимъ убійцамъ очень удобно дать дѣлу оборотъ, который сразу направляетъ всѣ взоры въ другую сторону, въ особенности же, когда подъ руку, какъ въ Саратовской губерніи, подвертываются евреи,

кровопійцы христіанъ. Дѣйствительно, изъ недавно обнародованнаго г. Левенсономъ въ «Журналѣ уголовнаго и гражданскаго права» Саратовскаго дѣла, усматривается, что мальчики, убиты тупымъ орудіемъ и что одна свидѣтельница упоминаетъ о кладахъ, но, къ сожалѣнію, слѣдственная власть, направившая дѣло въ сторону народной психологіи, никакъ не могла замѣчать никакихъ другихъ сторонъ и не обслѣдовала вовсе упоминанія о кладахъ, въ которыхъ собственно и заключается суть дѣла. Публицисты конца семидесятыхъ годовъ поступаютъ точь въ точь какъ судебные слѣдователи начала пятидесятыхъ, и имъ приходится отвѣтить ихъ же собственными словами: «фактъ печальный, но естественный, они въ самомъ дѣлѣ не требуютъ строгихъ доказательствъ того, въ чемъ имъ хочется убѣдиться и, прибавимъ отъ себя, убѣждать другихъ». И въ самомъ дѣлѣ, къ чему можетъ повести убѣжденіе, что евреи должны соорудить грандіозный мостъ и перебросить его чрезъ пропасть, отдѣляющую ихъ отъ русскихъ гражданъ? Не говорили-ли намъ того же самаго менѣе просвѣщенные публицисты конца тридцатыхъ годовъ? Не они ли въ то время, когда евреи пребывали еще въ невѣжествѣ и въ совершенномъ отдѣленіи отъ русскаго общества, совѣтовали намъ выйти изъ заколдованнаго круга и пріобщиться къ сферѣ цивилизаціи? Съ того времени прошло уже около полувѣка. Евреи доказали, что они ушли быстрыми шагами впередъ, а между тѣмъ, когда мостъ, ими сооруженный, оказался уже почти у противоположнаго берега, жители послѣдняго изволятъ удалиться, совѣтуя намъ продолжать Сизифову работу. Но, не смотря на то, что до сихъ поръ евреи затратили достаточно труда на работу, въ надеждѣ на лучшую будущность, которая, какъ видно, еще не наступила, они не откажутся отъ той же работы, уничтожающей разстояніе между ними и господствующимъ населеніемъ: они увѣрены, что когда нибудь наступитъ время съ роковыми требованіями, противъ которыхъ окажется безсильною народная психологія и при которыхъ противоположный берегъ прибли-

зится къ мосту противъ воли его оберегателей. Евреи не дикое племя, которое можно стереть съ лица земли преслѣдованіемъ и гоненіями, а культурный народъ, не исчезающая расса, въ себѣ самой содержащая зародыши своего паденія, а живучая сила, съ которою приходится и еще придется считаться. Не въ этомъ ли заключается секретъ народной психологіи, не это ли производитъ путаницу въ понятіяхъ, за которою скрывается нѣчто болѣе реальное, чѣмъ народная психологія? Но очевидною неискренностію отзывается совѣтъ, подчасъ даваемый представителями русской печати съ высоты своего культурнаго величія: «если бы наши образованные евреи, говорятъ они, перемѣнили свою тактику и, вмѣсто довольно безплодной агитаціи въ средѣ русскаго общества, обратили вниманіе на пропаганду въ средѣ еврейства, если бы они, вмѣсто шаблонныхъ сборниковъ и журналовъ на русскомъ языкѣ, позаботились о дешевомъ изданіи на новоеврейскомъ языкѣ, въ которомъ общедоступно и толково разъяснялись-бы элементарнѣйшія идеи здраваго общежитія дѣло прогресса русскаго еврейства выиграло-бы гораздо больше, нежели теперь, при существованіи журналовъ, для русскаго читателя ненужныхъ—у него другіе интересы, для образованнаго еврея излишнихъ—предъ нимъ открыты литературы, не русско-еврейской чета,—а для массы еврейскаго пролетаріата недоступныхъ ни въ интеллектуальномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи».

Но прежде, чѣмъ отвѣтимъ на этотъ столь любезный совѣтъ, мы считаемъ долгомъ заговорить съ либералами на ихъ же языкѣ, въ примѣненіи къ защищаемымъ ими крестьянскимъ интересамъ, для того, чтобы они могли понять всю двусмысленность и неискренность своихъ рѣчей, обращенныхъ къ еврейскимъ публицистамъ.

Въ положеніи о крестьянахъ есть нѣсколько «строчекъ», затрудняющихъ переходъ отъ частнаго въ общинное владѣніе. Либеральная печать сочувствуетъ общинному владѣнію. Противъ такихъ спеціальныхъ интересовъ мы ничего не имѣемъ:

шестидесятимилліонное крестьянское населеніе имѣетъ право на защиту своихъ интересовъ. Но желая устройства общиннаго владѣнія, либералы хлопочутъ объ отмѣнѣ этихъ строчекъ и объ установленіи другихъ, которыя узаконили бы исключительно общинное землевладѣніе. Они всѣми силами борятся съ внѣшними факторами, считая ихъ единственнымъ препятствіемъ къ осуществленію своей задачи обособленія крестьянъ во взаимной солидарно-отвѣтственной жизни. Если бы имъ кто сказалъ, что они пріурочиваютъ спеціально-экономическій вопросъ къ законодательнымъ строчкамъ, къ общественнымъ предразсудкамъ и т. п., они бы указали на свой матеріалъ, историческій и неисторическій, и сказали бы, что рѣчь вовсе не идетъ объ одной изъ основъ государства,—частной собственности, что это дѣло болѣе широкихъ общественныхъ сферъ, неимѣющихъ ничего общаго съ интересами крестьянъ, которые при общей почвѣ и общемъ климатѣ, при несложныхъ условіяхъ экономическаго быта, при скудномъ образѣ понятій и степени или типѣ культуры, должны пребывать въ общинномъ землевладѣніи. Что же, мы ли это должны возставать противъ либераловъ русской печати, если они, такъ понимая интересы своего народа, защищаютъ ихъ по своему? Но, когда евреи выступаютъ на защиту своего пролетаріата и тоже возстаютъ противъ законодательныхъ строчекъ, тѣ же либералы, разсуждающіе крѣпкимъ умомъ, когда говорятъ о крестьянахъ, считаютъ смѣшнымъ дѣломъ пріуроченіе къ законодательнымъ опредѣленіямъ общей государственной мѣры, имѣющей для евреевъ такое же важное значеніе какое для крестьянъ—общинное или необщинное землевладѣніе. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что евреи ратуютъ за освобожденіе ихъ отъ навязанной имъ законодательными мѣрами солидарности и считаютъ необходимымъ зломъ пребываніе въ этой солидарности единственно изъ-за неувѣренности въ человѣчномъ отношеніи къ нимъ со стороны русскаго общества, тогда какъ либералы стоятъ за обособленность кресть-

янъ и солидарность почти семейную, если позволительно выражаться языкомъ представителей русской печати.

Далѣе, когда рѣчь заходила въ пятидесятыхъ годахъ о дарованіи крестьянамъ общечеловѣческихъ правъ, которыхъ они были лишены въ крѣпостномъ состояніи, литературные предки современныхъ либераловъ не пугались того, что крестьяне со своими закорузлыми понятіями, со своими народными предразсудками, со своими крѣпостническими традиціями и выдохшимися миѳами, не окажутся способными къ воспріятію общечеловѣческихъ правъ. Крѣпостное право, разсуждали тогда либералы, убило въ крестьянинѣ духъ личности, но стоитъ только даровать ему человѣческія права, снять съ него тягостныя оковы крѣпостничества, чтобы онъ воспрянулъ духомъ свободной личности и съумѣлъ бы стать хозяиномъ своихъ правъ. И они не ошиблись въ своемъ предложеніи. Между тѣмъ, когда рѣчь заходитъ о необходимости даровать и еврею права, почти прирожденныя человѣку въ силу его личности, то тѣже мыслители совѣтуютъ намъ прежде порасчистить свой духъ, приняться за перебрасываніе мостовъ и другія очистительныя работы, чрезъ которыя только и можетъ открыться для еврея рай человѣческихъ правъ. Что же? Современные русскіе евреи стоятъ въ культурномъ отношеніи ниже крестьянъ временъ крѣпостничества? Не думаемъ, чтобы это возможно было кому-либо утверждать даже при самыхъ недозволительныхъ натяжкахъ. Отчего же такая двойственность въ мысляхъ, такое непростительное отношеніе свысока къ интересамъ народности, еще теперь прикрѣпощенной къ землѣ не только въ смыслѣ лишенія ея права свободнаго передвиженія, но и обложенія разными чиншевыми налогами въ Западномъ краѣ? Предоставляемъ русскимъ либераламъ дать незастѣнчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Засимъ—долгъ платежемъ красенъ: за совѣтъ дадимъ и мы совѣтъ. Вамъ, русскимъ либераламъ, дороги интересы крестьянъ, какъ намъ—интересы еврейскаго пролетаріата. Не лучше ли было бы, если бы, вмѣсто нешаблонныхъ

и пріобрѣвшихъ себѣ не въ средѣ крестьянъ извѣстность журналовъ, вы озаботились улучшить положеніе крестьянъ изданіемъ на простонародномъ языкѣ сборниковъ, въ которыхъ распространяли бы среди крестьянства элементарныя понятія здраваго общежитія, гигіену и тому подобныя? Дѣло прогресса русскаго крестьянина выиграло бы гораздо больше, чѣмъ отъ существованія разныхъ журналовъ и газетъ. Кому они нужны? образованному иностранцу? но у него свои интересы и болѣе широкіе. Образованному русскому читателю? но для него открыты литературы не нашей доморощенной чета, открыты всѣ источники, изъ которыхъ черпается вся ея премудрость. Быть можетъ массѣ русскаго крестьянства? но для нея русскіе журналы недоступны ни въ интеллектуальномъ ни въ матеріальномъ отношеніи. Совѣтъ нелѣпый, но тождественный. Русскіе журналы издаются, очевидно, *во имя* народныхъ интересовъ, но не *для народа*; они стараются разработывать народные вопросы, для установленія правильной точки зрѣнія на дѣло въ средѣ интеллигентнаго русскаго общества и въ сферахъ административныхъ. Позвольте же и намъ тоже самое дѣлать. Внесеніе же здравыхъ понятій общежитія въ среду еврейскаго пролетаріата было бы только насмѣшкою надъ его судьбой. Эти опыты уже испробованы еврейскими публицистами и непригодность ихъ обнаружилась тотчасъ же, потому что тамъ гдѣ нечѣмъ жить, очень мало интересуются порядкомъ общежитія. Попробуйте дѣйствовать въ томъ духѣ въ отношеніи крестьянъ, и вы убѣдитесь, что вашъ совѣтъ писанъ на пескѣ. Еврейскіе публицисты же имѣютъ еще тѣмъ большое надобности въ изданіи еврейско-русскихъ сборниковъ, что печать, такъ генеральски къ нимъ относящаяся, желаетъ хранить печать безмолвія, когда рѣчь идетъ о нарушеніи священнѣйшихъ правъ евреевъ. Мы говоримъ объ отношеніяхъ одного изъ либеральнѣйшихъ русскихъ журналовъ къ одесскимъ безпорядкамъ 1871 года. Въ немъ вымолили было мѣсто для одной обстоятельной статьи объ этихъ безпорядкахъ, и она была

уже набрана и готова была появиться, какъ вдругъ либеральный органъ, по требованію одного изъ ретивыхъ своихъ сотрудниковъ, рѣшился разобрать шрифтъ и наложить на эту статью veto. Не либеральная-ли печать создаетъ необходимость изданія русско-еврейскихъ органовъ? Слѣдовательно, ей менѣе всего къ лицу вооружаться противъ нихъ. Пока существуетъ такая либеральная русская печать, до тѣхъ поръ должна существовать отдѣльная русско еврейская журналистика.

Въ закюченіе, для окончательной характеристики отношеній либеральной печати къ интересамъ русскаго еврейства, по ея словамъ *трехмилліоннаго бойкаго. энергическаго* и *дѣятельнаго*, приведемъ высокопарный, дышащій человѣческою любовью общій отвѣтъ ея, который она даетъ еврейскимъ публицистамъ буквально въ слѣдующихъ, не лишенныхъ глубокаго патріотизма выраженіяхъ: «общій отвѣтъ, который можетъ дать русская журналистика на упреки евреевъ за равнодушіе къ ихъ судьбѣ, столько же простъ, сколько резоненъ: многомилліонное русское крестьянство имѣетъ несравненно больше правъ на ея вниманіе, нежли *всѣ евреи земнаго шара, вмѣстѣ взятые*. Задачи, поставляемыя жизнію этихъ десятковъ милліоновъ настолько серьезны и разнообразны, что русская литература можетъ отвѣтить вотъ что: «у русской журналистики, по крайней мѣрѣ у той части ея, которая еще не потеряла сознанія своихъ обязанностей, есть своего рода Іерусалимъ, о которомъ она съ большимъ, съ несравненно большимъ правомъ, нежели какой бы то ни былъ еврейскій писатель, можетъ сказать словами нашего псалма: «да отсохнетъ моя десница, если я забуду тебя».

Вся разница у либеральной печати въ количествѣ: они защищаютъ интересы десятковъ милліоновъ, а мы—интересы единицъ милліоновъ людей. Но либеральная печать забыла еще объ одиой, весьма существенной разницѣ, что еврейскій публицистъ, не только не отвернется, подобно ей, съ презрѣніемъ отъ нитересовъ крестьянъ, но всегда относится къ нимъ сочув-

ственно, говоритъ и пишетъ о нихъ съ любовiю, свойственною человѣку, свободному отъ предразсудковъ среды, не только своей, но и общерусской. Еврейскiй публицистъ знаетъ, что собственно русскiй народъ ничего не имѣетъ противъ евреевъ, что противъ послѣднихъ возстаютъ интелигентныя силы русскаго общества, за весьма немногими исключенiями. Еврейскiй публицистъ давно бы пересталъ защищать своихъ единовѣрцевъ, если бы замѣтилъ человѣческое къ нимъ отношенiе со стороны тѣхъ, въ которыхъ находится руководительная сила; если бы о нихъ не говорили съ высокомѣрiемъ интелигентныхъ дикарей, если бы ихъ интересовъ не игнорировали, если бы не отворачивались отъ нихъ съ гордымъ презрѣнiемъ, — словомъ, еврейскихъ публицистовъ не было бы нужно вовсе, если бы не было русскихъ патрiотовъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но пока послѣднiе существуютъ, должны, какъ сказано выше, существовать и еврейскiе публицисты. Нашъ общiй отвѣтъ на высокопарный тонъ и презрѣнiе либеральной русской печати будетъ слѣдующiй: «намъ дороги интересы русскихъ крестьянъ, намъ дороги общерусскiе интересы; но покуда существуютъ такiе представители народныхъ интересовъ, какъ тѣ, которыхъ мы только что охарактеризовали, еврейскiе публицисты, по крайней мѣрѣ та часть ихъ, которая не потеряла еще сознанiя своихъ обязанностей въ отношенiи своего народа, ее вскормившаго и на деньги котораго она получала образованiе, не должна прерывать свою духовную связь съ своимъ Iерусалимомъ, въ образѣ русско-еврейскаго пролетарiата, и съ неменьшею гордостью, чѣмъ русскiй писатель, можетъ сказать словами псалма: «да отсохнетъ моя десница, если я забуду тебя».

Изъ изложеннаго видно, что дѣйствительные представители мысли, разсуждая о евреяхъ, не говорятъ о нихъ иначе какъ о части цѣлаго, съ которымъ она составляетъ общiй организмъ. Вотъ почему они касаются общихъ, основныхъ сторонъ вопроса съ точки зрѣнiя общечеловѣческой, не нацiональной. Касаясь религiозной стороны вопроса, Бруно-Бауэръ вы-

сказываетъ взглядъ на религію, какъ на различныя ступени человѣческаго духа, которыя должны объединиться наукою. Даже въ этомъ спеціальномъ и узкомъ вопросѣ Бруно-Бауэръ сознаетъ нообходимость отыскивать общечеловѣческую сторону, дабы не впасть въ односторонность, въ такую частность, о которой не стоило бы вовсе говорить, потому что, какъ частность, религія вообще, по мнѣнію Бауэра, составляетъ противорѣчіе съ стремленіями къ политической эманципаціи. Еврейскій вопросъ, въ своей всеобщности, превращается, поэтому, у Бауэра въ общій вопросъ объ отношеніи религіи къ государству вообще. Нечего говорить, что Марксъ, ставя вопросъ на чисто экономическую почву, никакъ не можетъ выдѣлить вліянія еврейскаго элемента въ этой сферѣ изъ общихъ, установившихся и исторически выработанныхъ условій экономической жизни вообще. Понятное дѣло, что приближаться къ истинѣ можно только путемъ изученія духа даннаго явленія, основнаго источника его происхожденія, а не формъ, въ которыхъ оно обнаруживается, ибо особенности внѣшнихъ проявленій могутъ зависѣть отъ особенностей мѣстныхъ, народныхъ и даже отъ чисто-личныхъ условій, а извѣстно, что какъ бы разнообразны эти послѣднія ни были, они все таки возсоединяются въ общемъ своемъ основаніи.

Очевидно, что, удаляясь отъ общихъ основаній и отдѣливъ евреевъ острымъ анатомическимъ ножемъ отъ той среды, съ которою они органически связаны, можно допустить, что все насъ поражающее есть результатъ исключительно ихъ дѣятельности и специфическихъ условій ихъ національно-экономической жизни. Приписывая все однимъ частностямъ, мы вовсе не замѣчаемъ, что выводъ нашъ вытекаетъ изъ ошибочныхъ анатомическихъ пріемовъ, противъ которыхъ протестуютъ законы дѣйствительной экономической жизни какой бы то ни было страны. Противъ массы частностей можно выставить массу другихъ частностей, а противъ духа и сущности явленія едва-ли кто станетъ и спорить. Духъ же и сущность явленій

изучаются на основанiи общихъ, свойственныхъ имъ законовъ, а не на основанiи частностей, не имѣющихъ ничего общаго съ самими законами и составляющихъ лишь форму проявленiя послѣднихъ. Если общiй духъ или сущность явленiй измѣнится коренным образомъ въ общемъ организмѣ, въ которомъ евреи составляютъ отдѣльную часть, то измѣнятся и форма и тѣ частности, въ которыя она выливается, благодаря тѣмъ или другимъ частнымъ условiямъ. Наши же публицисты-либералы стали на путь частностей, изъ лабиринта которыхъ они не такъ скоро выпутаются, теряя окончательно изъ виду сущность вопроса. Якорь спасенiя еврейскаго вопроса въ способѣ его постановки. Если поставить его на надлежащую почву, на которую его ставили люди съ широкимъ умомъ, то онъ разрѣшается вмѣстѣ съ общечеловѣческими вопросами, интересующими не однихъ евреевъ; если же поставить его на почву нацiонально-религiозную, при рѣзкомъ выдѣленiи евреевъ изъ среды другихъ народностей, какъ отдѣльнаго проклятаго сословiя, то нѣтъ сомнѣнiя, что онъ будетъ столько же долговѣченъ, сколько долговѣчны предразсудки человѣческаго рода. Первый путь — путь истины, а второй — путь лицемѣрiя и лжи.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ.

(По поводу его пятидесятилѣтняго юбилея).

Наука и жизнь тогда только оставляютъ глубокіе слѣды въ человѣкѣ, когда все, добытое путемъ теоріи и опыта, дѣлается его достояніемъ, неразрывною частью его существа, его второю природою. Только при такомъ глубоко вкоренившемся и тщательно провѣренномъ убѣжденіи все, что противорѣчитъ ему, становится ему враждебнымъ и вызываетъ на борьбу во имя идеи, во имя истины. Подъ вліяніемъ такого развитія, всѣ явленія жизни, носящія на себѣ отпечатокъ внѣшней обособленности, подводятся подъ болѣе общія рубрики, возводятся къ объединяющему ихъ началу, которое приводитъ ихъ въ связь съ общими явленіями жизни и даетъ имъ истинное значеніе и смыслъ. Такое глубокое проникновеніе во внутренній духъ общественныхъ жизненныхъ интересовъ приводитъ къ тому неизбѣжному результату, что человѣкъ считаетъ свое разумное и здравое отношеніе къ нимъ не заслугою, а долгомъ, внутреннею потребностью, неизмѣняемою никакими исключительными событіями.

Такимъ былъ Н. И. Пироговъ по отношенію къ еврейскому вопросу, и все, высказанное имъ въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ о евреяхъ, рѣдко выдвигалось изъ предѣловъ *увлеченія*, охватившаго тогда всю русскую печать и направившаго ее на путь *гуманныхъ* воззрѣ-

ній по отношенію къ еврейскому вопросу. Нѣтъ спору, что *увлеченіе* и *гуманность* весьма похвальныя качества; но первое имѣетъ въ своемъ основаніи нравственную заразительность примѣра, а вторая—примѣненіе человѣческихъ взглядовъ къ болѣе широкимъ сферамъ. Какъ заразительность примѣра бываетъ дѣломъ подражанія, вызываемаго даннымъ моментомъ и отличающагося стаднымъ характеромъ, такъ и гуманность бываетъ иногда дѣломъ моды, когда она является результатомъ не выработаннаго убѣжденія, а вѣянія времени, и въ этомъ отношеніи она имѣетъ общаго съ увлеченіемъ—во временности и стадности своего проявленія.

Сказанное нами имѣетъ основаніе въ прошедшемъ. Кто не помнитъ священной войны противъ евреевъ, объявленной въ «Иллюстраціи» устами нѣкоего Шпилевскаго въ 1858 г.; кто не помнитъ отраженій гг. Чацкина и Горовица и ополченія противъ нихъ редактора «Иллюстраціи» Зотова въ исполненной глумленія статьѣ подъ названіемъ «Ребе Чацкинъ» и «Ребе Горовицъ»; кто не помнитъ единодушнаго почти протеста всѣхъ русскихъ литераторовъ противъ «Иллюстраціи», которые, во имя идеи гуманности, требовали признанія за евреемъ правъ человѣка? Съ того времени прошло уже около четверти вѣка, и что, спрашивается, осталось въ русской литературѣ изъ этого похвальнаго увлеченія и модной гуманности? Многіе изъ тѣхъ, которые въ то время такъ краснорѣчиво заговорили о человѣческихъ правахъ евреевъ, сами приложились къ знамени крестовыхъ противъ нихъ походовъ, и тотъ самый журналъ, который стоялъ особнякомъ среди всеобщаго увлеченія, доказывая увлеченія, доказывая необходимость развитія во всемъ обществѣ здравыхъ понятій объ общечеловѣческихъ интересахъ, которыми обнимаются и еврейскіе («Современникъ»), въ настоящее время, внѣшнимъ образомъ преобразившись въ «Отечественныя Записки», говоритъ о евреяхъ такимъ языкомъ, въ сравненіи съ которымъ языкъ Зотова и Шпилевскаго дышетъ, какъ кажется, нѣкоторою гуманностью. Вотъ почему

увлеченіе и гуманность, если они не вытекаютъ изъ глубокаго, внутренняго убѣжденія, такъ скоро проходятъ, какъ и появляются. Но не преходящи убѣжденія Н. И. Пирогова, потому что они основаны не на позаимствованномъ колеблющемся началѣ, а на вѣчной, непоколебимой истинѣ. Это знамя истины, какъ объединяющее начало, очень мѣтко указано профессоромъ Селинымъ на данномъ Н. И. Пирогову въ Кіевѣ обѣдѣ. «Когда разнеслась, сказалъ онъ, вѣсть, что Н. И. Пирогова не будетъ съ нами, студенты кіевскаго университета, всегда дѣлившіеся на самые разнородные станы, какою-то невидимою силою вдругъ сливаются въ единую семью! Великороссіяне, малороссы, литвины, поляки, болгары, сербы, нѣмцы, евреи— одинъ человѣкъ! Почему, спрашиваетъ Селинъ, они забыли всѣ личныя стремленія, частныя убѣжденія, въ основѣ своей, быть можетъ, неповинныя? Потому, отвѣчаетъ онъ, что въ эту торжественно-печальную минуту ясно видѣли, что подъ ихъ значками, на неизмѣримой высотѣ, въ яркомъ сіяніи, развѣвается *знамя истины*

Ознакомившись поближе съ внутреннею жизнію евреевъ въ новороссійскомъ и юго-западномъ краяхъ, Н. И. Пироговъ, какъ глубокій мыслитель и человѣкъ, заинтересовался ею въ такой степени, что подвергъ общественныя стороны ея всестороннему анализу и приложивъ къ нимъ выработанныя имъ общіе взгляды, первый высказался о нихъ сознательно и съ такою убѣдительною логикою, которая убила всякія безпочвенныя разсужденія о томъ, что еврей достоинъ гуманнаго отношенія какъ человѣкъ. Пироговъ *у насъ* первый увидѣлъ въ евреѣ не только человѣка, но и полезнаго гражданина; онъ первый указалъ на высокія добродѣтели еврейской народности (Одесская Талмудъ-Тора, Одесса-1858 г.); онъ первый принялъ подъ свою защиту еврейскую молодежь, къ которой относился съ горячею любовью и которую поддерживалъ въ борьбѣ съ обскурантизмомъ; онъ первый обнаружилъ не пассивную, а активную дѣятельность на по-

прищѣ образованія евреевъ, пропагандируя между ними единеніе силъ во имя идеи просвѣщенія.

Самое зарожденіе вопроса объ источникѣ національной вражды связано у Н. И. съ искреннею любовью къ людямъ. Кто не выработалъ въ себѣ искренней любви къ людямъ, того мало интересуетъ и вопросъ о враждѣ между ними. «Всякому, кто искренно любитъ людей, вѣрно не разъ,—говоритъ Н. И.—приходилъ на мысль вопросъ: откуда происходитъ недружелюбіе, вражда и ненависть одной націи противъ другой»? Вопросъ этотъ и въ настоящее время, чрезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ поставилъ его Пироговъ, интересуетъ всю Росссію, благодаря выступившимъ на югѣ ея грустнымъ событіямъ, и разрѣшается на разные лады по тѣмъ вѣсамъ и мѣрамъ, которые въ данное время имѣются въ рукахъ того или другаго публициста. Но Н. И., какъ мыслитель-философъ, не можетъ примириться съ обычными взглядами, по которымъ корень національной вражды заключается въ томъ, что убѣжденія одной націи противны человѣчности и стремленію къ истинѣ, а убѣжденія другой согласны съ ними. Н. И. находитъ, напротивъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ похвалиться, что всѣ ея убѣжденія дѣйствительно основаны на этихъ двухъ высшихъ стремленіяхъ, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть порицаема за то, что всѣ ея убѣжденія совершенно имъ противны. Точно также Н. И. не признаетъ источниковъ вражды различія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, потому что религія избирается только какъ предлогъ, которымъ вражда маскируется. Истинною же причиною Н. И. считаетъ ту, которая производитъ несогласіе, зависть и вражду между различными классами одного и того же народа, между бѣднымъ и богатымъ, между слабымъ и сильнымъ. *Причина національной вражды*, по мнѣнію Н. И., *лежитъ въ началѣ сословномъ, глубоко вкоренившемся въ человѣческое общество до того, что каждая нація въ глазахъ другой представляетъ собою и другое враждебно-настроенное сословіе*. Н. И. находитъ въ исторіи под-

тверженіе своему взгляду: самая сильная вражда христіанскихъ обществъ противъ евреевъ замѣчалась въ періодъ господства кастоваго духа, когда сословія рѣзко отличались одно отъ другаго,—а сближеніе, дружба и правоуравненіе возможны тамъ, гдѣ сословное начало ослабѣваетъ. Такимъ образомъ человѣкъ, глубоко проникнутый стремленіемъ къ истинѣ и ищущій разъясненія интересующаго его вопроса не въ частностяхъ, одинаково присущихъ, въ большей или меньшей степени, всѣмъ національностямъ, силою логическаго убѣжденія, основаннаго на историческихъ фактахъ, находитъ корень явленія въ болѣе общемъ началѣ, исключающемъ примѣненіе особыхъ мѣръ и вѣсовъ. При такомъ анализѣ исчезаетъ всякое личное, или національное пристрастіе, съ предубѣжденіемъ наклоняющее вѣсы въ одну сторону, а на мѣсто его выступаютъ общій, внутренній смыслъ явленія, нелицемѣрная и ничѣмъ не подкупаемая истина. Сочуствіе Н. И. къ евреямъ было основано не на увлеченіи и не на игрѣ въ гуманность: оно было, какъ говоритъ онъ, не заслугою его, а лежало въ его натурѣ. «*Я не могъ*, говоритъ онъ, *дѣйствовать противъ себя самого. Съ тѣхъ поръ. какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Эти убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшись цѣлою жизнію, сдѣлались для меня уже второю натурою и не покинутъ меня до конца жизни*».

Ник. Ив. не останавливается, однако, на своихъ собственныхъ убѣжденіяхъ: онъ идетъ въ другомъ мѣстѣ далѣе и доказываетъ, что даже точка зрѣнія, исходящая изъ противоположныхъ убѣжденій, не должна быть, во всякомъ случаѣ, недоброжелательна къ евреямъ. «Да и самый предубѣжденный изъ насъ, считающій еврея потому только злымъ и неправеднымъ, что онъ еврей, не имѣетъ все-таки права желать ему ничего другаго, какъ того, чего онъ себѣ желаетъ, потому

что «Отецъ небесный велитъ восходить солнцу надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ». Изъ этого взгляда непосредственно вытекаетъ другой, что только отрекшись отъ основныхъ истинъ христіанской вѣры, можно желать худого и тому, кого считаютъ злѣе и неправеднѣе самого себя. Это взглядъ истиннаго христіанина, у котораго религіозное ученіе не остается отвлеченною догмой, а получаетъ характеръ практическаго, житейскаго правила, проводящаго въ самую жизнь высокій нравственный принципъ. Н. И. до того проникнутъ этимъ убѣжденіемъ, что онъ всякое предубѣжденіе, выходящее изъ границъ и дерзающее судить объ участи народа, какъ Праведный Судія, считаетъ стоящимъ *«въ явномъ противорѣчіи со всѣми нравственными началами»* и само себѣ подписывающимъ приговоръ. Если бы каждый имѣлъ глубокое сознаніе въ томъ, что онъ перестаетъ быть христіаниномъ, когда желаетъ еврею зла, и становится человѣкомъ безнравственнымъ, когда свысока судитъ объ участи цѣлой народности,—то не было бы никакого еврейскаго вопроса, національность исчезла бы въ болѣе широкой общечеловѣческой сферѣ, и люди перестали бы враждовать между собою. До проникновенія же высокихъ убѣжденій Н. И. въ русскій народъ, печальныя стороны еврейскаго вопроса не только не ослабнутъ, но еще болѣе обострятся, и въ жизни все будутъ проявляться начала, рѣзко противорѣчащія ученію христіанства и принципамъ нравственности,—начала еще болѣе погубныя тѣмъ, что прикрываются религіозными и нравственными идеями.

Нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на томъ, что Н. И. Пироговъ весьма близко принялъ къ сердцу интересы образованной еврейской молодежи. На его глазахъ въ юго-западномъ краѣ зародилась борьба молодежи съ обскурантизмомъ; онъ былъ посвященъ въ стремленія этой безкорыстной молодежи, которая въ крупныхъ центрахъ еврейства отдалась на служеніе народному дѣлу со всею пылкостію юныхъ сер-

децъ, открывая субботнія школы, въ которыхъ взрослые люди обучались грамотѣ и слушали поученія и нравственныя бесѣды; подъ его руководствомъ и по его указаніямъ нѣкоторые молодые люди приняли на себя преподаваніе русскаго языка въ талмудъ-торахъ; онъ понималъ и оцѣнивалъ съ достоинствомъ благородныя стремленія молодежи: онъ воодушевлялъ и благословлялъ ихъ на путь просвѣщенія массы, сознавая всю важность послѣдствій такой работы. И вотъ почему, ставъ ближе къ этой молодежи, Н. И. пришелъ къ убѣжденію, имъ высказанному, что *долгъ сочувствія образованной еврейской молодежи вытекаетъ изъ любви къ отечеству*. Онъ считалъ дѣломъ патріотизма, дѣломъ простого разсчета каждаго истинно-русскаго человѣка—сочувствовать образованію русскихъ евреевъ и просвѣщенной ихъ молодежи. Н. И. первый уразумѣлъ, что еврейская молодежь на пути своихъ стремленій стояла между Сциллой и Харибдой—между соплеменниками-консерваторами и предубѣжденнымъ русскимъ обществомъ. «Бѣда, говоритъ Н. И., если такому (образованному молодому еврею) и мы, русскіе, не окажемъ сочувствія,—что же ему тогда дѣлать? Онъ останется виноватымъ въ глазахъ своихъ соплеменныхъ консерваторовъ, потому что захотѣлъ сдѣлаться прежде всего человѣкомъ; онъ виноватъ и въ глазахъ предубѣжденныхъ русскихъ, потому что родился евреемъ. Гдѣ же религія, гдѣ нравственность, гдѣ просвѣщеніе, гдѣ современность, если тѣ евреи, которые отважно и съ самоотверженіемъ вступаютъ въ борьбу съ вѣковыми предубѣжденіями, не встрѣтятъ у насъ никого, кто бы имъ сочувствовалъ, поддержалъ ихъ и протянулъ-бы имъ дружески руку помощи? Нѣтъ, для кого изъ насъ рѣшенъ уже вопросъ: «кто мой ближній?», кто изъ насъ научился сочувствовать безпристрастно всему истинно-человѣческому, тѣ должны открыть свои передовые ряды для всѣхъ отягченныхъ борьбою за общечеловѣческое просвѣщеніе и терпимость съ фанатизмомъ и тьмою. Это не заслуга, это долгъ». Вы слышите, какъ мощный голосъ истиннаго человѣка

призываетъ на помощь все высокое, все святое для человѣчества—и религію, и нравственность, и просвѣщеніе и современность—для того, чтобы внушить русскому обществу симпатію къ просвѣщенной еврейской молодежи. Правда, великій ученый сомнѣвается—и не безъ основанія— въ томъ, всѣ-ли разрѣшили себѣ вопросъ: «кто мой ближній?», но всѣхъ тѣхъ, которые этотъ вопросъ для себя уже разрѣшили, онъ призываетъ на помощь людямъ, призваннымъ ввести въ среду своихъ единовѣрцевъ общеловѣческое просвѣщеніе, т. е. такіе просвѣтительные элементы, которые сами собою должны повести къ мирному уничтоженію всякой народной угловатости. «Просвѣщеніе, говоритъ Н. И., имѣетъ такое общительное, очеловѣчивающее свойство, что ему уступаютъ и еврейство, и славянство, и всякая другая, односторонне выразившаяся, народность». Проникнутый этою общечеловѣческою мыслію, Н. И. не останавливается на одномъ пассивномъ отношеніи къ дѣлу просвѣщенія русскихъ евреевъ, на одномъ сочувствіи, а требуетъ отъ всѣхъ честныхъ русскихъ людей активнаго отношенія. Онъ говоритъ, что евреямъ, рѣшившимся на борьбу, нужно, кромѣ сочувствія и участія съ нашей стороны, еще *взаимное, дружное содѣйствіе.* «Съ нашей стороны, говоритъ Н. И., было-бы *непростительно* оставаться хладнокровными зрителями этой борьбы, нисколько не сочувствуя той сторонѣ, которая стремится къ одной цѣли съ нами. Это было-бы не только не гуманно, но даже *неестественно*, потому что такой индефферентизмъ съ нашей стороны, означалъ-бы пренебреженіе собственныхъ же нашихъ интересовъ». Онъ старается также убѣдить русское общество въ томъ, что содѣйствіе образованной еврейской молодежи есть дѣло разсчета каждаго истиннаго патріота. Но предоставимъ лучше говорить самому Николаю Ивановичу. «Разсчетливо ли, спрашиваетъ онъ, оставлять людей безъ помощи, которые, вышедъ побѣдителями изъ борьбы съ фанатизмомъ и тьмою, могли бы принести существенную пользу и нашему обществу, и всему отечеству? Развѣ кто от-

вергаетъ въ евреехъ хоть одинъ изъ тѣхъ даровъ Божiихъ, которые украшаютъ человѣческiй родъ? Развѣ исторiя ихъ, изучать которую вмѣняется въ обязанность всѣмъ нацiямъ съ самаго малолѣтства, не свидѣтельствуетъ о высокихъ доблестяхъ нацiи? Развѣ наука не произноситъ съ уваженiемъ именъ многихъ евреевъ? Развѣ мало было евреевъ и между передовыми ея дѣятелями? И развѣ Россiя не нуждается въ истинно-образованныхъ людяхъ для различныхъ поприщъ гражданской дѣятельности? Кто изъ знакомыхъ съ молодымъ поколѣнiемъ образованныхъ евреевъ будетъ отвергать въ нихъ необыкновенное рвенiе къ научнымъ занятiямъ и способности къ изученiю языковъ, математики, естественныхъ наукъ? Для чего-же обществу не пользоваться этими натуральными склонностями, этимъ стремленiемъ къ просвѣщенiю, уже ясно обнаружившимся въ одной (хотя еще и не большой) части еврейскаго народа въ Россiи? Для чего не поддержать ее, для чего не усилить и не укрѣпить ея рвенiе, ея надежды, ея успѣхи въ борьбѣ съ противодѣйствующимъ невѣжествомъ и фанатизмомъ? Сколько наше общество, на своемъ пути къ развитiю, прiобрѣло-бы дѣльныхъ и полезныхъ людей, тогда какъ мы въ нихъ нуждаемся, и заинтересовало-бы ихъ къ дѣятельности въ нашу пользу? Уже не говоря о *высшихъ мотивахъ*, не будетъ-ли это *благоразумнымъ* и *хорошо обдуманнымъ разсчетомъ* съ нашей стороны? Мнѣ кажется, что всякiй, не только гуманный, но и просто *всякiй истинный патрiотъ* долженъ согласиться со мною въ томъ, что сочувствовать образованiю евреевъ—и *долгъ нашъ* и *прямой разсчетъ*». Вотъ голосъ истинно-русскаго патрiота, который, двадцать лѣтъ тому назадъ, указалъ такъ убѣдительно, куда слѣдуетъ направлять даровитыя силы еврейской молодежи. Но голосъ уважаемаго всею Россiею человѣка, хотя и былъ услышанъ вначалѣ и сдѣлалъ то, что волею Государя, научно-образованная еврейская молодежь призвана была къ гражданской дѣятельности въ государствѣ,—впослѣдствiи затихъ, будучи заглушенъ другими

государственными дѣятелями, которые, фактически преградивъ еврейской молодежи путь открытый ей закономъ, направили ее на другое поприще, на которомъ она прилагала свои силы и способности, и этимъ въ послѣднее время возбудили противъ нея ропотъ и осужденіе. Былъ ли прозорливѣе Н. И., который совѣтовалъ дать выходъ молодымъ еврейскимъ силамъ на арену общеполезной гражданской дѣятельности, или тѣ, которые, не дождавшись осуществленія закона во всѣхъ сферахъ дѣятельности, на первыхъ же порахъ прекратили его дѣйствіе,—доказываетъ уже настоящее положеніе вещей, а въ будущемъ тотъ же вопросъ будетъ подлежать справедливой оцѣнкѣ исторіи.

Указывая русскому обществу на необходимость оказанія сочувствія и содѣйствія интересамъ просвѣщенія евреевъ, Н. И. не мало дѣйствовалъ и на пользу сплоченія разсѣянныхъ сторонниковъ просвѣщенія изъ нихъ самихъ. Онъ совѣтовалъ имъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ въ борьбѣ съ обскурантизмомъ, которая довольно ясно обозначилась тогда еще въ глазахъ Н. И. Но, призывая ревнителей просвѣщенія евреевъ къ образованію дружнаго союза, Н. И. остерегаетъ ихъ отъ употребленія въ дѣло средствъ противниковъ. «Если есть, говоритъ онъ, ходатаи за любителей тьмы, нужно искать ходатаевъ и за желающихъ просвѣщенія. Если первые сильны нетерпимостью, нужно вторымъ противодѣйствовать самою гуманною терпимостью. Если первые всегда готовы прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ, считая всякое изъ нихъ позволеннымъ для достиженія цѣли, вторымъ необходимо быть чрезвычайно осторожными въ выборѣ, употребляя только оправдываемыя нравственностью». Такимъ образомъ, изучивъ внутреннія стороны жизни евреевъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать, какъ представитель просвѣщенія въ краѣ, Н. И. не только считалъ преступнымъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ, но активно дѣйствовалъ на всѣ общественные элементы, призывая ихъ къ взаимной и дружной дѣятельности

на пользу общаго отечества. Всѣ, которые были свидѣтелями того, какъ жилъ, чувствовалъ, думалъ и дѣйствовалъ Н. И., не могли не поддаваться его авторитетному вліянію, не могли не соединяться вокругъ него, какъ около *превосходительнаго человѣка* (терминъ кіевскаго обѣда), не могли не поддерживать вмѣстѣ съ нимъ гордо развѣвавшагося вокругъ него общечеловѣческаго знамени. Это всеобщее воодушевленіе высказалось тогда, когда Н. И. оставлялъ свой постъ: различныя партіи и національности торжественно заявляли ему о своихъ чувствахъ, и по всему юго-западному краю и Малороссіи пронеслась электрическая искра, которая озарила всѣхъ яркимъ пламенемъ высокой любви и справедливости. Единодушіе, руководившее всѣми почитателями идей Н. И., были до того искренне, что всѣ одинаково почувствовали потребность выразить его въ какомъ нибудь внѣшнемъ актѣ. И вотъ, православная колыбель русскихъ городовъ—златоглавый Кіевъ, въ лицѣ профессоровъ, дворянъ и купцовъ, шлетъ русскому Іерусалиму-Бердичеву, гдѣ данъ былъ обѣдъ Н. И., адресъ, исполненный братской любви и примиренія.

«Николаю Ивановичу Пирогову, пишутъ въ этомъ адресѣ кіевляне, суждено было раскрыть ту истину, что для русскихъ христіанъ и русскихъ евреевъ существуютъ общіе, высшіе, духовные интересы, и что недалеко то время, когда различіе религій не будетъ болѣе мѣшать сынамъ одного общаго отечества слиться въ одну нераздѣльную народность. Истина эта ярко выразилась на недавнемъ, торжественномъ заявленіи сочувствія къ Николаю Ивановичу кіевскихъ жителей. Принимавшіе участіе въ этомъ торжествѣ видѣли, какъ горячо такое сочувствіе и между евреями; нынѣ узнали мы, что въ Бердичевѣ приготовляется торжественная встрѣча великому общественному дѣятелю; пользуясь этимъ, мы уполномочили г. купца и помѣщика Кисловскаго явиться отъ лица нашего между вами и заодно съ вами еще разъ выразить глубокое сочувствіе наше къ его человѣчнымъ и примирительнымъ стремленіямъ».

Кіевскій уполномоченный сказалъ, что подъ примирительнымъ знаменемъ Николая Ивановича склоняются и сглаживаются всѣ сословныя и религіозныя разногласія, и открывается народамъ одного отечества будущность мира и братскаго согласія. «Я, продолжалъ г. Кисловскій, уроженецъ глубокой Россіи, нынѣ житель Кіева; сердце мое—сердце русское; голосъ мой—голосъ народа русскаго. „Евреи! братья по одной матери, сыны одной съ нами земли, будемте жъ дружно пахать и сѣять на томъ полѣ, за воздѣлываніе котораго такъ энергически принялся одинъ изъ передовыхъ людей обновляющейся Россіи, Николай Ивановичъ Пироговъ!»

Какъ все это гармонируетъ съ тѣмъ, что въ настоящее время происходитъ на всемъ югѣ Россіи, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ короткое время дѣятельности Н. И. стали прививаться и крѣпнуть въ обществѣ высокія примирительныя идеи Николая Ивановича! Въ томъ самомъ Кіевѣ, откуда 20 лѣтъ назадъ протянута была братская рука евреямъ во имя началъ правды и равенства, совершено неслыханное насиліе противъ евреевъ и ихъ имущества, напоминающее собою всѣ ужасы среднихъ вѣковъ. На томъ самомъ югѣ, гдѣ гуманныя идеи г. Пирогова проникали чрезъ школу въ общество, оказывая высокое воспитательное вліяніе на родителей и дѣтей,—вліяніе, совершавшее перевороты въ цѣломъ міровоззрѣніи общества,—на томъ самомъ югѣ, говоримъ мы, не только возможны открытые грабежи и насилія противъ евреевъ, но равнодушное къ нимъ отношеніи, а отчасти и одобреніе ихъ со стороны интеллигентныхъ и полукультурныхъ людей всего края. Евреи-ли измѣнились къ худшему? Нѣтъ! Они въ такой степени оправдали ожиданія Н. И. относительно стремленія къ просвѣщенію, что обратили на себя въ этомъ отношеніи вниманіе всего русскаго общества. Въ теченіе 20 лѣтъ со дня оставленія Н. И. своего поприща, евреи ушли впередъ, проникшись болѣе здоровыми и современными идеями, и тамъ, гдѣ прежде необходимо было бороться съ фанатизмомъ

и тьмою, теперь общечеловѣческое просвѣщеніе сдѣлалось потребностью цѣлыхъ массъ. Вся бѣда въ отсутствіи въ настоящее время Пироговыхъ. Нѣтъ людей, которые бы на указанныхъ имъ судьбою поприщахъ дѣятельности вышли изъ предѣловъ оффиціальнаго служенія своему дѣлу, интересовались бы внутреннею жизнью тѣхъ сферъ, которыя поручены ихъ непосредственному руководству и направленію; нѣтъ ни на одномъ поприщѣ государственной и общественной дѣятельности въ провинціи людей съ авторитетомъ, которые въ состояніи были внушать собственнымъ примѣромъ довѣріе къ тѣмъ высокимъ государственно-общественнымъ принципамъ, приведеніе которыхъ въ жизнь и укрѣпленіе въ общественномъ сознаніи лежитъ на прямой ихъ обязанности въ силу принятаго на себя званія; нѣтъ людей безкорыстныхъ, честно преданныхъ благу своего отечества, которые постоянно сознавали бы вредъ отъ водворяемаго ими сепаратизма интересовъ и которые бы умѣли съ достоинствомъ поддерживать примирительное направленіе во всѣхъ слояхъ общества. Воспитаніе общества во всѣхъ сказанныхъ направленіяхъ составляетъ великое благо для отечества, въ особенности въ тяжелыя годины испытанія, когда трудно бываетъ на скорую руку сцементировать разнородные элементы, разъединенію которыхъ мы такъ усердно содѣйствовали собственными руками при помощи своей государственной близорукости. И замѣчательно, что, при полномъ сознаніи современнаго положенія вещей, констатированномъ на дняхъ важнымъ государственнымъ актомъ, нѣкоторые изъ провинціальныхъ дѣятелей не умѣли держаться съ тактомъ даже тогда, когда разразившаяся бѣда уже стала приближаться, когда тучи висѣли надъ нашими головами. Они и тогда не могли освободиться отъ своихъ личныхъ взглядовъ сепаративнаго свойства, подливая масла въ огонь неудовольствія и содѣйствуя обостренію вражды національной, не взирая на то, что она уже стала проявляться наружу въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Эти дѣятели опомнились лишь тогда, ког-

да среди всеобщей, неприглядной картины безобразій имъ показались болѣе острые когти, чѣмъ жидовско-національная вражда, и тогда лишь начали дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. Но это измѣненіе въ направленіи могло бы сдѣлаться запоздалымъ, если бы угрожаемые, понимавшіе характеръ и направленіе грозы, сами не старались дѣйствовать сдержанно, не возбуждая народныхъ страстей. Но люди, коимъ ввѣряется власть, не только важная, но и самая ничтожная, должны во всякое время ставить выше всего не взгляды, заимствованные изъ личныхъ экономическихъ отношеній къ евреямъ, а общее благо, гарантируемое закономъ всѣмъ безъ различія подданнымъ, и въ мирное время должны неусыпно дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы быть увѣреннымъ въ сочувствіи общества и въ солидарной связи всѣхъ разнородныхъ его элементовъ, и такимъ образомъ дружно работать съ цѣлью предупрежденія затрудненій при возникновеніи общей бѣды. Развѣ мыслимо допустить, чтобы въ то время, когда нужно принимать самыя интенсивныя мѣры къ предупрежденію и пресѣченію обнаружившагося зла, предстояли еще заботы о сдерживаніи враждебныхъ общественныхъ элементовъ, могущихъ совершенно затруднить исполненіе общихъ мѣръ? Представители всѣхъ государственно-общественныхъ сферъ стояли бы на высотѣ своей задачи тогда, когда бы они исполняли свои обязанности, какъ Н. И. Пироговъ; если бы они не ограничивались однимъ формальнымъ исполненіемъ буквы закона, однимъ внѣшнимъ контролемъ подчиненныхъ имъ низшихъ сферъ, а старались бы, каждый въ своей сферѣ, изучать внутреннюю жизнь входящихъ въ ея кругъ элементовъ, заинтересовываться тѣми выдающимися явленіями, направленіе которыхъ въ ту или другую сторону можетъ повлечь за собою очевидную выгоду для общественнаго дѣла. Такіе авторитеты, какъ Пироговъ, не только сдерживаютъ страсти и враждующіе элементы, но дѣйствуютъ убѣдительно въ смыслѣ положительномъ, руководя и направляя все на общій путь

истины и примиренія. Если исчезаютъ такіе авторитеты, то теряется поддержка началъ честнаго служенія общественному дѣлу, самыя начала падаютъ и затаптываются. Во времена Н. И. Пирогова всѣ были убѣждены, что поддержаніе стремленія евреевъ къ просвѣщенію есть долгъ каждаго русскаго человѣка, вытекающій изъ патріотизма, а въ настоящее время, когда желаніе лучшаго изъ людей стало осуществляться въ широкихъ размѣрахъ, начали кричать: «жидъ идетъ», и этотъ крикъ раздавался въ томъ самомъ Кіевѣ, въ которомъ дѣйствовалъ Н. И. Пироговъ, укрѣпившій въ общественномъ сознаніи совершенно противоположное убѣжденіе. А это происходитъ отъ того, что на мѣсто Н. И. Пирогова стали другіе дѣятели безъ нравственнаго авторитета, безъ научныхъ и твердо выработанныхъ общечеловѣческихъ принциповъ, безъ активныхъ стремленій гуманно воздѣйствовать на широкія общественныя сферы. Вотъ почему русскіе евреи такъ сочувственно относятся къ великому имени Николая Ивановича Пирогова: должны молиться за просвѣщеніе Россіи, за нарожденіе въ русской средѣ безкорыстныхъ, честныхъ и гуманныхъ дѣятелей съ такими широкими взглядами на жизнь, какъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Да, побольше Пироговыхъ, и тогда все общерусское дѣло приметъ совершенно иное направленіе, а отъ этого направленія зависитъ также счастіе и благоденствіе евреевъ.

САМООСВОБОЖДЕНІЕ И САМООТРЕЧЕНІЕ.

Движенія, вызываемыя въ народной жизни силою историческихъ событій, бываютъ различны, смотря по тому, какіе народные интересы эти событія затрагиваютъ. Характеромъ событій опредѣляется также отношеніе народныхъ элементовъ, призываемыхъ къ самодѣятельности, и самое направленіе послѣдней. Если непосредственно затрагиваются интересы личные и имущественные, то активнымъ дѣятелемъ является народъ, массовыя его силы; интеллигенція-же дѣйствуетъ пассивно, понуждается къ дѣятельности народнымъ бѣдствіемъ и обязательностію своего положенія. Масса, будучи поставлена лицомъ къ лицу съ сокрушающи ее силами, нося на себѣ разрушительные ихъ слѣды, прежде другихъ инстиктивно чувствуетъ необходимость выйти изъ его положенія, измѣнить его и перейти въ другое. Интеллигенція-же, волею судебъ поставленная дальше отъ мѣста дѣйствія разрушительныхъ силъ, получаетъ посредственныя впечатлѣнія и потому, пассивно относясь къ массѣ въ самый разгаръ народнаго бѣдствія, начинаетъ задаваться вопросами: какую поставить цѣль при выходѣ изъ современнаго положенія и какими средствами дойти до поставленной цѣли. Масса *чувствуетъ*, *рефлективно движется*, *мѣняетъ положеніе*, не думая ни о цѣляхъ, ни о средствахъ къ достиженію ихъ; интеллигенція *думаетъ* и, временно помогая движенію, ставитъ себѣ задачи и ищетъ въ исторіи и современныхъ условіяхъ отвѣта на задаваемые во-

просы. Первое движеніе обыкновенно нетолько безрезультатно, но еще влечетъ за собою новыя бѣдствія; но мало по малу, если интеллигенція будетъ отличаться силою духа и искренностью убѣжденій, движеніе это можетъ принять направленіе, наиболѣе соотвѣтствующее народнымъ интересамъ.

Если-же историческія событія угрожаютъ непосредственно духовнымъ интересамъ народа, если ему угрожаетъ опасность погибнуть, въ смыслѣ національномъ, и безлично затеряться въ борьбѣ съ враждебными силами другихъ народовъ, то активнымъ дѣятелемъ является интеллигенція, первая воспринимающая впечатлѣнія страха отъ народнаго убійства, отъ гибели всего того, что составляло дорогое достояніе націи. Интеллигенція первая начинаетъ активно работать надъ обновленіемъ духовныхъ силъ народа, надъ огражденіемъ его отъ поглощенія окружающей средой, а масса, сначала пассивно относясь къ дѣятельности интеллигенціи, мало по малу, однако, начинаетъ сознавать необходимость національнаго оздоровленія и вновь начинаетъ жить свооею собственною жизнію.

Но бываетъ иногда, что среди борьбы того или другаго рода, когда идетъ дѣятельная работа ума и дѣла, посвященная всецѣло интересамъ націи, изъ среды ея выдѣляется часть, всегда въ меньшинствѣ, которая поддается вліянію времени, заигрываетъ съ враждебными народу силами и, надѣясь выйти изъ подъ вліяній неблагопріятныхъ современныхъ условій, вывѣшиваетъ свой отдѣльный флагъ на всѣхъ перекресткахъ и окрашиваетъ его въ яркіе, симпатичные цвѣта. Нерѣдко такіе кружки разрѣшаютъ себѣ явно прибѣгать къ ханжескимъ манерамъ, чтобы ими прикрыть благонамѣренность направленія.

Всѣ указанные выше различные виды борьбы евреи, въ тысячелѣтнюю свою исторію, переживали уже неразъ. Двукратное разрушеніе храма, сирійское владычество, гоненія варварскаго Рима, средніе вѣка въ Европѣ, русская Гайдамачина, —всѣ эти событія вызывали разнородную дѣятельность различныхъ народныхъ элементовъ въ указанныхъ выше

направленіяхъ. Но замѣчательно то, что выдѣлявшіеся кружки не имѣли будущности и погибли безслѣдно, а современное еврейство составляетъ ядро націи, которая руководилась истинно-народною партіею: то, что не имѣетъ корней въ народѣ, къ нему не возвращается, а идея народная всегда созрѣваетъ и даетъ плоды на народной почвѣ.

Въ настоящее время еврейство глубоко затронуто въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ. Погромы, какъ явленіе повторяющееся и заурядное, постоянно угрожаютъ личности и имуществу еврея, а оффиціальное выясненіе ихъ причинъ и принятое печатью направленіе въ этомъ вопросѣ указываетъ на состояніе общаго настроенія умовъ, которое является выраженіемъ не случайныхъ историческихъ вѣяній, а болѣе глубокихъ и постоянно дѣйствующихъ причинъ. Немудрено, что такое обострившееся положеніе пробудило самую незначительную часть интеллигенціи отъ летаргическаго сна и заставило ее подумать о народныхъ интересахъ. Но среди честныхъ, неподдѣльныхъ своею искренностью голосовъ, въ которыхъ слышится отраженное эхо гласа народа, раздаются и другіе голоса, которые, будучи также результатомъ сочувствія къ народнымъ интересамъ, отдаютъ, однако, дурно скрываемою фальшью. Въ то время, какъ первые будятъ всѣхъ къ *самосознанію*, къ *самоосвобожденію*, вторые требуютъ *самоотреченія;* одни *на собственной почвѣ* желаютъ воздвигнуть обновленное зданіе еврейства,—другіе ищутъ идеаловъ *внѣ ихъ;* одни видятъ *въ прошломъ* богатый матеріалъ для внутренней реформы, а другіе—бросаютъ въ это прошлое камнями и желаютъ создать новое *будущее*, которое въ современныхъ понятіяхъ религіи и морали черпало-бы силы для духовнаго обновленія еврейства.

Всѣ согласны въ томъ, что въ жгучемъ словѣ автора «Самоосвобожденія» сказался правдивый, изъ глубины души исходящій упрекъ бездѣятельности народныхъ силъ, упрекъ непониманію истиннаго положенія народа, которое такъ ма-

стерски и съ исполненнымъ воодушевленія чувствомъ обрисовано человѣкомъ, въ душѣ котораго заговорили чувства, нѣкогда волновавшія великаго Эздру. Читая эти свѣтящіяся поэтическимъ огнемъ строки «Самоосвобожденія», думаешь только объ одномъ: отчего не является еще тотъ Негемія, который съ энергіею практически проводилъ-бы въ народную жизь идею Эздры о народномъ самосознаніи, о народномъ самоосвобожденіи? Но идея брошена, она привлекала къ себѣ вниманіе лучшихъ умовъ еврейства, она вызвала работу въ практическомъ смыслѣ, правда, разбросанную, не объединенную общею мыслію, но, во всякомъ случаѣ, встрѣчающую сочувственный откликъ въ разныхъ слояхъ общества и на различныхъ территоріяхъ. Это лучше всего говоритъ за то, что идея эта не теоретическая, и можетъ пустить глубокіе корни въ народной жизни. Мы помнимъ, какъ многіе, а въ томъ числѣ и мы, скептически относились къ эмиграціонному движенію среди насъ; но, слѣдя за этимъ движеніемъ и будучи близко къ нему поставлены, мы не могли объяснить себѣ сразу вопросъ, составляетъ-ли это движеніе неосмысленное проявленіе временной нужды, или сознательное стремленіе къ созданію лучшихъ началъ народной жизни. Факты были и за, и противъ. Но когда прошли первые неудачные порывы въ мечтательную даль, когда трезвая и энергически взявшаяся за дѣло молодежь, подвергаясь неимовѣрнымъ лишеніямъ и испытывая страшную борьбу за существованіе, всетаки, не теряя изъ виду народнаго дѣла, достигла цѣли и устроила новыя общины въ духѣ братской любви и единенія на началахъ земледѣльческаго труда,—то всѣ наши симпатіи перешли на ихъ сторону, потому что въ народной идеѣ, руководимой энергическими народными дѣятелями, предвидится заря новой и лучшей жизни. Если ихъ примѣръ увлечетъ другихъ, столь-же горячо преданныхъ дѣлу; если всѣ они поставятъ выше всего не одно улучшеніе своего положенія, а народное дѣло; если они будутъ помнить, что

они, вмѣстѣ съ тѣмъ, и представители извѣстной націи, призванные поставить новыхъ поселенцевъ и въ иныя условія нравственнаго общежитія,—то современемъ эти новыя общины могутъ стать піонерами обновленнаго еврейства и организовать жизнь, соотвѣтствующую идеаламъ еврейскихъ пророковъ. Точно также и идея автора «Самоосвобожденія» можетъ, при тѣхъ или другихъ благопріятныхъ условіяхъ, найти себѣ полное выраженіе въ жизни народа: необходимо только создать практическій, дѣятельный органъ для проведенія ея въ жизнь. Исторія евреевъ имѣетъ примѣры, доказывающіе возможность осуществленія самыхъ идеальныхъ народныхъ стремленій. Когда Эздра не былъ въ состояніи поддерживать порядокъ, практически заведенный согласно съ его идеей Негеміей, и онъ уже началъ-было разлагаться, стоило только вновь появиться въ Палестинѣ Негеміи, чтобы опять его укрѣпить. А между тѣмъ, въ этомъ идейномъ стремленіи Эздры лежало будущее могущество евреевъ. Кто могъ-бы, во время шествія евреевъ изъ Вавилоніи въ Палестину подъ предводительствомъ Эздры, когда стремленія послѣдняго ничего кромѣ идеальнаго въ себѣ содержать не могли,—кто могъ-бы, говоримъ мы, подумать, что изъ предводительствуемаго имъ сброда невѣжественнаго и запуганнаго населенія нѣкогда возродится храбрый и могущественный народъ, который, подъ предводительствомъ Баръ-Кохбы, сдѣлается страшилищемъ для римскихъ легіоновъ императорскаго періода? Поэтому. нельзя отнестись скептически и къ идеѣ автора «Самоосвобожденія». Но движеніе, вызванное этою идеею, въ нашей русско-еврейской печати какъ-то поставили въ связь съ другимъ, нельзя сказать движеніемъ, а проявленіемъ случайной и временной мысли, не имѣющей ничего общаго съ еврействомъ. Изъ всѣхъ высказавшихся по поводу этого движенія автора слѣдуетъ серьезно остановиться на двухъ, достойныхъ общественнаго вниманія, а именно на г. Дубновѣ и г. Португаловѣ, которые дали различную оцѣнку современному движенію еврейства:

одинъ въ статьѣ своей «Какая самоэмансипація нужна евреямъ», а другой въ брошюрѣ «Знаменательныя движенія у евреевъ».

Первый, останавливаясь на идеѣ о самопомощи, говоритъ, что призывъ къ ней доказываетъ еще существованіе, по крайней мѣрѣ, живущей силы въ извѣстной части еврейства; но сознающія себя силы, по мнѣнію г. Дубнова, даютъ различные отвѣты на вопросъ: «что дѣлать?» Одни видятъ всю бѣду народа во внѣшнихъ условіяхъ и приходятъ къ заключенію, что, для поднятія народнаго духа, необходимо, вмѣсто абстрактныхъ, создать реальные признаки націи, національную территорію. Другіе, напротивъ, какъ думаетъ г. Дубновъ, полагаютъ, что зло заключается, главнымъ образомъ, въ религіозно-бытовой организаціи; что національный духъ замкнулся въ такую грязную оболочку, которая вредитъ самому ядру; что экономическій бытъ народа регулируется нелѣпыми традиціями, что необходима религіозная реформа, сообразованіе народнаго быта съ современными условіями и стремленіе къ завоеванію гражданскихъ правъ. При этомъ они полагаютъ также, что не во мракѣ отдаленнаго прошлаго, а въ свѣтломъ будущемъ человѣчества надо искать возрожденія.

Цѣль у обѣихъ группъ, по мнѣнію автора, одна—*самопомощь*, но средства у нихъ различны и составляютъ результатъ разногласія въ оцѣнкѣ культурнаго состоянія іудаизма и еврейства.

Кромѣ этихъ двухъ группъ, по мнѣнію автора, есть еще одна, которая придерживается правила: «laissez faire, laissez passer». Это — квіетисты: изъ нихъ одни—ортодоксы — рабы Господа, а другіе — интеллигенты — рабы равнодушія и эгоизма.

Далѣе, вопросъ о томъ, почему идея «самоэмансипаціи», въ смыслѣ пріобрѣтенія территоріи, находитъ себѣ болѣе воодушевленныхъ послѣдователей, чѣмъ идея о религіозно-бытовой реформѣ, авторъ объясняетъ именно тѣмъ, что при на-

порѣ событій хватаются, какъ за якорь спасенія, за мнѣніе, заключающее въ себѣ ничтожную долю истины.

Переходя засимъ къ оцѣнкѣ значенія двухъ еврейскихъ сектъ, *библейскаго братства* (въ Елисаветградѣ) и *новаго израиля* (въ Одессѣ), авторъ приписываетъ первой—*теоретическое*, а второй—*практическое* направленіе, и объясняетъ несочуствіе къ нимъ, кромѣ временныхъ и внѣшнихъ условій, еще неудовлетворительностью самой программы и организаціи. Кромѣ того, авторъ находитъ два существенныхъ недостатка въ обоихъ братствахъ, соединившихся въ одно, а именно; съ одной стороны обособленность—*духъ сектаторства*, а съ другой, что санкціей реформы принимается *улучшеніе экономическаго быта*, съ цѣлью дѣйствовать на массу. Между тѣмъ, по мнѣнію автора, для реформы надобно выставить *принципъ*, состоящій въ томъ, что то, отъ чего совѣтуютъ отречься, *ложно*. Экономическій бытъ не можетъ быть единственнымъ мотивомъ для религіозной реформы: какъ часть человѣчества, евреи должны отречься отъ устарѣлыхъ формъ не потому только, что это выгодно, но во имя разума, справедливости и прогресса.

Затрагивая вопросъ о реформѣ, авторъ ставитъ три вопроса: 1) имѣетъ-ли принципъ реформы достаточное основаніе; 2) какое значеніе онъ имѣетъ въ примѣненіи къ русскому еврейству и 3) какія цѣли имъ предполагаются и какая организація необходима для успѣха реформы?

Въ отвѣтъ на первый вопросъ авторъ говоритъ, что *цѣлью* мозаизма была *государственность*, а *средствомъ* для достиженія цѣли—*религіозность*. Направленіе великаго синода выразилось въ созданіи огражденія для закона. У нѣкоторыхъ танаитовъ, авторъ допускаетъ, и могъ быть мотивъ о національномъ самосохраненіи, но все направленіе *талмуда* отличается совершенно инымъ мотивомъ. Послѣ паденія еврейскаго государства, цѣль охранителей, заключавшаяся въ охраненіи *государственнаго строя*, исчезла и сосредоточилась въ другой части—въ *религіозности*. Для освященія репрессалій пустили въ ходъ

традицію, которою стали злоупотреблять, а къ традиціи стали прибавлять *методъ толкованія словъ и буквъ писанія*. Если составители *мишны* еще имѣли въ виду цѣль охраненія религіознаго строя такими средствами, какъ традиція и казуистическое толкованіе библіи, то дальнѣйшія толкованія талмудистовъ превратили эти средства въ цѣль. Раболѣпіе предъ буквою и страсть къ головоломной умственной гимнастикѣ—направленіе послѣднихъ танаитовъ и амораитовъ. Одухотворяющая идея исчезаетъ, а мѣсто ея занимаетъ схоластика. Похвалой *Акибѣ* считается то, что онъ громоздилъ на каждую вѣточку, на каждый сучокъ св. писанія цѣлыя горы галахи. Протестуя противъ мнѣнія, что талмудъ стремился къ реформѣ іудаизма, авторъ утверждаетъ, что талмудомъ создана колоссальная обрядовая система, не имѣющая ничего общаго съ мозаизмомъ и ни на что ненужная. Талмудъ, въ зародышѣ своемъ, былъ, по мнѣнію автора, реакціей противъ новаго религіознаго движенія, противъ философскаго и мистическаго сектанства.

Христіанскую схоластику авторъ ставитъ выше еврейской на томъ основаніи, что она была *теологическою*, а еврейская—*религіозно-практическою*. По мнѣнію г. Дубнова, даже такія курьезныя вещи, какъ вопросъ о количествѣ чертей, могущихъ умѣститься на остріѣ иголки, гораздо менѣе *возмущаютъ душу*, чѣмъ всѣ вопросы о *мукцѣ*, о *субботнихъ работахъ*, о *законахъ пищи*, объ *эйрувахъ* и т. п.

Не отрицая, что талмудисты трактовали о предметахъ юридическаго характера и имѣли даже свою своеобразную метафизику и мораль *въ лучшей части талмуда—въ агадѣ*, авторъ находитъ, что все, что къ намъ перешло чрезъ кодексы раввиновъ, въ видѣ обязательныхъ религіозныхъ законовъ, представляется безпримѣрнымъ въ исторіи религій. Безпримѣрно-сложная обрядность затемнила собою, по мнѣнію автора, нетолько философскую, относительно-раціональную сторону религіи, но и этическую, моральную. Въ религіозной и общественной жизни русскаго еврейства поражаетъ заносчивое торже-

ство внѣшней религіозности надъ нравственными обязанностями, даже полное подавленіе послѣднихъ первыми. Раввинизмъ хуже инквизиціи: такого кодекса, какъ *шулхонъ-арухъ*, нѣтъ ни у однаго народа.

Изъ этихъ установленныхъ авторомъ положеній онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: что результатомъ талмудической и раввинистской регламентаціи является племенная обособленность евреевъ; что регламентація, вредная въ философскомъ и этическомъ отношеніяхъ, низводитъ религію до автоматичности и заслоняетъ собою самый принципъ религіи и нравственности; и что въ еврействѣ внѣшность религіи господствуетъ во всѣхъ сферахъ дѣла, народъ не можетъ прогрессировать въ духѣ времени, ни въ качествѣ мыслящаго цѣлаго, ни въ качествѣ части государственнаго механизма, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ, ни въ общественно-гражданскомъ отношеніи. Отсюда общее заключеніе, что *внутренняя, религіозно-бытовая реформа составляетъ вопіющую необходимость*.

Въ отвѣтъ на второй вопросъ, о томъ, какое значеніе можетъ имѣть внутренняя реформа для русскаго еврейства, авторъ желаетъ быть краткимъ. Указавъ на историческое появленіе евреевъ въ Польшѣ, на учрежденіе въ ихъ средѣ *хассидизма*, достойнаго соперника раввинизма по части духовной деморализаціи евреевъ, и на бреши, уже сдѣланныя въ китайской стѣнѣ іудаизма, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что $^{99}/_{100}$ евреевъ еще находятся внутри стѣны, самое основаніе которой уже подгнило, и что, поэтому, необходимы дружныя усилія для того, чтобы подкопать и *повалить съ основаніемъ ветхую постройку* и *разумъ озарить свѣтомъ всѣ эти милліоны людей*.

Впрочемъ, авторъ допускаетъ и другое вліяніе на замкнутость и обособленность евреевъ, а именно: вліяніе исключительныхъ для евреевъ законовъ; исключительные законы вездѣ и всюду создаетъ исключительность положенія; люди, неравные

въ правовомъ отношеніи, тѣсно сойтись не могутъ. Авторъ полагаетъ, что законодательство могло-бы ослабить бытовую обособленность евреевъ, и надѣется, что, раньше или позже, будетъ сдѣланъ этотъ шагъ, являющійся существенной необходимостью.

Изъ этихъ положеній авторъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: что, пріобрѣтенія гражданскихъ правъ, евреи должны уничтожить внутренніе элементы, препятствующіе примѣненію широкихъ гражданскихъ реформъ. По мнѣнію автора, оба рычага должны дѣйствовать одновременно, и, насколько зависитъ отъ самихъ евреевъ, или отъ нѣкоторой ихъ части, необходимо устранить неблагопріятные внутренніе элементы.

На третій вопросъ—о средствахъ для достиженія успѣшной реформы—авторъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Необходимо, говоритъ онъ, образовать союзъ, *общество реформаторовъ*. Въ то время, какъ «новый израиль», не подающій, по мнѣнію автора, признаковъ жизни, вдался въ сектанство, которому противорѣчитъ идея прогресса,—союзъ, проектируемый авторомъ, долженъ стать авангардомъ еврейства. Признавая, что іудаизмъ въ болѣе очищенномъ видѣ представляетъ собою такую религію, которая наиболѣе способна приближать своихъ послѣдователей къ понятіямъ раціонализма, авторъ полагаетъ, что реформатское общество должно стремиться не сразу покончить со всѣми обычаями, а упразднять ихъ мало по малу, въ извѣстной градаціи. При этомъ «новый израиль» упрекается въ стремленіи на первыхъ-же порахъ уничтожить обрѣзаніе и субботу,—два важнѣйшихъ догмата еврейскаго вѣроученія.

Кромѣ реформы религіозной и правовой, авторъ считаетъ еще чрезвычайно важною *великую реформу воспитанія равнозначительную всѣмъ религіознымъ реформамъ вмѣстѣ взятымъ*. Что-же касается реформы экономическаго быта, то она не входитъ, по заявленію автора, въ задачу его статьи.

Вотъ сущность взгляда г. Дубнова по вопросу о современ-

номъ движенiи въ еврействѣ и необходимости религiозно-бытовой реформы.

Г. Португаловъ, останавливаясь въ своей брошюрѣ на погромахъ, видитъ въ нихъ выраженiе соцiальнаго движенiя четвертаго сословiя противъ накопившихся несправедливостей привиллегированныхъ классовъ. Враждебное настроенiе русскаго народа къ евреямъ г. Португаловъ выводитъ отчасти изъ крѣпостнаго строя, когда евреи стояли на сторонѣ эксплоатирующихъ, вынужденные къ тому обстоятельствами того времени. Находя что евреи получили теперь жестокое наказанiе за свое участiе въ соцiальныхъ несправедливостяхъ, онъ переходитъ къ еврейской интеллигенцiи, которая, по его мнѣнiю, не осталась въ долгу у враговъ. Г. Португаловъ останавливается на берлинской брошюрѣ «Самоосвобожденiе». Передавая вполнѣ добросовѣстно ея содержанiе, г. Португаловъ находитъ, что она служитъ выраженiемъ стремленiя еврейской интеллигенцiи къ независимости, которую онъ, г. Португаловъ, считаетъ превыше всякихъ благъ, въ особенности независимость политическую. Отдавая должную дань справедливости искренности тона и нацiональному воодушевленiю, которыми проникнута берлинская брошюра, г. Португаловъ задается нѣкоторыми вопросами, на которые пытается отвѣтить, какъ можетъ. По вопросу о томъ, способны-ли евреи къ колонизацiи, авторъ приводитъ изъ книги Леруа Болье «Колонизацiя у новѣйшихъ народовъ» данныя, которыя даютъ ему основанiе думать, что евреи могутъ оказаться способными къ земледѣлiю, такъ какъ они, по свидѣтельству Леруа Болье, даже оказали нѣкоторую услугу дѣлу колонизацiи. Считая эмиграцiю евреевъ изъ Россiи выраженiемъ соцiальной несправедливости и однимъ изъ якорей спасенiя для русскихъ евреевъ, г. Португаловъ находитъ, однако, эмиграцiю en masse соединенною съ гибельными послѣдствiями, если все еврейство западной Европы не возьмется выполнить ту роль, которую Гладстонъ рекомендуетъ государству

при необходимости направлять эмигрантовъ en masse въ новыя колоніи.

Останавливаясь далѣе на воззрѣніяхъ многихъ, что евреи неспособны къ земледѣлію, г. Португаловъ, основываясь на менонитскомъ хозяйствѣ, какъ на примѣрѣ грубой эксплоатаціи русскаго простолюдина, доказываетъ, что несправедливое отношеніе менонитовъ къ коренному населенію не вызываетъ, однако, никакихъ жестокихъ прислѣдованій первыхъ послѣднимъ. То же самое явленіе г. Португаловъ подмѣчаетъ на востокѣ Россіи, гдѣ евреевъ нѣтъ и гдѣ, однако, кабала неменьше гнететъ и давитъ рабочій людъ. Отсюда г. Португаловъ приходитъ къ выводу, что соціальный вопросъ въ Россіи вовсе не такъ тѣсно связанъ съ разрѣшеніемъ еврейскаго вопроса, какъ это воображаютъ нѣкоторые близорукіе публицисты.

Переходя засимъ къ дальнѣйшимъ сужденіямъ по поводу берлинской брошюры, г. Португаловъ высказывается противъ идеальнаго взгляда автора брошюры, состоящаго въ томъ, что территорія можетъ служить почвою для національнаго возрожденія и устраненія преслѣдованій со стороны народовъ, въ средѣ которыхъ евреи живутъ. Указывая на примѣръ Ирландіи, нѣмцевъ и поляковъ, г. Португаловъ приходитъ къ тому заключенію, что не въ отсутствіи собственной территоріи заключается зло, а въ той обособленности, которую такъ тщательно охраняетъ еврейскій плебсъ, чуждый европейской культурѣ. Переселеніе этого плебса съ его вѣтхозавѣтными традиціями на особую территорію равносильно было-бы обреченію его на отрѣшеніе отъ европейской культуры и на вѣчный застой. Между тѣмъ, еврейство, по мнѣнію г. Португалова, можетъ культивироваться только тогда, когда оно отрѣшится отъ своей замкнутости и растворится въ европейскихъ народностяхъ. Культурные евреи, по мнѣнію г. Португалова, гораздо ближе стоятъ къ христіанству, чѣмъ къ своей некультурной массѣ. Находя подтверженіе своему взгляду въ рѣчахъ Ренана, который доказываетъ, что чистою религіею, способною соединить все

человѣчество, слѣдуетъ признать религію еврейскую, освобожденную отъ обрядностей, г. Португаловъ полагаетъ, что христіанство такъ тѣсно и неразрывно связано съ еврействомъ, что никакая территорія не расторгнетъ этой связи. Основываясь на этихъ доводахъ, г. Португаловъ приходитъ къ заключенію, что евреямъ не нужна особая территорія, потому что ихъ территорія—весь земной шаръ, а имъ нужна культурная очистка отъ устарѣлыхъ обрядностей и культурное сліяніе съ остальными народностями.

Какъ на зарево этого будущаго сліянія еврейства съ христіанствомъ, г. Португаловъ смотритъ на елисаветградско-одесское «духовно-библейское братство». Въ нравственномъ совершенствованіи, къ которому стремится это братство, г. Португаловъ уже провидитъ зараждающуюся новую религію Ренана, т. е. еврейство, свободное отъ всякихъ формальныхъ обрядностей. Одною изъ заслугъ братства г. Португаловъ считаетъ то, что оно всецѣло отрѣшено отъ талмуда и его толкованій и едва ли знакомо съ нимъ.

Далѣе, г. Португаловъ, разсказывая, какъ члены братства открываютъ духовное общеніе торжественной молитвой за Государя, приводитъ выдержки изъ «основъ» «духовно-библейскаго братства». Эти правила братства слѣдующія: 1) сознаніе необходимости толкованія слова Божія, т. е. библіи, съ цѣлію привести нравственныя правила въ соотвѣтствіе съ духомъ и требованіями времени; 2) распространеніе братства на все человѣчество согласно идеѣ пророка Исаіи; 3) развитіе любви къ труду и преимущественно земледѣльческому, 4) уничтоженіе корыстолюбія и одного изъ рѣзкихъ его проявленій—ростовщичества, а также обогащенія на счетъ ближняго безнравственнымъ занятіемъ—кабацкимъ дѣломъ; 5) устраненіе игры въ карты и всякихъ пустыхъ забавъ; 6) бракъ и разводъ—по взаимному согласію и уравненіе женщины въ правахъ съ мужчинами; 7) отдыхъ во время праздниковъ и устраненіе храмовъ, исполненныхъ благолѣпія.

Симпатизируя этимъ началамъ, г. Португаловъ на примѣрѣ уральскаго «Десснаго братства» доказываетъ возможность процвѣтанія всякаго братства, возникающаго не въ средѣ массы, а интеллигенціи. Г. Португаловъ до того вѣритъ въ будущность еврейскаго сектантства, что готовъ видѣть въ еврейскомъ духовно-библейскомъ братствѣ почву для единенія съ русскимъ сектантствомъ.

Затѣмъ, указывая на то, что изъ проявившагося въ средѣ русскаго еврейства широкаго движенія онъ лично симпатизируетъ дорогому и возлюбленному братству, г. Португаловъ заканчиваетъ свою брошюру тѣмъ, что русское еврейство дѣлаетъ все возможное, все, что въ его силахъ, для улучшенія своихъ отношеній къ христіанскому населенію, и что русскому обществу и русской печати слѣдуетъ также проявить нѣсколько болѣе осязательную дозу справедливости.

И такъ, оба автора—и г. Дубновъ, и г. Португаловъ—касаются одного и того-же предмета; оба они отдаютъ предпочтеніе необходимости внутренней реформы и возлагаютъ на нее большія надежды; оба высказываются противъ эмиграціи и противъ созданія территоріи, какъ средства для возрожденія евреевъ; оба они объясняютъ современное положеніе евреевъ ихъ національною обособленностью. Но, при всемъ томъ, они рѣзко отличаются другъ отъ друга. Г. Дубновъ—крайній діалектикъ и оттого часто впадаетъ въ непримиримыя противорѣчія, а г. Португаловъ говоритъ языкомъ простымъ и яснымъ, избѣгая туманныхъ построеній рѣчи. Г. Дубновъ въ своей ярости противъ талмудистовъ превосходитъ самыхъ крайнихъ іудофобовъ, а г. Португаловъ относительно прошлаго евреевъ высказывается осторожно и нерѣшительно. Г. Дубновъ отказываетъ новому духовно-библейскому братству въ будущности въ виду его сектантскаго направленія, а г. Португаловъ въ этомъ сектантствѣ именно видитъ не только залогъ будущаго процвѣтанія братства, но и зарю новой религіи пророковъ, способной объединить все человѣчество. Г. Дубновъ въ вопросѣ о внутрен-

ней реформѣ выдвигаетъ принципъ, пытается доказать, что все прошлое—одна ложь, а г. Португаловъ въ этомъ-же вопросѣ выдвигаетъ симпатію, которая является результатомъ личныхъ впечатлѣній, воспринятыхъ имъ на бесѣдахъ братства. Г. Дубновъ находитъ, что евреи еще ничего не сдѣлали для того, чтобы въ отношеніи къ нимъ могло имѣть мѣсто широкое примѣненіе гражданскихъ правъ, а г. Португаловъ, напротивъ, видитъ въ обнаружившемся среди евреевъ движеніи достаточное основаніе къ тому, чтобы общество и печать перемѣнили свои отношенія къ евреямъ.

Такія два мнѣнія, расходящіяся въ основаніяхъ оцѣнки одного и того-же явленія, доказываютъ также разладъ и между критиками современнаго движенія русскаго еврейства. Это происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ того, что одинъ изъ нихъ, г. Дубновъ, знакомый, какъ видно, съ исторіей евреевъ, увлекся духомъ отрицанія до того, что не замѣчаетъ своихъ собственныхъ противорѣчій: то онъ считаетъ внутреннюю замкнутость евреевъ источникомъ безсмысленной религіозной традиціи, то онъ еще съ большею рѣзкостью устанавливаетъ вліяніе законодательства на эту-же замкнутость; то онъ считаетъ еврейскую религію лишенною всякой морали, самую стѣну іудаизма подгнившею до самаго основанія, то онъ считаетъ возможнымъ въ полную гниль вдохнуть жизненную идею раціонализма; то онъ считаетъ идеальнымъ стремленіе автора «Самоосвобожденія» къ возрожденію народа путемъ усиленныхъ, вѣковыхъ трудовъ интеллигенціи, то онъ считаетъ практическимъ дѣломъ возможность *разомъ* освѣтить всѣ милліоны евреевъ, которые, какъ разложившійся нравственный трупъ, барахтаются подъ сгнившею въ самомъ основаніи стѣною іудаизма; то онъ упрекаетъ духовно-библейское братство въ *односторонности* обоснованія секты мотивомъ экономическимъ, то онъ самъ, къ великому удивленію читателя, оставляетъ вовсе въ сторонѣ вопросъ объ экономическомъ бытѣ евреевъ, хотя самъ-же сознаетъ, что религіозныя традиціи бываютъ связаны

съ экономическимъ бытомъ народа. Другой-же авторъ, г. Португаловъ, будучи незнакомъ съ исторіей внутренней жизни евреевъ, становясь на почву симпатіи и вѣрованія въ будущность «основъ» новаго братства, не имѣлъ никакого матеріала для того, чтобы провѣрить критически свои симпатіи, и настолько-же увлекся своимъ положительнымъ оношеніемъ къ настоящему, насколько г. Дубновъ своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ прошедшему.

Посмотримъ, насколько въ дѣйствительности имѣется основаніе перейти на почву самоотреченія отъ своего прошлаго для того, чтобы достигнуть внутренней реформы, и насколько талмудизмъ препятствуетъ такой реформѣ.

Г. Дубновъ вѣрно отмѣтилъ характеристическую черту мозаизма, состоящую въ томъ, что въ немъ, главнымъ образомъ, все сосредоточено на государственномъ строѣ, а религія имѣетъ значеніе только средства для упроченія началъ общежитія. Понятіе о высшемъ руководящемъ принципѣ необходимо было для достиженія личнаго и имущественнаго равноправія между людьми. Божественное откровеніе заявляетъ прежде всего, что одному Богу принадлежитъ земля и никому въ особенности. Отсюда идетъ библейское начало, что земля Божія и что она должна быть распредѣлена между людьми съ возвращеніемъ къ первоначальному собственнику чрезъ каждый юбилейный годъ. Далѣе, всѣ люди одинаково рабы предъ Господомъ, а потому всѣ люди равны между собою. Созданное Моисеемъ верховное начало, дающее жизнь всему государственному организму, призвано для уравненія людей между собою. Законодательство имѣетъ чисто-практическое значеніе: оно за исполненіе закона даетъ долголѣтнюю жизнь. Кромѣ того, оно не осуждаетъ себя на застой, а предоставляетъ дальнѣйшее развитіе судьямъ-руководителямъ каждой данной эпохи. Моисей, начертавъ законъ, не прерываетъ также связи съ тѣми обычаями, которые предшествовали ему и состояли изъ отдѣльныхъ рѣшеній, внушенныхъ свыше, и отдѣльныхъ, болѣе близ-

кихъ къ понятію народа положеній, извѣстныхъ подъ именемъ «уримъ» и «тумимъ», совершенно совпадающихъ съ понятіями: «ѳемиды» и «справедливости» гомерической литературы, приводимыми Мэномъ въ своемъ изслѣдованіи «Древнее право». Какъ законодатель, стоявшій на почвѣ народной, Моисей, конечно, не могъ удалиться отъ народныхъ воззрѣній, чѣмъ объясняется видное мѣсто, которое онъ даетъ этимъ «уримъ» и «тумимъ», къ которымъ обращается часто для подъисканія рѣшеній, а также и то, что Моисей оставляетъ подъ условными опредѣленіями правила, опредѣляющія отношенія, не симпатичныя его основнымъ началамъ. Здѣсь, кажется, мы съ г. Дубновымъ не расходимся, а только фактически подтвердили его мысль о Моисеевомъ законодательствѣ. Но расходимся мы съ нимъ въ его энергическомъ протестѣ противъ взгляда на талмудъ, какъ на прогрессивное развитіе мозаизма.

Г. Дубновъ никакого фактическаго матеріала не приводитъ въ пользу своего энергическаго протеста, сдѣланнаго въ примѣчаніи къ статьѣ, и, вообще, очень мало, или почти ничего не приводитъ въ подкрѣпленіе другихъ, высказанныхъ имъ въ статьѣ мыслей, ограничиваясь только авторитетнымъ тономъ, способнымъ внушить страхъ лицамъ, незнакомымъ съ дѣломъ.

Г. Дубновъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ другія двѣ части талмуда—юридическую и легендарную, изъ коихъ о первой говоритъ уклончиво, а о второй отзывается одобрительно. Но если-бы г. Дубновъ не уклонялся отъ отзыва относительно первой и выяснилъ-бы, почему онъ, одобрительно отзывается о второй, то онъ пожалуй, долженъ былъ-бы измѣнить свой взглядъ и на третью часть—религіозно-богословскую.

Нечего, кажется, доказывать г. Дубнову и другимъ посвященнымъ въ дѣло, что въ правовыхъ воззрѣніяхъ талмудъ далеко оставилъ за собою Моисеево право. Въ то время, какъ въ законѣ Моисея мы имѣемъ руководящія начала съ указаніемъ способа прогрессивнаго развитія права согласно духу

даннаго времени, талмудское право составляетъ стройную систему, которая можетъ выдержать самое критическое сравненіе не только съ институтами римскаго права, но даже съ нѣкоторыми современными законодательствами. Какимъ образомъ могло случиться, чтобы одни и тѣ-же законодатели, которые вели впередъ правовую жизнь народа, придерживаясь одного и того-же метода толкованія библіи, вдругъ повели-бы ее назадъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ? Извѣстно, что талмудисты, стоя твердо на почвѣ народной и желая все новое основать на библейскихъ воззрѣніяхъ, вынуждены были прибѣгать къ тѣмъ-же фикціямъ при толкованіи библіи, къ какимъ прибѣгали римскіе преторы при истолкованіи XII таблицъ, когда имъ приходилось согласовать народную жизнь съ новыми требованіями времени. Не только приходилось талмудистамъ отмѣнять прежніе законы, отяготительные для новаго времени, но и создавать совершенно новые институты права, которыхъ вовсе нельзя было имѣть въ виду при условіяхъ государственнаго строя Моисея, напримѣръ, институтъ о давности. Приходилось совершенно также отрицать существованіе въ прошломъ такихъ институтовъ, о которыхъ положительно говорится въ библіи, но примѣненіе которыхъ казалось или слишкомъ жестокимъ, или слишкомъ несоотвѣтствующимъ духу времени. Къ какимъ, спрашивается, слѣдовало прибѣгать остроумнымъ фикціямъ, чтобы несуществовавшее вызвать къ жизни, а существовавшее признать вовсе не существовавшимъ? Одно сравненіе богатаго матеріала талмудскаго права со скудными положеніями Моисеева закона должно поражать каждаго юриста, желающаго ознакомиться съ тѣми пріемами, отличающимися находчивостью и остроуміемъ, къ какимъ прибѣгали талмудисты для того, чтобы связать одно съ другимъ и внушить народу уваженіе къ новому праву, какъ сведенному ко первоначальному своему источнику—божественному Откровенію. Даже современные наши пророки, духовно-библейскіе братья, не смотря на все свое отрѣшеніе отъ талмуда, прибѣгаютъ, по сви-

дѣтельству г. Португалова, къ методу толкованія библіи для того, чтобы достигнуть той-же цѣли, что и талмудисты, т. е. согласовать библію съ новыми требованіями жизни. Они, разумѣется, начинаютъ снова сизифову работу, потому что всѣ ихъ «основы» они могутъ найти въ талмудѣ. Такимъ образомъ, методъ толкованія библіи, къ которому прибѣгаютъ талмудисты съ указанною выше цѣлью, заслуживаетъ больше удивленія и одобренія, чѣмъ порицанія, и характеризуетъ собою стремленіе къ прогрессу, признаваемое всѣми учеными изслѣдователями талмуда, противъ которыхъ г. Дубновъ протестуетъ въ какомъ-то примѣчаніи къ статьѣ, не отличающейся никакимъ фактическимъ матеріаломъ для опроверженія ненавистнаго ему воззрѣнія.

Возратимся къ агадѣ. Г. Дубновъ называетъ ее лучшею частью талмуда,—и она дѣйствительно составляетъ лучшую часть этого замѣчательнаго народнаго памятника. Извѣстно, что *агадѣ* противополагается *галаха*. Въ галахѣ рѣчь идетъ о догматической части закона, все равно-юридическаго, или богословскаго; въ ней народное воззрѣніе на первомъ планѣ; въ ней жизнь съ ея практическими вопросами, съ ея неотложными требованіями, получаетъ отвѣты; въ ней рѣчь идетъ о временной, земной правдѣ. Но есть нѣчто высшее житейскихъ вопросовъ дня; есть требованія человѣческой души, которыя ищутъ удовлетворенія съ неменьшею настойчивостью, чѣмъ неотложная человѣческая нужда; есть болѣе возвышенные вопросы, которые занимаютъ пытливый умъ человѣка и не даютъ ему покою; есть болѣе возвышенныя идеи нравственности и правды, которыя увлекаютъ лучшихъ людей каждой эпохи по пути общечеловѣческаго прогресса. Всѣ эти вопросы, всѣ эти идеи перенесены были въ область агады. Въ ней талмудисты разрѣшали вопросы о мірозданіи, о высшемъ существѣ, о современномъ знаніи, въ ней обнаруживали глубокое остроуміе по вопросамъ общежитія и морали, въ ней проводили все, что должно было вести впередъ еврейство и при-

ближать его къ лучшимъ идеаламъ будущаго. Тѣ самые талмудисты, которые въ галахѣ, согласно требованіямъ времени, поддерживали знамя закона, водрузили въ агадѣ совершенно иное знамя, ни которомъ яркими красками выступали совершенно другія требованія и ставились совершенно другія задачи. «Богачъ—это талмудистъ, а разумный бѣднякъ, который подвергаетъ его критикѣ,—это агадистъ». «Если хочешь познать того, кто создалъ міръ, поучись агадѣ». Талмудисты подвергали свою собственную галаху критикѣ въ агадѣ. Въ галахѣ они устанавливали порядокъ, въ агадѣ они-же его подрывали. Талмудисты были критиками своей собственной мысли и революціонерами своего-же порядка. Народъ они поддерживали на уровнѣ его современнаго міросозерцанія, а въ школѣ и внѣ ея раздавался предъ учениками неумолкаемый, освѣжающій духъ голосъ агады, въ которой развивалось ученіе, исполненное новыхъ и лучшихъ вѣяній. Недаромъ агада вызвала противъ себя оппозицію не только противниковъ ея, но и другихъ законоучителей, посвященныхъ въ ея тайны, которые также находили, что агада заходитъ уже слишкомъ далеко, не останавливаясь даже предъ величіемъ Божіимъ. Если галаха была дочерью земли, служительницею ея интересовъ, хранительницею духа времени,—то агада была дочерью небесъ, провозвѣстницею лучшаго будущаго и живительною струею прогресса. Г. Гамбургеръ въ своей «Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud» говоритъ, что свободное пророческое слово, раскрывшее свою силу рядомъ съ закономъ Откровенія, получило удивительное отраженіе свое въ ученіи агады: она беретъ свое начало въ то время, когда пророческое слово потухаетъ, или готово потухнуть. Въ агадѣ, такимъ образомъ, сосредоточивается все, что было лучшаго въ еврействѣ, въ ней, какъ въ зеркалѣ, проходятъ всѣ лучшіе его идеалы, всѣ лучшія его чаянія и надежды.

Остановимся на одномъ изъ яркихъ типовъ агадиста—на *Акибѣ*. Слава Акибы, какъ галахиста, сохранилась еще до

сихъ поръ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ законоучителей, которые возвели въ принципъ связь новаго закона съ старымъ. Его остроуміе въ этомъ отношеніи не знало границъ. Еще въ первыя времена его академическаго поприща, когда его строгій умъ вызывалъ оппозицію въ средѣ его учителей, случалось, что онъ не заходилъ въ академію во избѣжаніе укоровъ и сарказма, а стоялъ у дверей. Когда заходила рѣчь о трудной галахѣ, которая не поддавалась истолкованію, въ академіи раздавались голоса: «галаха на улицѣ», т. е. Акиба внѣ академіи, надо его пригласить для истолкованія закона. Въ позднѣйшую-же эпоху о немъ говорили, что сила Моисея слабѣла предъ толкованіемъ закона со стороны Акибы. Такимъ образомъ, Акиба, какъ галахистъ, стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, а потомство ставило его выше Моисея. Между тѣмъ, онъ-же былъ однимъ изъ лучшихъ представителей агады и вызывалъ на этомъ поприщѣ оппозицію другихъ современниковъ. Онъ образовалъ школу, въ которой выдвигались лучшіе мыслящіе умы того времени. Въ числѣ его послѣдователей былъ р. Меиръ—просвѣтитель, который, въ свою очередь, былъ также слушателемъ извѣстнаго отщепенца Елиши-бенъ-Абуи. Далѣе, Акиба былъ любимцемъ народа, и въ средѣ его онъ слылъ «рукою бѣдняковъ». Онъ не чуждался язычниковъ, а, напротивъ, хвалилъ нѣкоторые ихъ обычаи, и пользовался ихъ складомъ ума и образомъ мыслей при истолкованіи закона. Любовь къ ближнему онъ считалъ основнымъ закономъ всего ученія; на жизнь человѣка онъ смотрѣлъ какъ на святыню, какъ на вмѣстилище богоподобія, и въ этомъ слѣдуетъ искать причины протеста его противъ смертной казни. Въ этомъ отношеніи онъ былъ первый Беккарія еще І-го вѣка послѣ Рождества Христова. Язычники находились въ числѣ его учениковъ, и онъ считалъ для нихъ дозволеннымъ пріобщиться къ ученію Божію. О трудѣ онъ говорилъ, что онъ краситъ человѣка, что каждый долженъ лучше рѣшиться на самый низкій трудъ, чѣмъ думать о се-

бѣ, какъ о жрецѣ или великомъ человѣкѣ. На бракъ онъ смотрѣлъ, какъ на нравственный принципъ, которымъ охраняется цѣломудріе. Гдѣ мужъ и жена—тамъ и Богъ. Богъ прощаетъ только грѣхи въ отношеніи себя, но никогда не прощаетъ грѣховъ въ отношеніи ближняго. Акиба вышелъ изъ народа, и народу принадлежали всѣ его симпатіи. Когда варварскій Римъ сталъ посягать на народные интересы евреевъ, Акиба былъ первый изъ законоучителей, который подготовлялъ заговоръ противъ римлянъ. Никакія увѣщанія учителей и коллегъ не могли удержать его отъ порыва спасти народъ отъ угрожавшей ему опасности, пока убѣжденіе въ возможности спасенія было въ немъ твердо, а убѣжденіе это сошло съ нимъ въ могилу. Когда появившійся народный герой Баръ-Кохба вызывалъ противъ себя ропотъ въ средѣ миролюбиво настроенныхъ законоучителей, Акиба провозгласилъ его полководцемъ и смиренно принялъ на себя скромную роль его оруженосца. Примѣръ одного изъ любимѣйшихъ народомъ законоучителей поднялъ народный патріотизмъ до такой высоты, что евреи, подъ предводительствомъ Баръ-Кохбы мужественно сражались съ римскими легіонами въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ, приводя въ ужасъ и удивленіе самыхъ испытанныхъ римскихъ полководцевъ. Душою всего движенія былъ Акиба; но римскій полководецъ Юлій Северъ побѣдилъ Баръ-Кохбу и положилъ конецъ возстанію. Послѣ этого Римъ догадался, что надобно бороться не съ евреями, а съ ихъ преданностью своему ученію. Послѣ паденія Баръ-Кохбы римскіе эдикты были направлены противъ школъ и, подъ страхомъ смертной казни, запрещено было законоучителямъ преподаваніе въ школахъ и гдѣ-бы то ни было. Но въ бесѣдахъ съ коллегами Акиба доказывалъ, что, не смотря на строгость закона, представители евреевъ должны продолжать преподаваніе. Когда Паппусъ указалъ Акибѣ на всю опасность, угрожающую ему отъ такого поведенія, онъ разсказалъ ему басню слѣдующаго содержанія. Заброшенъ неводъ, и рыбы въ страхѣ мечутся кру-

гомъ него, чтобы какъ-нибудь избѣгнуть опасности. Въ это время расхаживающая по берегу лисица приглашаетъ рыбу выйти на берегъ къ ней, гдѣ она найдетъ вѣрное убѣжище отъ сѣтей рыболова. Но рыба на это любезное приглашеніе лисицы отвѣтила, что если она не безопасна въ водѣ, въ стихіи, среди которой возможна ея жизнь, то на сушѣ ее ожидаетъ вѣрная смерть. Ученіе и знаніе, по мнѣнію Акибы, были единственною стихіей, которой обусловливалась жизнь евреевъ, и на лишеніе евреевъ этой стихіи онъ смотрѣлъ, какъ на вѣрную смерть. Акиба остался вѣренъ своему убѣжденію, и попалъ въ руки властителей Рима. Каково-же было его удивленіе, когда въ тюрьмѣ онъ нашелъ того самаго Паппуса, который держался противоположнаго убѣжденія? Паппусъ завидовалъ Акибѣ за то, что онъ попалъ въ тюрьму за слово Божіе, между тѣмъ какъ онъ попалъ совсѣмъ за глупость. Въ самой тюрьмѣ Акиба продолжалъ свое ученіе, и ученики его ухищрялись имѣть съ нимъ общеніе въ тюрьмѣ и выслушивать его объясненія по вопросамъ права и религіи. Въ тюрьмѣ онъ успѣлъ еще установить три високосныхъ года, и когда Аиній Руфъ исполнилъ надъ нимъ приговоръ смертной казни и приказалъ, для усиленія ея, желѣзными щипцами рвать ему кожу, Акиба съ какою-то радостью читалъ молитву «шема». Это поведеніе Акибы до того привело въ изумленіе окружающихъ и самого Руфа, что послѣдній спросилъ его, не колдунъ-ли онъ. Акиба отвѣтилъ, что онъ не колдунъ, а радуется тому, что удалось исполнить одну заповѣдь, которая ему всегда казалась самою идеальною, а именно: «люби Превѣчнаго Бога твоего всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ существомъ своимъ», т. е. даже тогда, когда лишатъ тебя жизни. Послѣднія слова, произнесенныя имъ, были: «Богъ единъ!» Вотъ въ краткихъ чертахъ жизнь и смерть одного изъ выдающихся представителей агады. «Со смертію его,—говорили въ народѣ,—исчезли основы ученія, изсякли источники мудрости», а со времени мученической смерти

его сложилась въ народѣ легенда, что съ небесъ раздался голосъ: «благо тебѣ, Акиба, ты испустилъ духъ подъ возгласомъ: «Богъ единъ».

Такая исполненная самой разносторонней дѣятельности законоучителя, идеалиста и народнаго вождя-мученика, при имени котораго еще теперь благоговѣетъ народъ, лучше всего свидѣтельствуетъ о силѣ агады и ея народномъ значенiи. Справедливо замѣчаетъ г. Гамбургеръ, что въ агадѣ законоучители были не тѣми, чѣмъ обязывало ихъ быть самое званiе, а представителями того, чего они дѣйствительно желали. И въ самомъ дѣлѣ, если только представить себѣ одно то, какъ думалъ, чувствовалъ, жилъ, дѣйствовалъ и боролся Акиба до послѣдней минуты жизни, то станетъ совершенно яснымъ, почему агада, имѣвшая такихъ представителей, отличалась такою живучестью, почему она, не смотря на всѣ оппозицiи, не только удержалась до V вѣка, но и вошла въ самый составъ талмуда и дала начало каббалѣ, которая ставила и разрѣшала вопросы о «меркавѣ» тѣми-же положенiями, какiя поставлены теперь лучшими мыслителями-философами.

Уже приведенная выше характиристика талмудистовъ должна каждаго мыслителя привести къ тому заключенiю, что тѣ-же законоучители, которые отличались стремленiемъ къ развитiю народной жизни, не могли въ религiозной части iудаизма остановиться на точкѣ замерзанiя. Въ религiозной области, дѣйствительно, поражаетъ обрядовая часть; но до сихъ поръ еще не изслѣдованъ вопросъ о томъ, въ какомъ состоянiи находилась религiозная практика евреевъ въ перiодъ господства талмудскихъ школъ и вплоть до окончательнаго составленiя талмуда. При невозможности опредѣлить степень развитiя религiозныхъ положенiй съ точки зрѣнiя культурно-исторической, слѣдовало-бы отказаться отъ всякаго утвержденiя въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ. Но изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей изъ религiозной сферы все-таки можно сдѣлать положительное заключенiе о томъ, что и въ ней талму-

дисты держались того-же направленія, что и въ другихъ частяхъ права и морали. Возьмемъ, напр., самыя строгія правила—о субботнемъ днѣ. Г. Дубновъ считаетъ соблюденіе правилъ объ этомъ днѣ настолько важной догмой еврейскаго вѣроученія, что не желалъ-бы, съ самаго начала учрежденія реформатскаго братства, даже касаться ея своимъ жезломъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Моисеевомъ законодательствѣ отдыхъ въ субботу исключаетъ возможность совершенія какой-бы то ни было работы подъ страхомъ смертной казни. Извѣстно, что на практикѣ это правило соблюдалось во времена Моисея такъ строго, что еврея, собиравшаго щепки въ субботу, подвергли смертной казни. Между тѣмъ, талмудисты своими толкованіями успѣли низвести субботу съ ея пьедестала въ такой степени, что и теперь, въ нужныхъ случаяхъ, религіозный еврей публично нарушаетъ правило о субботнемъ днѣ. Талмудисты выработали правило, что «суббота существуетъ для евреевъ, а не евреи для субботы», что «лучше нарушить святость одной субботы, чѣмъ не соблюдать всѣхъ субботъ». Въ связи съ этимъ они должны были установить также болѣе общія правила, отличающіяся началомъ гуманности и прогресса и имѣвшія, въ свою очередь, большое вліяніе на смягченіе правилъ о субботнемъ днѣ. Такъ, напр., талмудисты истолковываютъ слова Моисеева закона: «человѣкъ долженъ исполнять ихъ (законы), дабы жить ихъ помощью» такимъ образомъ, что «законы подлежатъ исполненію, когда при нихъ возможно жить, но не тогда, когда исполненіе ихъ угрожаетъ смертью. Кто отличается поспѣшностью въ нарушеніи закона, когда рѣчь идетъ о спасеніи жизни человѣка, тотъ достоинъ всякой похвалы». Эти правила настолько популярны въ средѣ массы, что поставить самоваръ, или варить въ субботу для больного и даже поѣхать публично въ субботу за докторомъ считается религіозной добродѣтелью. Самое установленіе эйрува (обведеніе внѣшней черты города проволокой съ цѣлію сдѣлать для евреевъ возможнымъ носить въ субботу разныя вещи),

столь несимпатичнаго г. Дубнову, составляетъ, для своего времени, такую замѣчательную фикцію, направленную противъ строгости субботняго дня, что за такія облегчительныя мѣры можно только относиться съ уваженіемъ къ талмудистамъ, а не порицать ихъ. Если-бы теперь появились между евреями такіе свѣтлые умы, какъ Акиба, Меиръ, р. Іохананъ бенъ-Заккай и другіе, то они, путемъ остроумныхъ фикцій, совершили-бы сильный переворотъ въ религіозной жизни евреевъ. Для настоящаго времени, разумѣется, эйрувъ составляетъ аномалію; но для того времени, къ которому относится его установленіе, онъ составляетъ положительный прогрессъ. О каждомъ явленіи религіозной жизни народа слѣдуетъ судить не съ точки зрѣнія современныхъ взглядовъ, а съ точки зрѣнія культуры той эпохи, къ которой данное явленіе относится. Эйрувъ удержался до настоящаго времени не потому, что талмудисты его укрѣпили въ религіозной сферѣ народа, а потому, что совокупность всѣхъ условій жизни русскаго еврейства, задерживающихъ его умственное и нравственное развитіе, препятствуетъ ему вообще выйти изъ косности своего положенія. Если бы талмудизмъ отличался такою живучестью, то ничѣмъ нельзя было бы себѣ объяснить того, что эйрувъ исчезъ въ другихъ странахъ Европы и отчасти у насъ въ Россіи, въ болѣе культурныхъ мѣсностяхъ. Въ особенности-же нельзя говорить о деспотизмѣ извѣстнаго вѣроученія по поводу установленія, носящаго въ себѣ самомъ слѣды прогресса, а не регресса. Точно также въ свое время законы о пищѣ имѣли цѣлію охраненіе народнаго здравія примѣнительно къ даннымъ условіямъ мѣстности. Въ настоящее время, конечно, можно распроститься со многими обрядностями, установленными законами о пищѣ. но есть и такія, которыя смѣло могли бы быть удержаны и на дальнѣйшее время въ интересахъ нравственности. Образованіе особой профессіи для убоя скота и рѣзки птицъ, съ устраненіемъ всего народа отъ непосредственнаго обращенія съ кровью животныхъ, оказало такое гуманное вліяніе на народную

нравственность евреевъ, что въ уголовной статистикѣ они очень мало фигурируютъ, или почти никогда, въ преступленіяхъ лишенія жизни человѣка, или нанесенія тяжкихъ ранъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ народѣ, который въ теченіе тысячелѣтій не имѣетъ дѣла съ кровью живого существа, у котораго сами рѣзники совершаютъ скорѣе обрядъ священнодѣйствія надъ животнымъ, чѣмъ подвигъ удальства,—въ такомъ народѣ, въ которомъ отвращеніе отъ крови есть результатъ выработанной привычки, не можетъ быть легкимъ дѣломъ поднять топоръ на своего ближняго, или запастись отточеннымъ ножомъ съ цѣлію насладиться дымящеюся кровію себѣ подобнаго. Я думаю, что г. Дубновъ согласится со мною въ этомъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ проститъ талмудистамъ ихъ вину, если виною можно назвать то, что правила, вызванныя къ жизни 1500 или болѣе лѣтъ тому назадъ, правила, имѣвшія, очевидно, разумную цѣль въ свое время и на своемъ мѣстѣ, удержались, благодаря условіямъ, къ которымъ талмудисты не причастны, до настоящаго времени. Что талмудисты не имѣли въ виду установить обязательные законы на вѣчныя времена, доказывается тѣмъ, что они толковали то мѣсто Моисеева закона, въ которомъ онъ внушаетъ народу обращаться за разъясненіемъ закона къ учителямъ каждой данной эпохи и поступить по ихъ велѣнію, въ томъ смыслѣ, что «еврей долженъ полагаться только на учителя своего времени и не долженъ утверждать, что учителя прежнихъ временъ были лучше учителей, ему современныхъ». Руководствуясь этимъ правиломъ, исключающимъ всякое стремленіе къ косности, талмудисты, отличавшіеся стремленіемъ къ облегченію закона, когда ихъ другіе законоучители, которые отличались строгостью въ примѣненіи закона, спрашивали: на какомъ основаніи они разрѣшаютъ себѣ считать дозволеннымъ то, что запрещалось ихъ предками, всегда давали слѣдующіе отвѣты: «еще до меня другіе учители дозволяли также то, что было прежде запрещено предками; а между тѣмъ, имъ теперь вмѣняютъ дозволеніе

въ заслугу; точно также и мои потомки будутъ считать моею заслугою то, что я теперь разрѣшаю прежде недозволенное». И въ самомъ дѣлѣ, развѣ неизвѣстно, что у талмудистовъ считалось принципомъ правило: «сила дозволенія важнѣе»? Развѣ неизвѣстно, что въ спорахъ между облегчительною школою Гиллеля и строгою школою Шамая, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, перевѣсъ оставался на сторонѣ облегчителей закона? Извѣстно также толкованіе стиха псалмовъ: «наступило время дѣйствовать во имя Господа, они разрушаютъ твой законъ»,—что бываетъ время, когда во имя Господа-же необходимо отмѣнить законъ и установить новый. Такое либеральное толкованіе въ смыслѣ облегченія закона и отмѣны строгихъ законовъ руководило всегда талмудистами, когда являлось опасеніе неуваженія къ закону и фактическаго непослушанія народа. Въ этомъ смыслѣ уже Шимонъ бенъ-Лакишъ сказалъ, что отмѣна закона есть сохраненіе его. Такія правила встрѣчали нерѣдко примѣненіе и въ позднѣйшія времена гаоновъ. Такъ, въ VII столѣтіи, въ виду того, что коранъ дозволялъ разводъ по требованію жены съ возвращеніемъ принадлежащаго ей имущества, еврейскія женщины, во время господства ислама, стали обращаться въ нееврейскіе суды и вынуждать разводы съ благопріятными условіями возвращенія принадлежащихъ имъ имуществъ. Въ то время существовалъ у евреевъ законъ, уже въ свою очередь облегчительный противъ талмудскаго, стѣснявшаго случаи развода, о правѣ требованія со стороны жены развода въ случаѣ чувствуемаго ею отвращенія къ мужу, но подъ опасеніемъ потерять въ пользу мужа своего имущества. Гаоны, замѣтивъ неуваженіе къ закону со стороны еврейскихъ женщинъ, порѣшили между собою, что лучше отмѣнить несогласный съ жизнью законъ, чѣмъ давать поводъ къ соблазну, къ явному неуваженію его. Изъ изложеннаго видно, что облегченіе закона и совершенная отмѣна его согласно требованіямъ времени составляетъ принципъ іудаизма до того непреложный, что даже правила о суб-

ботнемъ днѣ, составляющія одну изъ 10-ти заповѣдей, должны уступить здравымъ интересамъ человѣка, для котораго суббота существуетъ. Въ агадѣ встрѣчаются такія мнѣнія о субботѣ, которыя намекаютъ на возможность совершенія всякихъ работъ. На вопросъ, сдѣланный римляниномъ р. Гамліелю II, почему Богъ, запрещающій работу въ субботу, самъ не отдыхаетъ, рабби отвѣтилъ, что міръ, въ предѣлахъ котораго и въ субботу все находится въ движеніи, составляетъ, по отношенію къ Богу, такое-же дворовое пространство, въ которомъ законъ субботы разрѣшаетъ евреямъ передвиженіе вещей. Этотъ остроумный отвѣтъ, хотя и данъ язычнику въ оправданіе Бога съ точки зрѣнія іудаизма, все-таки содержитъ въ себѣ матеріалъ для критической мысли о работѣ мірозданія въ субботу и примѣненіи ея къ человѣку. Если-же въ отношеніи субботы дозволялись рѣзкія, коренныя отступленія, то можно себѣ представить, какое примѣненіе должны были получить законы о мукцѣ и другихъ, потерявшихъ всякое значеніе, обрядностяхъ, при дѣйствіи указанныхъ выше положеній. Что-же касается огражденій, которыя г. Дубнову кажутся наиболѣе опасными въ іудаизмѣ, то рѣзкость его мнѣнія основана на одномъ выхваченномъ положеніи Великой Синагоги: «дѣлайте огражденіе закону», безъ всякаго отношенія къ времени, къ которому оно относилось, и къ другимъ правиламъ. Всѣ огражденія, вызывавшіяся необходимостью охраненія закона отъ внѣшнихъ вліяній, были вызваны именно въ такое время, когда деморализація народовъ, среди которыхъ жили евреи, угрожала имъ совращеніемъ съ пути, предначертаннаго великими представителями народа, или когда политическіе удары, нанесенные евреямъ, могли убить въ нихъ народное самосознаніе. При этихъ условіяхъ «огражденія» имѣли свое особое значеніе. Но, при всемъ томъ, существовали довольно популярныя еще и теперь правила, что «нельзя дѣлать такихъ огражденій, которыя падаютъ бременемъ на все общество»; что «нѣтъ надобности дѣлать огражденія къ огражденіямъ»; что «нельзя ставить

огражденіе выше закона, потому что въ такомъ случаѣ законъ падаетъ—и вырѣзывается, такимъ образомъ, самое растеніе». Въ какой степени талмудисты относились неодобрительно къ огражденіямъ, доказывается прекрасной параболой р. Іошуа: «если въ сосудъ, наполненный масломъ, вливаютъ воды, то не будетъ-ли такъ, что чѣмъ больше вливать воды, тѣмъ больше вытекаетъ масла,—т. е. чѣмъ больше создаютъ оградительныхъ законовъ, тѣмъ больше самъ законъ теряетъ въ своемъ достоинствѣ и содержаніи». Если привести въ связь всѣ правила и воззрѣнія объ оградительныхъ законахъ, то выяснится истинный ихъ смыслъ и значеніе, равно и опредѣлятся тѣ границы, которыя имъ указаны самимъ закономъ. Если-же тенденціозно выдѣлить одно положеніе и дать ему оцѣнку въ извѣстномъ смыслѣ, то, конечно, можно увѣрить себя и другихъ въ томъ, что вся религіозно-богословская часть талмуда состоитъ изъ однихъ оградительныхъ законовъ, нагроможденныхъ другъ на друга.

Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что талмудисты создали также могущественный коррективъ для недостатковъ матеріальнаго свойства, это—законъ процессуальный. Судоустройство и судопроизводство уголовное было такъ обставлено, что всѣ строгости закона могли быть лишены практическаго значенія. Судъ, состоящій изъ 23 судей, назначаемыхъ лишь подъ условіемъ удовлетворенія самымъ изысканнымъ правиламъ знанія, честности и безпристрастія; судъ, восполняемый на мѣстѣ академистами, имѣющими право толковать законъ въ пользу обвиняемаго; судъ, предоставляющій самое широкое поле защиты подсудимому съ правомъ возвращенія съ мѣста казни въ судъ послѣ приговора съ цѣлью возобновленія защиты,—такой судъ способенъ былъ бороться съ несправедливостями закона въ гораздо большей степени, чѣмъ современный нашъ судъ присяжныхъ, въ значительной степени также вліяющій на исправленіе закона. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что при такомъ судѣ собиратель

щепокъ въ субботу не подвергался-бы смертной казни, которая сама по себѣ не пользовалась симпатіей въ средѣ законоучителей. Правда, судъ этотъ очень рано прекратилъ свое дѣйствіе, но мы указываемъ на него, какъ на созданіе талмудистовъ, которые отлично понимали его роль въ сферѣ уголовнаго права и въ этомъ смыслѣ возлагали на него надежду исправленія матеріальныхъ недостатковъ закона.

Что касается нравственныхъ принциповъ іудаизма, то въ этомъ отношеніи мы бы отослали г. Дубнова къ сочиненію Норка о нараллельныхъ мѣстахъ талмуда и евангелій, и вполнѣ увѣрены, что онъ отказался-бы отъ своей мысли, что раввинизмъ былъ протестомъ противъ новаго религіознаго движенія. Ему, вѣроятно, извѣстно также, что въ первыя времена христіанства новые христіане и евреи жили между собою въ мирѣ и что до тѣхъ поръ, пока мораль и нравственность обоихъ вѣроученій свободно могли конкуррировать между собою, не опираясь на власть и силу, еврейская религія еще пользовалась симпатіями римлянъ высшихъ классовъ, несмотря на то, что ей чуждъ духъ прозелитизма. Супруга Нерона перешла въ еврейство и получила разрѣшеніе быть погребенною какъ еврейка. Тацитъ и Овидій упрекаютъ римлянъ въ томъ, что они презираютъ древніе свои обычаи, обучаются только закону еврейскому, сохраняютъ его и благоговѣютъ предъ нимъ, что красоту города ищутъ въ синагогахъ. И дѣйствительно, цѣлыя общины римлянъ переходили въ еврейство. Для пріостановленія этого перехода, нѣкоторые императоры, нерасположенные къ евреямъ, вынуждены были прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ смертной казни, изгнанія и конфискаціи имуществъ прозелитовъ. Такъ, былъ преданъ смертной казни консулъ Флавій Клеменсъ, а супруга его, Домицилія Флавія, приговорена къ изгнанію. Но императоръ Нерва отмѣнилъ силу этихъ декретовъ, въ память чего чеканили монету съ надписью: «fisci judaici columnia oblata» и съ помѣщеніемъ на одной сторонѣ изображенія императора,

а на другой—пальмоваго дерева, какъ эмблемы еврейской націи,—и еврейство вновь восторжествовало. Еще императоры Өеодосій, Аркадій и Гонорій продолжали оказывать покровительство еврейству, и только въ концѣ IV столѣтія, по весьма понятной причинѣ, о которой даже нѣтъ надобности упоминать, еврейство, какъ выраженіе извѣстнаго принципа нравственности и морали, должно было уступить силѣ обстоятельствъ и уединиться до лучшихъ временъ, которыя пока не наступили. Что-же касается средневѣковой схоластики, то ея теологическое значеніе можетъ быть опредѣлено развѣ тѣмъ, что она была чревата подаренной ею міру индульгенціей и развивалась въ средѣ доминиканцевъ, тѣхъ самыхъ virorum obscurorum, которые задерживали реформаціонное движеніе. И позднѣйшая теологія эпохи Возрожденія, по свидѣтельству Гейгера (Studien), сознавая потребность въ знаніи еврейской письменности для цѣлей апологетическихъ и отдавшись всеобщему увлеченію того времени изученіемъ древне-еврейскаго языка, подъ двусмысленными предлогами отвергала надобность въ изученіи талмуда, опасаясь встрѣтиться въ немъ съ тѣмъ именно, что такъ желательно было ей подкрѣпить въ глазахъ богословскаго міра.

Г. Дубновъ, пристрастно относясь къ талмудической морали, объясняетъ даже противорѣчія между практическою дѣятельностью и нравственностью наслоеніемъ обрядностей, изъза толстой коры которыхъ не видно самаго ядра. Но это явленіе теперь сдѣлалось всеобщимъ, оно сдѣлалось господствующимъ еще въ большой степени въ такихъ сферахъ, которыя ничего общаго съ талмудомъ не имѣютъ, не имѣли и имѣть не могли. Благодаря совокупности многихъ соціальныхъ условій, въ обществѣ, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, вырабатывается извѣстное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго цѣлый рядъ несправедливостей какъбы молчаливо одобряется общественнымъ мнѣніемъ. Эта вырабатывающаяся общественная привычка нисколько не осили-

ваетъ рядомъ съ ней и задолго до нея удержавшейся привычки къ соблюденію обрядностей религіи, а, напротивъ, очень часто еще подымаетъ ея значеніе въ глазахъ общества. Кто не знаетъ, что въ эпоху упадка нравственности искусственно даже вызываютъ обязательное соблюденіе религіозныхъ обрядовъ? Жизненныя условія таковы, что, вопреки всѣмъ началамъ отвлеченной логики, люди не только не встрѣчаютъ противорѣчія въ томъ, что нарушеніе религіознаго обряда ставится выше нарушенія правилъ морали, но даже примиряютъ это противорѣчіе. Въ такія времена деморализація вовсе не исключаетъ благочестія и строгаго соблюденія обрядностей. Если у евреевъ, въ такія-же эпохи ихъ народной жизни, замѣтнѣе уживчивость двухъ противоположныхъ началъ, то это объясняется не сложностью и разносторонностью обрядовой системы, а распространенностью ея, доступностью ея массѣ,—тогда какъ у другихъ народовъ исполненіе обрядовъ и требъ есть дѣло профессіи, дѣло особаго класса людей. Но, независимо отъ этихъ общихъ и національныхъ условій, обрядность удерживается у евреевъ во всей ея силѣ еще благодаря экономическимъ условіямъ и скученности ихъ поселеній. Господинъ Дубновъ оставилъ совершенно безъ вниманія экономическій бытъ евреевъ, а между тѣмъ именно тѣ $^{99}/_{100}$ евреевъ, которые задыхаются подъ китайскою стѣною религіозныхъ обрядностей, суть тѣ самые $^{99}/_{100}$, которые не имѣютъ никакого досуга, живутъ изо-дня въ день и придерживаются своихъ старинныхъ обрядностей по той-же причинѣ, по которой придерживаются своей вѣковой, но незавидной обстановки. Насколько невообразимая бѣдность не дозволяетъ думать о перемѣнѣ обстановки, настолько-же и скученность препятствуетъ движенію къ реформѣ. Оставить евреевъ при указанной имъ жалкой обстановкѣ и требовать, въ то же время, измѣненія религіозныхъ воззрѣній—значило-бы требовать непримиримаго противорѣчія. Г. Дубновъ сознаетъ важность вліянія законодательныхъ мѣръ на обособленность евреевъ, вѣр-

но опредѣлилъ вліяніе устава о воинской повинности евреевъ на ихъ стремленіе къ образованію; но не понимаетъ того, что вѣками созданная исключительность и скученность евреевъ не можетъ перемѣниться разомъ, что мракъ, въ который милліоны людей погружены цѣлыя столѣтія, не можетъ быть разомъ уничтоженъ хоть-бы подъ вліяніемъ самаго энергическаго реформатскаго общества. На бумагѣ создавать взаимодѣйствующіе рычаги—постепеннаго упраздненія внутреннихъ препятствій и постепеннаго расширенія гражданскихъ правъ,—это очень легко, а трудно, и даже очень трудно приводить такіе рычаги въ дѣйствіе. Если рычаги приведены въ такую физическую связь, что они волею-неволею должны дѣйствовать по законамъ взаимодѣйствія, то обѣ стороны, конечно, уравновѣшаны; но если они разобщены, если на вѣсы одного изъ нихъ кладутъ тяжесть, а на вѣсы другого—ничего не кладутъ, или очень мало,—то равновѣсія быть не можетъ. Логика взаимодѣйствія останется логикой, а практика разобщенія останется практикой. Къ чему тутъ двоедушничать? Нужно прежде всего расторгнуть черту осѣдлости, нужно въ то же время оказаніе самой широкой помощи, которая способствовала-бы передвиженію массъ изъ душной атмосферы въ пространства, наполненныя свѣжимъ воздухомъ; нужны, стало быть, законодательный актъ со стороны правительства и не менѣе важный актъ братскаго человѣколюбія со стороны осчастливленныхъ судьбою евреевъ къ ихъ обездоленнымъ братьямъ по вѣрѣ,—а затѣмъ уже могутъ придти къ послѣднимъ на помощь разные прожектеры съ реформаторскими планами. Г. Дубновъ отлично понимаетъ, насколько была-бы смѣшна роль еврейскаго миссіонера въ глазахъ прозябающаго еврея, если-бы, вмѣсто средствъ къ существованію, онъ предложилъ-бы ему молиться безъ ермолки. Помогите, г. Дубновъ, прежде всего безотлагательной нуждѣ еврея—жить, уничтожьте тѣсноту обстановки, дайте ему подышать свѣжимъ воздухомъ,—и онъ самъ пойдетъ вамъ на встрѣчу и приметъ отъ

васъ дары новаго ученія. Теперь-же говорить о срытіи до основанія стѣны іудаизма, о моментальномъ освѣщеніи милліоновъ людей, теперь полагаться на какое-то чудотворное дѣйствіе взаимодѣйствующихъ рычаговъ съ производительными силами,—будетъ только однимъ самообманомъ, — ничего больше!

Въ связи съ сказаннымъ нельзя не остановиться на томъ, что г. Дубновъ, въ концѣ концовъ, знаетъ, гдѣ можно, при настоящихъ даже условіяхъ, искать средства для болѣе или менѣе основательнаго улучшенія какъ внѣшняго, такъ и внутренняго быта евреевъ. Это—въ системѣ воспитанія, которую г. Дубновъ, какъ мы видѣли, считаетъ равносильной всѣмъ реформамъ, вмѣстѣ взятымъ, какъ правовымъ, такъ и религіознымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если въ силу непреодолимыхъ обстоятельствъ нельзя экономическимъ улучшеніемъ быта евреевъ поднять снизу вверхъ умственно-нравственную реформу, то необходимо сдѣлать все, что возможно, т. е. принять въ руки дѣло воспитанія еврейской молодежи и пустить реформу сверху внизъ. Нужно воодушевиться серьезною мыслію доставлять въ самыхъ широкихъ размѣрахъ средства къ образованію бѣдному классу евреевъ, нужно эту мысль пропагандировать среди всѣхъ обществъ Россіи, чтобы они, не полагаясь на рачительность центральныхъ комитетовъ, дѣйствующихъ въ Петербургѣ, организовывали школы, доставляли средства на полученіе высшаго образованія и, такимъ образомъ, дать возможность подняться на ноги молодому поколѣнію. Надо помнить, что тѣ самые представители Великаго Собора, которые создали необходимость огражденія закона, говорили также, что необходимо образовать много учениковъ, а р. Іегуда Ганаси былъ того мнѣнія, что *весь міръ держится на томъ только, чѣмъ дышетъ молодое поколѣніе въ школахъ.* Если къ этимъ мыслямъ прибавить еще популярную мысль о томъ, что «наука исходитъ изъ бѣдняковъ», то будетъ понятно, почему необходимо какъ можно болѣе заботиться о поддержкѣ

бѣднаго класса евреевъ въ его стремленіи къ образованію, и почему важна сама система воспитанія. Подъ этою системою мы разумѣемъ воспитаніе въ національномъ духѣ, а именно: открытіе раввинскихъ семинарій на частныя средства обществъ съ цѣлію воспитанія людей профессіи, держателей еврейскаго знанія, которые имѣли-бы задачею поддерживать въ народѣ связь съ его историческимъ прошлымъ, составляющимъ достояніе націи. Конечно, эти представители науки іудаизма представятъ весь матеріалъ его не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь циркулируетъ у евреевъ, благодаря невѣжественному воспитанію нашихъ школьныхъ учителей, которые не отличаютъ скорлупы отъ ядра,—а разработаютъ его въ духѣ основныхъ началъ іудаизма, не противорѣчащихъ началамъ нравственности и морали и подлежащихъ развитію въ духѣ прогресса и сообразно съ требованіями времени. Къ этому стремится, повидимому, и г. Дубновъ: и онъ ждетъ отъ воспитанія благотворныхъ результатовъ, и онъ желаетъ, чтобы были учреждаемы раввинскія семинаріи, и онъ желаетъ расчистить современныя понятія массы русскихъ евреевъ отъ ложныхъ представленій о религіи и ея морали, и онъ желаетъ возсоздать еврейскую религію на началахъ свойственнаго ей раціонализма;—но для того, чтобы высказать то, что лежитъ на душѣ каждаго истиннаго друга народа, вовсе не было надобности рѣшиться на самобичеваніе, на самоотреченіе отъ прошлаго, которое будто составляетъ источникъ незавиднаго современнаго положенія русскихъ евреевъ. Г. Дубновъ, очевидно, поддался вліянію современныхъ вѣяній русской печати, которая подъ народнымъ самосознаніемъ евреевъ разумѣетъ всецѣлое ихъ самоотреченіе, сознаніе необходимости полнѣйшаго раствворенія въ коренномъ населеніи. Не соглашаясь, какъ видно, на сліяніе съ русскими, г. Дубновъ согласился на сліяніе со всѣмъ человѣчествомъ, но все-таки цѣною столь излюбленнаго русской печатью самоотреченія. Намъ-же кажется, что пора бросить игру съ тѣми, которые, въ сущности, интересуются

евреями настолько, насколько эти послѣдніе въ состояніи будутъ молодечески отречься отъ своего прошлаго, насколько они способны будутъ поглотиться окружающей средою; что пора подумать о себѣ, какъ о народной личности, имѣющей свое вѣковое прошлое съ историческою цѣнностью въ глазахъ человѣчества; что пора приступить къ серьезной національной работѣ, къ укрѣпленію въ средѣ народа началъ общечеловѣческихъ, тѣхъ самыхъ, которыя и прежде были присущи духу іудаизма, не смотря на жестокое къ нему отношеніе всего остальнаго человѣчества. Пора вѣрить, что когда всѣ народы дойдутъ до сознанія истиннаго братства между людьми, когда вѣра и нація перестанутъ быть элементами разлада, то сліяніе всего человѣчества не встрѣтитъ препятствія со стороны однихъ евреевъ, потому что, по свидѣтельству всей исторіи, евреи, по завѣту своихъ законоучителей, были всегда въ ряду преслѣдуемыхъ, а не преслѣдующихъ, и до сихъ поръ еще продолжаются, по законамъ атавизма, жестокія попытки къ разобщенію евреевъ отъ всего остальнаго человѣчества. Если-же въ насъ живетъ убѣжденіе, что не мы проповѣдывали человѣконенавистничество, не мы поднимали камни, топоры и ломы на ближняго, не мы конфисковали имущество, изгоняли и жгли людей, то намъ нечего стыдиться своего прошлаго, нечего заигрывать въ двусмысленномъ тонѣ съ представителями тѣхъ или другихъ современныхъ направленій, нечего охорашиваться для того, чтобы понравиться другимъ. Намъ нужно честно заявить, что мы знаемъ, кто мы такіе, знаемъ всѣ средства, необходимыя для внутренняго нашего улучшенія въ духѣ общечеловѣческаго прогресса; но знаемъ также цѣну нашему современному положенію среди окружающихъ насъ народовъ, знаемъ нашихъ друзей и недруговъ и понимаемъ также, какъ держаться въ этомъ положеніи. Намъ нужно не только знать, но и дѣйствовать согласно съ тѣмъ, что знаемъ, дѣйствовать такъ, чтобы нельзя было упрекать насъ въ стремленіи къ обособленію, и предоставить другимъ дѣйствовать

тоже какъ знаютъ—въ духѣ-ли человѣконенавистничества, или въ духѣ христіанскаго человѣколюбія. Не самоотреченіе намъ нужно, а самосознаніе, проникновеніе идеею нашего прошлаго, нашего національнаго достоинства, и вѣрою въ будущность всего человѣчества, часть котораго мы составляемъ, вѣрою въ развитіе его по непреложнымъ законамъ цивилизаціи и прогресса.

Перейдемъ къ сужденіямъ г. Португалова. На этотъ разъ г. Португаловъ трактуетъ о евреяхъ спокойно, даже имъ соболѣзнуя, между тѣмъ какъ до сихъ поръ онъ всегда говорилъ о нихъ свысока, тономъ человѣка, чувствующаго самъ и дающаго другимъ чувствовать, что принадлежитъ къ самой высшей породѣ евреевъ. Г. Португаловъ всегда даетъ о себѣ откликъ, когда еврейскій вопросъ въ Россіи обостряется до того, что обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, когда вмѣшательствомъ въ дѣло можно, стало быть, съ одной стороны, соединить съ нимъ свое имя, а съ другой—и выказать свое особое къ вопросу отношеніе. Такъ было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда блаженной памяти Зотовъ, редакторъ «Иллюстраціи», задумалъ-было вызвать противъ русскихъ евреевъ крестовый походъ, но встрѣтилъ сильное препятствіе со стороны всей либеральной тогда русской печати съ г. Катковымъ во главѣ. Въ это время, когда вся почти русская печать, за исключеніемъ «Современника», имѣвшаго особый взглядъ на дѣло, присоединилась къ протесту «Русскаго Вѣстника» противъ Зотова, г. Португаловъ (который тогда хохломанствовалъ и отбросилъ русское «въ») счелъ нужнымъ заявить о своихъ убѣжденіяхъ по еврейскому вопросу и отказался открыто отъ талмуда, хотя условно, если въ немъ дѣйствительно содержатся антисоціальныя начала. Тогда г. Португаловъ еще мало былъ извѣстенъ въ русской литературѣ, и его голосъ ничего не прибавлялъ къ вопросу и не убавлялъ въ немъ. Черезъ четверть вѣка, когда вновь заговорили о евреяхъ, когда и правительство, и печать, и общество выдвинули еврейскій вопросъ на первый

планъ, г. Португаловъ опять является на сцену, правда, въ одномъ изъ провинціальныхъ органовъ, въ которомъ высказываетъ поразившую всѣхъ мысль о томъ, что евреи, во время войны, должны потянуться за русскимъ войскомъ и вынести его на своихъ плечахъ для того, чтобы пріобрѣсти любовь русскаго народа. Теперь-же, по поводу движенія во внутренней жизни евреевъ, г. Португаловъ напечаталъ особую брошюру, гдѣ впервые заговорилъ какъ человѣкъ, у котораго есть что-то общее съ евреями, если не какъ исповѣдниками религіи, то какъ съ частью человѣчества, нынѣ жестоко угнетаемаго, но имѣющаго, однако, возможность выйти на другой путь нравственнаго усовершенствованія. Такой тонъ человѣка, не претендующаго ни на оригинальность, ни на высокомѣріе, а проникнутаго сердечнымъ желаніемъ видѣть своихъ единовѣрцевъ въ лучшемъ положеніи, съ одной стороны—освобожденными отъ соціальныхъ несправедливостей, а съ другой—отъ внутреннихъ недостатковъ,—такой симпатичный откликъ человѣка, голосъ котораго имѣетъ извѣстное значеніе, обязываетъ насъ высказаться по поводу его точки зрѣнія на затронутые имъ вопросы.

Г. Португаловъ находитъ, прежде всего, что погромы составляютъ выраженіе соціальнаго движенія четвертаго сословія, движеніе противъ эксплоатаціи евреями крестьянъ во время крѣпостного строя, въ которомъ получило начало враждебное настроеніе народа противъ евреевъ. Но это начало брошюры г. Португалова противорѣчитъ рединѣ ея, гдѣ тотъ-же г. Португаловъ, говоря о невозможности поставить въ связь соціальный русскій вопросъ съ разрѣшеніемъ еврейскаго, ссылается на то, что противъ нееврейскихъ кулаковъ народъ не проявлялъ своей вражды. Если-бы крѣпостной строй дѣйствительно былъ источникомъ враждебнаго настроенія противъ евреевъ, то, спрашивается, отчего оно фактически заявлено черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ по уничтоженіи крѣпостного права, когда положеніе подвергавшейся раззоренію еврейской

массы значительно ухудшилось именно вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, а положеніе послѣднихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили безпорядки, сравнительно съ еврейскою массою значительно улучшилось? Не въ злопамятствѣ крестьянъ, не въ ухудшеніи *ихъ* положенія слѣдуетъ искать источника погромовъ, а въ ухудшеніи положенія тѣхъ привилегированныхъ классовъ, которые черезъ два десятилѣтія послѣ освобожденія крестьянъ, перепродавъ свои земельные участки, очутились въ положеніи людей, ищущихъ избавленія отъ конкурренціи евреевъ. Такая-же перемѣна произошла въ положеніи горожанъ-кулаковъ отъ прилива евреевъ, потерявшихъ, съ уничтоженіемъ крѣпостничества, экономическую связь съ селомъ и его привилегированнымъ сословіемъ. Въ теченіе означеннаго періода времени успѣли обнаружиться результаты экономическаго кризиса, вызваннаго освобожденіемъ крестьянъ,—и на поприщѣ конкурренціи оказались лицомъ къ лицу двѣ разнородныя силы, изъ коихъ одна—опытная, привычная, дѣятельная, удовлетворяющаяся немногимъ, а другая—лишенная опыта и рутины, вялая и неразсчетливая. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ должны были принять враждебное другъ къ другу положеніе. Кто слѣдилъ собственнымъ наблюденіемъ за безпорядками, кто стоялъ небезучастно среди этого движенія, кто собиралъ матеріалы, группировалъ ихъ и приводилъ ихъ въ связь съ отношеніемъ къ дѣлу разныхъ мѣстныхъ дѣятелей,—тотъ знаетъ, что народъ здѣсь былъ ни причемъ. Антисемитическое движеніе въ Германіи и въ Венгріи, какъ выяснилось процессами и литературой, началось сверху, а народъ служилъ орудіемъ въ рукахъ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые желали свести счеты съ евреями и выбить ихъ съ позиціи, на которой конкурренція оказалась неудобною. Лучшимъ примѣромъ служитъ Галиція, гдѣ евреи, по внутреннему строю жизни, стоятъ ниже не только прочихъ евреевъ западной Европы, но и нашихъ евреевъ, и на экономическомъ поприщѣ играютъ не менѣе важную роль, чѣмъ другіе евреи, а между

тѣмъ противъ нихъ никакихъ безпорядковъ не было. Отсюда слѣдуетъ, что ни внутренняя обособленность, ни эксплоататорскія наклонности сами по себѣ не вызываютъ безпорядковъ, а въ Галиціи, по всей вѣроятности, еще есть достаточно поприща для экономической борьбы и еще не дошло до необходимости упраздненія, во что-бы то ни стало, еврейской конкурренціи. Если-бы внутренняя замкнутость и эксплоатація должны были служить источникомъ погромовъ, то 50 лѣтъ тому назадъ было гораздо больше основаній для погромовъ, чѣмъ теперь. Кромѣ того, если-бы народъ желалъ покончить съ своими эксплоататорами, результаты погромовъ должны были-бы оказаться совершенно другими; а между тѣмъ, статистически доказано, что разграблена бѣдная масса евреевъ, именно, большею частью, ремесленники, представители производительнаго труда,—не пощадили даже настоящихъ еврейскихъ земледѣльцевъ. Еще теперь не время сказать слово о безпорядкахъ, но для еврейской исторіи, вѣроятно, сохранятся матеріалы, которые бросятъ дѣйствительный свѣтъ на событія, истолкованныя самымъ произвольнымъ образомъ.

Останавливаясь, далѣе, на вызванной погромами эмиграціи, г. Португаловъ, со словъ Леруа-Болье, доказываетъ, что эмиграція en masse можетъ оказаться гибельною для русскихъ евреевъ. Это мнѣніе совершенно вѣрно; но никто, и авторъ «Самоэмансипаціи», не думаетъ вовсе объ эмиграціи en masse. На такую эмиграцію нѣтъ ни средствъ, ни необходимыхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ для ея организаціи. Напротивъ, эмиграція en masse, которая началась-было немедленно послѣ погромовъ, пріостановлена была отчасти усиліями еврейской интеллигенціи, отчасти горькимъ опытомъ зря пустившихся въ путь переселенцевъ. Надобно знать, что и до безпорядковъ положеніе большей части еврейскаго населенія было такъ незавидно, что переселеніе ихъ куда бы то ни было на разумныхъ основаніяхъ было бы актомъ гуманности и освобожденія отъ экономическаго гнета. Мысль о необходимости

перемѣнить незавидное положенiе инстиктивно покоилась въ массѣ русскихъ евреевъ, не смѣвшихъ и думать о фактической къ тому возможности. Внезапно сорвавшiеся на ихъ голову погромы вызвали инстинктивную мысль изъ состоянiя покоя и сразу дали ей толчокъ, отъ котораго пестрая масса зашевелилась. Нужно было бѣжать отъ погромовъ, которые, какъ черныя тучи, висѣли надъ горизонтомъ всѣхъ городовъ черты осѣдлости евреевъ и то здѣсь, то тамъ разражались смертоносными молнiями и громами. Если уже бѣжать нужно, то не лучше-ли подальше отъ бѣды, за самую границу? Къ тому же, на помощь поспѣшила благотворительность, которою желали поспѣшно воспользоваться, эксплоатируя временное увлеченiе минуты; кромѣ того, изъ разговоровъ министра внутреннихъ дѣлъ съ нѣкоторыми частными лицами,—разговоровъ, ставшихъ тогда извѣстными въ печати, выяснилось, что противъ эмиграцiи евреевъ ничего не имѣютъ; напротивъ, на нее даже смотрятъ весьма благосклонно. Практика тогда доказывала справедливость этого, ибо многихъ евреевъ, явившихся на границу даже безъ пáспортовъ, совершенно безпрепятственно провожали за черту отечества. Всѣ условiя были на лицо, чтобы эмиграцiя приняла экстенсивные размѣры: всѣ думали, что скоро наступитъ испанское изгнанiе. Движенiе массы имѣло на первыхъ порахъ свое основанiе въ указанныхъ выше условiяхъ; но интеллигенцiя и тогда уже удерживала ее отъ безумныхъ порывовъ въ невѣдомую даль безъ опредѣленной цѣли, а тѣмъ менѣе есть основанiе теперь допустить предположенiе, что будетъ предпринята массовая эмиграцiя. Самая мысль, высказанная авторомъ «Самоэмансипацiи» относительно территорiи, не могла подать повода къ такому заключенiю, такъ какъ она имѣетъ въ виду—путемъ продолжительныхъ, вѣковыхъ усилiй, путемъ постепеннаго переселенiя евреевъ отдѣльными семейными группами и на самыхъ рацiональныхъ основанiяхъ, создать территорiю въ смыслѣ центра тяготѣнiя къ домашнему очагу, гдѣ еврей могъ-бы чувствовать себя на

національной родинѣ. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что авторъ «Самоэмансипаціи» имѣетъ въ виду создать реальные признаки націи, т. е. территорію въ смыслѣ государственномъ. Если, по современнымъ понятіямъ, территорія считается однимъ изъ элементовъ націи въ смыслѣ государственномъ, то такое воззрѣніе вовсе необязательно для тѣхъ, которые національную связь усматриваютъ не во внѣшнихъ аттрибутахъ, а въ самомъ духѣ націи, какъ онъ выразился въ исторической жизни народа и какъ онъ разовьется въ будущемъ. Въ этомъ смыслѣ и Ренанъ понимаетъ значеніе націи. Физіономія націи слагается изъ его внутреннихъ элементовъ—изъ языка, вѣрованій, общей исторической судьбы и выработанныхъ идеаловъ будущаго. Она такъ-же мало содержится въ территоріи, на которой живетъ народъ, какъ мало характеризуется воздухомъ, свѣтомъ и другими физическими элементами, безъ которыхъ немыслима жизнь человѣка вообще. Внутренніе элементы націи отличаются такими особенностями, которыя являются присущими ей самой, въ силу духовнаго ея бытія, но не въ силу внѣшнихъ факторовъ, которыми обусловливается жизнь людей, составляющихъ націю. Пользованіе лучами солнечнаго шара, въ обладаніе которымъ государства еще не съумѣли вступить, не дѣлаетъ eo ipso этого шара элементомъ государственности. Изъ того, что въ настоящее время территорія земного шара, благодаря непосредственному отношенію къ ней человѣка, успѣла облечься правовыми формами съ положительными признаками государственности, еще не слѣдуетъ, чтобы въ далекомъ будущемъ, при высоко-нравственномъ развитіи человѣчества, не восторжествовалъ-бы древній библейскій принципъ о принадлежности земли Богу и равномъ правѣ на нее всѣхъ людей, т. е. такой принципъ, по которому земной шаръ божественнымъ разумомъ людей будетъ поставленъ въ положеніе солнечнаго, предоставленнаго всеобщему пользованію всѣхъ, безъ исключительнаго господства на немъ съ чьей либо стороны. Такимъ образомъ, государственный, національный элементъ

территоріи, съ точки зрѣнія общечеловѣческой идеи, носитъ на себѣ печать случайности и отличается характеромъ временнымъ; а въ будущемъ національное значеніе территоріи будетъ заключаться не въ проявленной надъ нею власти физическаго господства, а въ связанныхъ съ нею для народа историческихъ воспоминаніяхъ о дѣятельности, развитіи и ростѣ его въ народномъ смыслѣ. О такой территоріи думаетъ авторъ «Самоэмансипаціи», о территоріи, которая могла-бы стать современемъ національною родиною безъ власти, безъ господства въ духѣ государственности, родиною, на которой, при отсутствіи враждебныхъ элементовъ, народная жизнь могла-бы получить свое правильное, естественное развитіе.

Точно также нельзя признать правильнымъ выраженное г. Португаловымъ опасеніе, что переселеніемъ на особую территорію еврейскаго плебса, съ его устарѣлыми традиціонными воззрѣніями, можно только обречь его на застой и отрѣшеніе отъ общечеловѣческой культуры. Такое опасеніе могло-бы, на самомъ дѣлѣ, имѣть мѣсто, если-бы переселеніе имѣло въ виду исключительно одно устройство матеріальнаго положенія; но извѣстно, что оно, главнымъ образомъ, стремится къ національному возрожденію, обращая существенное вниманіе на то, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Уже изъ тѣхъ немногихъ колоній, которыя успѣли устроиться на родной землѣ, видно, что направленіе ихъ діаметрально противоположно ортодоксальному строю іерусалимской еврейской общины. Эта послѣдняя не на шутку поняла, что новые поселенцы отличаются совершенно инымъ пониманіемъ задачи своего поселенія и иными воззрѣніями на религіозный культъ. Вотъ почему между новыми поселенцами и старою іерусалимскою колоніей ортодоксально-фанатическаго типа, при первомъ столкновеніи интересовъ общиннаго единенія (погребеніе ребенка новаго поселенца), призошла схватка, потребовавшая вмѣшательства полицейской власти. Г. Португаловъ незнакомъ съ настроеніемъ эмигрантовъ и ихъ ожиданіями отъ новыхъ

поселеній. Въ то время, какъ прежніе эмигранты, составляющіе нынѣшній контингентъ Іерусалима, уходили въ Палестину съ цѣлью быть погребенными на Св. Землѣ и избѣжать подземнаго перекатыванія во время пришествія Мессіи, новые поселенцы желаютъ устроить свой бытъ вдали отъ тѣхъ сферъ, въ которыхъ имѣются на лицо всѣ препятствія, мѣшающія правильному развитію общиннаго строя. Первые отправлялись сложить свои кости на Св. Землѣ, а эти отправляются туда *жить*, выпрямить свои живыя кости и духовно возродиться; первые руководились основаніями чисто-религіозными, а послѣдніе—соціально-національными. Независимо отъ различія въ основаніи и цѣли поселенія, не надобно забывать, что настоящая эмиграція руководится и будетъ руководиться интеллигентными людьми, которые позаботятся о томъ, чтобы въ каждой колоніи были миссіонеры народнаго возрожденія, люди, испытанные въ своихъ стремленіяхъ къ прогрессу и имѣющіе всѣ необходимыя познанія вѣры и еврейской письменности для того, чтобы на почвѣ іудаизма выработать новыя правила жизни и новыя воззрѣнія на религію въ смыслѣ системы морали, свободной отъ всякой исключительности. При такомъ порядкѣ, самый ортодоксальный плебей помирится съ своимъ новымъ положеніемъ; ибо кто знаетъ хорошо евреевъ, знаетъ также и то, что самый ортодоксальный еврей, который въ своемъ скученномъ гнѣздѣ играетъ даже роль охранителя правовѣрнаго еврейства, въ другомъ мѣстѣ, куда онъ на время переѣзжаетъ, въ самой Россіи, позволяетъ себѣ такія нарушенія правилъ вѣры, за которыя онъ дома готовъ былъ-бы наложить высшую мѣру наказанія. При скученной жизни среди людей, которые искони соблюдаютъ одно и то же, рутинная традиція становится молчаливо-обязательною въ силу стадной приверженности къ выработаннымъ привычкамъ, посягательство на которыя составляетъ какъ-бы неуваженіе ко всему стаду, въ особенности когда это стадо постоянно осаждается непріятелемъ и цѣпляется за свои привычки, какъ за

единственный якорь спасенія въ борьбѣ съ угрожающею опасностью. Но если члены того-же стада волею неожиданныхъ обстоятельствъ бываютъ поставлены въ новыя условія, они, не чувствуя гнета среды, охотно принимаютъ болѣе свободныя правила жизни, какъ новое, болѣе сподручное руководство. То же будетъ и съ самыми ортодоксальными евреями, если они будутъ поставлены въ совершенно иныя условія жизни и подъ руководство людей, которые помогутъ имъ, съ точки зрѣнія лучшихъ авторитетовъ еврейской религіи, мириться съ новымъ порядкомъ вещей. Г. Португаловъ, въ отношеніи устройства эмаграціи, допускаетъ возможность примѣненія къ ней мысли Гладстона, когда за осуществленіе задачи, которую послѣдній предписываетъ государству, разумно желающему устроить дѣло колонизаціи, возьмутся совокупныя силы интеллигентныхъ евреевъ западной Европы. Разъ такое положеніе обусловливаетъ успѣхъ въ устройствѣ *тѣла* колонизаціонной общины, оно должно отличаться тѣмъ-же характеромъ въ отношеніи развитія *духа* ея. Все зависитъ отъ энергіи и умѣнія людей, которые возьмутся за осуществленіе дѣла колонизаціи во всѣхъ ея частяхъ. Въ этомъ весь центръ тяжести дѣла: если удастся сосредоточить дѣятельность колонизаціи въ рукахъ органа энергическаго, зрѣло-понимающаго ея задачу, который притомъ твердо и неуклонно будетъ идти по одному направленію, имѣя впереди одну идею о духовномъ возрожденіи націи,—то успѣхъ несомнѣненъ; но къ этому стремится авторъ «Самоэмансипаціи» и всѣ его единомышленники.

Такимъ образомъ, новая территорія, какъ изолированная отъ прежней обстановки и свободная отъ узъ традиціоннаго строя, послужитъ, напротивъ, хорошимъ средствомъ для насажденія новыхъ началъ общечеловѣческой морали и будетъ способствовать сближенію съ культурнымъ человѣчествомъ. Исторія евреевъ свидѣтельствуетъ, что даже во времена жестокаго преслѣдованія ихъ другими народами они въ своихъ

воззрѣніяхъ по отношенію къ нимъ были довольно человѣколюбивы. Въ храмѣ своемъ евреи молились за всѣ народы и приносили жертвы Богу съ цѣлію искупленія ихъ грѣховъ; послѣ разрушенія храма вплоть до позднѣйшаго времени лучшіе авторитеты евреевъ доказываютъ, что обида, нанесенная не-еврею, не только грѣхъ, но оскверненіе имени Божія. Между тѣмъ, представители другихъ ученій, въ XIX столѣтіи, разносятъ по всему міру сѣмена раздора и вражды, травятъ людей другъ на друга и не выпускаютъ изъ рукъ знамени ненависти и кровопролитія. При такихъ отвѣтахъ, какіе евреи, самые культурные, получаютъ на свое, какъ видно, безумное стремленіе къ сліянію и ассимиляціи, надобно скорѣе удивляться тому, что проявляется еще движеніе внутри интеллигентной части евреевъ, направленное къ національному возрожденію и воспринятію общечеловѣческихъ идеаловъ, а не опасаться изолированности и застоя, которые слѣдовало-бы считать весьма естественнымъ послѣдствіемъ примѣняемаго къ евреямъ порядка вещей. Знаменательно, что въ эпоху преслѣдованій и безпощадной травли евреи какъ разъ дѣлаютъ попытки не къ тому, чтобы еще болѣе замкнуться въ свою толстую, непроницаемую скорлупу національности, а къ раціональнымъ, внутреннимъ улучшеніямъ, а еще болѣе знаменательно то, что въ эту эпоху находятся между евреями-же и такіе, которые даже готовы идти со всѣмъ своимъ прошлымъ на закланіе въ угоду объятіямъ, распростертымъ съ цѣлію задушенія, готовы на самое унизительное самоуничтоженіе. При такомъ стремленіи евреевъ, можно-ли и умѣстно-ли, вообще, ставить имъ требованіе идти на встрѣчу удаляющимся миссіонерамъ «лучшаго, кристаллизованнаго» ученія, и не справедливѣе-ли было-бы лучше предложить послѣднимъ не удаляться и снизойти къ своимъ ближнимъ, которыхъ они во имя любви къ человѣчеству такъ жестоко преслѣдовали и преслѣдуютъ?

Затѣмъ намъ остается поговорить о послѣдней части бро-

шюры г. Португалова, а именно—о его возлюбленныхъ братьяхъ, объ елисаветградско-одесскомъ возсоединенномъ духовно-библейскомъ братствѣ. Всѣ говорящіе объ этомъ братствѣ, стараюся въ особенности оттѣнить тотъ фактъ, что елисаветградское братство возникло до безпорядковъ, желая этимъ выразить весьма понятную мысль, что идея о братствѣ, при самомъ возникновеніи, явилась во всей своей чистотѣ, безъ примѣси стороннихъ побужденій. Оно было-бы дѣйствительно такъ, если-бы елисаветградскіе безпорядки сорвались на голову евреевъ неожиданно, если-бы до наступленія ихъ не было о нихъ слышно. Но намъ, одесситамъ, хорошо извѣстно, что гулъ о предстоящихъ безпорядкахъ въ Елисаветградѣ носился по воздуху гораздо раньше ихъ появленія, что елисаветградскіе евреи имѣли время хлопотать даже у одесскаго высшаго начальства о военной охранѣ, стало быть, имѣли достаточно времени на вдохновленіе и образованіе выдѣляющагося кружка евреевъ, яко-бы не заслуживающихъ неделикатнаго обхожденія. Вотъ, напр., одесскіе братья этого сказать не могутъ: они выставили свое знамя какъ разъ, когда уже не только слышенъ былъ запахъ крови, но когда она уже проливалась. Замѣчательно, что эти братства возникли не такъ, какъ возникаютъ вообще братства съ новымъ ученіемъ. Эти братства сочли нужнымъ огласить въ печати о своемъ существованіи, а одесскіе даже прямо просили, умоляли въ печати о выдачѣ каждому изъ нихъ, еще до проявленія заслугъ, за одно печатное провозглашеніе о своемъ возникновеніи, особаго значка—не *за* отличіе, о которомъ не могло быть рѣчи въ эту раннюю пору, а *для* отличія отъ другихъ, отличія довольно недвусмысленнаго. Еще болѣе замѣчательно то, что оба братства, какъ положительно извѣстно здѣсь, ищутъ полицейскаго благословенія и, кромѣ того, драппируются въ непристойную для нихъ тогу патріотизма, выдвигая его, какъ явно ханжескій пріемъ, на первый планъ, а г. Португаловъ относится къ нему такъ одобрительно, что чуть-ли не отдаетъ ему

мѣсто въ ряду «основъ» братства. Какой-то странный порядокъ возникновенія секты, не имѣющій примѣра въ исторіи сектантства! Но оставимъ это въ сторонѣ и перейдемъ къ существу дѣла. Уже г. Дубновъ и «Отечественныя Записки», удостоившія г. Португалова отзывомъ о его брошюрѣ, указали на безпочвенность этихъ духовно-библейскихъ братствъ и на то, что у нихъ не можетъ быть никакой будущности. Русское сектантство, соединеніе съ которымъ на почвѣ основъ духовно-библейскаго братства предвидитъ г. Португаловъ, ничего общаго съ нимъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. Оно возникло совершенно на иной почвѣ,—на почвѣ протеста противъ соціально-экономическаго строя, какъ это доказано въ русской литературѣ, преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ». Всѣ русскія секты, начиная отъ раскольниковъ и вплоть до новѣйшаго штундизма, прониклись недовольствомъ соціально-экономическаго быта и обнаруживали энергическое стремленіе создать иной бытъ, на лучшихъ началахъ, совершенно противоположный тому, изъ котораго вышли. При этомъ, одни изъ нихъ, будучи преслѣдуемы за выдѣленіе изъ общаго строя, бѣжали въ пустыни и дремучіе лѣса и колонизировались по-своему какъ это дѣлали раскольники и теперь дѣлается русскими евреями, не принадлежащими къ братству. Другіе-же, возникшіе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, регулируютъ свой матеріальный бытъ по началамъ новаго вѣроученія, такъ какъ окружающія условія соціально-экономическаго быта лишены этихъ началъ и имъ противорѣчатъ. Будучи, съ точки зрѣнія сектаторовъ, протестомъ противъ существующаго порядка, новое ученіе не считаетъ возможнымъ строить свой бытъ по началамъ этого порядка, видитъ въ послѣднемъ опасную почву для удержанія традиціонныхъ или вновь выработанныхъ началъ морали, и увлекаетъ своихъ послѣдователей или вовсе выйти изъ окружающей среды, или устроиться въ ней по новымъ началамъ. Видно, такимъ образомъ, что выдѣляющаяся или устраивающаяся сек-

та имѣетъ опредѣленный бытъ, опредѣленную матеріальную основу, или ищетъ новой почвы для образованія такой основы, какъ центра, около котораго группируются выдѣлившіеся члены новаго братства. Какъ ни велики начала новаго вѣроученія, но безъ опредѣленнаго типа общежитія, безъ матеріальнаго тѣла, проявленіе духовныхъ началъ будетъ лишено почвы для примѣненія. Какая-же, спрашивается, есть матеріальная основа общежитія у членовъ братства, которые со вчерашняго дня только завели знакомство и составляютъ разношерстную компанію лицъ, изъ которыхъ одинъ учитель, другой адвокатъ, третья готовящаяся въ акушерки дѣвица, или модистка, а въ лучшемъ случаѣ экзальтированная жена присяжнаго повѣреннаго. При какихъ разнообразныхъ и различныхъ другъ отъ друга условіяхъ слагались мотивы жизни этихъ лицъ, вышедшихъ изъ разнородныхъ общественныхъ группъ! Отсутствіе матеріальной, объединяющей ихъ почвы общежитія, которое желательно было сохранить, какъ дорогое всѣмъ цѣлое; неимѣніе никакой рѣшительно возможности прилагать къ чему-либо, какъ къ осязательному, для всѣхъ видимому порядку, новыя воззрѣнія,—не должна-ли такая безтѣлесность призываемаго къ жизни духовнаго организма указать и на безцѣльность дѣятельности послѣдняго? Къ чему весь этотъ обильный дождь рѣчей, искусственно подогрѣваемыхъ душевнымъ огнемъ, когда сѣмена бросаются въ безпочвенное пространство? Сегодня братство собирается и трактуетъ о высокихъ матеріяхъ общечеловѣческой морали, объ основахъ разумнаго общежитія, а завтра всѣ расходятся въ различные углы: одинъ требуетъ 25 рублей за сомнительную справку мѣстнаго свойства, другой дѣлаетъ все возможное для добыванія уроковъ, третья занимается подготовкой къ будущему труду, а четвертая воспринимаетъ всѣ блага жизни безъ всякаго труда, въ надеждѣ искупить свою безцѣльную жизнь принадлежностью къ братству. Соединяющая такихъ членовъ идея является совершенно безплодною для нихъ

самихъ—въ виду недостатка объединяющаго ихъ образа жизни, и лишена убѣдительности для другихъ—въ виду недостатка нагляднаго примѣра непосредственнаго вліянія новаго ученія на самую жизнь и ея живые интересы. Возлюбленные г. Португаловымъ братья очень хорошо чувствовали безпочвенность своихъ основъ, и вотъ почему они прибѣгли къ столь порицаемому г. Дубновымъ обѣщанію улучшенія, при помощи новаго ученія, самаго экономическаго быта библейцевъ. Но этотъ мотивъ, экономическій, является только заимствованнымъ извнѣ, у штундистовъ, и формально пригнаннымъ къ основамъ безъ всякаго матеріальнаго содержанія, потому что онъ вовсе не вяжется съ ними и не можетъ имѣть съ ними никакихъ точекъ соприкосновенія. У штундистовъ этотъ мотивъ имѣетъ жизненный характеръ, онъ связанъ съ системою общежитія, онъ проникаетъ всѣ ея стороны и, какъ явленіе реальное, осязаемое на дѣлѣ, онъ дѣйствуетъ во всеоружіи своей убѣдительности на другихъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе руководящихъ общежитіемъ началъ. Чѣмъ-же является тотъ-же мотивъ въ устахъ библейцевъ? Ничѣмъ инымъ, какъ пустѣйшею приманкой для другихъ и самообманомъ для библейцевъ! И такъ у всѣхъ другихъ сектантовъ мы встрѣчаемся съ живущими организмами, въ которыхъ тѣло и душа такъ переплетаются, что невозможно отдѣленіе, а у библейцевъ мы встрѣчаемся съ витающимъ въ воздухѣ духомъ, безъ тѣлесной оболочки, малѣйшихъ даже признаковъ остова или скелета, на которомъ можно было-бы созидать органическія клѣточки. Вотъ почему другія секты въ самое короткое время достигли такого широкаго распространенія, а духовно-библейске братство вертится въ своемъ бѣличьемъ колесѣ, которое увеличивается лишь тогда, когда является лицо, отъ котораго можно ожидать рекламы и на котораго собираются поглядѣть люди, ничего общаго съ братствомъ не имѣющіе. Вотъ почему духовно-библейское братство, по справедливому замѣчанію г. Дубнова, не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ жиз-

ни, а, по нашему мнѣнію, содержитъ въ себѣ всѣ элементы самаго близкаго разложенія, хотя, признаться, этимъ сказано еще много, потому что разложенію предшествуетъ кое-какая жизнь, а здѣсь и начала ея не было. Это братство вышло изъ праха, изъ разрушенія, изъ безпорядковъ, и къ этому-же праху возвратится.

До сихъ поръ мы говорили о библейцахъ съ точки зрѣнія ихъ происхожденія и матеріальныхъ условій существованія ихъ ученія, безъ всякаго отношенія къ ихъ изолированности и характеру ихъ «основъ». Если-же обратимся къ оцѣнкѣ этихъ условій братства, то оно окажется еще менѣе состоятельнымъ. Братство это не имѣетъ никакихъ корней въ народной массѣ, для которой собственно, по существу всякой пропаганды, и могло-бы имѣть смыслъ его ученіе. Между тѣмъ, братство возникло въ средѣ интеллигентовъ, которые не имѣютъ и никогда не имѣли ничего общаго съ народомъ. Народъ, еврейская масса, никогда не слыхала о представителяхъ братства, и очень естественно то, что до нея не дошло еще даже свѣдѣніе о его существованіи. Но если-бы члены братства даже обладали всѣми способностями проникнуть въ массу (а эти способности у нихъ отрицаются), то, спрашивается, чтò они могли-бы преподнести ей, какъ средство исцѣленія отъ нравственныхъ недуговъ? Быть можетъ—основы? Но бѣдная, истощенная масса, въ числѣ $^{99}/_{100}$ всего русскаго еврейства, обреченная на совершенную неопредѣленность положенія, давимая сверху и снизу, лишенная прирожденныхъ человѣческихъ правъ, даже правъ свободнаго передвиженія, должна перебиваться изо дня въ день для снисканія средствъ къ существованію, и ей некогда заниматься теоретическими сужденіями о томъ, чтò лучше и нравственнѣе. Такая масса вправѣ сказать библейцамъ: «Вы проповѣдуете любовь къ труду, и еще земледѣльческому; но, къ крайнему сожалѣнію, у насъ нѣтъ поприща для приложенія труда; у насъ уже трудъ развитъ до того, что предложеніе его превышаетъ спросъ;

само правительство пришло къ этому убѣжденію и недавно закрыло житомірское ремесленное училище,—а туда, гдѣ нашъ трудъ могъ-бы быть производителенъ, насъ не пускаютъ. Откройте намъ прежде для труда поприще, а тамъ увидимъ, нужна-ли будетъ намъ ваша проповѣдь о трудѣ,—мы и безъ проповѣди, по указаніямъ жизни, переполнили всѣ углы, гдѣ только трудъ приложимъ. Дайте намъ землю для обработки, устройте намъ бытъ на здравыхъ началахъ земледѣлія, а затѣмъ проповѣдуйте о земледѣльческомъ трудѣ. Вы требуете уничтоженія корыстолюбія и одного изъ рѣзкихъ проявленій его—ростовщичества, но мы никому денегъ въ ростъ не даемъ по очень простой причинѣ, что сами ничего не имѣемъ и намъ ихъ даже взаймы не даютъ, или даютъ и эксплоатируютъ все, что у насъ есть. Дайте намъ возможность трудиться и устроить наше положеніе такъ, чтобъ мы могли собственнымъ трудомъ жить, и вамъ не нужно будетъ бороться противъ растовщичества, которое лишено будетъ почвы для эксплоатаціи. Вы требуете оставленія унизительнаго промысла кабацкимъ дѣломъ,—вы совершенно правы, мы сами чувствуемъ неладность занятія, но что прикажете дѣлать безчисленнымъ семействамъ, которыя, вслѣдствіе загражденія доступа къ другимъ занятіямъ и закрытія черты осѣдлости, исторически предоставлены этому именно промыслу. Доставьте намъ, ради Бога, другое, болѣе честное занятіе, и мы бросимъ это постыдное дѣло».—Понятно, что еврейская масса вправѣ требовать, чтобы интеллигентные братья по вѣрѣ позаботились прежде всего объ измѣненіи ея безвыходнаго экономическаго положенія, объ уничтоженіи юридическихъ и фактическихъ преградъ къ безбѣдной ея жизни, и затѣмъ уже, въ свою очередь, предлагали ей требованія морали. Но въ томъ положеніи, въ которомъ теперь находится масса русскихъ евреевъ, ее такими баснями, какъ «основы» духовно-библейскаго братства, кормить нельзя. До морали, до практическаго ея осуществленія въ жизни, необходимъ хлѣбъ. Изреченіе: «не о хлѣбѣ единомъ

живъ будетъ человѣкъ» уже предполагало существованіе хлѣба до глагола проповѣди, а мораль іудаизма также говоритъ о томъ, что «безъ хлѣба нѣтъ ученія», т. е., что матеріальное обезпеченіе должно предшествовать всякому ученію, и ученію о нравственности. Если г. Португалову и удалось откопать уральское «десное братство» и указать на него какъ на примѣръ возможности возникновенія секты въ средѣ интеллигенціи, то, если-бы этотъ примѣръ и могъ быть возведенъ въ общее правило, онъ все-таки оказался-бы неприложимымъ къ еврейской массѣ. Если къ ней и проникаетъ вліяніе интеллигентнаго человѣка, то только тогда, когда онъ уже извѣстенъ ей какъ народолюбецъ, глубоко преданный ея интересамъ, готовый на самопожертвованіе въ пользу народнаго дѣла, но никакъ уже никому невѣдомые представители духовно-библейскаго братства, которые не только народу неизвѣстны, но мало чѣмъ извѣстны интеллигентному еврейству. Если г. Португаловъ подмѣтилъ пропасть, отдѣляющую культурное еврейство отъ некультурнаго, то онъ самъ-бы долженъ былъ остановиться на мысли объ отсутствіи всякой связи между библейцами и массою и что для того, чтобы пользоваться народною симпатіею, необходимы кое-какія заслуги и нѣчто болѣе важное, чѣмъ образованіе библейскаго братства и самообольщеніе своимъ пророческимъ призваніемъ, нуждающимся, притомъ, въ оффиціальномъ содѣйствіи.

Самыя «основы» не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, что надо было-бы выслушать изъ устъ библейцевъ. Самый методъ толкованія библіи съ цѣлію привести ее въ соотвѣтствіе съ новыми условіями и требованіями жизни уже свидѣтельствуетъ о томъ, что библейцы, въ сущности, хорошо вышколенные талмудисты, знакомые съ талмудическою герменевтикой. Г. Португаловъ, правда, утверждаетъ, что библейцы отрѣшены отъ талмуда и даже не знаютъ его; но г. Ф. въ «Одесскомъ Листкѣ» отъ 13 апрѣля, въ отзывѣ своемъ о брошюрѣ г. Португалова, увѣряетъ, напротивъ, что ему лично

извѣстно, что нѣкоторые члены братства хорошо знакомы съ талмудомъ. Не поступаютъ-ли библейцы такъ съ талмудомъ, какъ поступали столь возлюбленные г. Дубновымъ теологи, т. е., устраняютъ его именно потому, что, если-бы они къ нему обратились за разъясненіемъ всѣхъ библейскихъ сомнѣній, они бы нашли въ немъ несравненно болѣе того, что они извлекаютъ своими крошечными усиліями изъ библіи, и должны были бы упразднить свои «основы». Теологи XIX столѣтія, очевидно, понимаютъ свое дѣло не хуже теологовъ эпохи Возрожденія, и да извинятъ они меня, если я скажу, что они своими «основами» могутъ дурачить людей чрезвычайно наивныхъ, а подчасъ и умныхъ, но наивныхъ въ данномъ вопросѣ. Если-бы г. Португаловъ полюбопытствовалъ зайти въ любую синагогу, или бесъ-гамедрашъ, и послушалъ тамъ безъискусственныя слова проповѣдника и его толкованіе библіи, и если-бы онъ видѣлъ его слушателей и то вниманіе, которое они оказываютъ своему безкорыстному учителю, онъ пришелъ-бы, судя по его натурѣ, способной увлекаться, въ неописанный восторгъ и получилъ-бы еще болѣе свѣтлое понятіе о той религіи, къ которой, какъ видно, ему внушилъ уваженіе Ренанъ. Но эта даровая проповѣдь божьяго слова, это искреннее стремленіе поучать народъ, а не акушерокъ, адвокатовъ и ихъ женъ, эта безхитростная рѣчь, обращенная къ народу на его языкѣ и пользующаяся извѣстными пріемами герменевтики,—все это дѣлается такъ тихо, безъ всякаго шума и безъ всякаго благословенія со стороны квартальнаго, что невольно радуешься несомнѣннымъ признакамъ потребности народа въ нравственной бесѣдѣ. Мы сами были лично поражены проходя мимо одной синагоги, монотонными звуками раздававшейся въ необычное время рѣчи, которые завлекли меня съ дѣтьми въ синагогу. Я былъ удивленъ, увидѣвъ на скамьяхъ разсаженными, въ качествѣ учениковъ, взрослыхъ евреевъ съ бородами и въ шапкахъ, которые всѣ внимательно слушали изъ устъ сидѣвшаго рядомъ съ ними учителя чтеніе библіи,

объясненіе и толкованіе ея. Мое присутствіе и дѣтей нисколько не смущало ни учителя, ни учениковъ, и нельзя было не порадоваться тому, что между простыми евреями находятся люди, которые въ сильной степени обладаютъ естественными педагогическими пріемами и умѣньемъ извлекать нравственныя правила изъ простого библейскаго разсказа, а съ другой—и такіе, которые въ субботніе дни собираются слушать своего любимаго учителя. Такихъ проповѣдниковъ, какъ библейцы, но проникнутыхъ искреннею любовью къ своему народу и безпредѣльною ему преданностію, у евреевъ очень много, и о нихъ и ихъ нравственныхъ поученіяхъ никто не кричитъ и не рекламируетъ,—а вотъ нашлись библейцы, которые публично, во всѣхъ газетахъ, прокричали о томъ, что они презираютъ кабацкій промыселъ и ростовщичество, что у нихъ есть широкое желаніе стать на мѣсто пророка Исаіи, именно Исаіи, и обняться со всѣмъ человѣчествомъ,—какъ о нихъ забили въ набатъ, они кричатъ сами и просятъ, чтобы о нихъ кричали, и выходитъ больше шума, чѣмъ дѣла: знать, бочка должна быть пуста, когда производитъ такую трескотню!

Теперь, взгляните на самыя «основы». Подъ основами, или основными правилали религіи, или морали, слѣдуетъ разумѣть такія общія правила, которыя разрѣшаютъ въ принципѣ множество вопросовъ, подходящихъ подъ самое правило. Но можно-ли возвести въ общее правило частныя проявленія дѣятельности цѣлыхъ общественныхъ даже группъ,—дѣятельности вызываемой временными соціально-экономическими условіями жизни? Всѣ эти частныя правила объ уничтоженіи кабацкаго промысла, ростовщичества, пустыхъ забавъ и игръ, объ установленіи земледѣльческаго труда—имѣютъ отчасти отрицательное значеніе, отчасти временный характеръ. Чрезъ короткое время, благодаря измѣненію соціально-экономическаго строя, могутъ исчезнуть эти частныя условія жизни, или окажется невозможнымъ примѣненіе того или другого вида труда,—и тогда исчезнетъ необходимость въ преподанныхъ правилахъ, и

общество остается безъ руководящихъ принциповъ морали без такихъ основъ, которыя исключаютъ возможность проявленія не тѣхъ или другихъ временныхъ и случайныхъ дѣйствій, а вообще всего того, что подъ данную основу не подходитъ. Если Гиллель говоритъ намъ: «люби ближняго, какъ самого себя,—вотъ основа, а все прочее имѣетъ второстепенный характеръ», то эта основа заключаетъ въ себѣ всевозможныя дѣйствія, совершаемыя независимо отъ времени, мѣста и характера ихъ совершенія. При такой основѣ, ростовщичество, кабацкій промыселъ,—всякое другое занятіе, соединенное съ эксплоатаціей ближняго, оказываются невозможными. Но когда вмѣсто основы ставятъ одно, или два, или три изъ безчисленныхъ случаевъ, которые могутъ и должны быть сосредоточены въ общемъ правилѣ, какъ въ свѣтовомъ центрѣ, изъ котораго всѣ они выходятъ, то основы лишены крѣпкихъ устоевъ, и, находясь въ зависимости отъ временныхъ и случайныхъ условій, исчезаютъ вмѣстѣ съ ними и нуждаются въ замѣнѣ новыми. Развѣ такія отрицательныя условія жизни, именуемыя основами, могутъ имѣть примѣненіе ко всему человѣчеству? Для многихъ мѣстъ земного шара, для многихъ общественныхъ, соціальныхъ группъ они составляютъ пустой звукъ, безъ всякаго жизненнаго значенія. Вотъ почему, намъ кажется, г. Португаловъ между основами братства ставитъ одну, изъ которой видно, что не основы, а само братство должно распространяться на все человѣчество; но включить все человѣчество въ такія тѣсныя рамки морали будетъ немного трудно. Такимъ образомъ, ни по источнику происхожденія, ни по матеріальнымъ условіямь быта библейцевъ, ни по ихъ изолированному положенію, ни по самому характеру своихъ основъ, новая секта не имѣетъ никакой будущности и лишена всякаго значенія какъ для евреевъ, такъ и для всего человѣчества.

И такъ, путь самоотреченія есть путь самый шаткій для возрожденія націи, потому что, отрекшись отъ своего прошлаго, отъ всего того, что составляетъ дорогое достояніе націи,

вать даже и думать о возсозданіи чего-либо новаго на началахъ, выдаваемыхъ за противоположныя господствовавшимъ въ религіи народа, или лишенныхъ принципіальной почвы. Современное положеніе русскихъ евреевъ нуждается совершенно въ другихъ средствахъ улучшенія: съ одной стороны, соціальныя несправедливости, причиняемыя еврейской массѣ ограничительными законами и угрожаемой ежеминутно опасностью, указываютъ ей на необходимость уйти отъ этихъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ никакой вообще бытъ не оказывается для нихъ возможнымъ. Надо, слѣдовательно, дать возможность самымъ несчастнымъ изъ нихъ, которые не имѣютъ вовсе возможности держаться на колеблющейся подъ ихъ ногами почвѣ, всему тому излишку еврейскаго населенія, который здѣсь уже фактически вышелъ изъ строя и образуетъ нѣчто въ родѣ изгоевъ, надо дать ему выходъ эмиграціею, которая является соціально-экономическую неизбѣжностью. Но, разъ уже эмиграція есть неизбѣжность, необходимо также заботиться о томъ, чтобы она была удовлетворительно устроена; необходимо подумать, чтобы на новомъ мѣстѣ созданы были новыя условія внутренней жизни на основаніи тѣхъ началъ, которыя являются неоторванными отъ народной почвы,—началъ, имѣющихся въ изобиліи въ ученіи іудаизма и отличающихся общечеловѣческимъ характеромъ; надобно тамъ, среди новыхъ колоній, поселить нѣсколькихъ Негеміевъ, которые усердно проводили-бы на практикѣ эти новыя начала и мало по малу заводили-бы внутренній бытъ народной жизни; надобно, такимъ образомъ, создать центръ съ типическимъ строемъ на новыхъ началахъ, куда-бы могъ тяготѣть въ будущемъ всякій излишекъ населенія въ той или другой странѣ, гдѣ, по условіямъ ея, онъ образоваться можетъ, для того, чтобы эмигранты, при переселеніи, могли пользоваться уже готовыми формами общежитія. Такой выходъ будетъ полезенъ не только для евреевъ, но и для тѣхъ государствъ, гдѣ они будутъ жить и гдѣ экономически-соціальныя условія не будутъ под-

готовлены къ доставленію всему населенію, безъ разли исповѣданій, одинаковыхъ средствъ благосостоянія. Что такой порядокъ еще долго будетъ продолжаться въ нѣкоторыхъ государствахъ,—за это ручается то, что экономическій строй измѣняется только вѣками, а предразсудки—тысячелѣтіями. Слѣдовательно, указанный выше выходъ будетъ соединенъ съ обоюдною пользой. Съ другой стороны, необходимо также въ остающемся населеніи измѣнить внутреннія условія жизни, нужно завести борьбу съ внутренними предразсудками,—а въ этомъ отношеніи необходимо дѣйствовать на молодое поколѣніе учащихся во всѣхъ школьныхъ сферахъ. Необходимо оказывать поддержку учащимся во всѣхъ заведеніяхъ имперіи—низшихъ, среднихъ и высшихъ, необходимо учреждать преимущественно народныя школы съ безплатнымъ обученіемъ на общественныя средства. Для того-же, чтобы поддерживать въ общей массѣ русско-еврейскихъ общинъ уровень еврейскаго знанія, необходимо учредить четыре раввинскихъ семинаріи—въ Петербургѣ, Одессѣ, Вильнѣ и Варшавѣ—по образцу иностранныхъ и также на общественный счетъ. Изъ этихъ заведеній будутъ выходить подготовленные учители и раввины, которыхъ призваніе будетъ состоять въ развитіи еврейскаго общиннаго дѣла сообразно идеѣ общечеловѣческаго прогресса на манеръ духовныхъ представителей общинъ западной Европы. Затѣмъ, для той же цѣли необходимо также содѣйствіе русско-еврейской печати, содѣйствіе, лишенное партіозности, основанное на искренности и преданности народнымъ интересамъ въ истинномъ ихъ значеніи, безъ вниманія къ требованіямъ и предразсудкамъ различныхъ партій. Ея содѣйствіе должно состоять въ разработкѣ и изданіи исторіи евреевъ, но не въ томъ видѣ, какъ она издается теперь—въ переводѣ пространныхъ историковъ, сочиненія которыхъ могутъ имѣть интересъ для спеціалистовъ, но не для молодежи. Для этой послѣдней необходимо изданіе популярной исторіи евреевъ по важнѣйшимъ эпохамъ съ обращеніемъ вниманія на

двигающихся дѣятелей каждой эпохи и на характеръ ихъ дѣятельности—политической, практической, ученой, литературной и общественной. Такія отдѣльныя картины различныхъ эпохъ, въ живомъ изложеніи, могутъ скорѣе запечатлѣться въ молодомъ умѣ, чѣмъ пространное и скучное изложеніе фактовъ, еще нуждающихся въ освѣщеніи. Затѣмъ, разработка лучшихъ частей талмуда въ такомъ-же живомъ изложеніи—по предметамъ, эпохамъ и біографіямъ выдающихся агадистовъ,—можетъ также интересовать научно-образованную молодежь. Иные русскіе ученые больше интересуются нашею письменностью, чѣмъ сами евреи: такъ, недавно г. Соловьевъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» статью о легендахъ талмуда, въ которой матеріалъ, очевидно, заимствованъ изъ недавно появившагося въ нѣмецкомъ сборникѣ перевода талмудической агады. Легенды эти отразились и на русскихъ былинахъ. Изъ такой интересной части талмуда, какою представляется агада, изобилующая поэтическими формами и самымъ разнообразнымъ цвѣтомъ различныхъ областей знанія, представляется обширное поле для разработки съ цѣлію заинтересовать къ ней еврейскую молодежь. Словомъ, необходимо въ литературѣ отдѣлить особое мѣсто для разработки въ указанномъ выше духѣ всего лучшаго изъ богатой матеріаломъ еврейской письменности и, такимъ образомъ, поднять національное самопознаніе еврейской молодежи, какъ части культурнаго человѣчества.

Итакъ, по двумъ теченіямъ должно идти возрожденіе русскихъ евреевъ: одно—въ постепенной эмиграціи, устройствѣ территоріальнаго центра съ типическимъ строемъ общежитія на началахъ общечеловѣческихъ, а другое—въ дѣятельности интеллигенціи, направленной на серьезную, разностороннюю работу съ цѣлію вызвать къ жизни народное самосознаніе, не противорѣчащее началамъ общечеловѣческой морали. Для направленія этихъ двухъ теченій по правильному пути будетъ, конечно, надобность въ энергически-дѣятельномъ органѣ интел-

лигентныхъ силъ; но мы увѣрены, что именно обострившееся положеніе еврейскаго вопроса, не только у насъ, но и у иностранныхъ евреевъ, вызоветъ къ жизни такой необходимый органъ. Всеобщее возбужденіе умовъ въ сферѣ различныхъ общественныхъ группъ, повсемѣстное учрежденіе заграницей братствъ и обществъ, имѣющихъ цѣлію возрожденіе еврейской науки и самого еврейства, служатъ лучшимъ ручательствомъ возможнаго успѣха въ указанномъ выше направленіи. Смѣемъ думать и надѣяться, что теперь наступило время для дѣятельности въ народномъ смыслѣ и что необходимо эксплоатировать всеобщее настроеніе и пользоваться имъ для лучшаго устройства внѣшняго и внутренняго быта евреевъ. Побольше искренности, поменьше двуязычія, побольше прямоты и поменьше лицемѣрія; побольше честности и поменьше заигрыванія, побольше самосознанія и поменьше самоотреченія,— вотъ что необходимо для того, чтобы повести впередъ народное дѣло!

